

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

Ю. В. БОНДАРЕВ,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Т. В. ДОРЕНИНА,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
Ю. М. ЛОЩИЦ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
Д. Н. НИКОЛАЕВ,
Ю. М. ПАВЛОВ,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
З. ПРИЛЕПИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
В. В. СОРОКИН,
А. Ю. УБОГИЙ,
В. Г. ФОКИН,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ,
С. А. ШАРГУНОВ,
В. А. ШТЫРОВ

Проза

- Сергей МИХЕЕНКОВ
Железная воля.
Повесть 6
- Владимир СИТНИКОВ
Мика Длиннорукий.
Рассказы 63
- Владимир УРУСОВ
Железные солдаты.
Повесть 91

Поэзия

- Виктор ВЕРСТАКОВ
Век другой и другая война 3
- Василий КАЗАНЦЕВ
Счастья зов 59
- Поэтическая мозаика 104
- Мао ЦЗЭДУН
Улыбка и песня на смелых устах
(с предисловием
Ю. КЛЮЧНИКОВА) 109
- Иракий АБАШИДЗЕ
Разговор с тенью Мао Цзэдуна
(предисловие Ст. КУНЯЕВА) 119

Очерки и публицистика

- Чжэн ТИУ
Писатели любят друг друга 123
- Игорь ШУМЕЙКО
Советские “орлы” над
“китайским Сталинградом” 127
- Михаил ДЕЛЯГИН
2024: Новые цели —
глобальная перспектива 130
- Сергей КАРА-МУРЗА
Образ народного хозяйства 134
- Владимир КАРПОВ
Колонна 23, или Прочерк
в истории 144
- Владимир ПОПОВ
“...И вся ещё не прожитая жизнь”.
Главы из книги 152
- Михаил ЧВАНОВ
Лестница в небо 174

Р е д а к ц и я

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
зам. главного редактора —
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
зав. отделом прозы —
(495) 625-30-47

Отдел прозы —
(495) 625-57-45

С. С. Куняев —
зав. отделом критики,
отдел поэзии —
(495) 625-02-81

С. С. Зотов —
ред. отдела публицистики —
(495) 625-30-47

Е. Н. Евдокимова —
зав. редакцией —
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
зав. техническим центром —
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
гл. бухгалтер —
(495) 625-89-95

Николай НИКАНДРОВ
Найти и вернуть 182

Борис ТАРАСОВ
“Передовые люди” о прошлом,
настоящем и будущем
(окончание) 204

Критика

Алексей ВУЛЬФОВ
В восторгах умиления 226

Роберт БАЛАКШИН
Знамя народа 235

Александр ЯРОВОЙ
Борис Олейник:
начало вечности 255

Отечественный архив

Олег ШЕСТИНСКИЙ
Лестница 81

Эхо съезда

“Всё не так, ребята...”
(Письма писателей) 267

Станислав КУНЯЕВ
Клевета всё потрясает... 283

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией. Срок хранения рукописей один год. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Подписаться на журнал по минимальной цене можно в редакции (пн.-чт. с 12 до 17 ч.)

Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес электронной почты: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по электронной почте не принимаются)
Адрес сайта в интернете: www.nash-sovremnik.ru

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов; Оператор: Н. С. Полякова;
Корректоры: С. А. Артамонова, Н. А. Павлова

При изготовлении оригинал-макета журнала использованы шрифты ООО НПП "ПараТайп".
Журнал зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.

Подписано в печать 08.05.2018. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.

Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 22,9. Заказ № 923-2018. Тираж 4500 экз.

Отпечатано в АО "Красная Звезда", 123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-21-12, (495) 941-32-09 www.redstarph.ru e-mail: kr_zvezda@mail.ru

ВИКТОР ВЕРСТАКОВ

ВЕК ДРУГОЙ И ДРУГАЯ ВОЙНА

ПСАЛТИРЬ

Какие страшные слова,
какие злобные призывы...
А всё-таки Псалтирь жива,
пока в России люди живы.

Он и в деяниях был такой,
сей царь Давид, певец и воин,
карая собственной рукой
тех, кто был Бога не достоин.

Высокомерный иудей,
ревнивый, яростный, жестокий,
он сладострастие идей
вносил в расплавленные строки.

Так почему поныне мы,
смирненные сыны России,
читаем гневные псалмы
и поражаемся их силе?

ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 году в семье офицера-фронтовика. Окончил Военно-инженерную академию имени Ф. Э. Дзержинского. Полковник в отставке. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живёт в Москве и тверской деревне Бирюльки.

Не в смысле дело, не в словах —
они в псалмах важны едва ли, —
а в том, что тыщу лет в церквах
их наши предки бормотали.

БАБА ГАЛЯ

Ей бы зубы подлечить и вставить,
и одежду помоднее справить,
выспаться, подкраситься чуть-чуть —
было б любо-дорого взглянуть!

Только в исторической Смердыни,
что Лесным районом стала ныне,
на краю владения Твери,
тяжко бабам жить, чёрт побери!

Мужики спиваются идохнут,
земли нераспаханные сохнут,
школы и больницы на замке,
пусто на душе и в кошельке.

Для чего поэзия и проза,
если ни завода, ни колхоза
не осталось на родной земле —
лишь церквушка теплится в селе.

Баба Галя ходит на обедни,
робко причащается последней,
горбится, скрывая стать и рост,
и домой бредёт, как на погост.

Мы друг другу нравимся, но тайно.
Если даже встретимся случайно,
то проститься поскорей спешим.
Бабе Гале тридцать с небольшим...

ТАТУИРОВКА

Потускнели друзей имена,
пожелтела та фотобумага,
где за кадром бушует война,
а на лицах блистает отвага.

Победили, семью завели,
кто в сражениях не полегли,
и война за любовью, за бытом
стала снимком в альбоме забытом.

Помню, лет этак в шесть или пять
я смотрел на отца, как неловко
он пытался, чтоб маму унять,
с кисти вывести татуировку.

Мать зудела тогда на него,
обзывала аж вором в законе
за четыре-то буквы всего —
имя друга военного: “Лёня”.

И отец добросовестно тёр
эти буковки пористой пемзой,
прикрываясь улыбкой нетрезвой,
словно бы и всамделишный вор.

И остались четыре пятна
на отцовской израненной коже.
...Век другой, и другая война,
остальное всё будет похоже.

* * *

Что, если будущего нет?
Не потому, что белый свет
вдруг станет темнотою
межзвёздною пустою,
и люди обратятся в прах,
не одолев последний страх
пред вечностью и Богом
за ядерным порогом.

Нет, человечество вполне
сумеет жить и на Луне,
и на любой планете,
на том и этом свете.

Людские выживут тела,
но без души. И все дела.

У ОЗЕРА

В деревне избушка стояла,
в ней жил офицер отставной.
И дела ему было мало,
что станется с бывшей страной.

Он дрался в горах Гиндукуша,
он Ближний Восток усмирял,
губил свою грешную душу,
а всё-таки не потерял.

Но скоро держава родная
пошла добровольно ко дну.
— Такую страну я не знаю, —
сказал он и бросил войну.

Уехал в деревню глухую
у озера между лесов,
забыл там про службу лихую
и душу закрыл на засов.

Он с лодки железной рыбачит,
он русские песни поёт.
А если случайно заплачет,
то выпьет, и это пройдёт.

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ

ПОВЕСТЬ

Наш постоянный автор Сергей Михеенков работает над новой книгой “Берлин-45”, которая состоит из повестей о героях Берлинской операции.

ДРАКА ПРЕДСТОИТ СЕРЬЁЗНАЯ...

Предисловие

...лишь несколькими сражениям суждено будет стать символами войны, и среди них обязательно будет битва за вражескую столицу.

Алексей Исаев. Битва за Берлин.

Берлинская наступательная операция, проведённая Красной армией в апреле-мае 1945 года, стала апофеозом Великой Отечественной войны. Взятие Красной армией Берлина, гибель и пленение военной и политической верхушки Третьего рейха поставили точку в войне на европейском театре. Решение японской проблемы было делом времени, по расчётам штабов, полтора-двух месяцев. Так оно и вышло.

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор пятнадцати книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Войска центра, сделав необходимую перегруппировку и накопив достаточное количество сил и средств, бросились в последнюю атаку.

Но прологом последнего штурма были зимние сражения 1944–1945 годов. В том числе и на Западном фронте, где наступали союзники.

Маршал Г. К. Жуков ещё в ноябре сорок четвёртого, стоя со своими армиями на Висле, отдал распоряжение штабу фронта приступить к предварительной разработке захвата Берлина. В феврале сорок пятого армии 1-го Белорусского фронта получили директивы на последний удар, но затем последовали распоряжения, отменяющие удар в глубину, в направлении Берлина. В результате удачно проведённой Висло-Одерской наступательной операции войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов взломали оборону противника и продвинулись по немецкой территории до Одера, на некоторых участках захватив плацдармы. Однако немецкое командование быстро восстановило фронт и значительно усилило группу армий “Висла”. К тому же войска двух советских фронтов и без того слишком глубоко выдвинулись вперёд. Реальная опасность фланговых ударов под основания глубокого вклинения из районов Восточной Померании с севера и Силезии на юге заставила советское командование приостановить наступление в центре и разобраться с группировками противника на флангах.

Маршалы И. С. Конев и Г. К. Жуков вынуждены были развернуть свои линии на юг и на север и главными силами ударить по немецким группировкам, чтобы покончить с ними, а затем уже беспрепятственно двигаться в глубину Германии. Основу ударных группировок обеих фронтов составляли танковые армии. Они-то и понесли главные потери. Висло-Одерская, Восточно-Померанская, Верхне-Силезская и Нижне-Силезская наступательные операции увенчались успехом. Они приблизили Победу. Но без восстановления выбывших боевых машин и пополнения экипажами маневр в направлении Берлина был невозможен. Войска фронтов остановились на рубеже рек Одера и Нейсе.

Тем временем после неудачи в Арденнах активизировались союзники. 1 апреля 1945 года Черчилль пишет американскому президенту Рузвельту: “...Русские армии на юге, судя по всему, наверняка войдут в Вену и захватят всю Австрию. Если мы преднамеренно оставим им и Берлин, хотя он и будет в пределах нашей досягаемости, то эти два события могут усилить их убежденность, которая уже очевидна, в том, что всё сделали они. Поэтому моё мнение таково, что с политической точки зрения мы должны вклиниться в Восточную Германию настолько глубоко, насколько это возможно, и, разумеется, захватить Берлин, если он окажется в зоне досягаемости”^{*}.

Говорят, содержание письма, посланного с одного континента на другой, благодаря усилиям советской разведки, тут же стало известно “дядюшке Джо”^{**}, и он тут же отреагировал.

Во-первых, войска центра начали готовиться к решающей атаке на Берлин.

Во-вторых, следом за письмом Черчилля в Белый дом полетело послание Сталина. На первый взгляд, совершенно по другому поводу. Но тема была всё та же.

“Лично, строго секретно.

От маршала И. В. Сталина президенту господину Рузвельту.

Отправлено 3 апреля 1945 г.

Получил Ваше послание по вопросу о переговорах в Берне.

Вы утверждаете, что никаких переговоров не было ещё. Надо полагать, что Вас не информировали полностью. Что касается моих военных коллег, то они, на основании имеющихся у них данных, не сомневаются в том, что переговоры были, и они закончились соглашением с немцами, в силу которого немецкий командующий на западном фронте маршал Кессельринг согласился открыть фронт и пропустить на восток англо-американские войска,

^{*} Черчилль У. Вторая мировая война. — М.: Воениздат, 1991.

^{**} Так Черчилль и Рузвельт за спиной называли И. В. Сталина. Тот об этом знал и на англо-американское прозвище не обижался.

а англо-американцы обещались за это облегчить для немцев условия перемирия.

Я думаю, что мои коллеги близки к истине. В противном случае был бы непонятен тот факт, что англо-американцы отказались допустить в Берн представителей Советского командования для участия в переговорах с немцами.

Я понимаю, что известные плюсы для англо-американских войск имеются в результате этих сепаратных переговоров в Берне или где-то в другом месте, поскольку англо-американские войска получают возможность продвигаться вглубь Германии почти без всякого сопротивления со стороны немцев, но почему надо было скрывать это от русских и почему не предупредили об этом своих союзников — русских?

И вот получается, что в данную минуту немцы на западном фронте на деле прекратили войну против Англии и Америки. Вместе с тем немцы продолжают войну с Россией — с союзницей Англии и США.

Понятно, что такая ситуация никак не может служить делу сохранения и укрепления доверия между нашими странами”.

Надо понимать здесь вот что. В Сталине проснулся грузин, горец. В своей стране и среди своих он не терпел предателей и тех, кто нарушал клятву, презирал лгунов и двурушников. На Ялтинской конференции “большая тройка” приняла решение о передаче Берлина в советскую зону оккупации. И теперь выяснялось, что союзники на финише решили пренебречь договорённостями.

Тем временем армии центра расширили Кюстринский плацдарм (1-й Белорусский фронт) и вели успешное наступление в Силезии (1-й Украинский фронт). Одновременно войска проводили перегруппировку, накапливали ресурс, принимали пополнение.

В создавшихся обстоятельствах, притом, что планы союзников относительно Берлина были неясны и двусмысленны одновременно, и с военной точки зрения, и с политической затягивать с Берлинской операцией было нельзя.

Г. К. Жуков вспоминал: “29 марта по вызову Ставки я вновь прибыл в Москву, имея при себе план 1-го Белорусского фронта по Берлинской операции. Этот план отработывался в течение марта штабом и командованием фронта, все принципиальные вопросы в основном заранее согласовывались с Генштабом и Ставкой. Это дало нам возможность представить на решение Верховного Главнокомандования детально разработанный план.

Поздно вечером того же дня И. В. Сталин вызвал меня к себе в кремлёвский кабинет. Он был один. Только что закончилось совещание с членами Государственного Комитета Обороны.

Молча протянув руку, он, как всегда, будто продолжая недавно прерванный разговор, сказал:

— Немецкий фронт на западе окончательно рухнул, и, видимо, гитлеровцы не хотят принимать мер, чтобы остановить продвижение союзных войск. Между тем на всех важнейших направлениях против нас они усиливают свои группировки. Вот карта, смотрите последние данные о немецких войсках.

Раскурив трубку, Верховный продолжал:

— Думаю, что драка предстоит серьёзная...

Потом он спросил, как я расцениваю противника на берлинском направлении”*.

Сталин опасался глубокого прорыва союзников и, в сложившихся обстоятельствах, беспрепятственного их марша на Берлин через Эльбу. Вот почему к операции были неожиданно привлечены подвижные силы 1-го Украинского фронта и даже часть левого фланга 2-го Белорусского фронта маршала К. К. Рокоссовского. По первоначальному замыслу на армии И. С. Конева и К. К. Рокоссовского ложились блокирующие функции. А 1-й Белорусский должен был совершить маневр на Берлин в обход многополосной обороны

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. — М.: Олма-Пресс, 2002.

Зееловских высот. Но потом планы пришлось изменить. Изменённый план штурма предполагал некоторые преимущества, но, одновременно, усложнял задачи армий маршала Г. К. Жукова, направляя их удар через эшелонированную оборону Зееловских высот. Директива Ставки ВГК № 11059 командующему 1-го Белорусского фронта предписывала: “Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий”. И ещё: “Танковые армии ввести на направлении главного удара после прорыва обороны для развития успеха в обход Берлина с севера и северо-востока”. А это был уже марш-манёвр, который блокировал возможность проникновения союзников в район Берлина с северо-запада и запада.

В этих обстоятельствах перед маршалом Г. К. Жуковым вставала, пожалуй, самая трудная задача за всю войну. Ставка, по сути дела, изымала танковые армии, обрекая ударную группировку 1-го Белорусского фронта на медленное прогрызание немецкой обороны, что, конечно же, угрожало максимальным расходом собственных ресурсов. Что вскоре и произошло. При этом невозможно было избежать и ещё одной серьёзной опасности: противник под давлением атакующих войск 1-го Белорусского фронта будет отходить на запасные позиции и, в конце концов, окажется в городских кварталах, за полутораметровыми стенами зданий, в подвалах и полуподвалах, в бетонных дотах, откуда его придётся выковыривать, как говорят, штучно, тяжёлой артиллерией или сапёрным подразделениям. А это — время, сверхусилия и новые потери в личном составе. Чтобы не допустить отхода в Берлин 9-й армии генерала пехоты Бюссе, Г. К. Жуков запланировал, в частности, удар левофланговых 69-й и 33-й армий в направлении Бонсдорфа.

С Кюстринского плацдарма наступающим войскам Г. К. Жукова предстояло с боями пройти, проползти, пробежать, преодолеть на броне танков и самоходок шестьдесят километров по пересечённой местности, изобилующей каналами, реками и исхлётанной линиями окопов и траншей, занятых измотавшимися к обороне войсками.

Перед самым началом штурма Г. К. Жукову всё же удалось переубедить Сталина и оставить одну танковую армию, так как изъятие из ударной группировки обеих танковых армий было слишком рискованно. 1-ю гвардейскую танковую армию М. Е. Катюкова комфронта предложил поставить в затылок дивизиям 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова.

“Выслушав мои доводы, — вспоминал Г. К. Жуков, — И. В. Сталин сказал:

— Действуйте, как считаете нужным, вам на месте виднее”.

Основной удар с Кюстринского плацдарма Г. К. Жуков решил нанести силами 5-й ударной, 8-й гвардейской и двумя гвардейскими танковыми армиями — 1-й и 2-й.

Так вскоре и произошло. Правда, танковые армии, по первоначальному замыслу, решено было вводить примерно на полпути к Берлину, чтобы нарастить удар общевойсковых армий, ввести в пробитые бреши бронетанковые мобильные соединения. Этот тактический приём был уже отработан в ходе предыдущих операций. Но всё пошло не так.

Войска левофлангового 1-го Украинского фронта наступали с юга. В директиве Ставки войскам маршала И. С. Конева предписывалось: “...разгромить группировку противника <...> южнее Берлина”. В своих мемуарах И. С. Конев после войны писал: “Обрыв разграничительной линии у Люббена как бы намекал, наталкивал на инициативный характер действий вблизи Берлина. Да и как могло быть иначе? Наступая, по существу, вдоль южной окраины Берлина, заведомо оставляя его у себя нетронутым справа на фланге, да ещё в обстановке, когда неизвестно наперёд, как всё сложится в дальнейшем, казалось странным и непонятным. Решение же быть готовым к такому удару представлялось ясным, понятным и само собой разумеющимся”.

Так и произошло.

Уже 8 апреля И. С. Конев директивой войскам фронта № 00211 дал отмену командующему 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко: “Иметь в виду усиленным танковым корпусом со стрелковой дивизией 3-й гвардейской армии атаковать Берлин с юга”.

Основу обороны подступов к Берлину и самого города составлял одерско-нейсенский оборонительный рубеж и непосредственно берлинский оборонительный район. Главная оборонительная линия имела до пяти сплошных полос траншей, первая из которых проходила по восточным берегам рек Одер и Нейсе. За нею начиналась вторая линия, основу которой составляли Зееловские высоты. Высоты закрывали Кюстринский плацдарм и непосредственно берлинское направление. Именно Зееловские высоты были наиболее насыщены инженерными сооружениями, тяжёлым вооружением и защищались надёжными частями и соединениями. Этот оборонительный район защищали четырнадцать дивизий противника. Накануне советского наступления их численный состав был доведён до штатного.

За высотами находилась следующая полоса.

Атака началась в 5:00 по московскому времени, за два часа до рассвета. На участке 1-го Белорусского фронта немецкую оборону обрабатывали 9000 орудий и миномётов и 1500 «катюш». Артиллерийское наступление проводилось на отрезке в 27 километров, где планировался основной прорыв.

Что касается «прожекторной атаки», то её эффективность и непосредственными участниками тех событий, и историками оценивается как сомнительная. Тем не менее на отдельных участках уцелевшие пулемётные и противотанковые расчёты были ослеплены мощным светом прожекторов и не могли вести точного огня.

Первые часы наступления шло успешно. Авангарды ударной группы вышли к траншеям второй полосы. И тут началось ожесточённое сопротивление. Стрелковые соединения не смогли преодолеть мощных инженерных сооружений Зееловских высот, плотно набитых огневыми средствами. Пехота залегла. Продвижение застопорилось. Успех операции оказался под угрозой. Чтобы сдвинуть войска с места, маршалу Г. К. Жукову пришлось срочно вводить в дело 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. Противник отреагировал вводом в бой на этом участке оперативных резервов группы армий «Висла». Только к утру 18 апреля, то есть на третьи сутки наступления, войска 1-го Белорусского фронта овладели Зееловскими высотами. А к исходу 19 апреля была прорвана и третья линия обороны противника.

Двадцатого апреля артиллерия 3-й ударной армии нанесла мощный удар по Берлину. А на следующий день, 21 апреля авангарды 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой, 47-й и 5-й ударной армий завязали бои на окраинах вражеской столицы.

К исходу дня 21 апреля, совершив многокилометровый марш-маневр с левого фланга 1-го Украинского фронта на правый, на южные окраины города вышли танки П. С. Рыбалко.

В последующие дни битва за Берлин носила особенно ожесточённый характер.

К двадцать третьему апреля наибольшего успеха добился 9-й стрелковый корпус генерал-майора И. П. Рослого. Части корпуса, действуя в авангарде 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина, ворвались в Карлсхорст и Кёпеник. К 24 апреля темп наступления группировки 1-го Белорусского фронта снизился, однако остановить атакующих было уже нельзя. Впереди был центр Берлина.

Тем временем на вспомогательном направлении наступали 61-я армия и 1-я армия Войска Польского. Эта группировка атаковала на правом крыле фронта маршала Г. К. Жукова на участке, первоначально предназначенном для наступления танковых армий. Они охватывали Берлин с севера и продвигались к Эльбе.

Битва за Берлин рушила многие планы. Отматываем ленту событий немного назад. Неожиданно первый значительный успех наметился на участке 1-го Украинского фронта. Атака началась ранним утром 16 апреля сорокаминутным артиллерийским наступлением. Артиллерия перенесла огонь с переднего края в глубину немецкой обороны, а тем временем передовые усиленные батальоны уже приступили к форсированию реки Нейсе. Под прикрытием дымовой завесы за короткий промежуток времени были оборудованы 133 переправы, и поток войск хлынул на западный берег. Немцы, видя угрозу прорыва, бросили в бой не только оперативные, но и тактические резервы

с целью сбросить авангарды маршала И. С. Конева в Нейсе. Но было уже поздно.

Утром 17 апреля танковые армии генералов П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко были уже на западном берегу и развивали удар на северо-запад в направлении Берлина.

Авиация обеих фронтов действовала непосредственно по переднему краю обороны противника и в её глубине. Уничтожались огневые точки на пути продвижения наступающих войск, инженерные сооружения, скопление резервов, склады и транспортные колонны.

Войска 1-го Украинского фронта действовали на двух направлениях: главном и второстепенном. По узкому коридору, пробитому 13-й, 3-й и 5-й гвардейскими армиями, И. С. Конев гнал вперёд свои подвижные силы — 3-ю и 4-ю гвардейские танковые армии. К исходу второго дня атаки танки подошли к Шпрее и начали форсирование реки.

На второстепенном, дрезденском направлении, которое по первоначальному плану было основным, успешно наступали части 52-й армии генерала К. А. Коротеева и 2-й армии Войска Польского генерала К. К. Сверчевского.

Успех войск И. С. Конева подтолкнул Ставку к неожиданному решению: повернуть танковые армии 1-го Украинского фронта на Берлин. Комфронта тут же направил П. С. Рыбалко и Д. Д. Лелюшенко приказ: “На главном направлении танковым кулаком смелее и решительнее пробиваться вперёд. Города и крупные населённые пункты обходить и не ввязываться в затяжные фронтальные бои. Требую твёрдо понять, что успех танковых армий зависит от смелого маневра и стремительности в действиях”.

Танковые генералы поняли замысел своего маршала. Темп движения танковых потоков 1-го Украинского фронта к Берлину составлял 35–50 километров в сутки.

Тем временем общевойсковые армии блокировали крупные группировки противника в районе Котбуса и Шпремберга.

К исходу 20 апреля войска маршала И. С. Конева рассекли немецкую оборону. Группы армий “Висла” и “Центр” уже не составляли цельного фронта и единой силы. Немецкое командование бросало под гусеницы танковых армий свои последние резервы. Но тщетно! На рассвете 22 апреля корпуса 3-й гвардейской танковой армии форсировали канал Нотте, с ходу прорвали внешний оборонительный обвод Берлина и к исходу дня заняли оборону на южном берегу канала Тельтов.

В этот день, 22 апреля, немецкое командование предприняло последнюю серьёзную попытку повлиять на ход сражения. В ставке Гитлера было принято решение снять с Западного фронта 12-ю армию В. Венка и деблокировать 9-ю армию Т. Бюссе.

События ближайших дней развивались следующим образом.

Весь день 23 апреля войска маршала И. С. Конева проводили перегруппировку и стягивали к мощной обороне противника по линии Тельтов-канала артиллерию большой мощности. Противоположный северный берег нависал над водой отвесной стеной. С ходу не перепрыгнешь. По берегу и в глубину — траншеи, железобетонные доты, окопанные танки и самоходки, противотанковые орудия для стрельбы прямой наводкой. По обрезу канала — плотная застройка домов со стенами толщиной от метра и более. В полосе действий 6-го гвардейского танкового корпуса плотность АБМ была доведена до 650 стволов на километр фронта. Тяжёлые снаряды разносили двухметровые стены зданий в пыль. После артподготовки генерал-майор Митрофанов успешно переправил свой корпус на северный берег.

Группа армий “Центр” ещё 20 апреля начала контратаковать советские войска. 23 апреля последовал мощный контрудар в стык 52-й армии и 2-й армии Войска Польского, в результате которого боевые порядки на левом фланге 1-го Украинского фронта были смяты, ударные части немецких войск продвинулись в глубину, угрожая тылам наступающих.

В полдень 25 апреля западнее Берлина авангарды 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта встретились с ударными группами 47-й армии 1-го Белорусского фронта.

В тот же день часть сил 4-й гвардейской танковой армии совместно с 13-й общевойсковой армией отбивали попытку 12-й армии Венка прорваться в Берлин. 3-я гвардейская и часть сил 28-й армии зажали в кольцо и кромсали 9-ю армию Т. Бюссе.

Задачи 2-го Белорусского фронта в Берлинской наступательной операции состояли в следующем.

Первое. Нанести рассекающий удар севернее Берлина и тем самым обезопасить правый фланг 1-го Белорусского фронта от возможного воздействия противника с севера.

Второе. Прижать к морю немецкую группировку, находящуюся севернее Берлина и уничтожить её.

Задача морякам Днепровской военной флотилии: бригады речных кораблей должны содействовать частям 5-й ударной и 8-й гвардейской армий в переправе через Одер. Кроме действий на переправах, моряки обеспечивали противоминную оборону водных транспортных путей.

Корабли Краснознамённого Балтийского флота действовали совместно с войсками маршала К. К. Рокоссовского, блокируя с моря группу армий “Курляндия”.

Кольцо вокруг Берлина замкнулось в полдень 25 апреля. 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й гвардейской танковой армии соединился с авангардом 47-й армии генерала Ф. И. Перхоровича.

По оценке советской разведки, гарнизон Берлина насчитывал более 200 000 солдат, офицеров и бойцов фольксштурма при 3000 орудиях и 250 танках.

Каждый дом был превращён в крепость. Каждая улица — в цитадель. Подземелья служили коммуникациями, по которым перебрасывались резервы и боеприпасы.

В этот же день самолёты 16-й Воздушной армии генерала С. И. Руденко нанесли два массированных удара по центру Берлина. Первая волна — 899 самолётов, вторая — 590. Проведено 27 воздушных боёв, сбито 20 ФВ-190. Из них 13 сбито в районе Берлина.

Корпус генерала И. П. Рослого по-прежнему продвигался в качестве первого эшелона 5-й ударной армии. Его дивизии продолжали наступление вдоль западного берега реки Шпрее. В тот же день 25 апреля части 8-й гвардейской армии генерала В. И. Чуйкова захватили переправу через Ландверканал — целёхонький мост, который немцы заминировали, но взорвать не успели. Его тут же разминировали и пустили танки и артиллерию. Одновременно 11-й гвардейский танковый корпус полковника А. Х. Бабаджаняна овладел исправной переправой через Ландверканал и сразу же ею воспользовался — танки и самоходки пошли вперёд.

Во второй половине дня всё того же 25 апреля случилась неувязка в полосе действий 3-й гвардейской танковой армии. Бомбардировочная авиация 1-го Белорусского фронта с больших высот, возможно, из-за создавшейся тесноты, отбомбилась боевые порядки наступающих войск 1-го Украинского фронта. Убито и ранено только в 3-й гвардейской танковой армии до ста человек. Потери понесла также 4-я гвардейская танковая армия Д. Д. Лелюшенко.

Командующие фронтами были в бешенстве. Говорят, дело дошло до столкновения, и не только сильных характеров. Правда, достоверных сведений об этом нет. Однако, когда речь заходит о штурме Берлина, “знатоки” непременно упоминают и о схватке маршалов. Что ж, если даже такой эпизод в истории сражения за Берлин и, как говорят, имел место, то это легко объяснимо. Труднее представить, к примеру, другое. Отмотаем ленту событий назад: октябрь-ноябрь сорок первого, 4-я полевая армия фон Клюге стоит в Подмоскowie в нескольких километрах от Серпухова, она уже захватила Наро-Фоминск, Боровск, Верею, тем временем с юга Москву охватывают танки 2-й танковой армии генерала Гудериана; и вот в какой-то момент эти командующие схватились, не поделив добычу... Представить это невозможно. Вот и вся мораль той истории, которая, возможно, действительно произошла в осаждённом Берлине на одном из командных пунктов фронтов, атакующих уже центр Берлина.

Следующий день, 26 апреля, выдался трудным на всех участках советской атаки и немецкой обороны.

Дивизии 3-й ударной армии подошли к Фербиндунге-каналу, где встретили мощное сопротивление. 150-я стрелковая дивизия после артподготовки попыталась переправиться на противоположный берег, но под шквальным огнём отошла. 171-я стрелковая дивизия одним полком захватила небольшой плацдарм на другом берегу, но вскоре, атакованная танками и пехотой противника, вынуждена была оставить его.

Наступавшая юго-восточнее 8-я гвардейская армия В. И. Чуйкова и позиции 1-й гвардейской танковой армии в этот день были контратакованы в районе аэропорта Темпельхоф танками дивизии “Мюнхеберг”. Аэродром необходим был для обеспечения гарнизона необходимыми грузами. Немцы пытались его отбить. Но атака была пресечена в самом её начале. Как только танки “Мюнхеберга” вышли на рубеж атаки, большая их часть тут же была поражена противотанковой артиллерией и огнём танков генерала М. Е. Катукова. Советские артиллеристы и танкисты напомнили немцам, что это не сорок первый год, и даже не сорок третий, когда их “пантеры” и “тигры” казались неуязвимыми.

В этот день снова успешно наступал 9-й стрелковый корпус.

Окончательно определилась тактика наших наступающих войск. В уличных боях среди плотной застройки, частично разрушенной авиацией и артиллерией, наилучшим образом себя проявили небольшие по численности штурмовые группы: до взвода мотопехоты, отделение сапёров, два-три орудия, в том числе одно противотанковое, самоходка и танк.

Из хальбского “котла”, где была блокированы основные силы 9-й армии Бюссе, 26 апреля смогла вырваться часть войск. Прохуdivшийся “котёл” маршал И. С. Конев тут же “заклепал” тремя дивизиями 28-й армии и 63-й танковой бригадой 4-й гвардейской танковой армии.

Весь день 27 апреля был отмечен упорными боями, в ходе которых наши штурмовые группы и второй эшелон буквально прогрызали сплошную оборону противника. Драка шла за каждым дом. “Фаустников” и засевших в развалинах и полуподвальных помещениях домов приходилось выковыривать огнём артиллерии, выжигать огнёмётами.

К полудню следующего дня, 28 апреля, штурмовые группы 3-й ударной армии в бинокли сквозь дым и рыжую кирпичную пыль увидели здание рейхстага.

А к исходу 29 апреля батальоны капитана С. А. Неустроева и старшего лейтенанта К. Я. Самсонова овладели зданием министерства внутренних дел. Следующим был рейхстаг.

На этот день командование 1-го Белорусского фронта назначило общий штурм. Вначале была проведена тридцатиминутная артподготовка, затем войска пошли в атаку.

Атаку 79-го стрелкового корпуса 3-й ударной армии поддерживала 9-я танковая бригада 9-го танкового корпуса. Главной пробивной силой броневой поддержки пехоты был полк ИСУ-152. Именно этой группировке суждено было атаковать рейхстаг, хотя по плану комфронта эта роль принадлежала другому соединению.

Начальник Генерального штаба генерал пехоты Кребс встретился с командующим 8-й гвардейской армией генерал-полковником В. И. Чуйковым и передал ему письменное обращение Геббельса и Бормана о том, что Гитлер покончил с собой, что власть передана Деницу, Борману и ему, Геббельсу, что он, Геббельс, “уполномочен Борманом установить связь с вождём советского народа”. Командующий армией выслушал Кребса и, как солдат солдату, заявил, что “не уполномочен вести какие-либо переговоры с германским правительством и речь может идти только о безоговорочной капитуляции берлинского гарнизона”. Чуйков связался по телефону со штабом фронта. Жуков задал Кребсу два вопроса:

1. Где находится труп Гитлера?
2. Обратилось ли одновременно германское правительство с аналогичной просьбой к командованию англо-американских войск?

Кребс ответил, что труп Гитлера сожжён и что с командованием англо-американских войск у них связи нет.

Для дальнейших переговоров в штаб Чуйкова прибыл заместитель командующего войсками 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский. Была сделана попытка связаться с Геббельсом для переговоров по поводу капитуляции берлинского гарнизона. Однако немецкая сторона предложения штаба 1-го Белорусского фронта о капитуляции не приняла. Двухсторонняя связь прервалась. Атаки возобновились с прежней яростью.

30 апреля бой шёл уже в здании рейхстага. Над зданием был поднят красный флаг. Бои в здании продолжались.

В этот день гвардейцы Катюкова продолжали штурм Зоологического сада. 2-я гвардейская танковая армия с 1-й польской дивизией дралась в районе Тиргартена.

1 мая бой в здании рейхстага продолжался.

В этот день застрелился генерал Кребс и многие другие офицеры побеждённой германской армии.

Потери Красной армии в Берлинской операции за этот день составили 254 человека убитыми и 893 ранеными.

2 мая немцы капитулировали.

Всё. Дело было сделано.

1

Весной, в середине мая 1941 года заместитель командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта генерал-майор Николай Эрастович Берзарин получил телеграмму от начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова: “Выехать немедленно. Жуков”.

Тучи собирались в грозу. Г. К. Жуков, хорошо понимая, что гроза вот-вот грянет, собирал под руку надёжных.

Берзарин ехал в Москву с беспокойным сердцем. Знал, что так нарком К. Е. Ворошилов вызывал тех, кого потом при подъезде к столице с поезда снимали сотрудники НКВД и напрямую везли во внутреннюю тюрьму в Лефортово, к следователям НКВД. Только что состоялся арест начальника Управления ПВО РККА Г. М. Штерна, с которым Берзарин служил на Дальнем Востоке. Бывший командующий войсками ДВФ к тому времени уже несколько месяцев служил в Москве, руководил противовоздушной обороной Красной армии. И вот ЧП: 15 мая 1941 года немецкий транспортный самолёт Ю-52, минуя посты ПВО, беспрепятственно пролетел по маршруту Белосток—Минск—Смоленск—Москва, где и приземлился на одном из основных аэродромов. Штерна тут же арестовали. Расстреляют его в конце октября под Куйбышевом. А тогда многих допрашивали по делу бывшего начальника Управления ПВО РККА и командующего войсками Дальневосточного фронта.

Немного успокаивало то, что перед самым отъездом из Генштаба позвонил адъютант Жукова и голосом, в котором не чувствовалось никакого подвоха и фальши, сообщил, что гостиница для него заказана на Чистых Прудах. Там он уже не раз останавливался.

В наркомате дежурный доложил, что его ждут в Главном управлении кадров. В Управлении действительно его ждали: вежливый полковник тут же ознакомил с приказом наркома от 26 мая 1941 года № 00190 — о назначении генерал-майора Н. Э. Берзарина командующим войсками 27-й армии.

Только тут он вздохнул с облегчением.

Армия стояла на западном направлении, на стыке Новгородской и Калининской областей со штабом в районе железнодорожного узла Бологое.

После ознакомления с приказом кадровик достал из сейфа синюю папку с красной звездой — личное дело Берзарина. Протянул новоназначенному командарму-27. Раньше читать своё личное дело ему не позволялось. Вот лист с его аттестацией за подписью начальника отдела боевой подготовки штаба ОВДВА и командующего Приморской группой войск И. Ф. Фёдко. Аттестация датирована декабрём 1934 года. В феврале 1939 года Ивана

Фёдоровича Федыко, командарма 1-го ранга, героя гражданской войны, кавалера ордена Ленина и четырёх орденов Красного Знамени расстреляли как активного участника “военно-фашистского заговора”.

Берзарин пробежал глазами текст аттестации, при этом пропуская смысл каждой фразы через призму нынешних и минувших обстоятельств и событий:

“Тов. Берзарин, выдающийся строевой командир с большой волей, хороший методист и организатор боевой подготовки. Участник гражданской войны. Будучи временно исполняющим обязанности (командира) для особых поручений тов. Берзарин выполнял исключительную работу, связанную с боевой учёбой частей армии. По моему заданию провёл ряд сборов с начсоставом группы. По своей подготовке, опыту тов. Берзарин подлежит выдвижению на должность командира и комиссара стрелкового полка вне очереди.

Командующий войсками группы *Федыко*.

Декабрь, 1934 год”.

Нет, не всё здесь безобидно. Не всё...

Дальше были подшиты знакомые документы. Ещё одна аттестация, партийная: “Тов. Берзарин защищал людей, впоследствии уволенных из РККА, идя вразрез с мнением политаппарата...” “Недостаточно самокритичен...” Но в целом аттестация положительная.

А вот кое-что из незнакомого. Когда Берзарин перевернул очередной лист, полковник отвернулся к окну. Полковник, конечно, знал этот документ. Хорошо, что бумага, а по сути дела — донос на него, на члена партии Берзарина, — осела здесь, в личном деле Главного управления кадров и не была направлена в другой наркомат, к лефортовским спецам. Автор неизвестен, фамилия и подпись старательно вымараны чёрной тушью, осталось только слово “полковник”.

Легко же у тебя, должно быть, складывается служба, полковник, если хватает времени и сил писать такие длинные “характеристики”. Чёрт бы тебя побрал...

Берзарин бегло просмотрел документ:

“Месяца 3-4 назад я слышал, что командир 32 дивизии Берзарин арестован. Я и другие считали, что это так и должно быть, и вот почему.

1. Берзарин был порученцем у Федыко не один год, и его в то время считали подхалимом. Он подхалимом и остался — это подтверждает его бывший комиссар Тентов.

2. Берзарин, благодаря протекции врагов Федыко, Балакирева, Могон, скакал, как блоха, добиваясь высокого положения, а именно:

по ходатайству Федыко он назначен командиром 77 полка.

Примерно через год, по ходатайству врага Балакирева был назначен начальником 2-го отдела штаба Примгруппы.

Не прошло и года, при участии Могона и Федыко он назначен командиром 32 дивизии.

Будучи в ОКДВА, я слышал удивление быстрой карьере Берзарина всех, кто его знает. И приписывал это его подхалимству и непосредственно его любимчику Федыко. Причём никто о нём как о хорошем работнике не отзывался. Враги его нахваливали, в частности, я знаю, — Могон.

Говорили о Берзарине так: “Берзарин пошёл в гору после того, как он всеми правдами и неправдами достал и оборудовал для Федыко мягкий салон-вагон”.

Сегодня я слышал от дальневосточников, что Берзарин назначается командиром на сугубо ответственное направление — на Посъет.

Считаю своим долгом высказать сомнение в его политической преданности. У меня о Берзарине сложилось мнение, как о подхалиме и участнике в делах врагов.

Считаю необходимым поставить Вас об этом в известность.

Полковник...”

Донос датирован декабрём 1938 года. Тогда уже затихало. Все, кого взяли, были расстреляны, другие сами покончили с собой.

Да, что и говорить, знал этот “полковник”, где щель посуше и куда лучше горящую головешку сунуть... Ведь мягкий салон-вагон был... По поводу

сомнения в политической преданности и участия в деле врагов, конечно, чужь собачья! Но вот салон-вагон действительно был.

Между лопаток по спине вниз скользнула холодная струйка.

А хороший метод воспитания у этого кадровика, со злой усмешкой подумал Берзарин, при всём при том всё же испытывая к хозяину кабинета подспудное чувство благодарности.

Кадровик рассказал, что до подписания приказа о назначении на 27-ю армию состоялся разговор между маршалом Тимошенко и Жуковым. Что Тимошенко, ознакомившись с личным делом, выразил сомнение. Но Жуков решительно настоял на назначении: “Смелый, решительный командир. Армию ему можно доверить вполне. — Но как же письмо? — Письмо... Это не письмо. Таких цидулек нам ещё насочиняют. Пятая колонна... Фактически помогают Гитлеру”.

Потом в буфете они пили кофе с бутербродами. Говорили о семьях. Разговор был хороший. Спокойный.

С этим настроением на следующий день Берзарин и отбыл к новому месту службы.

В Бологое прибыл к вечеру. И всю ночь просидел над штабными документами, входя в курс дел и пытаясь понять положение армии, состояние её частей и соединений.

На 27-ю армию его назначили временно, для “наведения порядка”. Нарком заверил, что скоро последует перевод в Прибалтику. Сказал во время встречи: “Начальник Генерального штаба рекомендует вас как смелого и решительного командира. Такие нам нужны там, поближе к границе”. Тогда же и договорились с Тимошенко, что семью из Хабаровска можно сразу перевозить туда, “поближе к границе”.

Вскоре Наталья Никитична с дочерьми из Хабаровска перебралась в Ригу. Берзарин отправил туда своего адъютанта, чтобы помог семье с переездом и устроиться на новом месте. Вскоре адъютант вернулся из Риги и передал просьбу жены увезти её куда угодно, только бы подальше от Риги. Рига Наталье Никитичне не понравилась, и, прежде всего, отношением рижан к русским, к мигрантам, к переселенцам. Берзарин тут же перезвонил в наркомат, и там проблему решили сразу и радикально: пусть семья не распаковывает чемоданы и ближайшим же поездом возвращается в Москву: “жилплощадь генерал получит в российской столице”.

В глубине души он надеялся, что, возможно, квартиру дадут в родном Ленинграде. Но — Москва так Москва...

Очень скоро он будет благодарить судьбу за то, что с местом проживания семьи сложилось всё так, как сложилось.

2

Родился он в Санкт-Петербурге 1 апреля 1904 года.

Отец, путиловский рабочий, слесарь, неплохо зарабатывал и вполне кормил семью. Рождению сына был рад. До этого родились две девочки. Назвали Николаем. После него родились ещё две сестры.

Мальчик рос шустрим, хватким. Рано выучился читать, и ещё до школы одолел несколько книжек. Когда поступил в начальную школу, за один год смог усвоить программу и первого, и второго классов. Так что на следующий год пошёл сразу в третий класс.

В 1913 году Николай Берзарин поступил на вечерние курсы и получил специальность переплётчика. Работал в типографии. Профессия переплётчика ему понравилась. Цех тихий, не то, что печатный, там шум, грохот. Рядом работают наборщики. Ловко набирают из касс — металлических ящичков — отлитые из металла буквы, складывают в слова и фразы, верстают целые страницы. Потом оттискивают на бумаге, вычитывают, не случилось ли ошибки. Если находилась ошибка или какая-либо пометка, тут же поправляли. Снова делали оттиск.

Переплётным делом он овладел быстро. Кожа, картон, бумага, клей. Оттиски краской, золотом. Присматривался к работе старых мастеров, перенимал

различные тонкости и секреты. У тех книги получались, как шкатулки из мрамора. Между делом переплёл свою старую хрестоматию с картинками, подаренную отцом. По ней он учился читать. В ней сказки, стихи, рассказы. Младшие сёстры были довольны — теперь хрестоматия перешла к ним.

Так бы и работал Николай Берзарин в переплётном цехе, одевал в кожу тома Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого и зарабатывал бы на жизнь своим мастерством, если бы однажды среди заготовок, которые шли внутрь переплёта, подклеивались для прочности и жёсткости, не попался плакат, который призывал молодёжь молодой Советской России вступить в ряды Красной армии.

Политикой Николай не интересовался. Революционные волнения и вихри пролетели мимо, не задев ни его самого, ни его семью. В автобиографии потом так и напишет: “В забастовках, стачках активного участия не принимал, на рабочие демонстрации ходил, и обе революции прошли у меня на глазах, активно собирал листовки, разбрасываемые по городу, и передавал рабочим, матросам и солдатам...” Этим занимались все питерские мальчишки.

На картонке плаката был указан адрес, где велась запись добровольцев.

Его, физически крепкого и знающего грамоту, определили в пулемётную команду. Пулемётчики — элита пехотного полка. Пулемётная команда — шестьдесят бойцов при восьми пулемётах. Но было в уставе пулемётной команды, кроме всего прочего, роковое предназначение: во время отступления полка она отходила последней, прикрывая батальоны своим огнём. А это, как потом оказалось, было непросто. Пулемётчиков в плен не брали.

Прощай, переплётное дело! Запах кожи, типографской краски и клея! Прощайте, девушки из наборного цеха!

Даёшь запах казармы и ружейного масла! Даёшь пулемёт, тяжёлый, как могильная плита! Даёшь огонь “крестом” и “веером”!

Дома его ждали сёстры. Старшие уже вышли замуж, жили отдельно. А за младшими надо было присматривать. Родители ушли из жизни рано. Отец — в 1917 году. Мать — немного позже. Однажды в новенькой красноармейской форме, в скрипучих ремнях, пахнущих заводской добротной кожей, он пришёл на побывку. Принёс подарки. Сёстрам свидание со старшим братом, который был им теперь вместо отца, — настоящий праздник.

Вскоре полк ушёл на фронт. Летом 1919 года в портах Мурманска и Архангельска высадились англичане, французы, американцы и канадцы. В Кемском крае хозяйничали белофинны. Белогвардейцы всюю проводили мобилизацию в подконтрольных уездах.

Под Шенкурском полк в составе 6-й полевой армии участвовал в масштабной и, как оказалось, решающей операции. “Максимы” пулемётной команды работали так, что вторые и третьи номера едва успевали набивать патронами и подавать ленты, а в кожухах закипала вода. Иностранные легионы то и дело пытались контратаковать. Но пулемётчики пресекали всякую попытку приблизиться к позициям полка — “крестом”, “веером”...

В вещмешке в чистой паре портянок юный первый номер хранил заветную книгу. Он захватил её из дома. “Неволя и величие солдата” Альфреда де Виньи*. Кушил её у букиниста и переплёл перед самым уходом в Красную армию. В минуты тишины доставал книгу, раскрывал наугад и читал страницу за страницей. “Неволя...” была уже не раз прочитана от начала до конца, и теперь он пытался осилить и осмыслить те места, которые пока оставались неясными, противоречивыми, похожими на цель, которая постоянно уклоняется. Мысли металась между идеалом, о котором он мечтал, уходя добровольцем в Красную армию, между *величием солдата*, и тем жестоким и грубым, пахнущим потом, мочой и кровью, чем пах каждый окоп и каждая стоянка в пути, что и было, как ему тогда казалось, *неволей солдата*. Он тогда ещё и не предполагал, какими картинками и какими страданиями время наполнит то и другое.

* Альфред де Виньи (1797–1863) — французский граф, писатель. Представитель французского аристократического консервативного романтизма. Противник революции. В 15 лет поступил на военную службу (в охране короля Людовика XVIII) и уволился лишь в 1827 году. В сражениях не участвовал.

Шенкурская наступательная операция закончилась триумфом Красной армии. 6-я армия наголову разбила противника. Союзники ничего не могли противопоставить мощному напору красноармейцев. Канадско-американские войска побросали свои позиции вместе с артиллерией, несколько хорошо укрепленных линий вокруг Шенкурска и налегке отступили через замёрзшие болота, спасая свои жизни. В портах началась спешная погрузка на корабли, всё это время стоявшие на рейде. Угроза прорыва иностранного корпуса на Пермь с целью соединения с войсками Колчака и общей атаки на Москву миновала. В столицах вздохнули с облегчением. Захваченные трофеи восхищали своим количеством и разнообразием: пушки и гаубицы, пулемёты “люис”, “виккерс”, “гочкисс”, винтовки (около двух тысяч) “ремингтон”, “энфилд”, “манлихер”, Лебеля. Большое количество боеприпасов: тысячи снарядов и гранат, три миллиона патронов.

Судя по арсеналам, планы иностранцев в России были большими.

Пулемётчики, приводя в порядок трофейные “гочкиссы”, бережно протирали тонкие стволы, лагунные рукоятки, с любопытством разглядывали пластинчатые обоймы на двадцать пять патронов, раскладывали и складывали массивные и удобные треноги. Рассуждали так:

— Эти мерикашки — вояки так себе. А вот пулемёты у них — ничего себе...

Берзарину тоже достался “гочкисс”. Взамен “павшему” в бою товарищу “максиму” — в трёх местах продырявило пулями кожух, и пулемёт отправили в ремонт.

Молодой пулемётчик быстро освоил новое оружие. Когда выпадала свободная минута, открывал Альфреда де Виньи. Книга, как и пулемёт, всегда была рядом.

Солдатская воля тяжка и неумолима, как железная маска безымянного узника, и придаёт физиономии любого военного что-то однообразно бесстрастное.

Вот почему, когда смотришь на какой-нибудь полк, можно заметить, что солдатские лица выражают обычно скуку и недовольство. Усталость, вдобавок, накладывает на них морщины, солнце сообщает им своеобразную желтизну, и преждевременная старость бороздит черты тридцатилетнего мужчины. И вместе с тем есть некая общая идея, которая придаёт порою всем этим собранным воедино суровым людям красоту подлинного величия — идея Самоотречения. Самоотречение воина — это крест ещё более тяжкий, нежели крест мученика. Нужно очень долго носить его, чтобы понять, сколь велико и страшно это бремя.

Берзарин вглядывался в лица своих товарищей, но не замечал ни особой скуки, ни радости. Усталость отяжеляла их плечи и лица только после боя. Но они были молоды, и достаточно было двух-трёх часов сна и котелка наваристой каши, чтобы лица товарищей снова просветлели.

В 1921 году, когда Красная армия покончила со своими заклятыми врагами, Берзарина направили на учёбу. Смоленские командные пехотные курсы.

Курсы курировал маршал М. Н. Тухачевский. Не раз бывал на занятиях. Проводил с курсантами беседы. Берзарин и его однокурсники слушали героя гражданской войны, командующего 7-й армией, дислоцированной в Смоленске и окрестностях, затаив дыхание. Многие втайне мечтали о такой же военной карьере.

Именно сияющий звёздами и орденами маршал во время одной из бесед и сообщил им, курсантам, что в стране вспыхнул мятеж — взбунтовались матросы и гарнизон Кронштадта.

Вскоре сорокатысячная 7-я армия, усиленная сводным, до трёх тысяч, полком курсантов, заняла исходные для атаки на островной город и окружающие его форты.

После основательной обработки крепости артиллерией 7-й армии по льду Финского залива двинулись густые правильные цепи передового отряда.

Это пошли на приступ Смоленские курсы красных командиров. Им-то, этой первой волне, и досталось больше всего.

В первую волну Берзарин не попал. С ужасом смотрел, как лопался, расходился и вставал дыбом лёд от ответного огня крепостной артиллерии, как волокля по белому снегу его товарищей с перебитыми ногами и руками, оставляя кровавые следы.

Уцелевшие вернулись подавленными.

Готовилась вторая волна. В горячке неудачи первой атаки Тухачевский приказал расстрелять первых попавшихся под руку из морского дивизиона, расквартированного в Ораниенбауме (поддержали кронштадцев), командиров и солдат полка, отказавшегося идти в атаку. Расстреляли телеграфиста — “за распространение провокационных слухов”. За “дезертирство” расстреляли нескольких курсантов из первой волны. Во время атаки, когда цепи залегли, они поползли назад.

Перед атакой к ним пришли напутствовать Тухачевский и Федько. Федько, несмотря на особые обстоятельства, как всегда, выглядел щеголеватым. Ходил перед строем, как на пружинах. Позванивали малиновым звонком редкой ручной работы “савёловские” шпory. Зачитали приказ: “В ночь с 16 на 17 марта стремительным штурмом овладеть крепостью Кронштадт... Движение колонн Северной группы начать в 3 часа, Южной группы — в 4 часа 17 марта...”

Берзарин со своими товарищами был в Северной группе. Она начала своё движение со стороны Сестрорецка. Пулемёт волокля вдвоём со вторым номером. Впереди толкали санки с мешками, наполненными песком. Без них нельзя. Если доберутся до стен форта, придётся вести огонь, и мешки станут бруствером. Обмотались патронными лентами. Ноги отяжелели. То ли затекли и замёрзли, когда ждали начала атаки, то ли от страха. Со стен фортов заметили их цепи, открыли огонь. Засвистели над головой снаряды, зафырчали осколки. Товарищи бегут, подбадривают себя свирепыми возгласами и криками. Один упал, другой, ещё двое... Впереди разорвался снаряд. Другой — чуть погодя — позади. Вилка! “Ложись!” — кричит второй номер и толкает его на мокрый лёд. Взрыв! Окаатило ледяной водой. Полынья в двух шагах впереди. Дымится, качается, затаскивает в своё чрево санки с песком и пулемёт. Пропал пулемёт... Ящик с гранатами... Ящик цел. Его хоть не снесло взрывом. Схватили ящик, побежали вперёд, к отвесной стене. Добежали. Там уже перекинули верёвки, полезли вверх. Мигом затели на стену, как хищные звери в погоне за добычей, вместе с ящиком гранат. Набросились на оружейную прислугу. Добывали прикладами, кололи штыками, топтали сапогами. После первой схватки появились лишние винтовки. Разобрали их. Побежали дальше. По улицам города. От дома к дому. Кололи, били, крушили. Раненых матросов добывали. Пленных вначале не было. На Якорной площади сбились в кучу матросы и солдаты мятежного гарнизона. Некоторые уже бросили оружие, некоторые были обезоружены. Но накатила новая волна, и их обступили и начали колоть штыками, убивать прикладами. Они кричали разбитыми ртами, падали на колени, молились...

В приказе Тухачевского атакующим был такой пункт: “Жестко расправляться с мятежниками, расстреливать их безо всякого сожаления... пленными не увлекаться”.

По итогам операции начальник курсов в числе прочих объявил благодарность Берзарину.

Он будет уже носить полковничьи петлицы, когда в Ворошилове-Уссурийске в гарнизонной библиотеке найдёт старый журнал со статьёй маршала Тухачевского “Борьба с контрреволюционными восстаниями”. Тот, кто послал их “на кронштадтский лёд”, писал: “Несмотря на малую численность Северной группы, за неё всё время можно было быть спокойным. Задача на долю Северной группы выпала почти невыполнимая. Ей предстояло взять открытой силой пять неприступных фортов, обнесённых колючей проволокой и фугасами, и после этого ворваться в цитадель Кронштадта...”

Северная группа наступала с какой-то стальной отчётливостью...

Атака фортов курсантами беспримерна по своей смелости, натиску и единству действий”.

Солдат — человек, нанятый за сольду, т. е. за жалованье, — это гордец, вызывающий к себе чувство жалости; это одновременно и осуждённый, и папач, это козёл отпущения, постоянно приносимый в жертву своему народу и ради своего народа, который над ним потешается; это мученик, ожесточённый и вместе с тем безропотный, которым попрекают друг друга то Власть, то Нация, непрестанно враждующие между собою.*

Смоленские курсы Берзарин окончил в 1923 году с отличием и был направлен для прохождения дальнейшей воинской службы в Забайкалье. Получил должность командира пулемётной команды и командира взвода в 5-м Амурском стрелковом полку 5-й Амурской стрелковой дивизии. В те годы по тайге бродили банды из остатков Азиатской конной дивизии барона Унгерна, в отдалённых станицах и на хуторах жили, затаившись, офицеры из армии Колчака, отрядов атамана Семёнова, генералов Капшеля и Пепеляева. Из Харбина, ставшего в те годы центром русской эмиграции, время от времени пробирались вооружённые группы, в основном из числа белых офицеров, вели антисоветскую агитацию, расправлялись с партийными активистами, жгли советские учреждения. Оперативники местных отделов ОГПУ и отряды ЧОНа с ними не справлялись. Приходилось привлекать расквартированные поблизости войска РККА. Берзарину довелось участвовать в нескольких таких операциях.

В 1925 году Берзарин женился на Наталье Никитичне Просенюк, 1904 года рождения, служащей сберкассы. Брак зарегистрировали. В 1926 году родилась дочь Лариса. В 1938 году — Ирина.

В 1925 году поступил на курсы “Выстрел”. Слушал лекции известных теоретиков военного дела В. К. Триандафиллова, А. В. Кирпичникова, Н. Н. Шварца, Е. А. Шиловского, А. А. Самойло. А через два года окончил курсы комсостава Сибирского военного округа в Омске. Направлен в Иркутск на должность начальника учебной части курсов усовершенствования комсостава. Избран секретарём партийной организации курсов.

Иркутские курсы усовершенствования командного состава — это почти три тысячи человек включая преподавателей и обслуживающий персонал. Здания, учебное оборудование, подсобные помещения, полигон. Хозяйство большое. Одновременно исполнял обязанности коменданта города. Начал подкручивать дисциплину. Армейские в последнее время разболтались. Пьянки-гулянки. Милиция в те годы не имела полномочий задерживать или как-либо другим образом воздействовать на военных. Нужна была твёрдая рука. Комендантский патруль стал хозяином города. Под присмотром комендатуры теперь работали все питейные заведения, рестораны и даже столовые, где в буфетах наливали.

В Москву полетели жалобы. Жаловались и сигнализировали, разумеется, не по поводу ограничения торговли спиртным и сокращения работы питейных заведений. А здесь, в Иркутске, ворчали: “Здесь Сибирь, а не Филадельфия. Доведёт нас этот комендант до “сухого закона”...”

Но порядок был наведён.

В 1929 году грянул конфликт на КВЖД. Началось с нападений ватаг хунхузов на станции и поезда. Стало очевидным, что за беспорядками на КВЖД и разбоем хунхузов стоит антироссийская и антисоветская политика губернатора северных провинций Китая и Маньчжурии маршала Чжан Цзолия. Под своей рукой он имел большую армию. Ему подчинялась полиция. Полицейские захватили телефонную станцию КВЖД. Арестовывали работников и служащих железной дороги. Группы неизвестных обстреливали советские пограничные посты. Появились убитые и раненые. Правительство СССР, чтобы пресечь наглость китайской стороны, разорвало с Китаем дипломатические отношения.

* Здесь и далее по тексту — из книги Альфреда де Виньи “Неволя и Величие солдата”. — Ленинград: Наука, 1968.

Последовал приказ командующему дальневосточными войсками маршалу В. К. Блохеру погасить конфликт силой оружия.

Китайцы двинули двумя армиями численностью до 370 000. Сабельные эскадроны в основном состояли из бывших белогвардейцев.

В открытом бою войска РККА, численно значительно уступавшие китайцам, нанесли им ряд чувствительных ударов, после которых главнокомандующий северными провинциями запросил перемирия.

В тех боях Берзарин командовал стрелковым полком. Кстати, в соседнем полку ротой командовал будущий защитник Москвы А. П. Белобородов. А 5-й отдельной Кубанской кавалерийской бригадой, принимавшей участие в тех же боях, командовал будущий маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский.

В декабре 1929 года советская и китайская стороны подписали протокол, по которому КВЖД вновь признавалась совместным советско-китайским предприятием.

В 1933 году Берзарина перевели в Приморскую группу войск. Штаб размещался в Ворошилов-Уссурийске. Группой командовал старый знакомый — Иван Фёдорович Федыко, бывший командир стрелковой бригады на кронштадтском льду.

Через два года он получил полк — 77-й, в 26-й стрелковой дивизии. Как отмечают биографы Н. Э. Берзарина, командуя полком, “он проявил себя отличным методистом, умелым организатором боевой и политической подготовки”.

В августе 1937 года полковник Берзарин был назначен начальником 2-го отдела штаба Приморской группы войск.

В тот год японцы ввели войска в Северный и Центральный Китай, заняли ряд провинций на территории Маньчжоу-Го и начали размещать здесь свою армию. Вскоре Квантунская армия насчитывала миллион солдат и офицеров. Это была решительная попытка островного государства расширить свои владения за счёт материкового соседа.

В июне 1938 года Берзарин вступил в командование 32-й стрелковой дивизией. Уже через месяц из штаба Особой Дальневосточной армии за подписью маршала Блохера пришла телеграмма: 32-й стрелковой дивизии выдвигаться в район Посыетского залива, к озеру Хасан.

Накануне рота солдат Квантунской армии сбита пограничные заставы, перешла границу и захватила сопку Заозёрную. Пограничники вступили в бой. Японцы усилили свою группировку до двух пехотных дивизий и двух бригад, усилили танками и авиацией и заняли сопку Безымянная.

32-я стрелковая дивизия, совершив многокилометровый марш по ущелью Сихотэ-Алиня, силами двух передовых полков с ходу, стремительной атакой заняла сопку Заозёрная. Спустя час таким же решительным броском, сблизившись с неприятелем до расстояния броска ручной гранаты, захватили сопки Чёрную и Безымянную. Захватили большие трофеи и пленных.

Седьмого августа японцы начали интенсивно контратаковать с целью вернуть утраченные позиции. Ввели в дело элитную 19-ю пехотную дивизию, танки, артиллерию. Непрерывно наносили бомбовые удары массированными авианалётами.

К 10 августа японцы выдохлись. Атаки прекратили. Собирали убитых. 19-я пехотная дивизия потеряла убитыми и ранеными более трёх тысяч человек, много боевой техники, самолётов.

Полки Берзарина тоже стояли на месте, атаковать было нечем.

Из представления к награде командира 32-й дивизии:

“Командир 32-й стрелковой дивизии полковник Берзарин Николай, член ВКП(б) с 1926 года, в РККА с 1918 года. В боях с 5 августа по 11 августа возглавлял действия 32-й стрелковой дивизии.

Несмотря на ряд недочётов в ходе операции, командир дивизии Берзарин организацией боя и поднятием боевого духа бойцов в значительной мере повлиял на успешное выполнение боевой задачи 32-й стрелковой дивизии и содействовал полному овладению и удержанию высоты “Заозёрная”.

Не прекращал непрерывного управления боем при интенсивном обстреле командного пункта.

Достоин награждения орденом “Красное Знамя”.

Берзарин своим хасанским орденом гордился всю жизнь.

Несмотря на успех операции, события, происходившие в ходе её, обнаружили целый ряд недостатков, которые в иных обстоятельствах могли стать роковыми. Берзарин видел всё это и тяжело переживал. Жизнь офицера РККА того времени протекала в таких условиях, что поделиться своими сокровенными мыслями и переживаниями, пусть они касались сугубо служебных дел, было нельзя. Опасно.

Из приказа наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова: “Военная подготовка войск, штабов и командно-начальствующего состава фронта оказалась на недопустимо низком уровне. Войсковые части были раздёрганы и небоеспособны, снабжение войсковых частей не организовано. Обнаружено, что Дальневосточный театр военных действий к войне плохо подготовлен (дороги, мосты, связь)”.

Батарей, выдвинутые на огневые, оказались без снарядов. Винтовки не пристреляны. Во время тревоги некоторые бойцы оказались вовсе без винтовок. Обувь в некоторых подразделениях изношена до крайности и не вынесла марша. Командирам и штабам не хватало карт районов, где предстояло действовать их войскам.

Двадцать первого октября 1938 года арестовали Блюхера. Через полмесяца он умер в тюрьме.

После успеха у озера Хасан карьера Берзарина быстро пошла в гору.

В феврале 1939 года он назначен командиром 59-го стрелкового корпуса ОКДВА.

В июне 1940 года присвоено звание генерал-майора.

В июле 1940 года назначен заместителем командующего 1-й Краснознамённой армией Дальневосточного фронта.

Новый 1941 год принёс сразу много событий и новых назначений.

3

Западнее уже шли бои.

27-ю армию включили в Северо-Западный фронт. Вскоре последовал приказ — выдвигаться вперёд вплоть до соприкосновения с противником, прикрыть город Холм.

Первые же бои показали, что армия противостоит сильному и гибкому противнику, что он в совершенстве владеет тактикой современного боя, искусно маневрирует, при этом быстро увязывает вопросы взаимодействия родов войск в зависимости от обстоятельств. Где-то ударит танками, где-то — авиацией, где-то — тем и другим одновременно. Концентрирует силы на узких участках, в особенности танковые и моторизованные, взламывает оборону и молниеносно действует на охват.

27-й повезло: она не попала под каток танковых клиньев немцев в период крупных операций, когда от армий, оказавшихся на острие удара, остаются одни ошмётки. Дивизии и артполки её сохранили материальную часть и представляли большую силу. Армия получила участок обороны в районе Валдая. В конце октября 1941 года Берзарин силами до двух дивизий (33-й и 28-й стрелковых) предпринял контрудар. В ночь на 30 октября войска переправились через озеро Селигер по заранее разведанному маршруту, захватили несколько населённых пунктов и начали энергично расширять плацдарм. Противник отступил и вынужден был подтянуть резервы к цепи своих опорных пунктов.

Однако оказалась потрёпанной и она. И Берзарин на всю войну получил жестокий и незабываемый урок.

Контрудар под Старой Руссой. Август 1941 года.

Против наступавшей на Ленинград группировки группы армий “Север” Ставка бросила силы четырёх армий Северо-Западного фронта: 11-й, 34-й, 27-й и 48-й, а также семь стрелковых и кавалерийских дивизий резерва.

Они должны были ударить во фланг наступающим на Ленинград. Основная роль отводилась 34-й армии генерала К. М. Качанова. Кузьма Максимович Качанов умело командовал стрелковым корпусом 34-й армии в первые месяцы войны, в боях под Даугавпилсом и Псковом. Учитывая его успехи и опыт, командование назначило генерала Качанова на 34-ю армию. Его предшественник явно не справлялся с управлением войсками в боевой обстановке. Такое явление тогда было частым.

Ранним утром 12 августа генерал Качанов повёл свои дивизии в наступление и наскочил на встречный удар X-го немецкого корпуса. Завязались жестокие бои. 34-я армия продвинулась в глубину немецкой обороны на 40 километров и через два дня достигла железной дороги Дно—Старая Русса. Главнокомандующий ГА “Север” генерал-фельдмаршал фон Лееб, чтобы остановить наступление русских, вынужден был перебросить в этот район моторизованную дивизию СС “Мёртвая голова”, а также 3-ю моторизованную дивизию. Группировкой командовал один из лучших танковых командиров Третьего рейха Эрих фон Манштейн. К отражению советского контрудара был привлечён 8-й авиакорпус фон Рихтгофена.

Наступавшую на левом фланге 27-ю армию немцы остановили восточнее Холма. Но Берзарин, выполняя приказ комфронта, упорно продолжал атаки вперёд.

Начальник немецкого Генштаба Франц Гальдер 18 августа 1941 года записал в своём дневнике о телефонном разговоре с фон Леебом: “Он сообщил мне, что крайне озабочен положением на участке X армейского корпуса. Все солдаты выведены в первую линию. Войска переутомлены. Противник ещё продолжает оказывать давление в районе севернее Старой Руссы. Здесь для использования в первой линии остаются только сапёрные роты. Командир корпуса и командующий группой армий будут довольны, если наши части удержат занимаемые ими позиции в течение сегодняшнего дня”.

Немцы поняли, что советская группировка южнее озера Ильмень опасна, что, не разгромив её, нельзя двигаться дальше к Ленинграду. Мгновенно была подготовлена частная операция.

Буквально 19 августа корпус Манштейна, проведя необходимую перегруппировку и усилившись за счёт подошедших резервов и частей второго эшелона, нанёс мощный контрудар, который и решил судьбу 34-й армии. Немцы ударили во фланг. В авангарде шла дивизия “Мёртвая голова”. Уже 20 августа войска генерала Качанова были разрезаны на две части. Одна часть успела отойти на Ловать и уклонилась от сокрушительного удара. Другая была окружена в районе западнее Старой Руссы и уничтожена. По различным данным, в плен попало от 4000 до 10000 тысяч бойцов и командиров. Осталась в “котле” почти вся артиллерия армии, танки, склады с боеприпасами. Немцам впервые удалось захватить неповреждённую реактивную установку БМ-13 (“Катюша”) с боеприпасами.

Однако это было только началом в цепи неудач Северо-Западного фронта.

До этого Берзарину удавалось парировать удары противника. Движение вперёд прекратилось. Но удавалось удерживаться на занятых позициях. Однако в начале сентября под ударами II армейского корпуса ГА “Север” фронт 27-й армии был прорван, и Манштейн погнал в прорыв свои танки и мотопехоту. Корпус Манштейна развивал наступление на Демянск, угрожая тылам наших армий. Пал Демянск, немцы захватили станцию Лычково, повернули к Селигеру. Часть сил 27-й и 11-й армий оказалась в окружении. Впоследствии они были уничтожены. Немецкое командование объявило о пленении 35000 красноармейцев и захвате богатых трофеев: 117 танков и 254 орудий.

Начались разборки. Командующего войсками Северо-Западного фронта генерал-майора П. П. Собенникова отдали под трибунал, приговорили к пяти годам лагерей, но впоследствии приговор смягчили, ограничившись понижением в звании.

Одиннадцатого сентября в деревне Заборовье, ныне Калининского района Тверской области, разыгралась трагедия. “Во внесудебном порядке за дезорганизацию в управлении артиллерией армии и личную трусость” был

расстрелян перед строем личного состава штаба 34-й армии начальник артиллерии 34-й армии генерал-майор артиллерии В. С. Гончаров.

Как это было, рассказал один из тех, кто стоял тогда в строю, полковник В. П. Савельев: “По приказу Мехлиса работники штаба 34-й армии были выстроены в одну шеренгу. Уполномоченный Ставки быстрым, нервным шагом прошёл вдоль строя. Остановившись перед начальником артиллерии, выкрикнул: “Где пушки?” Гончаров неопределённо махнул рукой в направлении, где были окружены наши части. “Где, я вас спрашиваю?” — вновь выкрикнул Мехлис и, сделав небольшую паузу, начал стандартную фразу: “В соответствии с приказом наркома обороны СССР номер двести семьдесят...” Для исполнения “приговора” он вызвал правофлангового — рослого майора. Тот, рискуя, но не в силах преодолеть душевное волнение, отказался. Пришлось вызвать отделение солдат...”

Тов. Мехлис в историю Великой Отечественной войны вписан намертво, кровью, в основном — красноармейцев и офицеров нашей армии. Чаще всего, ликвидируя на каком-либо угрожаемом участке прорыв, он использовал излюбленный, отработанный, отработанный до совершенства приём — расстрел перед строем без суда и следствия. При этом, надо заметить, тов. Мехлис (всё же уполномоченный ГКО СССР, армейский комиссар 1-го ранга, государственный человек) понимал, что совершает преступление. Конечно, за ним стоял приказ Верховного Главнокомандующего № 270 от 16 августа 1941 года. И всё же, дабы придать своему кровавому театру вид законности, на следующий день 12 сентября 1941 года, то есть задним числом, Мехлис издал приказ № 057 по поводу “осуждения и приведения в исполнение приговора в отношении В. С. Гончарова”. Текст писал собственноручно: “...За проявленную трусость и личный уход с поля боя в тыл, за нарушение воинской дисциплины, выразившееся в прямом невыполнении приказа фронта о выводе на помощь наступающим с запада частям, за принятие мер для спасения материальной части артиллерии, за потерю воинского облика и двухдневное пьянство в период боёв командующий артиллерией 34-й армии Гончаров на основании приказа Наркома обороны № 270 расстрелян публично перед строем командиров штаба армии”.

Текст примечательный. Жаль, комментировать его нет возможности по причине ограниченности текста.

С Мехлисом Берзарин встречался ещё на Дальнем Востоке. Офицеры трепетали, когда на их участке появлялся “верный пёс” Сталина. По всей вероятности, после прорыва немецких танков на участке 27-й армии ожидали его приезда и в штабе Берзарина. К счастью, миновало.

В тот же день, когда писался приказ, арестовали генерала Качанова. 29 сентября его расстреляли. В приговоре трибунала отмечалось, что “отход произведён в беспорядке, управление войсками было утрачено, в результате чего врагу был открыт фронт и дана возможность занять часть нашей территории”.

Повезло начальнику артиллерии 245-й стрелковой дивизии полковнику В. И. Брежневу. Он вышел из окружения на участок той же калининской деревни Заборовье через несколько часов после того, как комиссия уполномоченных Ставки уехала оттуда. Тело его непосредственного командира генерала Гончарова к тому времени уже забросали сырой осенней глиной. Полковника Брежнева не тронули. Вскоре новый командующий 34-й армии генерал Берзарин назначит его командующим артиллерией армии, и он будет успешно воевать на Северо-Западном фронте. В 1945 году будет командовать артиллерией 9-й гвардейской армии, которая отличится при взятии Вены и вместе с другими соединениями добьёт в австрийских горах армию фельдмаршала Шёрнера.

Маршал К. А. Мерецков в своих мемуарах писал: “Хуже получилось с К. М. Качановым. Л. З. Мехлис доложил в Ставку о его поведении, и на этом карьера командарма окончилась. На мой взгляд, его судьба могла бы оказаться лучшей, и он ещё проявил бы себя достойным образом. В начале войны многим военачальникам не удавалось сразу наладить дело. Это не мешало им отлично действовать в дальнейшем”.

А ведь Кирилл Афанасьевич Мерецков как член комиссии уполномоченных Ставки ВГК вместе с заместителем председателя Совнаркома Н. А. Булганиным (оба будущие маршалы Советского Союза, а второй — министр обороны СССР) были в тот расстрельный день в деревне Заборовье и молчаливо наблюдали сцену исполнения приказа № 270.

Принято думать, что у тех, кто умирает в солдатском мундире, нет ни отца, ни матери, ни жены, ни возлюбленной — никого, кто был бы сражён этим горем. Эта кровь — безвестная.

Могилы расстрелянных неизвестны.

4

Когда обстановка на левом фланге Юго-Западного фронта стабилизировалась, Берзарина вызвал командующий Калининского фронта генерал-полковник И. С. Конев. 27-я и 34-я армии перешли в подчинение управления Калининского фронта.

Конев и Берзарин, оба дальневосточники, общий язык нашли быстро. Коротко обсудили обстоятельства, в которых находилось полевое управление и войска 34-й армии после комиссии тов. Мехлиса.

— У вас, Николай Эрстович, крепкий штаб, надёжные и энергичные заместители, они вполне способны выполнять наши приказы. А вы отправляйтесь на командный пункт в тридцать четвёртую. Разберитесь. Надо, не медля, прекратить хаос и неразбериху.

Хаос и неразбериха в 34-й вскоре были прекращены твёрдой рукой Берзарина и его помощников, прибывших вместе со своим генералом. По существу, пришлось создавать новое полевое управление армии. Не хватало офицеров, специалистов. В плен попал начальник штаба генерал М. Т. Романов. Бывший командир 172-й стрелковой дивизии, отличившийся в июльских боях при обороне Могилёва, попал в плен 22 сентября. Герой Буйничского поля, которым восхищался Константин Симонов, умрёт в декабре 1941 года в офицерском лагере Хаммельсбург в Нижней Франконии.

Берзарин поочерёдно занимался делами двух армий. 27-ю, как наиболее боеспособную на левом крыле Северо-Западного фронта, Ставка реорганизовывала в 4-ю Ударную. Назначили и нового командующего — генерал-лейтенанта А. И. Ерёмко. Андрей Иванович Ерёмко был тоже из дальневосточников. Летом и осенью командовал Центральным и Брянским фронтами. Берзарина назначили на 34-ю армию. Жалко было расставаться с армией, которую уже полюбил и считал своей, с которой побывал в бою. К тому же, переходя в статус Ударной, она значительно усиливалась. Ударные армии, которые создавались в тот период на многих фронтах, предназначались для наступательных операций на важнейших направлениях. По сравнению с обычными общевойсковыми ударные имели больше танков, артиллерии, миномётов, в том числе установок БМ-13. Им придавались кавалерийские корпуса и даже танковые корпуса. Ударные армии действовали на самостоятельных операционных направлениях.

Но приказ есть приказ. 25 декабря 1941 года приказом НКО № 6048 Берзарин был утверждён в должности командующего войсками 34-й армии Северо-Западного фронта.

Наступил 1942 год. Южнее в полосе Западного и Калининского фронтов шло контрнаступление. Группа армий “Центр” оставила Тарусу, Калугу, Волоколамск, Малоярославец, Сухиничи и откатывалась к Вязьме и Ржеву. Немцы пока сохранили Юхновский и Ржевский выступы, надеясь в скором времени стабилизировать фронт, накопить сил и снова кинуться на Москву.

А здесь, на севере, Ставка готовила Демянскую наступательную операцию. 34-й армии в ней отводилась роль главного фронтового объединения в окружении и уничтожении войск противника в Демянском выступе.

Новая армия Берзарина перед атакой на Демянский выступ располагала следующими силами: пять стрелковых дивизий, противотанковый артиллерийский полк и отдельный танковый батальон. Перед началом операции из

фронтowego резерва выделили усиление. На день начала наступления 34-я армия, пополненная и усиленная резервами, при численном составе 36700 человек располагала 22 танками, 368 орудиями и миномётами (из них 105 орудий калибра 76-мм и крупнее).

Против пяти дивизий 34-й армии только в первом эшелоне стояли четыре дивизии противника. Они занимали основательно оборудованную полосу опорных пунктов с промежуточными позициями, между которыми всё просматривалось и простреливалось. Кругом лес, болота, снега по грудь, в которых застревали даже тяжёлые танки.

Берзарин, согласно плану операции, двинул вперёд правый фланг с задачей прорвать оборону на участке железной дороги Старая Русса — Валдай. Через два дня вперёд пошли дивизии левого крыла. 241-я стрелковая дивизия по льду перешла озеро Селигер, сбила противника с побережья, вышла к крупным опорным пунктам, охватила их, но взять не смогла. То же самое происходило на правом фланге. К концу января наступление заглохло в мёрзлых снегах Валдая. Ставка подбросила резервы: стрелковую дивизию, семь стрелковых бригад и три лыжных батальона. Эти силы были распределены по флангам, где шло наступление. Кроме того, на одно из направлений вперёд выдвинули стрелковый корпус фронтowego подчинения. Корпус и части 34-й армии, наступая вдоль шоссе Старая Русса — Залучье через Рамушево, к концу февраля в районе Залучье замкнули, наконец, окружение вокруг немецкой группировки. Целый месяц, до 20 марта, армия продолжала безуспешные попытки взять окружённый Демянск, дожать немецкую группировку, но ничего не вышло. Одновременно, каждая на своём участке, окружённых атаковали 11-я, 3-я Ударная, а потом и 4-я ударная армии.

Кто же сидел в Демянском “котле”?

Шесть дивизий. Весь II-й армейский корпус вместе со своим полевым управлением во главе с генералом Вальтером фон Брокдорф-Алефельдом. Около 90000 человек. В том числе моторизованная дивизия СС “Мёртвая голова”.

Гитлер категорически запретил фон Брокдорфу оставлять Демянский плацдарм. Ежедневно в “котёл” 100–150 транспортных самолётов доставляли до 250 тонн грузов. Кроме того, каждый транспорт доставлял взвод солдат подкрепления. Назад вывозили раненых, обмороженных и больных. Морозы стояли лютые.

Наши истребители редко появлялись в небе, оно безраздельно принадлежало люфтваффе. Но иногда над Демянском и Старой Руссой, над позициями противостоящих сторон вспыхивали воздушные бои. В одной из таких схваток был сбит Як-1 старшего лейтенанта Алексея Маресьева*.

С внешней стороны группировка немецких войск под командованием генерал-лейтенанта фон Зейдлица пыталась пробить коридор к окружённому. И это ей, в конце концов, удалось.

После войны Вальтер фон Зейдлиц-Курцбах, который попал в советский плен под Сталинградом через год после своего триумфа в районе Демянска, в одном из интервью признался: “Моя группа билась на протяжении месяца. Людей и техники мы потеряли порядочно. Но мне из Франции и Дании подбросили подкрепления. В ходе операции я получил тридцать шесть батарей разных калибров, сто восемьдесят одну противотанковую пушку. И ещё добавили пятьдесят миномётных батарей, тысячу четыреста сорок пулемётов и около шестидесяти танков. Число сил люфтваффе не помню. Я ударил по стыку на Рамушево и потеснил русские войска”.

Из интервью генерала Берзарина для “Красной Звезды”: “Да, битва у Демянского плацдарма была кровопролитной, но пролитая кровь — не ошибка, сделано великое дело. Мы сорвали план немцев взять Ленинград. Гитлер перебросил сюда из Западной Европы шесть дивизий на помощь группе Зейдлица. У нас элементарно не хватило сил. Но мы сковали крупные силы немцев. И немало их перемололи. А то бы они давно вышли на Неву и к устью Волги. Совесть наша чиста!”

* В 2015 году поисковики обнаружили в труднодоступном районе озера Селигер на границе Тверской и Новгородской областей останки Як-1, на котором воевал старший лейтенант Алексей Маресьев.

Интервью Берзарин давал главному редактору “Звёздочки” Д. И. Ортенбергу, и это было ответом командующего 34-й армией на аналитическую записку Генштаба, подготовленную по итогам Демянской наступательной операции и разосланную в штабы фронтов и армий. В ней говорилось: “С поставленной задачей советские войска не справились. Не увенчались успехом и последующие попытки Северо-Западного фронта ликвидировать Демянский плацдарм противника. Это объяснялось тем, что наступление организовывалось плохо. Командование фронта действовало нерешительно, управление войсками было слабым. Удары наносились не одновременно и на узких участках фронта, весь же остальной фронт оставался пассивным. Неоднократно повторившиеся удары следовали из одного и того же района”.

И во время войны, и до сих пор бои под Демянском сравнивают со Сталинградской битвой. Похоже, Ставка учла ошибки, допущенные в период проведения Демянской наступательной операции. Войск в междуречье Дона и Волги нагнали достаточно. И для того чтобы удержаться в Сталинграде, и чтобы охватить железным кольцом 6-ю армию Паулюса, и для того чтобы отбить деблокирующий удар танков Манштейна, и для того, наконец, чтобы добавить потом окружённую группировку. В Сталинграде немцы надеялись повторить то, что им удалось в районе Демянска год назад. Сюда же прибыли и генерал фон Зейдлиц. Но Демянска в районе Сталинграда на этот раз не вышло. Деблокирующий удар танкового корпуса наши войска погасили в районе реки Мышковой. Воздушный мост в окружённую группировку обрушили наша истребительная авиация и зенитная артиллерия.

Армиям, атаковавшим позиции противника под Демянском, дать было нечего. Дивизии и бригады, танки, артиллерийские орудия и миномёты, огнестрельные припасы были брошены в топку контрнаступления под Москвой. К концу зимы всё, накопленное Ставкой, было израсходовано. Под давлением войск Западного и Калининского фронтов немцы откатились от Москвы, закрепились на заранее подготовленных позициях и предприняли ряд частных контрударов. В результате несколько армий и группировок, особенно глубоко продвинувшихся вперёд, оказались отрезанными и вскоре уничтоженными. 29-ю армию генерала Швецова зажали в Мончаловских лесах западнее Ржева. Часть войск вырвалась, вышла на позиции соседней 39-й армии Калининского фронта. Среди вышедших — группа писателей, в том числе Александр Фадеев и Борис Полевой. Западный фронт понёс значительно большие потери. Под Вязьмой в полном окружении погибла Западная группировка 33-й армии генерала Ефремова. Погиб командующий — генерал-лейтенант М. Г. Ефремов: тяжело раненный, он застрелился, чтобы не попасть в плен. Там же и та же участь постигла части 4-го воздушно-десантного корпуса генерала Левашова. Генерал А. Ф. Левашов погиб во время десантной операции. Несколько дивизий 50-й армии генерала Болдина были отсечены в районе Мосальска и уничтожены.

Итак, операцию в районе Демянска Ставка и Генштаб оценили как провальную. Погибли несколько командармов, заместителей командующих армиями, командиров дивизий, тысячи красноармейцев. Десятки тысяч попали в плен.

Осенью 1942 года на 34-ю армию назначили генерала Лопатина. Берзарина направили вначале в кадровый резерв Северо-Западного фронта. 14 октября Ставка назначила его, с понижением, на должность заместителя командующего 61-й армией. Армия стояла западнее Сухиничей и Козельска перед сильной жидринско-брянской группировкой противника. Командовал армией генерал-лейтенант П. А. Белов.

В январе 1943 года Берзарина назначили на 20-ю армию.

Армия к тому времени прошла большой боевой путь. В 1941 году участвовала в Лепельском контрударе. Во время Смоленского сражения попала в окружение, с большими потерями вышла. В октябре во время операции “Тайфун” попала в Вяземский “котёл”, потеряла своего командующего, генерала Ершакова и члена Военного совета Семёновского. Во время контрудара под Москвой армия наступала на правом фланге Западного фронта. Участвовала в Клинско-Солнечногорской наступательной операции. В ходе

Ржевской битвы в апреле 1942 года прорвала оборону противника на реке Лама. Дивизии и бригады были основательно выбиты, однако продолжали активные боевые действия на своём фронте.

Командующие в 20-й армии менялись часто. За август-сентябрь сорок второго — четверо. Одним из них был Берзарин.

Во время очередного авианалёта Ю-87 спикировал точно на землянку КП. Из-под дымящихся брёвен и комьев мёрзлой земли вытащили тела погибших. Командарм подавал признаки жизни. Наспех перевязали. Понесли в санчасть.

Очнулся Берзарин в белой просторной комнате одного из корпусов Тимирязевской академии в Москве. Левая нога в массивном гипсе, подвешена. Подумал: хорошо, хоть цела. Потом было несколько операций. Осколки падали в эмалированный сосед, как рваная картечь.

Однажды к нему в палату шумно ввалился его дальневосточный приятель генерал А. П. Белобородов. Вспомнили КВЖД, сопки Забайкалья. Обсудили пьесу Александра Корнейчука “Фронт”, которая в те дни печаталась с продолжением в газете “Правда”. Афанасий Павлантьевич хмыкнул:

— Маршалы на Корнейчука Верховному собираются жаловаться.

— Пускай. Ты же сам понимаешь, то, что сейчас происходит на фронте, это не бои на КВЖД...

Генерал Белобородов в своих мемуарах спустя многие годы о своём боевом товарище напишет: “Мы с ним были хорошо знакомы по Дальнему Востоку, где он был заместителем командующего 1-й Отдельной Краснознамённой Дальневосточной армией. Николай Эрастович являлся типичным представителем новой плеяды командармов Великой Отечественной войны. Молодой (ему не было и сорока лет), широко эрудированный, очень волевой и решительный человек, он отлично проявил себя ещё в тяжкую пору сорок первого года”.

Вскоре начал вставать. Ходил на костылях. Как-то попросил доктора:

— Доктор, вы меня выпишите. А там, на фронте, я и с палочкой похожу. Доктор рассмеялся.

— В строй, товарищ Берзарин, непременно вернётесь, — сказал он. — Но вначале надо пройти курс послеоперационной реабилитации. Вы говорили, ваша семья сейчас в Ташкенте? Вот и поезжайте к ним.

Берзарин не знал, огорчаться решению лечащего врача или радоваться.

Санаторий для старшего офицерского состава находился в пригороде Ташкента. А совсем недалеко — центральная усадьба совхоза им. Ленина, где снимали комнату Наталья Никитична с дочерьми.

Старшая, Лариса, к тому времени окончила школу и краткосрочные курсы медицинских сестёр. Дежурила в военном госпитале. Мечтала о фронте.

Ташкентские дни были днями счастья. Семья собралась вместе. Смотрели друг другу в глаза и невольно думали о том, что скоро, очень скоро всё это закончится.

Когда у Берзарина закончился срок санаторного лечения, дочь получила в военкомате направление на фронт и стала собирать чемодан.

5

Пять месяцев пролетели как один день.

В августе 1943 года он прибыл в Москву, в Главное управление кадров.

Ещё в апреле вышел указ о присвоении Берзарину очередного воинского звания — генерал-лейтенант.

Теперь по заявке командующего войсками Калининского фронта его направляли на 39-ю армию.

Южнее от Белгорода до Орла гудела Курская дуга. Задвигался фронт и на северном фасе, от Брянска и Рославля до Вязьмы и Духовщины и Рудни.

В середине сентября после артподготовки части 39-й армии пошли в наступление* и вышли к Духовщине. Оборона противника была прорвана на

* Духовщинско-Демидовская операция 1943 года.

всю её глубину. В ночь на 19 сентября воины 17-й гвардейской дивизии 2-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Белобородова, накануне с боем переправившись через реку Царевич, ворвались в Духовщину, очистили улицы от последних эсэсовцев и подняли над этим смоленским городом красный флаг. В Москве в честь славной победы 39-й армии был дан салют.

На следующий день 4-я Ударная армия освободила Велиж.

Двадцать первого сентября 43-я армия взяла Демидов.

Духовщинско-демидовская группировка ГА “Центр” была разгромлена. Смоленская группировка оказалась охваченной с севера. Противник начал отставлять свои позиции и отходить на запад.

Двадцать девятого сентября дивизии Берзарина поставили точку — была взята Рудня. На этом войска Калининского фронта завершили Духовщинско-Демидовскую операцию 1943 года.

Дальше по фронту армий Западного и Калининского фронтов лежали Смоленск, Витебск и другие города Смоленщины и Белоруссии.

В освобождённой Духовщине тут же развернули армейский госпиталь. В нем медсестрой работала Лариса Берзарина.

В мае 1944 года Берзарина снова затребовали в Москву. И — новое назначение. На этот раз самолёт уносил его на юг, в Молдавию, в полосу действия войск 3-го Украинского фронта. Приземлились в Тирасполе. Там Берзарин принял командование 5-й Ударной армией, которая тогда занимала часть левобережной Молдавии.

В армии тогда шутили: мол, новый командующий прибыл из-под Смоленска с пополнением. Дело в том, что дочь Лариса прилетела в Тирасполь вместе с отцом. И тут же была зачислена медсестрой в полевой армейский госпиталь. Теперь она, его верный адъютант, всюду следовала за ним. Порой он подолгу смотрел на неё и думал с сожалением, что у него нет сына...

Как-то офицеры штаба показали своему командующему трофейную румынскую карту. Берзарин посмотрел на неё и невольно крикнул. “Великая Румыния” на ней захватывала Одесскую область и всю Молдавию. Это были провинции Транснистрии.

Перед порядками 5-й Ударной армии за Днестром стояла 6-я полевая армия второго формирования. В неё входили три немецких корпуса и один румынский. Армия “мстителей за Сталинград”, сформированная из родственников тех, кто погиб в междуречье Волги и Дона. Наблюдатели смотрели в бинокли и стереотрубы на правый берег Днестра, следили за передвижением в окопах противника и думали: здорово же им врезали под Сталинградом, раз столько родственников набралось...

Два корпуса 5-й Ударной армии держали оборону протяжённостью 135 километров. 32-й стрелковый генерала Жеребина и 26-й гвардейский стрелковый корпус генерала Фирсова были растянуты тонкой ниточкой по всему фронту и, пользуясь затишьем, занимались боевой учёбой.

Всю войну Берзарин старался окружить себя дальневосточниками. Храбрые, надёжные воины, превосходные управленцы, не боящиеся никаких трудностей. Именно таким был генерал-майор Дмитрий Сергеевич Жеребин. Выпускник Военно-инженерной академии им. В. В. Куйбышева. Молодым инженер-сапёром в звании капитана он прибыл в Приморскую группу. Участвовал в боях на озере Хасан. Это он с группой бойцов после кровопролитного боя поднял красный флаг над сопкой Заозёрная.

Перед новым наступлением Военный совет армии принял решение усилить боевую учёбу. Провели пятидневные сборы командиров батальонов, батарей и рот. Офицеры переднего края слушали доклады на следующие темы: “Об офицерской чести”, “О ротном хозяйстве”, “Об использовании огневых средств роты в наступательном бою”, “Командир — единоначальник и политический воспитатель своих подчинённых”, “О политической работе в подразделениях”. Беседы проводили офицеры штаба, член Военного совета армии Ф. Е. Боков и сам командующий.

В эти дни, кроме всего прочего, он решил побывать во всех дивизиях и полках, в отдельных частях, батальонах и батареях, приданных армии. Его днестровская инспекция запомнилась многим солдатам и офицерам. О ней

потом упоминали в своих мемуарах многие бывшие комбаты, командиры полков и дивизий 5-й Ударной армии. До него дошли неприятные разговоры о подполковнике Романовском — командире одного из полков 26-го гвардейского стрелкового корпуса. Романовский прибыл в полк недавно, когда войска уже стояли по Днестру. Кто-то в верхах решил полечить “болезнь” подполковника фронтом. Берзарин затребовал его личное дело. В нём нашёл документ с резолюцией маршала Г. К. Жукова: “Тысячи советских людей ему доверять нельзя. Направить на хозяйственную работу”. Но “хозяйственника”, как оказалось, прислали в гвардейский корпус.

Берзарин прибыл в полк. Было ещё утро, а подполковник уже “на бровях”. Состоялся разговор с глазу на глаз. “Вот что, товарищ Романовский, — подытожил командующий. — Полк я вам доверить не могу. Завтра людей в бой вести, а вы, простите, не просыхаете... А на хозяйственной работе вы и вовсе погибнете. У вас уже штабная изба, как соляной амбар йодом, цуйкой* пропиталась...” Подполковник Романовский согласился на лечение. Берзарин приказал выписать ему направление в Одессу, к профессору Шевелёву**.

6

После удара в Белоруссии (летняя, 1944 года, операция “Багратион” против ГА “Центр”) Красная армия, накопив силы и средства, готовилась к наступлению на юге. Штабы 2-го и 3-го Украинских фронтов и Черноморский флот подготовили масштабную операцию с целью охвата и уничтожения ГА “Южная Украина”. Пример двух основных ударов, увенчавшихся триумфальным успехом для войск 1-го Белорусского фронта (маршал К. К. Рокоссовский) в ходе операции “Багратион”, явно требовал повторения. Каждый из фронтов готовил свой прорыв.

Яско-Кишинёвская наступательная операция началась 20 августа. Артиллерия фронтов и Черноморский флот совместно с кораблями Дунайской военной флотилии *провели артиллерийское наступление*. Это была уже не просто артподготовка. Артиллерийский удар вначале пришёлся на передовую линию немецко-румынской обороны, основательно перепачкал её, захватив районы сосредоточения бронетехники, артиллерии и живой силы, а затем, когда наша пехота, танки и самоходки пошли вперёд, двойным огнём валом сопровождал атаку. Наступление велось из двух районов: с Кицканско-го плацдарма и из района западнее Ясс.

Бывший артиллерист 4-го гвардейского воздушно-десантного полка Иван Митрофанович Новохацкий вспоминал: “Когда мы двинулись вперёд, то на глубину примерно десять километров местность была чёрной. Оборона противника практически была уничтожена. Вражеские траншеи, вырытые в полный рост, превратились в мелкие канавы, глубиной не более чем по колено. Блиндажи были разрушены. Иногда попадались чудом уцелевшие блиндажи, но находившиеся в них солдаты противника были мертвы, хотя не видно было следов ранений. Смерть наступила от высокого давления воздуха после разрывов снарядов и удушья”.

Наши ударные группировки сразу же разорвали немецкую оборону, в прорыв прошли танковые и механизированные корпуса, развивая наступление.

Пятая Ударная стояла на месте. Сильная, основательно пополненная маршевыми батальонами, в достатке обеспеченная стрелковым оружием и тяжёлым вооружением, усиленная артополками и танковыми бригадами. В штабах корпусов, дивизий и на передовых НП батальонов нервничали,

* Цуйка — румынский фруктовый самогон.

** Шевелёв Евгений Александрович (1878–1954) — профессор медицины, невролог, психиатр, психолог и физиолог. Ученик и сподвижник В. М. Бехтерева. Главный врач психоневрологической больницы №1 в г. Одессе в 40-е годы XX века. Спас жизнь и вернул здоровье многим своим пациентам. Международная гуманистическая организация присвоила ему звание “Праведник народов мира”. Оставаясь в оккупированной Одессе, сохранил свою лечебницу и продолжал практику.

прислушиваясь к гулу наступления, которое шло в десятках километров справа и слева.

В конце июля комфронта собрал командующих армиями и командиров корпусов. Берзарин на совещании был напряжён. В предстоящей операции его сильной армии явно отводилась не та роль, на которую была способна 5-я Ударная. Когда слово предоставили командармам, он это напрямую и высказал. Маршал С. С. Бирюзов, в то время начальник штаба фронта, вспоминал: “Вот вышел к карте командующий 5-й Ударной армией Н. Э. Берзарин. Молодой, темпераментный, широко мыслящий. Докладывает ясно. Но по всему видно, страшно недоволен тем, что не его 5-я Ударная (ударная!) армия наносит главный удар. Заканчивая доклад, с нескрываемой горечью обратился к Толбухину Фёдору Ивановичу:

— Товарищ командующий, армия растягивает свой фронт, как гармошку. Всего получается 135 километров! Тут не только наступать — обороняться трудно.

Толбухин с улыбкой поглядел на Берзарина и приложил руку к груди: сочувствую, мол, но помочь ничем не могу...”

На остриё удара направлялась 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Не мог тогда, в целях сохранения секретности, комфронта сказать ему о запланированной роли 5-й Ударной. Что точка всей операции будет поставлена в Кишинёве.

Трое суток армия Берзарина стояла на своих позициях, и лишь 23 августа, когда кишинёвская группировка противника начала отход к реке Прут, ей дали отмашку из штаба 3-го Украинского фронта: “Вперёд!”

Пружина разжалась мгновенно, как спусковой механизм винтовки. Бросок 5-й Ударной армии на Кишинёв оказался таким стремительным, что “мстители за Сталинград” не успевали уносить ноги. Ударная группа прорвала оборону 6-й армии у Ореева, после чего, уже не встречая сколько-нибудь чувствительного сопротивления, основные силы стали быстро продвигаться вперёд.

В авангарде наступающих шёл штурмовой батальон капитана Алексея Бельского. Бельский со своими молодцами буквально бегом гнал перед собой “мстителей”. К исходу дня батальон прошёл около пятидесяти километров и завязал бой на окраине Кишинёва. После скоротечного боя на реке Бык гвардейцы смяли защитников опорного пункта и вошли в город. К утру столица Молдавии была очищена от противника. Батальон капитана Бельского зачистил центр города и водрузил красный флаг на руинах здания на перекрёстке улиц Ленина и Гоголя.

Перед наступлением на Кишинёв командарм напутствовал своих солдат и офицеров: “Мы идём по следам армии Суворова! Вперёд!”

Солдаты выполнили приказ генерала.

В донесении 24.08.44 года штаба 5-й Ударной армии Военному совету 3-го Украинского фронта говорилось:

“Войска 5 Ударной армии в ночь на 23.8.44 года прорвали оборону противника и, стремительно продвигаясь вперёд, в 17:00 23.8.44 года ворвались в столицу Молдавской ССР город КИШИНЁВ и штурмом к 24.8.44 года овладели им.

За 23.8.44 года части и соединения 5 Ударной армии с боями прошли свыше 40 километров, освободив при этом более 200 населённых пунктов.

В боях за овладение городом КИШИНЁВ отличились войска Гвардии Генерал-майора ФИРСОВА, Гвардии Генерал-майора ЖЕРЕБИНА, Гвардии Генерал-майора СЕРЮГИНА, Гвардии Генерал-майора СЫЗРАНОВА, Полковника ФОМИЧЕНКО.

Артиллеристы: Генерал-майора КОСЕНКО, Подполковника КЛИМЕНКОВА, Полковника ПАВЛЮБА, Подполковника ДМИТРИЕВА, Гвардии Подполковника РАХНИНА, Подполковника КОТОВА, огнемётчики Подполковника ЛИЗУНОВА.

Сапёры: Подполковника ФУРСА, Полковника ЧЕВЫЧЕЛОВА”*.

* ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 97. Л. 408.

К исходу 23 августа войска 3-го Украинского фронта перехватили пути отхода 6-й армии. На следующий день они соединились с передовыми частями 2-го Украинского фронта. Всё. Железный обруч вокруг кишинёвской группировки замкнулся и был надёжно склёпан усилиями танковых бригад и стрелковых дивизий. В окружении оказались части пяти армейских корпусов противника.

Командующий войсками 3-го Украинского фронта генерал Толбухин 26 августа через парламентёров и по радио предложил окружённым во избежание лишних жертв сложить оружие. Предложение о капитуляции было отклонено. 27 августа Красная армия возобновила боевые действия. В какой-то момент десятитысячной группировке немцев удалось захватить переправы через Прут и вырваться на западный берег Прута с дальнейшей целью пробиться к Карпатским перевалам. Её настигли посланные наперехват стрелковые дивизии 7-й гвардейской армии и бригады 23-го танкового корпуса. 28 августа они уничтожили эту группировку.

Яско-Кишинёвская операция закончилась полным разгромом основных сил ГА «Южная Украина». Советским войскам открылся путь для дальнейшего наступления. Румыния вышла из союза с Германией и вскоре повернула винтовки против бывших своих союзников.

Яско-кишинёвские дни стали первым триумфом генерала Берзарина как командующего армией.

Из приказа по армии: «В боях за овладение городом Кишинёвом бойцы, сержанты, офицеры и генералы показали возросшее воинское мастерство, боевую выучку и героизм, мужество и отвагу.

Верховный главнокомандующий И. В. Сталин высоко оценил наши боевые действия и объявил всему личному составу армии благодарность. Столица нашей Родины Москва салютовала двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из 324 орудий...»

В те дни ордена и медали сыпанули на 5-ю Ударную золотым и серебряным дождём. Только в 94-й стрелковой дивизии, которая отличилась в штурме Кишинёва, было награждено 1620 бойцов и командиров.

После освобождения Кишинёва в городе состоялся торжественный митинг. Армейская газета «Советский боец» писала: «Несмотря на пережитое, жителям Кишинёва хотелось отметить событие. Все улицы были заполнены людьми. Старые люди, подростки, дети, мужчины и женщины устремились в центр города, к площади Победы. Там уже войска, приготовившиеся к парадному шествию. Там гремит оркестр, там возведена трибуна, на которой — представители власти, генералы и офицеры, освободившие город. Ликование трудящихся города невозможно описать, когда они увидели поднявшегося на трибуну генерал-лейтенанта Николая Эрстовича Берзарина. Делегация горожан преподнесла командарму хлеб-соль. Он выступил перед собравшимися с взволнованной речью.

Перед трибуной по площади торжественным маршем прошли войска. Вид участников победного шествия был молодцеватым. Только тёмные тени под глазами у бойцов и офицеров напоминали о том, что эти люди всего сутки назад были в пекле боя. Они, атакуя, бежали и падали, они стреляли и бросали гранаты, дрались с фашистами в рукопашных схватках. Они выносили с поля боя своих раненых товарищей. И вот теперь, вымывшись и почистившись, они встали в парадный строй. Люди видели: таких воинов победить нельзя. Они справятся с любым врагом. Глядя на своих освободителей, горожане чувствовали, что окончательная победа близка. И потому последние слова речи командарма покрылись возгласами «Ура!»

Представитель Ставки маршал А. В. Василевский в те дни, пожимая руку Берзарину, с восхищением сказал:

— На этом направлении так быстро не наступал никто!

Ещё по Дальнему Востоку Берзарин знал: следом за восторгом триумфа идёт полоса тревог и бед. Перетолковывание старых сказок. Сочинение легенд. Обиды оказавшихся за бортом событий, обделённых славой и орденами.

Итак, за меня будут чаще говорить другие, если не считать тех случаев, когда мне придётся призывать себя в качестве свидетеля. Мне всегда как-то претило выступать перед публикой: в такие минуты меня вдруг охватывал стыд. Когда же это случится, я, разумеется, смогу говорить одну только правду. Когда речь идёт о себе, лучшей музой является Откровенность. Я не хочу, да и не умею рядиться в павлиньи перья. Как они ни красивы, каждому человеку, думается мне, надобно предпочесть им своё собственное оперение...

В эти дни при встрече в штабе фронта с генералами, командующими соседних армий, Берзарин заметил холодноватость и отчуждённость. Командармы смотрели то мимо него, то издали поглядывали через плечо и ухмылялись. Однажды услышал насмешливое: “Берзарин-Задунайский...”

Не зря при встрече Г. К. Жуков со своей солдатской прямоотой, без всякой задней мысли, предупредил: “Ты, Николай Эрастович, конечно, герой. Жми и дальше в том же духе. Но смотри, не зазнавайся. Этого у нас не любят. Через ГУК сожрут. А то и похуже...”

Он знал, что и отсюда, с фронта, особо бдительные строчат наверх “сигналы”. Что ж, надо было пережить и это.

В какой-то мере Берзарин в эти дни оказался в тех же обстоятельствах, в которых в мае 1945 года окажется покоритель Берлина маршал Г. К. Жуков. Там тоже “доброжелателей” будет пруд пруди.

Может быть, к счастью, в те дни он почувствовал недомогание — начало трясти. Особенно на солнце. Дочь осмотрела его и сразу определила: малярия.

Малярия тогда валила его армию полками.

Когда ещё стояли перед Кишинёвом, в Ганчештах ему доложили по команде: в некоторых батальонах людей трясёт, тошнит, иногда при высокой температуре. Стали давать бойцам и офицерам акрихин. Медсёстры и санитары консультировали больных: нельзя находиться на солнце, воздержаться от купания в открытых водоёмах, не ночевать в сырых землянках... Основные разносчики малярии — комары. Попробуй, спасись от них.

Эпидемия есть эпидемия. Медработников не хватало. И вот в одном арtpолку, по воспоминаниям ветеранов 5-й Ударной армии, “нашёлся умник, из астраханцев, который внушил, что акрихин полезно запивать не водой, а цуйкой...”

7

Малярия осталась позади. Ногу тоже подлечили. Но ходил всё же с палочкой.

В сентябре 1944 года последовал приказ Ставки: 5-ю Ударную армию отвести в тыл. Дивизии покидали Бессарабию, выдвигались в район станции Раздельной и там грузились в эшелоны. 7 сентября первые составы двинулись на северо-запад. Офицеры знали конечный пункт переброски — Вольнь.

Расположились в окрестностях Ковеля, только что освобождённого нашими войсками. Началась боевая учёба. Войска осваивали приёмы и способы форсирования водных преград, действия в условиях малых и больших городов. Осваивали новые образцы оружия и боеприпасов. Военные конструкторы и промышленность всю войну усиленно работали над усовершенствованием стрелкового оружия, артиллерийских орудий, танков, боеприпасов к ним, а также другого снаряжения, необходимого солдату в бою и повседневной жизни на фронте.

В это время в войска стали поступать самоходные артиллерийские установки. У пехоты был праздник, когда на фронт стали поступать первые САУ. Особенно СУ-76.

По сути дела это была 76-мм дивизионная пушка ЗИС-3, поставленная на лафет лёгкого танка Т-70. Получилась самоходная пушка, защищённая бронёй. Лёгкая, маневренная. Механик-водитель и расчёт. Предназначалась для действия в боевых порядках пехоты. Достаточно прочная броня и калибр орудия позволяли на равных тягаться с лёгкими и средними танками противника.

Но “пантеры” и “тигры” были ей не по зубам. Хотя были случаи, когда СУ-76 выходили победителями из поединков с тяжёлыми немецкими танками. Открытая рубка позволяла расчёту мгновенно реагировать на изменения, происходящие на поле боя, получать задачи от пехотных командиров на уничтожение огневых точек противника. СУ-76 помогала пехоте разрушать и подавлять инженерные сооружения опорных пунктов, прикрывала и усиливала огнём и гусеницами атаку нашей пехоты. Могла перевозить десант. Относительная лёгкость новой боевой машины позволяла ей двигаться по бездорожью в лесисто-болотистой местности, по гатям и сравнительно лёгким мостам.

Когда первые самоходки поступили в армию, Берзарин собрал совещание командиров полков и батальонов и поставил задачу: отработать приёмы взаимодействия в бою пехотных взводов и рот с новыми боевыми машинами в условиях плотных городских застроек и открытого поля.

Впереди была Германия. Солдатское сердце подсказывало Берзарину, что всё закончится в большом городе, и лучше бы в Берлине...

В лесах, на лесных дорогах, да и в дальних деревнях и на хуторах в предгорьях Карпат Ровенской и Винницкой областей, где стояли части армии, готовясь к предстоящим боям, было беспокойно. Повсюду действовали отряды боевиков ОУН, бандеровцы различных мастей, бывшие полицейские, сотрудники зондер-команд, бежавшие от Красной армии. Сотрудники СМЕРШа, подразделения войск НКВД, отряды местной милиции прочёсывали окрестности в поисках схронов. Иногда, когда своих сил не хватало, к операциям привлекали подразделения 5-й Ударной армии. Это были в основном разведчики и бойцы из бывших партизан, призванные полевыми военкоматами в недавно освобождённых областях.

Летом, во время Львовско-Сандомирской операции войска 1-го Украинского фронта маршала И. С. Конева разбили наголову многие формирования, основу которых составляли украинские националисты, в том числе 14-ю гренадёрскую дивизию СС “Галичина”. Произошло это в середине июля под Бродами в секторе действий 38-й армии генерала Москаленко. Вот и разбежались по лесам и хуторам бывшие легионеры, роттенфюреры и унтершарфюреры. Бежавших от советской власти и её идейных врагов руководители и функционеры ОУН и УПА энергично сбивали в боевые подразделения для противодействия Красной армии. Сотни (роты), курени (батальоны), чоты (взводы) и рои (отделения) были распределены по всему Прикарпатья и Вольни. Сформированные из разного отребья, в том числе бежавших от красноармейского штыка из внутренних областей России, эти чоты и курени начали настоящую войну против советских войск. Перехватывали обозы, хватали одиночек, нападали на санчасти, военные госпитали и небольшие гарнизоны. Женщин, как правило, уводили в лес, а красноармейцев убивали. В 1944 году Красная армия понесла от бандитских нападений следующие потери: “убитыми и повешенными” — 187 офицеров и 1880 солдат и сержантов; ранеными — 74 офицера и 1770 солдат и сержантов; “пропавшими без вести и уведёнными в лес” — 31 офицера и 402 солдата и сержанта.

Бандеровские схроны, отдалённые хутора в западных областях Украины стали идеальными местами для отсидки и действий оставленных Абвером агентов — диверсантов и разведчиков. Десятки раций в назначенный час передавали в эфир шифровки. Их принимали на той стороне. Врагу становилась известной самая разнообразная информация о наших войсках: передвижение армейских эшелонов, колонн боевой техники, вооружение частей, направляющихся к фронту, их состав, количество, настроение, содержание разговоров командиров, политработников и солдат.

К сожалению, власти недооценили степень той опасности, которую закладывали тогда националистические организации Западной Украины. Малочисленные группы и отряды НКВД не справлялись с обстоятельствами, а зачастую и сами оказывались жертвами бандеровцев.

Однажды Берзарина срочно вызвали в штаб фронта в Ровно. Штабную группу, кроме личной охраны командарма, сопровождал взвод солдат НКВД майора Аликина. Колонна штабных машин возвращалась, как тогда было принято, другим маршрутом. Он проходил недалеко от того злосчастного

места, где полгода назад был тяжело ранен генерал Ватутин. Последний раз он разговаривал с Николаем Фёдоровичем на передовом НП у Демянска в мае 1942 года.

В дороге Берзарин вспомнил ту встречу, разговор.

— Может, всё же заедем? — предложил Берзарин.

— В данное время — опасно, — сказал майор Аликин.

Венец война — терновый венец, и среди его колючих терний нет, как мне кажется, ни одного, которое бы заставляло человека страдать сильнее, нежели слепое повиновение...

Войска 5-й Ударной армии перешли на зимнее обмундирование. Противотанковые дивизионы получили новенькие 57-мм противотанковые пушки с великолепными прицелами. Эти орудия способны были останавливать немецкие “тигры” и “фердинанды”. Стрелковые роты довели до штатной численности — 120 человек. В полках провели тактические учения на тему: “Атака и наступление усиленного стрелкового батальона в глубине обороны противника”. В рядах атакующих двигались новенькие СУ-76. Позиции занимали новенькие 57-мм противотанковые орудия.

В середине октября дивизии начали покидать Вольнь и Ровенщину. Армию перебрасывали на северо-запад, в Польшу. Она занимала позиции в центре построения 1-го Белорусского фронта юго-восточнее Варшавы на Магнушевском плацдарме. Через всю юго-восточную Польшу растянулись колонны 5-й Ударной. И снова командарм попал на языки остроловов: мол, Берзарин наступают, как Александр Македонский, — тылы перебрасывает караванами верблюдов...

Верблюды в обозах некоторых дивизий армии — это правда. Их дали вместо лошадей ещё на Днестре. Пригнали из калмыцких степей. Выносливые, надёжные животные. Погонщики навьючивали на них десятки ящиков с боеприпасами и перевозили на дальние расстояния по лесам и болотам. Что и говорить, Александр Македонский был мудрым воином...

8

Висло-Одерская операция в масштабах Второй мировой войны, по сути дела, решила проблему Берлина. Она началась 12 января 1945 года. Войска четырёх фронтов — 1-го Белорусского (маршал Г. К. Жуков) и 1-го Украинского (маршал И. С. Конев), 3-го Белорусского (генерал армии И. Д. Черняховский) и 2-го Белорусского (маршал К. К. Рокоссовский) — после тщательной подготовки, накопив мощнейший боевой ресурс, нанесли “удар невиданной силы”, разгромили немецкую группировку в Польше, освободили десятки польских городов и очистили от немцев огромную территорию. К началу февраля Красная армия приостановила наступление в 60–70 километрах от Берлина.

Многое в этой масштабной операции решили первые часы — артиллерийское наступление. На участках прорыва плотность артиллерии составляла 250–300 стволов на один километр. Как отмечают историки, “эффект от удара превзошёл все ожидания”. Немцы совершили роковую ошибку: они подвели свои резервы близко к порядкам первой линии, и те оказались в зоне поражения губительного огня артиллерии. Немецкий генерал и историк фон Меллентин писал: “Русское наступление за Вислой развивалось с невиданной силой и стремительностью. Невозможно описать всего, что произошло между Вислой и Одером в первые месяцы 1945 года. Европа не знала ничего подобного со времени гибели Римской империи”.

На пятый день атаки войска маршала Жукова освободили Варшаву, окружили крупную группировку (до 60000 солдат и офицеров) в городе-крепости Познань. Части маршала Конева овладели Краковом, предотвратив разрушение древнего города отступающим противником, охватили город-крепость Бреслау с крупным гарнизоном и намертво блокировали его. Фронты продвинулись вперёд до 500 километров, сломив семь рубежей обороны ГА “А”.

Темп наступления составил 25 километров в сутки, у танковых и механизированных частей — до 70 километров. Наши войска уничтожили 35 дивизий. Захватили в плен до 150000 солдат и офицеров противника. К началу февраля Красная армия вышла к Одеру и с ходу захватила на западном берегу на берлинском направлении цепочку плацдармов.

Вскоре они, те плацдармы, и решат судьбу последнего штурма Третьего рейха.

Армия Берзарина атаковала прямо по фронту с Магнушевского плацдарма. Справа — 61-я армия генерала Белова. Слева — 8-я гвардейская армия Чуйкова. В первый же день её ударные группы разметали немецкую оборону на участке Выборув—Стшижка.

Вот что вспоминал о наступлении с Магнушевского плацдарма бывший офицер штаба 899-го стрелкового полка 9-го стрелкового корпуса, впоследствии писатель и биограф генерала Берзарина В. Е. Скоробогатов: “В четыре утра батальоны подняли по сигналу “Тревога!” Людей накормили завтраком, выдали на сутки сухой паёк. Стрелков снабдили патронами и гранатами. Эта деловая суета продолжалась до шести утра. По окопам пробежал полковой почтальон, солдат Фесенко, раздавал листочки с воззванием Военного совета 1-го Белорусского фронта. Достался такой листочек и мне. Приведу цитаты из этого волнующего документа, адресованного бойцам, сержантам, офицерам и генералам войск:

“Боевые друзья! Настал великий час! Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...”

“Мы идём в Германию после Сталинграда и Украины, после Белоруссии, через пепел наших городов и сёл. Горе государству мракобесов! Ничто теперь не остановит нас!”

“Нам не впервые бить врага. Войска нашего фронта били его смертным боем под Сталинградом и под Курском, на Днестре и на Нарве. Мы били его и тогда, когда он шёл на нас со своими подручными. Теперь гитлеровские прихвостни, жестоко проученные Красной армией, поворачивают оружие против фашистской Германии. Мы били врага и тогда, когда сражались против полчищ захватчиков одни, а теперь вместе с нами его бьют американцы и англичане, французы и бельгийцы. На этот раз мы добьём врага окончательно”.

На нашем участке немцы, узнав о прорывах на флангах, стали с боем отходить, избегая контакта с наступающей пехотой. Вступали в бой только подразделения прикрытия.

Всё пришло в движение. Вокруг нас простиралась чуть-чуть всхолмленная равнина, поросшая ёлочками и сосняком. Ночью в воздухе кружились снежинки, а сейчас воздух был чист, стоял лёгкий морозец, градусов до пяти. Подразделения сначала двигались по пространству враспынную, но некоторые из них постепенно стали сворачиваться в колонны и выходить на просёлки и к грейдеру, в направлении селения Нова Гура.

...Не говоря уже о командирах полков и дивизий, большинство высших чинов корпусов, армий находились с нами, непосредственно в зоне боевых действий. С ними небольшими группами передвигались на разных видах транспорта и штабные офицеры. Таким способом оперативные группы офицеров во главе с генералами осуществляли управление войсками”.

В первый день наступления комфронта маршал Г. К. Жуков находился в одной из колонн наступающей 5-й Ударной армии. Вместе с войсками — вперёд. Передвигался то на штабном вездеходе, то пешком. Берзарин, опираясь на палку, шёл рядом. Жуков часто связывался со штабами армий. Разговаривал то с Чуйковым, то с генералом Перхоровичем — его 47-я армия наступала на правом фланге фронта и охватывала Варшаву с севера, — то с 33-й, с генералом Цветаевым. 33-я совместно с 69-й и 7-м гвардейским кавкорпусом осуществляла вспомогательный удар с Пулавского плацдарма. Судя по настроению маршала, по тому, как он сбивал на затылок папаху, дела шли хорошо. Однако по привычке накручивать своих подчинённых он поторапливал командармов.

Из воспоминаний В. Е. Скоробогатова: “В первый день наступления с Магнушевского плацдарма маршал Жуков находился фактически в боевых порядках в нашем 9-м корпусе. Мы в этом убедились.

Убедились потому, что произошло дорожное ЧП. По грейдеру, проложенному здесь через небольшое болотце, двигался наш стрелковый полк и ещё врезались какие-то грузовики, орудия, обозы. И вдруг возник затор, потому что у какого-то шофёра впереди, как говорится, “по закону подлости”, заглох мотор. Транспорт напирал друг на друга, и движение прекратилось. Люди суетились, офицеры бегали, отдавая какие-то команды, бегал и я в том числе, а сдвига не получалось. Вдали заскрежетал немецкий шестиствольный миномёт.

Я по кочкам, через болотце, отбежал в сторону и остолбенел. Правее, совсем недалеко, виден был изрытый ямами бугор и на нём — курган. В неглубокой траншее — группа высших чинов. Они были узнаваемы — Жуков, Берзарин, авиаторы, танкисты.

Маршал, увидев безобразие на грейдере, оставил свой окопчик и широким шагом направился к скоплению паниковавших людей и техники.

И мгновенно, как молния, над столпотворением раздалась возгласы: “Жуков! Жуков! Жуков!”

И тут по грейдеру прошло что-то вроде судороги. Сотни рук схватились за свою технику, за транспортные средства. Десятки рук вцепились в борта и скаты злосчастного повреждённого “студебеккера”. Неисправная машина вместе с какими-то ящиками полетела с насыпи в болото. Колонна мгновенно стала выправляться и силой солдатских мускулов, конской энергией, загремевших моторов начала принимать привычную форму: тягачи, обозы, пушки резко сдвинулись, и вся эта масса ринулась вперёд.

Я увидел лицо маршала. Комфронта пошёл к кургану. Там были Берзарин, Косенко, Куцев, Боков, другие генералы; один из них — авиатор. Держа в руке микрофон, лётчик-генерал отдавал команды своим эскадрильям, видневшимся в небе”.

Что для наступающего полка, а тем более фронта, какой-то грузовик? Будь он нагружен боеприпасами или продовольствием, за который старшина роты, когда узнает, что случилось с недельным пайком роты, голову оторвёт... Вот так и судьба одного солдата, а в иных обстоятельствах и целого полка — ничто, дорожный эпизод на пути к Берлину...

Полки шли вперёд. То колоннами, то рассыпавшись побатальонно и поротно перед опорными пунктами, которые встречали наступающих огнём. Сбивали немецкую оборону и двигались дальше.

Вскоре вышли к гряде холмов, опоясанных линиями ходов сообщения и противотанковых бетонных надолбов.

— “Зубы дракона”, — пояснил кто-то из штабных офицеров.

“Виллис” командарма и штабной бронетранспортёр остановились.

Перед “зубами дракона” стояли огнемётные танки. Видно, спешили помочь пехоте выкуривать из бункеров и блиндажей защитников укрепрайона. Но те ушли заблаговременно, оставили позиции, не дожидаясь подхода частей 5-й Ударной армии.

Берзарин вышел из “виллиса”. Прочитал надпись на серой стене каземата — чёрной краской аршинными буквами, по-русски: “Смерть разбойникам Жукова!” И сказал:

— “Зубы дракона” мертвы. Они не изрыгают огня. Видно, не нашлось для этих казематов в Третьем рейхе зуавов-смертников.

— Да, — покачал головой генерал Боков, — дело сделали большое, а не воспользовались.

Кто-то из офицеров сказал:

— Видать, наших пленных немало здесь зарыли...

Помолчали.

Берзарин снова окинул взглядом линию бетонных “зубов” и подытожил:

— Вся-то суть дела, Александр Михайлович, — обратился Берзарин к своему начальнику штаба, — вот таких грозных “зубов” заключается в человеке,

а не в бетоне. Солдат порой в бетонном бункере, за метровыми стенами, боя не выдерживает, а порой в простом окопе его не взять...

У Берзарина великолепный штаб.

Начштаба — генерал Александр Михайлович Куцев. Спокойный, порой производит впечатление человека флегматичного, замкнутого. Берзарин знал: эта черта характера приобретённая. И дело вот в чём.

До рокового 1939 года Куцев успел окончить курсы двух академий: в 1932 году — Военную академию им. М. В. Фрунзе, в 1938 году — Академию Генштаба. Службу начинал ещё Русской императорской армии. Воевал в Первую мировую в чине унтер-офицера. В 1917 году добровольно вступил в Красную гвардию. Через два года уже командовал артиллерийским дивизионом. В тридцать восьмом, после окончания Академии Генштаба его направили на Дальний Восток. Получил назначение на штаб 57-го особого стрелкового корпуса. Корпус под командованием комкора Г. К. Жукова вскоре отличился в сражении на реке Халхин-Гол. В период боёв в штабе пропал единственный экземпляр оперативной карты. Начштаба отвечает за всё. Куцева арестовали, обвинили в передаче оперативной карты японцам. Следователи старались так, что комбриг наговорил на себя Бог знает что. Потом, при передаче дела в прокуратуру, от своих показаний отказался. Но это не помогло. Обвинялся в том, что ещё в 1935 году “завербован японской разведкой и проводил подрывную предательскую работу в период боёв в 1939 году в районе реки Халхон-Гол”. В ноябре Военная Коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по ст. 58-16 УК РСФСР — 20 лет без права переписки с поражением в правах, конфискацией имущества и лишением воинского звания “комбриг”. Отбывал в Устьвымлаге. Там получил ещё “пятёрку”. В июне 1943 года, когда железным огнём горела Курская дуга, по ходатайству и под поручительство Г. К. Жукова освобождён из заключения досрочно, восстановлен в РККА с понижением в воинском звании до полковника. В сентябре 1944 года получил звание “генерал-майор”. Все, знавшие его историю, знали и роль Мехлиса в его аресте и жестоком приговоре, равносильном смертной казни. Дело в том, что, когда Жуков, вопреки уставу, бросил в бой танковую бригаду без прикрытия пехоты на позиции японцев, из корпуса тут же по каналам особой связи в Москву сигнализировали о “проступке” волевого комкора. И в район боевых действий тут же по поручению Л. П. Берии вылетел начальник Главного политуправления РККА комиссар 1-го ранга тов. Мехлис. Вот тогда-то в корпусе и начались аресты “шпионов” и “врагов народа”.

Г. К. Жуков чувствовал и свою вину перед Куцевым. Там, на Халхин-Голе, когда за комбригом пришли офицеры НКВД, он пытался вступиться за своего начальника штаба, но ничего не вышло. Если бы карта вдруг нашлась... А то ведь сверхсекретный документ пропал. Где он? Все тогда в штабе стояли на ухах. Возможно, был недостаточно настойчив, убеждая работников спецслужб в добросовестности Куцева. Теперь, как бы между прочим поинтересовавшись у Берзарина работой начальника штаба и услышав в адрес дальневосточника похвалы, маршал старался опекать своего бывшего комбрига. После ряда удачно разработанных и блестяще проведённых армией армейских и фронтовых операций он настоял на представлении скромного — всегда в тени — Александра Михайловича к званию Героя Советского Союза. Этого высокого звания генерал Куцев был вполне достоин. Но Жуков смотрел дальше: судимость с Куцева, несмотря на его фронтовые заслуги, была ещё не снята. Официально реабилитирован он будет спустя двадцать лет после войны, в 1965 году.

Войну генерал А. М. Куцев закончит в Берлине. Парадный мундир отяжелеет от орденов: двух орденов Ленина, трёх — Красного Знамени, Кутузова 1-й и 2-й степени и дорогой ему медали “XX лет РККА”.

Должно быть, и вправду на свете нет ничего выше самопожертвования — недаром так много прекрасного заложено в людях незаметных, которые подчас не имеют и представления о собственных достоинствах и не задумываются о тайном смысле своего существования. Именно благодаря

самопожертвованию у человека, чья жизнь проходит в лишениях и невзгодах, каким-то чудом создаётся характер, формируемый нарочито и вместе с тем исполненный великодушия, черты которого крупны и благородны, как черты лица на древней медали.

Полнейшее самоотречение, о котором я только что говорил, постоянное и равнодушное ожидание смерти, безусловный отказ от свободы мыслей и поступков, медленность продвижения по службе, почти не дающая простора честолюбию, и невозможность накопления богатств пробуждают добродетели, весьма редкие среди тех категорий людей, которые вольны поступать, как им захочется...

Рядом с командармом и в штабе, и на НП передовой линии, и в колонне наступающих войск — член Военного совета генерал-лейтенант Фёдор Ефимович Боков. Уроженец Воронежской губернии. До войны окончил Военно-политическую академию им. В. И. Ленина. С начала войны на фронте — член Военного совета Северо-Западного фронта, 2-го Белорусского фронта. Берзарин познакомился с Боковым во время боёв под Демянском. Когда получил назначение на 5-ю Ударную, тут же перетащил его к себе.

Артиллерия в 5-й Ударной, как правило, начинала каждую очередную операцию. Она же ликвидировала прорывы и останавливала контрудары противника, отбивала его танковые атаки. Артиллерией командовал генерал-майор Пётр Иванович Косенко. Родился он в селе Великомихайловке под Новым Осколом. В Красной армии с 1919 года. Участник гражданской войны. Окончил артиллерийскую школу в Харькове. Затем — Одесскую командную школу тяжёлой береговой артиллерии. Командовал огневым взводом и дивизионом. В 1938 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и отбыл на Дальний Восток. Командовал артиллерией 1-й Краснознамённой Дальневосточной армии. В самый канун войны окончил курсы высшего состава при Академии Генштаба РККА. Воевал под Москвой, в районе Демянска. На Воронежском фронте командовал 1-й истребительно-противотанковой артиллерийской дивизией. Отличился в ходе Курской битвы. С 1944 года командовал артиллерией 5-й Ударной армии. После войны Герой Советского Союза генерал Косенко будет командовать артиллерией воздушно-десантных войск.

Хорошо была поставлена работа оперативного отдела. Не подводила связь.

Широкомасштабная Висло-Одерская операция распалась на целую серию более мелких и частных операций. Одной из них была Варшавско-Познаньская операция 1-го Белорусского фронта. Основной удар в рамках этой операции осуществляли 5-я Ударная и 8-я гвардейская и 61-я армии.

Шестнадцатого января с вводом в прорыв 2-й гвардейской танковой армии в полосу армии Берзарина маршал Г. К. Жуков начал стадию классического наступления на охват с последующим разгромом.

За четыре дня наступления войска 1-го Белорусского фронта разгромили главные силы 9-й армии противника и прорвались своими подвижными силами в оперативную глубину обороны немцев на расстояние до 130 километров. То, что себе позволяли летом сорок первого танковые группы Гудериана, Клейста и Гота, теперь, и более успешно и сокрушительно, делали гвардейские танковые армии генералов Катукова, Богданова, Рыбалко и Лелюшенко. 26 января танковые клинья 1-го Белорусского фронта достигли польско-германской границы. 29 января гвардейские танковые корпуса успешно преодолели Мизеритцкий УР и выкатились на бульжные мостовые приграничных немецких городов.

Тридцать первого января авангарды 5-й Ударной армии достигли Одера. Берзарин тут же передал им приказ: “Вперёд, на западный берег!”

К исходу 3 февраля в районе Кюстрина были захвачены и расширены плацдармы.

Жуков был явно настроен идти дальше и завершить удачно протекавшую операцию в Берлине. Не зря же его штаб накануне операции внушал каждому бойцу: “Пришло время нанести врагу последний сокрушительный удар и осуществить историческую задачу, поставленную Родиной, — добить

фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином знамя победы...”

Но тут случилось то, чего опасались в штабе фронта больше всего. Противник усилил свою группировку в Померании. Группа армий “Висла” изготавилась для удара в южном направлении во фланг наступающим войскам 1-го Белорусского фронта. В помощь группировке 2-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков направил четыре общевойсковых, два танковых и один кавалерийский корпус. Они вскоре покончили с померанской группировкой противника. Но силы были израсходованы, а момент для молниеносного удара на Берлин оказался упущенным. Немцы успели укрепиться в Заодерской равнине, создать глубокоэшелонированную оборону до самого Берлина, в том числе линию Зееловских высот.

Впоследствии маршал В. И. Чуйков напишет: “...если бы Ставка и штабы фронтов как следует организовали снабжение и сумели вовремя доставить к Одеру нужное количество боеприпасов, горючего и продовольствия, если бы авиация успела перебазироваться на приодерские аэродромы, а понтонно-мостостроительные части обеспечили переправу войск через Одер, то наши четыре армии — 5-я ударная, 8-я гвардейская, 1-я и 2-я танковые — могли бы в начале февраля развить дальнейшее наступление на Берлин, пройти ещё восемьдесят-сто километров и закончить эту гигантскую операцию взятием германской столицы с ходу”.

Дело не в фантазиях Чуйкова. И не в его полудуфантастических публицистических “если бы”. (Если бы на наш горох не мороз, он бы и тын перерос...) Дело в том, что такие, февральские настроения в войсках, сосредоточенных перед Берлином, существовали. У Чуйкова это настроение выплеснулось. Другие помалкивали. Или подбивали итоги, исходя уже из событий общего контекста завершённой истории взятия Берлина.

Армия Берзарина сделала самый глубокий бросок вперёд и остановилась на Кюстринском плацдарме. До “логова” оставалось всего ничего — 60 километров. Через Зееловские высоты.

Однажды, после успешного завершения Яско-Кишинёвской операции, начальник штаба 3-го Украинского фронта генерал С. С. Бирюзов позвонил Берзарину и поздравил с овладением Кишинёва.

— Желая так же успешно взять Берлин, — сказал он.

Берзарин, возвращая Бирюзову его юмор, ответил:

— Спасибо, Сергей Семёнович. Но если вам поручат планировать Берлинскую операцию, то вы опять поставите меня на второстепенное направление.

— Вас хоть куда ставь, вы всё равно будете впереди.

9

“Дату вступления войск 5-й Ударной армии 1-го Белорусского фронта на территорию коренной Германии, — вспоминает В. Е. Скоробогатов, — можно назвать точно: 27 января 1945 года. В этот день на пути следования наших частей в городе Лукац-Крейц мы прочли надпись на фанерном щите, прибитом к телеграфному столбу: “Вот она, проклятая Германия!”

Выступив из Магнушева 14 января 1945 года, мы к 28 января преодолели более 500 километров. С боями, по бездорожью, сквозь ветер и снегопад. “Пехота — царица полей” — красиво звучит. Но какой тяжкий ратный труд был взвален на матушку-пехоту! Никогда не забуду одни страшные сутки марш-броска. До цели, до села Эшенбуш, надо было преодолеть что-то около 60 километров. Шли просёлками и перелесками, в условиях густой снежной метели. Каждый боец был нагружен, как верблюд. Что нёс солдат? Вещмешок с предметами личной гигиены и с суточным пайком. Имел набитую патронную сумку, винтовку и автомат, несколько ручных гранат. На салазках обычно волокли ящики с минами, станковые пулемёты.

<...> Проходили чёрные пустые селения, лесные чащи. Наконец-то показали какие-то огоньки, скопление транспорта, орудия. Эшенбуш! Шли очень долго, а достигли посёлка после полуночи. Я полностью потерял способность

передвигаться. <...> Забрался внутрь какого-то помещения, где при свете керосинового фонаря спали вповалку люди.

Кто-то уступил мне место в углу, где я сел на пол. Нет, я не уснул — я просто потерял сознание”.

Берзарин гнал вперёд свои корпуса и дивизии. На узлах сопротивления не задерживались, обходили их, оставляя вторым эшелонам, артиллерии и авиации. На Одер его войска вышли первыми. В первых числах февраля 248-я стрелковая дивизия (генерал-майор Н. З. Галай) 9-го стрелкового корпуса завязала бой на берегу Одера и с ходу, “под огнём врага, по ненадёжному льду, разбитому авиацией и артиллерией”, начала переправу. Одновременно на соседнем участке начали переправу на западный берег 89-я и 94-я гвардейские дивизии.

Берзарин доложил Жукову: “Дошли!” Жуков: “Нужен плацдарм, вперёд!” Берзарин: “Есть плацдарм, закрепляемся!” Жуков: “Поздравляю, держись!” И тут же подтвердил свой приказ письменно:

“...На 5-ю Ударную армию возложена особо ответственная задача — удержать занимаемый плацдарм на западном берегу реки Одер и расширить его хотя бы до 20 километров по фронту и 10–12 километров в глубину.

Я вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от всех исключительной стойкости и доблести.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха.
Г. Жуков”.

Жуков явно выделял 5-ю Ударную и её командующего.

В приказах комфронта этого периода начинает пробиваться пафос. Что ж, история уплотняла события. Финал уже зиял впереди.

Берзарину везло. Но, как говорят, везение — это тщательно подготовленное стечение обстоятельств.

Однако на подходе к Одеру 5-й Ударной действительно повезло.

Бойцы 899-го стрелкового полка захватили гауптмана, инженера, занимавшегося строительством оборонительных рубежей на подступах к Берлину и в самом городе. У него оказался подробный план Большого Берлина и пригородов с нанесёнными на него инженерными сооружениями оборонного значения и другими военными объектами. Курсанты допросили инженера, тщательно изучили план, словно знали, что скоро идти с боем и через предместья, и по улицам Берлина, и отправили его в штаб дивизии, к генералу Галаю. Тот тут же направил его в штаб корпуса, к Ивану Павловичу Рослому. Вскоре план и гауптман оказались в штабе фронта.

Штабы в те дни работали день и ночь. Офицеры оперативных отделов добросовестно исползали на пузе все наиболее важные участки предстоящего наступления, истоптали все ходы сообщения переднего края. Наносили на карты лощинки, высоты, здания, рощи и речки, каналы и фольварки. Авиационная разведка проводила регулярную фотосъёмку. Самолёты-разведчики забирались в глубину немецкой обороны, за Зееловские высоты, до пригородов. Артиллеристы фиксировали свои цели, лётчики — свои, танкисты — свои. Офицеры-наблюдатели стрелковых частей — свои. Дорожные перекрёстки, мосты, линии траншей, бетонные бункеры, каналы, противотанковые орудия и пулемётные доты, которыми, как правило заканчивались отрезки дорог на перекрёстках и за поворотами. Четыре года войны научили их распознавать под стогами сена и различными хозяйственными постройками позиции пулемётных расчётов, под крышами сараев и конюшен — одиночные противотанковые орудия, танки, во дворах — припаркованные грузовики, бронетранспортёры и тягачи, за стенами фольварков — замаскированные ветками и маскировочными сетками миномётные батареи.

На плацдармах у Кюстрина было тесно от войск и боевой техники.

Накануне в штаб 1-го Белорусского фронта из Москвы поступила директива Ставки ВГК № 11059: “Главный удар нанести с плацдарма на р. Одер западнее Кюстрина силами четырёх общевойсковых армий и двух танковых армий”.

Берзарин рассматривал в стереотрубу линии проволочных заграждений, холмы на горизонте, жилки каналов и дорог. С волнением думал: “Скоро!”

Сбывалось то, о чём мечтали, но о чём боялись сказать вслух под Ржевом и Демянском. До Берлина, если напрямик на запад, всего шестьдесят километров.

Комфронта поставил задачи армиям на первые четыре дня наступления, серией отдельных приказов — ударным группировкам. Первым номером шла частная директива за № 00539/оп, в которой определялась роль и место в колоннах наступающих 5-й Ударной, 8-й гвардейской, 1-й и 2-й гвардейской танковым армиям. Этой четвёрке предстояло атаковать с Кюстринского плацдарма. Но роль коренника в этой гонке отводилась армии Чуйкова.

Берзарину предписывалось:

“...прорвать оборону противника на участке: отм. 9,3 (2 км сев. Цехин), Ной-Харденберг, Грунов, Везенталь, Бломберг, Бланкенбург, Тегель, овладеть рубежами:

а) в первый день операции — искл. Альт-Фридрих, Ной-Харденберг, искл. Альт-Розенталь;

б) во второй день операции — искл. Претцель, Рульдсдорф;

в) в третий день операции — искл. Люме, Куммензее, Альт-Ландсберг.

В дальнейшем овладеть северо-восточной и северной частью г. Берлина и на шестой день операции выйти на восточный берег оз. Хавельзее”.*

Общевойсковые армии должны были прорвать первые линии обороны для ввода в прорыв мобильных сил танковых армий с целью развития наступления и его темпов. Согласно плану Берлинской операции, события должны были развиваться по классическому сценарию, отработанному в предыдущих масштабных атаках. Танковые бригады Катукова и Богданова должны были проломить дорогу к пригородам Берлина от юго-западной его части до северной и затем выйти к Эльбе навстречу союзникам.

Историк Алексей Исаев пишет: “Ни 1-й, ни 2-й танковым армиям не ставилась задача водрузить красное знамя над Рейхстагом. Их задачей был быстрый прорыв на окраины Берлина и захват пригородов по периметру города. Шесть танковых и механизированных корпусов по плану “обволакивали” немецкую столицу, подобно тому как паук заматывает жертву в паутину. Тем самым Берлин блокировался и подготавливался к генеральному штурму с запада 8-й Гвардейской и 5-й Ударной армиями. Через Силезский вокзал к центру города должна была идти пехота армии Чуйкова, а не танки Катукова. По первоначальному плану операции участие танковых армий в уличных боях было минимальным. Они должны были только предотвратить усиление гарнизона”.

Состав 5-й Ударной армии перед последним штурмом выглядел следующим образом: четыре корпуса — 26-й гвардейский, 9-й, 32-й стрелковые корпуса, 11-й танковый корпус; 61-я инженерно-сапёрная бригада; 4-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада; 220-я танковая бригада; 89-й тяжёлый танковый полк; 92-й инженерно-танковый полк (15 Т-34 тральщиков); 396-й тяжёлый самоходный артиллерийский полк; 274-й отдельный механизированный батальон особого назначения. В каждой из девяти стрелковых дивизий был самоходно-артиллерийский дивизион. Армия располагала 353 бронеединицами: 128 ИС-2, 41 Т-34, 3 Т-70, 134 СУ-76, 26 ИСУ-122, 21 ИСУ-152. Машина! Мощь, как говорили тогда солдаты, глядя, как на марше их обгоняют танки и бронетехника усиления. Такой бы кувалдой в сорок втором демянский “котёл” крушить...

Ударной группировке маршала Г. К. Жукова противостояла 9-я полевая армия генерала Бюссе ГА “Висла”. Общая численность — около 200 000 человек. Немецкая группировка по численности значительно уступала нашей. Но инженерные сооружения, прекрасно оборудованные позиции вполне компенсировали эту разницу. Так что драться предстояло на равных. Решал, как всегда в таких сражениях, дух войска.

Плотность артиллерии в период артподготовки на участке 5-й Ударной армии была 286 стволов на 1 км фронта. Для сравнения: на участке 8-й — 268 стволов.

* ЦАМО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 459. Л. 75.

Прожекторы распределили по всему периметру. 5-й Ударной досталось 36 установок из 143. Толку от них было мало.

Армии Берзарина судьба поднесла горькую чашу сразу, ещё перед общей атакой, когда поступил приказ провести разведку боем.

Каждая армия, изготовившаяся к штурму, проводила разведку боем перед своим фронтом своими силами. Но на Кюстринском плацдарме, где стояли ещё две армии, 3-я ударная и 47-я, подведённые сюда накануне, разведку боем решено было провести силами частей, ранее занимавших плацдарм. Так что батальоны полезли на проволоку не только на своих участках, но и в полосе соседей.

Короткий бой продолжительностью два-три часа, в ходе которого пехота и танки продвинулись до 400 метров в глубину обороны противника, показал: на первом рубеже немцы держат немногочисленные боевые охранения; во второй линии находятся основные силы пехоты и артиллерии, а между ними — отдельные узлы сопротивления, доты, одиночные самоходные орудия, которые своим огнём контролируют промежуточное пространство.

Берзарин со своим штабом сделал вывод: “Проводить полную артподготовку по первому рубежу и прилегающей к нему тактической глубине не имеет смысла”^{*}.

На следующий день Берзарин приказал усилить группы тяжёлыми танками, орудиями большой мощности, миномётами. На некоторых участках батальоны продвинулись до 2–2,5 километра и закрепились там. В результате была сбита со своих позиций 20-я танко-гренадёрская дивизия. Её окопы заняли берзаринцы.

В полосе 8-й гвардейской армии разведку боем проводили штрафники. Наконец, наступило 16 апреля.

10

Протяжённость фронта наступления у 5-й Ударной армии составляла девять километров. Свой боевой порядок Берзарин выстроил в два эшелона. В авангарде — пять дивизий. На их пути стояли части 309-й пехотной и 9-й парашотно-десантной дивизии армии генерала Бюссе.

В 5:00 началась артподготовка. На участке армии огонь вели 1999 орудий различных калибров и 306 установок БМ-13 “катюша”.

В первый же день наступления выяснилось: продвижение вперёд слабое, сопротивление сильное. 26-й гвардейский стрелковый корпус сбил противника с железнодорожной насыпи и углубился на три километра.

Успехи соседей в первый день наступления оказались более скромными. Однако первая линия была прорвана, войска подошли ко второй линии немецкой обороны — “позиции Харденберга”.

Потери 5-й Ударной были самыми большими — 369 человек убитыми и 1298 ранеными.

Наступление не прекращалось и ночью. Теперь в боевых порядках дивизий первого эшелона шли танки и самоходки 2-й гвардейской танковой армии. К исходу второго дня наступления войска Берзарина продвинулись ещё на 8–14 километров и перехватили Рейхсштрассе №167. За шоссе открывались Зееловские высоты. Прорваны “позиции Харденберг” и “позиции Штейн”. Потери снова были самыми высокими: 615 человек убитыми и 2034 ранеными. Такова цена успеха армии, добившейся во второй день атаки наибольших результатов.

В одной полосе с пехотой Берзарина шли танки 1-го механизированного Красноградского корпуса генерал-лейтенанта С. М. Кривошеина.

Мехкорпус генерала Кривошеина входил в состав 2-й гвардейской танковой армии. Корпус сильный. Его состав: 19-я, 35-я, 37-я механизированные бригады, 219-я танковая бригада, 57-й отдельный мотоциклетный батальон, 75-й самоходно-артиллерийский полк, 347-й гвардейский самоходно-артиллерийский полк, 1822-й самоходно-артиллерийский полк, 294-й миномётный

^{*} ЦАМО РФ. Ф. 426. Оп. 10753. Д. 1425. Л. 96.

полк, 1382-й зенитный артиллерийский полк, 41-й гвардейский отдельный миномётный дивизион реактивной артиллерии.

Танковая и механизированные бригады были укомплектованы исключительно ленд-лизскими танками “шерман” и “валентайн”, а также бронемашинами “скаут кар”. “Скаут кар” — машина большой проходимости с мощным мотором и противопульной обшивкой. По хорошей дороге развивал скорость до 90 км/час. Что-то вроде современного джипа. На нём устанавливались два, иногда три, а то и четыре пулемёта на турелях. В условиях городского боя в кварталах с плотной застройкой такой бронетранспортёр был незаменим. Представьте себе, во двор влетает бронированная машина с открытым верхом и из пулемётов, установленных на турелях, начинает поливать свинцом окна и мансарды, где засел противник. Два из четырёх пулемётов — крупнокалиберные 12,7-мм “браунинги”. “Джип” Второй мировой использовали и в качестве автомобиля-разведчика, и в качестве артиллерийского тягача, и как штабную машину. На его платформе устанавливали лёгкую противотанковую пушку или миномёт.

С прорывом ударников Берзарина и бригад генерала Кривошеина к Зеловским высотам наметилося, наконец, направление предстоящей атаки в глубину немецкой обороны.

Штаб ГА “Висла” лихорадочно латал пробоины в фронте 9-й армии, перебрасывал сюда новые и новые части из резервов и неатакованных участков.

Войска, остановленные перед Зеловскими высотами, начала атаковать немецкая авиация. Видя, какие потери начали нести передовые части, Берзарин тут же запросил у штаба фронта прикрытие с воздуха. Пехотинцы и танкисты с восторгом наблюдали, как наши “Яки” и “ЛаГГи” буквально рвали над высотами немецких асов. Десятки “юнкерсов” и “фоккевульфов” были сбиты в тот день.

В штабе 5-й Ударной с удовлетворением и восхищением повторяли: “В небе Савицкий!”

Генерал-лейтенант Е. Я. Савицкий командовал 3-м истребительным авиационным корпусом. И каждый день вылетал на своём командирском Як-3 в группе со своими “соколами”. К концу войны на его личном счету было 22 самолёта и два сбитых в группе. А всего с 1942 года по 1945-й генерал Савицкий произвёл 216 боевых вылетов.

Берзарин какое-то время наблюдал, как кувыркаются, словно игрушечные, над сопками высот истребители 3-го корпуса, как вываливаются из “карусели” дымящие “фоккеры” и “мессершмитты”, потом позвал шифровальщицу Аверину и продиктовал телеграмму для генерала Савицкого: “Прошу объявить благодарность лётчикам Вашего корпуса, отлично действовавшим в сложных метеорологических условиях при обеспечении войск и переправ через Одер”.

На третьи сутки штурма войска Берзарина и Чуйкова при поддержке танковых армий развивали успех, наметившийся на их стыке. Их пыталась контратаковать танково-гренадёрская дивизия СС “Нордланд”. Ударом наших авангардов контратака была погашена ещё на стадии развёртывания. Немецкие тылы уже давали сбой, танки “Нордланда” стояли без горючего и использовались в бою как неподвижные огневые точки.

На четвёртый день 61-я армия генерала П. А. Белова, действовавшая правее, с Франкфуртского плацдарма, начала переправу через Одер.

Бывший командир LVI танкового корпуса генерал артиллерии Гельмут Вейдлинг вспоминал: “18 апреля русские продолжали расширять прорыв между 56-м и 11-м тк СС, а равно между 56-м тк и 101-м ак, оказывая одновременно давление с фронта на части 56-го тк”.

Вводом в бой последних резервов, в том числе танково-гренадёрских дивизий “Нордланд” и “Недерланд”, ГА “Висла” на сутки удалось задержать обвал фронта.

Девятнадцатого апреля “позиция Вотан” была взломана сразу на широком фронте в полосах ударов 5-й Ударной, 3-й Ударной и 8-й Гвардейской армий.

Стрелковые корпуса армии при поддержке брони и гусениц 12-го гвардейского танкового корпуса сбили части 9-й армии с рубежа восточнее Ригенвальде и продвинулись в глубину на десять километров и более.

Корпус генерала Кривошеина, сменив направление, ушёл вперёд. Атаки 5-й Ударной армии теперь поддерживал 12-й гвардейский корпус генерала Н. М. Телякова. Корпус сильный, при трёх гвардейских танковых бригадах, гвардейской мотострелковой бригаде и вспомогательных частях.

С прорывом “позиции Вотан” фронт 9-й армии начал рассыпаться.

Из штаба фронта в связи с изменившимися обстоятельствами тут же поступили новые директивы, определившие армиям новые направления.

Общевойсковые армии Берзарина и Чуйкова и танковая громада Катюкова с боями и частыми вынужденными остановками, обусловленными яростным сопротивлением частей 9-й армии, двигались к “имперской столице” вдоль Рейхштрассе № 1 и составляли левое крыло фронта. “К вечеру 20 апреля, — пишет исследователь Битвы за Берлин историк Алексей Исаев, — стрелковые дивизии 8-й Гв. и 5-й Ударной армий выстроились подковой вокруг сбитых с “позиции Вотан” остатков корпуса Вейдлинга”. Сам Вейдлинг вспоминал тот день так: “20 апреля сильно побитые части 56-го тк вели бои на линии Гартенштадт (севернее Штраусберга), Клострдорф, Хозенхольц, Дамедорф, Мюнхеберг. Это был самый тяжёлый день для моего корпуса и, пожалуй, для всех немецких частей; части, понесшие огромные потери в предыдущих боях, измотанные и усталые до крайности, не могли больше выдерживать огромный натиск превосходящих русских войск...”

Реки... Сколько их пришлось форсировать, переплывать на бревне, переходить вброд и по только что наведённым мостам солдату Красной армии на пути к Берлину! Для Берзарина водные преграды начались с озера Селигер на Валдае. Вазуза, Ловать. Потом были реки Подмосковья. Днестр. Одер.

И вот он со своими солдатами подошёл к Шпрее.

Каждый, кому на войне дана власть над подчинёнными, рано или поздно задумывается над ценой своих побед и рисует в воображении картины гибели своих солдат, тех, кого он посылал на смерть. Кто-то из посланных на смерть выжил, кто-то — нет, добросовестно исполняя полученный приказ. Те картины бывают чудовищны и порой не согласуются с логикой политических задач и военной необходимостью...

Полк принадлежал полковнику, а рота — капитану...

II

Историки признают: “Своё участие в Битве за Берлин 5-я Ударная армия начала с блестящего “хода конём” — с форсирования реки Шпрее”*.

Отличился 9-й стрелковый корпус генерала Рослого. Надо заметить, что с входом корпуса в предместья “имперской столицы” его дивизии и части усиления действовали с особым подъёмом и энергией, будто у солдат, сержантов и офицеров открылось второе дыхание.

И здесь Берзарину снова повезло: для форсирования Шпрее армии были приданы катера Днепровской речной флотилии. Небольшие полуглиссеры, вооружённые пулемётами “максим” на турелях, в считанные минуты приняли десант, и вскоре четыреста человек вслед за разведкой высадились на противоположном берегу, подавили немногочисленные гарнизоны противника, находившиеся вдоль побережья, и захватили плацдарм. Моряки-днепровцы начали переправу: на катерах и глиссерах перебрасывали на плацдарм пехоту, на паромах — артиллерию.

Пленный, захваченный при расширении плацдарма, рассказал: “Большинство сил подсектора-2 располагалось на главной линии обороны, так как готовились отразить удар с юго-востока; на левом фланге по р. Шпрее имелось только боевое охранение, так как мы не думали, что русские будут форсировать озёра. Однако русские ударили нам во фланг, тем самым нарушили всю систему обороны сектора”.

Вслед за артиллерией на паромы начали заезжать танки.

В этот день 26-й стрелковый корпус генерала Фирсова захватил Силезский вокзал.

* Исаев А. В. Битва за Берлин. Флаг над Рейхстагом. — М.: ЭКСМО, 2010.

Бой не утихал ни днём, ни ночью.

Утром 23 апреля Берзарину передали 11-й танковый корпус генерала Ющука. Три танковых бригады, каждой из которых придан полк СУ-76.

По приказу командарма в полках и батальонах начали формировать штурмовые группы. В зависимости от задач штурмовые группы могли быть числом от отделения до роты. Их оснащали пулемётами, 45-мм орудиями, а также 76-мм дивизионными и полковыми пушками, 122-мм гаубицами, миномётами различных калибров. Придавали две-три самоходки или тяжёлые танки ИС-2. Штурмовые группы двигались в авангарде соединений, зачищали дом за домом, квартал за кварталом от фаустников, разбивали доты, подавляли небольшие гарнизоны, давая путь колоннам основных войск.

Армии медленно продвигались к центру Берлина. Быстрого броска не получалось. Шло медленно прогрызание немецкой обороны, постепенное перемалывание берлинского гарнизона.

Из западной части Берлина на участок действия войск генерала Берзарина была переброшена 18-я танково-гренадёрская дивизия. Она на один день приостановила наступление 32-го стрелкового корпуса. Корпус стоял перед Шпрее. Под шквальным огнём противника захватил небольшой плацдарм, но вскоре от роты, переправившейся на немецкий берег, осталось одно отделение.

Только 9-й корпусу И. П. Рослого удалось благополучно перемахнуть через Шпрее.

Штурмовые группы продолжали выкуривать из полуподвальных помещений фаустников, терпеливо выжидавших в своих укрытиях приближения советских танков, чтобы с близкого расстояния наверняка израсходовать свои три фаустпатрона и уничтожить бронеединицу и пять человек экипажа. Часто в окнах полуразбитых домов и за горами кирпича и черепицы сидели, держа наготове своё чудо-оружие, двенадцати-тринадцатилетние подростки — последняя надежда фюрера. Наши автоматчики вытаскивали их за шкуру из канализационных люков, из разбитых троллейбусов на баррикадах, перегораживавших улицы, отнимали фаустпатроны, вытряхивали из просторных мундиров и провожали в тыл. Когда опорные пункты оказывали упорное сопротивление, стреляя из проломов в стенах, из окон, с мансард из пулемётов и орудий, штурмовые группы подвигали 203-мм гаубицы и долбили прямой наводкой с расстояния 100–150 метров, не жалея снарядов. Потом по дымящемуся щебню шли вперёд.

Двадцать четвёртого апреля командующий войсками 1-го Белорусского фронта своим приказом назначил генерал-полковника Н. Э. Берзарина комендантом и начальником гарнизона Большого Берлина в границах двадцати районов.

К исходу 27 апреля 5-я Ударная армия, накануне, наконец, переправившись через Шпрее, смогла продвинуться вперёд более чем на километр. До Рейхстага оставалось 2250 метров.

Полоса наступления сужалась. Соседи теснили и справа, и слева. Справа — левофланговая дивизия и бронетехника усиления 3-й Ударной армии генерал-полковника Кузнецова. Слева — части генерал-полковника Чуйкова.

Части авангарда начали сокращать численность штурмовых групп. Пять автоматчиков, два снайпера; пулемётчик, три сапёра.

Часть артиллерии и транспорта Берзарин приказал отвести в тыл.

К исходу 28 апреля войска 9-го стрелкового корпуса очистили от противника 23 квартала и вели бой у Ангальтского вокзала, Вильгельмштрассе и Кохштрассе. До Рейхсканцелярии штурмовым группам генерала Рослого оставалось совсем немного. 32-й корпус продвигался по западному берегу Шпрее в направлении Лейпцигерштрассе и Потсдамской площади.

В этот день в распоряжение штаба армии из фронтового резерва прибыли два артиллерийских дивизиона орудий большой мощности — 305-мм пушки на гусеничном ходу. В каждом дивизионе — четыре установки. Заряд — 24 килограмма ленточного пороха. 120-килограммовый снаряд. Фугасный, бронебойный или бетонобойный. Могли стрелять и корабельными снарядами, которые были в два раза тяжелей. Калибр линейных кораблей. Самая

большая дубина русского “бога войны”. Артиллерист запросто залезал в ствол этой царь-пушки. Полутора-двухметровые стены домов, превращённых в крепости, разлетались, как картонные.

Маршал Г. К. Жуков явно выгалкивал Берзарина к Рейхстагу. Однако к вечеру следующего дня судьбу Рейхстага решила 150-я стрелковая дивизия 3-й Ударной армии. Её штурмовые отряды уже атаковали высокое здание с округлым куполом. Артиллерии всех армий, наступающих к центру Берлина, приказано было прекратить огонь.

Когда командир 9-го стрелкового корпуса доложил Берзарину, что его передовые батальоны остановлены перед комплексом зданий гостипографии, что открытая местность перед ними простреливается из пушек и миномётов и что лёгкая артиллерия эффекта не даёт, он приказал подвести для стрельбы прямой наводкой 203-мм орудие. Одно за другим рушились кирпичные здания, погребая под обломками и щебнем своих защитников. Уцелевшие перебрались в здания, стоявшие в глубине квартала. Огонь 305-мм орудия их не доставал, мешали руины впереди стоявших зданий. И тогда — о, русская смекалка! — бойцы штурмовых групп атаковали их трофейными 300-мм реактивными снарядами. Пуски снарядов производили с лотков, изготовленных тут же, кустарным способом, из окон и мансард по соседним окнам. Вскоре с гарнизонами последних зданий типографии было покончено.

Берзарин потом с интересом разглядывал уцелевшее типографское оборудование, металлические кассы в наборном цеху, переплётные станки...

Вечером 30 апреля в штаб армии поступил приказ штаба 1-го Белорусского фронта № 006: “<...> Войска 3-й Ударной армии генерал-полковника Кузнецова, продолжая наступление, сломили сопротивление врага, заняли главное здание Рейхстага и сегодня, 30.4.45 г. <...> подняли на нём наш Советский флаг. В боях за район и главное здание Рейхстага отличился 79-й стрелковый корпус генерал-майора Перевёрткина, 171-я стрелковая дивизия полковника Негоды и 150-я стрелковая дивизия генерал-майора Шатилова”.

Но бои продолжались. Живые отгаскивали убитых, перевязывали раненых. Те уныло брели в тыл. Пехотинцы короткими бросками перебирались от окна к окну, от здания к зданию, от руины к руине. В ход шли ручные гранаты и трофейные фаустпатроны. Перед самым штурмом Берлина личный состав обучали пользоваться этой нехитрой штуковиной, и теперь бойцы не хуже фольксштурмовцев палили по целям из свехоружия фюрера. Из глубины кварталов через головы атакующих штурмовых групп, нащупав цели, часто били самоходки и танки. Когда наступала пауза или ночь прекращала атаки, бойцы и командиры засыпали тут же, под уцелевшими стенами на гудах щебня в обнимку с автоматами и положив под головы потные пилотки.

После окончания боёв в интервью одному из корреспондентов центральных газет Берзарин сказал: “Думаю, что такого массового героизма, какой проявлялся в эти дни в битве за Берлин, ещё никогда не было. Да, да, поверьте мне, старому солдату. В чём секрет этого героизма, понять нетрудно: желание быстрее добить врага и победно закончить войну. И как результат этого — всеобщее воодушевление! И, конечно, воинское мастерство и труд. Солдатский подвиг рождается в труде. Без этой взаимосвязи невозможно понять и правильно оценить героизм советских воинов...”

Самое прекрасное после вдохновения — это самоотверженность; вслед за Поэтом первым идёт Солдат; не его вина, если ему суждена доля илота.

Армия слепа и бессловесна. Она бьёт наугад оттуда, куда её ставят.

Ей ничего не надо, и она действует механически. Это большая машина, которую приводят в движение и которая наносит смерть; но это и нечто такое, что способно страдать.

Бои продолжались с прежним ожесточением. 30 апреля авангарды 5-й Ударной ворвались в Рейхсканцелярию. В коридорах — вороха бумаг. Пачки листовок, перевязанные шпагатом. Отпечатаны, видимо, в той самой типографии, которую только что разнесли в пух и прах орудия большой мощности и

сапёры из штурмовых групп. На одной из них — воззвание Геббельса к берлинцам и солдатам гарнизона: “Браво вам, берлинцы! Берлин останется немецким! Уже движутся отовсюду к Берлину корпуса и армии, готовые защищать столицу, нанести решающее поражение большевикам и в последние часы изменить судьбу нашего города...”

Бои продолжались. А новый комендант Берлина часть своих усилий и энергии уже тратил на то, чтобы на освобождённой от нацистов территории гражданские люди почувствовали себя освобождёнными, чтобы армейские тылы приступили к самому необходимому — ротные и батареинные повара должны делать дополнительную закладку и кормить гражданских.

Из воспоминаний бывшего командира 771-го артиллерийского полка 248-й стрелковой дивизии 5-й Ударной армии полковника Владимира Алексеевича Жилкина: “Кажется, 29 апреля мы оказались в расположении полков своей дивизии, в зоне вражеского пулемётно-артиллерийского и миномётного огня. С наступлением темноты наша 6-я батарея произвела смену позиции, чтобы участвовать в штурме главного объекта немецкой обороны.

Здесь я должен уточнить, что карт Большого Берлина у нас оказалось мало, на всех офицеров не хватало. Командующий артиллерией корпуса пообещал нам, что выдаст нам некоторое количество карт дополнительно. Указали координаты, и я с двумя автоматчиками отправился в штакор. Это был уже “тыл”. Я стал свидетелем того, как берлинцы, старые и малые, начали выбираться из подвалов и других укрытий. У афишной тумбы уже толпилось до десятка немцев, они читали наклеенный там приказ коменданта города. Возвращаясь с пачкой карт, полученных в штабе корпуса, я увидел порядочную толпу. Стоял грузовик, и двое наших солдат выдавали немцам хлеб и консервы. Под напором голодной толпы солдаты растерялись. Подбирая немецкие слова, я крикнул, призывая соблюдать порядок. Мгновенно люди вытянулись в цепочку: слова мои подействовали.

В сторонке, не решаясь подойти к толпе, стояла ветхая старушка с девочкой 10–12 лет. Обращаясь ко мне, офицеру, старушка стала что-то лепетать. Фразы её можно было понять и без перевода — от голода у неё блестели глаза. Рот у её внучки был раскрыт, она делала глотательные движения. Я взял у солдат из ящика банку консервов, буханку хлеба и отдал старой женщине. “Данке щён, данке щён”, — шептала старушка, а девочка протянула руку, и на раскрытой ладонке лежали золотые женские часики. Я сделал отрицательный жест рукой, как мог, пояснил, что вот-вот стрельба закончится. Вся толпа стояла тихо и смотрела на меня, как на чудотворца. Снабженцы пояснили мне, что раздача продуктов ведётся по приказу советского коменданта. В тот день Берзарин накормить берлинцев не мог, конечно, но он сел надежду на спасение...”

Штаб Берзарина в те дни по-прежнему размещался в Карлсхорсте, в комплексе зданий бывшего Военно-инженерного училища. Несколько дней назад 301-я стрелковая дивизия выбила отсюда элитную часть немцев. Теперь оттуда расходились приказы, обращённые не только к наступающим войскам, но и к тылам, а также к берлинцам. Гросс-комендант Берлина уже действовал. 28 апреля в освобождённых кварталах города было расклеено обращение — эдикт-приказ № 1:

“1. Населению города соблюдать полный порядок и оставаться на своих местах.

2. НСДАП и все подчинённые ей организации распустить и деятельность их запретить.

3. В течение 72-х часов со времени опубликования приказа должны явиться на регистрацию все военнослужащие немецкой армии, войска СС и СА, оставшиеся в городе Берлине.

4. Руководящему составу всех учреждений НСДАП, гестапо, жандармерии, охранных отрядов, тюрем и всех других государственных учреждений явиться в районные и участковые комендатуры для регистрации.

5. Все коммунальные предприятия, как то: электростанции, водопровод, канализация, городской транспорт, все лечебные учреждения, все продовольственные магазины и хлебопекарни должны возобновить свою работу

по обслуживанию населения. Рабочим и служащим перечисленных учреждений оставаться на своих местах. В дальнейшем, до особых указаний, выдачу продовольствия из продуктовых магазинов проводить по нормам и документам, существовавшим ранее.

6. Собственникам банков и управляющим временно всякие финансовые операции прекратить, сейфы немедленно опечатать и явиться в военные комендатуры с докладом о состоянии банковского хозяйства.

Всем чиновникам банков категорически запрещается проводить какие бы то ни было изъятия ценностей...”

Тот же эдикт предписывал сдать имеющееся на руках либо найденное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, военное снаряжение и имущество.

Надо было удерживать и воинскую дисциплину в войсках, расквартированных в Берлине и предместьях после подписания немцами капитуляции. 7 мая 1945 года под грифом “Для служебного пользования” Берзарин подписал приказание № 0180 “Об организации патрульной службы в г. Берлине”.

“Комендант Берлина *приказывает*:

1. В целях решительного пресечения мародёрства и другого противозаконного поведения ввести всеохватывающее патрулирование в тех районах, где размещены армейские подразделения.

2. Для несения патрульной службы выделить лучшие силы из числа рядовых, сержантов и офицеров.

3. Для контроля патрульной службы и поддержания общего порядка в Берлине, а также в целях пресечения грабежей и насилий привлекать всех, без исключения, штабных офицеров всех уровней.

4. Проводить патрулирование на автомашинах с командой от четырёх до шести автоматчиков, а именно:

— от каждого из стрелковых полков: одна машина;

— от каждого дивизионного штаба: две машины;

— от корпусных штабов: три машины;

— от штаба армии: десять машин”.

В каждом полку был сформирован комендантский взвод.

В. Е. Скоробогатов вспоминал: “У нас в полку командиром этого взвода служил Сергей Астахов, до призыва в армию работавший начальником районной милиции. Он и группа штабников оборудовали грузовик для патрульной службы. Вооружив людей автоматами, Астахов дал знать всей округе, что здесь он не потерпит каких-либо бесчинств. Саратовец, лейтенант Володя Жевак, например, в кварталах, занятых нашим полком, через громкоговоритель оповестил жителей на немецком языке, куда им обращаться с сигналами, если кто-либо из военных допустит притеснения.

Потом мы учредили в штабе приёмную, где постоянно вместе с дежурным офицером находился переводчик Киселёв. На этом пункте жители имели возможность изложить свои просьбы”.

Маршал Г. К. Жуков назначил Берзарина на пост коменданта Берлина в те дни, когда ещё продолжались яростные схватки за центр “имперской столицы” и когда ещё действовал старый комендант и начальник берлинского гарнизона генерал Вейдлинг. Пушки ещё не умолкли, а уставшие от четырёхлетней тяжкой фронтовой работы солдаты продолжали атаковать вперёд, когда в районах германской столицы уже начала действовать сеть районных комендатур.

Город был условно разделён на три сектора. Секторы — на районы. Каждому району был присвоен номер.

В южный сектор входили следующие районы: Целендорф, Штеглиц, Шёнеберг, Кройцберг, Темпельгольф и Нойкёльн.

В северо-западный: Райникондорф, Велдинг, Тиргартен, Шарлоттенбург, Шпандау и Вильмерсдорф.

В северо-восточный: Панков, Пренцлауер-Берг, Митте, Вайсензее, Фридрихсхайн, Лихтенберг, Трептов и Кёпеник.

В каждом районе — военный комендант, штат заместителей и специалистов, обязательно переводчик, комендантский взвод. Комендатуры тут же приступили к исполнению порученных дел. Вместе с донесениями из штабов

атакующих корпусов и дивизий Берзарин получал доклады от военных комендантов о состоянии дел городского хозяйства, о том, какая помощь оказывается местным жителям, какие проблемы возникают и какие из них необходимо решить в первую очередь.

Однажды во время последних дней штурма позвонили сразу из нескольких районных комендатур: прекратилась подача электричества и воды. Для большого города — это катастрофа. Правда, мы, русские, вправе вспомнить Сталинград и другие города и городки, разбитые войной до основания, и расставить по этой теме свои оценки. Но, войдя в “логово”, откуда ещё исходило зло, и подавив сопротивление берлинского гарнизона, Красная армия сразу же приняла на себя заботу о мирных гражданах большого города. Если провести справедливые аналогии, то немцы обязаны были сбрасывать голодающим ленинградцам контейнеры с консервами и хлебом, не угрожать обороняющейся Москве затоплением, не выжигать вместе с жителями белорусские, смоленские, тульские и брянские деревни...

Оказалось, во время подрыва мостов через Шпрее и каналы немцы основательно повредили электростанцию в Шарлоттенбурге, последнюю из уцелевших. Берзарин тут же бросил туда разведку и бригаду специалистов. Электричество поступало от турбин плотины в Руммельсберге. Под огнём противника всю ночь инженерная служба 5-й Ударной армии устранила неполадки. К утру заработала вначале одна турбина, потом все остальные.

Жуков в своей директиве новому военному коменданту, кроме всего прочего, предписывал: “Мы ожидаем, что в каждом работнике нашей берлинской комендатуры сплетутся в тугой узел все высокие нравственные понятия: долг, порядочность, воля, доброта”.

Жуков прекрасно знал, кому доверить хозяйство.

Знал и Берзарин, кого назначает военными комендантами районов. Знал каждого. По боям. По отношению к службе, к подчинённым, к порученному делу, к материальным ценностям, к врагу, к пленным, к мирным жителям.

— Насколько этот старый солдат, покорившийся судьбе, — сказал я, — лучше всех нас, молодых офицеров, обезумевших от честолюбия.

Это навело нас на размышления.

— Да, я твёрдо уверен, — продолжал я, проходя через малый мост, который подняли сразу же вслед за нами, — я уверен, что в наши времена нет ничего чище души такого вот солдата, до того щепетильного в вопросах чести, что он считает её запятнанной, даже если совершит самый пустячный промах в дисциплине или допустит малейшую небрежность. Не зная ни честолюбия, ни тщеславия, ни стремления к роскоши, он вечный невольник, который горд и доволен своей Неволей и приемлет её; для него самое драгоценное в жизни — это воспоминание, овеянное чувством признательности.

— И он полагает, что Провидение не сводит с него глаз, — заметил глубоко потрясённый Тимолеон, прощаясь со мною, чтобы пройти к себе.

Ещё со времён дальневосточной службы, с озера Хасан Берзарин полубил кавалерийскую бурку. Чёрного цвета. Она и плащ при дожде, и шинель, и пол, и постель. Изнашивал одну, заводил другую. Другьям в минуты откровения признавался: “Уйду в отставку, пойду на конный завод”. Лошадей любил. Часто садился в седло. Но чаще — на мотоцикл. Считал езду на мотоцикле прекрасным спортом, очень полезным для мужчины, особенно в его годы.

А годы-то были молодые — в начале апреля исполнился сорок один. Но выглядел старше своих лет. После тяжёлого ранения ходить стал меньше — болела нога. Немного раздобрел, раздвинулся в плечах, осел. Вот и завёл снова мотоцикл. И быстро, и удобно крутился по берлинским улочкам, расчищенным во многих местах только наполовину. И свиту из охраны с собой возить не надо, достаточно одного автоматчика.

Одновременно оставался командующим 5-й Ударной армии.

Надо заметить, что его войска, должно быть, закончили боевые действия самыми последними.

Когда на других участках уже затихла стрельба, когда иссяк поток пленных, вылезших из-под обломков зданий после объявления генералом Вейдлингом капитуляции гарнизона, и после многолетней тяжкой работы солдат одолел вязкий, словно августовский мёд, сон, в секторе 899-го полка 248-й стрелковой дивизии поднялся переполох. Вначале подумали: славяне на радостях палят в воздух, разряжают диски и обоймы, чтобы не оттягивали ремень. Но вскоре командиры насторожились: “Что за чёрт?!”

Впереди по фронту — исклёванное прямыми попаданиями здание Рейхсканцелярии. Где-то под ним — “фюрербункер”. Уже сообщили, что Гитлер покончил с собой. Перед штурмом Рейхсканцелярии штурмовой группе полка поступил приказ от командарма: “Постарайтесь захватить живыми оставшихся главарей фашистской Германии”. Никого из главарей захватить не удалось. То ли все главные трофеи уже расхватили штурмовые группы из других частей — здесь, в центре, в эти дни всё перемешалось, сбились в кучу многие подразделения не только соседних дивизий и корпусов, но и армий, — то ли главари фашистской Германии последовали за своим фюрером.

В штаб астраханского полка доложили: на позиции батальона капитана Боровкова на Инвалиденштрассе со стороны Рейхсканцелярии — попытка прорыва колонны бронетехники в количестве до пяти единиц; артиллеристы подбили две единицы, остальные прорвались на второй рубеж, там останвлены бронейщиками; экипажи, потеряв несколько человек, укрылись в руинах зданий и ведут непрерывный огонь, в переговоры не вступают.

Комполка выслушал доклад и распорядился:

— Кончайте быстрее.

На всякий случай, памятуя приказание генерала Берзарина, послал туда группу автоматчиков: “Если есть кто из важных, взять живыми”.

Живыми взяли двоих в форме с петлицами СС, мужчину и женщину. Мужчина управлял бронетранспортёром, а женщина назвала себя фрау Эрной, машинисткой стенографического бюро доктора Фриче — заместителя министра пропаганды. Именно она и рассказала, что в другой группе, укрывшейся среди руин, находится бригаденфюрер СС Монке, личный пилот Гитлера Ганс Баур, хирург Людвиг Штумфеггер, рейхсгендфюрер Артур Акман и, самое невероятное, рейхсляйтер Мартин Борман.

Пленных отправили в штаб дивизии.

Атаку на засевших за руинами ээсовцев возглавили командир одного из батальонов астраханского полка капитан Кошурников и командир роты лейтенант Личугин. Они попали под шквальный огонь, и почти все погибли. После чего командир полка полковник Артёмов приказал сапёрам взорвать остатки домов, где засели ээсовцы.

Полковник Сергей Артёмов был молод, ему шёл двадцать девятый год. С Кошурниковым и Личугиным он шёл с Днестра. До слёз было жаль боевых товарищей, погибших, когда Берлин уже был взят и война, считай, закончилась. Кому нужна эта кровь? К чёрту Монке! К чёрту Бормана!

Когда кирпичная пыль осела, он ещё раз посмотрел на тела офицеров и солдат, рядком, словно для братского погребения, сложенных возле подбитого бронетранспортёра, и сказал адъютанту:

— Сообщи в штаб дивизии: больше пленных нет.

Смерть Мартина Бормана долгое время вызывала сомнения. Нет тела — нет дела. Пошли разного рода кривотолки, спекуляции. Но в 1973 году во время проведения строительных работ на Инвалиденштрассе в отвале обнаружили “скелетированные останки человеческого тела”. Судебно-криминалистическая экспертиза показала — эти останки принадлежат “партайгеноссе” Мартину Борману.

Части 5-й Ударной армии начали покидать центр Берлина. Им определены были места дислокации в менее разрушенных кварталах. Покидал Инвалиденштрассе и астраханский полк. Лошади и трофейные грузовики тащили дивизионные пушки с зачехлёнными стволами. Шли роты взводными колоннами. Полевую кухню с дымящейся трубой, в нескольких местах пробитой то ли осколками, то ли пулями, с кашеваром на передке тащил верблюд. Он шествовал своей царской походкой среди руин по центру Европы,

с величественным равнодушием окидывая взглядом окрестности только что отгремевшей битвы народов.

12

Потери армии, как, впрочем, и всех соединений 1-го Белорусского фронта, атаковавших Берлин, были огромными — 17966 человек убитыми и ранеными. Больше 5-й Ударной потеряла лишь 8-я гвардейская (24484 человека), 69-я армия (18446 человек) и 3-я Ударная (17993 человека). Когда в первых числах мая возле Бранденбургских ворот выстроили 248-ю стрелковую дивизию, по воспоминаниям её ветеранов, её полки, без тылов, едва дотягивали до батальона каждый.

На следующий день после капитуляции в расположение армии прибыл комфронта Г. К. Жуков. Из Карлсхорста на автомобилях в сопровождении офицеров штаба 5-й Ударной они подъехали к Рейхсканцелярии. Жукова интересовала судьба Гитлера и его останков.

Поиском останков Гитлера и Евы Браун занимались специальные команды.

Жукову доложили, что останки не найдены, что они сожжены и, по всей вероятности, закопаны где-то неподалёку. Пошли к кострищам. Берзарин всё время шёл рядом с Жуковым. Они разговаривали. Главноначальствующему советской военной администрации в Германии и коменданту Берлина было о чём поговорить. Конечно, и того, и другого волновала главная тема — останки Гитлера. Сталин требовал точной и исчерпывающей информации. Возможно, говорили о Бормане. О бое накануне на Инвалиденштрассе. Патрули ночью задержали бригаденфюрера СС Монке. После основательного допроса под усиленной охраной самолётом его сразу же отправили в Москву.

Они вошли во двор Рейхсканцелярии. Посреди небольшого сквера оставились возле остатков потухших костров. Ещё вчера здесь всё было завалено трупами немецких и советских солдат. Трупы убрали.

Офицер из группы поиска сказал, что, возможно, в одном из этих костров и были сожжены трупы Гитлера и Евы Браун.

После некоторой паузы Жуков сказал:

— На этих кострах немецкие солдаты кипятили воду...

Жуков тут же отдал распоряжение Берзарину организовать прочёсывание окрестностей.

Тут же несколько взводов были отправлены на прочёсывание. Ничего и никого не нашли. Но не обошлось без курьёза. Один взвод всё же арестовал “Гитлера”. Чуть выше среднего роста, чёлка на лбу, зачёсанная набок, прямой нос, усики... СМЕРШевцы тут же выяснили — хозяин лавочки с соседней Фридрихштрассе. “Ступай, папаша, домой...” Молодые автоматчики, отличившиеся при поимке “фюрера”, посмеивались друг над другом.

Как известно, 7 мая 1945 года в Реймсе, в штабе Верховного главнокомандования англо-американских экспедиционных сил состоялось подписание документа о капитуляции германских вооружённых сил. Акт подписали американский генерал Смит, немецкий генерал Йодль и генерал-майор Красной армии И. А. Сулопаров, в тот период бывший при штабе союзных экспедиционных войск. Именно благодаря эпизоду в Реймсе история и сохранила имя этого неприметного генерала. Генерал, однако, своё дело сделал, на итоговом акте, видимо, имея на то особые инструкции, сделал приписку, что это соглашение не окончательное.

На 8 мая в Карлсхорсте, в штабе 5-й Ударной армии, в одном из просторных залов Военно-инженерного училища была назначена церемония подписания основного документа — Акта о безоговорочной капитуляции Германии, её вооружённых сил перед армиями союзных государств.

Берзарин был принимающей стороной. Этот день был для него непростым. В аэропорту Темпельхоф встречали одну за другой делегации союзников и своих. Военный комендант Берлина, начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский, член Военного совета

5-й Ударной армии Ф. Е. Боков и группа офицеров центральной комендатуры, переводчики, фотокорреспонденты и кинооператоры часами стояли на краю взлётной полосы в ожидании прилёта очередного борта. Прибыли Маршал британских Королевских ВВС и заместитель главнокомандующего союзными экспедиционными силами маршал Артур У. Теддер (Великобритания) с группой офицеров, командующий стратегическими воздушными силами союзников Чарлз А. Спаате (США), главнокомандующий союзными военноморскими силами в Европе адмирал Королевского флота сэр Гарольд Бэрроу (Великобритания). Из Франции — генерал Ж. де Латр де Тассиньи. Из Москвы прилетел первый заместитель наркома иностранных дел СССР, назначенный* политсоветником при Главном начальствующем Советской Военной администрации в Германии маршале Советского Союза Г. К. Жукове. Сталин уже включил механизм медленной и постепенной отставки Маршала Победы: вначале он всячески и со всех сторон ограничил его власть, потом вывел на второй план, а затем и вовсе — в тень, в Одессу и на Урал.

Один из участников этого почётного эскорта после войны рассказывал, что стоять в ожидании очередного борта было тягостно. Все знали: у Берзарина болела нога. После тяжёлого ранения он не вполне восстановился. И вот стали замечать: вначале Николай Эрастович начал прихрамывать, потом с тоской стал поглядывать по сторонам, на что бы опереться, но, не найдя ничего подходящего — ни дерева, ни парапета на взлётной полосе не было, — сел прямо на бетонку. Так и сидел, пока не пошёл на посадку очередной самолёт.

Для церемонии подписания Акта подготовили зал бывшей офицерской столовой военно-инженерного училища. Мебель и огромный ковёр были привезены из Рейхсканцелярии. Дорогу из аэропорта до Карлсхорста отремонтировали. Сапёры взорвали и расчистили остатки немецких баррикад, укреплений и завалов.

Из Фленсбурга под охраной английских офицеров доставили бывшего начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта фельдмаршала Вильгельма Кейтеля, главнокомандующего кригсмарине адмирала фон Фридебурга и генерал-полковника люфтваффе Штумпфа. Они имели полномочия от правительства Дёница на подписания Акта о капитуляции.

Ровно в полночь по московскому времени участники церемонии вошли в зал. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков открыл заседание: “Мы, представители Верховного главнокомандования советских вооружённых сил и Верховного командования союзных войск, уполномочены правительствами стран антигитлеровской коалиции принять безоговорочную капитуляцию Германии от немецкого военного командования”.

Текст Акта почти дословно повторял текст документа, подписанного двумя сутками раньше в Реймсе. Изменения коснулись следующего:

а) словосочетание “Советское Верховное Командование” заменено на “Верховное Главнокомандование Красной Армии”;

б) расширена и детализирована статья 2-я в части требований к германским вооружённым силам по разоружению, передаче и сохранности оружия и военного имущества**;

в) удалена преамбула: “Только данный текст на английском языке является авторитетным” и добавлена статья 6-я с преамбулой: “Этот акт составлен на русском, английском и немецком языках. Только русский и английский тексты являются аутентичными”.

В нашей официальной историографии акт, подписанный в Реймсе, считается “предварительным протоколом капитуляции”. На Западе реймский акт расценивается как собственно акт, как основной, а акт в Карлсхорсте — как его ратификация. Черчилль с тех дней заявил по британскому радио: “Вчера утром, в 2:41 утра, генерал Йодль <...> и гросс-адмирал Дёниц <...> подписали акт безоговорочной капитуляции всех германских сухопутных, морских и воздушных сил <...>. Сегодня это соглашение будет ратифицировано

* Официально назначен с 30 мая 1945 года.

** Имущество побеждённых было немалым: заводы, наземный транспорт, корабли, самолёты, технологии, новые разработки.

и подтверждено в Берлине”. Американские историки карлхорстский акт даже не упоминают*.

Граждане Советского Союза узнали о подписании в Карлсхорсте Акта о капитуляции Германии из сообщения Совинформбюро 9 мая 1945 года в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени. Диктор Всесоюзного радио Юрий Левитан торжественно зачитал текст Акта о военной капитуляции фашистской Германии и Указ Президиума Верховного Совета СССР об объявлении дня 9 мая праздником Победы. Радио транслировало сообщение всю ночь и весь день 9 мая. Вечером 9 мая с обращением к советскому народу выступил вождь государства И. В. Сталин, после чего Левитан зачитал приказ Верховного Главнокомандующего о полной победе над фашистской Германией и об артиллерийском салюте — “сегодня, 9 мая, в 22 часа тридцатью залпами из тысячи орудий”.

Вот почему День Победы 9 Мая у старшего поколения ассоциируется с голосом Левитана и Сталина.

Генерал Берзарин присутствовал на церемонии подписания Акта.

Праздники проходят быстро. Шампанское было выпито. Ордена и медали розданы. Начались будни.

Три недели Берзарин был в Берлине единоличным правителем. За эти дни и ночи (именно так) было сделано многое и главное: налажено коммунальное хозяйство города с населением в три с половиной миллионов жителей. Открылись магазины. Заработали поликлиники и больницы. По предложению коменданта маршал Г. К. Жуков распорядился освободить из лагерей и мест накопления врачей, фельдшеров и медицинских сестёр. Ими тут же укомплектовали медучреждения, которые нуждались в кадрах специалистов.

Энергичную работу генерала Берзарина и его комендатур берлинцы восприняли с энтузиазмом. С утра до вечера мужчины и женщины, старики и подростки разбирали завалы, стены рухнувших домов. Уцелевшие кирпичи и всё, пригодное для стройки, складировали в отдельные штабеля. Мусор и щебень грузили на вывоз. Ими засыпали овраги, окопы и воронки от авиабомб.

Как вспоминают ветераны 5-й Ударной, в те дни поступил приказ командарма в самые кратчайшие сроки представить к наградам всех отличившихся в боях во время Берлинской наступательной операции и предшествовавших. Боевого серебра и золота в те дни не жалели.

Однажды Берзарин приехал в расположение одного из стрелковых батальонов. Адьютант подал список награждённых. Солдаты, сержанты, старшины и лейтенанты выходили к столу. Командарм вручал им ордена Славы и Красной Звезды, медали “За отвагу” и “За боевые заслуги”. И вот награды закончились. Берзарин поблагодарил командира батальона и ротных и уже собирался уезжать, но заметил солдата, стоявшего в конце шеренги. Пожилой, в застиранной гимнастёрке, аккуратно залатанной на плече. На ногах — стоптанные ботинки, чёрные обмотки. На груди — ни одной награды, только нашивки за ранения. Нашивок много, целая колодка — жёлтые, за лёгкие ранения, красные — за тяжёлые. Подошёл к нему. Солдат шагнул из строя, представился.

— С какого года на фронте?

— С сорок первого, товарищ генерал-полковник! — бодро ответил солдат. Берзарин тут же оглянулся на офицеров. Те подбежали к нему.

— Где воевали?

— Московское направление, — ответил солдат. — Вязьма, Тула, Калуга...

— Командир роты, — спросил Берзарин старшего лейтенанта, — хороший солдат?

— Так точно!

— Представить к медали “За боевые заслуги”.

Подошёл к другому:

* Примером этого может служить фундаментальный труд известного американского журналиста и историка Второй мировой войны Уильяма Лоуренса Ширера (1904–1993) “Взлёт и падение Третьего рейха”.

— С какого года воюете?
— С сорок третьего! С Курской дуги! С вами, товарищ генерал-полковник, с Днестра!
— Командир роты, хороший солдат?
— Так точно, хороший.
— Как вёл себя во время штурма? Где находился?
— Был в танковом десанте. Одним из первых переправился через Шпрее.
— Представить к медали “За отвагу”. Всех наградить, кто добросовестно выполнял приказы командиров и не запятнал себя в дни мира.
Вот за что ещё любят солдаты своих генералов.

Постепенно, когда машина городского хозяйства начала работать более или менее ровно, некоторые рычаги налаженного самоуправления Берзарин начал передавать самим немцам.

Десятого июня 1945 года маршал Г. К. Жуков подписал приказ о разрешении деятельности политических партий. В театрах возобновились репетиции. Уже 27 мая в театре “Ренессанс” состоялась первая постановка. В конце мая в Штётлице, в зале “Титания-плас” дал первый концерт оркестр Берлинской филармонии под управлением Лео Борхарда. Заработали музеи. Восстанавливались картинные галереи, приводились в порядок их собрания и запасники.

Ожили стадионы. Состоялся футбольный матч Франция — Советский Союз. Команды собрали из солдат и офицеров. Болеть пришли тысячи берлинцев. Во время матча возбуждённые французские болельщики пели “партизанский гимн”: “От леса и до леса, по краю обрыва идут отважные мстители...”

Для берлинцев Берзарин ничего не жалел. Порой выколачивал из армейских фондов продукты для стационаров больниц. Детям начали выдавать бесплатное молоко.

В один из дней с купола Рейхстага сняли “святой символ Победы” — знамя 150-й стрелковой Идрицко-Берлинской ордена Кутузова дивизии 79-го стрелкового корпуса 3-й Ударной армии. Знамя Победы отправляли в Москву. На флагштоке закрепили полотнище государственного флага Союза ССР.

Идрицкая дивизия для Берзарина не чужая. Хотя и не его армии. Формировалась она третьим своим формированием в тех местах, где он когда-то воевал, — на Валдае. И даже входила в состав 34-й армии. Прикрывала Ильменское и Старорусское направление.

Берзарин руководил церемонией прощания со знаменем. Провожал эскорт в аэропорт Темпельхоф. Передал письмо и посылку для семьи. Скучал по родине.

Родина — это некое бесплотное существо, которое я видел лишь мельком, но которому я рабски служу и которое ко мне тем суровее, чем нужнее я для него становлюсь. Таков общий удел, больше того: эти цепи должны быть для нас дороже всего на свете, но порою они очень тяжки.

Из рассказа первого коменданта Рейхстага полковника Фёдора Матвеевича Зинченко: “Впервые я встретился с Николаем Эрастовичем в двадцатых годах в Благовещенске. Он командовал взводом, а я был у него помощником. А в 30-е годы армейская служба лихо закрутила нас — Берзарин дорос до командира дивизии.

Его дивизия отличилась в боях у озера Хасан. В Великую Отечественную Берзарин командовал уже армией. Фронтовая судьба разбросала нас по разным фронтам. Хотелось встретиться. Но узнает ли он меня? Узнал! Не забыл имя и отчество.

“Здравствуй, здравствуй, Фёдор Матвеевич! Когда я прочитал о героях штурма Рейхстага и о том, что полком, воины которого водрузили победный стяг над Рейхстагом, командует Зинченко, сразу подумал: “Не тот ли? Мой командир...” Оказывается, он самый. Как братья твои воюют? У тебя их, кажется, трое...”

“Было, Николай Эрастович. Алексей погиб уже здесь, под Берлином. Емельян погиб ещё в сорок первом под Москвой. В Сталинграде — Владимир...”

“Крепись, Фёдор Матвеевич... Огромное количество народа погибло. И сколько ещё умрёт от ран и других последствий войны”.

Я слушал генерала Берзарина, старавшегося утешить меня, и не мог предположить, что самому ему оставалось жить чуть больше месяца”.

С 14 мая начал действовать городской трамвай. Пошли автобусы.

На следующий день, 15 мая Берзарин подписал приказ о разрешении берлинцам свободно передвигаться по городу с 5:00 до 22:30.

А ещё через день районные коменданты сообщили, что начала работать канализация.

В магазинах увеличивался ассортимент товаров. В какой-то период основными покупателями в Большом Берлине были офицеры и солдаты Красной армии, потом, когда город разделили на секторы, покупателей из числа военных стало ещё больше — англичане, янки, канадцы, новозеландцы...

Началась демобилизация солдат старших возрастов и военнослужащих женщин. Всем хотелось привезти домой из богатой Германии хоть какие-то подарки.

Ещё когда войска перешагнули границы Третьего рейха, вышел приказ НКО СССР № 0409 от 26.12.1944 г.: всем военнослужащим действующих фронтов разрешалось раз в месяц отправлять в советский тыл одну личную посылку, для рядового и сержантского состава — 5 кг, для офицерского — 10 кг, для генералитета — 16 кг. Определён был и размер посылки: не больше 70 см в каждом из трёх измерений. Чаще всего домой посылали американские сухпайки, консервы, растворимый кофе, медикаменты — стрептомицин, пенициллин. Демобилизованным разрешалось увезти домой всё, что они могли взять с собой в качестве личной поклажи. Крупногабаритные вещи и предметы закрепляли между вагонами и на крышах.

Грабежи и насилие прекратили быстро. Приказы в отношении насильников и мародёров были жёсткими — расстрелы перед строем. Барахло, таким образом, покупали. В основном на барахолках. Там можно было купить всё и сравнительно недорого. Лучшей и универсальной валютой были продукты, спиртное, табак, хотя ходили рейхсмарки, оккупационные марки, валюта стран-победительниц. Самые ловкие срывали свой барыш на разнице стоимости валют. Курс был искусственным.

С декабря 1944 года красноармейцам и офицерам шло двойное жалование: в рублях и в марках. Курс рубля был необычайно высоким, так что марки солдаты получали пачками. Вдобавок ко всему полковые полевые сберкассы выплатили выжившим ежемесячные оклады за все прошлые месяцы и годы. А потому и тратили их при каждом удобном случае, иногда с куражом, по-русски. Американцы, к примеру, кто и организовал в Берлине самые большие “толкучки”, считали русских “самыми хорошими покупателями — легковерными, плохо торгующимися и очень богатыми”.

Впрочем, дураков всегда хватало. Находились такие, кто, вопреки здравому смыслу, прямиком лез на рожон. Но рано или поздно они попадали в руки комендантских взводов, а там, как правило, суд был недолгим. Трибуналы работали споро.

Архивы не спешат снимать замки со своих шкафов. Однако данные по 1-му Белорусскому фронту опубликованы. По докладу военного прокурора 1-го Белорусского фронта о противоправных действиях военнослужащих в отношении гражданского населения за период с 22 апреля по 5 мая 1945 года зафиксировано 124 преступления. Из них 72 изнасилования. А это семь армий. 908 тысяч 500 человек.

Можно предположить, что число действительных случаев насилия солдатами и офицерами РККА немок было значительно большим. Однако “подвиги” американских оккупационных войск значительно перекрывают “советские” цифры. Профессор и криминалист Роберт Лилли (США) после тщательной работы в американских военных архивах опубликовал следующие данные:

к ноябрю 1945 года трибуналы армий, действовавших в Германии, “рассмотрели 11 040 случаев серьёзных сексуальных преступлений”.

Профессор истории Университета Констанца (юго-запад Германии) Мириам Гебхардт провела многолетние архивные исследования, многочисленными интервью с жертвами и очевидцами, результатом которых стала её книга “Когда пришли солдаты”. Выводы фрау Гебхардт таковы: “джи-ай” за время своего освободительного похода в нацистскую Германию изнасиловали 190 000 немок.

Впрочем, реальности войны были таковы, что американцы и во время боевых действий, если это можно назвать таковыми, демонстрировали те же манеры. Одна только бомбардировка Дрездена чего стоит! Около 150 000 убитых, растерзанных, раздавленных обломками домов, сгоревших заживо жителей города, где не было ни военных объектов, ни воинских частей. Под удар союзной армады попали женщины, дети, старики. Когда войска антигитлеровской коалиции атаковали границы Германии, в Дрезден потянулись беженцы. Со всех германских земель. Люди надеялись на то, что город, не имеющий ни малейшего военного значения, бомбить не будут. Его бомбили 796 самолётов, двумя волнами. Огненный смерч с температурой в полторы тысячи градусов стоял несколько часов. Кирпич плавился. Площадь разрушения — в четыре раза больше, чем в Нагасаки спустя лишь некоторое время. Во время штурма Берлина нашими армиями ничего подобного не применялось. Никому из военных и политиков и в голову не пришло, что, проводя Берлинскую наступательную операцию, к примеру, ради устрашения защитников Большого Берлина и войск, стоявших в Заодерской равнине и на Зееловских высотах, надо жестоко, до тысячи бомбардировщиков, несколькими волнами отбомбить город. Разрушить, зажечь его, чтобы над ним гулял смерч в полторы тысячи градусов...

Вот откуда среди немецких женщин ходила шутка: “Лучше русский на мне, чем янки надо мной...”

А в расположении советских войск и у дорог, по которым курсировали машины с красноармейцами, висели фанерные плакаты: “Смотрит на тебя немка ласковым оком. Гляди, боец, как бы тебе это не вышло боком”.

13

Мотоциклы он любил. Лошадей, правда, больше. Но мотоциклы — сразу после лошадей. И был у него мотоцикл ещё на Днестре, в дни Яско-Кишинёвской операции. Правда, тогда комфронта Фёдор Иванович Толбухин, узнав о том, что командующий армией увлётся быстрой ездой на мотоциклете, да ещё без охраны, выговорил ему. И Берзарин подчинился — передал мотоцикл в батальон связи. И ведь действительно, там он нужнее.

— Ради чего вы рискуете? — качал головой генерал Толбухин. — Вы даже не пользуетесь шлемом. В мотоциклетном полку это считается серьёзным нарушением правил езды.

— Экономлю время, — попытался оправдаться командарм.

— Для экономии времени у вас есть бронетранспортёр. Если этого недостаточно, я вам выделю лёгкий танк.

В Берлине он снова сел на мотоцикл. Мощный, скоростной “харлей”, подарок американцев, носил его по городу, от комендатуры к комендатуре, от объекта к объекту. В коляске — сержант-ординарец с автоматом. Вначале ездил в танкистском комбинезоне. Потом стал надевать генеральский мундир, обычно белоснежный, всегда чистый, тщательно отглаженный.

Был у него и другой мотоцикл — трофейный немецкий *Zündapp KS 750*. Из-за больших габаритов его называли “зелёный слон”. На него-то и сядет в то роковое утро генерал Берзарин.

Из воспоминаний генерала Ф. Е. Бокова: “Поздно вечером 15 июня я зашёл в кабинет командарма. Из штаба мы часто уходили домой вместе. Наши коттеджи располагались по соседству. Николай Эрастович был в прекрасном настроении, по дороге много шутил и смеялся. Через несколько суток он должен был лететь в Москву на Парад Победы и с нетерпением ждал этого часа.

— Очень соскучился по семье, по маленькой дочурке, по Москве, — говорил он. — Так хочется видеть наш столичный город мирным, без затемнения и зениток.

— Сейчас июнь, самое чудесное время: её улицы утопают в зелени, всюду цветы, — поддержал я разговор.

— Да разве важно, какой месяц? Москва всегда прекрасна! — воскликнул Николай Эрастович почти с юношеским задором.

Мы договорились встретиться на приёме демократических женщин и попрощались. А утром дежурный по штабу позвонил мне домой и срывающимся голосом доложил:

— Товарищ член Военного совета, убит генерал Берзарин”.

Убит. Так доложил дежурный офицер.

В Москву полетела “молния”. Верховного Главнокомандующему сообщили об обстоятельствах гибели одного из лучших его генералов:

“Сегодня, 16 июня в 8:15. В городе Берлине от катастрофы на мотоцикле погиб Герой Советского Союза, командующий 5 Ударной армией и комендант города Берлина — Берзарин Николай Эрастович.

Смерть произошла при следующих обстоятельствах. В 8:00 тов. Берзарин на мотоцикле с коляской выехал в расположение штаба армии. Проезжая по улице Шлосштрассе со скоростью 60–70 км, у перекрёстка с улицей Вильгельмштрассе, где регулировщиком пропускалась колонна грузовых автомашин, Берзарин, не сбавляя скорости и, видимо, потеряв управление мотоциклом, врезался в левый борт грузовой автомашины “форд-5”.

В результате катастрофы Берзарин получил пролом черепа, перелом правой руки и правой ноги, разрушение грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом. С ним вместе погиб находившийся в коляске его ординарец, красноармеец Поляков.

Учитывая особые заслуги перед Родиной генерал-полковника Берзарина Н. Э., а также нежелательность оставления его могилы на территории Германии, прошу Вашего разрешения на похороны тов. Берзарина в Москве, с доставкой самолётом.

Семья тов. Берзарина, состоящая из жены и двух детей, проживает в Москве”.

Телеграмму подписали маршал Г. К. Жуков и генерал К. Ф. Телегин.

Гроб с телом генерала Берзарина установили в том самом зале, где в мае маршалы и генералы подписывали Акт о капитуляции Германии.

На церемонию прощания пришли командиры корпусов и дивизий, офицеры комендатуры. Пришёл православный священник. Отпел по полному чину. Никто ему не мешал. Говорили потом, что его пригласил маршал.

Маршал стоял в траурном почётном карауле, слушал слова молитвы берлинского батюшки, по всей вероятности, из бывших русских эмигрантов. Вместе с офицерами нёс гроб и шёл потом за грузовиком с откинутыми бортами по дороге в аэропорт. Этим же бортом он улетел в Москву. Принимать Парад Победы...

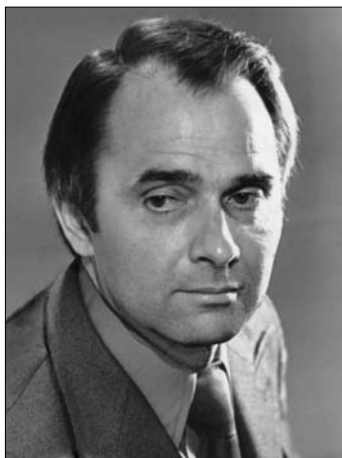
Существует несколько версий гибели генерала Берзарина. Вплоть до самых невероятных. Повторять их, даже вкратце, не стану. Ни к чему, их можно найти в интернете.

Достоверно одно: “...с разрушением грудной клетки, с мгновенным смертельным исходом...”. Как в бою. Как во время кремешной атаки, когда — грудью на штык, когда непонятно, чья возьмёт...

— ...Мне остаётся посоветовать вам лишь одно: служите идее, а не человеку. Любовь к родине — идея достаточно высокая, чтобы заполнить ею наше сердце и занять наш разум.

— Увы! Милорд, — ответил я, — бывают времена, когда не так-то просто узнать, чего от нас хочет Родина. Я спрошу об этом у моей...

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

СЧАСТЬЯ ЗОВ

* * *

Где ветер вьющийся витеает,
Где солнце жаркое палит,
Где гул тяжёлый громыхает,
Прямое дерево стоит,

Глухому шуму не внимает,
Безмолвно вглубь себя глядит,
Его сомненье угнетает,
Его безверье тяготит.

Туманным обданное светом,
Оно не слышит ничего,
Как будто в трудном мире этом
Ничто, ничто, ничто его,

Ничто его не огорчает,
Ничто, ничто не тяготит,
Ничто, ничто не задевает,
Ничто, ничто, ничто не злит.

КАЗАНЦЕВ Василий Иванович родился в 1935 г. в д. Таскино Нарымского района Томской области. Окончил историко-филологический факультет Томского университета и Высшие литературные курсы в Москве. Работал школьным учителем, журналистом. Автор многих книг стихотворений. Живёт в Подмоскowie.

* * *

Иду по лесу. Не вздымаю
К вершинам взгляд свой я, но знаю,
Витают надо мной они,
Воздушным облакам сродни.

К высоким, светлым не вздымаю
Вершинам взгляд, но знаю, знаю,
Что, свету ясному сродни,
Сияют надо мной они.

* * *

Среди развилок, разветвлений
Лесного долгого пути
Хватало нескольких мгновений,
Чтоб мимо сосен тех пройти.

Когда лесной своей дорогой
Я мимо них шагал, спешил,
Я их непогрешимой, строгой,
Я их небесной жизнью жил.

* * *

Пословица мудра.
Но главное — не это.
Пословица добра.
Но главное — не это.

В ниспровержение зла,
В превозношение света
Пословица смела.
Но главное — не это.

А чем же, чем ценна?
А тем, а тем ценна,
А тем ценна она,
Ценна, ценна отменно,

Что и добра она,
Что и смела она,
Что и мудра она,
Мудра — одновременно.

* * *

Если на душе вдруг станет худо
И немилым станет белый свет,
Посмотри вдруг на себя оттуда —
Из далёких, строгих детских лет.

Если ж взгляд с надеждой ожиданья
Не подарит добрый, ясный свет,
Посмотри с тоской воспоминанья
Из грядущих, дальних, светлых лет.

* * *

Был скор и меток на язык,
Пытливо-зорок и приметлив,
Но отвечал не в тот же миг,
А... неожиданно помедлив.

Смотрел в глаза, и, накалясь,
Секунда долгая лилась,
И длилось, длилось, накалясь,
Встревоженное ожиданье.

...И, ждущее, сияло, длясь,
Художественное молчанье.

* * *

Вот в этом слове или в этом,
Или, быть может, в слове том,
Сияя радующим светом,
Лесная мысль цветёт цветком?

Не в этом, нет, она, не в этом,
Не в этом, нет, она, не в том —
Во сне, во сне, ярчайшим светом
Сверкнувшим в ярком дне лесном.

* * *

Какой счастливый, ясный облик!
Какой весёлый человек!
Он каждый, каждый, каждый оклик,
Блестит ли зной, летит ли снег,

Он всех случайных слов звучанье
Принять душою всей готов
За предвкушенье, предвещанье.
За счастья, счастья, счастья зов.

* * *

Прошёл, прошёл он испытанье,
О нём ничуть не позабыл,
Но о неправом наказанье
Речь заводить он не любил.

Не потому, что не гордился
Дорогой трудною своей,
Не потому, что тяготился
Стезёй суровой прошлых дней;

Не потому, что для кого-то
Так было б слушать тяжело
О том, что с ним произошло,
А чтоб не знал, не ведал кто-то,
Чтоб даже и не думал кто-то,
Что с ним такое быть могло.

* * *

А что, а что милее красоты?
Да, ну конечно, это доброта.
А что, а что милее доброты?
А доброты? Пожалуй, чистота.

А что, а что милее чистоты?
А чистоты? Пожалуй, правота.
А что, а что милее правоты?
Да, ну конечно, это красота.

Но только та лишь, та лишь красота,
Лишь только та единственная, та,
В которую и доброта влита,
И чистота влита, и правота.

* * *

По лесу с восторгом шагает
Весёлый лесной человек,
И книгу природы читает
Весёлый лесной человек.

Он книгу с восторгом читает,
Идя в озарённую тьму,
И книга восторгом сияет,
Восторгом горячим сияет,
Безмерным восторгом сияет,
Раскрывшись с восторгом ему.

ВЛАДИМИР СИТНИКОВ

МИКА ДЛИННОРУКИЙ

РАССКАЗЫ

Вот так штука! Холодрыга на дворе, стылая земля, будто бубен, звенит под ногами, надо забираться в одежду со сбитнем, а моя чернёная деревенская шубейка затрещала по швам, кода я попытался её натянуть на себя. Видно, к четвёртому классу я здорово вырос, раз рукава — до локтей, а хлястик — на лопатках.

Сметливая и предприимчивая моя бабушка Наташа поставила на стол потёртую швейную машину “Зингер”, “сучинила” мне к настоящим холодам лопотину. В ход пошли остатки чернёной шубейки и рваного овчинного одеяла. Это была “нижница”, подбой. На “верхницу” пустила бабушка материал, который папа берёт себе для гимнастёрки и брюк, но вовремя сшить не сумел, а теперь война. Папа на фронте, а мне — долгану — надо что-то носить. Новехонькая верхница скрывла все изъяны меховой основы. Воротник бабушка приспособила от папиного старого пальто. Покрутила меня перед собой и заключила:

— Куды с добром лопотина. Иди учися, сокол.

Что мне больше всего понравилось в пальто, так это карманы. Бабушка отыскала в деревенских холщовых запасах самую прочную ластафину: хоть вдвоём деря — не порвёшь. А ещё карманы получились такие глуболенные, что рука уходила в них чуть ли не до подмышек, и то до дна я едва доставал.

СИТНИКОВ Владимир Арсентьевич родился в 1930 году в деревне Мало-Кабаново Куменского района Кировской области. Окончил филологический факультет Ленинградского университета. Автор 30 книг, среди которых романы “Свадебный круг”, “Эх, кабы на цветы да не морозы”, повести “Русская печь”, “Белогривская метелица и др. Лауреат Всероссийской премии им. Н. М. Карамзина “За отечествоведение”. Член Союза писателей России. Живёт в г. Кирове.

Бабушка Наташа считала, что для притужного военного времени эдакие карманы и надо шить. И конечно, была права. Что только не носил я в карманах: шарикоподшипники, принесённые со свалки, гвозди, гайки, разноцветные провода, рогульку для будущей рогатки, самодельный пистолет “самотыку”, который бабахает, если запихнуть в него спичечную селитру. Всё позарез нужные вещи! И ещё хватало места, чтобы сунуть с десятков мороженных картофелин, подобранных у госпитальной помойки.

Из мёрзлой картошки бабушка состряпает такие лепёшки, ешь — за ушами трещит!

Мой дедушка Василий Фаддеевич, худой и сеутулившийся от болезней, ещё в молодости в германском плену пристрастился к курению и до сих пор отстать от него не мог, хотя себя не одобрял за это. По выражению бабушки, “харчел да зобал”, то есть кашлял да курил. Денег на табак дедушке взять было неоткуда — стал он инвалидом без пенсии. Осенью был столяром в госпитале, стеклил окна на сквозняке и простыл. На пенсию городского стажа не хватало, а деревенский в счёт не шёл. Вот и подшивал дедушка валенки, мастачил шубёнки, ремонтировал гармони да чего-то писал про свою жизнь. Но всё это были безденежные занятия, “одна меледа”, по мнению бабушки.

Чтобы облегчить мытарства курильщика, по пути в школу и возвращаясь домой после уроков, собирал я для него на улице окурки — “чинари”, благо на снежной обочине их было хорошо видно. Да и глаз у меня наострился благодаря ежедневному зырканию по снегу. Даже в сумерках легко находил я “чинари”.

Но вот беда, курильщики в войну тоже жили скудно и затягивались самокруткой до тех пор, пока не начинало палить губы и пальцы. И конечно, я торжествовал, когда попадался толстый чинарь — “бычок”. Это такая же удача, как увесистый окунь на рыбалке.

Надёжной кладовой для “бычков” были мои бездонные карманы. Дедушка радовался моему приходу, бабушка “не замечала” чинарей, а мама заглянула как-то в мои карманы и закашлялась: оттуда густо тянуло табачищем, и было в них черно, как в нутре самоварной трубы. Хорошо, что она догадалась, кому я собираю окурки, а то, заподозрив, что курю я сам, могла бы “натипать” за волосы, чтоб неповадно было. Времени на моё воспитание у неё не хватало: работа от темна до темна, а впрок дёрнуть за кыштым всегда полезно.

Летом 1942 года дедушка вырастил табак-самосад, и мои сборы “бычков” прекратились, но вот зимой 1941-го я работал, как окуркоуборочная машина.

Я выгружал мокрые вонючие “чинари”. Дедушка рыжими прокуренными пальцами освобождал их от закуток, ссыпал табак в консервную банку и подсушивал на печке-буржуйке, чтобы выжарить всякую пакость. Мало ли какие рты тянут табачный дым! Самосад-дериглаз, махра, какой-то эрзац, похожий на избяной мох, благородный лёгкий табак, попав в одно место, превращались во взрывчатую смесь, от которой дедушка уже не “харчел”, а “хомкал” и “лаял”, что гораздо громче и страшнее для его больных лёгких.

Для того, чтобы “наловить бычков”, я ходил по людным центральным улицам города, а чтоб найти картофельные очистки, забирался в укромные места, на задворки. Благо мне, полусироте, выдавали в райсобесе талоны для дополнительного питания. Кормился по ним то в столовке “Рекорд” рядом с краеведческим музеем, то в чучаловском доме, где теперь овощной магазин. Полусироты ежедневно отправлялись туда, чтобы похлебать баланды с ржаными клёцками. О баланде говорили: “Один кочан капусты на двести литров воды”, ну, а за клёцкой тоже приходилось гоняться с ложкой по тарелке. На второе раздатчица бросала в тарелку две ложки заварихи, которую я проглатывал мгновенно.

Горячая еда поднимает дух. Не очень сытый, но с приятной теплотой в желудке выходил я на улицу Ленина и завёртывал на улицу Дрылевского — так она тогда называлась, — в комиссионку. В войну это был самый интересный магазин, набитый всяким шмотьём. Стояло там чучело огромного медведя на задних лапах. Говорят, что раньше украшал этот медведь ресторан.

А ещё были там чучела глухаря и рыси. Рысь смотрела на меня зеленовато-жёлтыми, свирепыми глазами. Того гляди — прыгнет. А какие там продавались ружья, фотоаппараты и бинокли! Вот бы мне такое ружьё или бинокль!

Повздыхав, пообтирав рукавами шубы прилавки, выбирался я на улицу. У входа на своей двухколёсной колымаге сидел, маяча руками и мыча, Коля Немой, высоченный, чуть ли не с фотографа Шишкина мужик с улыбочивым лицом. Коля Немой со своей колымагой был единственным в Кирове “грузо-такси”. Во время войны и после неё горожане часто прибегали к его услугам. Коля был согласен вести груз хоть на край Кирова. За это его любили.

Однажды Коля Немой исчез. По городу прополз слух, что он вовсе не Коля Немой, а хитро притворяющийся глухонемым шпион, которого выследила и сдала НКВД. Но потом Коля снова появился около комиссионки, так никто и не узнал, что с ним было на самом деле.

В тот раз на Колю долго смотреть не пришлось. С улицы Ленина раздались звуки оркестра, и я побежал туда. Маршем шёл красноармейский полк со знаменем. Солдаты чётко отшагивали с винтовками на плече, вещмешками за спиной и противогазными сумками на боку. Наверное, направлялись на вокзал, а оттуда поедут прямо на фронт. Может быть, под Волховстрой, где мой папа. На марширующих бойцов слёзно и умильно смотрели женщины, хмуро стояли рабочие-коломенцы, мальчишки швыркались сопливыми носами, девчонки, подражая матерям, куксили глаза.

Смолк оркестр, и повисла неожиданная тишина. Только шорох солдатских валенок. И вдруг так же неожиданно, как ударил оркестр, взмыл красивый сильный голос: “Вставай, страна огромная, // Вставай на смертный бой // С фашистской силой темною, // С проклятою ордой...” Припев: “Пусть ярость благородная...” — подхватила вся колонна. Да так мощно, что мне сразу стало ясно: такие красноармейцы разобьют фашистов, хоть те и дошли чуть ли не до Москвы.

Мой дедушка каждое утро принимал ухом к чёрной шляпе едва шептавшего репродуктора, чтобы узнать, какие города оставили наши войска “под натиском превосходящих сил врага”.

Дедушка расстраивался, курил и ругался, почему Сталин не подготовил обещанный в песнях тройной ответный удар. Дедушка все оставленные города знал. Наверное, бывал в них и, конечно, ему было тяжело, что всё происходит так, как в 1-ю империалистическую, и что опять “нас немец надул самым коварным образом”.

Обмундирование у красноармейцев было новенькое. Мне больше всего понравились противогазные сумки. Вот бы папа прислал мне с фронта такую сумку! Я бы стал носить в ней учебники и тетрадки, и ещё хватило бы места для моркови, репы и жмыха, которые можно выменять у деревенских одноклассников на шарикоподшипник, общую тетрадь или на “самотыку”.

Прошли военные, я обследовал обочину. Окурков не оказалось. Некогда солдатам на марше курить. Они песню пели. Увидел я, как к столовке “Рекорд” подходит известный всему нашему городу лохматый компанейский человек-точильщик Ягодка со своей машиной на плече. Он снял точильную машину и сипло закричал, будто зашел:

— Н-ножи точить, н-ножницы, б-бритвы править, — и не очень уверенно добавил, — мясорубки вострить. — И зеваки повалили на его голос. Насчёт мясорубок Ягодка, конечно, загибал. Где теперь мясо? Но посмотреть на точильную машину, послушать Ягодку интересно. Улыбчивый старик всех называл ласково “ягодками” и заработал себе такое прозвище. Он всё режущее точил, а сам брился редко, волосы гребнем не потачил, был небрит и кудлат.

Зеваки плотно окружили Ягодку. Пробилась сквозь них с целым веером ножей в руке скуластенькая, с жарким румянцем на щеках, вся пышущая здоровьем и силой повариха. Ей и холод нипочём: на босы ноги надёрнуты галошки.

— Дяденька Ягодка, поточи, — просительно сказала она. Повара — народ гордый, неприступный, у еды стоят. Значит, Ягодка очень нужный человек, раз к нему обращаются так почтительно.

Ягодка взял из рук поварихи самый большой, что тебе сабля, нож и нажал растоптанным валенком на педаль точильной машины. Та завизжала, извлекая из наждака целую струю искр. Здорово! Я зачарованно смотрел на Ягодку и его машину. Вот бы мне такую, тогда и учиться не надо: ходи себе, зови народ да крути колесо.

Повариха попробовала пальцем острие ножа, одобрительно цокнула языком. Когда Ягодка закончил точку, сунула ему в руку вынутый из-под фартука промасленный свёрток и виновато сказала:

— Ты уж извини. Денег на точку не дают, дак вот на, поешь.

— Деньги зло, — ответил Ягодка, — не было бы денег, не было бы зла.

— Чего? — изумилась повариха и широко открыла глаза. — Деньги зло? Свистишь, Ягодка! Кабы теперь мне мильён, дак я бы разodelась, как королева!

— Деньги зло, — убеждённо повторил Ягодка и не спеша развернул бумагу. В свёртке оказались скрученные в трубку блины. Видно, ещё горячие. Парок идёт. А в самой трубке мясо. Ух, вкусно, наверное. Ягодка ел да чмокал от наслаждения. На лацканах подпоясанного веревкой Ягодкиного пальто были жирные пятна. Видно, ему приходилось чаще всего есть вот так, на ходу.

— Ну ладно, я пойду, — смирившись с тем, что деньги зло, сказала начавшая зябнуть повариха и, хлопая галошами, побежала в столовую. А Ягодке уже протягивал ножницы лохматый парикмахер-еврей по имени Ефим, у которого волосы торчали даже из ушей и ноздрей. О Ефиме говорили:

— Если хочешь убедиться, что человек произошёл от обезьяны, то взгляни на Ефима, — но он не обижался на это.

— Лысым-то разве лучше ходить? — резонно спрашивал он.

— Будь любезен, Ягодка, — просительно сказал парикмахер, и точильщик принялся за ножницы.

Отходя от Ягодки, я тоже мучился вопросом: почему деньги зло? Мне это было непонятно. Зачем тогда люди ломают головы, как заработать, украсть или выклянчить деньги? Надо спросить у бабушки, он знает.

Бабушка много читал, хотя по вечерам электричество в жилых домах не горело. Он сделал лампочку-мизюрьку с четырьмя рожками для экономии керосина и сидел над книгами при её скупом свете. Мне он дал томик сибирских рассказов писателя Наумова, в котором говорилось о том, как кабатчики на тракту обирали золотоискателей. Выманивали золотишко, подпавшая их. А если подпойть не удавалось, то и убивали. Тут уж и золото, и деньги были злом. Может, Ягодка тоже эту книгу прочитал?

От Ягодки лежал мой путь вверх по улице Ленина к полукруглой гостинице, где теперь был госпиталь для моряков. Здесь тоже было на что посмотреть. На самом перекрестье улиц Ленина и Коммуны стоял сегодня высокий статный военный регулировщик в перчатках с белыми раструбами. Он пропускал машины, запряжённых в розвальни лошадей, идущих строем ребята из ЖУ. Носили жэушники нарядные чёрные, как у моряков, шинели и гордились этим. Движения у регулировщика были чёткие, отточенные, как у заводной игрушки, в руке его легко и красиво летал полосатый жезл. Ему подчинялись машины и люди, и я, поднав под упоительную магию чётких движений, несколько раз перешёл улицу в своей длиннополой, на вырост, шубе. Ах, как мне хотелось стать вот таким регулировщиком! Тут я даже забыл о чинарах, хотя толпящиеся зеваки бросили немало огурков. Просто мне было как-то неудобно подбирать “бычки” на глазах такого красивого и чёткого регулировщика. А военный регулировщик стоял неспроста. Послышался гул, от которого задрожала земля. Шёл он откуда-то с Профсоюзной. И вот показались танки. У-у, какие махины! Нет, фашистам несдобровать. Приду, расскажу бабушке, чтоб поднять его настроение.

Самым оживлённым местом в первую военную зиму были рынки, ну и, конечно, наша Пупырёвка тоже.

Говорят, название это она получила от фамилии кузнеца Пупырёва, который ковал лошадей у приехавших сюда крестьян.

Во времена кузнеца Пупырёва наверху, где теперь драмтеатр, была хлебная площадь. Там торговали мукой, караваем и ярушниками, а на Пупырёвке был грубый товар: дрова, древесный уголь для самоваров и утюгов, салязки, щепные изделия, дёготь, сено. Теперь Пупырёвка торговала всем, чем угодно: молоком, картошкой-моркошкой, пайками хлеба, самодельными конфетами величиной с ноготок, мебелью, корзинами, бидонами, спаянными из консервных банок, нательным бельём. Эвакуированные старички и старушки держали в руках какие-то старинные портсигары, шитые бисером сумочки и пояса, картины, галстуки, кружевные воротнички. А кому теперь, в голоду, нужны эти галстуки и воротнички?! Куда полезней товар у военных-старшин: ремни со звездой, двухпальные для стрельбы перчатки, мыло, шапки. И задёшево отдают. Они в самоволке, дорожится недосуг.

На Пупырёвке не заскучаешь. Вон красноносые прозавшие фотографы-пушкари, поколдовав в своих полотняных декорациях, вынесли мутные “пятиминутки” для паспорта или пропуска. Могли они снять какого-нибудь страдающего от безделья романтика на фоне пальм у моря, нарисованного на заднике, или в круге, вроде спасательного, со словами: “Привет из Кирова”. И находились любители сняться под пальмами и в спасательном круге. Тут же рядом бельмастый слепой играл песню “Раскинулось море широко”, у другого — белая мышка вытаскивала пакетики, где написана судьба.

Шумнее всего в табачном ряду, где продавцы-инвалиды севшими прокуренными голосами хвалили свой “табачок, как первачок”. Но все шумы заглушали ругань и рёв, которые раздавались на рынке, когда появлялся, откуда ни возьмись, пацан-хапальщик и, вырвав пайку хлеба, портсигар или ремень из рук менялы, был таков. Воришки с добычей мчались в недостроенный дом, куда опасались заходить даже милиционеры.

До войны вроде все были мальчишки как мальчишки. А теперь вот, в голоду, стали одни работягами на заводах, другие хапальщиками. Татарчонок Равиль одно время учился в нашем классе, был сообразительным, весёлым, а потом школу бросил и связался с хапальщиками. Появился как-то на перемене в классе, учил курить папиросы, показал золотую брошку с бриллиантом, которая будто бы стоит миллион рублей.

— Тётка подарила, — смеялся Равиль, но ясно было, какая это тётка. — Вот продам — много денег будет.

Мне сыпанул Равиль в карман подсолнечных семечек и опять исчез. Мать у Равиля умерла перед войной, отец был на фронте, а бабка работала, и Равиль сам себя кормил, развлекал и вот стал хапальщиком.

Предводительствовал у хапальщиков горбун Мика. Этот парень был намного старше рыночных воришек. Его сверстники давно ушли на фронт, а он сначала поработал холодным сапожником в будке, а потом занялся сбытом ворованного и игрой в очко. Обыграть пацана для него было проще простого. Почти все игральщики были у него в долгу.

Жёлчный злой Мика держал хапальщиков в страхе, выигрывал или отбирал у них ворованные вещи поценнее, и никто ему противиться не мог. Секрет Микиной силы заключался в его по-обезьяньи длинных руках. Никому не удавалось дотянуться до его рожи, а он мог отмутузить любого парнишку, держа на расстоянии длинными цепкими руками. Побаивались его и взрослые, потому что он мог и “пощекотать пёрышком”.

Игра шла в доме Мики на Луковицкой, как по старинке называли улицу Профсоюзную. Мать его, виноватая заискивающая женщина, боялась Мики. Её он ругал и даже бил за то, что она уронила его в детстве с полатей и сделала уродом. Да ещё имечком таким наградила: вместо Мишки — Мика.

К этому времени появилась у Мики рыжая шмара по имени Файка. Говорят, она была эвакуированная и вовсе погибала от голода, а Мика её накормил, отогрел, оставил у себя. Эта красивая, с большими поволочными глазами девица курила, пила вино и пела под гитару: “Я девчонка ещё молодая, // А душе моей тысяча лет”. Файку Мика боготворил, дарил ей всякие безделушки, а, приревновав, бил, упрекал, что спас её от смерти, а потом ползал перед ней на коленях и просил прощения.

В тот день я издали увидел на Пупырёвке Мику. Он шёл, окружённый гурьбой хапальщиков и любопытных. Чтобы показаться немного выше ростом, Мика щеголял в хромовых сапогах на венском каблучке. На башке у него красовалась высокая шапка-кубанка, на плечи накинуто распахнутое кожаное на меху пальто. Штаны у него были из чёрного бархата, а на пиджак выпущен ворот белоснежной рубашки. На зубе золотая фикса. Из всех он выделялся этим нарядом.

— Где Равиль? Татарчонка он ищет, — переговаривались хапальщики, зыряка глазами по сторонам. Больше других старался Пеликан, белобрый парень с двойным рядом зубов.

— Подростки — моя забота, — говорил Мика. — Равиль, где ты?

Нашли Равиля, и вся гурьба следом за Микой ринулась в недостроенный дом. Лицо у Мики было вредное, как у батьки Махно из фильма о гражданской войне.

— Я слышал, у тебя брошечка появилась? — сказал Мика, глядя на Равиля. Равиль смотрел затравленно и настороженно, видимо, собирался сигануть через проём окна, но чего-то ждал.

— Была, — сказал он, пятась.

— А теперь где? — спросил так же елейно Мика.

— А теперь нету, — буркнул Равиль.

— Да я сегодня у тебя её видел, — крикнул Юрка Пеликан.

— Ну и что, что видел, — отступая, крикнул Равиль. Мика махнул рукой, и тут же бросилась на татарчонка Микина ватага блатарей.

Но Равиль ждать не стал, он вдруг кинулся не к проёму окна, а к Мике. Не успел тот распустить свои длинные руки, как Равилева башка, будто пушечное ядро, врезалась в Микину рожу. Видно, забыли хапальщики, что татарчонок владел неотразимым ударом головой. У Мики оказалась кровь из носа. Он взвыл и заматерился, прикладывая к носу платок.

— Краску достал, — с ужасом закричали опешившие хапальщики, потом навалились на Равиля. Тот не успел выскочить в проём окна. Что тут началось! Его били кулаками, ногами, орали.

— Да вы что, как фашисты, — крикнул я, но тут же задохнулся, потому что получил удар поддых. Это Пеликан саданул меня локтем.

Наверное, Равку забыли бы до смерти, но раздался крик “атанда!”, милицейские свистки. Хапальщики разбежались.

Последнее, что я видел, это золотую брошь в руках Мики, которую передал ему Пеликан, вытаскивший её из Равкиного потайного кармана.

В проёме дверей показался усатый старик-милиционер. Он всматривался в тёмные углы, но, видимо, не заметив нас, сказал девчонке-милиционерше:

— Они ведь как горные козлы, р-раз — и ускакали.

— Надо облаву сделать, — сказала девчонка, — тогда их всех выловим.

Милиционеры ушли. Я помог Равилю подняться. Он плевался кровью, хватал рукой снег и прикладывал к разбитому лицу, к голове и грозился, что ещё достанет Мику и Пеликана. Я вёл Равку домой, в посёлок Горсовета, где и сам жил, и думал, почему Мика такой злой и жестокий. Наверное, он завидовал всем нормальным людям и хотел сорвать свою обиду, отомстить за своё уродство. А Равка зря ворует, попадёт ещё в тюрьму. Надо ему сказать, чтоб устраивался на работу или шёл в ремеслуху. Там кормят.

— Ты, Равка, больше на Пупырёвку не ходи, — сказал я ему.

— Меня дядька в Казань зовёт. Он полковник. И папка пишет, чтоб я туда ехал. Я брошку хотел продать, чтоб в Казань, а потом мне старика, который брошку продавал, стало жалко. Я ему хотел обратно отдать. У него сын на фронте погиб, старуха при смерти, а я брошку украл. Сказал бы ему: вот, я нашёл, а Мика... У-у, я ему.

— Не надо, Равка, из-за брошки тебя убьют, — начал опять я уговаривать татарчонка.

— Я сам всё знаю. Я Мику достану, — твёрдо проговорил Равка. — А ты иди. Спасибо тебе, — и мы расстались.

Равка после этого исчез. Бабка сказала, что он уехал в Казань, другие клялись, что его забрали в колонию, а среди хапальщиков шёл слух, что

татарчонка зарезал Мика, а потом утопил в вонючей проруби у шубного завода. Жалко, если Равку зарезали. Он был добрый и смелый, самого Мики не боялся.

А Мика жил широко. Он ходил с рыжей Файкой в ресторан и гужевал там. Ему ничего не стоило закатиться со своей шмарой на какое-нибудь гулянье к директорше столовой. Их там угощали, поили и ждали, когда, наконец, они умоляют восвосяи.

— Как дела? — спрашивала заискивающе директорша столовой.

— Пока не родила, — хрипло отвечала Файка и хохотала.

Файка, нарядная, крикливая, помыкала Микой, гнала его от себя. Мика приносил вино, шоколад и плёл что-то о море, на которое он повезёт Файку, когда освободят от немцев Кавказ. Мать смотрела молча на Мiku и Файку и тяжело вздыхала: “Ох, не кончится всё это добром”.

— Заткнись, — визгливо кричал Мика и запускал в мать своими сапогами на высоком каблуке.

А судьба длиннорукого Мики и вправду сложилась не так, как он хотел. Кончилась война. Можно было бы уехать на море, да не тут-то было. Страна начала освобождаться от мусора и накипи. Многих Микиных корешей посадили, ханальщиков поприжали. Одни забросили свое ненадёжное занятие, поступили на работу, те, что постарше, ушли в армию.

Вот в это время неожиданно появился Равка, живой, в военных погонах и даже с медалями на гимнастёрке. Стал он сыном полка и воевал. О воровском прошлом говорил со снисходительной улыбкой. Оказывается, он всё-таки уехал к своему дядьке-полковнику, а тот взял его в музыкантский взвод, и вместе с полком прошёл Равка от Днепра до Праги.

Я думал, что Равка будет мстить Мике, но он только присвистнул: дела давно минувших дней.

— Мне надо школу кончать и в консерваторию поступать, — убеждённо сказал он.

Удар ждал Мiku с другой стороны.

В Кирове после войны появилось много молодых неженатых офицеров, и один лейтенант, служивший в Германии, втюрился в рыжую Файку. Она ведь была очень красивая и фигуристая. Они тайно от Мики расписались, и лейтенант покатил с молодой женой по месту службы в город Берлин.

Узнав об измене и не веря в неё, Мика кинулся вдогонку за Файкой. Пересаживаясь с поезда на поезд, настиг молодожёнов в Бресте. Он был уверен, что вновь уговорит Файку вернуться к нему и всё у них будет по-прежнему.

На шумном брестском перроне Мике удалось найти Файку. Златокудая, весёлая, она стояла в дверях вагона и белозубо смеялась шуткам лейтенанта.

— Можно тебя? — хрипло попросил Мика и, отведя к парапету, вдруг упал на колени и заплакал. — Умру, если ты меня бросишь. Я умру, Файка!

Файка криво усмехнулась.

— Ох, Мика, как мне надоели твои противные длинные руки, — крикнула она и пошла к своему лейтенанту. Мика так, на коленях, и остался стоять, с протянутыми руками.

Поезд ушёл. Жалкий, побитый побрёл Мика с западной платформы на восточную.

Вернувшись домой, он запил, а потом пронёсся слух по Луковицкой, что Мика повесился, привязав шнур к матице.

Луковицкие и шевелёвские воры пронесли гроб с Микой на полотенцах через весь город на кладбище. Такой был у них ритуал. Кроме них, были только мать да трое дальних родственников. Растаяла Микина слава. Мало кто помнит о его всеилье и величии, и даже стёршаяся замшелая могильная надпись не напоминает ни о чём. Там написано: “Михаил Иванович Поткин”. Мы даже забыли, что у него была такая фамилия. Мика Длиннорукый — это прозвище ещё кое-кто помнит.

СКИТАНИЯ ЛАПЕРУЗЫ

Начало войны Юрка Мальцев запомнил с пятого на десятое. Жили они в городке Ревда Свердловской области. Куда-то собирались поехать всей семьёй на отдых. Отец, работавший начальником строительства завода, подогнал к крыльцу чёрную лакированную легковую автомашину “эмку”. Мать вышла нарядная, в белой шляпе и новом платье, сестрёнка тоже расфуфыренная, с бантиками в косичках. Отец укладывал в машину чемоданы и пел: “Нас утро встречает прохладой...” Как всегда, дело было за Юркой. Он придумал на этот раз в новой матроске гонять голубей. Снял сандалии и бегал босиком, гремя пятками по железной горячей крыше. Голуби были не его, а тёти Анютино сына Федьки, которому не хотелось лезть на крышу, а Юрка с азартом размахивал тряпкой, привязанной к палке. И вот оттуда, с верхотуры, Юрка увидел, что бежит санитарка тётя Анюта из маминой больницы и что-то кричит. Запыхавшаяся, она остановилась около автомашины и сказала упавшим голосом:

— Лидия Филипповна, разве вы ничего не знаете? Гитлер войну начал. Города наши бомбит. Вам велено срочно в больницу идти.

Отец и мать тут же уехали на свои работы, а Юрку оставили сидеть с Танькой. Никакой поездки на отдых не получилось, да и голубей гонять охота пропала.

Жизнь закрутилась. Отец подолгу пропадал на стройке, сдавал дела, потому что получил из военкомата повестку. В последний раз он появился в военной гимнастерке — в петлицах по два кубика, что значит лейтенант.

Мать была старшей хирургической медсестрой больницы, ставшей госпиталем, и дома даже ночевать не всегда удавалось. С войны приходили эшелоны раненых, и она помогала главному врачу-хирургу оперировать их. Операции шли день и ночь, и Юрку с сестрёнкой навещала соседка-санитарка тётя Анюта. Её Федька ушёл работать на завод, и за ними она ухаживала, как за родными детьми. Кормила, отправляла Юрку в школу, а Танюшку — в садик. Потом Юрка сам научился жарить на примусе яичницу и кипятить чай, водить Таньку в садик, потому что и тёте Анюте стало некогда нянчиться с ними. Надо было заготавливать дрова для кочегарки, и её послали на лесозаготовки.

Мать забегала домой, чтоб наскоро отоспаться, обстирнуть для Юрки с Танькой занесенные рубашонки и кофтенки, покормить их всерьёз — супом и вторым, — и опять исчезала.

Однажды она появилась поутру и начала спешно бросать в чемодан Юркину и Танькину одежку. Сказала, что вот-вот придёт машина, и они поедут в город Свердловск и там встретятся с папой перед его отправкой на фронт. Отбил он телеграмму, чтоб мама с ними была на вокзале. И вот они стоят на людной широкой вокзальной площади. Из улицы выехали на неё кавалеристы на конях. Их было много-много. С саблями, винтовками, фуражки на ремешках под подбородком. Гремел оркестр, цокали подковами лошади, грохотали по мостовой пушки. Всё это Юрку оглушило, и он не знал, куда смотреть. Мать повернула Юркину голову туда, куда надо, и крикнула:

— Маши руками, вон наш папа, — и сама замахала косынкой, закричала: — Паша, Паша, мы здесь!

Юрка смотрел во все глаза, но отца так и не увидел. А может, отец так изменился, что его не узнать. Мама сказала, что отец похудел, осунулся, был 120 килограммов, а осталось всего ничего.

Папину кавалерийскую часть быстро погрузили в теплушки и отправили, не дали даже родным попрощаться.

Матери тоже надо было ехать в ту же прифронтовую полосу, но с санитарным поездом за ранеными, и она устроила Юрку и Таньку в детский дом. У Таньки была шубка под леопарда, а Юрке мама привезла обнову — аккуратную шинельку с золотыми пуговицами. Её сшила госпитальная портниха. Шинелька Юрке пришлась впору. Был он в ней, как игрушечный солдатик, ловкий и аккуратненький. В карман этой шинельки мать сунула красную

тридцатку на расходы и адрес деда Филиппа, который жил на какой-то станции Чернушка.

— Если будет голодно, — сказала мать Юрке, — напиши, дедушка придет и заберёт вас к себе, а то мы с папой пока без адреса.

Она заплакала, размазывая слёзы по щекам, и принялась Юрку и Таньку целовать, видимо, зная, что без неё им будет плохо.

Остались они с Танькой в детдоме. И правда, им там было плохо. Шамовка никуда не годная, да ещё парни постарше обманывали, отнимали хлеб, тридцатку у Юрки забрали, надавали щелбанов и подзатыльников. Защитить их никто не мог. Даже воспитатели побаивались этих парней. Тогда Юрка сам стал защищаться, как учил его папа: кулаком в подбородок или три удара в зубы, а сам наклонись и уходи в сторону. После того как он врезал двоим парням, Юрку трогать перестали. Но всё равно Юрка написал материному отцу деду Филиппу, что их кормят плохо. “Возьмите нас к себе в Чернушку”, — закончил он письмо.

Недели через полторы появился в приёмном покое детдома бородатый старик в лаптях, который оказался Юркиным и Танькиным дедушкой. Этот заросший до глаз чёрным волосом старик пришёл к ним из Чернушки пешком, угостил их деревенскими шаньгами, морковью и сухарями. Всё было такое необыкновенно вкусное, душистое, что они от деда не отходили. Боялись, чтоб он не уехал без них.

— Ну дак, значит, в Чернушку? — спросил он. — У нас там детвы гимзит. Весело будет. Ну, да как-нибудь перемелемся.

Дед знал, что какая-то его племянница работает в почтовом вагоне “корреспондентом” и возит почту. Вот она и уговорила своего начальника, чтоб тот разрешил довести до Чернушки дядю с внуками, а то пешком им не дойти. Морозы. И они все поехали в Чернушку.

В дедовом деревянном доме на станции Чернушка и вправду народу было — гимзит: бабушка Евдокия Степановна, три тётки, у которых мужья были на фронте, привезли одна двоих, другая — троих ребят, зато у работавшей продавщицей тёти Фаи детей не было, но к ним определили на постой двух преподавателей военного училища, расквартированного в Чернушке. Те заняли светёлку-боковушку, а все остальные ютились в большущей комнате с полатями. Военные приходили со своими портфелями на ночь, утром опять уходили.

Магазинская тётя Фая была добрая и совала Юрке и Таньке то по прянику, то по конфетке, но она всё время проторговывалась. Дед с бабкой её ругали, называли “простодырой” и помогали выплачивать недостачу. Родная ведь дочь, куда денешься...

Главной в доме была бабушка Евдокия. Высокая, жилистая, она ходила решительным бодрым шагом, и все её боялись. Она и за коровой ухаживала, и поросят кормила, гусей, куриц держала во множестве, да ещё огород обрабатывала. Дед, путёвский рабочий, у бабки был на подхвате. Работы у стариков набиралось с утра до вечера — невпроворот. Дед, как только садился на жёсткий диванчик, так сразу задрёмывал. Уткнёт чёрную бороду в кулак — и поехал-захрапел.

— Старик, воды нисколь нет, — обрывала бабка его храп.

Дед безропотно поднимался и шёл по воду. Но бабка находила для деда новое дело и новые причины для упрёков.

— Не замай, мать, — устало упрашивал он её.

Внуков бабка тоже не щадила. Зимой ругала за то, что дров к печам поленились принести, дорогу не прогребли от снега, а летом — плохо пропололи морковку, лук не полили, кому корову пасти, никак договориться не могут.

Самыми значительными часами в бабкиной жизни были те, когда она ходила на станцию к поездам торговать свежим и топлёным молоком, варенцом, варёной картошкой, луком, квасом, морковкой. Всё это дед вёз ей на тележке. Она догоняла его, нарядная, в белом фартуке с вышивкой, в платке с цветами. Вроде становилась красивее и моложе.

Голодные солдаты с эшелонов, эвакуированные, едущие на Урал, все продукты подметали подчистую. Бабка приносила целую сумку мятых денег.

В субботу в дедовом доме становилось ещё теснее и шумнее. Двери, впуская вместе с паром одетых со сбитнем людей, бухали беспрестанно. Это приезжали на базар деревенские мужики и бабы — русские, татары, башкиры. Им удобно было располагаться у бабки с дедом, потому что в широком дворе были навесы для лошадей. А на столе этих людей в высоких валенках ждал горячий самовар. С мороза они выпивали не по одному десятку чашек кирпичного и морковного чая.

За постой расплачивались приезжие мясом, мёдом, мукой, солодом, маслом топлёным и льяным и другим провиантом.

Бабка с дедом прикупали у крестьян по дешёвке муку, мясо, башкирский дикий мёд. Зимой, разрезав мёд на брусочки, выносила его бабка продавать на стацию. Мёд разбирали мгновенно. Кому не хочется полакомиться сладким!

Соседи бабку с дедом не любили, завидовали, что ли, за глаза называли спекулянтами и даже кулаками. Внучатам нащёптывали: жадины, кулаки.

Это потом Юрка понял, что деду с бабкой, чтоб прокормить такую орду, приходилось крутиться день и ночь, не щадя себя, вскакивать ни свет ни заря. А тогда и вправду казались скопидомами. Юрке было стыдно, что у него такие бабушка с дедом. Может, это повлияло, а может, то, что его двоюродный братик Толик, с которыми они вместе спали на полатах, читал ему книжки про морские путешествия и про партизан, но они вместе решили бежать на фронт. Эта решимость стала ещё крепче, когда от Юркиного отца пришло письмо, где он сообщал, что теперь находится в Вязме на переформировании. Юрка с Толиком сейчас точно знали, куда им бежать, и они стали копить сухари, а ещё воровать у бабушки деньги.

Вернувшись с базара, бабушка Евдокия бережно расправляла мятые денежные купюры и раскладывала их по кучкам: тридцатки с портретом Ленина в одно место, десятки — в другое, пятёрки, на которых был военный лётчик в шлеме, — в третье, тройки — в четвёртое, и отдельно — рублёвки с шахтёром, который держал на плече отбойный молоток. Много высоких кучек набиралось.

Бабушка была неграмотная, считала с натугой и почему-то деньги складывала парами. Залезая в её сундук, Юрка с Толиком деньги тоже брали парами, думали, что бабка не догадается. Однако бабка пропажу стала замечать и спрашивала тётю Фаю, не брала ли та деньги.

— Да когда, я всё время в магазине. И без спросу я никогда!..

Девчонки были малы и глупы, поэтому бабка заподозрила в краже внуков.

— Никогда у нас воров не было, — говорила она. — А вот тут кто-то завёлся. Ну-ко, дед, займись-ко этими ухобаками.

Это ускорило день побега. Юрка с Толиком набили сухарями Толикову противогазную сумку, туда же положили деньги, а учебники спрятали на сеновале. Юрка взял с собой только книгу “Пятнадцатилетний капитан”. Дороже неё у него ничего не было. В это утро он погладил по голове сестрёнку Таню.

— Это ты чего? — не поняла она.

— Да так, — сказал он и отвернулся, потому что захотелось плакать.

Они устроились в вагоне на полу под лавками, грызли сухари, мечтали, как найдут в Вязме Юркиного отца, и им было хорошо.

Доехали до Сарапула. Дальше этот поезд не шёл, потому что был местный, рабочий. Чтобы ехать дальше, пришлось ждать другой рабочий поезд.

На улице стоял мороз, и они пробрались в вокзал. Юрка устроился около толстой доброй хохлушки, которая назвала его гарным хлопчиком. Видно, красивая шинелька и то, что он читал книжку, произвели на неё впечатление. Толик сидел за печкой, обхватив обеими руками противогазную сумку, и подмигивал Юрке, радуясь, что всё идёт хорошо.

Дней через пять они доберутся до Вязмы, найдут Юркиного отца, тот даст им коней, и они будут воевать с саблями в руках, как настоящие кавалеристы.

Однако случилось непредвиденное. Среди ночи в вокзале милиция устроила облаву. Всех подозрительных замели, в том числе и Толика с его сумкой. А за Юрку вступилась хохлушка, сказала, что это её хлопчик, и его не взяли.

Остался Юрка без денег и без сухарей. Наверное, Толика отправили в Чернушку, потому что Юрка его так и не дождался на вокзале. Ждал, ждал — нет. Хохлушка уехала. Ему страшно захотелось есть, и он пошёл на базар. Были у него вполне приличные рукавички. Их можно было поменять на хлеб, а руки он будет засовывать в карманы и не замерзнет.

Чем только не торговал базар. И хлеб, и молоко, и пироги с картошкой, которые он так любил есть в Чернушке. Около торговки стоял горбоносый парень в папаче, со шрамом на щеке и ел такие пироги. Видать, тёплые, вкусные.

— Купите варежки, — сказал ему Юрка.

Парень посмотрел на него быстрым приметливым взглядом и вдруг сказал:

— А ты намочи рукавицы водой, приложи вон к тем кружкам молока, которые тетка продает, и они прилипнут. Я тебя вон там, за сараем, ждать буду.

Юрка сообразил, если он украдёт круги мороженого молока, у него и варежки сохранятся, и парень даст ему картофельных пирожков. Он так и сделал, приложил мокрые варежки к кругам молока и те пристыли. Он схватил их и деру. Только в ушах зазвенел тёткин крик:

— Держи вора, держи! Украд пацаненок!

А парень в папаче и правда ждал его за сараем. Он дал Юрке два пирога с картошкой и похвалил:

— Маленький, а ловкий. Сегодня тебе тут уже не надо появляться, пойдёшь со мной.

А Юрка был рад, что нашёлся человек, который проявил о нём заботу. Вот поест он, отдохнёт и дальше поедет.

— Мне в Вязьму надо, к папке, — сказал Юрка.

— Поедем и в Вязьму, — пообещал парень. Звали этого парня Чапая, мелюзга вроде Юрки табунилась около него. Бездомных он брал ночевать к своей бабке, которая жила на окраине города, скупала и перепродавала ворованное. Там Юрку ещё раз накормили и дали десятку. Теперь бы можно было идти на вокзал, чтоб утром сесть в рабочий поезд, но Шурка Чапай отвёл в сторону.

— Ты мне, Юрок, помоги. Есть на путях вагон со жмыхом, а окошко такое узкое, никому не пролезть, кроме тебя. Заработаешь денег и поедешь в свою Вязьму. Идёт?

Ну, вот ещё раз он поможет Чапая и поедет дальше.

Пошли они вчетвером. Один парнишка нёс мешки, двое на салазках везли Шурку Чапая. Чапай курил, кричал на парнишек:

— А ну резвей, залётные! — и те старались, тащили его.

Около станции Чапай посерьёзней, слез с салазок, послал к вагону двух пацанов, а Юрку оставил при себе. Пацаны вернулись: всё тихо, никого нет.

Подобрались к вагону. Юрку просунули в окно. Чапай осветил ему электрическим фонариком, бросил три мешка и скомандовал:

— Нагребай!

Юрка принялся запикивать тяжеленные пластины жмыха. Набил один мешок, подтащил к окошку, и Чапай принял его, Юрка стал набивать другой мешок. Второй мешок он заполнить не успел, раздался свист, приглушённый крик “атанда”, потом милицейские свистки, и Чапай из окошка исчез. Юрка притаился в темноте, стараясь пробраться к окошку, чтоб вылезть, но до окна было высоко.

В это время лязгнул запор, отодвинулась дверь, и Юрке в глаза ударил свет фонаря.

— Смотри-ка, совсем ещё шкет, — крикнул кому-то усатый милиционер, вытаскивая Юрку из вагона. — А тот, Чапай который, у них главарь.

Юрку привели в железнодорожную милицию, где уже сидел Шурка с пацанами, и санки с мешком жмыха были тут же.

Юрка не сознался, что бежал из Чернушки от деда с бабкой, ещё общат им, они его со свету сживут. Говорил, что отец и мать на фронте. Милиция больно и не выпрашивала. Их с Чапаем отправили в колонию в город Муром. Это ещё ближе к Вязьме. Если убежать, то совсем немного останется, чтоб доехать до отца. Но как теперь отсюда выберешься?

В колонии им дали новые бушлаты, шапки, ботинки. Жалко, шинельку отобрали.

— Не дрейфь, — подбадривал его Шурка Чапай, — зимой посидим, а весной уткём.

— Мне в Вязьму надо.

— Можно и в Вязьму, — опять согласился Чапай. Он всегда соглашался, зная, что никому не известно, каким будет завтра.

До весны Юрка учился. Кругом пятёрки. Да ещё он столько книг прочитал про морские путешествия, что стал подумывать о том, чтоб отправиться не к отцу, а на Чёрное море. Войска наши уже освобождали Крым. Юрка представлял себя то юнгой, то пятнадцатилетним капитаном, хотя ему не было и десяти.

— Летом можно и на крыше вагона ехать, я много раз так ездил, — рассказывал Чапай. — Поедем.

Весной и правда они сбежали из колонии, но ни в Вязьму, ни к морю не поплыли. На базаре Чапай выхватил у торговки сумку с деньгами, передал Юрке, и они побежали к станции, но там как раз и попались.

“Эх, не надо было Чапаю сумку красть”, — думал Юрка, но было уже поздно, уекли их в другую колонию, в городе Александрове. Тут режим был строже.

Юрка первым делом сбежал в библиотеку, попросил книгу о путешествиях, и библиотекарьша дала ему томик о каком-то мореплавателе Лаперузе. Такого имени он ещё не слышал и сразу прилип к книге.

Воспитатели этой колонии были строги и даже жестоки, держали всех навьтяжку, особенно туго приходилось тем, за кем числился побег. Не без основания начальник колонии считал, что именно они и есть первые правонарушители и делают в детской колонии всю погоду, нарушения режима — только от них. Вот этих-то и надо поприжать.

Вызвали на разговор Чапая. Тот еле дополз после “беседы” с воспитателями до нар. Плевался кровью, матерился и кричал:

— Курвы! Им на фронт идти неохота, вот они и выслуживаются. Вчетвером на одного! Я их достану! Я их!..

Вызвали на беседу Юрку Мальцева, но разговора никакого не было. Двое мужиков подняли его, десятилетнего пацана, и бросили на землю. Никаких синяков, никаких царапин, а внутри всё отшибло. “Умру”, — думал он, чувствуя, что нет ни одного места в его теле, которое бы не болело.

Наверное, он и вправду бы умер, если бы не книжка о морском путешественнике Жане Франсуа Лаперузе. Он лежал на животе и, глотая слёзы, читал эту книгу страница за страницей. За шесть часов неотрывного чтения проглотил 605 страниц, и вроде даже боль утихла. Где он только не побывал за это время: в разных морях, на неведомых островах.

Говорить и рассказывать он мог теперь только о Жане Франсуа Лаперузе. Шурка Чапай, которому он первому рассказал о путешественнике, самого его, Юрку, прозвал Лаперузой. Забавное получилось прозвище. Вся детская колония стала его называть так. Даже при перекличке дежурные путались.

— Какой такой Мальцев? Нет у нас Мальцева.

— Так это же Лаперуза!

— Ну, так бы писали, а то какой-то Мальцев.

У Юрки всё ещё теплилась надежда попасть к отцу на фронт. В Вязьме его, конечно, уже нет, и Юрка слушал радио: вдруг упомянут что-нибудь о его Павле Николаевиче.

В Чернушку он по-прежнему писать боялся: все узнают, что он вор.

Лучше через два года, когда выйдут из колонии, поедут с Чапаем на море, поступят матросами на корабль. Домой он придет в бескозырке и форме, и никто не будет говорить, что он сидел в колонии. К морю они чуть не попали: сцапали их в Ростове за кражу связки воблы и принялись дубасить. Хорошо, рядом оказался милиционер. Он от побоев их спас, но в колонию устроил.

Книгу о путешественнике Лаперузе Юрка выклянчил в Александрове у библиотекарки, вернее, она подарила её, потому что он ей и пачки литературы перетаскивал, и помогал переплетать книги.

И вот опять с Шуркой Чапаем да этой книгой оказался он в колонии.

Иногда Юрке было очень грустно. Лаперуз пропал без вести во время последнего путешествия со своими кораблями “Буссоль” и “Астролябия”. Неизвестно, что стало с ним. Есть только названный в память о нём пролив Лаперуза длиной 101 километр, а шириной 43 километра. А что от него, Юрки Мальцева — Лаперузы останется? Ведь он даже сообщить о себе никому не может. Тоже без вести пропавший, как Жан Франсуа Лаперуз.

В общем, набралось у него пять побегов, да столько же краж, которые были записаны в сопроводилровке, а такого человека в обыкновенной колонии держать не полагалось. Рецидивист, и направили в колонию усиленного режима.

Кончилась война. Это Юрка знал, но не знал он о том, что мать забрала из Чернушки Татьяну и со слезами расспрашивала Толика, куда мог подеваться её Юрка, но тот ничего не знал. А когда вернулся с войны отец, они принялись разыскивать Юрку, написали в управление колоний. Может, там их сын?

Юрка был в это время уже в Кургане, самой серьёзной колонии, в городе, всего километрах в ста от Перми, куда направили работать отца. И вот в Курган отправились Павел Николаевич и Лидия Филипповна. Тогда, после войны, родителям отдавали на поруки их заблудших сыновей. И Юрка оказался в родной семье. Единственной вещью, которую он ценил и взял с собой, была книга о путешественнике Лаперузе.

В школе он учился легко и восемь классов закончил почти на круглые пятёрки. Ведь он совсем по-иному относился к учёбе, чем его развесёлые одноклассники. Он знал, что чем лучше закончит школу, тем ближе его мечта стать мореплавателем. Да и вот оно, исполнение мечты: при Камском речном пароходстве объявили приём в школу юнг. На правах ремесленного училища. Вот куда ему надо!

Отец и мать упёрлись — ни в какую. Учись дальше. Окончишь среднюю школу, пойдёшь в институт, будешь врачом или инженером. А он хотел быть юнгой.

Родители боялись, что в ремесленном училище он опять поскользнётся, попадёт в колонию, и тогда...

Павел Николаевич скрепя сердце поехал с сыном в школу юнг, посмотрел, чем заняты учащиеся. О-о, там было всё чётко, как на корабле. Отец оттаял и согласился на поступление сына в школу юнг. У Юрки в глазах светилась надежда путешествовать, такая же, наверно, как у Жана Франсуа Лаперуза.

Он учился в школе юнг, а себя представлял штурманом дальнего плавания. После школы юнг ему дали направление в речное училище, которое он закончил с отличием. А потом и речной институт.

Я с Юрием Павловичем познакомился, когда он был начальником крупного речного порта. Он мне сразу понравился своим весёлым добрым нравом, ироничным отношением к себе, умением держать слово. А потом уже узнал я о его, так сказать, подпольной кличке и страданиях маленького Лаперузы.

“БУЛОТШКА”

У детсадовской нянечки Лёли Решетниковой было два сына. Старший — четвероклассник Колька — в отца: белобрысый, плечистый (называла она его Ломтик), учился во вторую дневную смену. Младшенького Витальку, который учился в первом классе, с утра приходилось будить ни свет ни заря и тащить в школу, взяв на закрошки. Этот был в неё: черноволосенький, и называла она его ласково Гвоздик. Укрытый от дождя столовой клеёнкой, Гвоздик досыпал у матери на спине.

Известно, октябрь — грязник. Не пустишь малыша в полутьму. Провалится в какую-нибудь баралужину и весь извозюкается.

Город Киров в войну вовсе ослеп — ни фонарей на улице, ни лампочек в подъездах домов. Дощатые тротуары осенью и зимой 1941-го растащили эвакуированные из Москвы работяги на дрова. И даже деревянные кресты с Богословского и Ахтырского кладбищ истопили. А что этим бедолагам оставалось делать? Приехали налегке в чужие места с танковым заводом: ни дров, ни съестных припасов. Вот и волокли, что на глаза попадалось. Еле перемучили первую военную зиму, а теперь вот вторая зима на носу, к ней кое-что огуревел заезжий народ, картошку свою нарастил, да и завод помогал, чем мог.

О чём только не размышляла Лёля по дороге в школу! От мужа Фёдора с фронта пришло только одно куцее письмецо-треугольник: “Голодно, мёрзнем, многие погибли. Может, и я так же...” Наверное, в унылом кручинном настроении писать больше было не о чем, а тоску нагонять не хотелось. Вот и получилось письмо-коротышка. А теперь и такого нет. Может, вовсе загинал Феденька?

Проходными дворами для сокращения дороги пробиралась Лёля к школе. Хорошо, что Колька сапоги резиновые сумел заклеить, теперь не текут, а то бы шла сырём-сырёненька.

Ещё беспокойнее роились мысли в голове у Лёли о её Гвоздике — Виталике. Чего с ребёнком стряслось, непонятно было. Тучная басовитая учительница Олимпиада Викентьевна признала Витальку неспособным к учёбе: по арифметике не успевает, на уроках невнимательный. Вертится, еле читает по складам и вообще плохо соображает. Обидный этот приговор учительницы слушала Лёля с панической тоской. Пыталась сказать, что в садике мальчика все хвалили. Стихи звонче других рассказывал. А как полечку плясал под песенку: “Шарик Жучку взял под ручку, стали польку танцевать, а Барбосик — чёрный носик стал на скрипочке играть”. Лёля со слезными от умиления глазами смотрела на своего Гвоздика. И музыкальный работник хвалила его — поёт лучше всех, и уверяла, что непременно будет Виталик в школе отличником. А теперь, поди ж ты, далеко её Гвоздику до отличника. Всё у него в тетрадках “плохо” да “посредственно”. Ясно, что подмогать ребёнку надо, да как она поможет, коли в деревне бегала в школу всего один год. Читает сама через пень-колоду

Колька, Ломтик её белобрысый, хоть и не отличник, но не жалуется на него учительница Наталья Серафимовна, говорит, что он твёрдый “хорошист”. И теперь вся надежда на него. Пусть бы объяснял Виталику, как примеры решать надо.

Колька и по хозяйству всё ладно обучился делать: дрова принесёт, печь затопит, картошку в мундире сварит. Голод — не тётка, заставит вертеться. Ну, и в магазине хлеб по карточкам выкупить — тоже Колькина обязанность. Больше-то ничего не отоваривают простым иждивенцам.

Одолела Лёля с сыном на закрошках семь кварталов и поставила Витальку на ноги около мужской школы, которая уже засветилась огнями, и валил маленький парнячий люд с портфелями, холщовыми сумками в двери.

— Ну, учися, Виталик, бастенько. Слушайся Олимпиаду-то Викентьевну. Не вертись, — сказала Лёля.

Виталька скривил рожицу и, подпिनывая коленками потёртый портфель, двинулся в школу.

— Слышишь, бастенько учися, — добавила Лёля вслед сыну.

— Ладно, — вяло и неуверенно откликнулся он.

В наполненной галдежом и гудом школе Виталька, прежде всего, залюбовался дежурным — шестиклассником Петькой Шамовым, живущим в соседнем с ними доме. Петька сегодня — красавец-красавцем. У него красная повязка на рукаве комбинированной куртки, а в руке — настоящая винтовка. Всё у неё по-заправдашнему, только на казённом круглая дырка, чтоб не стреляла. И хоть Петька строгий и ответственный сегодня, Виталька задал давно мучивший его вопрос: а что, если дырку на казённом глиной замазать или свинцом заколотить? Будет она стрелять?

Петька в это утро, как взрослый. Ответил, что винтовка стрелять не будет, а произойдёт взрыв и может глаза выбить.

— Ты беги скорее, а то я звонок подаю, — сказал он и, подождав, когда Виталька доберётся до классной двери, затряс колокольцем.

Успел Виталька до прихода учительницы занять своё место. Вошла большая, толстая, в меховой жилетке для тепла Олимпиадушка, как называл её Виталька. На плечах — необъятная шаль, под которой и портфель, и стопы тетрадей, и какая-то сумка скрываются.

— Встали, встали. Это чего, Виталия Решетников, всего тебя искривило? Выпрямись! Надо учителя уважать, — пробасила она.

Поначалу Виталия учительницу уважал и даже, наверное, любил, потому что она его по голове погладила, а потом ощутил, что она к нему стала уж слишком придирчива и строга. Сосед по парте Сёмка Филин как-то принялся дуть в чернильницу. Доигрался — брызги всё лицо окропили, класс захохотал, а Сёмка заревел и сказал, что это Виталька его подтолкнул.

— Ничего я его не толкал, — возмутился Виталька, но не поверила Олимпиадушка, потребовала, чтобы положил Виталька руки на парту. Он положил. Уча щёлкнула по ним линейкой.

— Вот как надо с негодными руками поступать, — назидательно сказала она.

Сёмка злорадно язык показал, Виталька ему по шее стукнул и ещё раз получил удар линейкой, на этот раз по лбу. Нет, не больно ему было, а обидно. Нельзя сваливать на него то, что он не делал. Обиделся он на Олимпиадушку. Несправедливая.

С тех пор попал Виталька в разряд озорников и лодырей: и пишет-то он хуже других, и примеры решать не умеет, и вообще, что бы ни случилось в классе, прежде всего Олимпиадушка виноватым считает Витальку.

Просматривая тетради, Олимпиадушка и на этот раз Виталькой была недовольна.

— Опять по чистописанию небрежно всё сделал, — говорила она, хотя ему казалось, что он упражнение выполнил ничуть не хуже, чем сосед по парте Сёмка Филин.

К Сёмке Филину у Олимпиадушки было особое отношение. Сёмкина мать была продавщицей в хлебном магазине. То и дело прибежала в класс, шептала Олимпиадушке, что забросили в магазин ячневую крупу или макароны и под вечер будут отоваривать крупяные карточки. Иногда она сама приносила Олимпиадушке бумажный кулёк с крупяными изделиями, и тот исчезал под необъятной шалью учительницы. У Витальки мать работает не на хлебном месте. Какой от неё прибыль! Вот и недолюбливает Олимпиадушка шалуна Витальку.

— Благодарштвую, — расплывалась в умильной улыбке Олимпиадушка перед Сёмкиной матерью.

Видать, язык у учительницы в детстве прищемили или ещё что случилось. Во всяком случае, многие слова она произносила с таким пришлёпыванием и пришёптыванием: вместо “чернильница” — “шернильница”, вместо “чётко” у неё получилось “щётко”, а вместо слова “булочка” выходило “булотшка”.

Вот с “булотшкой”-то и происходили самые обидные для Витальки истории.

После второго или третьего урока проносила Олимпиадушка в класс коробку с булочками, которыми полагалось подкормить каждого ученика.

Конечно, булочки эти были невелички — всего на четыре хороших откуса, но всё равно приятно голод перебить ими. Одни мальчишки с удовольствием съедали тут же всю булочку до крошечки, расчётливые прятали в карман и пощипывали, чтоб продлить удовольствие. И Виталька булочку припрятывал.

Но вот Олимпиадушка придумала этими булочками перевоспитывать непосидячих вертунов вроде Витальки Решетникова. Держа в руке перочинный нож, она вспоминала все Виталькины прегрешения:

— Ты сегодня, Витя Решетников, вертелся, мешал всему классу. Кроме того, по чистописанию нехорошо выполнил задание, и вовсе тебе бы не полагалось булочки, да уж пожалею тебя и полбулочки дам.

Нож разрезал булочку надвое, и получал Виталья только “полбулочки”.

У Витальки глаза наполнялись от обиды слезами, губы дрожали, хотелось крикнуть: “Неправильно! Всё неправильно”. Но ведь не дома это. Зажав “полбулочки” в кулаке, он ронял голову на парту. От обиды и унижения не мог удержаться от плача. Почти всем по целой булочке, а ему опять половинка.

— Ишь, расхныкался. Раньше надо было думать. Заслуженное тебе наказание, — стыдила его Олимпиадушка.

Сёмка Филин как-то сказал Витальке, что его мать видела Олимпиадушку на Пупырёвском чёрном рынке. Там учительница продавала булочки. Видимо, из половинок набиралось у неё пять или шесть целых. Их и продавала она.

Но не побежишь ведь на Пупырёвку, где торгуют разной разностью, и не будешь кричать, что это его булочку продаёт Олимпиадушка...

С трудом отсидев четыре урока, с облегчением вырывался Виталька на посветлевший школьный двор. Там ребяшня галдит, толкается. Но Витальке не до ребятни. Ждёт его там рыжий ласковый пёсик Лапка с хвостиком колечком. Лапка сразу бросался к Витальке. Вот тут-то и нужен припрятанный кусок булочки. Лапка-то вовсе, поди, голодный. А Лапка крутил хвостом, подпрыгивал, стараясь лизнуть Виталькину руку и даже лицо. Виталька гладил его: умник, хороший. Дождался.

Поднимался Виталька на крыльцо старого деревянного дома, где размещался детский садик. Лёля, встретив сынулю, снимала с него потрёпанное, с коротковатыми рукавами пальтишко и уводила с глаз долой в чулан. В кухне, где бурлили котлы с супом и кашей, находится не полагалось. Принеся ему алюминиевую миску супа и кусочек хлеба, мать с тревогой спрашивала:

— Ну, как поучился-то?

— Поучился, — неопределённо отвечал Виталька и принимался есть.

Конечно, кормить Витальку в детсаду не полагалось. Он ведь был уже школьником, но заведующая — сердобольная Агния Михайловна — делала вид, что не замечает этого. Где Лёле-бедолаге найти прикорм для Витальки? Зарплатёшка всего семьдесят рублей в месяц, ну, за мужа пособие на двоих ребёнков — 150 рублей. Таких денег едва хватает, чтоб хлеб по карточкам выкупить да за квартиру заплатить. На Пупырёвке буханка хлеба стоит 250, а то и 300 рублей. Не по карману им. Лёля — человек безотказный, за любую работу берётся, чтобы поддержать семью. По ночам выкопала яму, вычистила помойку и туалет, и в яму эту упрятала отбросы. Дрова пилит и колет. И в доме соседям позажиточнее бельё берётся стирать, мыть полы в холодных сенях. Те-то руки берегут, а ей своих не жалко. Только бы как-то просуществовать в войну да сыновей прокормить. А там, поди, Федя-то вернётся с фронта домой.

На крыльце сытого Витальку ждал нетерпеливый Лапка. Он знал, что Виталька не забудет о нём, даст хлебца кусочек, косточкой с хрящиком, которую выпрашивала Лёля у поварихи, угостит. Лапка радостно молотил хвостом по крыльцу, заглядывая в глаза Витальке. Принёс? Конечно, принёс.

Наступали самые приятные часы в жизни Витальки. Ведь он мечтал стать укротителем зверей или клоуном, когда вырастет большой. Как-то до войны приехал цирк. Они всей семьёй ходили в этот цирк-шапито, и там

видел Виталька укротителя зверей и клоуна с собачками. Они так понравились Витальке, что решил он выступать в цирке, когда вырастет.

По мнению Виталика, Лапка очень способный цирковой артист. Он прыгал через деревянное кольцо, как этого хотел Виталька, ходил на задних лапах, “служил”. Наградой были кусочки хлеба, того, что Колька оставлял Витальке на ужин.

За уроки садиться не хотелось, да и примеры опять какие-то дурацкие попались, на вычитание. Их Виталька не любил. Колька придёт из школы, поможет решить.

Кольке хорошо. У него учительница в четвёртом классе весёлая и добрая. Она с ними в кино и в театр ходила и даже в мяч играла на школьном дворе.

А как-то Колька явился из школы домой и объявил матери, что велела Наталья Серафимовна приходиться всем с расчёской или гребешком.

— Зачем это? — встревоженно спросила мать.

— Наверное, вшей чесать станут, — беспечно ответил Колька.

— Да как это? При всех вот и будут вычёсывать?

— При всех, — сказал Колька.

Мать забеспокоилась. Расстелила на столе газету и принялась частым гребнем вычёсывать Колькину кудлатую башку. Оттуда с глухим стуком выпали четыре здоровенные пузатые вшины.

— Гли-ко, чо с тобой делается, — запричитала Лёля, и ломаным ногтем придавила с хрустом этих животин.

— Погоди, не дави, не дави, я погляжу, — взмолился Виталька. — У-у, какие звери. Они как фашисты, да? — закричал он.

— Выходит, я фашистов кормил, — обиделся Колька. — Скажешь тоже.

А мать ещё искалась с ножом в руках в Колькиной голове, давила гнид и ругала сына:

— Ты в баню-то теперь без отца ходишь, дак, наверное, больше дуришь там да брызжешься, а надо по-хорошему мыться-то и с мылом.

После этого мать принесла из сеней холодную с мороза оцинкованную ванну, в которой мыли маленького Витальку, и, нагрев в кастрюлях воды, принялась мыть Кольку. Тому было стыдно — сидеть такому парнищу голышом. Он артачился. Сначала раздеваться не хотел, потом в ванну залезать. Но мать была неотступна.

— Экой позор. Вшей, скажут, развели Решетниковы. Лезь без разговоров, — и шлёпнула Кольку по попе.

А Виталька бегал кругом и хвалился:

— А у меня вошек нет, у меня волосы короткие.

— А я вот и у Кольки обсапаю его лохмы, — пригрозила мать, но потом пожалела, оставила волосы.

Оказалось, вовсе не вшей чесать понадобились Наталье Серафимовне гребешки и расчёски, а для того, чтобы создать шумовой оркестр. Каждому из парней раздала она по кусочку папиросной бумаги и научила, как из такой “губной гармошки” извлекать звук. К примеру, выдувать песню “Вдоль да по речке”, “Коробейники”. А когда сыгрался оркестр, потащила его Наталья Серафимовна в госпиталь выступать перед ранеными. Там концерт понравился. Да и ребятя тоже. У самих раненых, наверное, дома такие же “музыканты” росли.

А один раненый спросил ребят, умеют ли они петь? Колька не растерялся и сказал, что он знает песню про “Юного барабанщика”, который в атаку шёл впереди, и даже спел её. Раненым и песня, и Колькин голос понравились, а учительница смекнула: если оркестр станет подыгрывать певцу, вовсе хорошо получится, и велела Кольке выучить ещё одну песню — “Орлёнок”.

В этот вечер Колька с Виталиком маршировали по комнате и пели песню про барабанщика, “Орлёнка”, а ещё “А ну-ка песню нам пропой, весёлый ветер” из кинофильма “Дети капитана Гранта”, про командира Щорса: “Э-эх, раненый идёт”. А мама расплакалась:

— Вот бы папка послушал, как вы хорошо поёте.

На радостях она сделала завариху, поджарив муку на сковороде, прежде чем засыпать её в кипяток. Вкуснувшая получилась завариха, хоть и без масла.

Колькино пение Наталье Серафимовне понравилось. Чтобы у Кольки голос стал ещё звонче, купила она на рынке три настоящих сырых яйца и сказала:

— Выпей, Коля, чтоб в горле не першило. Ты ведь у меня солист.

Колька послушался, яйца куриные выпил. Вкусными они оказались. Только неплохо было бы их посолить да хлебом заесть для сытости. Но Наталья Серафимовна сказала, что певцам без хлеба их пить надо. Остальные ребята с завистью смотрели на Кольку. Хорошо быть талантливым, яйцами поят.

Кольке раненые аплодировали, а у кого был гипс, то единственной рукой колотили о спинку кровати и костылями стучали.

— Молодец!

И Колька им все четыре песни свои спел. Домой вернулся довольный. Певцом стал.

— А Виталик в детском садике тоже красиво пел, — сказала мать. Она за своего младшенького больше переживала, чем за Кольку. Тот в обиду себя не даст, а вот Витальке худо приходится в школе.

Виталька приставал к Кольке, чтобы тот помог примеры решить.

— Опять Олимпиадушка мне булочку обрежет, — жаловался он.

А Колька нашёл способ, как урезонить Виталькину учу. На перемене перед третьим уроком он заглядывал в первый класс. Олимпиадушка, наверное, понимала, что парень этот может рассказать о том, как она обрезает булочки, и давала Витальке в этот день “булотшку” целую.

Однако с учёбой дела были плохи, и в таблице у Витальки стояли оценки “плохо” за четверть. У Сёмки Филина были “хорошо”, хотя тот в ответах путался и писал плохо, и примеры решал неважно. Но его Олимпиадушка не ругала, Витальку же грозились оставить на второй год.

Колька “хорошистом” заканчивал четвёртый класс. Жалел он только об одном, что Наталья Серафимовна в пятом классе преподавать у них не будет. Наберёт новый первый класс. Вот счастливицы какие-то попадут к ней. И понял Колька, что таким счастливецом должен стать его брат Виталька. Он как-то сказал Наталье Серафимовне:

— Возьмите моего братика Витальку в свой новый первый класс.

— Это как? Ведь он во второй перейдёт, — не поняла учительница.

— Нет, не перейдёт, — сказал хмуρο Колька. — Его Олимпиадушка на второй год оставляет.

— Да ты что говоришь? Вроде такой живой мальчик, — посочувствовала Наталья Серафимовна.

— Плохо ему там, и всё равно не будет толку, если во второй переведут, — убеждённо сказал Колька.

Второгодники обычно бывают унылые и хмурые, а Виталька в последний день учёбы был весёлый, словно отличником закончил год. Колька сказал ему, что Наталья Серафимовна согласилась взять его себе в новый первый класс.

И правда, у Витальки на этот раз дела пошли нормально. В классе у Натальи Серафимовны и весёлым, и бойким он стал. А потом даже прославился. Наталья Серафимовна включила в новогодний школьный концерт номер “Песня “Орлёнок”. Исполняют братья Решетниковы — Николай и Виталий”. Хорошо они пели. Всем номер понравился, а Олимпиада Викентьевна по прозвищу “Булотшка” осуждающе сказала о Виталике:

— Может ведь, когда захочет. У меня вот не пел. Упрямый.

Себя она ни в чём винить не хотела.

ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ

ЛЕСТНИЦА

ВСТУПЛЕНИЕ

*Трамваи оледенели,
от прорубей дымна Нева;
жизнь меряется на недели,
на саночках возят дрова.*

*И пять километров упрямо
до самой работы пешком
шла в утренних сумерках мама
под колким и редким снежком;*

*шла мимо навесов дощатых,
где горько держала земля
костлявых и одутловатых
ничьих мертвецов штабеля;*

*шла мимо бойниц пулемётных,
повёрнутых к Стрельне лицом,
готовых вдоль улиц голодных
по немцам ударить свинцом;*

*шла мимо гряды баррикадной,
был шаг её женский тяжёл,
и город, такой непарадный,
её словно за плечи вёл...*

ШЕСТИНСКИЙ Олег Николаевич родился 28 января 1929 года. В годы войны все 900 дней блокады прожил в Ленинграде. Награждён медалью “Житель блокадного Ленинграда”. На гранитных стелах памятника героям, павшим при защите Ленинграда в 1941–1944 годах, на мемориальном Серафимовском кладбище выбиты его слова: “Родина не забудет тех, кто её любил”. В советские времена поэма “Лестница” публиковалась со значительными сокращениями.

Словно в эти тревожные дни
недостатки друг друга прощали они;
словно вдруг понимали:
им нельзя в отчуждении быть,
потому что хотят ни за что, ни про что их убить.
И дуранду колот на трубе Варташак молотком,
люди грызли её, на скамейке усевшись рядком;
Люсенка-хохотушка мальчуганов прижала к груди,
улыбалась им грустно —
что их, маленьких, ждёт впереди?..
А когда раздавались разрывы как будто в доме,
прижимались соседи плечами один к одному
и сидели, прижавшись, будто один человек,
и подвал
их к спасению вёз, словно Ноев ковчег.

.....
Я пишу эти строки в покое, тепле, тишине,
близкий остров осенний предо мною в окне,
глухо лает собака, скворечники ныне пусты,
оголились совсем и уже почернели кусты.
Недвижим, словно крест на погосте, жестокий вопрос —
почему я людское тепло ощущал в пору смерти и бед,
а когда я, счастливый, шёл по лугу в сверкании рос
и клубились нежнейшие дымки
над моей головой,
вдруг зелёною жабой зависть плюхнулась передо мной?..

О, блокадной дуранды кусок, что ломал Варташак на трубе!
Без него мне в иные мгновенья
становится не по себе,
в те мгновенья, когда поздравляют цветасто меня,
что, мол, то-то и то-то совершил невозможное я...
И душа моя плачет.
“Где же искренность!” — горько шепчу...
Но дуранды кусок вспоминаю
и молчу, и молчу...

ВТОРОЙ ЭТАЖ

Моя строгая бабушка,
со школьным влияньем в борьбе,
“Отче наш” мне читала,
внушала молитвы свои...
А потом был полковник — он учил меня меткой стрельбе.
А потом была женщина — она нежно учила любви.
Боже, сколько учителей
меня столько учили всему!
Но молоденькую учительницу — у ней волосы собраны в узел
и наивны глаза —
навсегда я запомнил,
потому что учила
письму
меня, глупого мальчика, и я её страшно конфузился тем,
что голых смешных человечков в тетрадь рисовал,
когда мне задавала она буквы выстроить в строчке...
У неё была лица необычный красивый овал,
и серёжка мерцала в её мягкой девической мочке.
Она маме моей говорила, что я леноват,
мама к ней посылала меня,
и я каялся, мол, виноват,

и она так легко меня в малых проказах прощала,
проводила меня до дверей и к себе приглашала.
Я пришёл к ней однажды и замер смущённо в дверях:
распустив свои косы, без туфель, босая,
как девочка, кружилась она, конвертик сжимая в руках;
я стоял и смотрел, куда повернуться не зная.
А она подскочила ко мне, заглянула в глаза,
рассмеялась счастливо, как будто и я соучастник,
и сказала: “Ты милый, хотя и проказник!..”
И сверкали, сияли, лились золотые её волосы.
А в начале войны я на улице встретился с ней,
её под руку крепко держал лейтенант с кубарями,
я узнал её сразу — он её проводил вечерами
и топтался, её проводив, у закрытых дверей.
Она шла рядом с ним, всё стремилась в лицо заглянуть,
шла такая печальная, от разлуки робая,
и скрипела на нём новёхонькая португеза,
и лежал перед ним солдатский, немеряный путь...

.....
В декабре умирала она,
свои карточки потеряв.
Она долго искала их во дворе, в темноте подворотен...
По суровому смерти уставу
лишалась на жизнь она прав,
а устав не обжаловать — был он бесповоротен.
Может, ветер унёс на проспекте талончик цветной?
Может, выкрала чья-нибудь мать, чтоб спасти умиравшего
сына?

Я не знаю, не знаю...
Но подёрнут зрачок пеленой,
и не путь молодой перед ней,
а пучина, пучина.
В две шубёнки закутана да в старую шаль с бахромою,
на топчане лежала она и казалась немую,
лишь глазами слегка поведёт,
прояснится зрачок
и погаснет опять, как мгновенный в ночи светлячок.
Я стоял у топчана...

Ни слёз, ни стenanий, ни жалоб...
Мне бы не было, может, так страшно смотреть на неё,
если б смертных рыданий и просьб она не удержала.
Но спокойно, беззвучно, навечно впадала она в забытьё.
Пахло в комнате тленом и нежилой пустотой,
густо пыль оседала,
фикус, как в леднике, стыл...

Но она находилась уже за той самой чертой,
за которой никто из живых никогда не ходил.

.....
Я смотрю из окна,
редкий дождик в окно моросит,
облетает малина, лист последний на ветке висит...

Ныне грамоте сына учу,
обучаю я сына письму...
Ах, в какое богатство хочу
распахнуть я ворота ему.

И когда вывожу я пером
на бумаге алфавит родной,
вся лучась неподкупным добром,
возникает Она надо мной.

ТРЕТИЙ ЭТАЖ

*Наш квартальный Петров вгоняет патроны в наган,
наш квартальный Петров уходит в морозный туман.
У него нет семьи и есть милицейский паёк,
но не скажет никто о Петрове, что живёт он, как Бог.*

*Он ракетчика брал в нашем доме,
во тьме чердака
пуля тенькнула звонко у его молодого виска,*

*и на крыше железной схватились они грудь о грудь:
чтобы жить одному, надо с крыши другого столкнуть...*

*Вытер руки Петров о шинель, желваками играл,
выпил прямо из фляжки свои фронтовые сто грамм,
прислонился к стене, приказал мертвеца обыскать
и все вещи его в формуляр протокола вписать.*

*...Наш квартальный Петров совершает проверку квартир,
потому что таится в одной из квартир дезертир;*

*третьи сутки бессонно стоят у парадных пустых
сам квартальный Петров и двое его постовых.*

*На четвёртые сутки сообщает гражданка одна,
что в квартире Лукьяновны парень мелькнул у окна...*

*И, надвинув на брови фуражку, нащупав курок,
боком встав у дверей, нажимает Петров на звонок.*

*А старуха Лукьяновна в дверях ни жива, ни мертва,
и у ней с языка никакие не сходят слова.*

*А за нею в проёме — глазами трусливо косит —
её младший, Василий, в нательной рубаше стоит.*

*“Собирайся!” — ему говорит наш квартальный Петров,
его голос негромок, но сам он, как Время, суров.*

*В ноги пала Лукьяновна, разразилась потоками слёз —
сын, мол, мамушке только картошки да хлеба принёс,*

*лишь успела обмыть его, по-матерински обнять,
а теперь на позицию мальчик уходит опять...*

*В ноги пала Лукьяновна, хватает его сапоги,
а Василий белеет, что мел, от предсмертной тоски.*

*Но, на шаг отступая назад, непреклонен Петров:
“Собирайся!” — и голос негромок, но сам он, как Время, суров.*

*Шёл по лестнице Васька, болталась шинель без ремня...
Мать бежала за ним, стонала, моля и кляня...*

*Наш квартальный Петров взял его на четвёртую ночь,
он не мог ничего —
ни простить, ни пустить,
ни помочь...*

*...У Дерябкина рынка истошные крики и звон —
посреди бела дня нападают на хлебный фургон.
Измождённые люди с блеском жестоким в глазах
рвутся к тёплым буханкам, забыли про совесть и страх.*

*Вот ударили ломом,
вот сбили тяжёлый засов...
(Где-то очередь ждёт этот хлеб с предрассветных часов,*

*и голодные дети, вцепясь в материнский подол,
так по-взрослому просят,
чтоб хлеб к ним скорее пришёл.)*

*Подбегает квартальный Петров:
— Стойте, граждане! Это разбой!..
Но толкает старуха Петрова костлявой рукой.*

*Воронёный наган над толпой воронёнком взлетел...
Парень выпустил лом и мягко на землю осел...*

*.....
Четверть века прошло, но Петрова я не позабыл...
Был я суетен в жизни и глупо чувствителен был,
но я был человеком, когда, неподкупен и смел,
поступал, от всего отрешась,
так, как Долг мне велел!*

*И тогда, может быть, тень Петрова являлась ко мне,
и склонялся Петров над моим изголовьем во сне...
— Ты стрелял в человека, — спрошу я, — товарищ Петров?
— Да, стрелял... — отвечает
и молчит он, как Время, суров.*

ЧЕТВЁРТЫЙ ЭТАЖ

*Мой дядя был скромный художник,
и замыслы дяди просты:
букеты тюльпанов роскошных
он кистью писал на холсты.*

*Он их продавал на толкучке,
в ряду, где цветы, семена...
Потом покупал мне тянучки,
себе же — бутылку вина.*

*А дома, печально и пьяно,
твердил, кареглаз и лобаст:
“Искусство, что гордая панна,
не каждому руку отдаст...”*

*А то вдруг:
“Да я ли пропащий!
Мне ль жить по гостиным рядам!
Покуда сыграю я в ящик,
такое ещё я создам!..”*

*Но между аляповатых,
базарных и жалких картин
был холст, где на склонах покатых
дрожащая роца осин,*

*и небо над нею так грустно,
и ветер так буен и стыл,
как будто от бога искусства
всё ж ангел его навестил.*

*...По праздникам с дядею часто
ходил я гулять в зоосад;
там морж поджимал свои лапы,
и тигр выгибался, усат.*

*А дядя мой, трезвый и чинный,
был с ними накоротке,
тянулся он к морде звериной
с фруктовой конфетой в руке,*

*как будто бы то, что в неволе
томятся бесправно они,
он сам ощущает до боли
в свои неуютные дни.*

*Он купит у мальчика в клетке
пичугу и выпустит ввысь,
довольный, что птица на ветке,
как будто надежды сбылись.*

*Вот птица взлетает, как мячик,
в свой незарешённый рай,
и дядя роняет: “Мой мальчик,
почаще, как я, поступай!..”*

*...Он был на гражданской солдатом
и стал от раненья хромой...
...В июне
военкоматом
по чистой отпущен домой.*

*Но не дорожа этим правом,
стыдясь невоенных забот,
он сделался домоуправом,
а прежний ушёл на Балтфлот.*

*Хромал, но походкою ловкой
в тревогу бежал за порог,
следил,
чтоб плохой маскировкой
растяпа врага не привлёк.*

*А если бомбили часами —
в подвал он, тоской обуян,
лишь вслед за своими жильцами
сходил, как герой-капитан.*

*И в этой работе домовой
у самой у передовой
вдруг
друг обнаружился новый —
заезженный конь ломовой.*

*А конь так тоскливо и верно
на дядю смотрел в полутьму,*

*как будто о доле их смертной
уж было известно ему.*

*...Зима начиналась сурово,
разгульно метели мели.*

*...Сломали замок у гнедого
и в ночь со двора увели.*

*Судья, иронически глядя,
не веря ни в чём никому,
считал, что был в сговоре дядя,
и дядю упрятал в тюрьму.*

*В день смерти, метаясь по нарам,
всё звал он гнедого в бреду...
Он умер зимою,
нестарым —
на сорок девятом году.*

*И к ямам, где стылая глина,
покойников высохших прах
казённая автомашина
возила весь день второпях.*

*Потом —
возведут монументы,
на холмик поставят гранит,
седые, как снег, президенты
чело опечалят у плит.*

*Потом —
перед прахом пехота
торжественным маршем пройдёт...
Сегодня — ни слёз, ни почёта,
ни писаря,
чтобы вёл счёт.*

.....
*О дяде я думаю ныне.
Я ныне ещё молодой,
но ходит по ясной равнине
неведомо где
мой гнедой.*

ПЯТЫЙ ЭТАЖ

*А на пятом такая богиня жила!
Ах, какая богиня жила!..
Наша дворничиха
даже двор не мела,
когда по двору Люсенька шла.*

*Если белы снега с алой зорькой свести —
вот такое у Люси лицо;
а над этим лицом — ты гляди да грусти —
рыжей вьюгой бушует кольцо.*

*В мае перед войной
забубённый танкист*

*уходил от неё сам не свой,
он у самых ворот, синеглаз и плечист,
улыбнулся, повёл головой.*

*Был их месяц медовый, как зимний рассвет,
соловьиная песнь коротка...
И казалось —
любовь их на тысячу лет,
но стояла война у виска.*

*...Пехотинцы отходят... Рассыпан их строй...
Прикрывают танкисты отход...
Пятый танк задымил панихидной свечой,
артиллерия лупит с высот.*

*На себя принимают танкисты удар,
сталь корёжится в поле, горя...
...И прикажет писать писарям комиссар,
станут письма писать писаря.*

*Молодая вдова зарыдает навзрыд,
будет кругом идти голова...
Но очнётся она,
горе перегорит,
глухо скажет: “А я-то жива...”*

*...К ней придёт интендант, в белых бурках, мордаст,
воровато шмыгнёт у дверей,
он ей душу свою
ни на миг не отдаст,
банку выложит: “Ну, разогрей...”*

*А потом низким голосом
он пропоёт,
по-хозяйски придвинувшись к ней,
как во тереме дальнем отрада живёт,
ждёт в ночи распрекрасных коней.*

*А потом он уедет по Ладоге в тыл...
Подойдёт своего к ней дружка...
Будет этот чернявый плюгав и постыл,
да чтоб жить — не хватает пайка.*

*Но однажды ей встретился бравый “каплей” —
только сутки гулять моряку, —
он ей душу согреет заботой своей,
Люся выплачет боль и тоску.*

*И скатёрку узорную из сундука
необычно постелет на стол,
словно к ней не на вечер он, а на века,
женихом ненаглядным пришёл.*

*И пригубит вино, будто в праздник, чуть-чуть,
и, у нежности тихой в плену,
опрокинет ему на широкую грудь
всю свою золотую копну;*

*И пойдёт наша Люся
на фронт медсестрой...*

*Может, спит наша Люся
в могиле сырой...*

*Адрес свой никому не сказала,
а сама она писем не слала...*

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Я жил не под крылышком мамы
в блокадную круговерть,
а был я участником драмы,
где в главных ролях —
Жизнь и Смерть.*

*Блокада далёко — я знаю,
я нынче не тощ и не сер;
всё временем тем оцению,
всё мерю на тот размер.*

*Трагедии вымерших комнат,
где вещи в пыли и во льду...
И если я вами не понят —
я даже на это иду.*

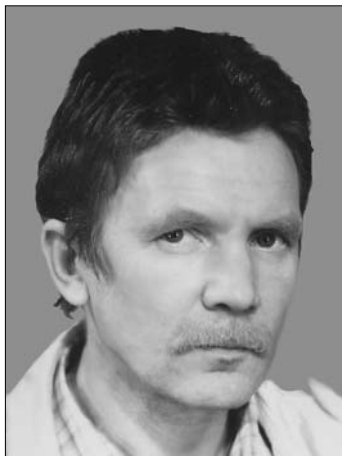
*Вы с ходу меня не судите,
я судей-ханжей не терплю;
я жизнь не просею на сите,
я крупным куском отломлю.*

*А пять этажей за плечами,
как пять
с бою взятых траншей,
и мне не на ровном — полями,
мне вверх — этажами страстей*

*идти неотступно и жадно...
Но будет до смерти во мне
таиться мальчонка блокадный,
как колос таится в зерне.*

1967

ВЛАДИМИР УРУСОВ

ЖЕЛЕЗНЫЕ СОЛДАТЫ

ПОВЕСТЬ

Кёнигсберг

Третий Белорусский фронт, лишь слегка задев правым флангом разрушенные союзной авиацией кварталы Кёнигсберга, умчался куда-то в сторону Берлина. 64-я гвардейская стрелковая дивизия была оставлена в полосе II-й гвардейской армии Баграмяна на подступах к блокированной столице Восточной Пруссии.

В феврале и марте 1945 года, после задержки с окружением и ликвидацией укрепрайона “Инстербург”, дивизионные полки, доукомплектованные до полного состава, были разделены на штурмовые группы. Рота пехоты, усиленная самоходной артиллерией и танками, получила сапёрное сопровождение с кумулятивными зарядами для подрыва бетонных бункеров и пулемётных капониров, ранцевые и станковые огнёмёты “фог-2”. По стандартам центрального форта № 8 был оборудован захваченный на юго-западной окраине замок Вальдбург.

Именно там, в брезентовых кулисах зубчатой угловой башни, и развернулся пункт корректировки, управления огнём осадной артиллерии — рога-тые перископы, дальномёры, КВ и УКВ рации, трофейные радистки и оловянные меченосцы, и тени их в стропилах по углам.

УРУСОВ Владимир Глебович родился в 1947 году в Калининградской области. Окончил Московский горный институт, работал геофизиком на Дальнем Востоке, в Сибири и на Урале. Автор пяти сборников стихотворений, в том числе “Три любви — три степени свободы”, “Всплеск живой воды”, “Медленный ветер”. Член Союза писателей. Живет в Москве.

Набеги орд ливонцев и тевтонов, Ледовое побоище 1241 года, битва под Грюнвальдом 1410 года, Семилетняя война и натиск войск Наполеона — было чему длиться под рубищем изрубленных кирас.

— Гвардия Ротмистра? — откуда ни возьмись, протиснулся однажды в створы люка блуждающий в музейных дебрях особист или топограф. — Но где же ваши гаубицы и мортиры, Глебов?

— Под штабами в казематах. Рассредоточены по винным погребам.

В середине марта белая карта, развёрнутая на сукне бильярда, ожила и запестрела перелесками, садами и фольварками. Швейная фабрика, хлебозавод, кинотеатр, вторая лесопилка и больница, и соборы, соборы... И сталинских органов искушающий мотив — Победа.

Город был забит войсками и сдаваться не собирался.

Внешнее кольцо обороны Кёнигсберга диаметром 16 километров и протяжённостью 50 километров включало 15 фортов, аналогичных бастиону “Понарт”, подготовленных к осаде. Радиоуправляемые минные поля, эскарпы, надолбы, траншеи с железобетонными колпаками пулемётных позиций — всё было сделано добротнo, с расчётом на затяжные долгие бои.

Подходы прикрывал 10-метровый противотанковый канал глубиной 4 метра. Внутреннее кольцо из 7 фортов замыкалось трассой Рингштрассе в междуречье Беек и Прегель. В центре — пятиугольная, 200 на 150 метров звёздчатая Цитадель “Кёниг-Фридрих” с гарнизоном в 500 фольксгренадёров имела крепостную артиллерийскую группу “РС” и бронированную защиту хозблоков и казарм. В бункерах Нассер-Гартена и Понарта и в районе косы Фриш Гафт были рассредоточены обильные резервы бронетехники, части 5-го танкового корпуса и танковой дивизии СС “Великая Германия”. Серьёзное сопровождение.

Задолго до начала штурма по распоряжению генерала армии Баграмяна в тронном зале замка Вальдбург на основе оперативных карт разведгруппы Глебова и по данным аэрофотосъёмки Балтфлота, в дощатом коробе на площади 50 квадратных метров была воспроизведена декоративная структура осады города и всех его предместий.

Штабные учения превратили город в ад. Шумы, записанные на магнитофонную проволоку, эхом отзывались в грохоте фугасов, краткая артподготовка смела остатки сонной тишины, и над набережными Беека и Прегеля засновали лодочки Стикса. Внезапно сработала разноцветная подсветка, вспыхнули полшария огнёмётных гнезд, и бурым пеплом засверкали в провалах чёрные бездны амбразур, крашенные йодом и зелёной муляжи сосновых роц, вкопанные танки, перекрёстки баррикад, пустые колокольни...

— Пожары не нужны? — спросил электрик Сомов. — Проводка заискрила.

На брустверах траншей от Большого Каратау до бастиона “Купфертайх” рассыпались янтарные осколки, и в песочнице заметалась ружейная пальба встречных контратак. Что делать?

— А где германская пехота, замурованная в лабиринтах лисьих нор? — вернулся на исходные позиции северный фланг Земландской группы армий начальник оперативного отдела генерал-лейтенант Ветров. — Тылы отстали! Где лестницы, канаты и подмостки, забросовые тройники, крюки и кошки — где?

— Все лестницы ведут на эшафот, — ответил Глебов. — Надо уяснить задачу, а выполнить или перевыполнить намеченные планы, нисколько не зависит от погоды. Это мы зависим от неё.

— И красных стрел, и синих стрел в планшетах с щёлкающими кнопками развелось тогда немало.

— Аккумулятор сел, — объявил Сомов, и звездопад угас.

По вечерам Глебов ловил карпов за дамбой Нижнего пруда, напротив городской комендатуры. За спиной грелись у костра сбежавшие из питомников Гиммлера нечёсанные, рыжие в подпалинах полицейские овчарки.

Тревожа седую рябь дрожащих волн, всплывали надыхаться сладким дымом косяки и перемёты мартовских ундин, безумные недоросли с фаустпатронами в чехлах наперевес таскались по подвалам, прятались по чердакам.

Мародёры и дезертиры гуляли в чёрных переулках, обходя заставы с блок-постами русских патрулей.

Сам Кант, разумный дух его, блуждающий в нагроможденных диких миражей Домского собора, был бы остановлен строгим окриком бдительных ундин:

— Товарищ, предъявите документы! Что в вещмешке?

Что? Скромные трофеи — прокуренный кальян, сандаловая табакерка и спирт или водка в мятой алюминиевой фляге с мечтами солдафонов всех времён о доме, о любви, о лёгкой ране...

Мотоцикл на обратном пути летел сквозь зоны умолчаний — выдавать огневые флешки упрямым командующий обречённого гарнизона генерал-полковник Хенке остерегался.

И где-то в Росгартенских катакомбах далёкий хор в расход тревожил полночь.

“Эти их самурайские гимны просто нервы выматывают, — думал Глебов, стоя под утро у треугольника слухового окна, затянутого в рейку, — сидели б лучше по квартирам. Бренчать на мюнхенских роялях здесь никому не запрещено...”

Накануне штурма отгремела артподготовка. В паузе грузовики и пароконные обозы удвоили траченный с лихвой боекомплект. В полдень лёгкие дивизионные орудия сорвали с брустверов грунтовую подсыпку, загорелись скатанные маты, ковровые фашины и подъёмные мосты. В паутине маскировочных сетей открылись амбразуры дотов, дзотов и накаты блиндажей, усеянные растяжками противопехотных мин. В хлыстах цепей, по рвам от вывороченных шлюзов хлынула в грязь лавинная вода с болотной смесью мха, дресвы и торфа. Глаза в глаза — о неуязвимой обороне вещала запретельная гроза. И ночь змеилась по снопам ответных молний, униженная залпами “РС”...

Утром 6 апреля 1945 года маршальский жезл Василевского вывел на прямую наводку 305-миллиметровые гаубицы и 280-миллиметровые мортиры. Город был предан огню. Сдавая бастион за бастионом, в вывалах глыб, в обрубках арматуры исход отборных войск преобразился в бегство. И вслед пугающими факелами шипели змеи ручных и фугасных огнемётов “Фог”. Разрозненные группы фольксгренадёров пробивались к крепости Пиллау, в надежде морем уйти в зону, занятую союзниками. Взахлёб сквозь истерию лживых сводок молил о стойкой обороне и Берлин.

Двухвековая крепость, девятилучевая звезда добротной кладки, осевшая в коренной бетон, перекрывала подступы к вокзалу и Северной гавани. Лавируя в окопанных руинах, в бой вступили батальоны тяжёлых ИСов и КВ. Сдетонировали минные поля. Смешались с проёмами оплавленных бойниц узлы переговорных труб, венткороба, канатные лестницы и башенные туры. Вся осадная оснастка времён Священной Римской империи германской нации распалась в прах. В лязг гусеничных траков бронетехники вплёлся гул надлома громового плуга. Из последнего орудия последний выстрел по последнему врагу.

Где тот капрал, сталинградский ветеран, забравшийся под свод Кафедрального собора?

Где моя рота, где мой взвод? Прощай, моя Германия, прощай...

Вечером после прорыва девятой аппарели генерал-полковник Хенке был убит. Ночью рассыпался Королевский город.

Утром без оглядки на мутный ореол дымящихся окраин, в глубь юго-запада хлынул поток растерянных людей. Чтобы вернуться, город должен был уйти. Ломая строй, в складках суконных одеял, путались в длинных шубах женщины, в слякоти обочин оскальзывались дети, и вели велосипедные тачанки военной выправкой меченые старики, аптекари, лавочники и портные. Давя таранами осевшие барабаны водонапорных башен, порталы терракотовых пещер, рокадные разьезды и ничейные мосты, отход прикрывали чёрные “пантеры” дивизии СС “Великая Германия”.

На привалах у костра, среди мерцающих весенней мглой рытвин в лиловых зеркалах проталин, никто не ведал, что его ждёт. Или не верил.

За горсть таблеток пентацида, за сухари в изъятном крафт-мешке, за потраченный на гитлерюгендовский китель полчас — забежать на похвалу родне, — в Данциге самозванные трибуналы под виселицами майских тополей творили суд и скорую расправу. Фанерный трафарет вещал: “Предатель фатерланда”.

Жизнь — продолжение движения, и стягиваются по распадкам в причудливые ступки изумлений эшелоны прифронтовых госпиталей, на стыках рельс постукивая глухо: она там, она там. Будто не было войны, и содрогалась Вятка, а не Висла.

Киров

День майский, ливень благодатный, в росе из радуг быстрые дворцы. И плавится в черёмуховом зное огромный дом, орнамент чугунного литья проулочной ограды и надпись на известковом панцире столба: “Вход для ветеранов Профсоюза, студентов Сельхозтехникума и детей любого возраста бесплатный. Просьба морковь не дергать и карасей в запрудах не удить”. Подпись — “Дирекция Ботанического сада”.

Врата в Эдам 1941 года чуть приоткрыты. Это навсегда.

— Землеройки норы роют, — говорит отец, оглядывая в бинокль дали с каскадам ускользящих оранжерей. — Пропали суздальские огурцы, вянет рассада.

Полон загадок его мансардный кабинет.

— Пусть я не Дарвин, но, — удивляется Сергей Сергеевич, — не понимаю. Третий год скрещиваю овёс и морозостойкую пшеницу, а всходит, на латыни мягко выражаясь, тускорора. Дикий рис!

Стены из книг, кресло перед зимней печкой, цейсовский микроскоп и пыльные шлифы, скучающие под надзором в перегибах призм и сфокусированных над неясным будущим волшебных линз — вот линия мелодии в оконной бездне тлеющего на закате счастья. Грелись в рыже-зелёных прудах лунные снегири, и по вечерам в бархате ружейного комода бронзовыми гильзами клацал патронташ и зияла воронёными стволами бельгийская курковка в масле.

Но Бельгии было не до нас. Уже Германия отвоевала и Польшу, и половину Франции, и устремилась на Балканы. Как много разных стран!

И в городе сотни, тысячи стратегов гадали врозь по звёздам и крестам, где вспыхнут стрел багровые лучи — в истоках призрачных болот перед Днепром или в пустынях огненных за Волгой.

На сгибах белых карт где-то была и чёрная игла. И Бог молчал — мир был темнее...

В апреле, чтобы учить немецкий язык, а не ставший вдруг ненужным французский, Глебов перевёлся из 10 А в 10 Б, и там сразу заметил Колосову Юлию. Она скучала в одиночестве на самой дальней парте, метко бросая в форточку гремучие, скрученные из фольги с бертолетовой солью шары.

— Нихт шиссен! — возмутился Илья Григорьевич и выгнал Юлию развлекаться в коридор.

— Разрешите выйти, — отправился следом Глебов.

Она сидела на подоконнике, шнуруя китайские порванные кеды, и в зеркальном отражении сиял паркетный лак, фарфоровая кукла и рыжая грива, развеянная в солнечных снопах предгрозового за рекой, исполосованного ветром неба. Какая разница для выпускного бала? И белый танец чёрных лебедей, и звон ручья в овраге, и летейских вихрей воды за плоскодонкой бакенщика, сонная река. Нет — значит нет, да — значит да.

— На мотоцикле хочешь покататься?

— Нам это надо? Скажи, зачем? — И серые глаза её промокли.

Перил спиральные ступени взмывали вверх, падали вниз, в объятия Ботанического сада. Студенты изнывали от науки в учебной духоте оранжерей.

— Странно, мичуринцы тебя не замечают.

— Что с них взять? Юннаты...

Утром, очнувшись на веранде, он слышал шорох миллионов листьев в уютях каннелюрных, лозой подхваченных колонн, возню на голубятне вяхирей и горлиц, шлепки пластин колёсного буксира, толкающего баржи к Дону или в Сталинград. И видел перевёрнутую лодку, в песке косы согретую костром.

Лисьи зрачки внимательно сужались, глядя на снег сквозь тополиный пух. И город стал другим, и мгла была другая, и однажды чёрная картонная тарелка на шкафу вздрогнула и ничего не спела о землемерах жизненных пространств.

На комиссию в военкомат столько возрастов напризывали, что санитары думали: “Как много верст от Бреста до Берлина! Однако Бог не выдаст, ели свинья не съест. Обильна Среднерусская равнина”.

— Дышите ровно. Радикулит мучает? — допрашивали богатырей строгие медсёстры, тревожа присосками стетоскопа сердца вразрыв и души наизнос. — Обувайтесь... В пехоту, что ли, его сдать? Вместе с эдаким помелом через плечо? Нон эверо э бен тровато, рысак в яблоках, проще говоря.

На вопрос подполковника Вольского, имеет ли пристрастие он к гусеничным тракторам, Глебов чётко доложил, что где-то в поле видел сразу три трактора, причём один из них был, к сожалению, колёсным, но зато хорошо знаком с местной мотоциклисткой, и у неё, по правде говоря, лишь два колеса, не считая запасного, — и был немедленно назначен курсантом в 39 Танковое училище.

— Пункт дислокации Высших курсов — Тагил, — уточнил Вольский.

— Понадобитесь — вас найдут, — склонился над чернильницей писарь и выдал предписание на явку и маршрут.

— Нижний Тагил? — переспросил за ужином отец и успокоился. — Смотри там, не разъезжай по ночам на бронетехнике. Особенно где скользкая дорога.

Город замер, присмирел. Ушли за ополчением на запад сборные составы стрелковой дивизии РККА, на взлётной полосе Аэроклуба остались поперечные траншеи с брустверами для учебных атак и щиты для отработки приёмов рукопашного боя: шаг вбок, отскок и прыжок над сплочёнными вязанками истыканного штыками хвороста:

— Ну, что опять? Коли её, коли!

— Обмотки развязались. Разрешите закурить?

И обволакивалась дымчатая школа акациями каникулярно-стриженных аллей. И не утихал сигнальный колокол парома над звёздами заречных деревень...

Куда спешат ночные поезда, рассыпав по садам гореть бус, рябины драгоценной сон, Русь?

— Что ж, уезжай, если тебе так нужно.

Прощанье без печали, разлука не всерьёз... Мотая головой, садовый сторож тербил двухрядную гармонь, щелчками кнопок вымучивая “Славянку”, и пахотная лошадь стучалась лбом о коновязь в сенном сарае.

— Лучше бы ты пошёл в кавалеристы, скакал бы себе с саблей да скакал!

На вокзале минутная стрелка вздрагивала, толкая часовую в пропасть вагонного окна, читались слева вправо скошенные буквы, потела межкоконная ржавчина стекла, и цена обратного билета ползла в створ строк, в жемчужно-розовый оскал... О, Юлия, и запах твой, и шёлк, прозрачные сырые поцелуи и в речном багровом семафоре дым льда. Куда спешат ночные поезда?

Нижний Тагил

В казарме курсантов одинаково подстригли и после бани всех пригласили во двор, на смотр. Ярко чернеющие комбинезоны, клапаны застроченных карманов, яловые голенища укороченных в раздевалке брадобрями сапог, пехотные страшные ножи и смазанные ваксой португеи превратили штатскую толпу в грозные шпалеры башенных стрелков, радистов и механиков-водителей. Куда шагать?

— Теперь ваша мать — святая дисциплина, а приказ, по совместительству, — отец! — прошёлся вдоль внимательного строя подполковник Вольский. — В спортзал, в кинотеатр, в клуб вагоностроительного или металлургического завода — без спросу — никуда нельзя. Понятно?

— А если со спросом, к ткачихам на вечерний брудершафт? Это реально?

— Реально в болоте лёжа под брюхом танка шкворни гнутые из траков вышибать. Кувалдой...

И точно, вскоре убедился Глебов, как это хлопотно и неудобно, особенно в рождественские или крещенские морозы, когда в рукавицах лёд.

И потянулись дни. На свой закатный час укорачивались ночи.

Сам Бог оттачивал кремниевые наконечники разящих стрел, на картах перед дальними проводами спуталась молниеносная война.

Над океанами трясины, в провалах исчезающих просёлков колыхалась поредевшая транспортная авиация Руделя. Снабжение сократилось.

Продовольствие и тёплое бельё, бухты тросов, клубки верёвок и тяглой сбруи пристяжных лафетных лошадей, бочки бензина и моторного масла, каталитные печи разогрева вымороженных двигателей и глизантин для радиаторов — всё пожирала всхлипывающая бездна.

В начале ноября группа армий “Центр” совсем увязла в глине выстланных хворостом траншей. С неба сыпались пачками пластинки Марлен Дитрих, Вертинского, и старые армейские марши подзуживали заводные патефоны, и над болотами взмывал вдруг “Венский вальс” вразнос с сухими сошками Маньчжурии... Но даже Лидия Русланова со своими валенками никого не утешала, а только раздражала — тут царила грязь!

В окопном перископе фельдмаршала фон Бока мелькали белоснежные тулупы прибывающих из Сибири сталинских резервов. Волна, рождённая волной, — война.

В тылах появились летучие бригады новых советских танков. Они, как призраки, скатывались с безымянных высот, беглым огнём сминали фланги колонн и, оставляя столбы дыма и горящие каркасы грузовиков и артиллерийских тягачей, таяли в инее туманных изваяний, в дыхании невидимых болот.

Тактика рейдов Ротмистрова и Катюкова стала стратегической основой будущих танковых битв на всех полях невиданных сражений в безмолвии проклятий и молитв.

Над ареной сборочных цехов Тагильского завода из дня в ночь, сквозь ночь — в день в рывках конвейера изострялся булатный меч Победы. На струнах строп витали окрылённые станины, гирлянды траков, люков. И скрежет зубчатых шестерён, мерцающих в якорном зале обводов литых башен: “Воин в поле не один”.

И голуби метались в фермах потолочного стекла, играли в контрразведку саблезубые медведи с гроздьями летучих подозрительных мышей.

— Вес без боекомплекта? — удручали Гота и Гудериана слухи в сводках по тактико-техническим данным “тридцатьчетвёрок”...

Вес 26 тонн, ширина гусениц 47 сантиметров, клиренс 40 сантиметров, 12-цилиндровый дизель В-2, мощностью 400 лошадиных сил, бак на 450 литров газойля, запас хода 465 километров, толщина лобовой брони 65 миллиметров, по бортам — 45 миллиметров. И радиосвязь в УКВ и КВ диапазоне.

Уже не надо было командиру толкать механика-водителя в прикрытую телогрейкой спину: правым сапогом — поворот вправо, левым — влево, оба сапога в пару — стоп! Первым стреляет тот, кому везёт.

Пробовал Глебов связаться с Юлей, но таким позывным в эфире места нет. И лингафон шипел, пел эхом в ухо: “Нашли порезанных мотоциклистов. Что делать? — Захорони. — Опять в Новом Иерусалиме скапливается пехота в валенках без шапок. Кто это? — Наверно, штрафники. Побойтесь Бога и туда не заходите. Лучше поглубже окопайтесь у реки”.

И вспоминался полный света полдень, хороводы блаженных голубей в арке солнечных ворот. Хорошо отлаженная почта, судя по числам отрывных календарей.

Из Юлиных писем: ‘Правильно ли я пишу на войсковую часть? Она ведь называется учебной. Доучивайся и скорее приезжай, хотя бы в отпуск. Ты где? А я работаю на фабрике, шевроны пришиваю к гимнастёркам, главное — рукава не перепутать, не то талоны другой какой-нибудь портнихе отдадут. Нас тут много, сколько именно — военная тайна: 128 человек! Дрова резко подорожали, их печники развозят на тачках по дворам’.

Примечание цензуры: “Зимой подешевеют, а там ан глядь, уж за окном весна!” Далее пара слов зачёркнута, излишние слова.

“Фонари в переулках не горят, но изредка моргают, тогда до проходной бежишь — легко бежать, на юг двигаются колонны или в твою сторону на юго-запад, дороги знают, где тебя искать.

Институт закрыт. Открыт пункт приёма ценных вещей для фронта. Я отнесла рубиновые бусы, которые ты мне подарил. В другой раз сдам сумку и перчатки... Тебе не жалко?

После пожаров на Химзаводе садового сторожа арестовали и отпустили, ведь он глухонемой, хотя и любит музыку. Я рада.

Фонтан перед колоннадой Драматического театра иссяк. Геракл разоблачился: под позолотой — гипс, под гипсом — арматура...”

Далее следовал лист, размалёванный цензурой, и Глебов думал, что манит чужеземцев — торговые маршруты или “домашние зверьки”, как деликатно обозвал мышей вздох треугольного конверта? Надо ли ради того париться в бочке, вывешенной над костром, и спать в продувной палатке на берегах Днепра или Аида?

*Ну почему, расскажи, я не знаю,
древнюю песню, известную всем,
как поседела трава золотая,
и полюбил — неизвестно зачем.*

Не нашего ума это дело, такое же сложное, как жизнь, которую сотворил Бог. И никому Он ничего там не дарил, вот что никак не объяснимо.

На подступах к Москве

В середине ноября просёлки подмёрзли, и армии фон Бока выстроились фронтами на восток.

“Воюем с привидениями. Русские везде!” — отметил Гудериан в журнале боевых действий.

Наступление свелось к неуправляемым стычкам, схваткам наугад, в мутных метелях и на исходе сил. Русским резервам предела будто и не было.

В глуши лесной лампы несметных деревьев и медленный в ладонь иней распахивался и наращивал кристаллы — тебя никто не ждёт, никто не ждёт, никто. Сталин спал спокойно. И вскакивал по ночам с армейской койки архитектор, истинный астролог: Москву не трогать, город оставить мне!

В изморози танковых цейсовских прицелов угасали звёзды непостижимого Кремля. В пятницу 5 декабря, выждав свою погоду, двинулись в контрнаступление войска Калининского фронта, 6 декабря — резервисты Западного фронта. Ну и, конечно, битву возглавил Жуков, бригадный генерал с замашками маршала, что Сталин сразу же подметил. Конев, Катуков, Говоров и Рокоссовский действовали эффективно и оперативно — так диктовали вставшие из снегопадов русские полки.

Огненные вьюны запылали в охвате мёрзлых группировок гренадёров. Славная пехота зыбилась в бревенчатых объятьях тишины над безднами гремучего разлома восточных правил западной войны, такой невыносимо молниеносной, как лезвия в торосах вскрытых рек. И множилось укрепрайоны на болотах — Ржев, Вязьма, далее млея Смоленск, Брянск, Витебск, — расположенные трассерами РС грядущие котлы парящих в поднебесье бастионов.

И снова лыжники, лазутчики, ледяные перекаты... и в хороводах — танки и самоходные артиллерийские установки невероятного 120-миллиметрового калибра, и полевые кухни: “Нет ли чего поесть?” Велика ты, Московская земля. И порядок в тебе — есть!

Сталинград

Гитлеру Сталинград нужен был как база для внезапного броска групп армий на север, в направлении на Саратов и Казань. Цель — окружить Москву и послать, переадресовать ударные танковые армады на восток, к Уралу, за Урал, в вожделенную Сибирь. Байкал, Амур, Тихий океан... Ну, и так далее, хотя и не очень близко.

— Рейх обеспечит себя нефтью на века! — сообщил Гитлер Клейсту ещё в марте. — Каждая часть в преддверии летней кампании должна быть доукомплектована и перевооружена. Солнце Германии для нас всегда в зените!

Для нейтрализации штурмовиков ИЛ-2 и ИЛ-4, ставших к тому времени грозой скоплений бронетехники, в танковых дивизиях появились укрупнённые по штату батальоны 88-миллиметровых зенитных орудий “ур-ур”, как их окрестила окопная пехота. Мотоциклистов упразднили. Дивизии СС получили гусеничные транспортёры с бортами из бронеплит. Мотострелки БТР стали называться “панцергренадёрами”. На танках Т-III и Т-IV установили длинноствольные орудия 75-миллиметрового калибра, и в каждом батальоне ввели четвёртую роту.

Сообщение Гальдера о том, что танковые заводы Германии выпускают всего сто Т-IV в месяц, а русские умудряются собрать на своих конвейерах семьсот(!), Гитлера не смутило:

— Скоро у нас будут другие, невиданные танки. Нужен лишь металл и уголь. Донбасс... и Сталинград.

Успех был неожиданным, и Гитлер ликовал: сокрытый по землянкам и подвалам, жив был боевой дух его панцергренадёров.

Для командующего 6-й армией Паулуса, подступившего к Сталинграду с юга, экспозиция осложнилась. Шли уличные встречные бои. Город горел. Советские войска окопались по извилистым ходам пещер и тоннелей правого бугристого берега. До осени, почти до ноября штабные карты оставались без изменений...

От Юлиных писем было ни весело, ни грустно: “Заканчиваю курсы медсестёр. Нас мало, но дежурств хватает. Морфий разносим по ночам. Легко бинтовать уживчивые души. Говорят, мои перевязки самые полезные, в перекиси водорода плазменная кровь вскипает и без солнца. Ты думаешь, у меня большое сердце? Нет, если я тебя люблю. Так проще”.

Глебов оглядывал казарменные койки, цветы до востребования небу возвращал в давяльно вагонных колёс.

Жуков, как скупой рыцарь, хладнокровнее, чем под Москвой, сводил резервы до явного перевеса сил. В тылу между Говорило и Саратовом скопилось уже 30 полевых дивизий и танковых бригад. Оперативных подкреплений в борьбе за выходы к Волге едва хватало для покрытия потерь.

Член Военного Совета Хрущёв предлагал немедленно сократить программу подготовки младшего командного состава и отправить освободившийся контингент в пехоту: “Пускай доучиваются премудростям боевой науки в естественных условиях, на передовой. Не с этого ли и мы когда-то начинали?”

— Оно и видно, — побарабанил Жуков пальцами по столу так, что стаканы в подстаканниках звякнули и надолго замолчали...

— А я согласен, — кивнул Чуйков, командующий Сталинградским фронтом. — Понохать пороху — мечта выпускника, особенно танкиста.

— Спешить не будем, — раскурив трубку, окутался клубами дыма Сталин. — Для победы нам нужны грамотные, элитные войска. Гвардия нужна для окончательной победы!

Ждали своего часа и курсанты артиллерийских, танковых и инженерно-сапёрных школ. В прохладе неожиданных ночёвок, дозаправок, контрольных стрельб и маршевых бросков по тупикам топографических шарад недели отлетали, тралами укатывая заминированные пустоши, и звёзды на погоны падали, пересекали чёрствые, хрустящие в планшетах облака, оказалось — за рожами выбеленных труб маячили на горизонте зарницы исчезающих пожаров. Заря вела зарю.

И возвышался перемётный мост до танкодрома от Тагила, менялись, притирались экипажи, лязгали огненные люки, рассыпанные по окопам и курганам в лезвиях струй отточенных борозд, достаточных для Прохоровского поля.

На юге фронт противостояния советских и немецких войск раскинулся на сотни километров от станции Котельниково до Волги. В ноябре Паулюс сосредоточил свою осаждённую армию в охвате: две танковых и две гренадёрских дивизии — на северном фланге, три танковых и две пехотных дивизии на южном фланге. В центре были задействованы девять моторизованных и полевых дивизий.

Вместо 120 тысяч прижатых к Волге солдат и офицеров 6-й армии Жуков имел теперь в ориентирах внешнего обвода ещё 150 тысяч свежих бойцов, 650 танков, 800 орудий и 600 самолётов авиасопровождения.

Оценив обстановку, Жуков предложил разъединить и уничтожить обе группировки. Рокоссовский подумал и добавил:

— По частям. Так им и надо.

Сталин сказал:

— Рано...

Условий для решения этой грандиозной задачи пока не существовало. Установилась пауза. После недолгих размышлений Манштейн развернул стратегическое направление зимней кампании на 180°, с востока на запад.

12 декабря блистающие инеем танки Гота вышли к переправам на Аксай. Операция “Зимняя гроза” началась.

За действиями Воронежского, Юго-Западного, нового Донского и Южного развёрнутого фронта просматривался фантастический, устрашающий замысел Ставки Сталинского Верховного Главнокомандования — сокрушить согласованным ударом весь южный фланг немецких войск. Сверх-Сталинград для миллионного “котла”, для восьми окружённых в калмыцких степях у Среднего Дона армий — вот цель, сравнимая по славе и масштабу с изгнанием из России орды Наполеона! В конце января Сталинград был сдан.

Юлия писала: “Госпиталь перевели в дивизионный медсанбатальон, вплотную к юго-западному фронту. “Самое трудное дело — подранков в ночь по сугробам на плащ-палатках выволакивать из ничейной полосы. Немецкие санитары бродят с фонарями во лбу, своих из без вести пропавших на санках, подбитых кровельным железом, тянут домой, в Германию зовут.

Я знаю, ты меня легко найдёшь, запомни, — звенела снежная лавина, — эшелон № 1410”.

Избегая окружения, русские войска отошли на Север. И Ставка Верховного Главнокомандования сыпала с неба в свои тылы техасскую тушёнку, сигареты “Кэмел” и добротное обмундирование со штампами на сукне “джи-ай”. Теперь Рузвельт тоже воевал на стороне сталинских солдат. Он хотел войны.

Операция “Цитадель”

Где-то шумела талая вода, и в тёмных всплесках замыслов бродила и просматривалась одна стратегия, трагедия — не упустить инициативу. Последнее усилие — кончится война!

Борьба с распутицей обернулась битвой мнений. Гитлер колебался.

Командующий группой армий “Центр” генерал-фельдмаршал фон Клюге: “Наступательный порыв Сталина должен быть нейтрализован. Время работает на Советы. Войска простаивают”.

Начальник Генштаба сухопутных войск ОКХ генерал-полковник Цейтцлер: “Три тысячи единиц бронетанковой техники пребывают в бездействии. Надо выступить!”

Начальник Штаба оперативного руководства ОКБ генерал-полковник Йодль: “В Средиземноморье складывается кризисная ситуация. Использовать резервы преждевременно”.

Командующий группой армий “Юг” генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн: “Дальнейшее промедление недопустимо...” И здесь Эрих фон

Манштейн пожалел, что брал отпуск в марте для лечения катаракты. Болезнь не имела осложнений. Вышло из-под контроля лишь оперативно-тактическое развитие контура операции “Цитадель”.

Командующий 9-й армией генерал-полковник Модель: “Танки Т-IV и Т-3 не имеют защиты от новых русских противотанковых ружей 20 калибра. Кто займётся этой проблемой? Срочно”. Командующий танковой армией генерал-полковник Гот: “Сказано — сделано, приказ есть приказ. Пехоты нет. Верните пехоту”.

Министр вооружений Шпеер: “В конце мая будет выпущено примерно 100 “тигров”, 300 “пантер” и 2-3 батальона сверхтяжёлых САУ “фердинанд”.

Гитлер: “Нельзя ли выразиться поточнее?”

Генерал-инспектор бронетанковых войск Гудериан: “Надо наладить производство навесной бронезащиты. “Тигры” пойдут в бой, как на парад!”

— Парады у нас в воздухе зависли, — откомментировал генерал-инспектора генерал-фельдмаршал Клюге.

После ротации в должностях, по результатам битвы под Москвой, они мягко говоря, недолюбливали, косо глядели друг на друга, и однажды Клюге даже спросил позволения у фюрера вывести Гудериана к барьеру: “Хочу дуэль!”

— На мушкетах? — посмеялся Гитлер. — Лучшим солдатам лучшее оружие? Костей не соберёшь...

В тот вечер он уже съел тринадцать, по числу гостей, пирожных и приглядывался к тарту с пальмовой ветвью из вегетарианских леденцов, когда из-под стола выскочил толстолапый, с хвостом до пола щенок с огромными стоячими ушами. Торт с хрустом раскусился и исчез.

— Моя выучка, — огорчился фюрер. — Завтра нам будет принадлежать половина Евразии, а через неделю — вся! Земля...

К сожалению, сведений об этом бескалорийном ужине места в архивах так и не нашлось.

В конце июня 1943 года батальоны обещанных вермахтом Моделю и Готу “тигров” и “пантер” прибыли к Курскому выступу. Поводов для промедления с наступлением не осталось.

1 июля на совещании высшего командного звена в Вольфшанце Гитлер снова подчеркнул:

— Грядущее наступление необходимо для сохранения инициативы, а точнее — её обретения в этой опасно затянувшейся войне. Должны же быть пределы и поставкам западных “союзников”, и неисчерпаемым резервам Сталина. Победа в Курской битве факелом просияет для всего мира! Важна внезапность и решительность. Удача капризна, но мы схватим её за подол!

— Как бы этот подозрительный подол не оказался парашотом, — блеснул Гот солдатским юмором. — Не загреметь бы с облака в болото.

Кто его слушал? Никто его будто и не слышал, однако агентура в “Волчьем логове” сработала безотказно. Уже 2 июля Ставка Верховного Главнокомандования предупредила Центральный, Степной и Воронежский фронт о немецком выступлении на поля сражений 3–6 июля.

Перебежчики рассказали про сухой двухсуточный паёк, выданную и разлитую по флягам водку и про зачитанное накануне воззвание фюрера: “Солдаты рейха! Грядет начало битвы, которая решит исход войны. Любое сопротивление Вермахту бесполезно. В пыли наших знамён да воссияет слава”.

Центральный фронт генерала Рокоссовского замер, будто ночь — тьмой в атаках захлебнулась.

Юлины сообщения — фронтовые сводки, а почта колесила по тылам. “Сижу одна в вагоне. В стороне Орла видны фиолетовые вспышки. Идём за ранеными в Курск или до Обояни.

Нам ведь ничего не говорят. Начальник эшелона злится, когда рация немеет.

Вглядываюсь в окна — точно такой же поезд сквозит над рельсами. Стыков будто нет, иначе не пружинили бы шпалы.

Я думаю — ты рядом? Вокруг обетованные просёлки, стебли из росы, рябиновые бусы, пехотные колонны в стоптанных пыльных сапогах. Двойное зрение, войска перемешались...

Травмы при артобстрелах самые ужасные. Но Курск молчит, и Обоянь молчит. Так Богом велено, мы — тени перед Богом”.

В капкан для Советов должна была превратиться Курская дуга! По мнению командующего группы армий “Юг”, свежих подкреплений Сталин мог не ждать. Их просто нигде уже не было.

Из глубин рассвета — бурые шлейфы, облака заматались по следу будто сорвавшихся с привязи танков, выстроенных уступами в параллелях растянутых колонн.

Вспыхнули в биноклях рощи, рассечённые оврагами долины, озёра, полные серебряной воды, стога прессованной соломы, приземистые, крытые тёмным сараи, фермы и амбары, огороды и поля зреющей в утреннем зное, прохладой упоённой, позолоченной сиянием пшеницы.

— Сидим и курим, — приказал Глебов своему разведзводу. — Отставших нет? Не понимаю, что тут ждать...

Солнце падало и туман отхлынул на юго-запад, облекая черные мундиры, доспехи крестосцев, угловатые обводы “тигров” и усечённые конусы низкобашенных “пантер”.

Урчали взвинченные на холостом ходу моторы, сдержанно напрягались отшлифованные гравием и супесью гусеничные траки, и в котловине Прохоровского поля среди теней ореховых ветвей вздымалась, взрастала железная мерцающая зеницами оптики орда с штандартами на катушечных УКВ антеннах.

Прекрасно налаженная радиосвязь с командирами дивизий бездействовала — всё шло по плану, и тишина в наушниках молчала. Взлетев к уступам насыпного гребня пирамиды, разведзвод замер.

В пурпурной пене закипевшего котла хрипел и надрывался то властный, то глухой после краткого ливня бас Ротмистрова. Непонятно было, где носится его летучий, с задраенными люками танк:

— Бейте в зазор, в подрез, в упор.

Сорванные с шестерён поворотного механизма башни “пантер” и “тигров” откидывало в сторону, как при детонации боекомплекта, и в нитях заоблачного пепла истребители и штурмовики Деслоха оглядывали безымянные высоты: “Кроме Прохоровского поля, за холмами ничего здесь нет!”

Хищные “тридцатьчетвёрки” зигзагами рыскали в июльской духоте, преследуя медлительные на разворотах, непревзойдённые, как уверял Гитлер, “Т-V” и “Т-VI” — чудовищные танки.

В спирали вечности все времена кругами, и там сражались не за мировой порядок, а за Отечество, сокровище своё.

Под вечер, пятясь и переваливаясь с боку на бок, за пядью пядь перемалывая клыками гусениц распадки впадин и бугры, танковая армия Гота ушла окапываться на позиции перед Обоянью.

Оперативная группа “Кемпф” увязла на переправе. Росой обернулся ржавый в небе гром!

Ночью в пустыющих долинах воцарилась мгла. Ремонтные бригады прибирали разутые до катков остовы трофейных “Фердинандов”. Сотни обезоруженных экипажей шатались, переходя от костра к костру вразброд: “Где полевые кухни?”

— Ешь тушёнку-то, кушай, чего её жалеть, канадскую такую.

— Как это мы ловко их отбросили. Рывком отволокли.

И звёзды падали, и тысячи невесомых душ шептали крыльями в тлеющих венках, в бурьяне.

Кто эту ночь вспомнит лет через сто? Забудь...

Рядами уставленные на перроне парусиновые койки редели, когда паровоз шипел, сдувая клапана: “Нельзя ли побыстрее?” И тогда выламывались узкие тамбурные двери, звенели выдавленные стёкла, носилки встряхивались и вздымались на уровень разбитых окон. Погрузка шла неведомо куда! Там, на линолеуме исцарапанного пола, лежали ангелы, плотно сомкнувшие под-

крылки с горбатыми тенями в два крыла. И женщина бродила по вагонам, чуть прикасаясь к чёрному сукну: “Бог мой, неужели... Нет, это не мой, это другой”.

И все, даже прикованные к скатам гусеничной пылью, смотрели в бездну, в серые глаза. И не тускнеют белые рубахи, пока сияет Прохоровское поле, пока блистает дальняя гроза!

Днепр

— Уничтожение группы армий “Юг” — залог Победы, Сталинград на Днепре! — заклинал Сталин свои усталые, но одухотворённые войска.

В отвоеванных областях были мобилизованы все возрасты осеннего призыва, способные носить оружие и наскоро обученные приёмам рукопашного боя.

Только в полосе наступления Степного, Юго-Западного и Южного фронтов в начале осени Ставка Верховного Главнокомандования “поставила под ружьё” 100 000 человек. Это была народная, воистину Отечественная война, опасная для Германии и гибельная для вермахта.

1 июля 1943 года Гитлер оговорился в Виннице на совещании командующих армейскими группировками генералов:

— Не надо было подавать отдельным народностям дикой России напрасные надежды на равенство. Какое братство? Цель этой войны — трофеи и рабы, пространство для потомства, для детей и внуков. Наш солдат должен об этом знать. Быть может, зря мы не ставили себе напрямую материальных целей. Главное — земля...

Никто даже бровью не повёл, ведь генералитет рядился в кружева пелёнок солдафонского романтизма образца 1914 года. Теперь не до поэзии с батистом! Не топить же боевую технику в прудах Потсдама, в гнёздах лебедей.

Сталина надо было не только обезвредить, Россию надо было обескровить, а оставленную территорию превратить в пустыню. То, что нельзя было вывезти — дорогу, мост, дом, лес, — надо было взорвать, сжечь, разорить.

От взорванной плотины Днепровской ГЭС, за ориентирами пристрелянных высот, из глубины предместных укреплений явственно следовало: река была неодолима, и за прибрежными холмами роилась тьма в дыму.

Блуждая в хаосе отвоеванных дорог, разведгруппа Глебова видела выступающие из месива перепаханых обочин, вывернутые к небу лица, маски, объёденные лисами за оврагами в безветрии Донца. Смерд тления или мёд зноя, струистый жар с выюнами из безглазого свинца.

Ватник, накинутый на люк, грел спину, и холодок души пронизывал, когда в периоде полураспада мухортая кобыла косилась на выдавленного из утробы, зализанного солнцем жеребёнка, шатко шагнувшего за колонной. Сон в бреду.

Подняв голову, что видела она? Зачем смотрела на это чудо с ледяной звездой во лбу, когда он вдрут помедлил и вернулся...

Катастрофа

Не веря звёздам, Гитлер полагал, что русские готовят марш-бросок из Галиции через Львов, Брест и Буг в Данциг или в сердце Германии — Кёнигсберг.

Всего лишь 600 километров — и померкнут над фюрером шпиль и башни Королевского Города...

— Соберите побольше войск на перехват, — гипнотизировал Йодля тревожный взгляд. — Русский трёхглавый змей не устоит против моих доблестных солдат!

Рок рассудил иначе. Главный удар был нанесён по правому флангу Припятьской поймы, в 450 километрах от расположения группы армий “Северная Украина”.

Напрасно Ставка Верховного немецкого Главнокомандования отправила в Галицию, в группу армий генерал-полковника Моделя все наличные резервы — четыре танковых корпуса, восемь танковых и две механизированных дивизии.

22 июня 1944 года 1-й Белорусский фронт под началом Рокоссовского начал наступление на укрепрайон Бобруйска, там, где его не ждали — через непроходимые болота, через наскоро настланную гать.

29 июня осаждённый бастион сдался. Крупный транспортный узел был нейтрализован, на подъездных путях остались госпитальные составы с 5000 раненых, брошенных на произвол войны.

1 июля на северном крыле группы армий “Центр” 3-й Белорусский и 1-й Прибалтийский фронт, поддержанные 5-й Гвардейской танковой, вместе с армией Ротмистрова вошли в междуречье Днепра и Двины, миновали Витебск и с боями через Сенно, Толочин и Борисов устремились в Минск, центр западной России.

3 июля Минск был освобождён. В Москве Сталин отметил свою победу праздничным салютом.

5 июля войска 3-го Белорусского фронта завладели транспортным узлом Молодечно и устремились к столице Литвы — Вильнюсу, где в позолоченной клетке отсиживался Цербер Восточной Пруссии, бряцающий цепью за воротами в раю.

Перехватывая отступающие части и соединения 3-й танковой армии генерала Рейнгардта, группа армий “Центр” готовила город к долговременной в окружении обороне. С второстепенных участков фронта, из Германии сюда ускоренным маршем двигались шесть свежих, полностью укомплектованных дивизий. Назревала ситуация, подобная битве при Ватерлоо.

Опережая подход штурмовых колонн, наступление на город начала с северо-востока 5-я общевойсковая армия. С юго-востока нанесла удар 5-я Гвардейская танковая армия. Передовые дозоры резервистов появились в пригороде, когда гарнизон укрепрайона был полностью блокирован. Десант парашютистов был развеян и без поддержки на земле пленён.

Связка ключей от рейха уже брэнчала на жерлах башенных орудий гвардейцев Ротмистрова.

Впереди был Кёнигсберг.

ПОЭЗИЯ

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

ВЛАДИМИР КУЧЕРЬ

ПОЛЁТ

1

Здравствуй, родина, многие лета!
Ст. Куняев

От заката добрым летом
Бродит ночи полоса,
В горизонте разогретом
Серебрятся образа...
Не сверкают ярко звёзды,
И космическая тьма
Не висит простором грозным,
Но цветёт её кайма...
Хоть недолго лето длится,
Но кипит зелёный дух,
Переливы его ситца
Образуют жизни круг.
И захватывают сразу
Чувства розовым теплом,
Завораживают разум,
Когда первый грянет гром...
Ночь в естественной природе
Светлым пологом лежит,
В городском круговороте
Зреет гул автомашин.
И течёт в земном просторе
Переливный гомон птиц,
Наполняя утра зори...
До сферических границ...
И легко к зениту лета
Устремляется душа
С чистым заревом рассвета
До вселенского ковша.

2

Умер Вадим — я остался один...
Ст. Куняев

Мир горевой, и я не свой,
Ищу осколки правды.
За бесконечную межой
Следы от космонавтов...
И в жути околоземной
Молчанье вековое,
Где чёрный холод ледяной
Сжигает всё живое.

В загадках звёздного пути
Рассудок ищет брата...
Вселенная сломя летит
Ко времени заката...
Мгновенна сущность бытия
В космической системе,
И лишь земная колея
Растягивает время.
Огни вселенной неспроста
В моих глазах таятся,
Но снова мыслей череда —
Где вы, родные братцы?

3

Образ прекрасного мира...
Ст. Куняев

Надёжно выстроен треножник,
Атлантом держит полотно...
Слит с вдохновением художник,
И с ним — надежда заодно.
Он пишет день,
Ночь,
Снег,
Град,
Дождик,
Деревья,
Солнце на воде,
Тропинку к лесу,
Подорожник
И даже звуки на холсте.
Он с детских лет след карандашный
К изображению привлёк,
Разгладив серый лист бумажный,
Что был до этого кулёк.
Его свернула продавщица,
Чтоб взвесить матери крупу;
Ребёнку было чем гордиться:
Он рисовал на нём пургу...

г. Москва

ГЛАН ОНАНЯН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

1

Победы праздник — лучшая из дат:
Пока жива Победа, жив солдат,

Он светозарен в памяти людей,
Как факел у надгробия идей...

Я рядовой войны, я ветеран,
В бою со смертью шёл я на таран,

А проходимцы гонят мутный вал
На всё, за что я честно воевал,

На всё, чем жил и жизни не жалел,
И ничего иного не желал!

Всё ближе Смерть, и горько мне вдвойне,
Что не погиб с друзьями на войне,

Что если тлеет под золой война,
То в этом наша общая вина!

Прощай же, мир. Я не таю обид
На то, что позаброшен, позабыт —

За то, что подо Ржевом не убит...

2

Война отпыхала, отгремела.
Солдат, ты спас Отечество своё.
Война вдали, но где на свете мера
И горести, и доблести её?

Мы выдюжили всё — утраты, беды,
В нас до сих пор те скорби голоса,
И слёзы застилают лик Победы.
Счастливые. Как жизнь тому назад.

г. Москва

СВЕТЛАНА ПЕШКОВА

ЗАПОЗДАВШАЯ БАНДЕРОЛЬ

Из дальних и неведомых краёв,
Названия которых я не знаю,
Однажды бандеролька заказная
Придёт на имя девичье моё.
Картонную коробку отдадут.
Смущаясь, положу её в авоську —
У нас тяжёлый груз в авоськах носят
И только в сердце носят ерунду.

Пойду домой лугами, напрямки.
В лугах — цветы. А в строчке “Отправитель” —
Танцуют буквы (Витя, милый Витя...),
Сплетаясь в васильковые венки.
Кругом народ. И я сверну к реке,
Чтоб спрятаться, остыть и время выждать.
До крови расцарапает лодыжку
К подолу прицепившийся репей.

Присядет золотая стрекоза
На угол запоздавшей бандероли.
И я, слезам и чувствам давши волю,
Попробую ей правду рассказать.

...Не нужно врать и чувствовать вину...
Моих волос коснутся ветки ивы.
Не поздно жить, но поздно быть счастливой.
И я вернусь. И бандероль верну.

г. Липецк

ЕВГЕНИЙ ИВАНИЦКИЙ

ДОРОГА НАВЕКИ

Нас делали старше военные марши.
Стучат барабаны о юности нашей.
Зачем и куда? Ответ у порога:
Призвание мужчины — война и дорога.
Пусть флейты бравурно готовятся к бою.
Лишь вашу улыбку я взял бы с собою.
Вы смотрите грустно, вы смотрите строго,
Такою и будет эта дорога.
Дорога на годы, дорога навеки,
Лишь тёмное небо, бессонные реки,
Лишь стук эшелона, и в нём все ответы:
Не с вами закаты, не с вами рассветы...
И всё же спасибо ветрам и дороге:
Не так уж и мало в конечном итоге,
Где тайная нежность и тайное имя,
Где люди, как листья, ветрами гонимы.
Крупинки, снежинки военной метели
Запомнить друг друга почти не успели,
Но, если бы вы меня полюбили,
Меня б ни за что на войне не убили...

*г. Фрязино
Московской области*

ТАМАРА КУПРИНА

* * *

Как хорошо, что есть на свете братство!
Я не о том, что брат есть и сестра.
Друзья мои — вот главное богатство,
Ещё дороже нынче, чем вчера.
И я волненья гордого не скрою:
Я с ними прохожу в одном строю.
— Какое счастье — братство фронтовое! —
Себе, всем людям, миру говорю.
Я на него претендовать не вправе:
Оно добыто мною не в бою.
Я не причастна к их военной славе —
Друзей моих, кого боготворю.
Но раз мне счастье выпало такое —
Причастной быть к высокой их судьбе, —

Я счастлива, завидуя себе:
Спасибо им за братство фронтовое!
Они идут — последние герои
Войны последней. Их редет строй.
Но вечно живо братство фронтовое
За дальней далью, за любой чертой.
Оно опять позвало их в дорогу,
Опять собрало вместе, как вчера,
Победным ветром протрубив тревогу
И пожелав “ни пуха, ни пера!”...
Они идут, отважные, как прежде.
Они идут, весёлые, как май.
И вновь сердца распахнуты надежде.
И снова скажет кто-то: — Запевай!
И запоют про славную Катюшу,
Про кари очи да про отчий дом...
Всю выплеснут отчаянную душу
В том необычном хоре фронтовом.
Я не скрываю гордого волнения,
Мне эта дружба слишком дорога:
Они моё подняли поколение,
Меня прикрыли грудью от врага.
Да будет круг друзей, как прежде, тесен!
И за столом, в вечерний добрый час,
Когда всех вместе соберёт нас песня,
Я первый тост скажу:
— Друзья, за вас!

* * *

Мы собрались
За праздничным столом.
Мои друзья сегодня — ветераны.
Мы собрались,
Чтоб вспомнить о былом...
И — слава Богу! —
Не пусты стаканы.
Ханжа осудит,
Умный нас поймёт
И те стаканы не возьмёт в расчёт...
Мой тост за вас сегодня,
Ветераны!
За вашу радость,
Горести и раны,
За ваш зенитный боевой расчёт,
За тот далёкий,
Тот кромешный год,
За давний бой
На поле славы бранной!
Мой тост за вас сегодня,
Ветераны!
Живите и встречайтесь
Непрестанно...
Под мирною звездой осиянной
Дай Бог вам
Ещё много-много вёрст...
Дай Бог вам
Новой встречи,
Ветераны!

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ПОЭЗИЯ МАО ЦЗЭДУНА

Эта поэзия уникальна и поучительна во многих смыслах. Стихи писали первые лица государств и до Мао, и после него. Я не говорю о целом ряде древних китайских императоров, шахов Персии или таких персон европейского прошлого, как Шарль Орлеанский и Маргарита Наваррская. И. В. Сталин обратил на себя внимание знатоков литературы как поэт в ту пору, когда он мало кому был известен. И это было отнюдь не баловство, но поэзия весьма высокой пробы. Очень неплохие стихи писали деятели меньшего исторического масштаба, скажем, Ю. В. Андропов и Е. М. Примаков. Великолепные поэтические газели принадлежат перу аятоллы Хомейни.

Но речь идёт даже не о литературных достоинствах стихов китайского вождя. Они поражают глубиной, разносторонностью, слитностью мысли, слова и поступка, а самое главное – непреклонной пророческой убеждёностью. Кстати сказать, Мао признавался, что писал стихи всю жизнь, даже, как говорится, в седле в прямом и переносном смысле слова. Громадную литературную одарённость китайского вождя признавали при его жизни незаурядные интеллектуалы Европы, Северной и Латинской Америки. А уж об Азии и говорить не приходится. На Тайване, к примеру, известные поэты, весьма далёкие от маоизма, признавались, что учились поэтическому мастерству у Мао. Но, повторяю, покойный китайский вождь не только был очень хорошим поэтом, он был поэтом-пророком.

Чтобы обосновать эту мысль, я должен коснуться личности Мао Цзэдуна.

Я прочёл немало книг и статей об этом человеке, среди них выделю двух авторов: американца Эдгара Сноу и нашего “связного” между Сталиным и Мао Петра Парфёновича Владимирова. Настоящая его фамилия Власов, он отец известного в своё время штангиста Юрия Власова, который опубликовал позднее с разрешения властей регулярные сообщения отца о китайском вожде, которые он посылал Сталину. Это очень объективные, умные, а главное – лишённые даже тени эмоций наблюдения опытного разведчика, жившего бок о бок с Мао Цзэдуном в течение ряда лет с тридцатых годов до 1949-го, когда была провозглашена КНР.

Годы провёл рядом с великим китайцем и американец Эдгар Сноу. Он был журналистом по профессии, возможно, по совместительству тоже разведчиком. Но в отличие от Владимирова, он относился к Мао с нескрываемым восхищением, добился того, что китайский революционер вёл с ним многочасовые специальные беседы, где подробно изложил историю своей жизни. Эти беседы потом стали основой для книги самого Сноу и многих последующих биографий Мао, наших и западных.

Книги П. Владимирова и Э. Сноу, а также стихи вождя, в первую очередь, позволили мне представить себе облик гениального китайца.

Как я вижу его?

Если говорить языком мистики (а в жизни Мао было много таинственного), я вижу в нём своеобразную реинкарнацию одного из прежних, очень успешных владык Китая. Он жил так, как будто возвращал себе власть, принад-

лежавшую ему по естественному праву рождения. Сила, присущая Мао от природы, взращивалась и укреплялась благодаря следованию не только культурным и поэтическим, но и духовным традициям. Известно, что Мао был даосом и владел самыми разными тонкими практиками укрепления духа. Популярное в Китае высказывание, что хороший национальный политик, внешне оставаясь конфуцианцем, на внутреннем уровне становится даосом, в значительной степени применимо к Мао Цзэду.

Потому все, кто общался с Мао Цзэдуном, ощущали большую силу его личности, его пассионарность и целеустремлённость. Об этом врождённом ощущении величия свидетельствует трудная и стремительная карьера Мао, его умение бороться с внешними и внутренними противниками. Особенно с последними. При этом китайский лидер виртуозно, но вместе с тем и жестоко пользовался услугами и тех, и других.

Такие люди, как, скажем, Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дэн Сяопин, Лю Шаоци, Лин Бяо (сами по себе незаурядные личности), в разное время прямо или скрытно противостояли Мао и вынуждены были признать его превосходство, особенно в стратегии и в аппаратной борьбе. С другими он безжалостно расправлялся.

Будучи в тридцатые годы “твёрдым” марксистом-ленинцем, Мао не скрывал своего восхищения перед императорами древности, особенно теми, кто завоевал власть не по династическому праву, но пробился к ней, как говорят, “из грязи в князи”. По этой же причине Мао преклонялся перед личностью Наполеона. П. П. Владимиров докладывал И. В. Сталину о подобных пристрастиях китайского лидера, но тот, похоже, не придавал этому существенного значения, на всех этапах истории XX века поддерживал китайского вождя. Больше того, посмотрел сквозь пальцы на критические замечания Мао по адресу Кремля и по собственному адресу, о чём добросовестно информировал Москву Владимиров.

Отношения двух вождей складывались совсем не так безоблачно, как в известной песне, где “Сталин и Мао слушают нас”. Оба слушали не “нас”, но, говоря китайскими понятиями – Дао, русскими – Бога, европейскими – интуицию. Достаточно вчитаться внимательно в помещённые ниже стихи, а также в стихотворение Сталина “Послушник” (оно выложено в интернете). В стихотворении Мао Цзэдуна “Чанша” недвусмысленно говорится о том, что некие Силы управляют всем видимым миром, историей, людьми, замедляют или ускоряют наши стремления к власти. Данные вопросы гжучи, неотложны, с ними нельзя не считаться, потому что сегодня они манифестируют себя крайним и непредвиденным образом. Подлинная духовная элита – религиозные пророки и великие деятели культуры – веками предупреждала о последствиях нарушения глубинных нравственных законов бытия. Однако *воз и ныне там*.

Вполне возможно, что природные катастрофы, войны, революции и другие массовые неблагоприятия есть реакция невидимого Инобытия на современное поведение видимого человечества, особенно так называемой “элиты”. Именно она повсюду и во все времена заваривала революционную кашу и смуту, которую затем приходилось расхлёбывать жестоким диктаторам, “мясникам” истории, по определению обывателей. Этим диктаторам приходилось выводить целые народы из хаоса и тупиков с помощью насилия.

Мне могут возразить: был случай государственного выхода из тупика с помощью Ахимсы (ненасильственной борьбы). Да, такой случай был, но – как исключение из правила. И закончился разделением Индии на несколько частей, причём пролилось немало крови.

Но разговор о влиянии Инобытия, другими словами, Бога на ход истории, о “попущении” Им в критические периоды жестоких диктаторов не входит в задачу автора этих кратких заметок.

Вернусь к руководителям СССР и КНР. Несмотря на противоречия, оба лидера тесно взаимодействовали и поддерживали друг друга. Вообще всё китайское революционное движение, в особенности коммунистическое, развивалось под сильным влиянием И. В. Сталина. Под давлением советского вождя через каналы Коминтерна КПК и Гоминьдан вынуждены были на какое-то время прекратить распри и сообща бороться с японскими захватчиками. Оба сына и жена Мао в тридцатые-сороковые годы жили в Москве. Там же длительное время проживал сын Чан Кайши. Кстати, он впоследствии стал руководителем Тайваня и автором “тайваньского экономического чуда”.

Я говорил о противоречиях между двумя вождями. Конечно, они были, и личные, и политические. Но на контрапункте выстроены даже целые музыкальные симфонии. Кроме того, противоречия бывают творческие и разрушительные. Перефразируя известное китайское высказывание “Мао на 70% был прав, а на 30% ошибался”, можно сказать, что в отношениях Сталина и Мао на семьдесят процентов преобладали первые – творческие и позитивные факторы. Так говорил сам китайский вождь, и за ним повторяют его нынешние преемники. Великий китаец знал, что говорил. Ведь сам Бог, или Истина, есть не что иное, как величайшее Противоречие. Это уже слова известного православного богослова и философа Павла Флоренского.

Очень схожи жизненные пути двух вождей. Оба вышли из общественных низов, оба имели проблемы с отцами и нежнейшие отношения с матерями. Мать Мао была глубоко верующей буддисткой, страстно мечтала, чтобы сын стал буддийским монахом. Мать Сталина отдала юного Иосифа в духовную семинарию и видела сына будущим православным священником. Оба прошли через жестокие жизненные испытания и, может быть, ещё более жестокую внутрисполитическую борьбу, которая практически лишила сна В. И. Ленина и преждевременно свела его в мавзолей. Мао лёг в мавзолей в возрасте 82 лет, полностью выполнив свою жизненную сверхзадачу.

Не берусь также судить, сколько в Мао процентов марксизма, а сколько – конфуцианства или даосизма. Думаю, процентное соотношение теории и практики была примерно таким же, как у Ленина со Сталиным. Все три вождя опирались в своей деятельности не столько на “Капитал” К. Маркса, сколько на строчки из его частного письма о необходимости революционного перехвата власти и установления диктатуры пролетариата. Мао Цзэдун даже исправил слово “пролетариат” на “союз крестьянства с революционной буржуазией” в соответствии с реалиями Китая того времени.

Главное, что удалось сделать Ленину, Сталину и Мао Цзэдуну – всколыхнуть мир, прежде всего, Азию – Матерь всех религий и цивилизаций. Ленин первый высказал мысль о том, что союз России, Китая и Индии сделает коммунистические завоевания необратимыми. Эту мысль реализовали, в первую очередь, Сталин и Мао Цзэдун. Разумеется, их завоевания, которые стоили многих жизней, также были очень несовершенными. Но где, когда великие дела в мире обходились без великой крови? О бескровном развитии мира мы можем лишь мечтать и действовать в данном направлении. Однако, топча прошлое, как это делают нынешнее русские либералы, мы лишь накликиваем его одиозные эксцессы на свою голову. В точности по пословице: “Как аукнется, так и откликнется”. Китай в отношении к своему прошлому, даже очень жестокому, относится куда мудрее.

Затейный в XX веке великий коммунистический эксперимент – это, конечно, “лиха беда начало”. В шагах революционеров-первопроходцев лиха оказалось слишком много... Но жизнь в обществе потребления, которую нам предлагают сейчас, может закончиться катастрофой ещё более оглушительной и бесповоротной. Если так всё будет продолжаться, мы закончим “самопотреблением”.

Конечно, будущее единое человеческое сообщество будет строиться по иным лекалам. Оно непременно включит в свою конструкцию животворные коммунистические идеи Будды, Лао-цзы, Конфуция, Платона, Пифагора, Иисуса Христа, Магомета, Ганди, Неру, а также других великих светочей человечества. Как и когда это произойдёт, не знаю, но что так будет, уверен.

В большую Историю войдёт, несомненно, и Мао Цзэдун вместе с рядом своих соратников. Он грезил о большом скачке, совершал вроде бы странные поступки, такие как призыв к китайцам стрелять по воробьям или требования выплавлять металл кустарным способом. Однако не кто иной, как он, распахал почву для будущего поистине реального экономического и цивилизационного Скачка континентального Китая. Это признают сами авторы Скачка. Борясь с традициями прошлого и критикуя Конфуция, он, в конечном счёте, парадоксальным образом привёл Китай к ситуации, где идеи великого китайского мудреца почитаются на самом высоком уровне.

Наша история пошла, к сожалению, другим путём, нам навязали общество потребления...

Почему Китаю, в отличие от нас, удалось доказать жизнеспособность социалистических идей, следуя которым Поднебесная сегодня обгоняет западную

цивилизацию? Думается, не в последнюю очередь потому, что китайский марксизм на практике оказался в большей степени адаптирован к национальному менталитету жителей Поднебесной. А это заслуга Мао Цзэдуна с его патриотизмом и огромной любовью к Китаю (за всю свою большую жизнь Великий Кормчий был за границей два раза, и это был не Запад, а СССР).

Верю, что Большая История восстановит справедливые акценты и у нас. Восстанет и духовная традиция, и тогда нашей страной, как и всеми другими странами, ставшими на путь возрождения духа, будут править по “гамбургскому счёту” не какие-либо страны или глобальные центры, но Разум, неизмеримо превосходящий человеческий, оставляя относительную свободу выбора для разума людей.

Ветер Большой Истории дует сегодня на Восток, и Россия начинает улавливать его импульсы и следовать в этом направлении. Не всем это нравится. Сегодня, видя естественное тяготение России и Китая к союзу, прозападно настроенная “элита” пугает нас возможностью оккупации соседним гигантом районов Сибири и Дальнего Востока. Пусть успокоятся. Конечно, всё зависит от нас, и за единство страны нужно бороться, но я убеждён, что судьба Дальнего Востока в наших руках и что азиатская часть России – это не столько зона будущей борьбы и конкуренции, сколько зона развития и сотрудничества. Причём на сотрудничество обречены в хорошем смысле слова не только Китай и Россия, но и другие влиятельные страны Азии. Например, Индия, Иран, Вьетнам и прочие “азиатские драконы”.

Моё вступление к стихам Мао Цзэдуна затянулось, но это вовсе не потому, что я считаю Мао самым великим китайским поэтом. В этой стране немало мастеров более крупных, особенно в VII–X веках. Замечу, кстати, по обилию великих поэтов китайская литература – явление беспрецедентное в мировой культуре. Уникальность же Мао, повторяю, в его пророческом даре, который удивительно талантлив и в поэтическом отношении. Бесспорное свидетельство тому – публикуемая ниже подборка стихов китайского вождя.

Теперь о них.

Стихи написаны на веньяне – старокитайском письменном языке, давно вышедшем из практического употребления и превратившемся для китайцев в некое подобие латыни или древнеславянского. Дело в том, что политическая и экономическая революции восточного гиганта сопровождались также революцией языковой. Веньян в XX веке заменили на байхуа – так в Китае сегодня называется язык, на котором не только говорят, но и пишут, начиная с Лу Синя, Го Можо, Ай Цина и других языковых реформаторов. А вот “левак” в политике Мао Цзэдун в стихах остался верен веньяну. Что это означает? “Старый закал” или явную демонстрацию верности традициям? Думаю, второе. И это второе заставляет нас задуматься о многом не только в области поэзии, но и в области политики. Если, конечно, хотим быть успешными в этой сфере, а не по-маниловски завидовать китайцам.

Уже говорилось том, что стихи Мао Цзэдуна – крупное явление не только в китайской, но и в мировой поэзии. В России на эту сторону наследия покойного лидера Китая после публикации 1957 года почти не обращали внимания. Между тем, поэзия Мао Цзэдуна весьма высоко ценится в мире до сей поры. Впечатляет широта и разнообразие тем, затронутых в стихах, присутствие любовной и пейзажной лирики, философские раздумья, острая политическая сатира и отсутствие плакатности в произведениях революционной тематики – обо всем Мао умел говорить нетривиально и свежо. Привлекает в творчестве поэта-политика оригинальная связка новаторства и традиционализма. Ведь Мао писал на старом языке, но, как заметил поклонник таланта Великого Кормчего, американский литературовед Л. Бурман, китайский лидер вовсе не навязывал свою склонность к веньяну, даже “предупреждал, что молодой поэтм следует писать проще и не стоит тратить время на поиски соотношения традиции и современности”. Между тем, китайская молодёжь именно на эту сторону творчества Мао как раз и обратила внимание.

Китаевед Н. Азарова, утверждавшая, что Мао не просто хороший поэт, но “возможно, поэт первого ряда”, подчёркивала, что “для современных китайских поэтов Мао – поэт-новатор, стимулировавший поэтическую смелость в коммунистическом Китае”.

Стихи Мао Цзэдуна, не говоря о его политическом опыте, высоко ценятся в странах Латинской Америки и в Африке. Вспомним личные беседы Мао

Цзэдуна с легендарным Че Геварой, увлечение молодого Нельсона Манделы опытом борьбы китайского вождя.

Сам Мао относился к своему литературному творчеству чрезвычайно серьёзно, отводя ему вечерние и ночные часы как в походах, так и в условиях жесточайшей партийной борьбы. При этом он был человеком весьма скромным – решился на первую поэтическую публикацию только в шестидесятипятилетнем возрасте и спустя шесть лет после прихода к власти.

Замдиректора института Дальнего Востока профессор В. Мясников восхитался обширной библиотекой Мао, его образованием и самообразованием:

“Традиционализм впитывался Мао Цзэдуном со школьной скамьи, при чтении художественно-исторической литературы, посещении традиционного китайского театра и от уличных народных сказителей. Первым его учебником был конфуцианский канон “Луньюй”, который он часто цитировал. В яньаньских пещерах Мао постоянно вспоминал примеры из истории Китая, цитировал классические книги, особенно эпохи Чунью. В произведениях Мао часто встречаются упоминания сюжетов и персонажей исторических романов “Троецарствие”, “Речные заводы”, “Путешествие на Запад”, приводятся примеры из истории династий Цинь, Хань, Тан и Мин, когда известные полководцы с помощью более совершенной стратегии и тактики одерживали блистательные победы. Составление хитроумных планов стало в политике Китая традицией. От решений важнейших проблем и до народной игры в облавные шашки (вэнцзи) – всюду велось состязание в составлении стратегем”.

К концу жизни Мао Цзэдун достиг высоких степеней образованности. При этом рамки его читательских интересов всё время расширялись, он изучал древние и современные книги китайских и иностранных авторов, штудировав литературу по таким дисциплинам, как философия, логика, эстетика, религия, экономика, политика, военное дело, художественная литература, история, география, естественные науки, техника. Он знал западную философию, античность, Канта, Гегеля, мировую художественную классику. По широте образованности его можно сопоставить со Сталиным, чья библиотека насчитывала более 20 000 книг, испещрённых пометками. Мао не только сам много читал, но призывал и кадровых партийных работников образовывать себя. Любил повторять: “Век живи – век учись”.

Между прочим, в Китае существовала древняя традиция, которую хорошо было бы ввести и у нас: каждый чиновник обязан был сдать экзамен по разным дисциплинам, включая обязательное знание поэзии.

А. Н. Громыко, неоднократно встречавшийся с Мао Цзэдуном, заметил, что его визави “старую китайскую философию считал своим родным домом, основательно её штудировал и говорил об этом”.

Переворот, произведённый Мао Цзэдуном в китайской поэзии, внушительен. Можно сказать, что он повернул поэтический календарь Поднебесной с лунного на солнечный. Буквально это проявилось в том, что китайские поэты, ранее тяготевшие к воспеванию красоты лунного света в небе или на озере, стали писать о солнце. Но это не просто смена одного небесного объекта для поэтического вдохновения на другой. Все-таки луна – это отраженный, призрачный свет и символ более пассивного начала, в то время как солнце символизирует световую активность, ясность и волевое бытие. В творчестве таких поэтов, как Сы Тун, Го Можо, Ай Цин, Хай Цзы, появилось множество стихов, буквально пронизанных солнечным светом, оптимизмом, обращением к дао человеческой активности, воле, целеустремленности. Сегодняшний Китай развивается скорее под солнечным дао, нежели под лунным.

К сожалению, далеко не все переводы стихов Мао Цзэдуна передают его сложные образы и символику. В советское время его попытались причислить под народного поэта, что справедливо только отчасти: Мао одновременно со своей народностью элитарный поэт-традиционалист, поэзия которого многопланова и сложна. Очень часто уже подстрочник был выстроен в упрощённом идеологическом ключе.

Что касается сегодняшних переводов Мао Цзэдуна на русский, то многие и даже лучшие из них, с моей точки зрения, несколько перегружены китайскими терминами и попытками копировать китайское стихосложение, красоту которого не может дублировать ни один переводчик в мире. Кроме того, китайские иероглифы очень часто многозначны и позволяют широкий выбор значений при переводе. Это объясняет многие мои вольности, за что прошу извинить,

если далеко разошёлся с переводами коллег. Прежде всего, я стремился передать дух поэзии Мао Цзэдуна, как я его понимаю и чувствую.

Когда размышляешь о парадоксальной фигуре китайского лидера, который положил немалое количество людей во имя реализации своей мечты, и вспоминаешь слова Пушкина о несовместности гения и злодейства, то приходишь к неожиданной мысли: если перед нами столь сильные и яркие стихи, то, не оправдывая насилия, может быть, правильнее говорить не о злодействе, а о жестокой работе в Большой Истории? Ведь её (работу) тоже кто-то должен исполнять, тем более что в XX веке жестокость была не столько азиатским или советским, сколько мировым политическим трендом (Германия, Италия, Испания, Португалия, США с их бомбёжкой Хиросимы...). Убеждён, что сам лидер китайской революции, созидая эту историю, хорошо понимал, что будущее должно быть иным, более гуманным и светлым. Потому-то он периодически начинал заниматься таким сугубо мирным и прекрасным делом, как писание стихов. И это у него очень хорошо получалось.

МАО ЦЗЭДУН (1893–1976)

УЛЫБКА И ПЕСНЯ НА СМЕЛЫХ УСТАХ

ЛЮПАНЬШАНЬСКИЙ ХРЕБЕТ

*Высоко в небесах перелётные гуси
Покорить призывают пространства свои.
Если сдался препятствиям, если ты струсил,
Человеком Китая себя не зови.*

*Половина отечества пройдена нами,
Впереди возвышается древний хребет.
Водрузить предстоит там победное знамя,
А иного решения попросту нет.*

*Повинуемся зову хребта и закону —
Свяжем лапы верёвкой седому дракону.
1935*

ЧАНША*

*Днём осенним, сияющим солнечным днём
Я стою над рекой и люблюсь закатом,
Вижу горные склоны в наряде цветном,
Мандариновый остров и много загадок...*

* Родина Мао Цзэдуна.

*Реку север влечёт, а орла — небосвод,
Рыба плещется на мелководье.
Всё живое своим распорядком живёт,
Ухватившись за Чьи-то поводыя.*

*По зелёному руслу великой реки
Целый день непрерывно снуют челноки.*

*Наблюдая картины природы родной,
Величавой, могучей, спокойной, прекрасной,
Понимаешь: не мы управляем страной —
Кто-то более сильный, премудрый и властный...*

*Вспоминаю далёкое время своё,
Споры долгие, юные страсти.
Так хотелось страну и её бытиё
Подчинить нашей собственной власти!*

*Но житейские наши в пути челноки
Задержало течение Великой Реки.*

ВЕЛИКИЙ ПОХОД*

*По рекам, горам и полям мы прошли
С боями за год двадцать тысяч ли**.
Пять горных хребтов у нас за спиной.
Там снег по колено и скалы стеной.
Круты берега нами пройденных рек,
Стремителен был их течения бег.
Но мы одолели усталость и страх
Улыбкой и песней на смелых устах.*

БАШНЯ ЖЁЛТОГО АИСТА

*На востоке Янцзы,
Где притоки река собрала,
Башня древняя
В небе осеннем маячит.
Башня Жёлтого аиста***
Сердцу китайца мила,
Потому что приносит
Своим пилигримам удачу.*

*Признаюсь откровенно:
В местах этих не был давно.*

* Немногословный Великий Кормчий, как иногда всерьёз, а иногда с иронической усмешкой называют Мао Цзедуна историки, откликнулся на беспрецедентный поход китайской Красной армии стихотворением, где всего восемь строк. В них перечисляются, главным образом, географические точки похода, что массовому русскому читателю ничего не говорит. Зато любой китаец понимает масштабы и трудности великого военного Подвига. Я постарался освободить свой перевод от топонимов, акцентировал внимание на духе стихотворения и сдержанности автора. Оставил те же 8 строчек.

** Ли — 5,6 км. Таким образом, за один год — с октября 1934-го по октябрь 1935 года — китайская Красная армия прошла во время Великого Похода пешком (и лишь немногие солдаты на лошадях) 12 тысяч км, потеряв 90 процентов личного состава. Приходилось сражаться не только с гоминдановцами, но и с японскими захватчиками. Вот какие дела стоят за скупым стихотворением в восемь строк.

*** Сооружена в III веке на месте, где, по преданию, вознёсся в небо даосский святой.

*Наконец, побывал
На горе-Черепахе* в ненастье
И обычай исполнил —
Здесь выплеснул в реку вино.
Пусть вернётся в Китай
Жёлтый аист и счастье!*

ВОРОБЕЙ-МИРОТВОРЕЦ

— *Стреляй! Руби! Противника убей!*
Слышна повсюду в мире канонада.
Дрожит в кустах от страха воробей:
— *Сплошной кошмар! Бежать отсюда надо!*

— *Куда?*
— *Спасенье на святой горе.*
— *Но где такая?*
— *Договор подписан*
О дружественной тройственной норе,
*В ней рождено начало компромиссам**.*

— *Что за “начало”?*
— *Долгожданный мир,*
Необходимый “просвещённым массам”,
Чтоб каждый гражданин вкушал кефир
*С поджаренной картошкой и мясом***.*

— *Неужто так покончим беспредел?*
— *Прошу, не спрашивайте больше и не спорьте, —*
Сказал воробушек и быстро улетел.
Но воздух предварительно испортил.

ПРАЗДНИК ДВОЙНОЙ ДЕВЯТКИ*

*Люди ветшают быстро,
Небо стареть не хочет.
Правда, подули ветры,
Лето ушло, но затем
Праздник в Китай приходит
Нами любимый очень,
Праздник двойной девятки —
Осени и хризантем.*

*Ветры суровые дуют
На грозных полях сражений,
Случается непогода
И на полях труда.*

* Черепаха, согласно легенде, прародительница Поднебесной.

** Как впоследствии разъяснили пекинские комментаторы этих стихов, Мао Цзэдун имеет в виду Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, подписанный 5 августа 1963 года тремя державами — СССР, США и Великобританией.

*** Мао обыгрывает слова Хрущёва, сказанные в апреле 1964 года, что коммунизм для него — это полная тарелка гуляша для каждого советского гражданина. Гуляш на китайском языке — картошка с жареной говядиной. (Примечание агентства Синьхуа).

**** Девятого числа девятого месяца по китайскому лунному календарю.

*Очень люблю я осень —
Время борьбы и свершений,
Когда одета природа
В наряды из снега и льда.*

ПЛАВАНЬЕ*

*Я воду брал на язык
И рыбу ел из неё.
Потом переплыл Янцзы,
А думал, пlying, про своё:*

*Что лучше штормы и гром,
Свобода бегущей реки,
Чем старческий вздох о былом,
Чем мускулы слабой руки.*

*Мудрец** когда-то сказал,
Глядя в речной простор:
“Течение никто не связал,
Расчёт природы простой”.*

*Мы же построим мост,
Плотиной скрепим берега.
Расчёт наш точен и прост —
Пусть людям послужит река.*

*Вода светлей бирюзы
Течёт без конца в океан.
Может, богине Янцзы
Такой удивителен план...*

КУНЬЛУНЬ***

*Над Китаем царит несравненный Куньлунь,
Вся страна ему служит покорно.
Управляет погодой, движением лун,
К небу льды пододвинув спокойно.*

*Как дракон из нефрита, парит выше туч,
Мы от страха порою весенней
Цепенеем, когда, беспредельно могуч,
Шлёт разливы и землетрясения.*

*Я его вопрошаю:
— Куньлунь, почему
На себя ты взвалил столько власти?*

* Название сообщает реальный факт. В 1955 году, в возрасте 63 лет Мао “вразмашку” переплыл реку шириной более километра.

** Конфуций.

*** Куньлунь — самый высокий в северо-западном Китае горный хребет, отдельные вершины которого достигают высоты чуть ли не 8000 м. Отличается очень суровым климатом, активной тектонической деятельностью и практически безлюдьем, что для густонаселённого Китая не характерно. Самое интересное то, что фантастические мечты Мао о преобразовании природы Куньлуня в наши дни реализовались неожиданным образом. Здесь прорублена и отсыпана в горах многокилометровая железная дорога. Её отдельные участки пролегают на высоте свыше 5000 м. Это непревзойдённый в мире шедевр китайской инженерной мысли и искусства. В короткий срок создан уникальный мост Пекин — Гималаи, куда устремились туристы со всего мира.

*Неужели приятно челу твоему
Замышлять для Востока напасти?*

*Как опору найти и волшебный топор —
Разрубить твоё мощное тело
На три части? Слепое могущество гор
Справедливым и правильным сделать?*

*Часть одну я тогда европейцам отдам,
Часть другую — заносчивым Штатам.
Разумеется, третья останется нам.
И конец всем долгам и утратам!*

ЖЕНЩИНАМ, ОДЕТЫМ В ВОЕННУЮ ФОРМУ

*Солнце Китая восходит над миром,
Приоткрывая его красоту,
Вашим любитесь новым мундиром,
Вашим уменьем стоять на посту.*

*Как необычны такие стоянки,
Люди об этом не знали века,
Что научились носить китаянки
Форму солдата — не только шелка!*

МАМА

*С великой болью говорю о маме.
Она ведь так любила сыновей!
А я был занят всяким делами...
И вот скорблю и каюсь перед ней.*

*Все мамини заботы не забуду,
Она теперь живёт в иных мирах.
Как на земле, постичь стремится Будду*,
Которому дела земные — прах.*

*Над прахом мамы ныне тень скользит,
И дождь в родной деревне моросит.*

МАЛЬЧИК

*С мечтой добиться славы и успеха
Покинул мальчик деревенский дом,
В огромный город навсегда уехал.
Кто в юности не думал о таком?
“Умру, но не вернусь домой! —
В ту пору
Он думал так. — А где зароят прах,
Неважно. Главное — подняться в гору”.
(Он тосковал о жизненных горах.)*

* Мать Мао Цзэдуна была ревностной буддисткой.

ВЕЛИКАЯ КИТАЙСКАЯ СТЕНА

Лет сорок тому назад – в советские 70-е годы – мне позвонил Виталий Сырокомский, заместитель главного редактора “Литературной газеты” Александра Чаковского, с неожиданной просьбой, чтобы я срочно перевёл для “Литературки” стихотворение грузинского поэта и председателя Союза писателей Грузии Ираклия Абашидзе, недавно вернувшегося из Китая. Абашидзе, будучи в Китае, присутствовал на торжественном параде китайских войск по площади Тяньаньмэнь, впоследствии ставшей знаменитой тем, что на ней было потоплено в крови шествие китайских студентов, качнувшихся в сторону западной демократии и протестующих против диктаторского правления Китаем режимом Мао Цзэдуна...

Но во время визита Абашидзе в Китай его поразили сверхчеловеческая мощь, целеустремлённость, монолитность китайской армии, созданной по воле вождя из многомиллионного, полунищего китайского крестьянства...

Я прочитал эту небольшую поэму Абашидзе и выразил сомнение Сырокомскому, сказав, что, конечно, наши отношения с Китаем достаточно сложные, но я опасаясь, что советская цензура не пропустит этого стихотворения на страницы “Литературки”.

Но Сырокомский был воодушевлён: нет, именно такие стихи о Китае нам нужны сегодня. Срочно переводите, мы Вам двойной гонорар заплатим...

Уговорил. Я перевёл стихотворение Абашидзе и стал покупать “Литгазету”, ища глазами свой перевод. Прошла одна неделя, вторая, третья. Стихов всё нет.

Звоню Сырокомскому и слышу его разочарованный, грустный голос:

– Станислав Юрьевич! Вы были правы. Но я сдержал своё слово – приезжайте за гонораром.

Так с той поры стихотворение о пекинском параде осталось в моём архиве ненапечатанным.

Но сейчас, пользуясь тем, что мой друг Юрий Ключников предложил журналу стихи Мао Цзэдуна со своими комментариями, я решил для дополнительного знания о том, что такое Китай, обнародовать мой перевод Ираклия Абашидзе. Хотя и Советского Союза нет, и Грузия живёт сама по себе, и Абашидзе уже забыт в России...

Мао Цзэдун писал стихи, Иосиф Сталин писал стихи, Муаммар Каддафи писал прозу... Но ведь это не случайно. Сейчас у нас другие отношения с Китаем. И Китай другой, и всё же, всё же, всё же... В генетической памяти великих народов ничто не пропадает, ничто не забывается и, так или иначе, исподволь определяет ход мировой истории.

Станислав КУНЯЕВ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

РАЗГОВОР С ТЕНЬЮ МАО ЦЗЭДУНА

Где Вам упомянуть всех,
кто встречался с Вами?
Это лишь мы, поэты,
забыть не можем
вождей и кормчих
и потому словами,
памятью нашей живучей
их тревожим...
Где уж меня Вам помнить!
А я не забуду,
как революция
праздновала годовщину,
как миллионные толпы,
подобно чуду
волн океанских,
прокатывались по Пекину...
Средь полководцев
спокойно и величаво
Вы на трибуне стояли —
из первых первейший, —
а рядом с Вами —
Ваш “вернейший” Линь Бяо,
“вернейший” Пынь Чжень
и Лю Шао-ци “вернейший”.
Я,
погружённый в хаос
воззваний Ваших,
глядел на Вас,
окружённого верной свитой,
рядом со мной
стоял один из “дражайших”
и “преданных” Вам —
Лао Шэ,
ещё не убитый.
Столь же “преданный”,
Вашим целям в угоду,
где-то под Вами
шумел океан глухо.
“Тунго!” —
кричал маршал Пынь Дэ народу,
и океан ревел в ответ:
“Ту-у-унго!!!”*

* Китай.

Железным шагом шагала за ротой рота,
 волна за волной выкатывалась на площадь.
 Я слушал, как, взлетая до небосвода,
 слово “Убей! Убей! Убей!” над толпой рочочет.
 Целенаправлены, вышколены, едины,
 шли, словно винтики, люди, салютуя кумиру.
 Ещё не буйствовали в стране хунвейбины,
 ещё не известен был остров Даманский миру.
 Плыли орудья. Глядели послы в бинокли,
 как порождает волны людское лоно.
 А волны несли над собой “Большой Иероглиф”
 и волокли труп “Большого Дракона”.
 Колыхались плакаты величиной в зданья,
 каждый, кто нёс, как в молитву, в цитату верил,
 и вырывалось глухо из недр сознания:
 “Ветер с Востока сильней, чем Западный Ветер!”
 Вдруг раскатилось, потрясая трибуну:
 “Тысячу-у-у ле-е-ет... — взревела людская стихия, —
 Тысячу лет жизни Мао Цзэдуну!!!” —
 словно Вы были Рим или Византия.
 ...Глядя на волны бешеного потока,
 что я мог думать? Что мне тогда казалось?
 Может быть, что не человека — Бога
 и Вседержителя зренье моё касалось?
 Так неужель это Вы? Тот же самый? Прержний?
 С кем я делил радости и желанья,
 кто в Цзинганьшани шёл с Чан Кайши в сраженье,
 кто раздувал в Хунани огонь восстанья?!
 Так это Вы, кто впитал с колыбели,
 как мне казалось,

веру в братское дело?
Так это Вы, тот же самый ужели,
с кем я готов был насмерть стоять у Мукдена?!
Так это Вы — кумир орущего люда,
идол толпы, плывущей в парах дурмана?!
Я понимаю теперь, в тот день откуда
я над толпой узрел тень Чингисхана!
О, мы то знаем, что богу войны не спится,
мирные дни для него,
что голодные годы,
любит глядеть он на бездумные лица,
на марширующие по земле когорты.
Кто угадает — в каких недрах и безднах
прячется он, когда на поверхность выйдет?
Нам не известно... Но наверняка известно,
что ничего у бога войны не выйдет!
Многое мы позабыли — на то Ваша воля,
но, словно сон вспоминается: по Пекину
шли батальоны, как волны шумного моря,
в день революции, в десятую годовщину.

1975 год
Перевёл Ст. Куняев

ЧЖЭН ТИУ

ПИСАТЕЛИ ЛЮБУЮТСЯ ДРУГ ДРУГОМ

Беседа профессора ЧЖЭН ТИУ с прозаиком ЕЛЕНОЙ ТУЛУШЕВОЙ

В апреле в Москве прошёл Второй форум молодых писателей России и Китая. Первый провели в конце 2015 года в Шанхае. Мне повезло — я участвовала в обеих встречах. Посещение Шанхая, общение со сверстниками и коллегами из Китая незабываемы. Я писала о шанхайском форуме в очерке “Иероглифы и кириллица” (“Наш современник”, № 1 2016). В организации встреч исключительная роль принадлежит председателю Иностранной комиссии Союза писателей России Олегу Бавыкину и директору Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков профессору Чжэн Тиу. Я побеседовала с китайским гостем.

Елена ТУЛУШЕВА: Профессор Чжэн Тиу, оправдал ли Ваши ожидания Московский форум?

Чжэн ТИУ: Еще как! Все было замечательно, даже лучше, чем мы ожидали. Показательна реакция участников с китайской стороны, ведь все они впервые в России. О России сегодняшней более-менее знали, слышали, но поверхностно. Прилетели в Москву и видят, как спокойно живут москвичи и как мило улыбаются. Успели посмотреть город, походить по Старому и Новому Арбату, побывать в Кремле и на Красной площади. Впечатления, конечно, потрясающие. Россия, бывший Союз — это страна, к которой с особым чувством относятся и стремятся отцы и деды наших молодых писателей, и когда они приехали в Россию, это даже больше обрадовало их родителей, как говорил Гэ Шуи в своем выступлении на форуме. Если спросите, интересуется ли китайская молодежь Россией, то у меня ответ на это более чем положительный. Аргументация? Не буду приводить цифры сильно подрастающего количества туристов, ссылаясь на интенсивный обмен многочисленными делегациями разных уровней, хочу обратить ваше внимание вот на что: дружба между китайцами и русскими, фундамент которой заложен в пятидесятишестидесятилетие, так крепка, что не побоюсь сказать, уже глубоко вошла в гены китайцев. Она передаётся из поколения в поколение. Правда, ее надо активизировать и “ухаживать” за ней. Наша работа в этом и состоит.

Что касается конкретно нашего московского форума, то могу сказать — думаю, и российские коллеги со мной согласятся — он увенчался полным успехом. Несмотря на насыщенность, даже некоторую утомительность, никто из участников не пропустил ни одного заседания. Все внимательно друг друга

слушали. Задавали вопросы, обсуждали взаимноинтересные проблемы. А самое главное – познакомились, близко узнали друг друга. И будут дружить.

Е. Т.: Российские участники и первого, и второго форума хорошо известны нашим читателям. Это Андрей Тимофеев, Дмитрий Филиппов, Андрей Антипин, Алёна Белоусенко, Елизавета Мартынова, Василий Попов. А вот о китайских гостях хотелось бы узнать побольше.

Ч. Т.: На московском форуме представлены 10 китайских писателей – они из Пекина, Гуанчжоу, Шанхая. Делегация сформирована по согласованию оргкомитета с писательской организацией и с учетом мнения критиков. Те, кто прошёл отбор, достойно представляют молодое поколение. Среди них такие таланты, как Тэн Сяолань, лауреат Государственной премии имени Лу Синя – самой престижной и авторитетной премии Китая. Она пишет главным образом о простых шанхайцах – их судьба на фоне бурного развития и коренных изменений города. Гэ Шуи – автор уже пяти романов – пишет современную сказку, но не для детей, а для взрослых.

Сян Цзин входит в десятку самых видных литературных критиков нового поколения. Она известна своей критической деятельностью, но одновременно занимается и художественным творчеством. Вот недавно выпустила сборник рассказов. А Фу Юехуэй представляет другую интересную сторону нынешней молодежной литературы – он сосредоточивает внимание на человеке “промежуточного” состояния. Его герои похожи на персонажей Шукшина, которые шатаются между городом и деревней – это выходцы из деревни, не нашедшие в городе свой приют. Дай Вэйна – поэт-учёный, она имеет докторскую степень. Работает в Академии наук. В свободное время пишет стихи и получила несколько премий. Ян Сюли – автор более 10 сборников стихов, победительница Международного поэтического конкурса и лауреат нескольких всекитайских литературных премий.

Е. Т.: Журнал “Наш современник” планирует опубликовать произведения молодых писателей Китая в августовском номере, который редакция традиционно отдаёт молодёжи. Сотрудники журнала хотят подчеркнуть, что наши молодые выходят на международный уровень, они не замыкаются в себе, а участвуют в глобальном литературном процессе. А будут ли российские участники форумов представлены в китайской прессе?

Ч. Т.: “Наш современник” как один из самых авторитетных толстых журналов уделяет большое внимание молодым авторам и неоднократно знакомил русских читателей с творчеством китайских писателей – это заслуживает особого уважения.

Молодые писатели выходят на международный уровень – общая тенденция или общее стремление, что характерно и для наших авторов молодого поколения. И не удивительно – время такое, поощряет. Правда, существует немало препятствий, например, языковых, а иногда и финансовых, но молодёжь всячески старается участвовать в глобальном литературном процессе. Однако у меня есть такое соображение: между Китаем и Россией давняя традиция литературного обмена и взаимного обогащения, и прежде чем масштабно участвовать в глобальном процессе, давайте начнем (или продолжим) взаимодействовать, побольше глядеть друг на друга.

В Китае всегда уделяется большое внимание русской литературе, и это прежде всего выражено в количестве публикаций и изданий. Сейчас больше издают и читают классику, но мы стараемся обстоятельно представить и новейшую русскую литературу, особенно молодого поколения. Хотя это намного труднее. Избранные произведения российских писателей Первого форума 2015 года мы опубликовали в спецвыпуске авторитетного журнала “Иностранная литература и искусство” в Шанхае. В этот раз мы поступим немножко по-другому: произведения писателей России будем публиковать не в традиционном журнале иностранной литературы, а в журналах, где печатаются китайские писатели, таким образом расширится круг читателей и мы добьёмся большего эффекта.

Е. Т.: Чем близки и чем отличаются молодые писатели России и Китая. Что читает китайская молодёжь?

Ч. Т.: У России и у Китая много общего – и в социально-историческом аспекте, и в культурной традиции, даже в национальном характере. И это сходство создаёт основу для взаимопонимания. Об этом писали многие наши

предшественники, что вы можете подробно узнать из моей статьи “Влияние русской словесности на литературный процесс Китая XX века”. Она опубликована в книге “Русская классическая литература в контексте мировой литературы”, изданной ИМЛИ РАН в 2016 году под редакцией В. В. Полонского. О современных китайской и русской литературах можно сказать, что они служат “зеркалом” друг другу.

А что касается читательского интереса молодежи, то он сегодня выглядит довольно многопланово. Как вы знаете, время литературоцентризма у нас прошло, литература перестала существовать как главная форма духовной жизни народа. С одной стороны, сильно упало число читателей художественной литературы, она стоит перед серьёзным вызовом, с другой стороны, интернет привлек большую часть населения, и многие сейчас читают книги в электронном варианте. Да и жанры и тематика разнообразны. Приведу в качестве примера результаты одного из рейтингов так называемых самых читаемых 10 книг в Китае за 2017 год – 4 из них по истории, 2 романа (один – фэнтези, другой на тему коррупции), 1 документальная проза тоже на тему коррупции, 2 мемуара. Уж последнюю не помню, но точно не художественная литература. Вот картина ныне читательского интереса. Если возьмем художественную литературу, то своих читателей она все-таки находит среди молодежи. Посмотришь беглым взглядом на полки книжного магазина, и сразу убедишься, что писатели из русских классиков XX века (не говоря уже о веке XIX), такие как Ахматова, Цветаева, Пастернак, Блок, Есенин, Астафьев и Распутин – не буду перечислять всех – пользуются большой популярностью в нашей стране.

Е. Т.: Профессор Чжэн Тиу, Вы возглавляете Институт мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков. Расскажите, пожалуйста, об институте. Как давно он существует, какие программы разрабатывает и осуществляет? Какое место занимает в них культурное сотрудничество с Россией?

Ч. Т.: Наш институт научно-исследовательский. В нем изучается и китайская и зарубежная литературы. Мировую литературу мы понимаем как единый процесс и как совокупность национальных литератур. И соответственно, у нас научная деятельность идет в двух направлениях: изучение иностранной литературы как глобального явления и сравнительное литературоведение. При этом русская литература занимает одно из главных мест. При институте имеется докторантура, издаются два научных журнала – “Сравнительное литературоведение в Китае” и “Англо-американская литература”.

Наш институт в частности и наш университет в целом уделяет большое внимание сотрудничеству с российскими вузами и научными учреждениями. Мы интенсивно и плодотворно сотрудничаем с писательскими организациями России и ИМЛИ РАН, вместе проводим научные конференции, разрабатываем научно-творческие проекты, обмениваемся делегациями, организуем различные мероприятия.

Е. Т.: Вы один из самых известных переводчиков русской литературы. Расскажите о своей переводческой работе.

Ч. Т.: Я начал переводческую биографию с Блока, больше 30 лет назад, когда студентом учился в МГУ. С того момента как прочитал блоковские строки “... Может, юноша веселый / В грядущем скажет обо мне” и до сих пор считаю себя именно тем юношей, который будет рассказывать о Блоке. И вот недавно выпустил второе дополненное издание книги Блока в моем переводе, куда входит более 300 стихотворений и 2 поэмы. Одновременно вышла книга стихов Есенина в моем переводе.

В настоящее время дорабатываю 4 антологии: символизма, акмеизма, футуризма и современной поэзии. У первых 3 книг была предшественница – антология поэзии русского модернизма, которая издана в 1996 году. Новые издания значительно дополнены и исправлены, в них входят 60 авторов и более 800 стихотворений. Можно сказать, они представляют не только литературный, но и научный интерес.

Е. Т.: Из Ваших интервью знаю, что Вы берётесь и за переводы “непереводимого” – Сергея Есенина, Велимира Хлебникова. Что побуждает Вас обращаться к такой сложной и, главное, национально укоренённой поэзии?

Ч. Т.: Поэзия переводима, существует давняя традиция поэтического перевода. Но есть исключения, например стихотворные эксперименты футуристов. Такие вещи непереводимы. Однако я и непереводимое перевожу.

Почему? Потому что интересно и любопытно. Не могу утверждать, что получается и насколько, все равно стараюсь пробовать.

Е. Т.: Какими видятся Вам перспективы российско-китайского культурного сотрудничества? И какое место в этом процессе занимают форумы молодых писателей наших стран, которые после встречи в Москве, надеюсь, станут традиционными?

Ч. Т.: Китайско-российские политико-дипломатические отношения и всестороннее партнерство сейчас на высшем уровне, но в области гуманитарного обмена и народной дипломатии предстоит еще многое сделать. Нам есть чем заниматься – при желании обеих сторон. С этой точки зрения форумы молодых писателей Китая и России уже дали первые плоды взаимопонимания и укрепления дружбы между писателями. Ведь писатели это особая категория личностей, которые имеют большое влияние на души людей и на общественное мнение. Писатели собираются, встречаются, знакомятся, дружат и, самое главное – любят друг друга и прославляют друг друга. Это очень важно.

Проводить форумы регулярно – дело не простое, это от многого зависит, встречаются трудности. Но мы их будем всячески преодолевать, чтобы наши форумы стали традицией.

Е. Т.: Спасибо за беседу.

ИГОРЬ ШУМЕЙКО

СОВЕТСКИЕ “ОРЛЫ” НАД “КИТАЙСКИМ СТАЛИНГРАДОМ”

Порой кажется, что наше отношение к собственным героям, подвигам – оскорбительно-залихватское: “этого у нас навалом!” То индивидуальные усилия, например, писателя Смирнова в 1960-х годах откроют глаза властям, заскорузлым “историкам-идеологам-воспитателям”, а главное – всей стране правду о Брестской крепости! То другие государства почтительно вручат нам списки наших героев, как например, благодарные китайцы.

Торжества 2015 года по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны, победы над Японией и освобождения Китая оставили нам “на додумывание” элементарный вопрос. Ну, не странно ли, признавая истинным финалом Второй мировой сентябрь 1945 года, капитуляцию Японии, началом по-прежнему числить 1 сентября 1939 года? Забывая или высокомерно игнорируя, что Японо-китайская война (такая же составляющая Второй мировой, как и Великая Отечественная) началась в 1931 году вторжением Японии в Китай (Манчжурию).

Этот наивный “европоцентризм” оставляет за скобками и такой “полуразмытый, полузабытый эпизод”, как участие СССР в защите Китая. “Да-да, слышали, была там группа лётчиков-добровольцев...” Так вот, эта группа была настоящей воздушной армией! 3650 военных специалистов, техников, лётчиков! Лучших, “обстрелянных” в небе Испании. Более 1300 самолётов, тоже на тот момент лучших в СССР и мире: истребители И-15, И-16, скоростной бомбардировщик СБ, ТБ-3.

Да, имел право Сталин сказать в Москве в 1941 году, отвечая японскому министру Мацуоке: “Это небольшая группа лётчиков!” Даже обязан был так затушевывать меру нашего участия, когда на кону стоял вопрос, будет ли у СССР второй фронт на Дальнем Востоке! Но у нас-то сегодня, мягко говоря, другая мера ответственности. И другое, даже противоположное 1941 году направление этой ответственности. Теперь мы обязаны максимально полно и достойно запечатлеть подвиг соотечественников, первыми вступивших в бой с фашистским блоком.

По счастью, благодарные китайцы даже в годы “культурной революции” не забывали подвиг наших лётчиков, ухаживали за могилами, собирали воспоминания, разыскивали уцелевших, родственников погибших. Об этой работе, часто “наперегонки со смертью” (гордость китайских поисковиков: они успели разыскать, поддержать многих героев, которых сейчас уже нет в живых), журналисты китайского города Ухань издали книгу “Орлы над Уханем”. Трудно представимый нам штрих китайского коллективизма: автор – коллектив издания “Чжанцзян Жибао” (“Ежедневная Янцзы”).

Оставалось только сделать так, чтобы и на Родине героев узнали о той войне. И в сентябре 2016 долг был исполнен – усилиями давнего российско-китайского культуртрегера Александра Никишина.

“Орлы над Уханем” стали птицей высокого полёта. Никишин заказал перевод (Александр ПикOVER, Юлия Шиганова), оригинальный макет (Сергей Колишев) и выпустил эту книгу в своём издательстве “К-19. Русская субмарина”. Почему о лётчиках рассказывает подводник? Это совсем другая история, но и о ней интересно сказать хоть немного.

Кэтрин Бигелоу – известный режиссёр, супруга ещё более легендарного Джеймса Кэмерона – просто влюбилась в наших героев “К-19”, называвших её запросто Катя Бигёлова. Я, автор этих строк, имел честь быть причастным к той подводной истории и теперь-то вижу отчасти печальное подобие: о подвиге своих подводников мы, большая часть соотечественников, узнали из американского фильма! Но, повторю, сейчас речь идёт о другой стихии.

И в сентябре 2016 года вышла русская версия книги “Орлы над Уханем”, имеющая в “личном русском зачёте”, сверх команды китайских поисковиков, только переводчиков и издателя.

Почему Ухань, в 1937 году называвшийся Ханькоу? В действительности, это Троеградие – Учан, Хайнань, Ханькоу (ныне агломерация более 15 млн человек) – было важнейшим пунктом, где решалась судьба Китая. Взяв Шанхай и Нанкин, японцы двигались вверх по Янцзы, и Троеградие оставалось последним крупным промышленным центром, оплотом, потеря которого разрешила остававшийся Китай пополам. Позже решающую битву за Ханькоу 1938 года они с гордостью назовут *Китайским...* – правильно! – *Сталинградом*. Вполне ожидаемое сравнение: город, у нас именуемый Волгоградом, уже во всём мире стал непререкаемым “брэндом”. И если сегодня где-то отбили атаку, проявили героизм – первое же “закрепляющее” сравнение: “Это сирийский Сталинград!”, “Это...”

Прибыли под “китайский Сталинград” наши лётчики в тяжелейший период, “закрыли пробоину” в небе над Уханем. Китайский военный историк Са Су: “Если б не они, контроля воздушного пространства над Уханем давно бы не существовало”. С их помощью в знаменитых боях 18 февраля 1938 года было достигнуто соотношение 11:5 (11 сбитых японских самолётов, 5 – потери защитников Уханя). В следующих боях вновь советские и китайские лётчики одержали убедительную победу “со счётом” 21:12 и 14:2. Советский отряд называли “Меч правосудия”.

“Орлы над Уханем”:

– Этот “Меч правосудия” тихо пришёл и тихо ушёл. В связи с политическими реалиями, советские лётчики-добровольцы оказывали помощь Китаю тайно. Воевали в гражданской одежде, фамилии меняли на псевдонимы, а в случае пленения имели инструкцию не признаваться, что они из СССР, – наёмники из русских белоэмигрантов. Их заслуги были огромны, но они могли лишь “тихо прийти и тихо уйти”, потому их дела были мало кому известны. О воздушных боях 18 февраля 1938 года Центральное информационное агентство сообщало: “Личный состав наших ВВС совершил “бессмертный подвиг”. “Синьхуа жибао”: “В эти дни в любом уголке Уханя, до самых бедных улочек и глухих мест, обсуждали великую победу...”

О советских асах ни слова, и не потому, что их успех хотели приписать китайским лётчикам, сражавшимся рядом, на тех же И-16, а чтоб не навредить их Родине! “Их молчаливые неброские контуры резко контрастируют с другими героями, выполнявшими в то же время те же задачи”.

Зато теперь, 78 лет спустя после “китайского Сталинграда”, мы, соотечественники, можем “греться в лучах” их славы. Автор этих строк наблюдал, а Ольга Никишина успела заснять, как китайский журналист без запинки, почти без акцента спел песню из кинофильма “Истребители” (1939): “В далёкий край товарищ улетает...” – до последнего куплета! А потом ещё радостно, с фирменной китайской улыбкой объяснял нам, что в 1939 году в СССР нельзя было упоминать КИТАЙ, но автор текста Евгений Долматовский заложил в строке “В синей дымке тая” – “В синий дым Китая”. Не знаю, не знаю... Но больше всего мне хотелось, чтобы кто-то из долматоведов ни в коем случае не опроверг, а ещё лучше – подтвердил бы замысел и гениальную фонетическую игру нашего поэта...

“Орлы над Уханем”:

– Мы начали поиски через 75 лет после кровавых боёв в небе над Уханем, так что, если и были уцелевшие, им уже перевалило за сто лет, если остались дети, им тоже должно быть по 70–80. Сможем ли их разыскать? Смогут ли они сказать нам что-то? Ищут ли они так же, как ищем мы?..

Нашли 101-летнюю Анну, вдову героя Филиппа Денисовича Гулого. Когда мы вошли, по щекам её потекли слёзы. Обнимая нас, как родных, она плакала. Мы почувствовали, как 70-летняя душевная рана этой столетней женщины немного успокоилась. Мы выиграли забег со временем, дав возможность рассекретить пыльные материалы из российских архивов. Благодаря товарищам из Посольства России в КНР, Архива Вооружённых сил России мы достоверно восстановили информацию о 15 героях, разыскали ещё 14 героев, павших в Ухане. Эти 14 имён будут дополнительно вырезаны на монументе в парке “Освобождение”.

Известному китайскому архитектору Чжану Лянгао в разгар воздушных боёв в Ухане было 15 лет: “Вдруг резко стало расти количество сбитых самолётов японцев! Все предполагали появление таинственной подмоги. Теперь при сигналах воздушной тревоги люди бежали не в убежища, а на балконы, чтоб наблюдать за боем”.

Почтенная Цай Дэчжуан тоже видела знаменитые уханьские воздушные бои. Ей было 17 лет: “В магазинах и лавочках из уст в уста передавались живописные новости: “Русские витязи – это могучие красавцы с густыми волосами!” Она с любовью говорит о советских лётчиках-добровольцах: “Мы любили их за добрые дела, их жертвенность. Когда мы с мужем участвовали в строительстве мемориала, нас вело высокое чувство благодарности к этим людям за их благодеяния...”

А. Никишин, издатель: “Китайским поисковикам посчастливилось “выиграть гонку со временем”. 92-летний(!) Василий Иванович Иванов бывал в Китае, поддерживал связь с потомками героев”.

Инициативы ветеранов, поисковиков опередили глобальные подвиги, геополитические решения правительств. Ещё в 1985 году возглавлявший отряд советских добровольцев 76-летний генерал-лейтенант А. С. Благовещенский с четырьмя сослуживцами посетили могилы своих однополчан в Ухане. Его группа была “тепло принята китайским правительством и народом Китая”.

Китайцев восхитило, как скромный Герой Советского Союза А. С. Благовещенский (а всего из отряда воздушной армии “Героя” получили 14 добровольцев) рассказывал о подвигах других, например, лётчика А. Губенко: “31 мая 1938 года советские лётчики встретили над Уханем японские бомбардировщики. Губенко израсходовал все патроны, уже на поврежденном самолёте совершил таран двух вражеских. Чудом и мастерством смог вернуться на свой аэродром”.

29 августа на презентации книги “Орлы над Уханем” в “Библио-Глобусе” одним из самых почётных гостей был Владимир Георгиевич Носов, племянник генерала, показавший мне уникальный артефакт: подлинную “охранную грамоту” А. С. Благовещенского. Обращение к китайским крестьянам, что предьявитель – лётчик, друг и защитник Китая. Бумага особо устойчивая, типа денежных купюр: нашим героям случалась и гореть, и падать в Янцзы. Подержал в руках, подумал: вот идеальная общая российско-китайская “валюта”.

МИХАИЛ ДЕЛЯГИН

2024: НОВЫЕ ЦЕЛИ — ГЛОБАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Глубочайшая и всеобъемлющая трансформация человечества делает наступающее президентство В. В. Путина временем тектонических социальных сдвигов.

Мировая экономика будет распадаться на макрорегионы, проваливаясь в глобальную депрессию и формируя новые системы глобального и локального управления; преобразуемые новыми технологиями социальная структура общества и сама личность станут полем столкновения вырождающейся в новое Средневековье и саморазрушающейся рыночной парадигмы со стремлением человека к прогрессу и гуманизму.

России, помимо общих для всех цивилизаций задач адаптации к новой реальности и её использования, а также специфической задачи поколенческого транзита власти, под страхом уничтожения русской цивилизации придётся решать откладываемые со времени распада СССР задачи обретения полноценной идентичности и создания механизмов реализации своих интересов, включая системы социальной инженерии.

Нам предстоит перейти к **новому пониманию стабильности**, соответствующему новой, информационной эпохе: сохранение неизменных институтов становится невозможным, и стабильность заключается в **стабильности потока изменений**, нацеленных на решение поставленных обществом стратегических задач.

Предварительный этап: восстановление субъектности России

В силу исторических причин значительная часть управленческой элиты России исповедует либеральную идеологию, по которой государство должно служить не своему народу, а глобальным монополиям. Либерализм информационной эпохи подобен фашизму эпохи индустриальной, заменяя, в силу изменения характера доминирующих монополий (которые встают над государствами), национальный геноцид социальным.

Либеральная идеология порождает “офшорную аристократию”, не связывающую будущее своих детей со своей страной, рассматривающую её как эксплуатируемую территорию и объективно предающую её глобальным конкурентам (в первую очередь, Западу, развязавшему против нас холодную войну на уничтожение).

Россия сможет развиваться в своих интересах и решить минимальную задачу выживания только при условии очищения своего государства от носителей либеральной идеологии, которые полностью контролируют, в частности, социально-экономический блок правительства.

Смена элит – крайне травматичный процесс: заменяемые с точки зрения уходящей логики и системы ценностей ни в чём не виноваты, они в любом случае будут отчаянно сопротивляться, а новые кадры обречены на серьёзные ошибки в силу неопытности и безграмотности (так как либеральная реформа образования уничтожила его). Однако **без очищения государства от либералов и “офшорной аристократии” наше государство будет служить нашим врагам против нас, и русская цивилизация погибнет** в силу неумолимой логики глобальной конкуренции.

Формирование привлекательного и открытого Русского проекта

Геополитические поражения России (уход из Средней Азии и Украины, дискредитация на Западе, отсутствие системы союзников) вызваны отсутствием глобального проекта, открытого и полезного для сторонних участников.

Новая элита должна модернизировать Россию так, чтобы создать возможность нового будущего под её управлением, привлекательного для всех желающих. Русская культура, основанная на приятии и переработке самых разнородных элементов, этой задаче соответствует. Этнический характер китайского проекта и очевидная выработанность западного проекта создают огромную объективную потребность в Русском проекте.

Его очевидные компоненты:

1) возвращение справедливости, закона и порядка в качестве нормы международных отношений (сейчас эта позиция не имеет значения из-за отсутствия поддерживающей её силы, вызванной отсутствием остальных компонентов);

2) модернизация России на основе технологий завтрашнего дня (о чём отчасти говорилось в Послании президента В. В. Путина Федеральному Собранию в 2018 году) с **превращением её в пример для подражания** для остального мира (в силу не только справедливости и эффективности внутреннего устройства, но и предоставления максимальных возможностей для творчества; возможная формула – “технологический социализм”);

3) доступ для геополитических союзников (и только их) к использованию открывающихся (сверхэффективных) технологий без их передачи.

Разработка и начало реализации Русского проекта – необходимое (хотя и не достаточное) условие выживания России, русской цивилизации и русского народа.

Формирование идентичности: адаптация истории к Русскому проекту

После краха СССР и гибели советского народа Россия так и не обрела полноценную идентичность. Опираясь на стихийно достигнутые частные результаты, необходимо в кратчайшие сроки **доконструировать** новую, эффективную в условиях нарастающего глобального кризиса **русскую цивилизацию** так, как на наших глазах за одно-два поколения искусственно созданы – на основе ненависти – новые латвийский, литовский, эстонский и, отчасти, украинский народы.

Чтобы общество поверило в новое и поддержало его, это новое надо представить возвращением к истокам. К этому прибегали все успешные новаторы, а Лютер провозглашал прямо.

Чтобы создать народ, надо написать его историю.

История русского народа и России написана политически приемлемым, сплывающим образом лишь в части Великой Отечественной войны. Допетровская история в значительной степени фальсифицирована немецкими специалистами (против чего восставали ещё Ломоносов и Татищев, но потерпели поражение).

Проведённые после войны в СССР тщательные исследования выявили множество фактов, не соответствующих официальной истории. На основе их систематизации были построены разнообразные, но в целом мало противоречащие друг другу гипотезы, блокированные официальной идеологией. После краха СССР в силу исчезновения идеологического пресса они были опубликованы, но заниматься ими в условиях Катастрофы было некому.

Сегодня они могут быть собраны, систематизированы, доработаны и могут лечь в основу реальной истории русской цивилизации во всей её сложности и внутренней противоречивости.

Уже очевидно, что данная история (свидетельствующая о большей мощности, древности и открытости, а также о большем родстве народов Южной и Восточной Европы, чем принято считать) будет способствовать созиданию российской идентичности и народа России на наиболее широкой и открытой основе ценностей политической нации: образа жизни и образа действия, в полном соответствии с тем, как русский народ исторически и формировался.

Поскольку написание реальной истории объективно направлено против её фальсификаций (как древних, так и современных) и неминуемо коснётся и истории Запада, оно означает “историческую войну” против Запада, однако на фоне холодной войны на уничтожение, уже развязанной им против нас, её негативными последствиями можно пренебречь. Напротив, раскрывая европейцам и другим глаза на их прошлое, мы будем завоевывать среди них сторонников, в том числе в элитах, хранящих элементы знаний о прошлом.

Приведение институциональной структуры общества в соответствие цивилизационной специфике

Одна из уникальных черт русской культуры – сочетание индивидуализма с коллективизмом, регулярно порождающее творцов, отторгаемых основной частью общества и управленческими структурами. Поэтому успешное развитие требует создания специальных режимов для творческой деятельности (будь то монастыри, “шарашки”, спецкомитеты при Совмине или “наукограды”), результаты которой затем применяются обычной, “линейной” системой управления.

Рост значимости творческой деятельности в условиях распространения информационных технологий требует создания соответствующих гибридных управляющих систем, защищающих подготовку и самовыражение творцов от исполнительной иерархии, а её – от недисциплинированности и стихийного анархизма творцов.

Освоение и развитие закрывающих технологий

Советский ВПК был единственным в истории человечества институтом, обеспечивавшим массовые дорогостоящие исследования без заранее гарантированного результата. Благодаря этому в нём было создано большое число так называемых закрывающих технологий, сочетающих сверхэффективность с дешевизной и простотой.

В СССР они подавлялись бюрократией, после его распада – монополиями (которые зарабатывают на издержках и потому не заинтересованы в их снижении). Распад глобальных рынков на макрорегионы, качественно ослабляя глобальные и обычные монополии, создаёт предпосылки для применения закрывающих технологий.

В преддверии этого следует найти максимальное количество этих технологий и коммерциализировать их, предоставив разработчикам четверть капитала соответствующих структур и разумное текущее содержание в обмен на всемерную поддержку и снятие с них всех нетворческих задач. *В начале “нулевых” эту работу выполнило инновационное подразделение АФК “Система”, коммерциализировавшее 38 закрывающих технологий и представившее их на Лондонском экономическом форуме.*

Активное участие в глобальной конкуренции

Необходим переход от пассивной обороны к навязыванию своей повестки всем значимым субъектам глобального развития, реализующими собственные проекты.

1. Главным субъектом глобального развития является сегодня глобальный управляющий класс (он же “суперкласс”, “корпоратократия” и т. д.) – политическая надстройка глобального бизнеса. Взаимодействие с ним необходимо (без этого дипломатия напоминает общение с охранниками и уборщицами при игнорировании посла), но требует изучения этого класса, которое у нас не ведётся со времён Сталина.

2. Желание США как оргструктуры глобального управляющего класса уничтожить нас как слабейшую из альтернатив Западу создаёт потребность не

только в модернизации России, но и в отвлечении США на решение внутренних проблем. Надо (по примеру США, разрушавшего так СССР) всемерно содействовать росту всех форм отдельных от официального самосознаний в американском обществе, в первую очередь, этнических. Афроамериканское (в меньшей степени – испаноязычное, в ещё меньшей – выходцев из Юго-Восточной Азии) сообщество находится в мучительном поиске идентичности, которую ему следует помочь выработать дефицитной для него интеллектуальной поддержкой. **Стратегически наиболее перспективны американские немцы** – крупнейшая американская община (до 60 млн человек), занимающая ключевые позиции в управлении. Пробуждение немецкого самосознания (особенно с учётом того, что немцы эмигрировали в США до создания Прусской империи и являются поэтому носителями подлинной, не искажённой империализмом немецкой идентичности) способно серьёзно отвлечь американскую управляющую систему от России, если вовсе не разрушить её.

3. Превращение Европейского Союза в Европейский Халифат в ближайшие 30 лет представляется неизбежным. Поэтому наряду с поддержкой дружественных нам консервативных и патриотических сил в Европе следует **системно готовить управленческие кадры для грядущего Халифата**. Это позволит создать стратегический “социальный лифт” для выходцев из Средней Азии (ослабив связанное с ними напряжение в России и частично восстановив влияние в Средней Азии и исламском мире в целом) и обеспечить сохранение достижений европейской культуры (в частности, восприимчивости к технологиям и абстрактное мышление) после её этнорелигиозного реформатирования.

Основные принципы модернизации

Современное развитие требует комплексной модернизации инфраструктуры на основе завтрашних технологий (с принятием связанных с этим рисков), кардинально снижающей издержки и повышающей деловую активность. В силу самой природы инфраструктуры (результат инвестиций достаётся всему обществу, а не инвестору) такая модернизация по силам только государству, действующему от имени и в интересах всего общества. Это единственная сфера, в которой государство объективно гарантировано от недобросовестной конкуренции с частным бизнесом.

Для обеспечения модернизации необходимо ограничить финансовые спекуляции, коррупцию, произвол монополий, установить разумный протекционизм (хотя бы на уровне Евросоюза), гарантировать гражданам право на жизнь (реальный прожиточный минимум), переориентировать здравоохранение и образование с утилизации общества на его созидание, урегулировать пенсионный кризис восстановлением прогрессивного обложения личных доходов.

Для достижения технологического лидерства разумно воспользоваться исключением Западом Крыма из сферы действия международного права и превратить его в **интеллектуальный офшор** (идея Павла Дурова), отменив на его территории действие всех патентов, выданных в странах, не признавших его территориальную принадлежность. Это с минимальными затратами превратит Крым в территорию свободного развития технологий (далеко не только информационно-компьютерных) и обеспечит Россию собственной Силиконовой долиной, привлекательной для специалистов со всего мира.

* * *

Без форсированного решения указанных задач сохранение до 2024 года стабильности и самой российской государственности с учётом внешних и внутренних напряжений представляется невозможным.

Отказ государства от их решения (что станет ясным к осени 2018 года) создаст потребность в самостоятельных действиях здоровых сил общества с учётом неизбежности дестабилизации и высокой вероятности уничтожения российской государственности.

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА

ОБРАЗ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

Введение

Все мы с детского возраста участвуем в хозяйственной деятельности и постоянно думаем о ней – и непроизвольно, и обдумывая какую-то житейскую проблему или принимая решение. Хозяйство (экономика) – один из важнейших “срезов” нашей жизни и жизнеустройства всего народа. Нетрудно представить, что хозяйство “пропитывает” все формы нашей деятельности и почти все человеческие отношения. Даже новорождённый младенец кричит матери, чтобы она дала ему пищу. У него ещё работают инстинкты, но через какое-то время подключается культура, быстро расширяется система его потребностей, и он подаёт знаки близким людям.

Первые люди с зачатками языка и разума развивались очень быстро, и инстинкты влияли на социальную природу и общественный порядок человека. Так возникли первые институты (точнее, протоинституты) – нормы и запреты. Почти все они были связаны с хозяйственной деятельностью, отношениями и поведением людей в этой сфере. Позже разум и культура отослали инстинкты на дно сознания, хотя многие учёные считают, что из глубины инстинкты подают свой голос.

Нетрудно видеть, что в хозяйстве сочетаются все элементы культуры – представления о природе и человеке в ней, о собственности и богатстве, о справедливости распределения благ, об организации совместной трудовой деятельности, технологические знания и умения, красота и мерзость.

С развитием человечества и его хозяйства представления о хозяйственной деятельности, правилах и запретах, о добре и зле, о привычках и открытиях становились всё более изощрёнными и разнообразными. Они были важной частью политики и войны, философии и искусства, пронизывали духовную сферу человека. Этот срез человеческого бытия непрерывно действует и ведёт людей, воздействуя на разум, чувства и воображение. Это особая сторона мировоззрения и мироощущения.

И в то же время люди редко задумываются об этой сфере, а только реагируют на частные события, радостные или неприятные. Когда состояние хозяйства благополучное, то это воспринимают как хорошую погоду, когда неурядицы – как непогоду или бурю. Хотя, если задуматься, эти бури и кризисы возникают в обществе – своём или чужом. И главное, очень часто эти кризисы возникают из-за того, что слишком большая часть общества не думала о своём народном хозяйстве, не изучала его и не замечала, что оно заболело – по ошибке, по халатности общества.

Сейчас мы переживаем смутные времена, и многие наши люди задумались: как развивалось наше хозяйство, как оно было устроено и как к нему относилось общество, в чём мы ошиблись и чего мы не поняли, что происходит в хозяйстве, что нас ждёт впереди и в чём мы должны измениться или,

наоборот, укрепиться. Нам придётся учиться и думать. Видно, что будет трудно, — мы долго были беззаботны.

Начнём распутывать клубок с самых верхних ниток. Первая ниточка нас ведёт к факту, который многие учёные отрицают или стараются о нём не говорить. Этот факт состоит в том, что любое народное хозяйство — это одна из главных ипостасей *национальной культуры*. А национальные культуры *различны*, хотя все они непрерывно обмениваются людьми, идеями, вещами. Поэтому над каждым народом клубится покров из нитей связей хозяйства и людей.

В общинах нельзя и даже неприлично благодарить за пищу — этим ты как бы допускаешь саму возможность не поделиться куском, что нелепо и противно. Этнографы подчёркивают, что в общине право на пищу — это абсолютное (естественное) право. Поэтому голод в ней возможен лишь как следствие природной или политической катастрофы — засуха, война, “великие переломы”.

Шаманы, жрецы, прорицатели создавали мифы и предания, в разных формах представляли нормы и отношения их племени. Позже государство создаёт и контролирует институты и законы, учёные пишут трактаты и учебники, поэты — поэмы.

Вспомним итальянского купца Марко Поло, который почти всю жизнь путешествовал по созданной Чингисханом империи (в том числе и по Руси). Почитаем сегодня эти свидетельства середины XIII века: “Когда великий государь знает, что хлеба много и он дешёв, то приказывает закупить его многое множество и сыпать в большую житницу; чтобы хлеб не испортился года три-четыре, приказывает его хорошенько беречь. Собирает он всякий хлеб: и пшеницу, и ячмень, и просо, и рис, и чёрное просо, и всякий другой хлеб; всё это собирает во множестве. Случится недостача хлеба, и поднимется он в цене, тогда великий государь выпускает свой хлеб вот так: если мера пшеницы продаётся за бизант, за ту же цену он даёт четыре. Хлеба выпускает столько, что всем хватает, всякому он даётся, и у всякого его вдоволь. Так-то великий государь заботится, чтобы народ его дорого за хлеб не платил; и делается это всюду, где он царствует” [1. С. 115].

Таким образом, от племён до современных государств и наций хозяйственная деятельность в периоды стабильности направляется и контролируется властью и признанными населением институтами. До недавнего времени огромную роль в этом играла Церковь. Например, хотя Православие избегало явного изложения социальных доктрин, в духовно-религиозном плане частная собственность всегда трактовалась как не богоугодное устройство. Красноречивый пример — перевод архиепископом Василием (Кривошеиным) поучений преподобного Симеона Нового Богослова (949–1022). Вот что говорит пр. Симеон в Девятом “Огласительном слове”:

“Существующие в мире деньги и имущества являются общими для всех, как свет и этот воздух, которым мы дышим, как пастбища неразумных животных на полях, на горах и по всей земле. Таким же образом всё является общим для всех и предназначено только для пользования его плодами, но по господству никому не принадлежит. Однако страсть к стяжанию, проникшая в жизнь, как некий узурпатор, разделила различным образом между своими рабами и слугами то, что было дано Владыкою всем в общее пользование. Она окружила всё оградами и закрепила башнями, засовами и воротами, тем самым лишив всех остальных людей пользования благами Владыки. При этом эта бесстыдница утверждает, что она является владельницей всего этого, и спорит, что она не совершила несправедливости по отношению к кому бы то ни было”.

В другом месте Девятого “Слова” осуждение частной собственности носит ещё более резкий характер: “Дьявол внушает нам сделать частной собственностью и превратить в наше сбережение то, что было предназначено для общего пользования, чтобы посредством этой страсти к стяжанию навязать нам два преступления и сделать виновными вечного наказания и осуждения. Одно из этих преступлений — немилосердие, другое — надежда на отложенные деньги, а не на Бога. Ибо имеющий отложенные деньги... виновен в потере жизни тех, кто умирал за это время от голода и жажды. Ибо он был в состоянии их питать, но не напитал, а зарыл в землю то, что принадлежит бедным, оставив их умирать от голода и холода. На самом деле он убийца всех тех, кого он мог напитать”*.

* Впервые опубликован в 1961 году в “Вестнике Русского Западно-Европейского Патриаршего Экзархата”, № 38-39.

А Реформация Церкви в Западной Европе переросла в революцию не только религиозную, но и культурную и социальную. Одним из её результатов была *политическая экономия* (обыденно – *политэкономия*). Это было учение, которое отодвинуло Церковь и задало новые рамки отношений между людьми и их ценностей. Название *политэкономия* очень понравилось, оно было свежим и необычным, от него веяло истиной, наукой и властью. Это учение снизило авторитет нового типа, многие это любят. В реальности, строго говоря, политэкономией была система, которую разрабатывали в Англии и – меньше – во Франции. Это при том, что в каждой стране существовал свод понятий и норм, которые объясняли явления и процессы в хозяйственной деятельности. Все эти своды и трактаты сложны и различны, но, тем не менее, некоторые из них тоже назвались политэкономией. Здесь нам не требуется изучать эти учения, нам нужны основы этих учений, которые освещают важные различия картин хозяйства и отношений между людьми в сфере экономики.

Например, Вебер указал на важный элемент кальвинизма: “Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего, один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего *одиночества отдельного индивида*. В решающей для человека эпохи Реформации жизненной проблеме – вечном блаженстве – он был обречён одиноко брести своим путём навстречу от века предначертанной ему судьбе” [2].

А в томе “Россия” фундаментальной энциклопедии “Всемирная история” (она стоит на полках во всех западных школах) читаем: “В идеологии Восточной Церкви община верующих сыграла гораздо большую роль, чем роль индивидуума, ответственного только перед Богом, и с этой традицией связаны не только славянофилы XIX века, но также, косвенно, русские социалисты и марксисты, заявившие о важности коллективизма”.

В России это было так, а в Европе при зарождении капитализма стала быстро развиваться экономическая мысль. Там резко усложнились общества, культуры, в том числе и экономические системы. Возникли профессиональные учения и теории, которые использовали приёмы и подходы науки – математику и свой “закрытый” язык. Основная масса населения осваивает логику хозяйства своей страны, своего слоя или сектора, опираясь на здравый смысл, житейский опыт и метод проб и ошибок.

Здесь стоит сказать, что название политэкономии – условный ярлык. Политическая основа той картины, которую рисует политэкономия, нагружена идеологией и интересами господ. Именно они определяют, какие трактаты, рассуждения и законы соединяются в систему, которая считается *правильной политэкономией*. Еретики, недовольные, бедные вырабатывают свои “катакомбные” политэкономии. Когда они набирают силу, начинается борьба разных систем, иногда – посредством гражданской войны, но чаще элита идёт на небольшие уступки, политэкономия немного подправляется. Эту сторону нашей темы надо учитывать.

Возникновение и развитие капитализма произвели тектонические изменения в народном хозяйстве в Западной Европе, а затем в колониях и во всех странах, которые стали придатками Запада. Эти страны были вынуждены изучать западные институты и учреждения на своей культурной почве. Государствам, купцам и образованным сословиям надо было иметь представления о хозяйстве стран, с которыми у них были отношения. Во время потрясений и сдвигов в нарождающемся капитализме соседям было необходимо понимать новые механизмы торговли и передвижений товаров и денег. Эти процессы надо было “видеть и чувствовать”, изучать признаки и следы этих процессов, цели и последствия их действий.

В истории был драматический период: Испания, не включённая в интенсивный процесс *монетаризма*, но “открытая” европейскому рынку, ввозила из Америки огромную массу золота и серебра и непрерывно беднела, ибо это золото и серебро уплывало в Англию, созревшую для монетаризма и имеющую политэкономия, которую в других странах не понимали.

В общем, чтобы овладеть смыслами процессов хозяйственной деятельности, государство и общество любой страны должны были иметь “образы” собственного народного хозяйства и экономики тех стран, с которыми ведутся коммерческие отношения или от которых исходят угрозы. Для этого надо

сделать эти образы *видимыми* (в форме текстов и документов, расчётов и схем, карт и таблиц). Эта операция называется *визуализация*. В принципе, эти операции выполняются непрерывно в самых разных формах, большинство об этом и не думает.

Сейчас мы научились из всей нашей среды, даже Вселенной, выделять какую-то вещь или явление, называть их именем и охватывать их мышлением как отдельные целостности. Чтобы их мысленно рассмотреть и проникнуть в их сущность, мы на время отодвигаем в сознании другие вещи и явления, концентрируем разум на данном объекте. Но в общественных процессах надо увидеть одновременно большую систему с множеством элементов и связей, и очень подвижную.

Почти всегда мы думаем о частичке *хозяйства* – она влияет, в малой или большой мере, на нашу личную жизнь и часто на жизнь народа. Но иногда необходимо задуматься не о частичке, а обо всём калейдоскопе, мозаике этих частичек. Например, в тот момент, когда наше народное хозяйство как целостность расчленяется и переделывается, а то и уничтожается. Представить себе образ такого хозяйства трудно, но всё-таки каждый человек имеет некий его образ.

Была такая притча. Шестеро слепых изучали слона. Один потрогал ногу и сказал: “Слон – это колонна”. Второй схватил за хвост: “Слон – это веревка”. Третий потрогал хобот: “Да нет же! Это толстый сук дерева”. Так все они и спорили между собой. Шёл мимо мудрец и сказал: “Вы трогали разные части слона, а слон – это всё то, о чём вы говорите”.

Но всё же лучше создавать этот образ, используя инструменты и методы, которые уже были изобретены и опробованы, – они экономят время и усилия, а главное, с ними легче обсуждать проблемы с друзьями и скептиками. Например, можно представить “портрет” народного хозяйства в виде сети или ткани множества *институтов*, которыми покрыта хозяйственная деятельность, включая распределение и потребление. Атомов хозяйства слишком много, и их движение трудно рассмотреть невооружённым глазом, а институты изучают большие сообщества учёных.

Древние люди (и наши дети) представляли мир как упорядоченное целое, все частицы которого связаны невидимыми нитями, струнами. Это Космос. И добавляли: с ним воюет Хаос (боги помогают превратить хаос в порядок и вернуть его в Космос). Человек, проникнутый космическим чувством, ощущает единство Бытия, а себя считает обитателем огромного и прекрасного дома. Научная революция представила мир как машину. Создание механистической картины мира разрешило задачи восходящего буржуазного общества. Из этой картины идеологи английской революции непосредственно выводили естественность конституционной монархии как наилучшей из форм политического порядка и “невидимую руку рынка”. Разрушались традиции, религии, скрепляющие людей солидарностью. Возникло гражданское общество, основанное на индивидуализме людей-“атомов”. Человек же традиционного общества видит мироздание как *Космос* – упорядоченное целое, с каждой частичкой которого человек связан мириадами невидимых нитей, струн.

Космос был дегуманизирован механистической картиной мира, но его смысл в одних культурах ужился с механицизмом, в других статус Космоса был восстановлен на новом уровне. Незападные культуры, освоив метод европейской науки, космическое чувство сохранили. Нам надо освоить навык “видеть” такие большие сущности, которые покрывают наше жизнеустройство, как политэкономия. О чувстве целостности можно сказать стихами Н. Заболоцкого (1936):

*И нестерпимая тоска разъединенья
Пронзила сердце мне, и в этот миг
Всё, всё услышал я — и трав вечерних пеньё,
И речь воды, и камня мёртвый крик.*

*И все существованья, все народы
Нетленное хранили бытие,
И сам я был не детище природы,
Но мысль её! Но зыбкий ум её!*

Сейчас наблюдения из космоса движения стихий, техники, энергии и людей дают нам серию частичных “портретов” человечества или народа, страны. Рассмотреть и обдумать эти “портреты” — это уже важный шаг к тому, чтобы представить себе хозяйство как целостность. Нам доступны карты ночной освещённости Земли и стран, интенсивности хозяйства в форме международной торговли и движения товаров, лесных пожаров и т. д.

Интегральной карты ещё нет. Но можно в воображении представить, что откуда-то из Космоса мы смотрим на Землю в потоке особого света и видим человечество в поле хозяйства. Человечество — не пыль, оно организовано в племена и народы, нации и цивилизации. Людей связывает их земля и культура, память и будущее. Вариантов комбинаций всех форм деятельности и связей элементов систем хозяйства — большое множество, поэтому хозяйство каждой общности обладает неповторимым своеобразием. С момента появления человека его этнос — творец своей самобытной системы хозяйства. А в свою очередь, хозяйство — творец своего этноса. Хозяйство, воплощая в себе все стороны культуры, становится важной частью той матрицы, на которой этнос собирается и воспроизводится.

Можно представить, что, глядя сверху на страну, можно увидеть сеть или ткань институтов, которые регулируют народное хозяйство, а каждый человек связан с этой тканью множеством невидимых нитей. Сверху видна эта ткань, каждая со своими особенностями, она соединяет и защищает народ и его хозяйство. Её ткали и ткут, штопают и обновляют все сородичи и земляки, потом соотечественники и граждане, шаманы и священники, власти и учёные. Образ такой ткани или плёнки — это и аллегория, и модель.

Далее рассмотрим подробнее.

Хозяйство и этнос (народ)

Исторически складываются разные типы хозяйства. Их изучением занимаются экономисты, а особенности и различия хозяйства народов — предмет изучения этнографов. Сложилась и особая научная область — *этноэкономика*. Исторический материализм исключал из рассмотрения национальную специфику хозяйственных укладов, он оперировал небольшим числом “чистых” моделей. Что касается незападных стран, то эти модели Запада были настолько далеки от реальности, что Маркс даже сделал попытку выделить особую формацию, которую назвал “азиатским способом производства”. Эта попытка оказалась малопродуктивной и была предана забвению. Здесь же нас интересуют не абстрактные “общечеловеческие” экономические формации, а именно специфическое для нашего народа взаимодействие хозяйства с культурой.

Когда человек ведёт хозяйственную деятельность, на него воздействуют практически все *силы созидания народа* — от языка и религии до системы мер и весов. О. Шпенглер утверждал даже: “Всякая экономическая жизнь есть выражение душевной жизни”. Но в душевной жизни и коренятся особенности разных народов, а материальный мир (“вещи”) есть лишь воплощение этих культурных особенностей.

Поэтому хозяйство, в котором преломляются эти силы, само является мощным механизмом выработки национального самосознания и укрепления людей этими связями. Даже волны экономической глобализации — и колониальной экспансии Запада, и стандартизирующего наступления капиталистического производства и рынка, и нынешних информационных технологий — не могут преодолеть взаимовлияния хозяйства и национальной культуры.

Например, все незападные страны, начиная с XVIII века, испытывают процесс *модернизации* — освоения созданных на Западе технологий и хозяйственных институтов. Внешне иногда кажется даже, что при этом возникает западный тип хозяйства, в котором не воспроизводятся национальные черты — они как будто вытесняются в сферу внешних “этнографических проявлений”. Но это ошибочное впечатление. Суть многих сторон хозяйства возникает как синтез, как продукт национального творчества. В книге “Капитализм и конфуцианство” (1987), посвящённой преобразованию западных экономических институтов в соответствии с культурными основаниями Японии, показано, что в японском хозяйстве “капиталистический рынок труда — лишь современная форма выражения “рынка верности””.

Большое многообразие этнических особенностей обнаруживается в хозяйственном применении огня, в обработке земли и скотоводстве, в способе перемещения тяжестей и грузов, в изготовлении оружия. Изобретение молотка сыграло огромную роль в развитии человечества, но некоторые даже современные народы не применяли молотка, предпочитая обработку материала нажимом. Совокупность технических приёмов и материальных средств представляет собой систему, часть культуры этнической группы (племени, народа и даже нации). История показывает, насколько разные образы и теории создаются в разных культурах.

Английский либеральный философ Дж. Грей напомнил общепризнанный факт: “Рыночные институты, не отражающие национальной культуры или не соответствующие ей, не могут быть ни легитимными, ни стабильными: они либо видоизменяются, либо будут отвергнуты теми народами, которым они навязаны” [3].

Сравним особенности классической политэкономии Англии раннего капитализма и традиционных принципов незападных культур. В западной цивилизации, как пишут, кровожадность “естественного” человека была усмирена правом – “война всех против всех” приняла форму конкуренции. Так, движущей силой, соединяющей людей в общество, являлся страх. Родоначальник теории гражданского общества Гоббс вводит такой постулат: “Следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано... с их взаимным страхом”. То есть под той мотивацией, какой считали поиск выгоды на рынке, лежал страх быть побеждённым в конкуренции. При этом страх должен быть всеобщим. Кроме того, должно существовать равенство в страхе. Гоббс пишет: “Когда же частные граждане, <о> е<сть> подданные, требуют свободы, они подразумевают под этим именем не свободу, а господство”. Он ещё добавляет: “Хотя блага этой жизни могут быть увеличены благодаря взаимной помощи, они достигаются гораздо успешнее, подавляя других, чем объединяясь с ними” [4]. Этот порядок на несколько веков придал Западу большую силу.

А вот востоковед А. Н. Ланьков пишет о Корее: “Конфуцианство воспринимало государство как одну большую семью. Вмешательство государства в самые разные стороны жизни общества считается в Корее благом, хотя образованные корейцы прекрасно знакомы с европейскими воззрениями на государство и гражданское общество. В докладе о южнокорейской экономике, подготовленном по заказу Всемирного банка, говорится: “Озадачивающим парадоксом является то, что корейская экономика в очень большой степени зависит от многочисленных предприятий, формально частных, но работающих под прямым и высокоцентрализованным правительственным руководством”. Другой американский экономист пишет: “Корея представляет собой командную экономику, в которой многие из действий отдельного бизнесмена предпринимаются под влиянием государства, если не по его прямому указанию” [5].

Люди с высоким уровнем “индивидуализма” стягивались в нации раньше мощным страхом – по законам отправляли бедняков в работные дома, благотворительность запрещалась. А сейчас соединяют посредством организации социальной помощи и благотворительности – из расчёта и по праву. А в старой России “Домострой” учил: “И нищих, и малоимущих, и бедных, и страдающих приглашай в дом свой и как можешь накорми, напои, согрей, милостыню дай”. Модернизация лишь придала этому порядку слабый европейский оттенок: Александр I в указе 1809 года повелел бродяг отправлять к месту жительства “безо всякого стеснения и огорчения”. В северных деревнях дома даже имели специальные приспособления в виде жёлоба. Нищий стучал клюкой в стену, подставлял мешок, и по жёлобу ему сбрасывали еду. Устройство находилось на тыльной стороне дома, вдали от окон, “чтобы бедный не стыдился, а богатый не гордился”.

Эту целостную внутреннюю среду, соединяющую материальный и духовный миры, этническая группа оберегает, отказываясь даже от выгод “эффективности”. Традиции ведения хозяйства очень устойчивы почти у всех народов, их стремятся сохранить даже ценой больших дополнительных затрат. Устойчивость традиций и пережитков таит в себе важное противоречие. Сохранение пережитков необходимо потому, что каждая вещь и каждая хозяйственная операция имеют не только функциональный, но и символический смысл.

Это наглядно выражается в изготовлении оружия. Национальные представления о красоте воплощаются и в изделиях, достигших максимума функциональной эффективности (или имеющих примерно одинаковый её уровень с иностранными изделиями). Антрополог Леруа-Гуран писал: “Поразительно видеть, до какой степени американские и русские ракеты и спутники, несмотря на очень узкие функциональные требования, носят на себе отпечаток создавших их культур”.

Говоря об устойчивости хозяйственных норм, институтов и традиций, необходимых для сохранения народа, не будем, конечно, упускать из виду и изменчивость укладов и в ходе их творческого развития, и при изменении внешних условий. Хозяйство как “сила созидания” народа особенно важно на стадии формирования национальной общности. Потом части общности освоют разные новые типы хозяйства, но в каждой части принадлежность к одному хозяйственно-культурному типу будет скреплять её.

Поэтому оценивать эффективность того или иного способа хозяйствования по какому-то одному, произвольно заданному критерию (например, производительности труда или ВВП на душу населения) можно лишь в каких-то узких аналитических либо идеологических целях. В таких сравнениях эффективности разных национальных типов хозяйства обычно господствует подход “рыночной экономики”, сложившийся в Западной Европе.

Антрополог К. Леви-Стросс писал о неправомерности таких оценок: “Два-три века тому назад западная цивилизация посвятила себя тому, чтобы снабдить человека всё более мощными механическими орудиями. Если принять это за критерий, то индикатором уровня развития человеческого общества станут затраты энергии на душу населения. Западная цивилизация в её американском воплощении будет во главе...”

Если за критерий взять способность преодолеть экстремальные географические условия, то, без сомнения, пальму первенства получают эскимосы и бедуины. Лучше любой другой цивилизации Индия сумела разработать философско-религиозную систему, а Китай – стиль жизни, способные компенсировать психологические последствия демографического стресса. Уже три столетия назад ислам сформулировал теорию солидарности для всех форм человеческой жизни – технической, экономической, социальной и духовной, – какой Запад не мог найти до недавнего времени и элементы которой появились лишь в некоторых аспектах марксистской мысли и в современной этнологии.

Запад, хозяин машин, обнаруживает очень элементарные познания об использовании и возможностях той высшей машины, которой является человеческое тело. Напротив, в этой области и связанной с ней области отношений между телесным и моральным, Восток и Дальний Восток обогнали Запад на несколько тысячелетий – там созданы такие обширные теоретические и практические системы, как йога Индии, китайские методы дыхания или гимнастика внутренних органов у древних маори...

Что касается организации семьи и гармонизации взаимоотношений семьи и социальной группы, то австралийцы, отставшие в экономическом плане, настолько обогнали остальное человечество, что для понимания сознательно и продуманно выработанной ими системы правил приходится прибегать к методам современной математики” [6].

Но для нас здесь важнее отметить, что становление современного капитализма сыграло исключительно важную роль в развитии народов Западной Европы – оно дало толчок и развитию своего специфического уклада, и формированию современных наций. А эти нации в новое и новейшее время являлись и являются для русских “значимыми иными”. Но в данный период реформаторы навязывают нам образ хозяйства этих значимых иных словом и делом. При этом они замалчивают и другой важный факт: архаизацию многих национальных экономик под воздействием западного капитализма.

Специфика того капитализма, который сложился в англосаксонской культуре, признаётся и сегодня. Английский историк и социолог З. Бауман пишет: “Новый индустриальный порядок так же, как и концептуальные построения, предпологавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла своё крестьянство, а вместе с ним разрушала и “естественную” связь между землёй, человеческими усилиями

и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию “рабочей силы”, а саму эту силу по праву считать потенциальным источником богатства” [7].

Когда эти культурные предпосылки соединились с протестантской Реформацией, капитализм стал быстро спланировать “буржуазные нации” Запада. Внешне чисто экономическая мотивация (страсть к наживе) превратилась в обязательную *приоритетную ценность*, порой их хозяйство рушится именно вследствие внедрения “духа наживы”.

Работы экономических антропологов показали, что своеобразие присуще всем национальным хозяйствам, даже у тех народов, которые освоили многие принципы рыночной экономики. Придание страсти к наживе внеационального, универсального характера есть чисто идеологический приём.

Для нас в России сегодня особенно актуально разобраться в том, как действует на всю систему связей в нашем народе массированное внедрение в наше хозяйство институтов и обычаев западной рыночной экономики. В долгосрочном плане это воздействие гораздо важнее, нежели его прямой эффект на собственно хозяйственные результаты (ВВП, национальное богатство, распределение доходов и пр.). Макс Вебер пишет: “Чем больше космос современного капиталистического хозяйства следовал своим имманентным закономерностям, тем невозможнее оказывалась какая бы то ни было мыслимая связь с этикой религиозного братства. И она становилась всё более невозможной, чем рациональнее и, тем самым, безличнее становился мир капиталистического хозяйства” [2. С. 315].

Это означало кардинальную пересборку общностей – народы, соединённые “этикой религиозного братства” и взаимными обязательствами, демонтировались, а из свободных индивидов (граждан) собирались нации. В этом превращении элементарной частицы этноса (из человека общинного в свободного индивида) и состоит сущность *либерализма*.

К. Поланьи, описывая процесс становления капитализма в Западной Европе, отмечал, что речь шла о “всемирной стройке”, что главные идеи нового порядка были приняты *народом*. Он писал: “Слепая вера в стихийный процесс овладела сознанием масс, а самые “просвещённые” с фанатизмом религиозных сектантов занялись неограниченным и нерегулируемым реформированием общества. Влияние этих процессов на жизнь народов было столь ужасным, что не поддаётся никакому описанию. В сущности, человеческое общество могло погибнуть, если бы предупредительные контрмеры не ослабили действия этого саморазрушающегося механизма” (цит. по [8]).

Эти предупредительные контрмеры предприняли и государство, и гражданское общество, и экономическая наука. Слепая вера в стихийный процесс была преобразована в принятые институты, легитимированные авторитетными учениями и теориями.

Система хозяйственных связей, соединяющих в этнос людей, проникнутых “духом капитализма”, настолько отличается от систем других народов, что на обыденном уровне западный “экономический человек” бывает уверен, что вне капитализма вообще хозяйства нет. Для такого человека вне западных ареалов есть какая-то странная суэта, но хозяйством её назвать никак нельзя. Это можно было слышать сегодня и в отношении нынешней РФ.

Политэкономию марксизма, которая сложилась в середине XIX века, развивая политэкономия Адама Смита и Рикардо, была создана на материале специфического национального хозяйства Англии, даже не на материале более широкой системы рыночной экономики Запада. В отношении капиталистической Германии модель Маркса годилась с большими натяжками, а в отношении советской России её описание и предсказания были совершенно ошибочными.

О. Шпенглер писал: “Вся английская машинная промышленность была создана в интересах торговли. Она явилась средством поставлять дешёвый товар... Вся борьба в английской промышленности между предпринимателями и рабочими в 1850 году происходила из-за товара, называемого трудом, который одни хотели дешёво приобрести, а другие – дорого продать. Всё то, о чём с гневным изумлением говорит как о продуктах “капиталистического общества” Маркс, на деле относится лишь к английскому, а не к общечеловеческому хозяйственному инстинкту...”

Он <Маркс> знал сущность труда только в английском понимании – как средство стать богатым, как средство, лишённое нравственной глубины, ибо только успех, только деньги, только ставшая видимой милость Бога приобрела нравственное значение... Такая этика владеет экономическими представлениями Маркса. Его мышление совершенно манчестерское... *Труд для него – товар*, а не “обязанность” – таково ядро его политической экономии... Марксизм – это капитализм рабочего класса. Вспомним Дарвина, который духовно так же близок Марксу, как Мальтус и Кобден. Торговля постоянно мыслилась как борьба за существование. В промышленности предприниматель торгует товаром “деньги”, рабочий физического труда – товаром “труд” [9].

Маркс показал в “Капитале”, что происходит при вторжении рыночной экономики в *натуральное* хозяйство. Так это происходило во Франции: “Ужасная нищета французских крестьян при Людовике XIV была вызвана не только высотой налогов, но и превращением их из натуральных в денежные налоги”. Вот слова видных деятелей Франции того времени: “Деньги сделались всеобщим палачом”; “деньги объявляют войну всему роду человеческому”; финансы – это “перегонный куб, в котором превращают в пар чудовищное количество благ и средств существования, чтобы добыть этот роковой осадок”, и т. п. [10]. Многие страны спаслись только тем, что смогли защититься от монетаризма с помощью государства, сохранив натуральные налоги и взаимозачёты.

Казалось бы, опыт четырёх веков западного капитализма показал, что никакая культура не может трансплантировать политэкономия хозяйства иной нации и цивилизации. Такая попытка погружает своё национальное хозяйство в глубокий кризис или лишает страну экономической, а потом и политической независимости. И бесполезно выбирать чужие модели политэкономии из разных благоприятных исторических моментов. Изучение чужих учений обязательно для получения опыта и технологий, а главное – для изучения чужих ошибок и кризисов. К несчастью, были учёные и политики, которые надеялись на *прививки* чужой политэкономии к стволу национального хозяйства.

Заключение

Мы тоже были очень самонадеянны. Надо честно признать, что “мы не знали общества, в котором жили”. Но это значит, что мы не знали и экономики нашего общества. Более того, когда в 1980-х годах наши экономисты закончили труд по созданию доктрины реформирования народного хозяйства СССР и начали внедрять в практику свои идеи, советская экономика рухнула.

Победа небольшой группы окол властных экономистов, которая на короткое время убедила меньшинство интеллигенции, была возможна только при отсутствии знаний о народном хозяйстве в главных, фундаментальных его принципах. Но провал в этом знании не закрыт, а вероятно, углубляется. Это общая беда, даже тех, кто воспользовался нашим невежеством. Но сейчас необходимо представить целостный образ хозяйства России в его главных системах и их связях, хотя бы грубо. Без этого наши общности не смогут договориться о направлении движения.

Важный факт: и на Западе произошла глубокая деградация и экономической науки, и уровня понимания населением процессов в системе современного капитализма. Как будто крах СССР освободил Запад от строгости разработки решений. Жак Аттали писал о кризисе 2008 года: “Протестантская Америка, которая делала первые шаги вместе с кальвинизмом, ставя во главу угла бережливость и труд, теперь культивирует мысль о том, что Бог её выбрал и гарантирует победу именно ей... Сейчас мы имеем дело со сложной системой, своего рода “големом”, не имеющим цели и способным одновременно служить человечеству и всё разрушать на своём пути. Ибо ему неведомы этические нормы и чувства” [11].

Погружение населения промышленных стран в невежество относительно целостности хозяйства – угроза уже всему человечеству. Россия, застрявшая “в переходном периоде”, особенно уязвима.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марко Поло. Путешествие. Ленинград: Художественная литература. 1940. С. 115.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // М. Вебер. Избранные произведения. М.: Прогресс. 1990. С. 142.
3. Грей Дж. Поминки по Просвещению, М.: Праксис, 2003. С. 114.
4. Гоббс Т. Избранные соч. М.: 1964. Т. 1.
5. Ланьков А. Н. Конфуцианские традиции и ментальность современного южнокорейского горожанина // Восток, 1996, № 1.
6. Levi-Strauss C. Antropologia estructural: Mito, sociedad, humanidades. Mexico: Siglo XXI Eds. 1990. P. 321-322.
7. Бауман З. Возвышение и упадок труда // СОЦИС. 2004, № 5.
8. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России. XIX–XX вв. СПб: Наука. 1998. С. 314.
9. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. М.: Праксис. 2002. С. 78, 118–120.
10. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 23. С. 152.
11. Аттали Ж. Мировой экономический кризис. Что дальше? М.: Питер. 2009.

ВЛАДИМИР КАРПОВ

КОЛОННА 23, ИЛИ ПРОЧЕРК В ИСТОРИИ

Есть воины, которые прошли Афган, есть – Таджикистан, есть – Закавказье или Чечню. Полковник Александр Петрачёв прошёл всё. Тридцать лет в спецназе! Восемнадцать из них – на войнах. При том, что страна, в общем-то, значительную часть этого времени жила мирно, без видимого врага. Сколько раз, что называется, заглядывал в лицо смерти! Сколько потерял товарищей! Сколько жуткого, страшного довелось пережить! Но, удивительно, при встречах, испив горькой, он чаще всего заводит речь не о том, как воевал, а о том, как в 1992 году выводил воинскую часть из Закавказья: колонну 23. Последнюю из числа 10-й гвардейской мотострелковой Печенгской дважды Краснознаменной, орденов Александра Невского и Красной Звезды дивизии, дислоцировавшейся в Ахалцихе.

– Напиши книгу, – говорит он мне. – Или сценарий: сегодня офицер, майор, поднимает рог с вином, произносит красивый грузинский тост за дружбу, за братство народов, а завтра тот же человек приходит с бандитами мародёрствовать!

Я лишь время спустя понял, почему его “клинит” именно это: да потому что в том же Афгане воины вели себя, как подобает воинам. А противник – как достойный противник. Здесь же, когда российским войскам пришлось покинуть земли, которые в одночасье стали территориями другого государства, поразило предательство тех, кто ни под каким предлогом предавать бы не должен, крушение воинских основ и одного из самых крепких советских мифов о “нерушимом единстве наших народов”.

– Это было! – спустя более двух десятков лет не перестаёт удивляться полковник. – Майор у меня, грузин, поднимал тосты, клялся в дружбе! Вдруг приказ командования: передать оружие и технику местным властям: танки, пулемёты, патроны! А часть должна передислоцироваться в Россию. Первый заместитель командира дивизии – я был просто “заместитель”, а он “первый” – белорус, собрал вещи и улетел. Я, говорит, теперь гражданин другого государства! Что верно! Командира дивизии, генерала, увезли в тяжёлом состоянии в больницу. Хороший был мужик, настоящий командир! Генерал майор Воронин Алексей Владимирович. Запомни это имя – герой! Кроме того, что оружие надо передать, нужно было передать секретную технику связи. Воронин вызывает меня, говорит: нельзя передавать! Всё будет завтра же в Америку продано: секретные шифры, коды. А это – обезоруженная армия! Ракеты, подлодки можно сразу на металлолом отправлять! Решили тайком вывезти в Россию. – Полковник Петрачёв берёт лист бумаги, чертит карту расположения дивизии и уходящих от него дорог. – Выезжаем ночью, едем. Здесь перешеек, не свернёшь – нас встречают автоматчики! Что такое? Разворачиваемся: мы же на территории Грузии. Ладно. Снова тайно пробуем

выехать другой дорогой — снова на пути автоматчики. В третий раз... Ага, понимаем, это случайностью быть не может. Завелась крыса. А у меня среди грузин в руководстве района был хороший приятель: мать — русская, отец — грузин. Я с ним встретился, так, мол, и так. Он понял, чем это грозит — передача секретной информации на Запад, — причём не только для России, но и для Грузии тоже. Хорошо, говорит, узнаю. Снова встречаемся, он вытаскивает салфетку, а на ней чертёж: путь, по которому мы собираемся ехать... Я смотрю, почерк замкомдива по вооружению! Мне же с его бумагами приходилось работать, почерк знаю. “И много ему отвалили?” — спрашиваю. “Да ничего”, — смеётся. Пообещали за ним “уазик” оставить, который он грузинской армии должен передать. Я понял: этот замкомдива был охотник, заядлый. А “уазик” — новый. Он на нём на охоту ездил. Соблазнился. Прихожу к командиру части, выкладываю перед ним салфетку. Кто там из композиторов ноты на салфетке писал? Такой вот “композитор”. Что делать, спрашиваю, будем? Обиженных в части много: недавно у одного лейтенанта жену на улице изнасиловали. Скажи — крысу порешит, не охнет! А генерал человек такой был, сдержанный, суровый, честный очень. Нет, говорит, грех на душу брать не будем. Пусть живёт. Тут же звонит, чтобы вызвали начальника штаба. Тот приходит. Командир кладёт перед ним листочек: “Твоё сочинение?” Ну, а там бесполезно отказываться. “У тебя документы с собой?” — генерал спрашивает. А мы все документы с собой носили. Он вытаскивает, показывает. “Деньги есть?” Тоже показывает. Генерал говорит: “Этого хватит, чтобы уехать. Вот сейчас выходишь и, никуда не заходя, не сворачивая, идёшь на трассу и уезжаешь. Если куда-то завернёшь, зайдёшь, пеняй на себя”. И вот он вышел и пошёл. Мы так в окно посмотрели — ушёл. Я говорю, может, кого-то послать, чтобы проследили. “Не надо, — отвечает, — никуда не свернёт”. А тут снова начальство насаждает: что вы тянете, танки должны передать! Грузины приехали — почему не передаёте?! А как раз грузино-абхазский конфликт начался. Командир говорит: “Передадим танки — девяносто единиц — rasterзуют Абхазию и людей подавят! Нельзя передавать!”

В моей небольшой статье не место выявлять причинно-следственную связь грузино-абхазского конфликта 1992–1993 годов. Приведу лишь очень простую и ясную историческую оценку тех событий экс-министра безопасности Грузии Игоря Гиоргадзе: *“Под угрозой оказалась власть Шеварднадзе в Тбилиси, и он принял решение о вводе войск — под предлогом охраны транспортных коммуникаций — в Абхазию. Практически это была отмашка на войну. Это сегодня он сидит у экранов и глубокомысленно заявляет, что его приказ был неправильно приведён в исполнение. Ну, а как <он> должен был быть приведён в исполнение, когда было приказано всю бронетехнику, всё, что у нас было, — а у нас не было армии, у нас был сброд, — ввести в Абхазию. Что он ожидал — что это будет миротворческая миссия? Он прекрасно знал, что там начнётся стрельба, резня, бойня — и он сознательно пошёл <на это>, переведя все стрелки на Абхазию”*.

— Командир сказал: “Нельзя передавать”. Но передавать-то их надо будет... Это же решение командования! Вызываю командира танкового батальона. Мы, — говорю, — должны танки грузинам передать в технически исправном состоянии. А они у нас неисправные. Нужно ставить на ремонт. — “Понял, — отвечает. — Танки на ремонте...” А мы тем временем, что мы придумали? — снова склоняется к своему чертежу полковник Петрачёв. — Вот все дороги идут в Россию, а эта — от России. В сторону Абхазии. И по этой дороге мы успешно переправили технику связи. Сели с устатку — все же на нервах, — выпили. Разошлись по квартирам. Среди ночи ко мне стук, — а все офицеры спали с оружием. Автомат кладёшь рядом, гранату, пистолет под подушку. Я вскакиваю, слышу голос генерала за дверью. Открываю, а он вваливается — весь в кровище! Ночью в форточку к нему залезли. Он, вымотанный, заснул, не слышал. Подушку на него накинули. И били. В госпиталь увезли, оказалось, все ребра переломаны. Всё отбито. Инвалидом стал. Хоть потом ещё служил, но уже недолго. Скончался.

Я долго искал в интернете информацию о генерале Воронине Алексее Владимировиче, который ценою жизни, вопреки глобальной исторической диверсии, спасал “военную тайну” России. Спасал Абхазию с её народом. Нет упоминаний. То есть — совсем! Для нашего времени “неучтённый” рядовой — нереальность! А не значащийся в списках генерал?! Я уж усомнился, думаю, запамятовал имя Петрачёв — жизнь-то какая была! Встретился

с заместителем командира танкового полка “десятки” Савцовым Вячеславом. Всё верно, подтвердил бывший танкист: Воронин Алексей Владимирович. Именно так: ни танки, ни секретную технику не передавал.

Имена командиров, возглавлявших дивизию в годы ВОВ, — известны, указаны во многих источниках. А командира в 1992-м, согласно Вселенской паутине, как бы не существовало. Кому генерал Алексей Воронин так насолил, что информация о нём изъята?! Более того: был распущен слух, будто командира “десятки” избил офицеры его дивизии. Сплетня была мастерски “ретуширована” под анекдот: вернулся, мол, “полковник” (в анекдоте комдива понизили в звании) домой, а в окно к нему влезают “слоники” — офицеры в противогазах, едва спасла жена, подоспевшая с рынка... Петрачёву предали этот “анекдот” много лет спустя, но он до сих пор взрывается от недоумения: “Какой “полковник”?! Он генерал-майором был! Какая “жена с рынка”?! Жена давно была отправлена. Он ко мне в три-четыре часа ночи пришёл! Вес в кровиче! Грузины его изуродовали за то, что он оружие не отдавал! Без всяких противогазов! Не таясь! Чтобы знал, кто и за что!”

Так что, как сейчас принято говорить, “работали профессионалы”, позаботившиеся о том, чтобы устранить фигуру по всем параметрам: как человека, от которого зависело решение, как имя, которое должно принадлежать истории.

Россия генерала Алексея Владимировича Воронина обязана помнить! И абхазам надо бы знать и чтить командира дивизии, не позволившего растерзать народ танками! И грузины — не те, о которых говорит Гиоргадзе: “сброд” есть в любом народе! А грузины, давшие России великих героев! Генерал ведь о будущем всех заботился, понимая, во что выльются военные действия. Но о нём — ни-че-го! Оказывается, даже вездесущий интернет можно обмануть, скрыть информацию об одних и раздуть о других. Сколько мы знаем имён, по существу, предателей. А иных и чтим!

— Что делать? — продолжает полковник Петрачёв. — Принял на себя командование, я был тогда подполковником, второй заместитель командира дивизии. Танки задерживать больше не могу, здесь всё уже не наше! Мы в другом государстве! Людей надо вывозить в Россию: рядовой состав был весь отправлен, в части оставались только офицеры с семьями. Перевозить надо с вещами, всем скарбом нажитым. Колоннами. Прикинул: двадцать три колонны по двести-триста человек. А война в Абхазии набирает силу. Наказ генерала помню. Снова вызываю командира танкового полка. Говорю: “Танки мы передаём. Но грузинские танкисты давно не водили танков, потеряли квалификацию. — Что Вы, Александр Николаевич, — он мне отвечает, — грузины всегда были хорошими водителями. Они же на тракторах землю обрабатывают, у них навык. — Да какие сейчас трактора, никто на тракторах-то не работает. Потеряли навык. — Понял”, — говорит он. Передаём танки. Первый же ушёл в горный обрыв: водитель с управлением не справился. Второй “закипел”. Третий загорелся. И так до Абхазии из девяноста танков дошли двадцать семь! И те практически не смогли принимать участие в боевых действиях из-за поломок. У нас техники-то, ребята, были очень хорошими!

Петрачёв и сейчас мысленно с теми ребятами, хорошими!

— Передали всё оружие, — возвращается он к теме, с которой начал рассказ. — Я только себе оставил пистолет и гранату, но не для того, чтобы отстреливаться, — бандформирования были тогда по всей Грузии! — а для того, чтобы, если доведётся, не сдаться в плен. Взорвать себя или застрелиться. Собираем одну колонну, другую... И вот является с вооружёнными бандитами этот самый майор, который ещё недавно поднимал рог за дружбу народов, наставляет автомат. Грабить пришёл своих же сослуживцев! И вместо тостов: “Я вашу маму, вашу Россию...” И прочее! Понимаешь? Вот так же, как с тобой, с ним сидели! Братались!.. Рука дрогнула: выхватить пистолет, положить, и будь что будет! Но — семьи офицеров, женщины, дети... Всё же на мне! Вывернул карманы, достал деньги, какие были: “На, бери, людей только не тронь...”

Рассказом о дальнейшем эпизоде бою навлечь на моего друга, а заодно и на меня как автора этих строк обвинения в национализме или что-нибудь в этом роде, но “истина дороже”. Со мной по соседству, в посёлке Литфонда, жил сосед Гиви, муж коменданта и работник. Породистый красивый грузин, размеренный, мудрый. На общие праздники он неизменно жарил шашлык (меня научил этому делу), хотя сам никогда не ел: возьмёт кусочек для приличия и так и просидит над ним. Не часто, но иногда пел: грустно, при глуховатом

голосе – неожиданно трубно, слыша, зная, там, внутри себя, горное эхо. Приехал он в Москву в августе 1991 года на экскаваторе с длинным хоботом. И надо же было так совпасть, что, похоронив в трудную годину жену, отправился Гиви из Грузии при СССР, а прибыл в столицу, когда пал ГКЧП, и Нерушимый дал очевидные трещины. Так и остался Гиви здесь, встретив сердобольную русскую женщину. И экскаватор с поднятой стрелой ещё долго стоял в нашем посёлке фаллическим символом. С Гиви мы пережили время, когда у Литфонда не было средств содержать посёлок, котельная среди зимы перестала работать, вся отопительная система была “разморожена”, и мы, как могли, спасали свой “спальный корпус”: старый деревянный дом постройки 1935 года.

Как-то ко мне приехал Петрачёв. Гиви стоял у входа в дом, курил страшно крепкие вонючие сигареты – мужские! И я, естественно, сделал движение, чтобы познать хороших людей. Полковник резко кивнул в знак приветствия и быстро прошёл мимо, не подав руки.

– Прости, – сказал, войдя в квартиру. – Я понимаю, может, он очень хороший человек. Находились такие, когда выходили колонной, кто хотел помочь! Сочувствовали: помочь-то было невозможно, расстреливали! Но, – с силой прижал полковник Петрачёв ладонь к груди, – не могу!

Он не раз мне рассказывал о том, как доверял афганцам: если тебя пригласили в аул гостем, хозяева сами скорее умрут, но тебя не сдадут. Говорил он это и про таджиков, азербайджанцев, правда, из аулов, живущих сельским трудом. Какие они трудолюбивые и как умеют довольствоваться малым. Выходило, говорил хорошо о мусульманах, а христианскому народу, единоверцам, в человеческой надёжности отказал.

Но, может быть, дело во времени и ситуации: за русским солдатом прежде была великая страна, и его не разоружало собственное командование.

Уместно вспомнить свидетельство Л. Н. Гумилёва, который писал, что в тюрьме люди объединялись, прежде всего, по национальному признаку, и только русские не сбивались в стаю и могли оказаться в среде самых разных народов.

За годы дружбы я вошёл в круг “воинского товарищества” неутомимого полковника Петрачёва.

Однажды на записи радиопрограммы “Национальный герой” один за другим оказались два мужественных человека: актёр, исполняющий роли суперменов, и отставной генерал. Актёр приехал на громдном джипе, сидел в студии, живо, с напором рассказывал об участии в опасных трюках, в поединках единоборцев, которыми в 90-е также приходилось и зарабатывать на жизнь: плечистый, рельефный, увешанный цепями из ценного металла, крутой. А следом пришёл бывший разведчик спецназа, генерал-майор. Тоже с очень крепкими плечами, но в старой одежонке, тихий. С улыбкой, как о пустячных случаях, забавлял историями о том, как его однажды в бою подкинуло и перевернуло, он думал, что оторвало ногу, а пуля попала в каблук! Другой раз, в рукопашной, он упал, и на него рухнул противник. Генерал, тогда ещё майор, перевёл врага на боковую, глядит, а это уже убитый... Он участвовал в шестидесяти семи боях, был тяжело ранен. И я ему взялся, было, сочувствовать. “У меня кавказские корни, – пояснил генерал. – С семнадцатого века – все мужчины в роду были офицерами. Я в юности бредил войной. И когда меня ранили, я плакал, но не потому, что могу остаться увечным. А потому, что не смогу больше воевать...” В студии стол рояль. Боевой генерал подсел к нему, заиграл, негромко напел песню про будни спецназа. Ушёл пешком, прихрамывая. Напоминая мне героя повести “Полковнику никто не пишет”. Орденосный разведчик спецназа генерал Александр Чубаров.

В 90-е генерал Александр Сергеевич Чубаров был в Таджикистане. Жестокость, творившаяся там в межнациональных и междоусобных противоречиях, относит нас просто к раннему Средневековью: “Живым людям пробивали ломом грудину и заливали авиационным керосином... Вот такая азиатчина. На той войне зверств вообще было много. И с той, и с другой стороны. Я своими глазами видел груды растерзанных трупов. Причём резали, не глядя на пол и возраст. Женщин любого возраста насиловали, резали, трупы бросали в арыки. Детей тоже не миловали. Короче, вырезали семьями и аулами. Я видел в одном городе бассейн, заполненный телами”, – говорит в статье “Моя война” генерал Чубаров. Или ещё вот такой эпизод, коего ему довелось быть свидетелем: “В его отряде была некая Жанна – колоритная деваха, вечно за рулём “КамАЗа”. На моих глазах она застрелила из автомата шестилетнего пацана

за то, что мальчик не понял или неаккуратно исполнил какое-то её указание. Вот так вот — вскинула автомат и как даст очередь по ребёнку! Я был в шоке! Лежит этот мёртвый мальчишка в луже крови, орут люди, стоит Жанна с “калашом”. Я её спрашиваю: “Ты чего натворила? А она мне: “На всё воля Аллаха!” И в то же время Александр Чубаров с большим почтением отзывается о людях Востока: “Под Мусакалой в конце ряда лавок идёт перестрелка. Солдаты даже высунуться не рискуют. Но, слава Богу, гранатомёты не работают ни с той, ни с другой стороны. Рядом сидит — дервиш ли это, не знаю. Самоуглублённый человек на коврике. И иногда только посохом грозит то тем, то этим. Вот такую сцену я наблюдал в бинокль с расстояния 350–400 метров. Слава Богу, пуля его не задела”. Преклоняется он перед встреченным на военных тропах шестидесятилетним, по словам долгожителя, мудрецом-узбеком: “В его глазах — вечность”.

Для Петрачёва Чубаров был и остаётся первым командиром, под началом которого он участвовал в военных действиях: бок о бок исполняли интернациональный долг в республике Афганистан.

И каждый раз, встречаясь с Александром Николаевичем и его бывшими однополчанами, — роман ли, сценарий ветвится во мне.

Кавказ. Горный распадок, стремительная река. Красота! Вооружённые бандиты воруют женщину с ребёнком. Требуют выкуп. Командир, отстранив рвущегося в бой главу семейства, молодого лейтенанта, сам идёт на переговоры. Выдерживает мнимый расстрел. Жертвует техникой, освобождает женщину и ребёнка. Вернувшийся из “самоволки” сержант ещё не знает, что оружейный склад уже не принадлежит российским войскам, вступает в доблестный бой с грабителями его мародёрами, убив двоих. Парня бы к награде, но он на территории другого государства, российский генералитет отдаёт приказ о передаче “защитника” местной прокуратуре. Смертный приговор. Правда, “все на продажу”: за “мзду” парня можно выкупить. Вот офицер, который, видя ситуацию, решает сам, на своей машине окольными путями увезти семью. На дороге его останавливают якобы для проверки документов, забирают машину, пожитки. Расстреливают всех, вместе с детьми, на обочине. А вот пара влюблённых: она грузинка, военная медсестра, он абхазец, российский офицер. Грузино-абхазский конфликт выливается в войну. Грузинская родня против связи с абхазцем. “Не могу”, — отвечает офицер на предложение остаться в грузинской армии. Он верен присяге и собирается служить России. Девушка сначала решает уйти вместе с “русскими”, но у границы, она произносит те же простые и страшные слова: “Не могу”. Понятно, что недавние влюблённые скоро встретятся на тропе войны. А колонна российских военных — 23-я, последняя из дислоцировавшейся в Ахалцихе дивизии, — сопровождаемая мародёрами, больше похожая на колонну военнопленных, входит в Рокский тоннель. Ещё недавно тоннель мирно соединял союзные республики единой страны, а теперь народ Южной и Северной Осетии оказался по разные стороны государственной границы, и ушлые люди под высокими предложениями борьбы за национальные или демократические ценности в неразберихе творили произвол.

— Входим в тоннель, — всё не проходит недоумение у Саши Петрачёва, — а он где-то четыре километра, и уже бесхозный: раньше-то был советским с соответственным финансированием. А к этому времени вроде и не российский, и не грузинский. Вентиляцию всю растащили, газы выхлопные скапливаются, гарь. Повязку марлевую надеваешь — она чёрная делается! Но движемся, все радуются, ну, час-полчаса и дома, в России! Приближаемся к выходу, а света с обратной стороны нет! Выход заложен бетонными блоками! Решение Верховного Совета республики: забаррикадировать выход из Грузии в качестве защиты от бандформирований! У Южной Осетии было двойное положение: народ проголосовал за независимость, а фактически пока ещё это была Грузия. Там внутренние разборки между грузинами и осетинами были такие, что людей в землю заживо закапывали. А главные виновники, как всегда, русские! Назад — бандиты, впереди — перекрыто! А людям-то уже плохо, дышать нечем, обмороки! Семьи — человек триста народу! Куда? Обрато, там, как стервятники, бандиты ждут! Да и сами себя подавим, машины не развернёшь, темно! Пространство для пеших меж блоков есть, нашёл машину, до Владикавказа километров сто, на полном ходу, прямо к зданию Верховного Совета! Повезло: как раз шло заседание. Передал записку с просьбой выступить. Дали слово. Выхожу перед депутатами, а там мужики одни в зале, докладываю, мол, так и так, уверен, всё сразу поймут, откликнутся. Дадут команду снять ограждения. Председатель ставит вопрос на

голосование: лес рук против того, чтобы открыть дорогу! Глазам не верю! Чеку гранаты, что ли, снять?! Нет, думаю, что хотите, с трибуны не уйду! Давай по второму разу объяснять! У самого, прям, комок под горло, люди, дети, говорю, там сейчас, замурованы, считай, заживо! И вдруг поднимается женщина. И говорит: что же вы, мужчины, делаете? Я, говорит, еду к тоннелю! Кто со мной? И поднялось за ней ещё одиннадцать человек – всего получилось двенадцать! Поехали, дали команду растащить блоки, сами руками помогли!.. Жаль вот, вылетело из головы имя этой осетинки: помню, по дороге она говорила, что подруга Светланы Горячевой... Да она своё имя, наверное, и не назвала, а я не спросил: герои, они чаще всего безымянные... Вышли мы! Там вначале ещё горная местность, а ближе к Владикавказу более равнинная. Россия! Люди плакали от счастья! А во Владикавказе я на радостях решил другу позвонить, тоже подполковнику. Он под Читой служил. Нашёл телефон, звоню, говорю, вот, мол, мы тут какие страсти переживаем, пока ты там, на Дальнем Востоке, прохлаждаешься. И вдруг такая пауза, и голос такой тихий, тихий: “Я солдат комбикормом кормлю, со свинофермы...”

Когда русский солдат, награждённый боевыми орденами, оказывался “виноватым” у других, это ещё куда ни шло. Но когда он оказался не в чести, поруган, выставлен на улице своими – этот разговор пережить непросто! Многие бывалые воины-интернационалисты признавались мне, что в девяностые подумывали о самоубийстве. Был и демобилизованный воин-интернационалист, друг детства, который это свершил. Какой ты офицер в стране, где солдаты побираются на улицах? Где, по словам президента, сошедшие “с конвейера” танки сразу же отправляют на переплавку, чтобы выпускать кастроули? Где жёны бросают мужей, потому что само слово “военный” звучит как “отброс общества”?! Остался тогда без “спутницы жизни” и пылкий Саша Петрачёв: тоже, было, выходил на балкон высотного дома, думал надеть парадную форму, повесить на грудь свои четыре ордена и... ясным соколом!..

Александр Николаевич со своим опытом скоро стране потребовался. Направили его в Чеченскую республику. Про чеченцев он отзывался высоко: это особый народ. С ним никто не может воевать. Кроме русского Вани: он с виду, может быть, и робок, и недотёпа. Но поставил его в строй, дал винтовку, он прёт и прёт! И настоящие чеченцы этого Ваню уважают. Полковник Петрачёв стал заместителем командующего знаменитой пятьдесят восьмой армии. Генеральская должность! Было бы и звание. Но в те времена мэром Москвы открыто предложил “систему, при которой чиновник легально получает не взятку, а процент прибыли...” Прейскурант цен на получение должностей и званий тогда открыто публиковали в прессе, конкретные суммы называли депутаты... Генеральское звание, помнится, оценивалось в пятьсот тысяч долларов. Схема была проста: одни предлагали, другие одалживали деньги. Становится человек командиром части или, скажем, руководителем департамента, два года он “сотрудничает” с заимодавцами, чтобы отдать долги. Через два, если он рачительный и, по меркам времени, порядочный, то начинает работать. Чиновник военного ведомства запросил у воина, за плечами которого значилось присутствие буквально во всех “горячих точках”, весьма условную мзду за генеральское звание: пять тысяч у.е.

– По уму бы, – посмеивается Петрачёв, – отдать эти пять тысяч, и в дамках. Но тогда меня всего перевернуло: как это я, боевой офицер, буду платить деньги за звание?! Я на войне, под моим подчинением пятьдесят тысяч человек! Я же его заслужил!

Так Петрачёв и уволился в запас полковником. Я ему прибавил “звёздочку”, называя “неутомимым полковником!”

Люди и нормы меняются быстро со сменой общественных приоритетов. Стал президентом страны военный человек: звание “военный” теперь в чести. Молодые люди уже не торопятся “закосить” от армии, в военкоматах – очередь из офицеров запаса, чтобы снова пойти служить! Конечно, и президент из рядов офицерства появился не случайно. В конце 90-х демобилизовавшиеся военные остро осознали, что способность к общественному контролю существует не только у криминала или недавних комсомольских работников. Воинское товарищество куда более сплочено, испытано, способно решать не только боевые, но и экономические, управленческие задачи на уровне страны.

Александр Петрачёв стал работать в многоотраслевой компании с символическим названием “Гренадёры”, руководил которой полковник Владимир Иванович Гаврилов, невысокий, необыкновенно энергичный сибиряк, некогда

выведший из ангольских джунглей уже “похороненную” бригаду: тогда в Средиземном море был затоплен советский сухогруз, армия осталась без боеприпасов. Тропики были его “тоннелем”. В “Гренадёрах” трудился и мой старинный друг, бывший военный переводчик Ваня Куницын, сын знаменитого академика. Иван из “тоннеля” так и не вышел: громадного, мощного мужика годы спустя “унесли” последствия приобретённой там же, в батальных джунглях, тропической малярии.

Свой “тоннель” в 90-х прожил каждый в России. Недавно мне довелось отвечать на вопрос анкеты: “Что для Вас является символом 90-х?” Я ответил: “Разросшиеся кладбища с надгробиями, на которых обозначены даты: в основном, 60-е, 70-е и даже 80-е годы рождения. Также разросшиеся “поля чудес”, как называют в народе появившиеся в наших городах и весях коттеджные посёлки. В этих многоэтажных постройках часто никто не живёт: иные так, наезжают, а то и просто хозяин не успел въехать, где-нибудь сложив головушку. Так что посёлки эти тоже похожи на кладбища с безжизненными памятниками. И самый выразительный символ – улыбки реформаторов, которые в 90-е были не только руководителями кабинета министров, но центром общественного мнения. Постоянные, неизменные, так что кажется, возьми с одного, приклей к другому, и лицо не изменится”.

В начале 90-х я жил в г. Электростали Московской области. Городок сталеваров, особо почитаемой и высокооплачиваемой касты среди рабочих. Помню день объявленной “либерализации”. Цены в одно утро подскочили... в десять раз! Подхожу к магазину, а люди такие плавающие выходят. Абсолютно безмолвные! Повысились бы цены в два раза, уверен, возмутились бы, роптали! А здесь – шок! Всеобщий шок! Сон ли, явь ли? Автор идеи “либерализации”, не влезая “фейсом” в экран, объяснял в эфире центрального ТВ, мол, советские деньги были не подкреплены товаром, а теперь цена товара приведена в соответствие со стоимостью. В небольшом городе было две школы “Олимпийского резерва”: бокса и дзюдо. Отсюда выходили чемпионы, пополняли сборные страны. Моему сыну в 91-м было 16. И он уже имел звание кандидата в мастера спорта. В одночасье заводы встали. Более молодые, не успевшие привязаться к труду, жили тем, что воровали цветной металл, продавали, а такой заработок всегда сопряжён с пьянкой: перетащили, минуя или договорившись с охраной, перенервничали, а тут вдруг сразу такое “бабло” налом! Старшие, маститые, часто исполненные чувством производственного патриотизма, просто ходили теньями. Один из моих соседей, прежде уважаемый сталевар, скоро покончил с собой, оставив записку: “Прости, Рая. Не могу так больше жить”. Парадоксально, но эти же самые сталевары несколькими годами раньше стучали касками возле горкома партии, требуя демократических реформ и Е. Б. Н. к власти. Спортсмены, боксёры и дзюдоисты, потерявшие востребованность, образовывали бандитские группировки, скоро начав делёж города и постреливая друг друга почём зря! Многих из них, любя спорт, я близко знал: какие красавцы полегли! Мало того, что их не стало, многие не успели стать отцами, а те, кто успел, оставили сынов и дочек сиротами, жёны потом деток тянули в одиночку, чаще всего уезжая на заработки в большие города, за границу. С детьми вертелись бабушки. Мне, что называется, “на своей шкуре” пришлось пережить ситуацию, когда хорошо работал только один “отдел кадров” – криминального мира. Из двух десятков друзей сына, хорошо начинавших спортсменов, из 90-х в живых вышло четверо. Потери, вполне сравнимые с участием в большой войне. Да и из этой четвёрки один так и пошёл по тюрьмам, где так же бесследно сгинул. Остальные пережили суды, задержания. Всё, слава Богу, утряслось, все трое окончили институты, трудятся, имеют семьи, всё вроде бы хорошо. Но если “подранки” – подростки, пережившие Отечественную войну, – выходили из прошлого с торжеством победы над фашистскими захватчиками, то “подранки 90-х” вынесли из минувшего чувство национального поражения. Посмотрите пристальнее в глаза рождённого в 70-х – в них, в глубине, обязательная подраненность.

Бывшие воины-интернационалисты, сплошь имеющие инвалидность, стали не только зарабатывать, содержать семьи. “Гренадёры” вложили средства в программу на телевидении, пытаясь менять содержимое “останкинско-го шприца”, но там, как в Закавказье-92, деньги растворились, концов не найдёшь. Выпустили цикл радиопередач “Национальный герой”. Никто бы с таким названием тогда программу в эфире не дал бы даже за деньги, но директором радио “Подмосковье” стал также отставной полковник Н. И. Рязанов.

Была создана звуковая энциклопедия русской истории в лицах – более ста выпусков о выдающихся людях! Курировал выпуски Александр Николаевич, вместо пятидесяти тысяч воинов под его командованием был только я один, как автор и ведущий, и мне вполне довелось прочувствовать всю организаторскую мощь этого иногда, кажется, заполошного человека. “Если Петрачёву поставить задачу найти клад там, где его нет, он его обязательно найдёт”, – характеризовал неумолимого полковника один из боевых товарищей. И ведь как в воду смотрел – в буквальном смысле!

Сейчас Петрачёв в системе ДОСААФ занимается “поисковиками”: группы людей в свободное от основной работы время ищут оставшиеся в земле свидетельства войны.

– Представляешь! – рассказывает он наконец-то с радостью в глазах. – В тверском лесу нашли остов самолёта! Это же не тайга сибирская, сколько народу там прошло! Сохранившийся остов, а главное, останки и все документы лётчика! Оказалось, он числился в “без вести пропавших”! Нашли родственников, детей, внуков, они радёшеньки! Кто такой был “без вести пропавший” для официальных органов? Дезертир! На семье всю жизнь лежала эта печать! Оказалось, лётчик был награждён орденом! Но семье не вручили, потому что как же, а вдруг дезертир?! Сделали захоронение, вручили сыну орден!.. Люди совсем по-иному теперь в жизни будут себя ощущать. Дети, внуки героя!..

Он всё ещё её выводит, колонну 23, из тоннеля. Насквозь больной: все суставы разбиты от бесконечного десантирования на военном парашюте, дырка в желудке и кровь по сердцу течёт по своему усмотрению, пробываясь по закрытым клапанам, как по завалам. Среднего роста, подросткового сложения, бритый наголо. Трудно представить, что был квадратного сложения, вертел “солнышко” на турнике, бегал за армейскую сборную по биатлону. Был усат, чубат! Складный такой боевой офицер! Врачи, когда он увольнялся из армии, открыто дали ему на земные дела два года. Отведи, мол, душу... Но молодая женщина по имени Галя думала иначе: встала рядом, родила ему сына... И старшие двое, от первой жены, при нём, почитают отца.

Но поколение уходит. Или, скажем мягче, сходит с исторической сцены. Положение страны осложняется тем, что в деятельную жизнь вступает малочисленное поколение 90-х. Когда закрывались детские сады, потому что не хватало малых детей, в школы едва набирали по классу. Сейчас цены на недвижимость упали: причин много, но одна из них и та, что заселяться в новые квартиры должны молодые супруги 90-х годов рождения. А их несоразмерно мало! Как сказал тренер моей дочери, дагестанец, очень точно поставив общественный диагноз: “С 2005–2006 года пошли другие дети. Генетически здоровые. И их много”. Так что возрастание “человеческого фактора” – энергетический прорыв – будет к 2025 году. А пока...

“Тоннель” 90-х не отпускает нас. В культурологическом бытии мы просто всосаны в “мыло”. Ор на злободневные темы пикирующих “идейных противников” – тоже “мыло”: всё в мясорубку, всё на фарш!

И с горькой усмешкой мне остаётся ответить своему другу Саше Петрачёву: кому нужен роман или сценарий про твою “Колонну 23”? Или про строптивного генерала Алексея Воронина?! Даже напиши – кто его будет печатать? Или ставить? Коммерческие издательства первым делом проверят запрос на тему в интернете, а его нет. Это два года работы, а у меня дети малые! Поэтому и довольствуюсь лишь очерком, который, надеюсь, могут “поднять” патриотические, как повелось, безгонорарные издания. Оно как-то писателям платить стало не принято: у меня два фильма крутятся по экранам ТВ. Ни копейки. А станешь требовать, “вычеркнут из списков”, как командира “десятки” (так хоть для души утешение, что труд твой востребован). Выпуски моего “Национального героя” представляют собой на сегодня звуковую энциклопедию отечественной истории в лицах. Титанический труд! Предложил диски с готовой программой на один солидный радиоканал. Назвали сумму. Я, было, обрадовался: задарма был готов отдать, лишь бы без пользы не лежали! Оказывается, это с меня – “за раскрутку!” “Приносить лучше наличными”. Так что я, брат, пока со своей “23-й” из “тоннеля” не выбрался, не испытал, так сказать, полного катарсиса.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

“...И ВСЯ ЕЩЁ НЕ ПРОЖИТАЯ ЖИЗНЬ!”

Главы из книги

Книга воспоминаний советского дипломата, комсомольского и партийного деятеля Владимира Даниловича Попова под общим названием “...И вся ещё не прожитая жизнь” — это огромный труд, охватывающий большой период времени от юных лет автора, выросшего в сибирской глубинке, до событий 90-х годов, когда наша страна переживала эпоху развала и одновременно становления новой державы. Наиболее острые страницы воспоминаний автора обращены ко временам его работы в ГДР, знакомству с немецкими товарищами Эрихом Хонеккером и Эгоном Кренцем, ставшими жертвами политического предательства со стороны руководства СССР. Не менее интересна история с попыткой осуществления экономической реформы в бывшем Советском Союзе. Автор принимал самое непосредственное участие в работе Государственной комиссии по экономической реформе, которая, увы, так и не состоялась, что и привело, во многом, к краху СССР. Главы, посвящённые этим событиям, мы и предлагаем вниманию наших читателей.

1. Предательство

... Судьба и на самом деле благоволила ко мне, и как только я всерьёз задумался о завершении работы в ЦК ВЛКСМ, раздался звонок Виктора Максимова Мишина, сменившего на посту первого секретаря ЦК Б. Н. Пастухова, перешедшего на работу председателем Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

— Владимир Данилович, у меня есть к тебе интересное предложение. Я знаю о твоём желании уйти из аппарата, и меня информировали, что тобой интересуются в КГБ. Но есть другой вариант — перейти на работу в МИД и поехать 2-м секретарём посольства в ГДР. Дело в том, что мы имеем квоту в некоторых посольствах, но, как всегда, все кадры, которые рекомендуются для работы за рубежом, в конечном итоге утверждаются Отделом ЦК. Если согласен, я направляю им твоё личное дело, но кандидатуру твою на всякий случай уже назвал.

Не буду скрывать, но я слегка опешил от неожиданного предложения. Дело в том, что зачастую по этой квоте проходили москвичи с известными фамилиями. Эти мысли промелькнули у меня в голове, и я тут же про себя пошутил, что всё правильно, у меня одна из самых известных русских фамилий...

- Вопрос один: чем я буду там заниматься?
- Молодёжными проблемами, в том числе и контактами с ЦК ССНМ (Союз свободной немецкой молодёжи. – Ред.).
- Всё замечательно, но мой немецкий оставляет желать лучшего...
- Это не проблема, – уверенно сказал Мишин. – Выучишь на месте. Так что, договорились?..
- Договорились, спасибо за рекомендацию.

Так спираль моей судьбы продолжала своё движение. Вечером поставил в известность жену и сына о возможной смене места жительства. Семья особого восторга не проявила, что я и предполагал. Три года назад было болезненное расставание с Новосибирском, к Москве они только стали привыкать, и снова переезд, на этот раз за рубеж, в полную неизвестность. Сын расплакался: он девять месяцев ходил на тренировки в ЦСКА в секцию игры в ручной мяч, его стал хвалить тренер, и тут я разрушил его честолюбивые планы стать известным спортсменом.

– Папа, ты губишь во мне спортсмена, – всхлипывая, выговаривал мне мой семиклассник.

Жена обречённо молчала, понимая, что возражать бесполезно, решение уже принято “наверху”. Оформление документов для выезда заняло несколько месяцев. В который раз я поражался неистребимой мощи и последовательности нашей бюрократии. КГБ неоднократно проверяло меня все годы работы в комсомольских органах, я пять раз выезжал за рубеж и только что вернулся из Америки, куда ездил в составе представительной молодёжной делегации. Тем не менее, моя биография вновь рассматривалась под микроскопом. Вновь звонили друзья из Черепаново, бывшие соседи из Новосибирска и докладывали, что их в который раз “пытали”, но они всё вынесли и дали положительную характеристику, и это “дорого мне будет стоить”...

Я, смеясь, с ними соглашался, но просил подождать до моего приезда в родные края. Проверка закончилась, и вышел приказ по МИДу, куда в кадры я сдал свою трудовую книжку. Взамен мне выдали дипломатический паспорт, билеты на поезд Москва–Берлин на 10 ноября и пожелали счастливого пути. За два дня до отъезда из Новосибирска прилетели три близких моему сердцу товарища: Юрий Перекрёстов, Владимир Миронов и Борис Грехов, чтобы морально поддержать меня в “трудный” час. Вместе с московскими друзьями они блестяще выполнили поставленную перед собой цель. Поезд уходил вечером, вся группа поддержки лихо загрузила наши немудрёные пожитки в купе, дружно выпили на посошок стременную, потом закурганную, и вдруг они развернули длинный красный плакат, на котором белыми буквами было написано: **“Он прошёл славный путь – от Елбани до Германии”**. Друзья смеялись от души, видя выражение моего лица, и с серьёзным видом объясняли любознательным пассажирам и провожающим, что Елбань – это столица Сибири, могуществом которой уже столько веков прирастает Россия. По их реакции было понятно, что они ничего не поняли, что ничуть не огорчало моих озорных друзей, которые уже весело пели комсомольские песни. Но особенно им удалась известная казачья со словами: “По Берлинской мостовой // Кони шли на водопой...”. Проводы удались на славу!

Проехали с остановкой Брест, где нас провожали руководители комсомола Белоруссии. Были хорошие слова, благодарность за совместную работу, напутствия и на прощание – товарищеские объятия. Польша промелькнула незаметно, и вот мы уже на главном вокзале Берлина.

Что ожидало нас здесь, мы не знали, кроме того, что сотрудники хозяйственного отдела посольства будут встречать нас на вокзале. Таков порядок. Но вышло иначе: нас приветствовали человек двадцать. Я с лёгким волнением смотрел на незнакомые улыбающиеся лица, дружеские приветствия, огромный букет цветов, подаренный жене, и на душе стало легко – мы приехали к своим. Нас в мгновение ока выгрузили, посадили на машины, и минут через десять все вместе мы были уже в квартире, в которой предстояло прожить четыре года. Встреча была организована в лучших традициях, мои будущие коллеги накрыли стол, и у нас на всякий случай “с собой было”. Не злоупотребляя, потому что рано утром предстояла встреча с послом. Без двадцати восемь за мной зашёл один из встречавших и сопроводил до посольства, представил охране и провёл в приёмную. Помощник посла зашёл в кабинет и тотчас пригласил войти.

Вячеслав Иванович Кочемасов вышел из-за стола, и, пока я шёл по огромному кабинету, он встретил меня на полпути. Поздоровались, приветливо пожал друг другу руки. Посол предложил мне присесть, а сам неспешно обошёл рабочий стол и опустился в кресло. Он был уже немолод, это чувствовалось по той медлительности, с которой он двигался. Но глаза его резко контрастировали с уставшим лицом: живой изучающий взгляд, не терявший своей приветливости. Мне была известна его биография, типичная для государственного деятеля военного поколения. С 1942 года после окончания вуза и до 1948 года был на комсомольской работе в городе Горьком и с должности первого секретаря обкома комсомола перешёл на работу в Москву, где возглавил Молодёжный Антифашистский комитет. С 1949 года по 1956-й он уже был секретарём ЦК. После ухода из ЦК его назначили сначала советником, затем утвердили советником-посланником посольства СССР в ГДР. После работы в аппарате МИДА в должности замначальника отдела перешёл в Госкомитет СССР по культурным связям с зарубежными странами в качестве 1-го заместителя. До назначения в ГДР двадцать один год был заместителем Председателя Правительства РСФСР, курировал вопросы образования, культуры и спорта и, по отзывам сведущих людей, пользовался большим уважением у руководителей этих отраслей и деятелей культуры. Как мне рассказывали, отличался предельной внимательностью к людям, хорошо разбирался в существующих проблемах и, главное, настойчиво решал их. Многие отмечали его работоспособность.

Верительную грамоту он вручил 12 июня 1983 года. Его связывала дружба с Эрихом Хонеккером с конца 40-х годов, когда тот создавал и возглавлял Союз свободной немецкой молодёжи, а Кочемасов был секретарём ЦК ВЛКСМ. Так что решение о назначении члена ЦК КПСС чрезвычайным и полномочным послом в ГДР было продуманным шагом нового руководителя СССР Юрия Андропова. У них были очень доверительные отношения, что, конечно же, имело большое значение для правильного понимания внешней и внутренней политики немецкого государства в те годы, когда после прихода к власти Ю. Андропова начались сначала не очень заметные тектонические сдвиги в СССР, и наши союзники не понимали, чего от нас можно ожидать в условиях возрастающей политической нестабильности в стране...

Но возникшие проблемы в отношениях после избрания М. Горбачёва Генеральным секретарём ЦК партии были ещё впереди, а я тогда скромно сидел в кабинете у своего нового руководителя в ожидании указаний и рекомендаций, от содержания которых зависела моя профессиональная деятельность. Он начал разговор издали, вспомнил сибирский период моей биографии, которую внимательно изучил, и сказал, что хорошо знает выходцев из Новосибирска, работающих в Москве, со многими дружен ещё с комсомольских лет.

– Вы, вероятно, знаете, что я был секретарём ЦК.

– Разумеется, – ответил я. – Мне хорошо известна ваша биография, и Виктор Максимович* просил передавать вам привет и уверял, что проблем у меня во взаимоотношениях не будет, потому что вы “наш человек”.

Вячеслав Иванович весело рассмеялся, было заметно, что ему понравилась эта оценка.

– Что, так и сказал?

– Да.

– Это правильно, мне дорога моя молодость, а она была связана с комсомолом. По сути, я никогда в своей душе не расставался с ним, и где бы ни работал, всегда поддерживал тесные связи с ЦК комсомола и его первыми секретарями. А из Виктора Максимовича получится хороший лидер, это правильное кадровое решение. Лишь бы его не передержали в должности...

Я понимал, что и кого он имел в виду, но тактично промолчал, а он не стал дальше развивать эту щекотливую тему.

– А теперь поговорим о ваших служебных обязанностях. Вы будете курировать отношения министерств высшего и среднего специального образования СССР и ГДР и связи ВЛКСМ с Союзом свободной немецкой молодёжи. Между нашими странами, как вы знаете, существует обмен студентами и аспирантами, и сегодня в вузах ГДР обучается несколько сотен человек. Мы должны иметь исчерпывающую информацию об их учёбе и повседневной жизни.

* В. М. Мишин – первый секретарь ЦК ВЛКСМ.

Поверьте, проблем с ними хватает, вплоть до отправки в распоряжение вузов, направивших их на учёбу... Вы будете в ближайшие дни представлены руководству министерства, и я прошу как можно быстрее вместе с немецкими товарищами посетить все города, где обучается наша молодёжь, повстречаться с ними, определиться, как будете контактировать. В каждом вузе создана первичная комсомольская организация, юноши и девушки не должны отрываться от ВЛКСМ, и потому им нужна помощь в организации работы. Необходимо познакомиться с ректорами вузов и их заместителями, отвечающими за работу с иностранными студентами, и также договориться о взаимодействии. Необходимо, чтобы они постоянно ощущали интерес посольства и знали, к кому обращаться в случае необходимости. Старайтесь регулярно бывать на политических и культурных мероприятиях, которые проходят в вузах с участием нашей молодёжи.

Вторая ваша задача связана с деятельностью ССНМ. Эгон Кренц, как вы знаете, недавно избран секретарём ЦК СЕПГ, он курирует все силовые структуры и многие другие направления государственной деятельности, но и “присматривает” за Эберхардом Аурихом, своим преемником. С Кренцем на очередном приёме я вас познакомлю.

— Я с ним знаком, Вячеслав Иванович, мы неоднократно встречались во время его приездов в Москву.

— Это очень хорошо, но я его попрошу, чтобы он настоятельно посоветовал министерству образования и секретарям ЦК ССНМ доверительно взаимодействовать с вами. Рекомендации, конечно, важны, но старайтесь устанавливать личные контакты. В дипломатической работе это просто необходимо, по себе знаю. Проявляйте инициативу, информируйте меня по мере необходимости, двери кабинета для вас открыты. А сейчас мы пойдём на совещание с дипломатами, которое я провожу по понедельникам, и я вас представлю личному составу.

Я тогда ещё не знал, насколько было важно для моего вхождения в коллектив, чтобы меня представлял именно посол. Оказывается, он это делал в исключительных случаях. Обычно новых сотрудников представляли советники-посланники. Мы вместе зашли в зал, все стоя поприветствовали посла — в этом чувствовалось уважение и не было никакого подхалимажа. Он кратко озвучил мой послужной список, и, вероятно, хорошо зная психологию сотрудников, особенно кадровых дипломатов, многозначительно акцентировал внимание на том, что я рекомендован ЦК комсомола и Отделом ЦК партии, и сказал, за какие вопросы мне предстоит отвечать. В заключение настоятельно попросил всех присутствующих помочь новому сотруднику как можно быстрее войти в жизнь коллектива. Так началась моя работа в посольстве.

С содержанием своих должностных обязанностей я разобрался довольно быстро, набросал план действий и после знакомства с руководством министерства вместе с немецкими коллегами отправился в длительную поездку по городам и вузам ГДР. Это была во всех отношениях полезная командировка, которая мне позволила познакомиться со страной, руководством учебных заведений и оговорить с ними все организационные вопросы. Принимали меня крайне любезно, откровенно информировали по самому широкому кругу вопросов, зачастую выходящих за пределы моего профессионального интереса, что сначала вызывало удивление. Но сотрудники министерства, сопровождавшие меня, с которыми я с удовольствием работал все четыре года, мне намекнули, что всё в порядке, они информированы о поручении Эгона Кренца. Нужно, конечно, знать немецкую исполнительность, а указание “крон-принца”, как его звали в стране, было приказом, который не обсуждается. Авторитет у бывшего лидера молодёжи, который уже давно являлся членом Политбюро, был непререкаемый. Все уже тогда рассматривали его как наиболее реального преемника Хонеккера.

Конечно, основное время было уделено знакомству с нашими студентами и аспирантами. Они были со мной откровенны, поведали о своей жизни в новых для них условиях. В основном, у всех был полный порядок с учёбой и дисциплиной, но чувствовалась их оторванность не только от своей страны, но и друг от друга. Одни обучались в Дрездене, другие — в Лейпциге, третьи — в Йене, Ростоке, Гере, Берлине и Карл-Маркс-Штадте. Многие впервые видели сотрудника посольства, который так дотошно интересовался всеми вопросами их бытия, посещал общежития, в которых они жили, и что-то бесконечно

помечал в своём деловом журнале. Проблемы чисто житейские тоже были, и мы с немецкими коллегами старались решить их во время встреч с руководителями учебных заведений. Поездка затянута на шестнадцать дней, но мы посетили все шесть городов, не считая Берлина, где учились наши студенты в университете им. Гумбольдта.

Пока ездил по городам и весям, меня многие потеряли, потому что никто так много времени не проводил в командировке. По итогам поездки я подготовил обстоятельную аналитическую записку и направил её послу, попросив о встрече. Через день он пригласил меня для беседы. Я ему подробно рассказал о проделанной работе, о состоявшихся встречах, о той информации, которой со мной поделились руководители вузов, и рассказал о самой серьёзной проблеме – оторванности студентов от своих соотечественников и достаточно формальных отношениях со студентами из других социалистических стран. В своей записке я сформулировал предложение о проведении в конце апреля ежегодного слёта студентов соцстран с обязательным торжественным заседанием, в котором будут принимать участие послы всех социалистических стран, министр образования ГДР, секретари ЦК ССНМ и кто-то из секретарей ЦК ВЛКСМ.

– Основными докладчиками будете вы и министр. От вашего имени попросим выступить послов соцстран, заранее получив их согласие. Заседание можно провести в конференц-зале Советского Дома науки и культуры. Он для того и был построен, тем более что его возглавляют бывшие комсомольские работники, которых я знаю много лет. Число участников мероприятия – более пяти тысяч человек. Затем актив численностью 350–400 человек выезжает в один из молодёжных лагерей ССНМ, где с участием работников посольств, отвечающих за работу со студентами, секретарей братских союзов молодёжи проводится двухдневный семинар по методике интернациональной работы, спортивные соревнования и смотр художественной самодеятельности. Это как раз то, что так любит молодёжь. И, на мой взгляд, важно, что именно посольство СССР проявит эту инициативу.

Вячеслав Иванович долго и внимательно смотрел на меня, а потом спросил:

– Владимир Данилович, идея мне нравится, но у меня три вопроса. *Первый*: кто оплатит все затраты на проведение мероприятия, в бюджете посольства нет такой статьи; *второй*: кто это огромное и сложное мероприятие будет организовывать; и *третий*: кто будет отвечать за возможный срыв слёта или непредвиденные политические издержки из-за антисоветских настроений некоторых студентов соцстран? Я понятно сформулировал вопросы, которые меня не могут не волновать?

– Вячеслав Иванович, нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики...

– Вы не отшучивайтесь, цитируя вождя, а чётко отвечайте на мои вопросы.

– Хорошо, отвечаю. Схема оплаты будет примерно следующая: питание студентов оплачивают посольства соцстран или союзы молодёжи; министерство высшего образования ГДР оплатит аренду автобусов, размещения в лагере обеспечит ЦК ССНМ. Он вместе с ЦК ВЛКСМ могут взять на себя значительную долю расходов. Я возглавлю штаб, куда войдут все мои коллеги из посольств. С Мигаш Юрием и Сираковым Иваном – вторыми секретарями посольств Чехословакии и Болгарии – мне уже удалось познакомиться и оговорить многие организационные вопросы. В штабе будут также представители министерства высшего образования и кто-то из ответственных сотрудников ЦК ССНМ, скорее всего, секретарь по международным связям Йоахим Виллердинг. С ним и Эберхардом Аурихом я договорюсь. В Москву уже позвонил, от меня ждут программу и ваше согласие. Поверьте, у меня достаточно опыта, чтобы подготовить и провести такое мероприятие. Что же касается ответственности, разумеется, всё ложится на мои плечи. Прошу поддержать, это будет серьёзная политическая акция. С этой категорией молодёжи ещё никто так не работал.

Посол задумался, медленно подвинул к себе мою записку, внимательно посмотрел на меня и решительно наложил резолюцию: «Очень информативный документ. С предложениями согласен. Прошу подготовить программу и представить на утверждение». Вызвал помощника, велел снять копию, зарегистрировать её и отдать мне. Довольный принятым решением, я поблагодарил его и направился к выходу, и вдруг услышал:

– Интересно начинаете работать, но очень рискованно, не забывайте об этом!..

Не забыл. Слёт прошёл успешно, имел огромный политический резонанс не только в ГДР и других соцстранах, но и в ФРГ, где все ведущие газеты вышли с комментариями о проведённом по инициативе советского посольства молодёжном мероприятии, в котором впервые приняли участие все послы соцстран, руководители молодёжных союзов и государственные деятели страны. Огромное впечатление на многих произвёл митинг и возложение венков в Трептов-парке к монументу Солдату-Освободителю, в котором приняли участие более пяти тысяч юношей и девушек.

За годы работы в Берлине мне удалось провести четыре слёта, каждый раз усложняя программу, разумно сочетая их политическую составляющую с учёбой актива, культурно-массовыми конкурсами и спортивными соревнованиями, к которым советские и другие иностранные студенты готовились несколько месяцев, настраивая себя на победу. Сейчас, по прошествии тридцати лет, просматривая многочисленные фотографии того времени, поражаюсь, как мне это удавалось, откуда брал силы и волю, чтобы раскрутить огромный маховик организационных мер, без которых ничего бы не получилось, а провала мне никто бы не простил, и в этом посол был прав. Я вспоминаю, как секретари парткома, а я был членом бюро, и некоторые “осторожные” сотрудники посольства за неделю до проведения слётов старались обойти меня стороной, переходили на противоположную сторону Беренштрассе – улицы, на которой мы жили, – лишь бы лишний раз не поздороваться. Сегодня это смешно вспоминать, но они и впрямь опасались, что в случае провала, когда меня будут с позором высылать на Родину, их могут обвинить “бдительные” товарищи в дружбе со мной. Разные люди работали в посольстве, но таких было меньшинство, а некоторых, наиболее интересных дипломатов, с которыми я дружил, приглашал на слёты, где они с удовольствием выступали перед молодёжью и в качестве членов жюри принимали участие в различных конкурсах.

По степени физической и психологической нагрузки эти мероприятия напоминали мне военизированные сборы допризывной молодёжи, работавшей на предприятиях Дзержинского района. Мы их ежегодно вывозили на недельные сборы за пределы Новосибирска, где под руководством молодых офицеров из воинских частей они проходили курс молодого бойца. Представьте более тысячи молодых парней, вырванных из обычной жизни, живущих в воинских палатках, которых поднимали в шесть часов утра и целый день муштровали, как настоящих солдат! Но тогда мне помогал весь аппарат райкома, секретари заводских комсомольских организаций и офицеры, каждый из которых командовал взводом. Семь ночей я спал не более двух часов, постоянно проверяя посты, чтобы никто не сбежал в самоволку, ведь лагерь находился рядом с рекой. А желающих показать свою лихость было немало, но мы такие попытки умело пресекали. И каждый раз перед отъездом на сборы секретарь райкома партии по идеологии Г. Л. Лукьянова говорила мне:

– Владимир Данилович, помните: ответите партбилетом.

К угрозам я был привычен, так что напугать меня было сложно. Но как же эти предостережения и напоминание о партбилете утомительно повторялись! Поэтому многие и не спешили проявлять инициативу. Я состоял в партии с 20 лет, и в учётной карточке нет ни одного замечания, не говоря уже о выговорах – даже обидно при моём-то характере бояться брать на себя ответственность! Еле живого, с пониженным давлением меня привозили к посольству, я звонил послу и докладывал, что всё благополучно завершилось.

– Поздравляю, мне уже доложили (службы работали, ничего не скажешь! – Авт.). Жду итоговую записку, но сначала отдохните.

Записка, как всегда, была написана заранее, поэтому утром я вносил коррективы и отдавал в печать, и через час она была уже у него на столе. Следовал звонок, чтобы я зашёл. Ему нравилось, когда его устно информировали. Я делал это в красках, что не позволительно в служебном документе, давал все необходимые характеристики высокопоставленным участникам – для посла это было важно, и мне было понятно его желание владеть полной информацией. Он не забывал ещё раз выразить мне благодарность и советовал, видя усталость на моём лице, чтобы не усердствовал в эти дни на службе. Вот такой у нас был руководитель!

Посольство являет собой всегда очень сложный организм, и это характерно для любой страны. Посол пребывает в ранге диктатора, повелителя или, если хотите, азиатского деспота, можно называть, как вздумается, — не ошибётесь! Всё зависит от характера человека. За пределами государства он его персональное олицетворение, и этим определяется статус. Бывая на приёмах в посольствах разных стран, и не только социалистических, я везде наблюдал одно и то же. Наше не являлось исключением, и лишь личные качества В. И. Кочемасова позволили очеловечить атмосферу, царившую при его предшественнике П. А. Абрахимове, дважды в течение восемнадцати лет возглавлявшем посольство в ГДР, когда все ходили, опустив голову, и были разбиты по кланам в зависимости от ведомства, которое представляли. Я с ним не встречался, но, по мнению многих приличных людей, самодур был редкий и грубый, если не сказать больше, несмотря на то, что прошёл войну и за плечами была огромная школа партийной работы после войны. Мне доверительно полушёпотом рассказывали, что при нём внимательно отслеживали, чтобы отношения строились между дипломатами только одного ранга. Советникам надлежало дружить только с советниками, первым секретарям — с первыми секретарями и т. д. Спросите, почему говорили полушёпотом? Да потому, что опасались за свою карьеру, учитывая его влияние, а в любых зарубежных учреждениях СССР хватало с избытком тех, для кого доносы были профессией, но хватало и добровольных “наушников”, которые зарабатывали себе репутацию “правоверных” советских граждан. Я ещё застал сотрудников, которые замечали только равных себе по рангу, но в течение года многие из них в связи с окончанием командировки отбыли в свои ведомства, а на смену им прибывали другие и попадали уже в иные условия службы, хотя кастовость в отношениях всё равно оставалась. Многие вообще зависят от самих людей. Но мне удалось быстро выстроить ровные отношения почти со всеми дипломатами, в том числе и карьерными. Они быстро поняли, что за моей спиной не только хорошая школа, но и характер, и поэтому на всякий случай вели себя “правильно”. Особенно добрыми были отношения с нашими разведчиками, работавшими под “крышей” посольства, и их руководителем, с которым мы провели немало вечеров, откровенно обсуждая самые тревожные новости, поступавшие с Родины.

Посольство являло собой Советский Союз в миниатюре. Этакая большая советская деревня, в которой работали представители разных ведомств. Рядом с ним находилось здание торгпредства с огромным штатом различных специалистов, представительство Аэрофлота и ещё добрых два десятка различных союзных ведомств. И все, в основном, обитали в одном квартале. Здесь же находилась и средняя школа при посольстве, за деятельностью которой мне было поручено присматривать, что, конечно же, иногда отражалось на моём сыне. Сергею доставалось часто ни за что, тем самым давали понять, что и на меня есть управа, если я буду слишком критиковать дирекцию, а люди там работали очень неоднозначные. Почти все педагоги-женщины были с неудавшейся личной жизнью, в одиночестве воспитывающие детей, которые тоже учились здесь. Собственно, таких и подбирали, потому что работы для мужей в советских организациях за границей не было, на всю школу был всего один мужчина, преподаватель физики. Все дорожили своим рабочим местом, чем пользовалась директриса, превратившаяся в этакое диктатора в юбке. Она была одинока, детей своих не имела, и у неё было огромное желание как можно дольше задержаться в ГДР, чего она и добивалась всеми возможными способами, в том числе воздействуя через детей на высокопоставленных родителей. В этом отношении школа была проблемной, и приходилось “тушить” возникающие конфликты. Но добиться справедливости в такой атмосфере не всегда удавалось. К слову, мой сын достойно перенёс выпавшие на его долю испытания и школу закончил хорошо, что потом помогло ему уже после армии поступить на юридический факультет МГУ и успешно его окончить. Через несколько лет он меня порадовал: защитил диссертацию и получил степень кандидата экономических наук.

Работа в посольстве достаточно монотонна, и я старался как можно больше разнообразить её. Установил доверительные контакты с основными секретарями ЦК ССНМ, мы часто встречались и не только на мероприятиях, которые они с размахом проводили по всей стране, продолжая традиции своих предшественников. Выезжали вместе в Советский Союз на различные встречи,

организуемые ЦК ВЛКСМ, где имели большую возможность для неформального общения, хотя не отказывали себе в этом и в ГДР. Взаимный обмен информацией о проблемах развития был весьма полезен.

С Эгоном Кренцем я встретился в посольстве на приёме, посвящённом Дню Победы, в 1984 году. Он приехал вместе с Эриком Хонеккером и другими членами Политбюро. Уже тогда чувствовалось его особое положение среди остальных руководителей страны, но это ничуть не изменило бывшего авторитетного молодёжного лидера. Он был приветлив со всеми: обнялся с Вячеславом Ивановичем, поздоровался с советниками-посланниками, высшим командным составом Западной группы советских войск в Германии. Когда закончились приветственные речи посла и руководителя ГДР и началось братание, Эгон, не изменяя себе, пошёл в “народ” и неожиданно увидел меня. Оставив всех, он устремился ко мне, мы обнялись, ввергнув о полуобморочное состояние многих наших дипломатов, а затем вышли в просторный холл, где никто не мог помешать нашему разговору. У него была тысяча вопросов о Б. Н. Пастухове, В. М. Мишине и, разумеется, о том, как развиваются события в верхнем эшелоне власти, потому что они получают противоречивую информацию. Что я мог ему рассказать, кроме того, что мы сами пребываем в состоянии тяжелого раздумья...

— Эгон, большие и опытные генеральные секретари не могут вызывать чувства исторического оптимизма. Учитывая доверительность отношений между Хонеккером и Кочемасовым, убеждён, что вы будете своевременно получать объективную информацию.

Он поинтересовался, как складываются отношения с секретарями ЦК ССНМ и министерством высшего образования. Я ответил, что всё находится в развитии, и недавно проведённый по моей инициативе слёт иностранных студентов дал позитивный импульс.

— О слёте меня информировали, это ты хорошо придумал, и идею о проведении их ежегодно я поддерживаю, и все задействованные наши организации получат мои распоряжения. Что-то я не вижу здесь Ауриха? Его что, не пригласили?

— Да нет же, взгляни, “три мушкетёра” стоят и не решаются к нам подойти.

Он, увидев своих воспитанников, радостно махнул им рукой, приглашая присоединиться. Я быстро поймал официанта, у которого “всё было”, мы взяли необходимое, и Кренц поднял тост за нашу общую Победу, братскую дружбу между ССНМ и ВЛКСМ и сказал, что он не сомневается в надёжности товарищеских отношений. Аурих, Фойгт и Виллердинг согласно закивали головой, и мы дружно опрокинули рюмки с хорошей водкой, закрепив наш союз. В это время к нам стремительно подлетел советник-посланник Валентин Коптельцев и, сверкнув на меня гневно глазами, предельно мягко обратился к Эгону:

— Товарищ Кренц, вас все потеряли, товарищи Хонеккер и Кочемасов хотят вас видеть.

Эгон заметил недовольство мной Коптельцевым и, приобняв его, сказал примирительно:

— Валентин, ты на Владимира не сердись, мы старые друзья ещё по комсомолу, и нам (он показал на секретарей ЦК) нужно было кое-что обсудить.

Улыбнувшись и махнув нам рукой, он отправился исполнять протокольные обязанности. А мы, теперь уже “четыре мушкетёра”, вернулись в зал и с аппетитом, в хорошем настроении перекусили и поговорили о жизни. Прощаясь, Аурих сказал мне:

— Я знал, конечно, что ты знаком с Эгоном, но не думал, что у вас такие товарищеские отношения.

— Теперь ты знаешь, — ответил я ему. — Ничто не мешает, чтобы и у нас с тобой и твоими заместителями были такие же отношения.

Должен сказать, что так и получилось.

А моё уединение с Кренцем мне “аукнулось”. Я, откровенно говоря, не ожидал, что это вызовет такую ревность у карьерных дипломатов. Некоторые из них косо смотрели на меня, шушукались по кабинетам и здоровались сквозь зубы. Все знающие ребята из “известного ведомства”, с которыми установились прекрасные отношения, говорили мне, что не стоит удивляться. Каждый из них мечтает о таких отношениях с руководителями страны, что позволило бы сделать головокружительную карьеру, а тут какой-то “безродный” бывший комсомолец на глазах у всех обнимается с ведущим

членом Политбюро и вообще исчезает с ним с глаз долой... "А знаешь, сколько было желающих с ним персонально перебраться парой слов и хотя бы представиться, а потом отчитаться, что состоялась обстоятельная беседа об актуальных проблемах взаимоотношений между нашими странами?.." Я, конечно, внимательно слушал, что говорили мне опытные сотрудники, благодарил их за кружкой пива и успокаивал.

– На контакты меня благословил посол.

Приём был в среду, а в пятницу меня вызвал Вячеслав Иванович. В начале рабочего дня в кабинет заглянул секретарь парткома Чернов К. М., угрюмый человек с глубоко посаженными недобрыми глазами, и сказал, что я переоценил свои силы и получу по первое число.

– А вас-то что это беспокоит?

– Партком в ответе за всё, – важно сказал он и вышел, полный осознания своей значимости.

Вячеслав Иванович встретил меня с доброжелательной улыбкой и, с любопытством посматривая, спросил:

– Не ожидали, что кое у кого будет такая реакция? Привыкайте, здесь каждый окучивает свой участок. Но вы на это не обращайте внимания. Конечно, я сам должен был вас свести, но это же Кренц, он настолько предан СССР и комсомолу, что при встречах с друзьями из ЦК комсомла протокол для него не существует. И я убедился, что вас связывают товарищеские отношения. Меня это радует, мы должны таким отношением будущего руководителя ГДР дорожить. И вы при каждой возможности, когда он будет принимать участие в мероприятиях ССНМ, продолжайте с ним контакты и советуйтесь со мной, что с ним нужно обсудить. А завистникам я подскажу, чтобы вели себя по-товарищески.

– Не забудьте только о советниках-посланниках, особенно о Коптельцеве, многое от них исходит.

– Хорошо. Расскажите, о чём вы шептались?

Разумеется, я рассказал, что ему понравилась идея слёта, и он ещё звонит министру, чтобы его сотрудники помогли мне. Ауриху велено дружить со мной, а вообще-то его волнует нестабильность в нашем высшем политическом руководстве, но подошедший Коптельцев помешал нам продолжить разговор, немного слукавил я, будучи не уверенным, что мои слова и о нашем беспокойстве будут положительно восприняты. По реакции посла я почувствовал, что он доволен. С настроением победителя я вышел из кабинета и услышал доброжелательно вслед:

– Не забывайте со мной советоваться!

Эти слова, а главное – доброжелательную интонацию услышали все, толкавшиеся в приёмной. Среди них почему-то оказались Чернов и Коптельцев. Если первый ошарашенно смотрел на мою улыбающуюся физиономию, то умный советник-посланник, всё поняв, вежливо со мной поздоровался и к чему-то спросил:

– Вячеслав Иванович один?

– Да, – доверительно ответил я. – Можно заходить.

Что он тотчас и сделал. Постепенно наши отношения с ним нормализовались, и никаких проблем больше не возникало, а карьерные дипломаты нос держали по ветру и стали на всякий случай дружно общаться со мной.

Годы работы в ГДР были очень плодотворными для меня. Я получил доступ к информации, изучение которой заставило меня во многом пересмотреть свои и без того не очень ортодоксальные взгляды на реальный социализм, природу наших коммунистических партий и их внутреннюю политику. Исколесив страну вдоль и поперёк, постоянно встречаясь с немецкой вузовской интеллигенцией, с руководством ССНМ, читая выходявшие в ФРГ аналитические работы, посвящённые развитию отношений двух немецких государств, я приходил к выводу, что будущего у ГДР нет, если руководство СЕПГ не изменит в разумных пределах своего отношения к обществу, и полные оптимизма слова Эриха Хонеккера, что объединение Германии возможно, но только если ФРГ к ней присоединится, не имеют никаких оснований.

Пришло понимание главного: без всесторонней поддержки СССР ГДР не продержится и года. Но с избранием М. Горбачёва Генеральным секретарём мне постепенно стало понятно, что и будущее Советского Союза тоже неясно...

Летом 2004 года раздался телефонный звонок, и я услышал дорогой мне голос Евгения Михайловича Тяжелникова:

— Спешу сообщить, что Эгон Кренц вышел из тюрьмы и приезжает в Москву. Он хочет поскорее увидеть старых друзей.

Мы все ждали этого дня, все годы заключения нашего товарища пережили, посылали ему приветы и пожелания здоровья и мужества. Для молодёжи социалистических стран 70-х годов Эгон Кренц был во многом знаковой фигурой. В течение десяти лет он возглавлял ЦК ССНМ (Союз свободной немецкой молодёжи), являлся признанным лидером молодёжи ГДР, обладал огромнейшим авторитетом не только в своей стране, но и в мировом молодёжном движении. Я уже писал, что после избрания секретарём и членом Политбюро ЦК СЕПГ именно с ним большинство граждан ГДР связывали свои надежды на развитие страны, демократизацию общественных отношений, создание условий для более близких экономических и, что очень важно, гуманитарных связей с ФРГ. Тяга восточных немцев к объединению из года в год усиливалась, тем более, что уровень социально-экономического развития Западной Германии был весьма привлекателен. Я не согласен с теми, кто утверждает, что “консерватор” Эрих Хонеккер не осознавал неизбежности перемен. Многолетний руководитель партии и государства всё прекрасно понимал, являлся умным и сильным политиком, за плечами которого была активная борьба с фашистским режимом, десять лет тюремного заключения и огромный опыт строительства первого в мире немецкого социалистического государства. Он был ярчайшим представителем “активистов первого часа”, как их с уважением называли в народе, создававших страну после окончания войны, но его политическое время ушло, и не было уже былой воли, да и физических сил для проведения назревших реформ. И самое тяжкое: он больше не верил Москве и, прежде всего, Михаилу Горбачёву. С уходом из жизни Юрия Андропова он тотчас почувствовал, что в Кремле дела неладные и великий Советский Союз вошёл в несчастливую полосу своей истории. Безответственная демагогия тщеславного “Горби”, его вероломство и бесконечные метания усиливали действие центробежных сил в странах народной демократии.

17–21 апреля 1986 года состоялся 11-й съезд СЕПГ, в котором приняла участие и делегация КПСС во главе с М. С. Горбачёвым, которого по традиции встречали как самого дорогого гостя, что, несомненно, очень льстило ему. Его супруге, прибывшей с ним, была предложена отдельная программа знакомства с ГДР, и её тоже принимали на самом высоком уровне, что ей нравилось. Она буквально “купалась” в атмосфере добродетельности, и рядом с ней неотлучно была жена и соратник Хонеккера Маргот, уже 23 года возглавлявшая Министерство образования страны. У меня создалось впечатление, наблюдая по телевидению, когда она посещала различные организации, музеи и театры, что Раиса Максимовна видела себя стоящей несколько выше на социальной лестнице, чем муж. Мои выводы подтвердили и работники посольства, по долгу службы сопровождавшие жену Михаила Сергеевича. Они были не случайной семейной парой, это уж точно. Во время личной встречи двух лидеров соцстран Хонеккер, как писал Кренц, откровенно выразил сомнения в обоснованности политики ЦК КПСС и методах проведения объявленных реформ. Горбачёв этого не забыл, оскорблённое самолюбие не позволило. Он был так же своевременно информирован о взаимоотношениях двух немецких государств и настроениях в обществе ГДР. Председатель Совета Министров Вилли Штоф передал ему обстоятельную аналитическую записку. Во время его визита мы, сотрудники посольства, были удручены, наблюдая подчёркнутую сдержанность Э. Хонеккера к изобретателю “нового мышления для СССР и всего мира”.

Предательство свершилось, “подкоп” под Берлинскую стену, совершённый с негласным участием единомышленников Горбачёва в ЦК и спецслужб ФРГ, обрушил границу всего Восточного блока.

Телевидение и газеты Советского Союза, контролируемые “прорабами перестройки”, буквально захлебывались от восторга по поводу очередного “торжества демократии и общечеловеческих ценностей”. Я в те дни находясь в Бонне на стажировке в правительственных организациях ФРГ, но особенного восторга среди чиновников и жителей столицы не наблюдал. Скажу так:

открытие границ и разрушение Берлинской стены было воспринято со сдержанным удовлетворением, этого события ждали, и благодаря масс-медиа, сознание граждан Федеративной Республики было готово воспринимать “правильно” произошедшее. Всеобщее ликование было только в Берлине, и происходящее на его улицах напоминало хорошо подготовленную театрализованную постановку. Весь вечер я, обхватив голову руками, просидел возле телевизора и наблюдал бесконечные репортажи о том, что происходило в столице ГДР. На душе было грустно и тревожно, от того, что это было мной ожидаемо, легче не становилось. Не покидала пульсирующая мысль, что мы видим только начало, главные беды у нас впереди. Зримо представил многих, уже преклонных лет “активистов первого часа”, которые приходили на приёмы в советское посольство, как в дом родной, и с удовольствием говорили на русском языке, своих немецких коллег, с кем дружно работал, секретарей ЦК ССНМ и, конечно, с тревогой думал о Кренце и о бывших и настоящих руководителях ГДР. Что их ждёт в ближайшем будущем? Сомнений не было: расправа.

С Эгоном Кренцем я не виделся со дня возвращения из ГДР. Мне хотелось понять состояние души этого уже немолодого человека, которому после объединения пришлось отвечать перед неправедным судом за всю политику по отношению к ФРГ и Западу, проводимую руководством ГДР с момента её создания в 1949 году. Незаурядного политика и просто честного, мужественного человека начали преследовать с 1991 года, неоднократно подвергали аресту, проводили регулярные обыски дома, не выдавали паспорт и запретили выезд за черту Берлина. 25 августа 1997 года в результате так называемого “процесса Политбюро”, длившегося два года, его приговорили к 6,5 года тюремного заключения за “причастность к гибели людей у Берлинской стены”. Осудили по законам другой страны за то, что он следовал Конституции и исполнял законы суверенного государства, признанного мировым сообществом и являвшегося членом ООН. Бросили в застенки, если отбросить всю ничтожную юридическую казуистику, за политические убеждения, верность интернациональному долгу, любовь к Советскому Союзу, своей второй Родине, как он говорил. Тюрьмы Маобит и в Плётцензее открыли ему свои врата. . .

Россия, объявив себя правопреемницей СССР, в лице её вождей презрела свои политические и моральные обязательства по отношению к верному союзнику и другу нашей страны, оставшемуся преданным долгу и убеждениям.

На суде Кренц защищал свои убеждения, и речь его была блистательна. По мощи, аргументации, неумолимой логике и страстности она сродни речи Георгия Димитрова на Лейпцигском процессе в декабре 1933 года, когда его обвинили в поджоге Рейхстага. Адвокаты Кренца подали прошение в Европейский суд по правам человека, рассмотрение дошло до Большой палаты, но 22 марта 2001 года оно было отклонено. Я долго искал в интернете, кто от России был в составе этого суда и проголосовал за принятое решение. Нашёл-таки фамилию ничтожества – Анатолий Ковлер, просиживавший там штаны с 1999 по 2012 годы.

Единожды предавший будет предавать всегда. Начали с ГДР и закончили позорной сдачей Эрика Хонеккера и его соратников. Но не только. Были осуждены сотни бывших партийных, военных руководителей, сотрудников госбезопасности и пограничников. На все творившееся беззаконие Горбачёв, а потом и Ельцин равнодушно закрыли глаза. Первое время бывший глава партии и государства был под защитой наших военных Западной группы войск, а затем его на военном самолёте привезли в Москву якобы как личного гостя Горбачёва. Но гостеприимство коварного “лучшего немца” продлилось недолго, и 10 декабря 1991 года ему было предложено в течение 3-х дней покинуть СССР. Хонеккер получил политическое убежище в посольстве Чили, но 30 июля 1992 года его выдали ФРГ, где уже подготовились к судебному процессу над ним, Вилли Штофом и министром госбезопасности Эрихом Мильке. Как только он приземлился в берлинском аэропорту Тегель, был тотчас водворён в тюрьму Маобит, где уже сидел в гитлеровской Германии, арестованный в 1935 году, 57 лет тому назад. Круг судьбы замкнулся. В своих записках, адресованных жене, он дал убийственную характеристику Михаилу Горбачёву, назвав его мелким тщеславным буржуа от “перестройки”, предателем, который, очевидно, даже не заметил, как стал подлецом. “Есть ли

совесть у этого Горбачёва?» — задавал он вопрос. «Нет, товарищ Хонеккер, — отвечаю уже я. — Это нравственное состояние сознания ему неведомо, и всё его поведение после распада СССР — тому убедительное свидетельство».

Судебные слушания начались под барабанную дробь всех масс-медиа, которые просто захлёбывались от предчувствия радостных новостей. Но не случилось: процесс против него и Штофа был прекращён по состоянию их здоровья, а Мильке 23 октября 1993 года осудили в возрасте 85 лет к шести годам тюрьмы за убийство двух полицейских ещё в 1931 году в Веймарской республике, но первого августа 1995 года его тоже выпустили в связи с преклонным возрастом. Эрик Хонеккер в январе 1993 года получил разрешение уехать в Чили к семье, где и скончался в Сантьяго-де-Чили от рака 29 мая 1994 года. Он прожил жизнь борца и покинул этот мир несломленным. Великая судьба антифашиста и коммуниста! Вечная ему память.

Не могу в этой связи не показать читателю одну из отвратительных черт политической физиономии Бориса Ельцина, о котором в своих тюремных записках бывший руководитель ГДР сказал, что **хотя бы здесь он освобождён от необходимости общаться с этим пьяницей**. Хамелеон был ещё тот, первый президент России! В 1986 году в качестве 1-го секретаря Московского ГК КПСС он был гостем партийного съезда коммунистов ФРГ, где в своём выступлении, хотя и косноязычно, но, как всегда, громко призывал делегатов строить социализм по примеру ГДР. А до этого, в 1985 году вместе с Хонеккером открывал в Москве памятник Эрнсту Тельману, говорил патриотическую речь и душил в медвежьих объятиях худенького руководителя ГДР. Но прошло каких-то пять лет и, желая понравиться канцлеру ФРГ, зная о смертельной болезни Хонеккера, насильно выдворил бывшего соратника из России, прекрасно понимая, что того ждёт неправедный суд... Такова была мораль у бывших руководителей КПСС. Удивляться не приходится, ген предательства, видимо, у них был в крови. Многие просто не знают, что руководство ВКП(б) в конце 1939-го и начале 1940 года многих антифашистов, эмигрировавших в СССР, выдало фашистской Германии. Мотив тот же — Сталин тоже не хотел портить отношения с Гитлером. Об этом нельзя было прочитать в учебниках по истории в годы советской власти, не прочтёте вы в современных учебниках и о предательстве руководства России.

... Мы встретились на территории бывшей Высшей комсомольской школы, ныне Московского гуманитарного университета. Ректор, Игорь Михайлович Ильинский, мой земляк, встретил гостя и нас с поистине сибирским хлебобосольством. В жизни бывают удивительные совпадения: Е. К. Лигачёв, И. М. Ильинский и я в разные годы возглавляли Дзержинский райком комсомола г. Новосибирска. Волнующая наша встреча была дополнена щедрым русским застольем и задушевными песнями 60–70-х годов. Рядом с Эгоном находились его многолетние друзья, бывшие секретари ЦК ВЛКСМ Е. М. Тяжельников, Б. Н. Пастухов, В. М. Мишин, А. Х. Везиров, Л. И. Швецова. Казалось, время вернулось вспять, не было этих лет безвременья и предательства. Я сидел напротив Эгона и его жены Эрики, произвольно следил за выражением их лиц и видел, как спадало напряжение, в потеплевших глазах появлялся молодой блеск, и они начинали улыбаться, видя нашу радость от встречи. Он с нескрываемым удовольствием говорил только по-русски, видимо, хотел этим показать, что ничто не забыто и ему дороги и наша речь, и наши песни. Немного отойдя душой, нашёл в себе силы вспомнить трагедию конца 80-х годов и чего ему стоило, осознав предательство Горбачёва и неотвратимость стихийного падения Берлинской стены, избежать крови, которая могла пролиться на улицы Берлина. А ведь в его руках, как я уже писал, была мощная армия и силовые структуры, которые, без сомнения, выполнили бы приказ главы государства. **Он не отдал его, тем самым сохранил жизнь людей, своих соотечественников**. И никто ему не судья, кроме истории.

На следующий день пошли вместе в Кремлёвские музеи. Стояли, как и все, в очереди, ярко светило солнце, на душе было тепло, мы шутили и весело смеялись. Как это часто в жизни неожиданно бывает, рядом оказались немецкие туристы. Эгона сразу узнали и начали перешёптываться. Затем один из них подошёл, вежливо с рукопожатием поздоровался и сказал, что они все рады его освобождению и им отраднее видеть их с супругой здесь, в Кремле, в кругу русских друзей. Прощаясь, я спросил Кренца, какие у него

ощущения от посещения России, ведь прошло пятнадцать лет с момента его последнего приезда в Москву. Он немного задумался и ответил, что они с женой сильно волновались перед поездкой, так как многие настоятельно советовали им этого не делать. Они переживали за его здоровье, обоснованно опасались, что ему будет очень больно, если он поймёт, что приехал в незнакомую, чужую страну.

— Но знаешь, к счастью, этого не произошло. Снова почувствовал себя дома, как в старые добрые времена. Я много передумал, находясь в тюрьме. Как ты понимаешь, времени было более чем достаточно, и я решил, что обязан после себя оставить правду о нашем времени, а для этого должен написать книгу, и не одну. Мне ведь по суду запрещено заниматься политикой. В заключении я собрал волю в кулак и написал “Тюремные записки”, буду читать лекции, рассказывать правду о ГДР, о социализме, потому что убеждён: **если не социализм, то значит варварство**. Мне есть что сказать людям, о чём должен предупредить сограждан. Жизнь, Владимир, продолжается.

Очередная встреча произошла в январе 2008 года на 80-летию Е. М. Тяжельникова. Мы обрадовались друг другу, уединились минут на тридцать и по душам поговорили. А потом начались поздравления нашего дорогого юбиляра, и, когда ему предоставили слово, он очень тепло и искренне говорил о своём друге, его мудрости и человечности и благодарил всех нас за многолетнюю дружбу.

— Вы были моей нравственной поддержкой в самые трудные для меня годы. Я этого никогда не забуду, мои советские товарищи.

У меня всегда перед глазами цветная фотография с той памятной встречи у И. М. Ильинского. Прошло уже тринадцать лет. На ней дорогие мне лица, о которых я уже упоминал, и среди них Ф. С. Санаков, которому посвящена отдельная глава моей новой книги, а также директор издательства “Молодая гвардия” В. Ф. Юркин. Увы, жизнь состоит не только из радостных встреч, но и из трагедий. Несколько лет тому назад покинула этот мир Людмила Ивановна Швецова, а в прошлом году ушла от нас супруга и верный друг всей трудной жизни Эгона, Эрика. Светлая им память! 13 марта 2017 года нашему боевому соратнику исполнилось 80 лет, а 6 ноября этого же года поздно вечером раздался звонок, и я услышал знакомый голос:

— Владимир, это Эгон. Приветствую тебя, друг, как здоровье, держись? Я приехал по приглашению Геннадия Зюганова на торжества по случаю юбилея Октябрьской революции, и мы только что вернулись из Петербурга. Программа очень плотная, через два дня улетаю. Но надеюсь увидеть тебя на торжествах, посвящённых 100-летию Ленинского комсомола. Приеду обязательно.

Конечно, я был взволнован звонком, сказал, что написал монографию о России в XX веке и заканчиваю воспоминания, где есть страницы, посвящённые моей работе в ГДР и ему. Так что при встрече смогу подарить ему свои новые книги. На этом мы простились и пожелали друг другу встречи через год.

Да, мой читатель, Эгон Кренц прав — жизнь продолжается, и важно понять, куда влечёт нас рок событий и где в этом непредсказуемом течении времени твоё место. Ясно одно, что нужно иметь мужество воспринимать день сегодняшней таким, каков он есть, но ещё большее мужества требуется для того, чтобы выработать и отстаивать свою точку зрения, независимо от возраста и обстоятельств, не изменять принципам, которые были в тебя заложены в юности.

2. Госкомиссия

В 1989 году меня пригласили в Госкомиссию по экономической реформе при Совмине СССР на должность заведующего сектором. Это означало, что пришло время прощаться с Академией общественных наук (АОН) при ЦК КПСС, где оставалось много хороших товарищей среди преподавателей и аспирантов, которые, в отличие от меня, не спешили с защитой диссертации, решив продлить себе необременительную жизнь в предчувствии тяжких времен. По прошествии почти тридцати лет продолжаю дружить с Олегом Цаголовым, живущим по-прежнему во Владикавказе и работающим главным редактором старейшего на Кавказе книжного издательства, Михаилом Жеребкиным, обосновавшимся несколько лет тому назад в Ялте, Михаилом Тихоновым и Че-

рёмухиным Виктором. Михаил защитил докторскую диссертацию и преподаёт сейчас в Крымском федеральном университете историю России. Второй Михаил тоже успешно защитил докторскую и работает первым заместителем руководителя департамента образования мэрии г. Москвы. Черёмухин сделал блестящую карьеру, создавал и многие годы руководил пресс-службами Государственной Думы и Федерального собрания, а последние годы являлся секретарём Московского союза журналистов. Более трудолюбивого и ответственного человека сложно представить. А два года назад он создал исторический клуб “Моё Отечество”, который возглавил вместе с известным политиком Сергеем Бабуриным. Я, разумеется, с самого начала стал членом этого дискуссионного клуба и стараюсь быть полезным, выступая с докладами и в прениях по обсуждаемым вопросам. Дорожу моими отношениями ещё с одним выпускником академии, доктором политических наук Виктором Мостовым, много лет проработавшим в Администрации Президента и сохранившим независимость в оценке проводимой в стране политики. Честно скажу, каждый из моих друзей достоин отдельной главы. Я ими очень горжусь.

Итак, академия в прошлом, и я переступил порог Совмина СССР. Что сразу неприятно удивило – важнейший правительственный орган был укомплектован только наполовину. Бюрократическая машина работала со скрипом, было слышно, как натужно скрипят её ржавые колеса и шестерёнки, и постоянно обрываются приводные ремни. На улицах Москвы бушевала “демшизовская” стихия, но в распорядке работы кадровой службы правительства ничего не менялось. Кандидатуры рассматривали в микроскоп; снова сотрудники КГБ проверяли достоверность сведений, изложенных в анкете: где родился, крестился, был ли в плену или на оккупированной территории, проживают ли за границей родственники и поддерживаешь ли ты с ними отношения. Для этой публики время остановилось уже давно, и они добросовестно отработывали свой хлеб. Документы гуляли по этажам месяца три, а то и четыре. Несомненным прогрессом было обязательное тестирование, которое проходили все кандидаты. Нужно было ответить на несколько сотен вопросов. Некоторых отсеивали сразу – не набирали нужного количества баллов. Я, похвалюсь, показал максимально возможный результат и начал проходить собеседования. Сразу познакомился с руководителем аппарата Комиссии в ранге министра П. М. Кацурой и заместителем Совмина СССР Абалкиным Л. И. С Петром Макаровичем долгие годы в дальнейшем нас связывали товарищеские отношения. Ими было принято решение не дожидаться окончания проверок и всех остальных бюрократических процедур, а сразу мне приступить к работе. Против такого проявления управленческой мудрости я, конечно, не возражал, потому что времени для принятия каких-либо стабилизирующих мер в стране было в обрез. И убедившись, что я что-то соображаю в макроэкономике и теории управления системами, меня включили в группу, которой надлежало в установленные сроки написать Программу перехода к рыночным отношениям.

“Больше социализма!” – кто помнит тогдашний горбачёвский лозунг? Все кругом были одержимы демократическим и гражданским пафосом. “Концерты экономистов” собирали толпы. Общественное мнение, увы, оказалось podatливо на обольщения рыночных “савонарол”. Большая часть сотрудников Комиссии отдавала себе отчёт, что перевод зрелого, но стагнирующего планового хозяйства сверхдержавы на рыночные рельсы невероятно сложен в интеллектуальном, организационном и политическом отношении, ибо этот перелом затронет миллионы человеческих судеб. С нами сотрудничали самые светлые головы Академии наук, Госплана, различных общесоюзных министерств, и мы все понимали опасность псевдорыночного экстремизма.

Но искуc простых и быстрых решений был велик, на него повелись и многие не искуcшенные в экономике политики, выскочившие, как чёрт из табакерки, из различных заштатных НИИ и кафедральных лабораторий.

В обществе на глазах назревал раскол. Диаметрально различные подходы к реформированию народного хозяйства проявились и в Комиссии. Группа Ясина, Явлинского и Алексашенко объединилась в команду и, не мудрствуя лукаво, взяв за основу программу поляка Бальцеровича, начала “творчески” её перерабатывать, пробуя подогнать под условия СССР. В итоге появился документ с многообещающим названием “500 дней”, который шумно рекламировали, навязывали всем, кому можно, но результата не добились, потому что

было очевидно: предложенные меры нежизнеспособны, разработчики не знали всей сложности функционирования народнохозяйственного комплекса страны. Родившийся документ являл собой классический образец авантюристического подхода к проведению реформ. Но **химеры “регионального хозрасчёта”, а потом и “обвальной приватизации”, как крапивное семя, уже были посеяны в разгорячённом общественном сознании.** Наша группа стояла жёстко на том, чтобы органично соединить рыночные и плановые регуляторы при модернизации экономики. Но не тут-то было! “Прорабы” перестройки неистовствовали: “Даёшь!” Раздоры, интриги лихорадили и Старую площадь: **14 марта 1990 года КПСС лишилась закреплённой в Конституции руководящей роли в жизни страны.** Траур поселился в партийных органах, многие сотрудники начали лихорадочно подыскивать запасные варианты. В тяжёлых предчувствиях, угнетаемые двусмысленностью всего происходящего на самом “верху”, мы, всему наперекор, добросовестно выверяли “лоцию” перехода к многоукладной экономике. В решающий момент, когда уже появились соперничающие популистские программы, Горбачёв, со свойственным ему вероломством и самонадеянностью, граничащей с глупостью, переметнулся от нас, **предал умного, но нерешительного Николая Ивановича Рыжкова и ещё более робкого, добрейшей души человека академика Леонида Ивановича Абалкина, возглавлявших нашу команду, и сговорился с ярым своим “ненавистником” Ельциным и “отцами” демократии, стоявшими за его спиной.** Это произошло на наших глазах, о чём читатель прочтёт во втором издании моей книги “Россия: испытание Смутой”. Предложенная нами программа была оболгана и, разумеется, не востребована, и мы оказались не ко двору. Отсутствие перспективы парализовало работу Комиссии, сотрудники стали просто отбывать трудовую повинность и думать, к какому лагерю пристать.

Прежде чем принять решение о своей дальнейшей судьбе, я решил сходить к заместителю Генерального секретаря ЦК КПСС Владимиру Антоновичу Ивашко и рассказать, чем грозит решение Горбачёва отказаться от программы правительства, и поделиться соображениями, что может произойти с профессиональными кадрами после прихода к власти Ельцина. Утром позвонил по “вертушке” в его приёмную, представился и попросил соединить с ним. Трубку взял помощник, он секунд тридцать не мог выговорить ни единого слова от возмущения, что какой-то завсектором Совмина запросто просит соединить его с самим Ивашко.

— Вы отдаёте отчёт в своём поступке, — придя в сознание, но всё ещё заикаясь, выдавил он из себя. — Вы понимаете, что это не ваш уровень? Ему Абалкин, и тот звонит крайне редко.

— Вот и плохо, — спокойно ответил я. — Если бы звонил чаще, то не было бы необходимости мне вас тревожить, и поэтому не теряйте даром времени и доложите Владимиру Антоновичу, что с ним по важному делу безотлагательно хочет поговорить коммунист Попов Владимир Данилович. Я советую вам это сделать, или вы забыли, что страна живёт уже несколько лет в другом измерении.

Что-то продолжая возмущённо бормотать, он соединил меня с Ивашко.

— Здравствуйте Владимир Данилович! — раздался спокойный голос. — Вы хотите что-то мне сообщить?

— Да, но это не телефонный разговор, поэтому прошу меня принять, есть серьёзный разговор.

— Хорошо, сможете подойти в 14 часов?

— Конечно, только пусть ваш строгий помощник закажет мне пропуск, а то по удостоверению сотрудника Совмина в здание ЦК не пускают.

— Слушайте, а я этого и не знал...

За пятнадцать минут до назначенного времени я уже объявился в его приёмной и предупредил о своём прибытии. Мне предложили присесть, но, честно признаюсь, ждать в приёмных я никогда не любил, поэтому вышел в коридор и неспешно прогуливался по нему, ожидая вызова. Минут через десять показались два огромных охранника, за ними я не сразу заметил невысокого хозяина кабинета. Через минуту и я зашёл в приёмную. Мне тотчас предложили пройти к Ивашко, что произвело на меня должное впечатление. Владимир Антонович вышел из-за стола и, приветливо улыбаясь, пошёл ко мне навстречу.

– Точность – вежливость королей, – как можно теплее, чтобы это не выглядело нахальством, пошутил я, показывая на часы.

– Да, Владимир Данилович, я тоже никогда не любил тратить впустую время в приёмных у начальников, – ответил он, не скрывая, что моя “тонкая лесть” ему понравилась.

Продолжая улыбаться, он пригласил меня за стол и предложил традиционного чая с сушками.

– Я, признаюсь, успел пообедать, но от чая не откажусь... Каким временем я располагаю?

– Как пойдёт разговор... Мне не часто приходится встречаться с завсекторами правительства. Вероятно, не частный случай заставил вас позвонить мне?..

– Это вы точно сказали – не частный... .

Принесли чай с сушками, чему я был рад, потому что остался без обеда, не до этого было – готовился к встрече, проигрывая различные варианты, исходя из времени, которым буду располагать. Сделав глоток ароматного напитка, рассказал ему, чем наша рабочая группа в Комиссии занималась последний год, какого качества программу перехода к рынку мы подготовили и какие принципы были заложены при её создании. Повадал и о том, как мы стали невольными свидетелями, когда Горбачёв, не видевший даже в глаза наш труд, позвонил с юга, где он отдыхал, Н. И. Рыжкову и, не дослушав его информацию о завершении работы, тоном, не терпящим возражений, сказал, что поручил готовить проект реформы академику А. Г. Аганбегяну, который должен использовать проекты Явлинского и других сторонников радикальных реформ. “Ваши наработки тоже можете передать ему”, – сказал он. Я старался говорить чётко, обращая его внимание на те детали, где прячется чертовщина и чем для страны может закончиться желание провести реформы наскоком, без учёта реальных возможностей экономики СССР и управленческих кадров. Слушал он очень внимательно, удивление не покидало его лица. На секунду прервал меня, позвонил помощнику и велел перенести намеченные встречи на неопределённое время.

– Вы знаете, впервые об этом слышу. Горбачёв мне ничего не говорил о принятом им решении, хотя только вчера я с ним разговаривал. Меня тоже не знакомили с разработанной в Комиссии программой, я её немедленно затребую.

Он снова взялся за телефон, связался с Абалкиным и попросил прислать ему срочно проект. После этого настала его очередь говорить. Он поделился своим профессиональным опытом, повадал, как возглавлял группу советников от ЦК КПСС в Афганистане и как непросто было там работать. Я, конечно, внимательно слушал и никак не мог понять, какое отношение его “консультативная” деятельность в этой стране, из которой мы были вынуждены уйти, имеет к программе перехода к рынку. Оказывается, на него незабываемое впечатление произвели базары, которые они иногда под охраной взвода десантников посещали.

– Знаете, Владимир Данилович, что поразительно? Нищая страна, а на рынке изобилие, можно купить, что душа пожелает, были бы деньги... .

Я осторожно, чтобы не нарушить атмосферу разговора, поддакивал ему и тактично старался объяснить, что это не рынок, а азиатский традиционный базар, где, как в Греции, “всё есть”. Он смеялся и отвечал, что это и удивительно. Постепенно удалось вернуть его к теме нашей встречи и корректно выразить удивление, что такие важные для страны вопросы, как принятие или непринятие программы кардинальных реформ, определяющих судьбу страны, не рассматриваются в Социально-экономическом отделе ЦК и не выносятся на рассмотрение Секретариата и Политбюро. При всём уважении к Генеральному секретарю партии, это не может быть только его компетенцией. Он, конечно, ещё и Президент страны, но есть Верховный Совет СССР, и только он правомочен придавать таким программам силу закона. Владимир Антонович, что опять-таки меня приятно удивило, живо отреагировал на эти слова и ответил, что постарается внимательно во всём разобраться. Тогда я предложил ему обсудить ещё один не менее важный вопрос.

– Давайте, давайте, Владимир Данилович, внимательно слушаю.

– Независимо от того, какая программа будет принята, осуществлять её будут люди. Согласитесь, что сегодня наши управленческие кадры к этому не

готовы, они выросли в условиях планового хозяйства, и им придётся переучиваться на ходу, а это далеко не всем будет под силу, и мы потеряем хороших специалистов. Наша задача — их сохранить, для чего нужно незамедлительно организовать обучение законам рыночной экономики, чтобы помочь им изменить своё поведение в новых экономических условиях. Тем более, это необходимо делать именно сейчас, потому что, если будет принята программа радикальной реформы, они “поплывут”, растеряются, и управление не только предприятиями, но и целыми отраслями захватят авантюристы, мошенники и, разумеется, “теневики”, которые уже легализовали свой бизнес в кооперативах. Вся эта публика имеет уголовное мышление. В таком случае будет потеряна управляемость и в народном хозяйстве наступит хаос.

— Владимир Данилович, не сомневайтесь, партия этого не допустит, поверьте, мы крайне озабочены тем, что происходит в стране.

— Уважаемый Владимир Антонович, поздно быть просто озабоченными. ЦК КПСС своим соглашением уже породила серьёзные проблемы, создав коммунистическую партию РСФСР, тем самым ослабив центр. Я уже не говорю об отмене шестой статьи Конституции. Прибалтийские республики фактически вышли из состава СССР, восстановив действие буржуазных конституций, а компартия Эстонии заявила о своей независимости от КПСС, и этот процесс уже не остановить. Это не только политическая сторона начавшегося распада Советского Союза. Как следствие, будет разрушен народно-хозяйственный комплекс, разорваны кооперационные связи, которые нарабатывались многие десятилетия, заводы встанут, рабочие окажутся на улице. Националистические кадры, захватившие власть в союзных республиках, сделают всё, чтобы разорвать даже во вред себе экономические отношения с РСФСР. Им на волне национализма и порождённого им хаоса легче удерживать власть, а где эта “бубонная чума” XX века восторжествует, коммунистическая идеология будет надёжно похоронена в обломках советской власти. Тогда и начнутся неизбежные гонения на коммунистов и массовое изгнание русских и всех противников новых режимов. Представьте только, сколько миллионов обездоленных людей приедут в Россию, спасаясь от террора. Задача местных элит предельно ясна — создать независимые государства без русских. Это способ их выживания, потому что за душой у них, кроме оголтелого национализма, которым они прикрывают свои шкурные интересы, ничего нет. А теперь представьте, с какими проблемами столкнётся руководство коммунистической партии в России в условиях разрухи и потери управляемости... Аналогичные процессы протекают уже в автономных республиках и областях РСФСР, где новоявленные народные вожди выползли из “подполья”, и они также мечтают о суверенитете. Кто всё эти проблемы будет разруливать? На кого смогут опереться партийные органы на местах, чтобы **сохранить свою руководящую роль на деле**, а врагов у нас и внутри России более чем достаточно.

Программы выхода из кризиса нет, коммунисты, в том числе и сотрудники ЦК, деморализованы. Те же настроения и в Совете Министров. Можно, конечно, и дальше закрывать на происходящее глаза, но эта попытка балансировать на краю пропасти долго продолжаться не может. Как сказал Ницше, если долго смотреть в бездну, она начинает смотреть на тебя.

Лицо моего собеседника с каждым произнесённым словом мрачнело, в глазах появилась тревога. Я чувствовал, что ему хочется мне возразить, но он сдерживал себя. Я понимал, что мои аргументы очень жёсткие и носят обвинительный характер, но отступать было поздно, нужно было обязательно сказать о том, что меня тревожит.

— Владимир Антонович, я понимаю, что вам это слышать непривычно и неприятно, но **рабочие и крестьяне не простят партии политики, которая привела их семьи на исходе 20-го века к бедности и бесконечным, длиною в жизнь очередям**. Об интеллигенции, особенно творческой, речь вообще не идёт, для большинства из них КПСС была калиткой к кормушке. Об офицерском корпусе и силовых ведомствах, включая КГБ, не говорю, но убеждён, что они примут, о чём свидетельствует мировой опыт, сторону победителя, забыв о присяге. Остаются директора предприятий и госслужащие. Мы должны помнить, что за спиной руководителей заводов — миллионы рабочих и, если их бросить на произвол судьбы, они отвернутся от КПСС, и каждый станет выживать в одиночку, захватывая госсобственность.

Вы же знаете, как повели себя рабочие в 1918 году, когда были национализированы заводы и фабрики? Быстро сообразили: коль теперь они хозяева, то вправе распорядиться имуществом по своему усмотрению. И распорядились вместе с назначенными директорами из рабочих – всё, что представлялось ценным в личном хозяйстве, растащили. Обвал промышленности после революции произошёл не потому, что была гражданская война, – изгнали грамотных управленцев и специалистов как классово чуждый элемент и, не зная, что и как делать, занялись тем, что умели. У советских рабочих за 70–80-е годы накопился в этой области огромный “опыт” – “несунов” не счесть. Не нужно обольщаться на счёт высоких нравственных качеств народа и его руководителей. Нравственность, мораль, честность – это всё производные условных рефлексов, а последние начинают угасать вместе с изменяющимися бытовыми условиями жизни и атмосферы в обществе. И на сломе эпох.

– Что же вы предлагаете?

– **Первое.** Передаю вам проект закона “О государственной службе”, который мы вместе с сотрудником Юридического отдела Совмина Валерием Гуляевым разработали. Я был на стажировке в Германии, и всё лучшее, что мне удалось узнать там, в нём отражено. В ФРГ самое совершенное на Западе законодательство. Документ был внесён на рассмотрение в Верховный Совет СССР. На обсуждение в профильном комитете авторов даже не пригласили. От нашего проекта остались рожки да ножки. Выбросили статьи, что гарантировали неприкосновенность госслужащих, независимость от прихоти начальников и много чего другого, что негативного нас ждёт в процессе реформ, проведение которых всегда болезненно для многих слоёв населения. Основная цель закона – сохранить профессиональные кадры и создать условия для своевременной переподготовки. А сегодня принятие законодательных актов о госслужбе отдали на откуп пока ещё формально существующим союзным республикам, как будто нет общесоюзных министерств и ведомств, где и сосредоточены наиболее грамотные специалисты.

Второе. КПСС имеет уникальный опыт в кадровой работе, подготовке и переподготовке кадров. Созданная система подкреплена самой мощной в стране учебной базой и грамотным профессорско-преподавательским составом.

– А откуда вам это известно, Владимир Данилович?

– Я закончил аспирантуру АОН при ЦК КПСС и защитил диссертацию на основе сравнительного анализа социально-экономического и политического положения ГДР и ФРГ, и доказал неизбежность их объединения по самому худшему варианту – поглощение. Так и произошло. До Академии я четыре года проработал в посольстве СССР в Берлине, так что видел, как начинались процессы разрушения страны, которые в конечном итоге привели к гибели ГДР, где сейчас объявлена охота на коммунистов и их руководителей. И огромная вина за произошедшее, как и за развал социалистической системы, лежит на руководстве Советского Союза. Мы всех наших союзников сдали на милость врагу. Смею заверить, милосердия проявлено не будет, им будет предьявлен счёт за весь страх, который Запад пережил за годы торжества социализма. Или это не так?

И вдруг я наткнулся на полные печали глаза моего собеседника – **он всё понимал и был бессилён что-либо изменить.** Пришлось резко поменять тональность разговора.

– Предлагаю принять решение Политбюро и сработать на опережение – половину учебных помещений региональных Высших партийных школ отдать под филиалы Академии госслужбы, созданной на учебной базе АОН при ЦК КПСС. Другого выхода нет. Учебные программы можно разработать при помощи западных преподавателей, в ФРГ я знаю очень хороших специалистов по методикам обучения. И срочно послать большую группу преподавателей на стажировку в европейские учебные центры, там пока ещё к нам хорошо относятся. На сегодня это всё, что я хотел вам сказать, Владимир Антонович.

– Как я понимаю, у вас в запасе ещё многое есть, чем Вы хотели бы со мной поделиться.

– Вы правы, но нужно начинать с главного, потому что время не терпит. Кстати, учебные пособия должны быть увязаны с Совминовской программой перехода к планово-рыночной экономике, которую предстоит принять Верховному Совету, чтобы она стала законом, а дальше депутатов ждёт огромная по объёму законодательная работа по созданию для нашей страны новых

рыночных институтов, необходимых для проведения реформ. И вся эта нормативная база со временем должна найти отражение в учебных планах. И поэтому, не теряя время, начинать нужно сейчас и обеспечить мощную пропагандистскую подготовку, чтобы стало понятно всем: партия работает на будущее уже сегодня, она по-прежнему остаётся самой влиятельной политической силой и дальше отступать не намерена. Сталин как-то обходился и без записи в Конституции, делом доказывая её руководящую роль. “В условиях реконструкции народного хозяйства кадры решают всё”, Владимир Антонович, мне ли напоминать вам изречённую им истину, когда начиналась модернизация страны по его плану.

Ивашко задумчиво смотрел на меня и, помолчав, сказал, что он благодарит меня за честный и откровенный разговор коммуниста с коммунистом.

— Я с вами не прощаюсь, мы ещё неоднократно будем встречаться, мне нужно хорошо подумать, посоветоваться с товарищами. Через несколько дней я выступаю в связи с началом учебного года перед преподавателями нашей Академии, и у меня будет возможность обстоятельно обсудить план действий и с Рудольфом Григорьевичем Яновским. А вы завтра повстречайтесь с руководителем Социально-экономического отдела ЦК Александром Владимировичем Власовым, с ним будете взаимодействовать по программе, разработанной в Комиссии. Она сегодня будет у меня на столе, и я приглашу к себе Абалкина. Мы вместе подумаем, как нам действовать дальше.

Он проводил меня до приёмной, тепло попрощался, чем привёл в изумление и без того находящегося в смятении помощника, ведь я в его понимании совершенно нахально на 2,5 часа оторвал шефа от серьёзных государственных дел. И уже при выходе в коридор услышал, как Ивашко попросил срочно найти Абалкина и соединить Попова с ним, когда он будет звонить. Очень довольный беседой и гордый собой, я вернулся к себе. Был уже конец рабочего дня, кабинеты были пусты, чего не было раньше. На месте были трудоголик П. М. Кацура и его заместители, которые не знали, чем им заняться. Позвонил Петру Макаровичу и сказал, что надо поговорить без свидетелей. У меня с ним сложились уже доверительные отношения, и я просто обязан был его предупредить о состоявшемся разговоре в ЦК, чтобы он мог сразу отреагировать на реакцию Рыжкова и Абалкина. Выслушав, он долго молчал, проигрывая в уме различные последствия моего визита и сдержанно улыбаясь. Удивительно, но у этого сурового человека была улыбка стеснительного человека... Он изрёк:

— Ну, ты, Володя, даёшь! Представляешь, какой шум может сейчас подняться, ты же нарушил всю субординацию отношений между Совмином и ЦК! Рисковый парень, но мне это нравится.

— Петр Макарович, какая к черту субординация, если страна летит в тартарары! Завтра не будет и нашей Комиссии, и Совмина СССР, и ЦК, а мы правила приличия соблюдаем... Почему Рыжков так легко уступил Горбачёву, почему Леонид Иванович “притих” в кабинете? Ведь мы же знаем, что лучшей Программы никто не предложит, а сидим сложа руки и ждём от моря погоды. Загляните в рабочие кабинеты, они уже пусты. Вы знаете, что многие наши сотрудники регулярно бегают к Ельцину с Хасбулатовым и предлагают свои услуги? Мне наплевать, буду завтра работать здесь или нет, я поступил, как считал нужным. Если не поможет мой демарш, значит, всё предрешено и СССР некому защищать, а выполнение нашей Программы могло бы снова, исходя из экономических интересов, способствовать сближению республик. Разве я не прав?

— Всё так, Володя, но мой опыт подсказывает: поздно. Время работает уже не на нас. Давай-ка лучше выпьем по рюмочке коньяка, не спеша попьём чаю, поразмышляем и поедем по домам. Думаю, что завтра начнётся движение в “верхах” и нас с тобой затребуют для объяснений. Хорошо, если бы только встречей с Абалкиным обошлось.

На следующее утро, в восемь часов я уже сидел в кабинете. Позвонил Кацуре, он сказал, что вечером ему звонил взволнованный Леонид Иванович и велел нам в 10 часов быть у него. Наши опасения оказались напрасными, академик был человек интеллигентный, и ему понравился разговор с Ивашко:

— Это очень хорошо, что Владимир Данилович инициировал встречу. Может, что-то из этого и получится. Владимир Антонович мне сказал, что сегодня у вас встреча с Власовым. Он присутствовал при нашей беседе и тоже

проявил большой интерес к Программе. Ивашко считает, что вы должны быть связующим звеном между нами, он постоянно на вас ссылаясь, я бы сказал, цитировал, как классика.

– Откровенно говоря, Леонид Иванович, мне непонятно, с чем идти к Власову после его встречи с вами.

– Не скажите. Нужно познакомиться, найти с ним общий язык, это умный и сильный человек. За плечами Владимира Александровича работа первым секретарём обкомов партии, министром МВД СССР, и не забывайте, что немногим более двух месяце назад он ещё был Председателем СМ РСФСР и совсем немного проиграл Ельцину в борьбе за пост Председателя Верховного Совета РСФСР.

– Леонид Иванович, немного не считается. Он проиграл навсегда, и в нынешнем раскладе сил в ЦК слабеющей партии ему очень сложно рассчитывать на реванш, хотя он представлен во всех её руководящих органах. Мне это очевидно. Можно идти?

– Да, конечно. Ещё раз благодарю за инициативу и договариваемся, что будем втроём корректировать каждый шаг. Противников у нас много, поэтому даже в Комиссии пока ничего не должны знать. Есть ли ко мне вопросы?

– Есть просьба. Нам пришла идея создать консорциум “Персонал управления”, соучредителями которого могли бы стать некоторые вузы, АОН при ЦК КПСС, горисполкомы крупных городов, государственные органы союзных республик. На первых порах его сотрудники занялись бы подготовкой учебной продукции, пособий и учебников для переподготовки госслужащих. Люди, способные грамотно заняться этой работой, есть. Прошу нас поддержать и принять соответствующее постановление Совмина, чтобы наше предложение было по-государственному значимо. Денег и помещений просить не будем, я уже со многими потенциальными учредителями предварительно договорился.

– Владимир Данилович, когда вы успеваете?

– Я же не один, у нас серьёзная команда. Мы всё сделаем сами, лишь бы нам не мешали.

– Хорошо, идея своевременная и, главное, для нас бесплатная. Забрасывайте ко мне проект решения и пояснительную записку. Пётр Макарович, вы в курсе?

– Нет, но ход его мысли мне нравится... – и он весело рассмеялся.

Воодушевлённый, в хорошем настроении я покинул больших начальников.

Встреча с Власовым состоялась, как только я ему позвонил. Обсудили нюансы нашей стратегии и тактики в продвижении Программы. Он прекрасно представлял все подводные камни на пути. Его крайне тревожила позиция Горбачёва, который, узнав о своеобразии, может закусить удила, ведь никто не ведал, о чём он договорился с Ельциным. В отличие от Ивашко, при упоминании имени Генерального секретаря в его голосе чувствовалось раздражение. Через несколько дней мне позвонил Р. Г. Яновский и рассказал о своей встрече с Владимиром Антоновичем и его выступлении перед преподавателями Академии.

– Ты знаешь, он открыто сказал, что вопрос о создании Академии госслужбы предreshён и ректором её будет выпускник вашей аспирантуры Владимир Данилович Попов. От него я знаю о твоём визите к нему и внесённых предложениях. Скажу сразу, что в моём лице и в лице ректората ты получишь всяческую поддержку. Как только состоится решение Политбюро, сразу приезжай, и будем вместе думать, как запускать учебный процесс.

Я удивился некоторой успешности Владимира Антоновича, ведь неизвестно, как на эти предложения отреагирует Горбачёв. Прошла неделя, объявили о возвращении его из отпуска – гробовая тишина. Зашёл к Кацуре, спросил, есть ли новости.

– Судя по настроению академика, дела обстоят неважно, но пока никаких вопросов ему не задаю.

Ждём. Прошла ещё неделя, позвонил Власову и договорился о встрече. Он предложил обсудить создавшуюся ситуацию в сквере возле памятника героям Плевны. Мне стало понятно, что дела наши плохи. Встретились и, неспешно прогуливаясь, Владимир Александрович рассказал, что наши инициативы вызвали у Горбачёва гневную отповедь:

— Мы многое от него выслушали в свой адрес. Все наши попытки втолковать ему, что Программа Комиссии проработана специалистами ЦК и мы готовы её активно поддержать, ни к чему не привели. Он ещё раз категорично заявил, что они с Ельциным обо всём договорились и будет разработан другой документ, учитывающий современные экономические теории. А мы свою **планово-рыночную модель экономики вместе с китайским опытом можем засунуть куда-нибудь подальше**. На наш вопрос, что это за теории и где они успешно внедрены, мы не удостоились ответа.

Я слушал его молча, середина сентября баловала нас солнечной погодой, а на душе было пасмурно. Тяжело проигрывать, хотя изначально знал, что выиграть будет тяжело. Но когда ввяжешься в драку, как-то не думаешь, что твой противник в другой, более тяжёлой весовой категории и результат боя предreshён — в любом случае победа будет за ним. Не праздный вопрос: а судьи кто? Здесь даже этого очень русского вопроса не стояло. Они же и судьи.

— Отверг он также идею создания Академии госслужбы и принятия закона, проект которого вы предложили.

— А он хотя бы бумаги в глаза видел?

— Конечно, нет!

— А что, Политбюро уже никакой роли не играет? Или у вас там с Ивашко нет сторонников?

— Это уже не Политбюро, в нём одни партийные функционеры, и многие из них слепо следуют за Горбачёвым. А Владимир Антонович слёг, забарахлило сердце.

Власов говорил тяжело, как будто камни бросал, и было заметно, что гнев переполняет его. Он с трудом сдерживал себя, чтобы не дать выплеснуться эмоциям.

— Всё ясно, Владимир Александрович. Передавайте от меня ему пожелания здоровья, и пусть бережёт себя, потому что проблемы в ЦК только начинаются. А та теория, которая, по словам Горбачёва, будет положена в основу реформ, будет преследовать только одну цель: уничтожить наши конкурентоспособные предприятия и, прежде всего, оборонный комплекс, станкостроение и машиностроение. **Без этих отраслей мы лишимся современных технологий и неотвратимо превратимся в сырьевую страну, и будем полностью зависеть от потребителей на Западе**. Но это только начало. Задача у них одна — развалить СССР, а затем, набравшись опыта, расчленить Россию. Поверьте, непременно встанет вопрос о нашем суверенитете. Я неплохо знаю экспертное сообщество в ФРГ, и они в разговорах со мной не скрывают конечной цели неожиданной “любви” западных политиков к нам. По сути, **Горбачёв уже отдал власть в руки Ельцину и так называемых демократов**. КПСС будет распущена, её имущество будет под прикрытием национализации разбазарено, советская власть будет свергнута. Иллюзий никаких не должно быть, и мы снова будем строить дикий капитализм, потому что другого у нас при тех, кто прорвётся к власти, и быть не может. Они на пару с Ельциным сдадут Советский Союз, как Горбачёв сдал, а по сути предал социалистические страны. На примере ГДР я это хорошо знаю.

— Мне Владимир Антонович рассказывал о вашей биографии и диссертации. Я с вами согласен, народу придётся пройти все круги ада. Чем вы собираетесь заниматься?

— Пока не знаю, на какое-то время останусь в Комиссии, у меня запланированы несколько посещений ФРГ, хочу кое с кем из экспертов пообщаться, может посетят какие-то мысли, но в команду Ельцина не пойду. Это точно.

— Я тоже, видимо, в ЦК долго не задержусь, у меня путь один — на пенсию. Через два года мне исполняется 60 лет, если партию раньше не разгонят.

Прощаясь, он долго не выпускал моей руки, видя, как я расстроен, и старался подбодрить меня.

— Мы с вами мало знакомы, но, поверьте, я хорошо чувствую людей. У меня нет сомнений, что при любом политическом раскладе вы не потеряетесь. На вашей стороне образованность, характер и, что очень важно, вам всего 40 лет. Мне намного сложнее — всё в прошлом. У нас 18 лет разницы в возрасте — это много на сломе эпох. Главное, не уходите в себя и будьте осторожны, лихое время наступает, легко голову потерять.

Грустно улыбнувшись, он пошёл к переходу к зданиям ЦК КПСС. Я присел на скамейку и долго, пока не скрылась его крепко сбитая фигура, смотрел ему вслед. С такими, как он, навсегда уходила эпоха.

— Что за жизнь! — мелькали мысли. — Умный, сильный, зрелый человек с колоссальным профессиональным опытом, и ему подобных немало: Кацура, Абалкин, Рыжков, тот же Ивашко и ещё тысячи, находящихся сегодня у власти в Москве и регионах, не согласных с происходящим. Но ничего не способных сделать с одним краснобаем Горбачёвым и примитивным Ельциным, готовыми ради личной власти уничтожить страну и стереть её великое прошлое.

Трагедия заключалась в том, что **это были люди системы. Независимо от занимаемых должностей, они были просто винтики, не способные на самостоятельные поступки.** За годы советской власти принципы демократического централизма, предполагавшие подчинение меньшинства большинству и строжайшее соблюдение партийной дисциплины, обесточили их волю, подавили способность к сопротивлению.

Многие из них, без сомнения, были личностями и могли действовать и, поверьте, весьма успешно в заданной сверху системе координат. Но эта плеяда руководителей была способна “проводить в жизнь только линию партии, её ленинского ЦК, Политбюро во главе с...” и дальше по известному нашему поколению набору словесных штампов о величии Генеральных секретарей, даже если они были полным ничтожеством. А борьба с имеющими иное мнение — не для них. Существовавшие методы подавления инакомыслия, в том числе и среди коммунистов, надёжно их защищали. Александр Владимирович был одним из наиболее талантливых представителей этого поколения. На всех занимаемых им постах он проявлял себя с самой лучшей стороны. И всё же, всё же... Только один из убедительных примеров. Накануне выдвижения на съезде кандидатов для голосования на пост Председателя Президиума Верховного Совета ему позвонил Горбачёв и настоятельно рекомендовал снять свою кандидатуру, сказав, что есть **мнение** рекомендовать туда И. К. Полозкова, первого секретаря Краснодарского крайкома партии. Власов взял под “козырёк”... Как известно, ни Ельцин, ни креатура Горбачёва не набрали нужного большинства. На следующий день через одного из секретарей ЦК улетевший в Канаду партийный “фараон” уже даёт указание ему выставить свою кандидатуру теперь для повторного голосования. И снова Власов даёт согласие. Ельцин получил на 68 голосов больше. Не сомневаюсь, прояви он решимость и качества политического борца, он бы победил в первом туре со всеми вытекающими последствиями для страны.

— На наших глазах совершается предательство, — размышлял я, — а большинство народа равнодушно наблюдают за происходящим. В том числе и мы, сорокалетние, **бывшие малые и большие комсомольские вожди, по сути, такие же слабаки и предатели, и не только своего поколения.** Сколько высоких слов было сказано в юности о любимой Родине, сколько звучало клятв и спето патриотических песен, а случилась беда, партию возглавил негодяй, и где наша готовность встать на защиту народа от нового нашествия “внутренних татаро-монголов”?.. Более того, немало уже и тех, кто готов бить челом самому пьющему “уральскому прорабу”. Двух бывших первых секретарей Свердловского обкома комсомола я уже видел в его ближайшем окружении. **А сколько их окажется в услужении, когда это чудовище воцарится в Кремле?**

МИХАИЛ ЧВАНОВ

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Аксаковский фонд, Салаватская епархия Русской Православной Церкви, Уфимский поисково-спасательный отряд МЧС России организовали уникальную экспедицию, посвящённую 50-летию первого спуска в крупнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган — и 25-летию МЧС России.

Ещё целую неделю после экспедиции я видел себя во сне висящим над бездной в первом, 75-метровом колодце пропасти Кутук-Сумган вниз головой, хотя почти вниз головой полчаса висел в ней не я, а “полковой священник” Аксаковского фонда игумен Зосима, настоятель Дмитриевского храма в Аксаковском историко-культурном центре “Надеждино”, а я, задрав голову, беспомощно наблюдал за этой жутковатой сценой снизу, со скользкого ледника, пока на помощь к нему не пришёл снизу по вспомогательной верёвке спасатель 1 класса Илья Пахомов, который и выпутал его из верёвочной петли-западни. Наконец, поднявшись на поверхность, как мне потом расскажут, с совершенно синим лицом от прилива крови в голову, отец Зосима скажет: “Спасибо Господу и Михаилу Андреевичу за предоставленную возможность участвовать в этой экспедиции!” — а позже, уже освобождённый от альпинистской обвязки и немного отдышавшись, добавит цитатой из “Дневных записок” академика Ивана Лепёхина, сказанным тем при спуске в недалеко находящуюся отсюда Антониеву пещеру: “Но оное место столько стоило нам труда и опасности, что мы многожды о нашем предприятии разкаивались...”

Но начну сначала. Из полученных мною государственных, общественных наград и литературных премий, нисколько не умаляя значимости их, более всего я, наверное, дорожу почётным знаком “Отличник разведки недр”, присвоенным мне более 50 лет назад, 21-летнему выпускнику филологического факультета, Министерством геологии СССР за руководство экспедицией Башкирской республиканской секции спелеологов и географического факультета БГУ (научные руководители Е. Д. Богданович и И. К. Кудряшов), осуществившей первый спуск в крупнейшую и сложнейшую пещерную систему Урала — пропасть Кутук-Сумган, за два года до того обнаруженную геологами А. Олли и Р. Алксне. Признаюсь, что горжусь этой страницей в своей биографии: за три сезона работы в пропасти, а мы произвели топографическую съёмку её полостей на протяжении около 6 километров, спускаясь во всё новые и новые колодцы, ведущие всё дальше вглубь Земли, продираясь сквозь шкуродёры, плавая на резиновых лодках по подземным рекам, по несколько суток сменами живя там, я не потерял ни одного человека, но уже следующая экспедиция, Московского университета, закончилась трагически: двое погибших... О непростой истории исследования пропасти свидетельствуют мемориальные доски на скалах над её жерлом. Не случайно, что в туристских

проспектах её называют Пастью Дьявола, хотя я категорически против этого названия.

Мне, тогда начинающему писателю, пропасть Кутук-Сумган дала возможность взглянуть на планету как бы со стороны: в пещерах, может, чисто психологически, иначе идёт время, это словно обратный космос. В результате родилась повесть “Лестница в небо”, переиздававшаяся много раз и, может, определившая в какой-то степени мою дальнейшую писательскую судьбу.

Идея юбилейной экспедиции родилась не сразу...

Положив шесть летних сезонов на исследование всемирной известной Каповой пещеры (дальних её горизонтов, куда до сих пор не пускают туристов, где в подземной реке незадолго до этого погиб мой друг спелеолог Валерий Нассонов), а затем первоисследованию недавно открытых Кутукских пещер, я не просто остыл к пещерам, заработав в них клаустрофобию (боязнь замкнутого пространства), а стал испытывать к ним полное равнодушие, граничащее с отвращением. Может, это чувство бросило меня в противоположную стихию: к кратерам в то время самых грозных действующих вулканов Камчатки. После трёхдневного штурма (внизу – плюс 20, вверху – минус 30) я стоял на вибрирующем ребре кратера высочайшего в Евразии Ключевского вулкана (4850 метров прямо из океана), передо мной, словно манная каша в гигантской кастрюле диаметром в 800 метров, хлопала лава, стараясь перебраться через ребро кратера вулканические бомбы, иногда ей это удавалось. На другой день после восхождения к кратеру отличающегося особой свирепостью вулкана Безымянного ребро кратера, на котором мы вчера стояли, было снесено очередным взрывом, землетрясение от него настигло нас уже километрах в пятнадцати от вулкана, заставив опрокинуться на наши тяжёлые рюкзаки. Потом были извергавшиеся вулканы Плоский и Острый Толбачики. Потом один из четвёрки папанинцев, академик Е. К. Фёдоров, и легендарный полярный штурман, высаживавший папанинцев на полюс, В. И. Аккуратов, попросили меня организовать экспедицию по поискам пропавшего в 1937 году при перелёте из СССР в США через Северный полюс самолёт С. А. Леваневского. Потом... Много ещё было разных непростых дорог, и меня не покидает неуютное чувство, что они, может быть, увели меня от главного, что я не оправдал наказа моего духовного наставника в литературе, большого белорусского писателя Василя Быкова, написавшего мне в пору навешивания на меня различных ярлыков и в пору его глубокой опалы: “Не слушайте там всяких... Вы можете. Многое можете. Только не надо растрачивать себя по пустякам, соберитесь с силами и напишите что-нибудь значительное, ёмкое и глубокое”. Чем я только не занимался и не занимаюсь, отрывая себя от главного! В то же время, кто знает, что у человека главное? Меня не может не заставить задуматься, что читатель уже не плачет над тем, что я, умудрённый опытом, пишу сегодня, а снова и снова возвращается к моим ранним вещам, таким, как рассказ “Билет в детство”. Что-то я потерял в этих экзотических дорогах, может, главное...

Да, к пещерам я больше не испытывал интереса. Но пропасть Кутук-Сумган была для меня не просто пещерой – она постоянно была в памяти. И висит над моим рабочим столом фотография “Лестница в небо”, сделанная мной более 50 лет назад, висящим на лестнице из тонкого стального троса в жерле пропасти. Я просил висящего чуть ниже меня профессионального фотографа Евгения Шарова: “Сделай кадр! – Не получится, мало света. – Тебе что жалко, кадра? Дай фотоаппарат!” Дилетант часто делает возможным то, что профессионал считает невозможным, это правило касается и литературы. Эта фотография стала признанным символом пропасти, она не только на обложках почти всех переизданий моей повести “Лестница в небо”. Всё дальше уходило время первого спуска, и, к удивлению нашему, первопроходцев, с каждым годом всё больше находилось людей, которые спустились в пропасть, ставшую широко известной не только в России (к примеру, два года назад была организована международная экспедиция спелеологов-подводников, пытавшаяся проникнуть в пропасть со стороны вытекающей из неё подземной реки), “первыми”, хотя названия, данные колодцам, лазам, залам, на всех топографических планах пропасти были почему-то нашими. Последней каплей было, когда в позапрошлом году в Черногории случайный знакомый, узнав, что я из Башкирии, воскликнул: “У вас там есть пропасть Кутук-Сумган, в которую я спускался первым”. – “Когда?” – спросил я его. “В 1986 году”. – “Ты ещё

под стол пешком ходил, когда я в неё спускался!” И тут позвонил мне мой старый друг, начальник Уфимского поисково-спасательного отряда МЧС России Вячеслав Владимирович Климец, для меня просто Слава, в ту далёкую пору провожавший меня в экспедицию в пропасть в роли начальника контрольно-спасательной службы областного совета по туризму: “У меня в архиве сохранился твой экспедиционный отчёт, заезжай, подарю”. Я читал свой отчёт как приключенческий роман: уже забылось, как добирались до горно-таёжного села Бурзян самолётом, потом рубили сухостойные сосны на прибрежных скалах, из которых вязали плоты, как сплавлялись на них по Белой до урочища Сакаска, как перетаскивали грузы по ущелью с необыкновенно суровой и в то же время доброй душой... Я передал этот отчёт в музей Национального парка “Башкирия”, на территории которого теперь находится пропасть и в туристических буклетах которого о первопроходцах пропасти была такая чертополошица... И в разговоре с тогдашним директором парка И. И. Якуповым родилась идея “юбилейной” экспедиции. Мои друзья, первопроходцы Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин, Рудольф Бураков, Александр Петраш с радостью приняли моё предложение. На вопрос, есть ли желание снова спуститься в пропасть, не задумываясь, ответили: “Есть!” Но как это осуществить, начиная с того, что у нас нет никакого снаряжения? Тогда я поехал в Уфимский поисково-спасательный отряд: мой дорогой друг Слава Климец и сменивший его на посту начальника отряда Юрий Иванович Зуев сказали: “Поможем! Только напиши письмо начальнику Приволжского регионального центра МЧС России генерал-полковнику Игорю Константиновичу Паньшину. Мы народ служивый, нам нужен приказ или разрешение. Мы посвятим этот спуск 25-летию МЧС, и с вами пойдут наши лучшие спасатели”. Транспортные и технические проблемы брал на себя сопредседатель Попечительского совета Аксаковского фонда, гендиректор Катав-Ивановского приборостроительного завода Челябинской области Динар Равильевич Сагдетдинов. Началась подготовка к экспедиции.

Незадолго до того на Международном литературном форуме “Золотой виаз” в Пятигорске мне подарили альбом: священники местной епархии вместе с альпинистами продолжают поиски солдат, погибших в Великую Отечественную на Марухском перевале. По возвращении в Уфу я при случае передал альбом не столь давно возведённому в сан епископу Салаватскому и Кумертаускому Николаю (Субботину).

– А можем ли мы организовать нечто подобное? – неожиданно спросил он.

– Можем, – не задумываясь, ответил я. – В верховьях Белой в отвесной 165-метровой скале есть Антониева пещера, в которой во второй половине XVIII века жил монах-пустынник. Есть документальное свидетельство. В мае 1770 года его келью в пещере посетил академик Иван Лепёхин, он отметил этот факт в своих “Дневных записках”. Он спускался в неё с верха скалы по узкому уступу. Позже этот уступ якобы был разбит молнией, и пещера стала недоступной. Мы совместно с МЧС России готовим юбилейную экспедицию в пропасть Кутук-Сумган, которая находится примерно в этом же районе, мы могли бы запланировать и спуск в Антониеву пещеру. Подумайте. Что касается пропасти Кутук-Сумган, мы были бы благодарны Вам, если бы Вы отслужили молебен по всем погибшим в этой пропасти, попросили бы Господа здравия всем покалеченным в ней и освятили бы её на предмет возможных будущих экспедиций, сняв с неё клеймо Пасти Дьявола.

На другой день по электронной почте я отправил владыке отрывок из “Дневных записок” академика И. И. Лепёхина:

“...разные чудеса, которые нам о сём удалившемся человеке рассказывали, побудили нас и его посетить уединение. Жилище его было посреди утёса высочайшей горы... Первый к нему приход с левой или западной стороны хотя трудноват, но, однако, не неприступен. Редкий по горе лес в слаживании по крутизне много нам вспомоществовал; да и остальное пространство, спускаясь по канату, преодолеть было нетрудно. Но самоважнейший проход поперёк горы до жилища Антонова весьма был страшен. В утёсе как бы нарочно оставленный уступок, шириною на пол-аршина (аршин – 71,12 сантиметра. – **М. Ч.**), а инде и менее, последнюю тропу к Антонову составлял жилищу. По оному должно было пробираться сажень до десяти, имея под собою и перед собою прямой каменный утёс. Приступок сей кончится как бы в нарочно сделанных переходах, укреплённых вверху в половину дуги сведёнными

бревнами. От оной свободный уже проход в нарочито пространный грот... В сём гроте избрал себе уединенное жилище упомянутый Антон... Не без услужения смотрели на труды сего человека. Все нас уверяли, что без всякой помощи устроил он себе жилище, которое казалось нам быть делом многих людей. От грота вниз горы сажен на пять была крутизна, под которою остальная горы высота сажен на тридцать представляла прямой утёс. Крутизну оную сравнял он огромными камнями, между которыми иные казались нам быть с лишком пуд в десять. От сего перед гротом произошла ровная квадратная площадь на восемь сажен в поперечнике; и поверхность ея убита была глиною с песком весьма гладко. На сей площади сооружена его храмина, из трёх маленьких покойцев состоящая. Снаружи сделана она из кирпича, который в одной горной расселине им и был обжиган, а внутри стены убраны были изрядною столярною работою. В среднем покойце под полом выдолблен был в камне колодезь, наполненный холодною и прозрачною водою. Пустынника в его уединении мы не застали, но нашли только его книги, которые были все письменные (рукописные. — М. Ч.) и содержали в себе жития разных пустынножителей. Уравнение площади показалось нам быть удивительно, да и лес, которым был наполнен весь грот, не менее приводил нас в изумление. Он складен был в порядочную на козлах сделанную поленницу, а поленья составляли сосновые брёвна длиною в полторы сажени, а в отрубе иные были в три четверти. Из всех его приуготовлений видно, что он для себя избрал трудолюбивую и богомольную жизнь... Сие я достойным описания почёл, дабы со временем оно не подало причины к каким-нибудь заблуждениям...

“Заблуждения” случились. Осталась тайной судьба отшельника. Покинул ли он свою келью в скале, удалившись от людей глубже в уральские дебри или даже в Сибирь, или погиб, когда якобы ударившая в скалу молния обрушила уступ, и от молнии сгорели все его “покойцы” и книги? Но смущают такие факты: молния ударила бы, скорее всего, в вершину скалы, а не в середину её, как и разнесшийся слух, что не иначе, как Антоний хранит золото, может, даже Пугачёва, поскольку пугачёвцы в 1774 году разорили соседний Иргизлинский медеплавильный завод. Не убит ли он был и не сожжена ли для сокрытия убийства его келья, как были убиты несколько человек, волей горькой судьбы оказавшихся в окрестностях пещеры и не подозревающих, какую опасность она несёт в себе, уже в XIX и даже в XX веке? Я сам во время одной из экспедиций испытал к себе повышенное внимание, когда, сплавляясь по Белой, остановился на ночлег напротив пещеры. Тут же появился мужик из соседней деревни Кутанов с вопросом, не альпинист ли я и не собираюсь ли в пещеру, а если собираюсь, то, если что найду там, надо делить пополам. Чем больше я его убеждал, что остановился напротив пещеры только на ночлег, тем большее сомнение читал в его глазах. Я предпочёл свернуть палатку и поплыть дальше.

Позже спелеолог Юрий Соколов, сын нашего экспедиционного врача Виктора Михайловича Соколова, кстати, дальнего родственника С. Т. Аксакова, закончивший географический факультет, тем самым нарушив двухвековую потомственную врачебную традицию, спустился в пещеру через несколько лет после салаватских альпинистов, обнаруживших в ней закопченные своды, остатки обгорелых брёвен, полусгнившие верёвки и ворот, которым Антоний поднимал снизу брёвна для своего жилища, дрова и скромные подаяния, которые привязывали к верёвке сплавщики железа с белорецких заводов, а он их благословлял на удачный путь.

— Скорее всего, уступ перед пещерой обвалился не от молнии, а от его перегруза и смещения центра тяжести, — высказал предположение Юра, — ведь Антоний увеличил его до площадки примерно в шесть метров на восемь. Такие размеры, судя по сохранившимся брёвнам, имела его храмина. Редкой был силы и смелости человек. Ну, и академик Лепёхин тоже был не из робких, хотя он попал в пещеру уже по налаженным Антонием висячим мосткам. Как Антоний крепил брёвна под эти мостки в отвесной скале, на такой высоте?! А вот с Лепёхиным не захотел встретиться. Можно, конечно, предположить, что его в это время просто не было в пещере, а я полагаю, что он избежал встречи.

— А того мужика из Кутанова ты не встречал? Жив ещё?

— Говорят, в прошлом году умер. Перед смертью, когда уже совсем не встал с постели, наказывал, чтобы обязательно приехал Никитин из Салавата: “Хочу ему перед смертью что-то рассказать, очень важное... Пусть обязательно приедет. Пусть поторопится...” Видимо, опять про золото...

Через несколько дней епископ Николай на моё предложение посетить Антониеву пещеру ответил вопросом:

– С чего начинать подготовку экспедиции?

– Есть в епархии клирики или прихожане – альпинисты, бывшие десантники?

– Я сам буду спускаться, – неожиданно сказал владыка. – За мной будут спускаться священники, казаки. Прямо в пещере будем служить литию по пустынному (заупокойную службу).

– Владыка, Вы не представляете, насколько это сложно. Это спуск на верёвке по отвесной скале 75 метров, потом вкачиваться в пещеру, потому как скала в том месте имеет отрицательный угол, а потом столько же спускаться вниз к подножью скалы.

– Да? Но я уже объявил о своём решении прихожанам, что буду сам спускаться, назад пути нет.

В результате родился общий план экспедиции, тем более что между Антониевой пещерой и пропастью Кутук–Сумган менее полусотни километров. Но это почти абсолютное бездорожье, что ставило перед нами сразу несколько технических и организационных проблем. Если перебазироваться сухопутным путём, то для переброски почти пятидесяти человек и нескольких тонн груза потребуется большое количество вездеходных машин, при этом можно окончательно разбить лесную дорогу, проходящую по Национальному парку “Башкирия”, к тому же экспедиционную неделю синоптики обещали дождливой. Можно перебазироваться водным путём, водохранилищем до бывшего хутора Сакаски, но как поднимать по ущелью к пропасти на расстояние четырёх с половиной километров несколько тонн груза? Было решено, что грузы на квадроциклах и на двух “уазиках” в сопровождении военного внедорожника “шишиги” (ГАЗ-66) отправим горами, а сами на надувных катерах МЧС отправлюсь водным путём, чтобы подняться к пропасти по ущелью налегке, где нас встретят пришедшие туда раньше нас и разгрузившиеся квадроциклы.

И вот мы на поляне напротив Антониевой пещеры. Совершенно отвесная скала с чёрным отверстием посередине во всей своей строгой и совершенно неприступной для простого человека красоте.

Владыка Николай, опершись на самодельный посох, внимательно и напряжённо всматривается в неё. Спасатели начинают чистить от сыпучих камней трассу спуска, и то и дело камни в одиночку или разнокалиберной россыпью с грохотом рушатся вниз, в реку.

– Ну как, владыка? – осторожно спрашиваю я.

– Буду спускаться.

Я подошёл к его священническому воинству:

– Ну, что вы решили? – мне нужно было определиться с количеством спускающихся в пещеру, чтобы поставить задачу спасателям.

– А что решил владыка?

– Однозначно – спускаться.

– Ну, нам тогда ничего другого не остаётся, – улыбнулся протоиерей Валентин Попов, настоятель Богородице-Казанского храма с. Верхотор.

Наутро я видел, что владыка с трудом скрывает волнение. Спасатели дали сигнал: пора!

– Благословите меня, Михаил Андреевич!

– Ну, владыка! Вы меня возвели, по крайней мере, в сан митрополита, раз я благословляю епископа, – перекрестив, засмеялся я. Я понимал, что это непросто: не имея никаких навыков альпинизма, впервые в жизни шагнуть с отвесной 165-метровой скалы в пустоту. Именно шагнуть и потом шагать по скале, а не тащиться по ней на животе, обдираясь и ударяясь о выступы скалы, а потом зависнуть в пустоте и попытаться вкачнуться в пещеру.

Рядом с владыкой по второй верёвке пошёл с телекамерой на каске Булат Каримов, ведущий программы “Следопыт” Башкирского спутникового телевидения. Над ними завис беспилотник, которым управлял Динар Равильевич. Главное – пересилить себя и встать на ноги перпендикулярно скале. Первые неуверенные шаги, потом – всё уверенней. И вот владыка идёт уже уверенно. Все остальные участники экспедиции напряжённо наблюдают за ними снизу, с противоположного берега Белой. Вот он надолго завис на одном месте, но уже не по причине неумелости, а по просьбе Булата Вильевича, который в таком положении решил взять интервью. Вот они уже поравнялись

с пещерой, пытаются по очереди вкаться в неё. Не сразу получается, но вот они оба скрылись в ней.

Теперь очередь за священниками. И, прежде чем шагнуть за обрыв, они раскидывают руки крестом, тем самым давая спасателям знак о готовности к спуску. По проложенному владыкой пути пошли один за другим, как солдаты за своим командиром, протоиерей Валентин Попов, иерей Олег Кабуков, казачий атаман Сергей Кулагин, разумеется, “полковой священник” Аксаковского фонда игумен Зосима. Вот, наконец, они все в пещере, над скалой нависает тишина, словно на ней никого и не было. И можно только догадываться, как в пещере идёт церковная служба, видимо, по полному чину, потому как продолжалась она не менее часа...

Потом один за другим все спустились дальше вниз к подножью скалы, где их ждала лодка, чтобы переправить на наш берег...

На другой день переброска к пропасти Кутук-Сумган. Выгрузившись из катеров, поднимаемся по Сакасскому ущелью. Ущелье, как и 50 лет с лишним лет назад, потрясает своей красотой. Если я когда-нибудь ещё вернусь сюда, то только из-за него. Если раньше по нему можно было подняться, пусть с трудом, на лошади с телегой, то после гибели хутора Сакаска за дорогой перестали следить и убирать то и дело обваливающиеся со скал глыбы, и от бывшей дороги не осталось и следа. По выходе из ущелья нам всё чаще попадаются “кучки”, оставленные медведями, но, к нашему удивлению, нас не встречают квадроциклы, хотя давно должны были быть здесь. Только уже около самого лагеря один из них появляется нам навстречу: оказалось, что, в отличие от нас, сухопутную группу два раза накрывал ливень, и дорогу в 35 километров наш грузовой караван преодолел только за пять с половиной часов, и то только благодаря “шишиге”.

И вот перед нами пропасть. Сколько ни рассказывай, пока не увидишь, не поймёшь, что это такое. Кое-кто даже не решается подойти близко к её краю.

В связи со сложностью спуска и ограниченностью времени решено разрешить спуск только “юбилярам” и страхующим их спасателям.

Меня отвёл в сторону игумен Зосима.

– Никак нельзя, чтобы я не спустился. Какой же я тогда “полковой священник”?

– Ну, если сможете уговорить спасателей, – поддался я.

В 7 утра, когда все ещё спят, спасатели уходят навешивать снаряжение. Вместе с ними втихомолку уходит отец Зосима.

Над зевом пропасти панихида по погибшим в ней и по Валерию Нассонову, погибшему в Каповой пещере. У меня на ремне в память о нём – альпинистский карабин, снятый с него после его гибели. По окончании службы неожиданно просит разрешения на спуск владыка Николай. Я не знаю, как быть, но спасатели тверды:

– Владыка, Вы не представляете всей сложности спуска, – убеждает его Слава Климец. – Это очень опасно. Это гораздо опаснее и сложнее, чем спуск в Антониеву пещеру. Кроме как спуститься, нужно ещё подняться.

Явно расстроенный, владыка отходит от жерла пропасти.

Я готовлюсь к спуску. Перед тем захожу за угол скалы, меряю давление: повышенное. Делаю пару глотков коньяку из фляжки: давно убедился – самое лучшее средство, сую её за пазуху. Меня обязывает Юра Соколов, отправляющийся в первую нашу экспедицию ещё с ночным горшком, а через месяц ему уже стукнет 60. И только сейчас узнаю, что в пропасть не идут за мной ни ведущий телепрограммы “Следопыт” Булат Каримов, ни телеоператор Ринат Кашапов, ни входящий в группу Башкирского спутникового телевидения спасатель 1-го класса Юрий Туманов. Спрашивать – почему? – уже некогда, я уже, я уже, откинувшись, завис над жерлом пропасти.

На первом десятке метров волнение проходит. Стена резко уходит в сторону, я зависаю в пустоте, останавливаюсь, осматриваюсь, медленно вращаясь на верёвке из стороны в сторону. Пропасть шелестит то ли промозглым туманом, то ли вечностью, мимо пролетает жёлтый лист, напоминая о приближающей осени, на Земле я этого ещё не замечал. Что я себе или кому хочу доказать? Хочу оправдаться перед собой, что три года назад не решил отправить в экспедицию в Арктику с группой спасателей международного класса и бывших офицеров легендарного 45-го полка спецназа ВДВ, искать

следы пропавших спутников нашего земляка Валериана Альбанова, штурмана экспедиции Георгия Брусилова на шхуне “Св. Анна”? После долгих раздумий я тогда отказался по причине, что мог сорвать экспедицию, вместо поисковой превратить её в спасательную: всего полтора года назад кардиохирурги вытащили меня с того света. Мне 70 с лишним лет, за спиной куча болезней одна веселее другой, тяжёлая контузия, я не однажды шит и перешит, распилен вдоль и поперёк, от нынешней моей болезни, как говорит в шутку и всерьёз мой врач, сердечный друг, может вылечить только гильотина. Я всё никак не могу приступить к своей главной книге...

Но надо идти дальше. Неожиданно попадаю в петлю навешенной поперёк стены верёвки, по которой “ходят” спасатели. Кричу наверх – там ещё слышат меня, дальше сообщаться будем только по радиации, – чтобы основную верёвку резко дёрнули вверх, а страховочную, наоборот, отпустили, и, оттолнувшись руками и ногами от стены, переворотом через голову выскакиваю из петли, придя в восторг оттого, что я автоматически, не задумываясь, сделал это, моё тело, как 50 лет назад, послушалось меня... При перевороте выскользнула из кармана фляжка с “лекарством” и со свистом летит вниз, и через минуту я слышу снизу по радиации голос Ильи Пахомова: “Нехорошо, Михаил Андреевич, пытались протащить контрабанду, конфискуем”. Но конфискованным контрабандным “лекарством” воспользоваться не удалось: стальная фляжка, набрав снарядную скорость, при ударе о лёд разошлась по швам.

И вот я на дне первого 75-метрового колодца: лёд, холод, шелестящая тишина, кусочек серого неба далеко вверху. Меня встречают прятавшиеся под уступом спустившиеся раньше меня спасатели Илья Пахомов и Артур Мустафин, и улыбающийся “полковой священник” игумен Зосима: мало ли чего, кроме фляжки с “лекарством”, я мог обрушить им на голову. Надо сказать, что нас, мирских, команда священников во главе с владыкой Николаем без преувеличения потрясла. У некоторых из нас, грешных, нечего скрывать, о них было представление, что кроме того, как махать кадиллом, они ни на что не способны. За мной спускаются мои товарищи по первому спуску: Владимир Камалов, Александр Жаркевич, Эдуард Нигматуллин.

В три стороны идут ходы. Уже не всё помнится. Первый ход сразу же заканчивается тупиком. Второй в скором времени обрывается новым колодцем. В третий продираемся через шкуродёр только со спасателем Ильей Пахомовым, и снова скоро нас останавливает шелестящим мраком колодец. Чтобы спуститься в него, нужно было навешивать верёвки, но у нас на это просто не хватает времени, да и не было такой цели – уходить далеко вглубь пропасти, хотя, конечно, жаль, что мы не дошли хотя бы до зала Геофака, где когда-то стояли наши экспедиционные палатки, где мы, не имея возможности каждый день подниматься на поверхность, сменами жили по несколько суток, вечерами возвращаясь, до предела вымотанные за день, из всё более дальних и глубоких горизонтов пропасти. Но зато какое было счастье – наконец увидеть небо!

Возвращаемся к стволу пропасти. Игумен Зосима начинает меня благодарить, как благодарил, когда я помог ему поехать на 70-летие Победы в Севастополь, где он служил срочную военным моряком.

– Не торопись благодарить, батюшка! – остановил я его. – Что в горах, что в пещерах, самое трудное – обратная дорога.

Увы, я оказался прав. Кто-то из “юбиляров”, спускаясь, прошёл петлю, из которой так лихо неожиданно для себя вывернулся я, внутри неё, может, посчитавши, что так и нужно. И начавший подниматься первым игумен Зосима упёрся в неё, оказавшуюся между страховочной и основной верёвкой, к тому же зависнув чуть ли не вниз головой. Выпутаться из этой ситуации самостоятельно он не мог, нужно было вытягивать его наверх, перепускать через петлю страховочную верёвку, и на помощь ему срочно “пошёл” снизу на вспомогательной верёвке спасатель Илья Пахомов, а мы, четверо “юбиляров” со спасателем Артуром Мустафиным, задрав головы, беспомощно смотрели вверх, время от времени окликая батюшку Зосиму, чтобы он не испытывал чувства одиночества. Каждый раз он неизменно откликнулся: “Всё хорошо!” – хотя понятно было, что хорошего было мало. Я то и дело просил Сашу Жаркевича, как оказалось, единственно спустившегося с простеньким фотоаппаратом: “Снимай!” – потому как два профессиональных фотографа со своими навороченными фотокамерами тоже не решились на спуск в пропасть. Их можно только пожалеть – каких они лишились кадров!

Всё время экспедиции спасатели, а это Аркадий Маренин, Эльвир Сабатов, Игорь Пихтовников, Анатолий Васильев, Евгений Яковлев, Сергей Буев, Владимир Григорьев опекали нас, как малолетних детей в песочнице, а всем этим руководили Юрий Иванович Зуев и Вячеслав Владимирович Климец. Подъём игумена Зосимы в результате занял почти полтора часа. Стоять на промозглом сквозняке на скользком грязном леднике, задрав голову вверх, было очень неудобно! Несмотря на шерстяные носки, подмерзают ноги, да и спина начинает стынть. Наконец, один за другим начинаем уходить наверх, а если говорить правду, нас попросту вытягивают наверх, потому что подъём не по верёвочной лестнице, как полвека назад, а по верёвке “на стременах” занял бы очень много времени, а на Земле уже приближаются сумерки, да и, может, не каждому из нас он был бы под силу... Последним из пропасти поднимается спасатель Артур Мустафин.

Теперь я знаю, что надо было повторить эту дорогу, чтобы снова испытать то непередаваемое чувство, когда на последних метрах подъёма из пропасти тебя снова охватывает волнение, переходящее в страх, что тебе что-то помешает преодолеть эти последние метры над бездной, которая, кажется, не отпускает тебя, и ты, наконец, вновь оказываешься на Земле, и тебя обволакивает густой воздух, настоящий на душе и зверобое...

Почему-то все мы, наконец, поднявшись, неосознанно опустили на колени...

Потом говорили, что у всех у нас были какие-то блаженные лица...

НИКОЛАЙ НИКАНДРОВ

НАЙТИ И ВОЗВРАТИТЬ

Из опыта поиска похищенных и утраченных национальных сокровищ России

Вместо предисловия

О своих культурных потерях 1941–1945 годов в послевоенной России до конца XX века вспоминали неохотно и писали скупое. Процесс выяснения подлинных масштабов потерь в Советском Союзе был искусственно заморожен на десятки послевоенных лет. К сожалению, в России по фактам разграбления и уничтожения культурной собственности в период нацистской оккупации уголовных дел не заводили. Ограничились докладом на заседании Нюрнбергского трибунала фрагментарных исследований Чрезвычайной Государственной комиссии (ЧГК). Архивные свидетельства об утраченных ценностях, рассекреченные в конце 1990-х годов, привлекли внимание специалистов, занимающихся историей Второй мировой войны. В течение 2000–2007 годов доступные документы просмотрели свыше 4 тысяч исследователей из 30 стран. Однако к судьбе утраченных российских ценностей специального интереса никто из них не проявил. Историки привычно ограничивались общей оценкой: бесследно сгинувший в ходе войны массив культуры представлял собой существенную часть духовного наследия России.

Подготовка к изданию многотомного «Сводного каталога» утраченных музейных и книжных собраний началась в середине 1990-х годов. В российские и зарубежные архивохранилища под эгидой Министерства культуры Российской Федерации устремились добровольцы-волонтеры. Потребовалось немало интеллектуальных усилий, времени и энтузиазма, чтобы установить количество и качество утраченных ценностей, маршруты вывоза и места хранения на территории Германии «конфискованных» предметов.

Немало документально установленных ценностей российского происхождения, перемещённых во время войны в Европу, до настоящего времени находятся в государственных, муниципальных и частных собраниях Украины, Австрии, Франции, Швейцарии, Швеции, США и других стран. В 2013 году

НИКАНДРОВ Николай Иванович родился в селе Решоты Красноярского края. Служил на Тихоокеанском флоте. После окончания историко-филологического факультета Новосибирского пединститута работал учителем в сельской школе, преподавал в профтехучилище, в вузе. С 1968 года был на оперативной работе в КГБ СССР. Полковник в отставке. С 1995 года координировал издание «Сводного каталога» культурных ценностей, похищенных и утраченных Россией в период Второй мировой войны. Почётный сотрудник госбезопасности, заслуженный работник культуры Российской Федерации. Живёт в Москве.

Министерство культуры Российской Федерации, ссылаясь на финансовые трудности, **изданию Сводного каталога сказало “нет”**. Подготовленные к выходу очередные тома – о потерях музеев Твери и Гатчинского дворца – так и остались в рукописях. На полпути остановлены исследования культурных потерь Сталинграда, Ставрополя, Брянска, Курска, Великого Новгорода.

В изданных 20 томах (в 50 книгах) каталога отражены названия и краткие описания утраченных ценностей, которые удалось установить по инвентарным книгам музеев, архивам, воспоминаниям музейщиков-ветеранов. Часть экспонатов проиллюстрирована. Надежды на то, что все поименованные в каталоге экспонаты удастся найти и вернуть на родину, невелики. Тем более стоит рассказать об успешных попытках возвращения наших национальных ценностей и о безмерных трудностях в этой важной работе.

Дважды пленённый портрет

В ноябре 1996 года аукционный дом Кристи совместно с Советом еврейских общин Австрии провёл в Лондоне благотворительную продажу произведений искусства. В нашей стране этого события не заметили: художественный рынок у нас тогда отсутствовал. Не было и достойных покупателей-коллекционеров. Но репродукция одной из картин, проданных на лондонском аукционе, – “Портрет Петра Басина” работы Кипренского – привлекла внимание журналистки “Московских новостей”. Публикация, в свою очередь, заинтересовала волонтеров Министерства культуры, занятых формированием фундаментального издания Сводного каталога утраченных в период войны отечественных культурных ценностей. Им было известно, что это произведение принадлежит Русскому музею, оно учтено в его каталоге 1936 года издания. В архивных документах Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков портрет упомянут в перечне похищенных и вывезенных нацистами музейных ценностей. Как же сложилась его военная и послевоенная судьба?

Довоенную историю неожиданно объявившегося за рубежом портрета удалось воссоздать благодаря документам, обнаруженным в российских архивах. Портрет Петра Васильевича Басина – художника и друга – Кипренский написал в 1829 году в Италии. В Русский музей произведение попало в 1918 году вместе с живописной коллекцией сахарозаводчика Терещенко. Его вдова передала ценности на хранение, оговорив условие: “Если коллекция не будет взята обратно мною или моими наследниками в течение 3-х месяцев по истечении срока хранения, то коллекция эта или невостребованная её часть переходит в собственность Русского музея”. Вдова скончалась в 1921 году, никем не востребованная коллекция стала собственностью музея. Здесь портрет благополучно находился до 1940 года, значился в каталоге художника, публиковался в каталоге выставки Кипренского в Третьяковской галерее в 1936 году.

В июне 1940 года Русский музей формирует передвижную выставку “Основные этапы развития русской живописи”. В состав передвижки включены 183 экспоната – произведения В. Тропинина, К. Брюллова, И. Сурикова, А. Иванова, И. Крамского, И. Репина и многих других прославленных мастеров. Среди них – “Портрет Петра Басина” кисти О. Кипренского. Выставку отправили в города Северного Кавказа, Донбасса и Крыма. Завершающий этап маршрута совпал с началом Великой Отечественной войны. Находившуюся в Крыму выставку, согласно полученной из музея инструкции, передали во временное пользование администрации Воронцовского дворца.

Документы Государственного архива РФ свидетельствовали: в августе 1941 года ящики с имуществом дворца и упакованными экспонатами Русского музея попытались из Крыма эвакуировать. Когда груз доставили к причалу Ялты, выяснилось: последний транспорт на Новороссийск ушёл. Ящики с картинами были оставлены у пустынных пакгаузов причала. Ответственный за эвакуацию груза сотрудник Воронцовского дворца, обнаружив появление в городе немецких мотоциклистов, скрылся. Передовые спецкоманды вермахта, очищая причалы Ялты, брошенные ящики без предварительного осмотра вернули в Алупку.

Других сведений о дальнейшей судьбе “пленённых” в Крыму картин в российских архивах не имелось. Составители Каталога срочно обратились к трофейным документам Оперативного штаба Розенберга, занимавшегося

“конфискацией” имущества советских музеев и библиотек. Группа волонтеров во главе с научным сотрудником Государственного архива РФ Андреем Никитиным тщательно исследовала в архивах Киева подлинные документы Штаба со списками “конфискованных” и вывезенных за пределы СССР музейных и библиотечных ценностей. Некоторые детали злоключений передвижной выставки Русского музея были установлены.

В самом начале оккупации Крыма в Воронцовский дворец в Алушке, где находилась “передвижка” Русского музея, наведались офицеры штаба фельдмаршала Манштейна. Их интересовали картины для украшения штабных кабинетов и “сувениры” для отправки семьям в *Deutschland*. Позднее в “свободную от боевых действий зону” устремились представители разного рода специальных команд. Одни “брали под контроль” свидетельства об оказании влияния готской культуры на культуру местных народов. Команда СС “Анненербе” (“Наследие предков”) отбирала и вывозила на эсэсовские сборные пункты, а откуда в Германию музейные коллекции, иллюстрирующие могущество “империи готов в Южной России”. По замыслу шефа СС Гимmlера, крымские находки должны были помочь убедить мировую общественность в правомерности захвата южных территорий СССР. Окружающие грозного шефа интеллектуалы рассматривали Крым как территорию “законного заселения этническими немцами”. Ценности крымских дворцов и музеев команды СС направляли не только в Берлин – для изучения, но и для украшения Вевельсбурга – роскошного замка, принадлежавшего Гимmlеру.

К исполнению своих обязанностей приступили эксперты оперативного штаба Розенберга, которым в зону боевых действий вход был затруднен. Их мобильные команды совершают стремительные рейды в Севастополь и Бахчисарай, в Гурзуф и Ялту. Оценкой сохранившихся культурных ценностей эксперты штаба займутся позднее. А пока надо “застолбить” объекты религии и культуры на территории Крыма.

Возвращенные с причалов Ялты ящики, не вскрытые эсэсовцами и специалистами вермахта, два месяца пролежали в подвалах Воронцовского дворца. Опытные “мастера конфискации” ценностей, занятые изучением и оценкой захваченных богатств, не предполагали, что русские могли бросить на произвол судьбы живопись из всемирно известного музея. Предполагалось, что в ящиках находятся старинные книги.

Извлеченные картины Русского музея изумили экспертов оперативного штаба Розенберга и тут же подверглись строгой оценке. В Берлин срочно был отправлен отчет: “Картины дают полное представление о русском искусстве XVIII и, главным образом, XIX столетия. Очевидно, для удобства перевозки передвижной выставки музеев отбирал картины небольшого формата, среди них много эскизов. Представлены почти все ведущие русские художники (Репин, Врубель, Маковский и др.). Несколько картин, общее число которых составляет 183, уже пропали. Они были похищены вскоре после захвата Алушки и Ялты. Оставшиеся картины дают всё же представление о русской живописи. Разделять этот фонд для того, чтобы украсить немецкие служебные помещения, не рекомендуется... Целесообразно отправить эти картины в Берлин и присоединить их к фонду большевистских картин, который взят Оперативным штабом Розенберга под охрану”.

В конце октября 1942 года эксперт штаба д-р Роскамп сообщает руководству в Берлине, что “63 полотна из экспозиции передвижной выставки Русского музея подготовлены к отправке в Берлин. Часть из них уже перевезена в Симферополь”. Согласно предписаниям берлинского руководства, конфискованные в Крыму ценности надлежало отправлять на киевский сборный пункт, поскольку “создание и сохранение музеев в Крыму не планируется”. Под ударами наступающей Красной армии оперативный штаб начал спешную отправку картин Русского музея на сборный пункт в Киеве. Из пакгаузов сборного пункта их в рулонах вывозили через Краков на территорию Германии. Здесь награбленные ценности складировали в тайных хранилищах замков и монастырей.

Обнаруженные в американской зоне оккупации Германии предметы культуры и искусства отправлялись на мюнхенский коллекционный пункт. Из Мюнхена в советский сектор Берлина прибыло несколько железнодорожных транспортов с найденным американскими поисковиками имуществом советских церквей и музеев. Тысячи ящиков и упаковок около полутора лет находились

в не приспособленных для хранения живописи пакгаузах Восточной гавани Берлина, дожидаясь возвращения на родину. Вместе с произведениями Русского музея здесь томились ценности императорских дворцов-музеев.

Найденные на территории Германии 34 картины из 183 картин довоенной выставки были доставлены в Русский музей в январе 1948 года. Работы Кипренского среди возвращённых произведений не было.

В послевоенное время руководство Русского музея пыталось организовать поиски своих экспонатов в Крыму. Результат был обескураживающим: большинство из 25 найденных здесь картин Русского музея украшали интерьеры дворца в Алушке. В Москве намерение Русского музея вернуть в родные стены картины признали “преждевременным”. В 1956 году по воле киевских властей Алушкинский дворец преобразовали в музей. И некоторые картины загадочным образом исчезли. Правда, и среди них портрета Петра Басина не было. Благодаря настойчивости руководства Русского музея, удалось в родные стены вернуть 11 произведений. Местонахождение большинства произведений знаменитой “передвижки” до сих пор установить, как говорится, не представилось возможным. Где-то в неизвестности томятся прекрасные произведения Брюллова, Боголюбова, Венецианова, Верещагина, Кустодиева, Лагорио, Маковского, Матвеева, Серова и многих других мастеров, достойно представляющих русскую классику.

Но как сложилась послевоенная судьба портрета Басина?

По одной версии, часть картин американцы передали австрийским властям. В 1984 году в американской газете “Арт Ньюс” появилась публикация о том, что в хранилищах австрийского монастыря Мауэрбах с военных времён томятся несколько тысяч неопознанных произведений искусства. Позднее подтвердилось: в “спецхране” монастыря на окраине Вены в течение всех послевоенных лет действительно хранились награбленные нацистами культурные ценности.

Аукционный дом Кристи в 1996 году предложил австрийским властям провести торги и выставить на них 800 предметов искусства из хранилищ Мауэрбаха. Торги замыслились как благотворительная акция в пользу Союза еврейских общин Австрии. Договор был заключён. На продажу заявили никем официально не разыскиваемый шедевр О. Кипренского. В учётных документах хранилища “Портрет Петра Басина” проходил по спискам конфискованной нацистами собственности австрийских евреев и в каталог торгов был внесён под № 583.

Накануне торгов Аукционный дом Кристи в адрес Русского музея направляет фотографии выставленного на торги “Портрета Басина” и просит подтвердить его подлинность. К просьбе Аукционного дома в музее отнеслись со всей ответственностью и подлинность произведения подтвердили. Однако о том, что оно принадлежит музею, умолчали. Ларчик открывался просто – приказ министра культуры СССР от апреля 1957 года предписывал Русскому музею исключить из инвентарных книг 2.884 предмета, включая и найденные произведения передвижной выставки 1940 года. Таким образом, со времени подписания приказа “Портрет Басина” формально за Русским музеем не значился.

На торгах Аукционного дома Кристи в Лондоне портрет при стартовой цене 47.000 долларов ушёл с молотка за 170.000. Добросовестный приобретатель пожелал остаться “в тени”. Он стал законным собственником произведения, поскольку в каталоге аукциона не было указаний на факт довоенной принадлежности портрета Русскому музею. Этот приобретатель, бесспорно, был знатоком высокого искусства и по достоинству оценил кисть русского классика.

В Департаменте по сохранению культурных ценностей Министерства культуры РФ решили до конца размотать запутанный клубок судьбы портрета. Впервые столкнувшись с “цивилизованным” сбытом отечественной собственности, эксперты ломали голову: куда и к кому обращаться, как узнать хотя бы фамилию и адрес анонимного приобретателя портрета? Ведь аукционы сведений о своих клиентах не разглашают. Возникла идея – провести очередную предаукционную выставку Дома Кристи в Москве. В октябре 1997 года на открытие выставки, как и ожидалось, в нашу столицу приехали руководители известного аукциона. Они с интересом восприняли “военную” историю картины О. Кипренского и рекомендовали подготовить письмо для юристов анонимного владельца. В ноябре руководители Дома Кристи, рассмотрев предоставленное “резюме” Министерства культуры, попросили прислать дополнительные

документы, подтверждающие право Русского музея на “Портрет Басина”. В Русском музее оперативно подготовили заверенные копии акта поступления произведения в музей, выписки из книги поступлений, акта временной выдачи и другие материалы. Документы были тщательно изучены юристами Аукционного Дома Кристи и переданы анонимному обладателю портрета.

Через некоторое время пришло известие, в котором коллекционер и предприниматель, президент Нью-Йоркского музея современного искусства, экс-посол США в Австрии Рональд Лаудер сообщил о своём решении передать картину России. “Я возвращаю её в Русский музей как подарок от моей супруги и меня к 100-летию юбилею музея. Я всегда восхищался Русским музеем и надеюсь в будущем увидеть “Портрет Петра Басина” в его собрании”.

После 58-летнего заточения в пакаузах оперативного штаба Розенберга и хранилищах австрийского монастыря Мауэрбах произведение Ореста Кипренского в марте 1998 года в торжественной обстановке было передано Государственному Русскому музею, где ему присвоили новый инвентарный номер.

Криминальная история мозаики янтарной комнаты

После тщетных многолетних поисков пропавшей во время Великой Отечественной войны Янтарной комнаты советские власти решили воссоздать её интерьер общей площадью около 100 кв. м. Восстановление живописного плафона, позолоченной резьбы, наборного паркета и янтарных панелей утраченного шедевра Правительство поручило объединению “Реставратор”. Были отпущены огромные средства – свыше 11 млн долларов (7 млн – доля России, 4 млн – доля германского концерна “Рургаз”). Из Калининграда в мастерскую объединения поступило 10 тонн янтаря, 6 тонн прибыло из Германии. По первоначальным подсчётам, на панелях должно было поместиться около 860 кг янтарного резного убранства.

Группа реставраторов после продолжительного изучения исторического материала и тщательной отработки технологических приёмов в 1984 году приступила к предварительному этапу воссоздания янтарного шедевра, самого дорогостоящего произведения, безвозвратно утраченного во время войны.

Немало усилий и времени потребовал сбор самоцветного сырья и поиск цветового решения 4 подлинных флорентийских мозаик. Они располагались в центре экспозиции в широких настенных панно, заключённых в рамы. Изготовленные во Флоренции мозаики, по замыслу гениального Растрелли, были одним из ключевых элементов художественного убранства уникальной комнаты. Как выяснилось, профессионально занимающихся обработкой янтаря мастеров в Германии и Польше не осталось, в Италии культура работы с флорентийской мозаикой оказалась утраченной. Пришлось заняться изобретением станков для обработки материала и подготовкой мастеров.

Музей янтаря г. Калининграда предоставил возможность в течение 2-х лет работать над фрагментами Янтарной комнаты в масштабе 1:1. Предварительно реставраторы взяли за изготовление копий янтарных изделий из коллекций Государственного Эрмитажа, Екатерининского и Павловского дворцов, Оружейной палаты Московского Кремля, отреставрировали янтарную шкатулку и зеркало Петра I, посох и распятие из Оружейной палаты. В процессе этой работы осваивались технологии художественной обработки янтаря. Результаты, сверенные с произведениями польских и немецких мастеров, показали, что поиски российских реставраторов идут в правильном направлении.

Одна из основных проблем – решение цветовой гаммы будущих панелей. К началу XX века многие секреты мастерства и технологии, в том числе и окраски янтаря, были уже утрачены. Рецепты зарубежных мастеров оставались глубокой тайной. Исследования в архивах привели к важному открытию: в найденном донесении поручика Андриянова от 3 августа 1762 года говорилось о “варении” янтаря при изготовлении Янтарной комнаты в Царском Селе: “Сего потребно к янтарным работам для варения янтаря масла репного 12 фунтов, для мытья вареного янтаря мыла 4 фунта, гумми-мастики 2 фунта, свеч простых сальных – 100 для дачи мастерам в ночное время”.

К работе реставраторов были привлечены специалисты кафедры технологии органических красителей Ленинградского технологического института. В 1988 году была защищена кандидатская диссертация и выданы два авторских свидетельства на изобретение способа окраски янтаря.

Сложной проблемой для российских мастеров-камнерезов обернулось воссоздание 4 флорентийских мозаик с изображением аллегорий пяти человеческих чувств (зрение, слух, вкус, осязание и обоняние), подаренных Елизавете Петровне австрийской императрицей Марией-Терезией. Как оказалось, работа по цветному камню и технике флорентийской мозаики в России традиций не имела. А в руках реставраторов – лишь чёрно-белые фотографии довоенного времени. Появилась информация, что подобные мозаики находятся в замке Шёнбрунн в Австрии. Там выяснили: живописные картоны, с которых выполнены флорентийские мозаики, хранятся во Флоренции. Западные специалисты рекомендовали заказать изготовление мозаик в мастерских музея Петра Дуре. По мнению знатоков, самостоятельное изготовление подобных произведений – большой риск.

Прежде чем приступить к изготовлению (самостоятельному!) мозаик, мастера объездили множество месторождений цветного камня в России. Криминалистическая лаборатория смогла определить состав мастик, на которые крепится к основе цветной камень. В апреле 1987 года состоялась творческая поездка мастеров во Флоренцию. Именно здесь были выполнены мозаики и находились живописные картоны. Мастера узнали, что автором мозаик Янтарной комнаты является Джузеппе Дзюкки, а заказчиком их был венский императорский двор. Позднее из Флоренции были получены четыре больших слайда с живописных картонов мозаик.

В фотолаборатории Государственного Эрмитажа были выполнены цветные фотографии в натуральный размер. Это и послужило эталоном для работы в камне.

Результаты поездок, отработка методик и цветных эталонов, разработка рецептуры мастик, а также изрядный запас самоцветного сырья, привезённого со всех концов России, позволили русским мастерам приступить к уникальной работе – выполнению мозаик. **Полное возрождение Янтарной комнаты продолжалось 25 лет!**

Как известно, история продолжающихся поисков похищенной нацистами Янтарной комнаты изобилует множеством сюрпризов. Предположений о возможном местонахождении – не перечесть. В обширной литературе, посвящённой её поискам, “отработаны” сотни версий с “прочёсыванием” полуразрушенных замков, заброшенных шахт, подземных хранилищ, подвалов и бункеров, в которых главари Третьего рейха привыкли прятать награбленные культурные ценности.

Изготовленный в 1701–1711 годах янтарный кабинет обошёлся Прусскому королю Фридриху I в 30 000 рейхсталеров. Сын короля Фридрих Вильгельм I, презиравший причуды своего покойного отца, в 1716 году преподнёс кабинет русскому царю Петру I в подарок. Отправленные под усиленной охраной через Кёнигсберг, янтарные панели прибыли в Санкт-Петербург. Здесь их приняли, и в дневнике генерал-губернатора столицы А. Д. Меншикова появилась запись: “некоторые панели разбиты, многих фрагментов не хватает, другие крошились в руках”. Однако находящемуся в Париже государю он сообщает, что почти все панели им лично осмотрены и находятся в хорошем состоянии. Из некоторых выпали небольшие фрагменты, но их можно заменить новыми. Подобного великолепия, включает князь, ему еще не приходилось видеть. Доставленный в Россию груз с приложенной к нему описью и рекомендацией по его сборке оставался в Летнем домике царя до его смерти в 1725 году.

По поручению императрицы Елизаветы Петровны панели перевезли в Царское Село. Архитектор Растрелли установил их на стенах одного из залов золотой анфилады дворца. При этом комната была дополнена и отделана новыми мозаиками, зеркалами и резным декоративным обрамлением. 22 янтарные панели (высотой 10 м), 24 фрагмента карнизов, прикреплённых к деревянной основе, четыре мозаичных панно из цветных камней вошли в ансамбль янтарного шедевра. Его первоначанный вид поддерживался периодическими реставрационными работами. Янтарная комната почти два столетия украшала Екатерининский дворец. Исследователи её исчезновения и организаторы поисков до сих пор не могут дать однозначного ответа: почему янтарное чудо советские власти своевременно не эвакуировали в составе многотысячного комплекса других экспонатов Екатерининского дворца? “Глухой, интригующей и какой-то зловещей загадкой” называют её исключение из числа подлежащих эвакуации культурных ценностей.

В сентябре 1941 года немцы захватили г. Пушкин (Царское Село). Янтарную комнату, примитивно и спешно замаскированную, армейская команда ротмистра графа Сольмса, бывшего директора Франкфуртского исторического музея, обнаружила без особых усилий. Панели, панно и всё остальное убранство демонтировали за 36 часов и вывезли в Кёнигсберг без надлежащего учёта. По указанию гауляйтера Эриха Коха янтарная добыча была передана под покровительство знатока янтарных изделий д-ра Альфреда Роде. В одном из залов Кёнигсбергского замка развернулась экспозиция заметно поблекшей за время перевозки Янтарной комнаты. При подготовке выставки д-р Роде обнаружил пропажу одной из четырёх флорентийских мозаик. Розыск пропажи успехом не увенчался.

Весной 1944 года, когда война приобрела для гитлеровцев нежелательный оборот, панели и панно были разобраны и в ящиках складированы в Рыцарском зале Кёнигсбергского замка. С апреля 1945 года след Янтарной комнаты теряется. Колоссальные усилия профессиональных и самодеятельных поисковиков, устремившихся на поиски как сквозь землю провалившихся янтарных панелей, результатов не дали. Однако на европейском рынке культурных ценностей отдельные фрагменты убранства комнаты периодически возникали. Разразившаяся в 1990-е годы нешуточная полемика по поводу вероятного возвращения Германии остатков перемещённых в Советский Союз ценностей повысила градус внимания и к проблеме похищенных нацистами российских предметов культуры.

Летом 1997 года вышел первый том “Сводного каталога”, и тут же из Германии прилетела новость: на поверхность “всплыла” одна из четырёх флорентийских мозаик Янтарной комнаты – “Осязание и обоняние”.

Житель города Бремена, некий Ганс Ахтерман со своим адвокатом пытались сбыть её на “чёрном рынке” за 2,5 млн долларов. На вопрос полиции Гамбурга о происхождении предмета продавец и его посредник по сбыту разумительного ответа дать не смогли. Ахтерман туманно объяснял, что ещё в 1978 году на него большое впечатление произвёл телевизионный документальный фильм с рассказом немецкого поисковика-любителя Георга Штайна о пропавшей Янтарной комнате. Мелькнувшая на экране каменная мозаика была очень похожа на ту, что лежала на чердаке дома его родителей. В прессе много писали о немецких ценностях, застрявших в России. И он решил крупно заработать. Нашёл в Гамбурге адвоката, который подрядился организовать выгодную сделку. Было задумано выставить мозаику на продажу анонимно. Ситуацией заинтересовались репортёры журнала “Шпигель”, и дело приняло публичный оборот. Объект продажи был изъят полицией, а продавца на два месяца подвергли аресту.

Весть о возможном появлении мозаики Янтарной комнаты на “чёрном” рынке быстро распространилась, все крупные европейские издания запестрели броскими заголовками, сообщая, что “получила дальнейшее развитие загадка бесценного сокровища” и т. п.

Расследование показало, что мозаика пропала в октябре 1941 года, когда команда графа Сольмса без надлежащего оформления отправляла имущество Екатерининского дворца, включая Янтарную комнату, в Кёнигсберг. В числе участников перемещения культурных ценностей Царского Села на железнодорожную станцию Сиверская был и офицер вермахта Ахтерман-старший. Ему-то и приглянулся фрагмент янтарного “чуда”, размером 70,5 x 55 см. Престарелый сын похитителя не сдавался и пытался заявить свои претензии на скандальную вещь: он, видите ли, не знал о её принадлежности Янтарной комнате. И требует оплаты изъятых предметов. Полиция Гамбурга разыскала проживающую в США бывшую супругу Ахтермана, с которой она находилась в разводе более 20 лет. Она подтвердила, что мозаика украшала стену спальни Ахтермана-отца, и все домочадцы гордились тем, что владеют сувениром из Янтарной комнаты царского дворца.

Затянувшуюся тяжбу прервала внезапная смерть Ахтермана-младшего. Его наследники, не решаясь продолжать тягостный диалог с германской Фемидой, уступили “проклятую” русскую мозаику за символическую сумму городу Бремену.

За перипетиями этой истории с особым интересом наблюдали российские мастера-камнерезы, воссоздавшие аналог внезапно явившейся на белый свет подлинной мозаики. Их тревожили сомнения по поводу её цветового решения.

В Германии с участием компетентных специалистов произвели детальный и тщательный осмотр подлинника и сравнили его с воссозданной копией. Оба фрагмента были признаны абсолютно идентичными.

30 апреля 2000 года мэр города Бремена, председатель торговой палаты города и министр культуры Германии вручили подлинную флорентийскую мозаику Янтарной комнаты непосредственно Президенту Российской Федерации В. В. Путину. Так в Екатерининском дворце Царского Села появился “запасной” экземпляр флорентийской мозаики до сих пор не найденной Янтарной комнаты.

Долгое возвращение русской святыни

Исчезновение чудотворной иконы Тихвинской Богоматери накануне изгнания оккупантов за пределы России серьёзно встревожило православный мир. В течение шести послевоенных десятилетий возникали и пропадали слухи о скитаниях иконы на чужбине. О подлинном положении святыни за рубежом в России знали немногие. Засекреченные материалы центральных архивохранилищ цепко хранили скудные сведения о попытках советских властей вернуть икону на родину. Факт её возвращения был отмечен как событие особой важности, но о подробностях вывоза иконы из России пресса скромно умалчивала. Как бы там ни было, но икона в 2004 году вернулась на своё законное место в восстановленном Тихвинском монастыре.

“Тихвинская Божия Матерь” — одна из главных святынь русского народа, почитаемая как ровесница самой Богородицы. Согласно легенде, её образ сотворил сам апостол Лука. В V веке н. э. икону из Иерусалима доставили в Константинополь. Тысячелетие спустя она чудом оказалась на берегах Ладожского озера. На месте её обнаружения в 1380 году у реки Тихвинка по указу великого князя Василия III был сооружён Успенский собор. Сюда на богомолье неоднократно приезжал Иван Грозный. По его повелению в 1560 году на месте нахождения иконы был построен Большой Успенско-Богородичный мужской монастырь. Отличившаяся всевозможными чудесами — исцелением парализованных и глухонемых, прозрением слепых, но особенно заступничеством при обороне обители от шведских интервентов в Смутное время, — икона была признана чудотворной и обрела статус хранительницы Севера Руси. По церковному календарю ежегодно 9 июля (день обретения иконы) в её честь совершалось богослужение. Перечень российских императоров, императриц и их приближённых, поклонявшихся святыне, нескончаем. Тихвин в разное время посещали представители династии Романовых: императрица Анна Иоанновна пожертвовала для иконы крупный, изысканной работы изумруд с вырезанным на нём Распятием. Великая княгиня Екатерина Павловна приложила к иконе дивной красоты бразильский топаз. Императрица Мария Фёдоровна даровала голубой сапфир в 80 карат. Император Николай I — изготовленную для иконы золотую ризу весом около 9 кг. Ризу украшали 4 809 бриллиантов, 593 розы из бриллиантов, 141 алмаз, 5 852 жемчужины, 4 изумруда и т. д. Имеются сведения, что дарованная риза с большим количеством драгоценностей была в 1914–1918 годах перевезена в Петроград. Позднее вместе с другими государственными ценностями ризу из северной столицы якобы отправили в город Ейск. Место нахождения ризы до сих пор не установлено, дарованной иконе драгоценности бесследно исчезли. В советское время икона, естественно, без золотого оклада, находилась в Тихвинском Успенском монастыре, часть построек которого была передана местному краеведческому музею. Здесь в ноябре 1941 года икону обнаружила и захватила зондеркоманда вермахта “Гёрлиц”. В руках оккупантов оказались 64 предмета культового назначения — иконы, кресты, а также церковная утварь.

30 ноября 1941 года сотрудники оперативного штаба Розенберга рапортовали в Берлин о “спасении очень ценной русской иконы”. И дали понять: этот факт целесообразно использовать в пропагандистских целях, для пользы “великой Германии”. В Берлине эту идею оценили и срочно затребовали список “спасённого” в Тихвине церковного имущества. 3 марта 1942 года культурные ценности под контролем “искусствоведов” штаба Розенберга были доставлены в Псков и переданы в распоряжение городской комендатуры. Икону Богоматери как наиболее ценный трофей поместили в оружейную комнату комендатуры и приставили к ней дополнительную охрану. Приказом № 10 шефа политической

полицей Гейдриха от 16 августа 1941 года “О церковном вопросе на оккупированных территориях СССР” предписывалось “не проявлять какой-либо заботы о положении Православной Церкви, поскольку о восстановлении прежней патриархальной Русской Церкви не может быть и речи”. В приказе рекомендовалось отдельные реликвии “с учётом местных условий” предоставлять в распоряжение населения “исключительно для отправления богослужений”. Рейхсляйтер Министерства по оккупированным территориям Розенберг, один из ключевых идеологов рейха, Православную Церковь воспринимал как носительницу враждебной рейху национальной идеи. В своих распоряжениях оперативному штабу он рекомендовал “допускать некоторую религиозную свободу”, полагая, что “Русское Православие – всего лишь красочный этнографический ритуал”.

Главное управление госбезопасности гитлеровской Германии внимательно отслеживало настроения русских на оккупированной территории. Оперативные команды спецслужб в донесениях подтверждали целесообразность “приручения” населения при помощи религии. Оккупантов обнадёживали стабильно наполняемые народом храмы, спрос на книги религиозного содержания, возрастающее число обрядов крещения, бракосочетания, похорон, панихид и т. д. В Министерстве по оккупированным территориям были обескуражены резким отпором православных служителей Церкви попытке немецких властей ввести в богослужение и религиозные праздники григорианский календарь. Оказалось, верующие в России решительны в защите своих прав на сохранение религиозной традиции.

В марте 1942 года икона Тихвинской Богоматери при большом стечении народа была торжественно передана представителям Русской Православной Церкви. По приказу оккупационных властей икону каждое воскресенье доставляли в собор на службу и к 18:00 возвращали под охрану в сейфе военной комендатуры. В начале 1944 года, когда Красная армия перешла в наступление, в штабе Розенберга принимают решение: икона Тихвина подлежит вывозу на сборный пункт “конфискованных” ценностей в Ригу. В документах оперативного штаба имеется скупое сообщение:

“Тихвинская Богоматерь доставлена морем из Риги в Данциг...”;
“26 февраля 1944 года икону привезли в Ратибор”.

Дальнейшие перемещения иконы по территории поверженной Германии зафиксировали советские разведчики. Об этом в 1948 году сообщал в Москву Главнокомандующий группой советских войск маршал В. Д. Соколовский: икона находится в пределах американской зоны оккупации под опекой Иоанна Горклавса. Официальные запросы советских властей о возвращении иконы законным владельцам американцы оставляли без внимания. Маршал Соколовский обратился к американскому коллеге генералу Д. Клею: “С реституцией советского имущества из американской зоны... сложилось совершенно недопустимое положение. Награбленные гитлеровцами драгоценные памятники национальной культуры и искусства незаконно задерживаются в американской зоне”. В числе задерживаемых объектов называется и икона Богоматери Тихвинской. Генерал Клей, отвергая претензии советской стороны относительно иконы, ответил маловразумительно: “Данное требование ещё рассматривается нашими полевыми войсками. Однако икону мы не нашли и не идентифицировали”. На самом деле военные власти США были хорошо осведомлены о том, что епископ Иоанн Горклавс и его приёмный сын Сергей, сопровождающие икону, пребывают в различных лагерях для беженцев в американской зоне оккупации Германии. Знали об этом и советские разведчики, сообщая, что епископ, переходя с иконой из лагеря в лагерь, “молитвой поддерживал тех, кто оказался вне родины”.

В Москве было решено действовать. Для опознания иконы сформировали группу из компетентных представителей Церкви. На поездку выделили 4 800 немецких марок, наметили дату выезда, заказали билеты. Однако американские власти без каких-либо объяснений визы советских экспертов аннулировали, а епископа Горклавса и его приёмного сына вместе с иконой тихо отправили в США, сначала в Бостон, а оттуда – в Нью-Йорк. В середине 50-х годов Горклавс с иконой поселились в Чикаго. Епископ Иоанн был возведён в сан архиепископа православной диаспоры США. С иконой и с приёмным сыном Горклавс объездил все православные храмы и монастыри Америки.

В 1988 году настоятель Свято-Троицкого собора в Чикаго архиепископ Иоанн Горклавс скончался. По завещанию он передал икону своему преемнику, сыну – протоиерею Сергию Горклавсу. **Согласно воле архиепископа, возвращение иконы в Россию может состояться в случае полного восстановления Свято-Успенского Тихвинского монастыря.**

В Министерстве культуры Российской Федерации продолжалась работа по формированию очередных томов Сводного каталога. В 1999 году составители исследовали архивные свидетельства о культурных потерях Пскова и области. Обнаружение знаменитой иконы в США привлекло внимание российских экспертов. Известная американская архивистка, профессор Гарвардского университета Патриция Гримстед Кеннеди, изучавшая проблемы перемещённых ценностей в фондах московских архивов, активно общалась с волонтерами Сводного каталога. Она сообщила, что интересующая нас Тихвинская икона – вовсе не подлинник, а малоценная копия XIX века.

В ходе архивных поисков российским экспертам удалось установить, что рижский епископ Горклавс при содействии американцев вывез икону из Европы в США по подложным документам. Её оформили как заурядный список с оригинала.

Составители решили обратиться к протоиерею Свято-Троицкого собора в Чикаго Сергию Горклавсу с единственной просьбой – сообщить параметры и другие признаки иконы с тем, чтобы установить: **подлинник или копия находится в США.** Запрос остался без ответа. Второе обращение было передано сотрудниками российского посольства в США лично протоиерею. Посольство сообщило, что икона по-прежнему находится в соборе Св. Троицы в Чикаго под попечительством Сергия, который от контактов с представителями светских властей намеренно уклоняется. В Министерстве культуры сочли возможным связаться с о. Сергием при содействии Московской Патриархии. В Патриархии поддерживали намерение Министерства включить вывезенные во время войны церковные реликвии в реестр утраченных ценностей и обратились к предстоятелю Автокефальной Православной Церкви Америки и Канады с просьбой получить от протоиерея С. Горклавса реквизиты находящейся на его попечении иконы.

Некоторое время спустя в Министерство культуры поступила информация из Тихвина: в июле 2001 года протоирей Сергей Горклавс посетил Свято-Успенский Тихвинский монастырь, где с большой тщательностью ознакомился с историей создания его архитектурного ансамбля. Особое внимание он обратил на ход возрождения Успенского собора, где в течение нескольких столетий помещалась чудотворная икона. Протоирей подтвердил, что в настоящее время она находится в его личных покоях и доступна для молитвы всем страждущим. По словам протоиерея, православные монастыри Америки проявляют заинтересованность в том, чтобы поместить икону у себя. Но по завещанию архиепископа Иоанна Горклавса святыня должна возвратиться на Родину. В январе 2004 года о. Сергия принял Патриарх Московский и всея Руси Алексей II. **Намерение хранителя вернуть икону восстановленному Свято-Успенскому Тихвинскому монастырю завершилось полным согласием.** Священный Синод Православной Церкви в Америке объявил, что икона должна возвратиться в Россию.

Чудотворный образ Богородицы Тихвинской был торжественно передан прибывшей на жительство в Тихвин семьёй о. Сергия Горклавса Свято-Успенскому монастырю 4 июля 2004 года – в день её обретения.

Возвращение “Летящего Меркурия”

В конце XVIII века резиденцию Екатерины II в Царском Селе решили украсить бронзовыми изваяниями, изготовленными по гипсовым слепкам со знаменитых образцов античной и европейской скульптуры. Воссоздать копию знаменитого произведения Джамболоньи “Летящий Меркурий” предложила сама императрица. За образец был выбран гипсовый слепок с наиболее известной флорентийской копии из галереи Барджелло. За изготовление ответственного заказа взялась Петербургская академия художеств. Куратором литейных отливок и работ по чеканке был назначен профессор Фёдор Гордеев. Воссозданная в 1783 году русскими мастерами скульптура вначале была установлена в Царскосельском парке.

После смерти Екатерины II император Павел I повелел переместить ряд памятников искусства из Царского Села в Павловск, где “Летящий Меркурий” впервые был упомянут в описи парковой скульптуры. В инвентарной книге 1801 года после проведения тщательного учёта царского имущества в Павловске было записано: “Медный статуи в полный рост Меркурия”. С 1825 по 1941 годы “статуи” простоял в центре скульптурной аллеи из двадцати бронзовых бюстов. На этом месте он неоднократно был запечатлён на довоенных фотографиях. Инвентарь парковой скульптуры Павловска за 1920 год, выверенный в 1938 году, свидетельствует: “Летящий Меркурий” занесён под № 34 (5189), стр. 83–84 и подробно описан”.

Накануне захвата немцами Павловска парковые изваяния были помещены в деревянные ящики, зарыты в землю и прикрыты дёрном. Их вывоз в тыл по плану эвакуации не предусматривался.

В процессе работы над материалами “Сводного каталога” составители систематически обращались к зарубежным архивам. Трофейные документы оперативного штаба Розенберга, сосредоточенные в архивохранилищах Москвы, Киева и Калининграда, а также в немецких архивах Фрейбурга, Берлина и Потсдама, помогли воссоздать некоторые эпизоды хозяйничанья гитлеровцев в Павловске. В донесениях экспертов штаба сообщается: “Летний дворец Павла I занят штабом одной из дивизий. Командантом дворца является капитан Гуттманн”. “Предметы мебели даже генералам выдаются по квитанциям”. “Бронзовые и мраморные статуи выкопаны по распоряжению коменданта и помещены в здании дворца. Кроме того, сохранились стулья, кресла, светильники и ковры, а в часовне – многочисленные иконы. Библиотека уже вывезена группой Кюнсберга для штаба Розенберга. Коллекция гемм изъята и вывезена СС”. Эксперты штаба засвидетельствовали: двенадцать бронзовых бюстов и статуя “Летящий Меркурий” вывезены по распоряжению коменданта дворца. В последующем никаких следов и сведений о судьбе знаменитого произведения не обнаруживалось.

1979 год. В столице Австрии Художественно-исторический музей проводит выставку работ Джамболони. Находящийся в командировке научный сотрудник Государственного Эрмитажа Сергей Андросов посещает выставку, и его внимание тут же концентрируется на скульптуре “Летящий Меркурий”. Скульптура почему-то не включена в каталог выставки и размещена не в зале, а в фойе музея. Вразумительных объяснений “особого статуса “Меркурия” от кураторов выставки Андросов не получил, но выяснил, что скульптура доставлена в Вену из замка Эггенберг города Граца. При внимательном осмотре скульптуры на задней стороне базы Андросов с удивлением обнаружил чётко выгравированную надпись на русском языке: “При Императорской Академии Художеств воском изобразовал профессор Фёдор Гордеев, отлил мастер Гас-теклу, доделал и чеканил Василий Можалов в 1783 г.”.

На основе информации Андросова дирекция Павловского музея-заповедника после десятилетнего размышления направила-таки в Австрию первый запрос – о возможной принадлежности “Меркурия” из Граца России. От австрийской стороны ответа не последовало. На повторный запрос в 1991 года ответ был получен полтора года спустя. Ответ, подготовленный президентом Земельного музея г. Граца, поступил в изложении советника по культуре посольства Австрии в Москве. Согласно австрийской версии, получалось так, что находящийся в замке Эггенберг “Летящий Меркурий” является частью крупной закупки скульптур, произведённой владельцем замка графом Херберштейном в Риме в 20-е годы XIX века. На выставку в Вену, по словам советника посольства, “Меркурий” был доставлен из города Граца, где находился в специально построенной беседке на территории замкового сада. В настоящее время, утверждал советник, отреставрированная скульптура украшает лестничную площадку замка. Заодно были даны объяснения восхитительного сходства австрийского “Меркурия” с утраченным российским аналогом. По мнению австрийских экспертов, подготовленная в Риме в 1783 году модель стала основой для изготовления нескольких отливок. Одна из них была отправлена в Павловск, а другую приобрёл граф Херберштейн для замкового парка. Австрийская сторона при этом ссылалась на единственное упоминание о “Летящем Меркурии” из Граца в каталоге замковой реставрации за 1976–1979 годов, где имеется указание на закупку скульптуры в начале XIX века. В австрийском ответе прозвучал “убедительный” довод: опрос персонала, обслуживающего семью графа

Херберштейна, показывает: скульптура стояла в замковом саду задолго до начала Второй мировой войны. Заодно были даны “научные” объяснения появления надписи кириллицей на базе “Меркурия”. Оказывается, в 1783 году восковую модель скульптуры, её отливку и чеканку вывезли в Рим три члена русской Академии Художеств. Таким образом, по мнению австрийских знатоков, скульптура была дублирована в Риме по оригиналу. Никаких документальных свидетельств о таком событии австрийская сторона не предъявила, но дала понять, что предположения о перемещении “Меркурия” из Павловска в Грац во время Второй мировой войны – нонсенс.

Объяснение присутствия русского текста на базе австрийского “Меркурия” не выдерживала никакой критики. В Павловске хорошо знали – наличие на задней стороне базы скульптуры упоминания трёх мастеров – для России явление более чем уникальное. Скульптор Гордеев и мастера литейного и чеканного дела Гастеклу и Можалов своими именами удостоверяли прямое отношение к изготовлению шедевра. Обычно бронзовые отливки имели одну или две подписи, а иногда и вовсе были их лишены. При этом надписи в XIX веке нарезались на окончательно отделанной бронзовой отливке, а не на гипсовой модели. И они не могли повторяться путём последующих отливок (такая практика появилась в более позднее время). Восковые же модели, применяемые в технологии бронзово-литейной мастерской Петербургской Академии Художеств того времени, были вообще одноразовыми.

Документальные описания “Летящего Меркурия” с указанием его размеров, а также подлинные объяснения тройной надписи на отливке были обнаружены в российских архивах. Свидетельства из дела мастера Василия Можалова обстоятельно освещают подробности создания статуи: мастер Гастеклу, получивший восковую модель 23 мая 1782 года, отлитую им бронзовую статую отделать к сроку не успевал. Работу передали мастеру Можалову, который и завершил её к декабрю 1783 года. Надпись на скульптуре точно и справедливо зафиксировала вклад каждого мастера в создание “Меркурия” и отразила место изготовления – Петербург, а не Рим, как утверждают австрийские специалисты.

В числе утрат Павловского дворца 1942 года традиционно фигурируют картины, редкие книги из Библиотеки Росси, старинная дворцовая мебель и разрушенный дворец. О пропавших скульптурах парка – 12 бронзовых бюстов, мраморных статуй “Лето”, “Венера Каллипига”, “Актеон с ланью”, “Амур, снимающий с крыла бабочку” и “Летящий Меркурий” – скромно умалчивается. Эти произведения дворцовой и парковой пластики были впервые обозначены и описаны во втором томе “Сводного каталога культурных ценностей России, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны” (М., 2000).

Дальнейшие события вокруг находящейся в Австрии скульптуры “Летящий Меркурий” развивались с участием Министерства культуры Российской Федерации. Эксперты понимали: истинную принадлежность “Меркурия” надо идентифицировать путём проведения совместной экспертизы при участии компетентных специалистов и с предъявлением достоверной документации. Сомнений не было: австрийская сторона факт принадлежности статуи Павловску будет оспаривать “до упора”.

С июня 2000 года диалог с австрийскими властями продолжался при содействии МИДа Российской Федерации. В течение последующих 4-х лет австрийские оппоненты выдвигали разные версии обретения скульптуры, они упорно уклонялись от наших предложений провести совместную экспертизу. В марте 2001 года из Вены сообщили: статуя, оказывается, графу Херберштейну не принадлежала, и он вовсе не приобретал её в Риме в начале XIX века! Оказывается, “Меркурий” был обнаружен в разгромленном в результате бомбардировок англо-американской авиации доме некоего “императорского советника генерала фон Пихлера”. О документах, подтверждающих право собственности на скульптуру почившего 200 лет назад генерала, – ни слова. На одно обстоятельство, указанное в последнем сообщении австрийских экспертов, в Москве обратили особое внимание: разгромленный дом “императорского советника” подлежал окончательному сносу, и “Летящий Меркурий” как “бесхозное” имущество угодил в хранилища государственного фонда. И только в 1956 году было передано городу Грац. Австрийские коллеги, ссылаясь на явно надуманные обстоятельства, стойко держали оборону – статуя принадлежит Австрии, доказательств её принадлежности России не имеется.

Российская позиция тоже оставалась неизменной: только совместная экспертиза позволит установить истинную принадлежность скульптуры.

Однако Австрия, откровенно «саботирующая» нормальный диалог о судьбе «Летящего Меркурия», проявляла живой интерес к возвращению своих папирусов, перемещённых после войны на территорию СССР. По этому вопросу Министерство культуры РФ согласилось на проведение в Москве переговоров с участием австрийских коллег и дипломатов. В состав российских участников по нашей рекомендации был включён главный хранитель Павловского дворца-музея.

В ходе обсуждения протокольных и предусмотренных программой вопросов возникла проблема «Летящего Меркурия». Представитель австрийской делегации заявил, что озабоченность России по поводу возвращения своих утраченных в период войны культурных ценностей ясна и понятна. Однако случай с «Меркурием» не имеет к этому прямого отношения. Скульптура принадлежит частному лицу — гражданину Австрийской республики — и никогда не находилась на территории России. На вопрос, кто именно и на каких основаниях владеет скульптурой после передачи её в 1956 году из государственного фонда в город Грац, представители австрийской делегации не смогли дать вразумительного ответа. Здесь же и был согласован вопрос о целесообразности проведения совместной искусствоведческой экспертизы. Что и было занесено в протокол.

В последующем австрийские власти неоднократно информировали МИД России о готовности принять экспертов из Павловска «в согласованные сроки», но приглашения не присылали. Наконец такой срок наступил — в Грац отправились Главный хранитель музея Павловского дворца и хранитель парковых скульптур Павловска.

Австрийские эксперты были сражены, когда ознакомились с инвентарными описями Павловского дворца 1920 и 1938 годов, где были зафиксированы отреставрированные повреждения на ноге «Меркурия». Следы реставрации были тут же идентифицированы при визуальном осмотре статуи.

В ноябре 2002 года Главный хранитель музейных коллекций замка Эггинберг Барбара Кайзер в письме, адресованном дирекции Павловского музея-заповедника, признала, что находящаяся в замке бронзовая скульптура Джамболоньи «Летящий Меркурий» идентична той, что была похищена нацистами в годы войны в Павловске. Затянувшийся прилёт на Родину выдающегося образца бронзовой пластики — «Летящего Меркурия» — состоялся весной, в марте 2005 года.

“Нептун” вернулся... с мотоциклом !

7 сентября 1941 года передовые части вермахта заняли Царское Село, 23 сентября — Петергоф. Для проведения инспекции императорских дворцов в оперативном штабе Розенберга спешно формируют рабочую группу «Ингерманланд». Экспертов подбирали из числа высококлассных специалистов, среди которых были директора германских архивов и музеев, университетские профессора. Д-ра Вундер, Штеве, Пастор и фон Крузенштерн были срочно направлены в Ригу, а оттуда под Ленинград, на станцию Сиверскую, где находился штаб войсковой группы «Норд». Экспертам предстояло заняться оценкой и инвентаризацией оставшихся во дворцах и парках ценностей. Первичный осмотр показал, что специалисты безнадежно опоздали — многое из дворцового имущества уже вывезено и расхищено. До прибытия команды оперативного штаба Розенберга здесь хозяйничали люди армейской группы под командованием бывшего директора Франкфуртского исторического музея, ротмистра графа Сольмса. Граф-ротмистр действовал по поручению командующего группой войск «Норд» Кюхлера. Тут же занимались вывозом музейного имущества специалисты СС под командованием штурмбанфюрера барона Кюнсберга. В его распоряжении были первоклассные знатоки архивных дел и культурных ценностей, а также грузовики и рота эсэсовцев. Перед отрядом Кюнсберга была поставлена стратегическая задача — выявлять и изымать в поверженном Ленинграде, а затем и в Москве документы политического характера. Получившие «добро» военного командования действовать на захваченной территории в окрестностях Ленинграда, эксперты оперативного штаба Розенберга выяснили, что армейская команда графа Сольмса,

в нарушение установленного порядка, без должного оформления грузов, без уведомления и санкции оперативного штаба Розенберга, основные ценности дворцов отправила в Псков и в Кёнигсберг. Среди отправленных объектов была и демонтированная Янтарная комната.

Донесения “опоздавших” экспертов штаба в Берлин высвечивали трагическую картину разорения: “Большой дворец в Петергофе со своим внутренним убранством полностью сгорел от обстрела. Сохранились здания флигелей и кавалерийских корпусов, но их внутреннее убранство уничтожено...”

В парке – между фонтаном и дворцовой часовней – всё ещё лежит ящик с произведениями искусства. В гроте под садовой террасой припрятана коллекция фарфора... фонтан Нептуна не защищён”. Намётанный глаз оккупанта фиксировал возможную добычу: “Здание и ценные внутренние украшения дворца Монплезира не повреждены, если не считать одного попадания снаряда. Убранство полностью разорено и уничтожено. Церковь св. Александра Невского, построенная в 1832 году и относящаяся к числу значительнейших архитектурных творений немецких художников на русской земле, не повреждена, за исключением нескольких икон. Интересное русское православное убранство повреждено основательно: сильнее всего пострадали картины в иконостасе, которые предположительно написаны Нефом”. Обнаруженные в часовне самые ценные иконы отправляются на сборный пункт штаба в Ригу. Там продолжится селекция, и “самые-самые” будут удостоены вывоза на территорию рейха. Часть сокровищ, отобранных в императорских дворцах, ротмистр Сольмс распорядился разместить “навалом” в Поганкиных палатах Пскова. Роскошные дворцовые стулья и кресла, картины, ковры, серебро из петергофского дворца отданы для украшения интерьера офицерского клуба при штабе 38-й армии. Мнение высокопоставленных экспертов было единым: боевые части немцев **“имеют на это традиционное право”**.

Сотрудники оперативного штаба ведут агентурную работу, фиксируют факты **откровенного грабежа музейно-дворцового имущества**. Среди “ценителей” прекрасного устанавливается некий лейтенант Шмекель, вывезший из Петергофа в Берлин множество ценных икон. Только после многократных требований он был вынужден передать командованию список украденных предметов. Штаб рапортует и о своих достижениях: “бесценное собрание бронзовых и мраморных статуй в античном стиле закопано большевиками в парке”.

В отчётах сообщается о расхищении многих картин и других предметов искусства, о “взятии” солдатами тысячи икон из дворцовой часовни. Из Павловского дворца группа “Ваффен” СС вывезла библиотеку и уникальное собрание античных гемм. Эта группа самоуверенных эсэсовцев барона Кюнсберга действует под прикрытием Министерства иностранных дел, но выполняет приказы шефа СС Гимmlера. В Гатчинском дворце команда ротмистра Сольмса конфискует “400 портретов личностей немецкого происхождения”. В штабе предполагают, что эту коллекцию граф Сольмс, возможно, передаст на хранение Имперскому комиссариату.

Невиданный размах ограбления императорских дворцов на оккупированных территориях именовался “оперативной конфискацией” ценностей. А содержимое не установленного на месте материала будет идентифицировано позднее, в спокойной обстановке, после “победного окончания войны с большевиками”. А пока вывоз культурных ценностей осуществляется без “делового взаимодействия” подразделений МИДа, СС и СД, экономических, войсковых и прочих спецслужб.

Ленинград и дворцы его окрестностей для специалистов от культуры представляли исключительный интерес. Рассчитывая на скорое падение города, Розенберг распорядился срочно сформировать передовую команду “Петербург” для тщательной и оперативной работы. Чтобы опередить конкурентов, команда должна находиться как можно ближе к линии фронта с тем, чтобы успеть при захвате города пометить трофейными знаками “нужные штабу объекты”. На обследование объектов, начиная с Академии наук до библиотеки Кировского завода, сформирован передовой отряд из 300 экспертов. Для отряда составлена обзорная картотека на учебные и научные заведения, на театры, музеи и другие учреждения города.

Передовому отряду приданы 40 высококлассных научных специалистов – они должны определить те объекты и ценности, которые потребуют срочной

отправки на территорию рейха. В картотеку внесены особенности каждого учреждения с указанием не только адресов, но и телефонов. Объектом обследования под № 9 обозначался Эрмитаж. Далее следовали Центральный военно-морской музей, Малый драматический театр, издательство “Искусство” и т. д. Под контроль германских властей, согласно предписаниям Министерства по оккупированным восточным территориям, переходили наиболее ценные предметы и “произведения местной культуры”. Предпочтение отдавалось предметам и произведениям, которые были изготовлены проживающими в России немцами. Исключительное внимание экспертов привлекали “свидетельства германо-немецкого влияния на культуры местных народов”.

В ходе “инспекторского вояжа” сотрудники штаба в разрушенном Павловском дворце обнаружили находившиеся без всякого присмотра свыше 10 тысяч томов книг. В Гатчинском дворце – остатки уже разграбленной и никем не охраняемой библиотеки в 16 тысяч томов. В документах штаба появляется запись: “Больше здесь спасать нечего”.

По свидетельству американской газеты “Нью-Йорк Геральд Трибюн”, Петергоф после освобождения Красной армией предстал совершенно опустошённым: “Теперь, когда бои закончились, в окрестностях стоит тишина. Но она не мирная, а мёртвая... Кирпичные здания, мраморные замки с гранитными башнями сровнены с землёй либо превращены в раздолбленные груды обломков и мусора... **Петергоф полностью исчез с лица земли. Он даже не город-призрак, как Орел или Курск, – это пустыня с торчащими обломками, с лица которой было сметено, возможно, самое утончённое и радостное искусство, когда-либо сотворённое человеком**”.

Именно здесь в декабре 1941 года решалась судьба знаменитой композиции фонтана “Нептун”. По мнению экспертов штаба Розенберга, его естественное местонахождение не Петергоф, а город партийных съездов Нюрнберг, где фонтан был создан немецкими мастерами в 1660 году. На пьедестале фигуры Нептуна чётко просматриваются щиты с гербами некогда вольного города. Для его центральной площади фонтан был задуман и выполнен, и вот теперь возрождённая фюрером Германия должна по праву вернуть Нептуна в город его происхождения. Высокоумные искусствоведы в коричневых мундирах штаба знают, что в 80-е годы XVIII века совет города Нюрнберга **продал фонтан будущему русскому императору Павлу I**. Приобретённый за немалые деньги “Нептун”, упакованный в 25 ящиков, прибыл в Санкт-Петербург в 1797 году. И вот, 145 лет спустя, композицию фонтана вновь демонтируют, помещают в ящики и специальным грузом отправляют в рейх для достойного украшения ландшафта у Дворца партийных съездов в Нюрнберге.

Мэр города д-р Либль был известен тем, что неумоимо разыскивал в оккупированной Европе сокровища германской нации и возвращал их в любимый город. Возвращённые ценности укрывались в подземных бункерах, возведённых ещё в XI веке. Бункеры уходили под землёй далеко вглубь города. Здесь надёжно хранились реликвии Священной Римской империи, алтарь Фейта Штоса и принадлежавшие когда-то городу коллекции, к которым приобщили ящики с “Нептуном”. Один из тоннелей шёл через тайный вход, замаскированный под обычный небольшой магазин на неприметной боковой улочке. Оттуда начинался длинный бетонный коридор, перекрытый стальными дверями.

19 апреля 1945 года, когда американские части входили в Нюрнберг, мэр города д-р Либль **сжёл все относящиеся к хранилищам документы и закончил жизнь самоубийством**. Однако ключи от бункера оказались в руках американских военных, которые у входа в магазин поставили охрану. Ящики с “Нептуном”, извлечённые из подземелья, были отправлены в Штутгарт. Материалы, относящиеся к поискам и возвращению в Петергоф знаменитого фонтана, были обнаружены в фондах Архива внешней торговли СССР. Они свидетельствовали: в отделе реституции Управления по репарациям и поставкам Советской военной администрации в Германии в 1946–1951 годах внимательно изучали захваченные у гитлеровцев документы, показания пленных и свидетельства немецких чиновников. Отдел решал широкий круг проблем, включая отправку репарационных грузов (тракторов, экскаваторов, судов морского и речного флота, угнанных оккупантами из России лошадей, каракулевых овец и т. п.). Заодно отделу поручили заниматься приёмом от союзников и отправлением на родину вывезенных нацистами предметов культуры.

Сотрудники отдела получили первичные сведения, что знаменитый фонтан “Нептун” находится на территории Германии. Руководитель отдела полковник Георгий Николаевич Гуляев, чрезвычайно взволнованный этой новостью, поручил организовать поиск петергофского фонтана. Были осмотрены десятки тайников, в которых гитлеровцы прятали похищенные культурные ценности.

Интенсивные поиски петергофского фонтана успеха не имели. Возникла недобрая мысль – фонтан гитлеровцы могли отправить на переплавку. Эту участь разделили немало уникальных творений человеческого гения. Например, фонтан “Самсон” из того же Петергофа. Наконец, из американской зоны оккупации пришло известие от представителей советской миссии: в одном из подвалов в г. Штутгарте находится какая-то скульптура из России. На место выехал сам полковник Гуляев. По его словам, в огромном подвале среди прочих грузов выделялись массивные, целые и невредимые ящики, изготовленные по распоряжению штаба Розенберга в 1942 году для транспортировки демонтированного “Нептуна”. Эксперты после предварительного осмотра вынесли вердикт: все 54 фрагмента скульптурной группы в сохранности. В отчётах Отдела реституции Советской администрации в Германии за 1946 год среди перечней тысяч тонн никопольской руды, грузовиков, фрезерных станков, цветных металлов и переплавленных колоколов, сотен судов морского и речного транспорта и многого другого выделяется запись: “В американской зоне выявлена и возвращена **СКУЛЬПТУРНАЯ ГРУППА “НЕПТУН” ИЗ ПАРКА ПЕТРОВОРЦА ПОД ЛЕНИНГРАДОМ – стоимость определяется**”.

Для полковника Гуляева проблема своевременной отправки культурно-художественных ценностей на родину – хуже горькой редьки. Учреждения культуры Москвы его сигналы о скопившихся на складах Берлина найденных ценностях игнорировали. Гуляев для отправки “Нептуна” подобрал подходящее судно – пароход “Менделеев”, отправлявшийся из Бремена в середине декабря 1947 года. Ящики с “Нептуном”, общим весом 10140 кг, были благополучно доставлены в порт, размещены в трюме парохода для отправки по адресу: “Государственный Эрмитаж в г. Ленинграде”. 24 января 1948 года Гуляев получил уведомление: “Нептун” Эрмитажем принят”. Возвращение всемирно известного фонтана ознаменовалось казусом: в одном из ящиков вместо фрагментов группы Нептуна... обнаружили... трофейный немецкий мотоцикл. Утраченный фрагмент был воссоздан в 1973 году по сохранившимся изображениям. На средства немецкой фирмы “Кнауф” в 1997 году были воссозданы и другие утраченные элементы фонтанной композиции, в том числе и накладные рельефные гербы Нюрнберга.

Судьба Георга Штайна

1 октября 1968 года газета “Советская культура” объявила всесоюзный читательский розыск сокровищ Псково-Печерского монастыря. Обращение к читателям подкреплялось обстоятельной информацией об истории обители и, главное, были названы самые ценные вещи, увезённые гитлеровцами из монастырской ризницы. Тут же публиковалась обширная статья А. Воронова “Где сокровища Печерского монастыря?” Автор не мог смириться с мыслью, что массивная золотая цепь Ивана Грозного, большой золотой крест, золотые кубки, подаренные монастырю Борисом Годуновым и Петром I, утрачены безвозвратно. Из ризницы были вывезены искусно шитая золотом плащаница ручной работы царицы Анастасии Романовны, её же золотой перстень с камнями и серьги из яхонтов, произведения из золота и серебра многих безвестных русских умельцев. Оккупанты вывезли золотой крест, украшенный драгоценными камнями и жемчугом (1590), Евангелие (1644) и изданное в Москве в 1667 года Евангелие с золотом и яхонтами, вместе с ризой из красного штофа. И множество других уникальнейших раритетов стали жертвами гитлеровского нашествия. В таком масштабе ценности монастыря подверглись ограблению впервые за 500 лет.

В 1940 году советские власти собирались на основе монастырских сокровищ создать художественно-исторический музей. Однако работа комиссии по отбору предметов для музея была прервана неожиданным нашествием Германии. Ключ от замка монастырской ризницы в это время оставался на руках неожиданно исчезнувшего руководителя комиссии. Ризницу опечатали представители гитлеровской комендатуры г. Печоры. В июле 1941 года духовенство

монастыря обратилось в городскую управу с просьбой вернуть изъятый советской администрацией города ключ от ризницы, ибо проникнуть за необходимыми для служб регалиями было невозможно — замок оказался сверхнадёжным. Медный, литой, изготовленный русскими мастерами в 1557 году, запор к тому же являлся уникальным произведением искусства. Немецкие власти, не обнаружив ключа в управе, организовали тотальный поиск участников советской комиссии, и ключ был обнаружен в отдалённом эстонском селении.

К делу приступили сотрудники оперативного штаба Розенберга. Они получили доступ к ценностям, однако документов и описей предметов ни в монастыре, ни в ризнице не обнаружили. Ризницу опечатали своей печатью, ключ передали иеромонаху-ризничему.

С согласия немецкого коменданта Пскова штаб приступил к тщательному осмотру и фотофиксации находящихся в ризнице раритетов. Печати были сорваны, ключ отнят, начался очередной учёт монастырских ценностей. Перепрятать или вынести что-либо из хранилища было невозможно — на территории монастыря стояли части вермахта и эстонский полк. В ризницу зачастили высокие чины из Министерства по оккупированным восточным территориям.

Приближение к Прибалтике наступающей Красной армии для сотрудников оперативного штаба означало одно: пора начинать вывоз наиболее ценных вещей в подготовленные заранее хранилища на территории Германии. 25 февраля 1944 года комендант Пскова распорядился приступить к упаковке находившихся в ризнице ценностей. Спустя месяц сокровища древнего Псково-Печерского монастыря впервые покинули его стены. Монастырь, отразивший множество набегов и осад врагов, не мог противостоять военной машине гитлеровской Германии. Духовенство монастыря вряд ли верило обещаниям псковского коменданта и руководства оперативного штаба Розенберга, которые взяли на себя обязательство вернуть сокровища “как скоро военное и политическое положение позволит”.

566 золотых и серебряных предметов в 4 добротных ящиках под усиленной охраной доставили в Ригу и разместили в погребе женского монастыря. Руководители оперативного штаба в ультимативной форме потребовали от духовенства монастыря передачи драгоценностей в их распоряжение. Акт о передаче подписал священник рижской церкви (он же секретарь Прибалтийского экзархата по делам Русской Православной Церкви) Николай Вейглаз. Грузы с сокровищами от имени штаба принял оберштурмфюрер Цвибель. В монастыре до сих пор хранится протокол передачи, и, по мнению автора статьи А. Воронова, есть основания полагать, что вывезти из Риги ценности монастыря немцы не успели. Очевидцы и участники тех событий, по мнению монастырской братии, успели удрать и сейчас живут в ФРГ и Соединённых Штатах Америки.

Газета “Советская культура” сопроводила статью Воронова обращением ко всем, кто хоть что-нибудь знает или предполагает о месте нахождения уникальнейших богатств, сообщить об этом в редакцию. Статью своим мирским именем подписал архимандрит, наместник Псково-Печерского монастыря отец Алипий. В мирской жизни он был профессиональным художником, его работы выставлялись в выставочных залах Москвы. Во время войны в составе танкового подразделения он прошёл с боями от Подмосковья до Берлина, после войны принял постриг в Троице-Сергиевой лавре и в 1959 году стал наместником Псково-Печерского монастыря. Его стараниями и были восстановлены некоторые события, связанные с судьбой пропавших сокровищ.

На публикацию статьи и обращения в “Советской культуре” откликнулась персональная пенсионерка из Таллинна А. Пяллинг. Это она в 1940 году по распоряжению властей г. Печоры возглавила комиссию по проверке наличия находящихся в ризнице монастыря предметов. По её словам, комиссия по монастырским описям и книгам составила уточнённые списки, их подписали члены комиссии и представители монастыря. По оценке специалистов Наркомпроса, утверждала в письме пенсионерка, драгоценнейшие вещи ризницы украсили бы любой музей. На стоимость ризы из красного штофа, вынизанной жемчугом и усыпанной драгоценными камнями значительной величины, рассуждали знатоки, можно было в 1940 году купить все земли Эстонии. Автор письма сообщила, что редкие книжные раритеты и рукописи монастырской библиотеки, в том числе и книги светского, исторического содержания, записи народных песен и сказок, успели перевезти в Тартуский университет. О пропаже коллекции монастырских ценностей пенсионерка узнала из публикации

“Советской культуры” и выразила надежду на благополучный исход поисков сокровищ. Отец Алипий, исчерпав свои возможности, справедливо полагал, что обращение к обществу поможет выйти на след пропажи. И в самом деле, уникальные произведения национальной культуры без малого четверть века пребывают в безвестности. Они не попали в поле внимания коллекционеров и антикваров. Скорее всего, вывезенные нацистами раритеты находятся под надёжной охраной или пылятся, брошенные в забытом хранилище.

В это время полным ходом шёл широко обсуждаемый мировой общественностью поиск пропавшей в пекле войны Янтарной комнаты. **Самым компетентным искателем янтарного шедевра считался гражданин Западной Германии, фермер из заштатного городка Штелле Георг Штайн.** Он сумел подобраться к скрываемым в ФРГ архивным документам нацистов. Штайн выдавал себя за историка-любителя, увлечённого темой быта средневековых уголовников, что позволяло ему работать в архивах ганзейских городов. Работники архивов к нему привыкли, искатель без каких-либо претензий и консультаций изучал документы, был аккуратен и сосредоточен. Ему предоставили возможность просмотреть некоторые документы штаба Розенберга и копии материалов о вывезенных на территорию Германии советских архивах. Среди картотек и описей Штайн неожиданно для себя обнаружил призрачную нить важной информации о том, что вывезенные ценности русского монастыря, возможно, находятся в ФРГ.

Опытный поисковик зафиксировал найденные документы, и на всякий случай “вышел из тени”: обратился к федеральному министру с запросом о возможном местонахождении в ФРГ монастырских реликвий из России. Ответ был ожидаемым (к отпискам сановных чиновников искатель привык): сведениями об интересующих автора запроса реликвиях министерство не располагает. Используя поддержку некоторых авторитетных изданий, Штайн с удвоенным упорством продолжал штудировать закрытые для граждан ГДР и Советского Союза фонды боннского филиала Бундесархива. Здесь он обнаруживает обращение директора Висбаденского городского музея к вышестоящим инстанциям. Директора беспокоили находящиеся на попечении музея иконы и другие ценности, оставленные американцами в 1955 году после закрытия сборного пункта. Погрузившись в архивную бездну, Штайн находит другое письмо того же директора Висбаденского музея. На этот раз он обращается в Государственный департамент США. Американские власти извещаются, что городской музей весьма озабочен неопределённым статусом находящихся на его хранении непрофильных произведений, в частности, старинных русских икон. Эти произведения представители Американской военной администрацией передали музею на временное хранение. Руководство музея полагает целесообразным от этих ценностей избавиться и обращается за рекомендациями к американским властям.

Ответ Госдепа был более чем лаконичным: Висбаденский музей может распорядиться иконами по своему усмотрению. Широкий заокеанский жест был подписан руководителем программы реституции США Арделией Холл. Дальнейшие поиски Штайна увенчались весомым результатом: среди служебной переписки он обнаружил документ о том, что в 1959 году городской музей Висбадена избавился—таки от собрания русских религиозных раритетов и передал их музею старинных икон в Реклингхаузене. Искательский порыв требовал выхода, и Штайн, накануне рождественских каникул, без особых надежд на успех, поехал в Реклингхаузен выяснить ситуацию на месте. Директора музея старинных икон застать не удалось, но его секретарь подтвердила: русские иконы, полученные из Висбадена, находятся в надёжно запертом хранилище.

В газете “Die Zeit” он публикует заметку об удерживаемых германским музеем монастырских сокровищах из России. Эта информация взбудоражила прессу. Руководители музея в Реклингхаузене пытались публично оправдаться: дескать, они вынуждены хранить русские иконы в запертом помещении, чтобы “предохранить их от моли”. Главный вопрос: с какой целью музей предохраняет от моли ценности, вывезенные нацистами с территории Советского Союза, авторы отписки обошли. Пресса буквально набросилась на “бестактного” Штайна, последовали оскорбительные выпады, насмешки: “завистливый нытик”, “желающий подзаработать фермер”. Некоторые западногерманские газеты называли его предателем, лжецом и фантазёром. Ему давали понять: он частное лицо, “не имеющее полномочий представлять интересы государства,

именуемого Советским Союзом”; “Фермеры не позволено подменять компетентные структуры дипломатии”.

Однако Штайн не сдавался. Все силы и последние сбережения он тратил на безумную борьбу за возвращение сокровищ истинным владельцам. Не имея возможности установить какую-либо связь с Русской Православной Церковью или с администрацией ограбленного во время войны монастыря в русском городе Печоры, Штайн в общих чертах представлял непростые взаимоотношения Церкви и советского государства. Он отважно обращается за советом и поддержкой в православный монастырь на Афоне и в августе 1971 года отправляет письмо на имя архимандрита Илиона. Сообщая о своей находке, Штайн просит помочь ему связаться с монастырём города Печоры. На Афоне знали о скандальной шумихе в германской прессе вокруг заявления искателя, и о. Илион обращается за советом к архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому. О. Давид соглашается с тем, что письмо немецкого автора “производит странное впечатление, поскольку его представления об Афоне и Псково-Печерском монастыре приблизительны, но пренебрегать информацией опытного искателя нельзя”. По мнению архиепископа, Псково-Печерский монастырь и Московская Патриархия могут ходатайствовать о возвращении ценностей. “Но при этом возвращённое должно попасть в монастырь, но не к советским властям”.

С Афона Штайн получает письмо, где ему предлагается сообщить место нахождения сокровищ в настоящее время. Вскоре Русский монастырь св. Пантелеймона приглашает его совершить паломничество в Грецию. Штайн немедленно принимает приглашение.

Его, немецкого католика, братия православных приняла с особым вниманием: в соборном зале при участии гостя Совет монастыря обсудил возможности содействия по возврату находящихся в Германии российских святынь. Здесь, на священной горе Афон, уже имелись сведения, подтверждающие вывоз оккупантами ценностей Псково-Печерского монастыря. В ходе собственного расследования здесь были тщательно опрошены прибывшие из ограбленной нацистами обители иеромонахи, которые и подтвердили факты “вскрытия священного хранилища по приказу немецких властей”. Очевидцы свидетельствовали о “взятии и увезении в Германию” монастырских сокровищ. Совет монастыря св. Пантелеймона на заседании констатировал: **монастыри в СССР не имеют правового положения, и возврат ценностей возможен только по согласованию с государственными органами.**

В Большой Лавре под тысячелетним платаном Георга Штайна принял самый высокий чин Афона. Монастырский Совет вынес окончательное решение: просить Г. Штайна принять полномочия монастыря для решения вопроса о возвращении незаконно вывезенных сокровищ. Совет выразил намерение безотлагательно оповестить по своим каналам Московский Патриархат о выявленных ценностях и об установленном контакте с Георгом Штайном.

Грецию искатель покидал, имея на руках официальное “Послание” Русского монастыря на Афоне. Заверенный священной Великой Печатью и подписанный игуменом документ предоставлял германскому гражданину Георгу Штайну “право вести переговоры о возвращении незаконно вывезенных нацистами сокровищ от имени Русского монастыря св. Пантелеймона на Афоне”. В “Послании” выражалась просьба: “в случае отыскания все церковно освящённые предметы не должны быть допущены в светские мирские музеи Германии и Советского Союза, но чтобы они были возвращены монастырю... в противном случае все эти вещи должны быть отданы на хранение в Русский монастырь на Афоне”.

К этому времени фермер и поисковик Штайн уже заложил почти всё своё состояние. Доходов – никаких. Тревожило и долгое молчание Москвы, откуда должны поступить документы, подтверждающие факт хищения сокровищ Псково-Печерского монастыря, а также подробные списки утраченных монастырём ценностей.

Наконец, из Москвы вслед за телеграммой митрополита Никодима на имя Штайна поступила солидная корреспонденция с огромным, на нескольких страницах, списком “Предметов комнаты сокровищ Псково-Печерского монастыря”. Опуская подробности, характеризующие каждый предмет, Штайн понял – это действительно сокровища.

Среди них: серебряные, с золотом кружки, бокалы, сосуды, ложки; блюда старого серебра с золотым узором, чаши серебряные, “тяжёлые святые тарелки; картины “Ефросинья Полоцкая”, “Святая Мария”, “Иисус Христос”; уникальная коллекция серебряных талеров с 1723 по 1840 годы; четырёхгранный бриллиант 9x10 мм; оклад и цепь со многими камнями; монеты и медали разного металла и достоинства, весом 65 кг; иконы, книги в серебряных окладах, священные облачения и украшенные драгоценными камнями старинные уборы...

Официальный Бонн был чрезвычайно раздражён попытками Штайна вступить в диалог с музеем в Реглинхаузене по поводу неких церковных регалий. С точки зрения международного права, предъявленные им полномочия афонского монастыря “важного значения не имеют”. Однако попавшая на страницы газет история о секретном хранении русских ценностей в германском музее делала своё дело. Информация о действиях Штайна, направленных на то, чтобы добиться возвращения незаконно вывезенного нацистами имущества русского монастыря, быстро распространилась по всем православным храмам в Грузии, Армении, Бельгии, Греции, Германии...

5 апреля 1972 года, накануне Пасхи, Георг Штайн по приглашению Московской Патриархии вылетел в Москву.

Весной 1944 года склады рижского сборного пункта ломились от невероятного наплыва культурных ценностей, вывезенных с оккупированной территории России. Бывшие музейные специалисты и профессора именитых университетов Германии, не покладая рук, занимались оценкой и подготовкой списков намеченных к отправке в хранилища рейха предметов культуры. Среди экспертов не оказалось ни одного специалиста со знанием русского искусства и языка, что не позволяло даже расшифровать авторские подписи на известных картинах. Тут же изготавливались ящики, на упаковки наносились условные обозначения, произведениям присваивалась новая маркировка. Некоторые картины и книги уничтожались на месте, старинные иконы помещались в ящики без описаний и регистрации. Первый эшелон из 9 вагонов с конфискованными в музеях, дворцах и монастырях культурными ценностями был отправлен из Риги на территорию Германии 15 марта 1944 года. Вслед за ним ушли ещё 4 вагона.

Содержимое “Комнаты сокровищ” отправили под усиленной охраной 3 мая 1944 года. Накануне отправки был срочно оформлен договор “о взятии монастырских ценностей на хранение” – случай в практике нацистской конфискации уникальный. Груз, следующий на территорию Баварии, под Ансбах, принял под личную ответственность владелец старинного замка Кольмберг, бывший германский посол в Японии, д-р Эрнст-Артур Форедж. Он согласился хранить огромный массив ценностей в помещениях замка по личному обращению рейхслайтера Розенберга.

Экс-посол Форедж презирал приобретательский ажиотаж в среде германской элиты, за бесценнок скупающей награбленные предметы культуры оккупированных стран, включая образцы “дегенеративного искусства”. Ему, известному коллекционеру, претило, что тысячи и тысячи полотен, гравюр, икон, церковной утвари широким потоком уплывают на процветающий “чёрный рынок” Европы и Америки. Его раздражала безудержная погоня за живой, когда бесценные раритеты переходили из рук в руки без каких-либо юридических формальностей и таможенного контроля. Некоторое успокоение внесли ялтинские договоренности антигитлеровской коалиции – после неизбежного краха Гитлера Ансбах с его родовым замком Кольмберг будет оккупирован американцами. К их приходу и надо подготовиться. Его страшилась мысль о том, что замок мог оказаться в зоне действия русских войск.

Д-р Форедж договорился с Розенбергом о командировании своего племянника – сотрудника оперативного штаба Адальберта Фореджа – для работы в замке. Адальберт до призыва в армию был научным сотрудником Берлинского музея. Он взялся за работу над списками и описями поступающих в замок российских предметов. Как мог, систематизировал минимальную информацию о прежних владельцах и местах происхождения российских ценностей. С учётом возможного прихода американской армии, дядя с племянником формировали досье о перемещениях русских ценностей в другие хранилища на территории Германии и Австрии.

Основной массив прибывших из Риги ценностей был размещён в гараже и флигеле замка. Предназначенные для сверки и переупаковки ящики с предметами приходилось перемещать в замковые помещения и поднимать на второй этаж. Маркировки штаба Розенберга указывали, что в ящиках упакованы ценности Новгорода, Пскова, Истры, Смоленска, Павловска, Гатчины, Петергофа, Царского Села. Дядя с племянником с особой тщательностью проверили состояние ящиков с предметами Псково-Печерского монастыря, внимательно просмотрели перечни всех 614 предметов. Они были на месте и в полном порядке.

Телефонный звонок из Ансбаха был неожиданным, странным и тревожным. Некий господин Гоппель представился сотрудником возглавляемого Розенбергом Министерства по оккупированным территориям и уведомил, что прибыл с полномочиями осмотреть находящиеся в замке вещи из русского монастыря г. Печора. Опытный дипломат усомнился в целесообразности полномочий собеседника – Министерство не имеет права самостоятельно посягать на собственность Русской Церкви. Гоппель сбавил обороты и доверительным тоном поведал, что ему на самом деле поручено отобрать и на некоторое время изъять несколько предметов. На вопрос Фореджа – с какой целью? – чиновник после долгого раздумья пояснил: для публичного предъявления епископу монастыря. Понял недоумённое молчание владельца замка и прокомментировал сказанное. Большеустьская пропаганда продолжает клеветническую кампанию о якобы массовом ограблении и вывозе на территорию Германии российских культурных ценностей. Всё чаще кремлёвские газеты напоминают о сокровищах Печорской церкви. Руководство Министерства гауляйтера Розенберга намерено разоблачить большевистские бредни. Принято решение под камерами кинохроники публично передать монастырскому руководству некоторые объекты из их коллекции.

Матёрый дипломат попытался объяснить Гоппелю изъядны министерского замысла. Находящиеся в замке регалии и другие ценности монастыря – имущество особого статуса: оперативный штаб Министерства обязался осуществлять его охрану на территории рейха. На этот счёт имеется документ, скреплённый в Риге подписями представителей штаба и монастыря. Поэтому даже сам господин Розенберг не посмеет вскрывать ящики в отсутствие полномочного представителя монастыря, тем более – изымать и возвращать кому-либо изъятые предметы. Гоппель слушал и молчал, Форедж, похоже, ситуацию просчитал грамотно. Хозяин замка продолжал: поскольку церковные ценности находятся в нашем распоряжении, кинохроника усугубит ситуацию, и большевики этот факт используют наверняка.

Обескураженный посланец ведомства гауляйтера Розенберга повесил трубку.

В середине апреля 1945 года полк 3-й Армии США с боями вышел к замку Кольмберг под Ансбахом. Засевшие в замке гитлеровцы были “выкурены” сильнейшим обстрелом с применением разрывных танковых гранат. Спустя два месяца командование части докладывало: в хранилищах замка обнаружены художественные ценности русского происхождения (иконы, картины, фарфор, мебель, античное оружие, религиозные атрибуты и другие ценные предметы). В докладе сообщалось, что владелец замка представил своего племянника – научного сотрудника Берлинского музея и хранителя “замкового тайника с ценностями”.

Имевшиеся у владельца списки ценностей американцы изъядли и направили в распоряжение Мюнхенского коллекционного пункта, который был организован в бывших апартаментах фюрера. На склады пункта хлынул поток найденных ценностей. Координацию поиска нацистских хранилищ, доставку в пункт и возвращение найденных предметов заинтересованным странам осуществляли высокопрофессиональные специалисты. Рассмотренные ими списки из Кольмберга произвели большое впечатление – находящиеся в замке иконы и другие предметы искусства рекомендовано срочно переместить в Мюнхен. Для этого затребовали 25 грузовиков общей грузоподъёмностью 2,5 тонны. В отчёте о перевозке сообщается, что один из грузовиков с ценностями из России по дороге в Мюнхен перевернулся и рухнул в пропасть.

В архивах Министерства внешней торговли СССР были найдены документальные свидетельства того, что многие предметы культуры российского происхождения были отправлены из Мюнхена в распоряжение советских властей.

Эти сведения подтверждались документами Национального архива США. Среди возвращённых американцами грузов **имущества Псково-Печерского монастыря в СССР не обнаружили.**

Можно предположить, что американские эксперты, следуя установкам своего руководства, за спиной советских союзников решили ограничить возвращение найденных в Германии ценностей, вывезенных нацистами из Прибалтики, поскольку прибалтийские страны накануне войны были оккупированы Советским Союзом, а монастырь г. Печоры, по предположениям союзников, находился где-то на территории то ли Эстонии, то ли Латвии. Монастырские регалии были переданы в городской музей Висбадена. И в течение 30 лет пребывали за семью печатями в полной безвестности, и будущее их оставалось неопределённым. **Если бы не Георг Штайн.**

Фермера-искателя, прибывшего в Москву под Пасху, в Московской Патриархии встретили радушно. Наградили орденом св. Владимира II степени, провезли с почестями по Золотому Кольцу и в июне проводили на родину. В его адрес от некоторых граждан ФРГ продолжали поступать письма с угрозами, но, окрылённый доброжелательным приёмом в Москве, Штайн устремляется на продолжение поисков Янтарной комнаты и пытается получить доступ к засекреченным документам СССР и ГДР.

Монастырская коллекция в мае 1973 года благополучно вернулась на своё законное место в ризнице Псково-Печерского монастыря. Её передал Патриарху Пимену генеральный консул ФРГ.

Штайн продолжает поиски Янтарной комнаты, пытается получить доступ к засекреченным документам восточногерманской спецслужбы Штази. Советский писатель Юлиан Семёнов в 1983 году публикует в “Комсомольской правде” серию очерков о деятельности искателя, пишет о нём в книге “Лицом к лицу” (М., 1985), популяризирует его устремления, следит за ходом поисков и высказывает опасения – жизнь Штайна в опасности. Летом 1987 года кончает самоубийством отчаявшаяся после разорения жена Штайна, Георг уезжает в Мюнхен, и там его упрятывают в психиатрическую больницу. За неуплату налогов с аукциона продаётся его дом в Штелле. Он считает, что это месть властей ФРГ за поиски Янтарной комнаты и “за историю с монастырскими ценностями из Пскова”. Огромный архив бескорыстного искателя заперт в пустом доме. Друзья пытаются его спасти и вывезти в безопасное место.

Труп Георга Штайна был обнаружен 20 августа 1987 года среди развалин старинного замка в Баварии. В рапорте комиссара полиции записано, что “жертва получила несколько ударов ножом в живот”. Так на Западе расправились с человеком, который искренне пытался восстановить историческую справедливость и вернуть национальные святыни России на родину.

БОРИС ТАРАСОВ

“ПЕРЕДОВЫЕ ЛЮДИ” О ПРОШЛОМ, НАСТОЯЩЕМ И БУДУЩЕМ

5

Обречённость на “грязную дорогу”, “зазор” между благородными побуждениями и неблагородными основаниями, великодушными планами и непредсказуемыми последствиями, теоретическими построениями и конкретными действиями в стратегической перспективе открывали дорогу развитию далёких от благородства меркантильных эгоистических отношений, возрастающей нивелировке народов и культур, снижению духовных запросов личности, ослаблению “царских” и укреплению её “рабских” свойств, диктатуре денежного мешка, мировым войнам и историческим катастрофам, что занимало умы славянофилов и их единомышленников в дискуссиях с западниками.

Среди западников своей особой верой в прогресс выделялся Белинский, который отрицал всякие верования и всегда готов был заклеить “всё реакционное”. Критические стрелы “неистового Виссариона”, искренне болевшего за униженных и оскорблённых, направлялись против правящих классов, христианских убеждений, любых стеснительных оков для свободомыслия. Не сомневался он лишь в своей вере в такие времена, когда рухнут все словесные и имущественные перегородки и люди заживут по-братски на земле. В результате он отвергал все формы исторического существования, противоречившие движению к чаемому научно-гуманистическому раю. “На этом основании, – замечал П. В. Анненков, – Белинский делил мир на зрячие и слепые народы, и последние были противны ему по принципу, какими бы в прочем добродетелями, высокими качествами, знатными преимуществами ни обладали. Нужно ли прибавлять, что о какой-либо справедливости по отношению к людям, народам и предметам не было и помину при этом...” В спорах со славянофилами Белинский противопоставлял “более образованные” и “зрячие” народы “лапотной” России, которой следует без всяких раздумий усвоить новейшие достижения европейской мысли и науки, дабы включиться в мировое движение за освобождение личности от исторических пережитков и установление справедливого общественного строя. По убеждению критика, такое движение не может обойтись и без гильотины, имеющейся в “ещё более образованных странах”, ибо трудно представить, что принципиальные перемены могут сделаться “само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови”. С революционно-террористическим энтузиазмом “торопя”

Окончание. Начало в №4 за 2018 год.

наступление взыскиваемого благоденствия, он писал В. П. Боткину: “Дело ясно, что Робеспьер был не ограниченный человек, не интриган, не злодей, не ритор, и что тысячелетнее Царство Божие утверждается на земле не сладенькими и восторженными фразами прекраснодушной жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов”.

Революционный демократизм и социалистические убеждения Белинского причудливо сочетались с патриотической надеждой на капиталистическое развитие полупатриархальной страны. “Теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнётся не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуазию”, — писал П. В. Анненкову умиравший от чахотки критик (совершавший ежедневные прогулки к вокзалу строящейся Николаевской железной дороги и с нетерпением ожидавший завершения работ). Белинский надеялся, что железные дороги победят тройку, просвещение одолеет невежество, а “лучшая, то есть образованнейшая часть общества”, следящая “за успехами наук и искусств в Европе”, выведет Россию на передовые позиции социальных отношений.

Передовое зрение Тютчева как бы вступает в заочную дискуссию с Белинским, обращая внимание на сращенность “идей” и “людей”, на зависимость внешнего от внутреннего.

Когда через несколько лет после кончины критика Николаевская дорога была сооружена и Москва приблизилась к Петербургу на пятнадцать часов езды, поэт в письме к С. С. Уварову озадачивался совсем иными (“внутренними”) вопросами, нежели те, что волновали ревнителя “внешнего” прогресса: “Я далеко не разделяю того блаженного доверия, которое питают в наши дни ко всем этим чисто материальным способам, чтобы добиться единства и осуществить согласие и единодушие в политических обществах. Все эти способы ничтожны там, где недостает духовного единства, и часто даже они действуют противно смыслу своего естественного назначения. Доказательством может служить то, что происходит сейчас на Западе. По мере того, как расстояния сокращаются, цели всё более и более расходятся. И раз люди охвачены этим непримиримым духом раздора и борьбы (злойбы ума, по Гоголю. — **Б. Т.**) — уничтожение пространства никоим образом не является услугой делу общего мира, ибо ставят их лицом к лицу друг с другом. Это всё равно, что чесать раздражённое место, чтобы успокоить раздражение...”

Согласно дальновидной логике Тютчева, “без Бога” и без следования Высшей Воле тёмная и непреображённая основа человеческой природы нигде не исчезает, а лишь принаряжается и маскируется, рано или поздно даёт о себе знать в “гуманистических”, “научных”, “прагматических”, “политических” и иных ответах на любые вопросы “что делать?” или, добавим, “что с нами происходит?”, “кто виноват?” и т. п. Более того, без органической связи человека с Богом, полагаясь лишь, говоря словами Гоголя, на современную близорукость с её новообразующимися и постоянно сменяющимися, но не исцеляющими и преобразующими, а, напротив, усугубляющими и углубляющими “тёмную основу нашей природы” ценностями, историческое движение естественно деградирует из-за губительной ослабленности высшесмыслового и жизнеутверждающего христианского фундамента в человеке и обществе, самовластной игры отдельных государств и личностей, соперничающих идеологий и борющихся группировок, господства материально-эгоистических начал над духовно-нравственными.

Он связывал исторический процесс с воплощением в нём или невоплощением (или искажённым воплощением) христианских начал, а соответственно, и с преображением или непреображением “первородного греха”, “тёмной основы”, “исключительного эгоизма” человеческой природы. Отсюда его высший реализм, противоположный утопизму проектов либерального, тоталитарного и иного толка, определяющий его предсказания. По мнению поэта, качество христианской жизни и реальное состояние человеческих душ является критерием восходящего или нисходящего своеобразия той или иной исторической стадии. Чтобы уяснить возможный исход борьбы между силами добра и зла, составляющей сокровенный смысл истории, “следует определять, какой час дня мы переживаем в христианстве. Но если ещё не наступила ночь, то мы узрим прекрасные и великие вещи”.

Между тем, в самой атмосфере общественного развития, а также грубых материальных интересов и псевдоимперских притязаний отдельных государств

в политике поэт обнаруживал “нечто ужасающее новое” (“новое”, ставшее в наше время “старым” и привычным) – “призвание к низости” (ср. “право на бесчестье” у Достоевского), воздвигнутое “против Христа мнимыми христианскими обществами”. В год смерти он недоумевает, почему мыслящие люди “недовольно вообще поражены апокалипсическими признаками приближающихся времён. Мы все без исключения (включая Россию и Запад. – Б. Т.) идём навстречу будущему, столь же от нас сокрытому, как и внутренность луны или всякой другой планеты. Этот таинственный мир, может быть, целый мир ужаса, в котором мы вдруг очутимся, даже и не приметив нашего перехода” (уже не раз потом оказывались, оказываемся и будем оказываться, “даже и не приметив нашего перехода”). Не преобразование, а, напротив, всё большее господство ведущих сил “тёмной основы нашей природы”, подчас хитрое, скрытое и лицемерное, и служило для Тютчева основанием для столь мрачных пророчеств. Он обнаруживает, что в “настроении сердца” современного человека “преобладающим аккордом является принцип личности, доведённый до какого-то болезненного неистовства” (надо ли приводить примеры ставших уже неприметной повседневностью болезней и неистовств принципа личности?). И такое положение вещей, когда гордыня ума, эта главная, используемая “демоническим началом истории”, страсть, становится “первейшим революционным чувством”, имеет в его логике давнюю предысторию. Он рассматривает “самовластие человеческого я” в предельно широком и глубоком контексте как богоотступничество, развитие и утверждение антично-возрожденческого принципа “человек есть мера всех вещей”, превращающегося в дальнейшей эволюции в принцип “я есть мера всех вещей”, со всей ограниченностью не только его идеологических притязаний и рациональных теорий, но и прихотливых желаний, акцентированных, например, в “Записках из подполья” Достоевского.

Тютчев рассматривал всякие социально-политические преобразования и революционные тенденции, в том числе идеологические распри, сословные столкновения или классовую борьбу не обособленно, а как проявления фундаментальной метафизической закономерности бытия и непрерывной традиции, в которой человек, вслед за Адамом и подобно ему, противопоставляется Творцу и ставит себя на Его место. Революция для Тютчева есть не только зримое историческое событие, но и – прежде всего – Дух, Разум, Принцип, следствием которого оно выступает при всём многообразии своих социалистических, демократических, республиканских и иных идей. Корень Революции – удаление человека от Бога, её главный, исторически развившийся результат – “цивилизация Запада”, “вся современная мысль после её разрыва с Церковью”, бесплодно полагающая в своём непослушании Божественной воле и антропоцентрической гордыне гармонизировать общественные отношения в ограниченных рамках “антихристианского рационализма”, невнятно-го гуманизма и гипертрофированного индивидуализма.

И. С. Аксаков отмечает важные стороны тютчевских воззрений, касающиеся реальных проявлений “адских сил” и действий сквозь антропологическое измерение: “Этот взгляд на Революцию не как на случайный взрыв, объясняемый злоупотреблениями власти, а как на нравственный факт общественной совести, обличающий внутреннее настроение человеческого духа и оскудение веры в Западной Европе, ещё полнее развит у Тютчева в другой его статье, в связи с истолкованием папства (...). Заслуга Тютчева в том, что он ранее других постиг Революцию, взглянул на неё не как на практический факт, а как на явление человеческого духа, разоблачил внутреннюю логику её процесса, безошибочно предсказал её дальнейшие превращения и последствия и мужественно провозгласил своё осуждение во всеуслышание всей Европы, не смущаясь опасением прослыть за человека нелиберальных и ретроградских мнений, поборника деспотизма и т. д.”.

По Тютчеву, революция – это не только и не столько волнения, восстания, баррикады, смена правительств или новые конституции, научные методы, усовершенствованные технологии. Самая главная нигилистическая революция происходит тогда, когда теоцентризм уступает место антропоцентризму, утверждающему человека мерой всей действительности, целиком зависит от его планов и деятельности зависимой, а абсолютная истина, “высшие надземные стремления”, религиозные догматы замещаются рационалистическими и прагматическими ценностями.

Этот антропологический поворот, определивший в эпоху Возрождения кардинальный сдвиг общественного сознания и проложивший основное русло для новой и новейшей истории, стоит в центре внимания поэта. Разорвавший с Церковью гуманизм, подчёркивает он в трактате “Россия и Запад”, породил Реформацию, Просвещение, атеизм, революцию и всю “современную мысль” западной цивилизации. “Мысль эта такова: человек, в конечном итоге, зависит только от себя самого как в управлении своим разумом, так и в управлении своей волей. Всякая власть исходит от человека; всё, провозглашающее себя выше человека, — либо иллюзия, либо обман. Словом, это апофеоз человеческого я в самом буквальном смысле слова”.

Тютчев раскрывает в истории фатальный процесс дехристианизации личности и общества, парадоксы самовозвышения эмансипированного человека, всё более теряющего в своей “разумности” и “цивилизованности” душу и дух и становящегося рабом низших свойств собственной природы. Комментируя мысль поэта, И. С. Аксаков заключает: “Отвергнув бытие Истины вне себя, вне конечного и земного, сотворив себе кумиром свой собственный разум, человек не остановился на полудороге, но, увлекаемый роковой последовательностью отрицания, с лихорадочным жаром спешит разбить и этот новосозданный кумир, спешит, отринув в человеке душу, обоготворить в человеке плоть и поработиться плоти <...>. Оवेशствление духа, безграничное господство материи везде и всюду, торжество грубой силы, возвращение к временам варварства — вот к чему, к ужасу самих европейцев, торопится на всех парах Запад и вот на что Русское сознание, в лице Тютчева, не переставало, в течение тридцати лет, указывать европейскому обществу”.

Однако к осуществлённым пророчествам Тютчева, к раскрытым им болезням *звучавшего гордо*, начиная с эпохи Возрождения, имени человека, к неистовствам самодовлеющего “принципа личности” всё ещё не наблюдается трезво-сознательного отношения. Между тем, именно принципиальное влияние “роковой последовательности отрицания” позволило ему предусмотреть наступление фашизма в Европе XX века, предугадать варварские метаморфозы и последствия утрированного воплощения идеи немецкого единства, безусловного стремления Германии к империалистическому господству. Говоря о победе объединённой с Пруссией Германии над Францией Наполеона III и о характере франко-прусской войны, поэт трезво-сознательно недоумевал и предсказывал: “Что меня наиболее поражает в современном состоянии умов в Европе, это недостаток разумной оценки некоторых наиважнейших явлений современной эпохи, например, того, что творится теперь в Германии (...). Это дальнейшее выполнение всё того же дела — обоготворение человека человеком, это всё та же человеческая воля, возведённая в нечто абсолютное и державное, в закон верховный и безусловный. Таковую проявляет она в политических партиях, для которых личный их интерес и успех их замыслов несравненно выше всякого иного соображения. Таковую начинает она проявляться и в политике правительств, этой политике, доводимой до края во что бы то ни стало (*à outrance*), которая ради достижения своих целей не стесняется никакою преградой, ничего не щадит и не пренебрегает никаким средством, способным привести её к желанному результату (...). Отсюда этот характер варварства, которым запечатлены приёмы последней войны — что-то систематически беспощадное, что ужаснуло мир (...). Как только надлежащим образом опознают присутствие этой стихии, так и увидят повод обратиться более пристальное внимание на возможные последствия борьбы, завязавшейся теперь в Германии, — последствия, важность которых способна (...) для всего мира достигнуть размеров неисследимых (...), повести Европу к состоянию варварства, не имеющему ничего себе подобного в истории мира, и в котором найдут себе оправдание всяческие иные угнетения. Вот те размышления, которые, казалось бы, чтение о том, что делается в Германии, должно вызывать в каждом мыслящем человеке...” Как бы единодушно с Тютчевым, имея с ним, противопоставляющим единству железа и крови единство любви (см. стих “Два единства”), общую христианскую основу для пророчеств, мыслил и Достоевский: “Мечом хотят восстановить Наполеона, ожидая в нём себе раба вековечного и в потомстве, а ему гарантирует за это династию (...). Но помните текст Евангелия: “Взявший меч и погибнет от меча”. Нет, не прочно мечом составленное! И после этого кричит: “Юная Германия!” Напротив — изживший свои силы народ, ибо после такого духа, после такой науки ввериться идее

меча, крови, насилия и даже не подозревать, что есть дух и торжество духа, а смеяться над этим с капральскою грубостью! Нет, это мёртвый народ и без будущности. А если он жив, то после первого опьянения сам, поверьте, найдёт в себе протест к лучшему, и меч упадёт сам собою”.

Говоря словами протоиерея Георгия Флоровского, именно одновременная и трезво-сознательная сосредоточенность на “подспудных процессах в глубинах” души человека и творимой им действительности позволяла Тютчеву оставаться прозорливцем в истории, разгадывать её “последние тайны” и признаки движения к Апокалипсису. Поэт опять-таки одним из первых, если не первым, выделяет “характерную черту нашей эпохи” — “умственное бесстыдство и духовное разложение”, выявляет скрытый отрицательный потенциал в новейших гуманистических, реформаторских, эмансипаторских, научно-материалистических устремлениях своего времени, обнаруживает сужение психического уровня человека и обесценивание духовного содержания его деятельности. В таких самых резких выражениях, как “всё назойливее зло”, “век отчаянных сомнений”, “страшное раздвоение”, “призрачная свобода”, “одичалый мир земной”, он определяет нравственное состояние современного общества, которое утрачивает абсолютную истину и религиозные основания жизни, заменяя их мифами прогресса, науки, разума, народовластия, общественного мнения, свободы слова и т. п., маскируя обмелчение и сплошную материализацию человеческих желаний, двойные стандарты, своекорыстные страсти и низменные расчёты: “Ложь, злая ложь растлила все умы, и целый мир стал воплощённой ложью”.

“Не плоть, а дух растлился в наши дни”, — пишет поэт в стихотворении “Наш век”, присоединяясь к наиболее чутким к оборотным сторонам “прогресса” русским писателям и мыслителям XIX века: Пушкин — “наш век торгаш”; Е. Боратынский — “век шествует путём своим железным...”; А. И. Герцен — “мещанство как последнее слово цивилизации”; Н. Ф. Фёдоров — “ад прогресса” и т. д., и т. п. К. П. Победоносцев, говоря о демократии и сопутствующих ей “учреждениях” и “механизмах”, подчёркивал: “...никогда, кажется, отец лжи не изобретал такого сплетения лжей всякого рода, как в наше смутное время, когда столько слышится отовсюду лживых речей о правде. По мере того как усложняются формы быта общественного, возникают новые лживые отношения и целые учреждения, насквозь пропитанные ложью”.

Примечательно, что тютчевская характеристика “нашего века” совпадает с выводами почитавшегося поэтом митрополита Филарета, который отмечает усиленное стремление к невнятным реформам при утрате духовного измерения жизни, когда люди становятся невосприимчивыми к добру и красоте, правде и справедливости и в отсутствии опоры на высшие религиозные принципы Откровения и Истины ищут свободы не на путях подлинного совершенствования, нравственного возрастания, достоинства и чести, а на путях интриг и революций.

Тютчев и ставил себе такую задачу сказать “чистую правду”, в том числе о новых политических технологиях в “революционное” и “апокалипсическое” время, о их связи с “тёмной основой нашей природы”. Когда определённые круги на Западе приписывали стремлению России признать полную независимость Греческого королевства от Турции прямо противоположные цели и призывали Англию и Францию защитить свободу Греции от этого “Северного государства”, поэт писал своему немецкому корреспонденту: “Что партия, враждебная всему доброму и честному в Природе Человека, попыталась всеми возможными способами, *per fas* и *nefas* (правдами и неправдами. — лат.), силой и хитростью, соблюдением договоров и нарушением их, погубить несчастную Грецию, самый низменный, самый гнусный интерес — это понятно, ибо это было в её интересах, а ведь известно, что интерес — единственное правило, единственный двигатель этой партии. Но то, что обманутый в своих расчётах, парализованный Высшей Силой в своих замыслах, отчаявшийся dokonать свою жертву убийца пытается теперь прикинуться её покровителем с тем, чтобы выдать истинного покровителя за убийцу, вот это уже слишком...”.

То, что Тютчеву казалось в его время “слишком”, стало едва ли не нормой мировой политики наших дней. Уж чересчур гнусны и низменны оказываются сегодня интересы и всё меньше появляется партий, не враждебных “доброму и честному в Природе Человека”. А отсюда возрастающая роль идеологических дизайнеров и имиджмейкеров, так сказать, постановщиков сцены, чья

задача может состоять и нередко состоит в том, чтобы с помощью информационных манипуляций, двойных стандартов, пропаганды демократии, удушающих в объятиях кредитов и т. д. и т. п. “упаковать” убийцу в покровителя, выдать захватчика за защитника в долгосрочной геополитической игре передела мира и перераспределения его ресурсов, в “исторической борьбе” Христианства и Революции.

6

В этой борьбе Тютчев отводил особую роль России, которая не справлялась с ней из-за недооценки и игнорирования духовно-нравственных законов жизни.

Тютчев рассматривает Россию, сохраняющую в качестве своей духовной и исторической основы “неповреждённое” христианство. древние церковные заветы и предания как прямую правопреемницу “наследия Константина” и третье воплощение (Третий Рим) “Ромейского царства” после завоевания Константинополя турками и падения Византии: она и призвана в конечных метаморфозах “четвёртого царства” пророчества Даниила исполнять роль “удерживающего” от прихода “сына погибели” и “царства беззакония”.

Согласно логике поэта, в нераздельности судеб священства и царства, неразрывности церковной и имперской истории Православие занимает иерархически главное место, освящает понятие “законной власти”, является “духом”, оживляющим “тело” государства, наполняющим смыслом его деятельность, упорядочивая и сдерживая её от падения в гибельную языческую самодостаточность. Он также приходит к выводу, что наследница Византии стала “единственной выразительницей двух необъятных явлений: судеб целого племени и лучшей, самой неповреждённой и здоровой половины Христианской Церкви”.

Вместе с тем Тютчев прекрасно осознавал, что оскудение “духа” в “теле” и нарушение должной субординации между ними ведут к перерождению христианской империи, искажению её целей и задач, определяют в её эволюции “периоды слабости, остановок, помрачения”. В череду таких слабостей, остановок и помрачений укладывается деятельность императоров-ересиархов, императоров-иконоборцев в Византии, отсутствие в ней чётких законов о престолонаследии, политическое вероломство, эпизоды дворцовых переворотов и насильственного захвата власти, флорентийская уния, духовное падение Константинополя под тяжестью собственных грехов и его последующее завоевание турками. Поэт неоднократно подвергал критике и постепенное отступление России от чистоты самодержавных основ в союзе Церкви и государства, приводящее в реальной действительности к искажению нормативного идеала “симфонии” священства и царства, а в возможной перспективе – и к падению христианской империи. Божественная монархия тем и привлекала поэта, что сам её идеальный принцип предполагает неукоснительное следование Высшей Воле, соотнесение всякой государственной деятельности с религиозно-этическим началом, наполненность “учреждений” людьми совести, чести и долга, что гораздо важнее для истинного процветания державы, нежели материальное могущество, которое совершенно необходимо, но в своей вспомогательной для главного начала, а не абсолютизированной роли. Этатизм же вне первенствующей и господствующей роли христианства, подчинение религии политике, а “духа” – “телу” несут в себе своё собственное, до поры до времени не замечаемое наказание, подобно тому, как древние языческие империи изнутри своей внешней мощи и кажущейся нерушимости не подозревали о подспудном гниении и грядущем распаде.

И Тютчев неоднократно настаивал, что как “духовенство без Духа есть именно та обаявшая соль, которую солить нельзя и не следует”, так и “вещественная сила” Власти без сверхъестественной божественной основы, без глубокого нравственного сознания и примера “обессоливается” и обессоливается, подпадая под все нигилистические следствия антропоцентрического своеволия. Следовательно, лишь при сохранении надлежащей иерархии и соподчинённости между “духом” и “телом” можно говорить о “Святой Руси” как прямой наследнице “венца и скипетра” Византии. Таким образом, первое начало в триаде Православие – Славянство – держава является своеобразной закваской, Душой и духом, без которых два других подвержены, как всякое

языческое образование и несмотря на любую внешнюю мощь, влияниям распада, усиления материальных appetитов, эгоистических инстинктов и интеллектуальной пустоты, что и приводит их к внутреннему подгниванию и постепенному “изнеможению”.

В представлении Тютчева Россия оставалась в XIX веке практически единственной страной, которая пыталась ещё жить “с Богом”, сохранять высшую божественную легитимность верховной власти в самодержавии и духовные традиции византийского христианства, смогла не растерять свою самобытность восточной державы, опирающейся на религиозно-нравственный фундамент Православия. По его убеждению, государственное будущее и мировое призвание России зависит именно от полноты осознания и действенного сохранения православной основы её исторического бытия и цивилизационного своеобразия, над которой иерархически соразмерно “надстраиваются” политические, юридические и иные легитимности. Поэт пишет, что, по Божественному Промыслу, Восточная Церковь настолько соединилась с особенностями государственного строя и внутренней жизнью общества, что стала высшим выражением духа нации, “синонимом России”, “священным именем Империи”, “нашим прошедшим, настоящим и будущим”. Он подчёркивает, что благодаря такому положению вещей его страна пока ещё обладает главным – нравственным могуществом, которому лишь должна служить и подчиняться материальная сила и физическая мощь, и возможностью, оставаясь на своём историческом месте, трезво-сознательного отношения к революционным авантюрам на Западе.

По заключению Тютчева, в “теперешнем состоянии мира лишь русская мысль достаточно удалена от революционной среды, чтобы здраво оценить происходящее в ней”. Этот вывод переключается с мнениями других русских писателей и мыслителей. “Россия по своему положению географическому, политическому etc есть судилище, приказ Европы(...). Беспристрастие и здравый смысл наших суждений касательно того, что делается не у нас, удивительны”, – отмечает Пушкин. По мнению Чаадаева, не только географическое и политическое положение, но и духовная дистанция, отделяющая созерцательную монархическую Россию от беспокойного революционного Запада (“мы публика, а там актёры, нам и принадлежит право судить пьесу”), позволяет ей незамутнённым взором оценивать европейские волнения: “...я думаю, что большое преимущество – иметь возможность созерцать и судить мир со всей высоты мысли, свободных от необузданных страстей и жалких корыстей, которые в других местах мутят взор человека и извращают его суждения”.

Согласно логике Тютчева, Россия лишь тогда всплывает “Святым Ковчегом” над волнами всеобщего европейского затмения, когда она как держава православная – высшая форма государственного правления – будет основываться на воплощаемой чистоте и сохраняемой высоте религиозно-нравственных принципов Православия и не окажется “бессознательной” по отношению к собственному историческому своеобразию и призванию. Ту же логику и почти в тех же словах выражал В. А. Жуковский, писавший наследнику престола сразу же после получения известий о февральской революции 1848 года во Франции: “Более, нежели когда-нибудь, утверждается в душе моей мысль, что Россия посреди этого потопа (и кто знает, как высоко подымутся волны его) есть ковчег спасения и что она будет им не для себя одной, но и для других, если только посреди этой бездны поплывёт самобытно, не бросаясь в её водоворот, на твёрдом корабле своём, держа его руль и не давая волнам собою властвовать”.

Однако отмеченные Тютчевым удаление от революционной среды и здоровое отношение к ней размывались постоянной раздражительной оглядкой “элиты” на Запад, её нечувствием к нравственным законам жизни при ослаблении духовной вертикали, потерей иммунитета против трихин “незримой богини” Революции. Одну из важных причин течи в садившемся на мель государственном корабле российского самодержавия поэт видел как раз в забвении его сверхъестественной связи, в искажении надлежащей иерархии и субординации между религией и политикой, в “пошлом правительственном материализме”, который в его рассмотрении не только не являлся альтернативой “революционному материализму”, но становился его невольным “невидимым” пособником. “Если власть за недостатком принципов и нравственных убеждений переходит к мерам материального угнетения, –

отмечает он “естественный” закон духовного мира, — она тем самым превращается в самого ужасного пособника отрицания и революционного ниспровержения, но она начинает это осознавать только тогда, когда зло уже непоправимо. И “только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не заметить того, что власть в России... не признаёт и не допускает иного права, кроме своего, что это право — не в обиду будет сказано официальной формуле — исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти и что эта сила узаконена в её глазах уверенностью в превосходстве своей весьма спорной просвещённости... Одним словом, власть в России на деле безбожна...”.

В результате в реальной действительности духовно-нравственные законы бытия нередко воспринимались руководящими кругами как эфемерная “метафизика”, а ставка делалась на “прагматизм”, демонстрацию силы и доходящие до абсурда запреты недалёковидных чиновников. В представлении Тютчева, лишь опираясь на духовную правду и нравственную высоту, власть может свободно и победно бороться со своими конкурентами. Следовательно, существенная задача власти заключается в том, чтобы прояснить своё сокровенное религиозное кредо, “удостовериться в своих идеях”, обрести “потерянную совесть”, став более разборчивой по отношению к духовно-нравственному состоянию своих служителей.

Тютчева не могли не коробить те особенности официальной, казённой, “полицейской” точки зрения, из-за которой устранялись от активного участия в общественной жизни люди с благородными помыслами и одухотворяющим словом, в то время, когда Россия нуждалась в укреплении “нравственных сил в особенности, дабы противостоять окружающим её опасностям”. Объявить преступным направление такого издания, писал он о преследовании журналистской деятельности И. С. Аксакова, издания, которое постоянно и энергичнее всякого другого защищало все основные начала русского общества, те начала, гласное отрицание которых равнялось бы государственной измене, — “это нечто близкое безумию”.

На фоне этой “нелепой” и “безумной” борьбы монархической власти с безлестными преданными ей подданными Тютчева особенно удивляла её “парадоксальная” зависимость от тирании пошлого либерализма (“чем либеральней, тем они пошлее”): “Разум целой страны по какому-то недоразумению подчинён не произвольному контролю правительства, а безапелляционной диктатуре мнения чисто личного, которое не только в резком и систематическом противоречии со всеми чувствами в убеждениях страны, но, сверх того, и в прямом противоречии с самим правительством по всем существенным вопросам дня; и именно в силу той поддержки, какую печать оказывала идеям и проектам правительства, она будет особенно подвержена гонениям этого личного мнения, облечённого диктатурой. Подобной аномалии не бывало никогда и нигде, и невероятно, чтобы не искали способа её устранить”. Поскольку пресса действовала, исходя из собственных оценок и выгод, нередко вступавших в “аномальное” противоречие с интересами страны, Тютчев был сторонником “высшего руководства” печатью в деле истинного благоустройства России как правительственной монархии: “мощное, умное, уверенное в своих силах направление — вот кричащее требование страны и лозунг всего нашего современного положения”. Иначе политический кретинизм и шизофреническое раздвоение между должным и реальным, как полагал он, могут принять критические размеры и необратимый характер: “нельзя не предощущать близкого и неминуемого конца этой ужасной бессмыслицы, ужасной и шутовской вместе, этого заставляющего то смеяться, то скрежетать зубами противоречия между людьми и делом, между тем, что есть и что должно бы быть, — одним словом, невозможно не предощущать переворота, который, как метлой, сметёт всю эту ветошь и это бесчестие”. Что, собственно говоря, и произошло в 1917 году.

7

К диалогу с передовыми в гоголевском смысле людьми подключается и Л. Толстой, который также рассматривает исторический процесс сквозь призму духовного своеобразия человеческой природы: “Я прежде думал, что разум (разумение) есть главное свойство души человеческой. Это была ошибка, и я смутно чувствовал это. Разум есть только орудие освобождения,

проявления сущности души – любви”. Понимание возможных границ и подчинённой роли разума в системе духовно-нравственных сил человека позволяло Толстому обнажить главное движущее начало целостной природы, живой души и живого процесса жизни – непредсказуемую свободу человеческих желаний. “Я желаю, следовательно, я существую”, – замечал он, переиначивая известную формулу Декарта и выявляя более фундаментальное, нежели разум, измерение личности. От порядка в прихотливом движении нашей воли, от внятного разделения добра и зла в причудливых комбинациях наших хотений, от качества господствующих наших желаний зависит и рост сознания, определяющий качество творимой нами действительности. “Ошибка марксистов (и не одних их, а всей материалистической школы) в том, что они не видят того, что жизнью человека движет рост сознания, движение религии, более и более ясное, общее, удовлетворяющее всем вопросам понимание жизни, а не экономические причины”.

Как и Достоевский, Толстой был принципиальным оппонентом так называемой теории среды, изменение и совершенствование которой якобы изменяет и совершенствует сознание. Оба они проницательно обнаруживали, что развитие в области демократии и законодательства, науки и техники создаёт предпосылки лишь для внешне независимого существования и материального процветания людей, но не для преображения их внутреннего мира, не делает человека более духовным и нравственным, не просветляет психологическое ядро “свободной” личности, где коренятся похоть и властолюбие, зависть и тщеславие.

Толстой оказался в числе тех первых русских писателей и мыслителей, кто ещё в минувшем столетии с особой настойчивостью бил тревогу в связи с подобными несоответствиями. Его чуткий ум, как и ум К. Н. Леонтьева, поражал контраст между материальными достижениями общества и понижением нравственного начала в нём, поскольку все душевные усилия человека и гигантские внешние преобразования были направлены на совершенствование сугубо физического содержания и довольства жизни.

Противоречия между цивилизацией и культурой, пользой и смыслом, наукой и нравственностью постоянно тревожили сознание Толстого. Ещё с середины 50-х годов его преследовала “мысль о нелепости прогресса”, отождествляемого обычно с увеличением суммы позитивных знаний и технических усовершенствований. Он считал серьёзнейшей ошибкой принимать за непрекаемое благо все изобретения, усиливающие власть людей над природой, дающие новые химические соединения и искусственные вещества, сокращающие расстояния с помощью железных дорог и воздушных кораблей. Дело в том, утверждает писатель, что “все почти технические усовершенствования удовлетворяют либо эгоистическим стремлениям к личному наслаждению, либо семейной, сословной, народной, государственной гордости (войны)”. В итоге получается, что положительный вклад науки и техники в области человеческих отношений исчерпывается в основном утончением “вегетативной жизни” людей – разнообразием комфорта, улучшением питания, уменьшением физических нагрузок, развитием транспорта. Объективно оказывается, что научно-технический прогресс доминантно связан лишь с “телесными” потребностями человека и не несёт в себе высокой духовной задачи. Его цель и результаты можно в принципе свести к двум видам самоуничтожения – милитаризму (физическое истребление) и гедонизму (духовное оскотление).

Толстой был одним из первых и наиболее последовательных аналитиков нравственных и экологических последствий безудержной гонки за материальными благами, в которой всё более увеличивается пропасть между огромностью затрачиваемых усилий и скудостью получаемых на выходе результатов. Так, в чикагской промышленной выставке, которой радители общества потребления пыталась “приписать благие любвенародные цели”, он увидел “образчик дерзости и лицемерия”, ибо всё делается для наживы, а наращиваемое экологическое истощение ни с какой точки зрения (включая здравый смысл) не оправдывает разнообразного производства предметов роскоши. В какие “вещи” “перекачивается” природа, показывала ему не только зарубежная практика: “Поразительно ограбление земли у нас в Херсонской, Самарской губернии и др. И великолепие Москвы, арки для встречи государя и иллюминация. Или в Чикаго – выставка и обезлесение, омерщвление земли.

И всё это нам поправит наука искусственным дождём, производимым электричеством. Ужасно! Истребят 98% и восстаноят 2”.

Толстой обнажённо резко ставит вопрос об истинной цене прогресса и качественном содержании его целей. Прежде чем трубить на каждом углу о необходимости удовлетворения человеческих потребностей, призывает он, следует мудро определить, какие из них являются подлинным благом. Иначе придётся влачить жалкое духовно-нравственное существование в порочном кругу искусственных потребностей, “обворовывающих” природу и одновременно, тем самым, множащихся и усиливающихся. В представлении писателя такой цикл не безобиден для нравственного характера личности, он делает его менее чувствительным к различению добра и зла, потворствует формированию разъединяющего людей гедонистического непонимания. Мы, подчёркивает он, радуемся нашим материальным успехам, даже если они достигаются ценою человеческой жизни, “то есть fiat (да будет) зеркало, фонограф и т. п., регеат (да погибнет) несколько людей. Стоит только допустить этот принцип, и нет предела жестокости, и очень легко добывать всякие технические усовершенствования так, чтобы жизни (...) не портились, и прекращать всякое усовершенствование, если оно вредит жизни человеческой”.

Толстой с горьким постоянством обнаруживает очередные парадоксы цивилизации, когда, например, научные достижения всё чаще идут на исправление творящихся самой же наукой уродств, когда широкое распространение разнообразных книг затрудняет поиск действительно нужных душе сочинений, когда увеличение возможностей воздействия людей друг на друга с помощью газет или радио создаёт предпосылки для массового распространения зла. Иначе и быть не может, подчёркивает он, в том обществе, где развитие внешних форм намного опережает внутреннее совершенствование. “Цивилизация шла, шла и зашла в тупик. Дальше некуда. Всё обещали, что наука и цивилизация выведут нас, но теперь уже видно, что никуда не выведут; надо начинать новое...”

Толстой не был, разумеется, противником демократии, науки и материального благополучия. Однако все эти достижения он расценивал как прожиточный минимум социально-интеллектуальной жизни, который при недостаточной духовно-нравственной основательности и высшесмысловой наполненности нельзя принимать за максимы и панацею. Как не следует, предупреждал писатель, считать таковыми то “новое”, что предлагали революционеры его времени, сблизимые им в этом плане с либералами: “и либералы, и революционеры – коноводы без основы”. По его убеждению, именно отсутствие религиозной, духовной, нравственной основы не позволяло революционерам выйти за пределы социально-экономической сферы, на изменения внутри которой, перестановки и перераспределения в ней они возлагали главные надежды в деле установления справедливого общественного устройства. Насилие же, игравшее в таком изменении решающую роль, превращало апостолов нового мира лишь в разрушителей старого, консервировало и обостряло в душах людей властолюбивые и мстительные чувства, препятствовало росту сознания.

Коренную ошибку революционеров автор “Дневника” находил в том, что они не замечают “несоответствия жизни с сознанием”. Отсутствие добра и света в душах людей, берущихся переустроить общество на “научных” основаниях, их внутреннее несовершенство обрекают на неудачу любые благие начинания и утопические мечтания, отмечал он. “Братство, равенство, свобода – бессмыслица, когда они понимаются как требование внешней формы жизни. От этого-то была прибавка: “où là mort”. Все три состояния – последствия свойств человека: Братство – это любовь. Только если мы будем любить друг друга, будет братство между людьми. Равенство – это смирение. Только если мы будем не превозноситься, а считать себя ниже всех, мы все будем равны. Свобода – это исполнение общего всем закона Бога. Только исполняя закон Бога, мы все наверно будем свободнее”.

Толстой считал, что бороться со злом и достичь общественной гармонии “извне”, с помощью нравственно половинчатых и ограниченных теорий, не искоренявших, а лишь иначе направлявших извечные людские пороки, невозможно. “Перестроится мир не извне, а изнутри. И потому вся энергия – на внутреннюю работу”. По его мнению, без такой работы нельзя стать действительно свободной, то есть не зависимой от своекорыстия и полностью нравственно вменяемой личностью, деятельность которой в конечном итоге

обуславливает подлинное преуспевание общества в самых разных областях. Чтобы жить по-братски, подчёркивает он, нужны братья, в натуре которых естественно бы возросло начало любви к другим людям. А для этого необходимо “заткнуть дыру мирских желаний”, “переменить желания сердца”, “увеличить, расширить и усовершенствовать душу”.

“Внутреннее” просвещение, направленное не на увеличение и утончение материальных удобств наружной жизни, а на очищение сердца и добролюбящее устройство ума, является для Толстого той известью, с помощью которой можно было бы возводить нешатаящийся фундамент достойной общественной жизни. Такое просвещение предполагает не блестящую игру автономной культуры в смене различных научных методов, художественных школ, философских систем, в борьбе сословных и частнособственнических интересов, а коренное духовное преображение и твёрдое нравственное устройство человека, способного направить свои усилия на подлинное единение с другими поверх писанных кодексов, теоретических программ, индивидуалистических пристрастий.

В господстве духовно-нравственных начал, просветляющих весь состав жизненных сил и придающих осмысленное благообразие человеческому существованию, автор “Дневника” видел фундаментальное условие подлинного прогресса, братского единения людей на основе принципов добра и справедливости. Господство же это не может быть обосновано без признания божественной природы человека. “Нравственность не может быть ни на чём ином основана, кроме как на сознании себя духовным существом, единым со всеми другими существами и со всем. Если человек не духовное, а телесное существо, он неизбежно живёт только для себя, а жизнь для себя и нравственность несомкнута”.

Толстой с величайшим сожалением наблюдал, что современная ему философия и наука не содействует духовному прогрессу человека, не возвышает его, а, напротив, принижает. Наблюдая эволюцию этого процесса, он отмечал на страницах своих записей, что если Гегель находил разумным миропорядок несовершенного человека, то Дарвин приравнял его к животному и оправдывал борьбу за существование, то есть зло в людях. Ницше же, заключая писатель, доказывал, что добро противно природе человека и является результатом ложного воспитания: “не знаю, куда идти дальше”.

Автора “Дневника” особенно раздражали теоретические выступления представителей позитивистской науки, стремившихся свести всю сложность, глубину и противоречивость человеческой природы и свободы к однозначным биологическим и социально-экономическим категориям. Такие методологические скачки растворяли в физиологических и социологических законах разнообразные духовные чувствования, творческие и идейные пристрастия, борьбу добра и зла в душе человека, сводили на нет собственно человеческие понятия совести и чести, долга и ответственности. По мысли писателя, подобная атмосфера вела к упадку религиозного настроения и нравственному разложению людей, усиливая их эгоизм и отчуждённость в “тёмной основе нашей природы”, делая собственный корыстный интерес индивида основой его существования.

Толстой был непоколебимо убеждён, что несовместимую с подлинным прогрессом “жизнь для себя” невозможно исправить “цивилизацией” и “революцией”, “наукой” и “экономикой”, не врачующих, а лишь утончающих “тёмную основу нашей природы”. Просветлить же её и способствовать духовному росту нельзя с помощью каких-либо декретов, внешних узаконений или словесных проповедей. Необходимо, считал писатель, начинать с себя, с конкретных действий по собственному жизнеустройению. “Мы очень привыкли к рассуждениям о том, как надо устроить жизнь других людей – людей вообще... Сознание необходимости исправлять себя – единственное действительное средство воздействия на других людей”.

По логике автора “Дневника”, влияние душевного мрака и несовершенства, различные по степени и особенностям, неискоренимые до конца в любом человеке, по невидимым каналам распространяются вокруг. Даже самые малейшие наши злые помыслы, слова и поступки распространяются всё дальше и дальше в пространстве и времени, был убеждён писатель, незримо отпечатываясь в душах окружающих и подвигая их к проявлениям зависти или гордости, властолюбия или раболепия. Таким путём накапливается в мире отрицательный духовный потенциал, питающий происходящие в нём злодеяния.

Своим же внутренним благолепием, увеличением света и любви в собственной душе каждая личность существенно изменяет сознание других к лучшему, поскольку ничто так нравственно не ободряет людей, как живой пример полной согласованности слова и дела, цели и средств. Именно это, как полагал Л. Толстой, не только сдерживает распространение зла в мире, но и способствует усилению потенциала добра в нём.

Раскрыть такую логику и должна, по Толстому, единственно нужная человеку “НАУКА О ТОМ, КАК ЖИТЬ” и находить ответы на главные вопросы бытия, как преодолеть всё более опасную пропасть между внешним прогрессом и внутренним несовершенством человека и восстановить истинную иерархию важных проблем. “Вместо того, чтобы учиться жить любовной жизнью, люди учатся летать. Летают очень скверно, но перестают учиться жизни любовной, только бы выучиться кое-как летать. Это всё равно, как если бы птицы перестали летать и учились бы бегать или строить велосипеды и ездить на них”. Чтобы выйти из полуживотного неведения и предотвратить гибель от “опасных игрушек” науки и техники, необходимо, заключает Толстой, выйти на единственно верный путь духовного и нравственного совершенствования как отдельной личности, так и всего общества. Ибо “в безнравственном обществе, каково наше мнимо христианское, все изобретения, увеличивающие власть человека над природой и средства общения — не только благо, но и несомненное и очевидное зло”. С чрезвычайной настойчивостью он повторяет на многих страницах “Дневника”, что единственный выход из безнадежных социальных тупиков состоит именно в умении жить любовной жизнью. “Увеличение блага людей только от увеличения любви, которая по свойству своему равняет всех людей; научные же технические успехи есть дело возраста, и цивилизованные люди столь же мало в своём благополучии превосходят нецивилизованных, сколько взрослый человек превосходит в своём благополучии не взрослого. Благо только от увеличения любви”.

8

И в XX веке передовая в гоголевском смысле русская мысль перекликается со своими предшественниками в выявлении различных сторон перевёртывания иерархии ценностей, ослабления “царских” и усиления “рабских” начал человеческой природы, движения “самовластия человеческого Я” от обожествления разума к обожествлению плоти при отсутствии роста сознания и “науки, как жить”.

Например, М. М. Бахтин в “Философии поступка” заключал: “Все силы ответственного свершения уходят в автономную область культуры, и отрешённый от них поступок ниспадает на степень элементарной биологической и экономической мотивировки, теряет все свои идеальные моменты. . . Это и есть состояние цивилизации. Всё богатство культуры отдаётся на услужение биологического акта”. Духовные потери подобного услужения подчеркнуты и Е. Н. Трубецким: “Одно из величайших препятствий, задерживающих духовный подъём, заключается в том призрачном наполнении жизни, которое даёт житейское благополучие. Комфорт, удобство, сытость и весь обман исчезающей, смертной красоты — вот те элементы, из которых слагается пленительный мираж, усыпляющий и парализующий силы духовные”. В этом же смысловом ряду находятся и эмоции И. А. Бунина, замечавшего: “Я с истинным страхом смотрел всегда на всякое благополучие, приобретение которого и обладание которым поглощало человека, а излишество и обычная низость этого благополучия вызывали во мне ненависть”.

Господство биологического акта, экономических мотивировок, материальных призраков жизни поработывает человека низшими силами всепоглощающей корысти и конкурентной борьбы, иссушает высшие силы благородства и подлинной свободы (чести, достоинства, совести, милосердия, самопожертвования и др.), которые превращаются в условную шелуху, едва прикрывающую наготу эгоистической натуры и циничности расчётов, а также “зверит” душу. Подспудный ход мысли от автономной “культуры” до цивилизованного “озверения” можно пронаблюдать на выразительных примерах нашей текущей истории. Так, ещё на заре перестройки один из её главных экономических отцов полагал революционной целью внедрение “во все сферы общественной жизни понимание того, что всё, что экономически неэффективно, безнравственно,

и наоборот, что эффективно – то нравственно”. По его убеждению, основной причиной воровства, взяточничества, махового бюрократизма, всякого рода потаённых аморальных льгот, человеческой озлобленности оказывается не свободный выбор личности, её нравственная вменяемость, наличие или отсутствие совести, а “экономически неэффективная обстановка всеобщего дефицита”.

Поразительно, но вся эта логика почти буквально повторяет, демонстрируя типологическое единство определённого рода сознания и отмеченных В. В. Розановым подмен в сниженных представлениях о человеке, ход размышлений Лебезятникова и Лужина в “Преступлении и наказании” Достоевского. Лебезятников провозглашает лозунг экономически эффективной нравственности: “Благородное”, “великодушное” – всё это вздор, нелепости, старые предрассудочные слова, которые я отрицаю! Всё, что *полезно* человечеству, то и “благородно!” Раскольников же советует ему довести свою мысль до конца, тогда выйдет, что людей можно резать (или, добавим, поскольку техника совершенствуется, бомбить, осуществляя реальные геополитические интересы под благовидными предложениями защиты прав человека, гуманистических ценностей и т. п.).

Однако наши новые реформаторы столь увлечены своими выводами, что им и в голову не приходит проследить начала и концы собственного панэкономизма и развитие скрытого в нём образа человека. Ещё в Верховном Совете СССР передовые бойцы реформ так подготавливали ретроградное общество к рынку: “Чтобы бороться и добывать себе пищу, звери имеют когти и клыки. А наши когти и клыки – это собственность...” В отличие от респектабельных теоретиков, весьма популярная газета обнажала своё понимание сущности человека, доводя до логического конца его интенции: “Изгнанный из эдемского рая, он озверел настолько, что начал поедать себе подобных – фигурально и буквально. Природа человека, как и всего живого на земле, основывается на естественном отборе, причём на самой жёсткой его форме – отборе внутривидовом. Съесть ближнего!”

Именно в таком представлении о человеке коренятся глубинные причинно-следственные связи между нравственной пружиной, социальными изменениями в обществе и “забором”, на который оно наткнётся. В клетке сниженных идеалов и при власти потребительской деспотии всегда незримо действует идея естественно отбора, обставленная красивыми речевыми конструкциями о демократическом обществе, диктатуре закона и т. п., закрепляется эгоцентрическое жизнепонимание и усиливается недружественная разделённость людей, множатся обольщения мнимой свободой, оборачивающейся зависимостью от тщеславия, любоначала и чувственности. На такой тёмной и злой основе своекорыстная политика, идеология и общественная жизнь всегда управляются соперничеством, порождают явные или скрытые формы ущемления и насилия, ревнивого противопоставления друг другу. И любые попытки преодолеть данное положение вещей на внехристианских принципах, в какие бы человеколюбивые идеи, прогрессивные установления и передовые учреждения они ни облачались, неизбежно заканчиваются в истории лишь перераспределением “суммы” власти, богатства и “наслаждений”, очередным прорывом фундаментальных установок нравственно холодного и низменного сознания, неспособного пробиться сквозь крепкие решётки эгоистической тюрьмы к душе ближнего.

В такой негативной исторической динамике, укрепляемой геополитическими, национальными, этническими проблемами, многие философы, историки, культурологи всё ещё продолжают мечтать о торжестве вседемократического блаженства и петь дифирамбы так называемому “открытому обществу”. Вспомним ещё раз американского профессора Ф. Фукуяму, говорившего о последовательной победе экономического и политического либерализма над большевизмом, фашизмом, новейшим марксизмом. Впечатляющее материальное изобилие и разнообразная культура потребления укрепляют, по его мнению, либеральную демократию, становятся её фундаментом и символом: “Состояние сознания, благоприятствующего либерализму, в конце истории стабилизируется, если оно обеспечено упомянутым изобилием. Мы могли бы резюмировать: общечеловеческое государство – это либеральная демократия в политической сфере, сочетающаяся с видео и стерео в свободной продаже – в сфере экономики”. И хотя многие государства ещё не перешли на рельсы практического либерализма и сохраняется возрастающий уровень

насилия на этнической и националистической почве, можно говорить о наступлении постисторического времени, когда в главных развитых странах, “авангарде цивилизации”, доминируют экономические интересы, отсутствуют идеологические основания для серьёзных конфликтов и создаются предпосылки для мирного существования. По мнению профессора, нет никакой необходимости, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии на иные, более высокие формы общежития.

Любопытна эта последняя оговорка, которая предполагает опасность в духовной высоте, в расширении укороченного психического горизонта и, соответственно, в выходе за пределы чуждой глубокому смыслу непосредственной жизненности, утилитарно-гедонистической жвачки. Здесь сокрыто действительно угрожающее и всё чаще агрессивное неверие в свободу и личность, свойственное, например, пушкинскому Сальери (музыка Моцарта не нужна “чадам праха”) или Великому инквизитору у Достоевского (Христос – главная помеха для “слабосильных существ”). Великий инквизитор предлагает проект социальной гармонии, основанный якобы на трезвом знании природы человека, на убеждении, что истинным двигателем его поведения являются низшие душевные качества. Пресловутая мудрость Великого инквизитора заключается в искусной демагогии, позволяющей ему игнорировать в личности всё высшее и сокровенное и, вызвав взаимное движение примитивных страстей и сниженных запросов, превратить людей в несмышлёных рабов, послушную коллективную массу, в “тысячелюнное стадо”. Метаморфоза превращения личности в элемент стада предполагает устранение духовных устремлений и идеальных целей, живое присутствие которых препятствовало бы подобной метаморфозе и оживляло в сознании высшесмысловые аспекты бытия. Отсюда и та необходимая взаимозависимость, при которой сокращение идеальных целей и искоренение традиционных ценностей (прежде всего, связанных с Первообразом Христа) сопровождается, через умаление личности, внедрением идеологии “тихого, смиренного счастья по мерке слабосильных существ”, пестованием сиюминутных нужд настоящего, примитивного блаженства, муравьиного ковыряния в материальных низинах жизни.

Сходный механизм погашения личности, забвения её высших свойств, блокирования напоминающих о них источников и традиций при одновременной сосредоточенности на настоящем, на младенчески простодушном наслаждении его материальными благами Достоевский показывает и в “шигалёвщине”, дающей ещё один вариант стада. Шигалёв в “Бесах” излагает основанную на естественных данных теорию, по которой уже на свой лад, посредством перевоспитания целых поколений и ряда перерождений, люди должны достигнуть “первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать”. Ещё одна модификация “единого стада” с аналогичными закономерностями его формирования раскрывается Достоевским и в “Зимних заметках о летних впечатлениях”, где он излагает свои впечатления от посещения международной промышленной выставки в Лондоне, а говоря шире, по сути, размышляет о стадильном переходе, если воспользоваться противопоставлением Шпенглера, от культуры к цивилизации.

Как видим, и в “теократическом”, и в “социалистическом”, и в “капиталистическом” вариантах жизнеустройства обнаруживаются сходные закономерности, хорошо усвоенные всякого рода властителями и манипуляторами общественным сознанием, которые внедряют в восприятие людей необходимый образ человека для управления психикой, изображают его таким, каким им выгодно его видеть, выдают уже искажённого манипуляцией одномерного индивида за “настоящего” и “истинного”. Говоря словами Достоевского, люди науки и промышленности, ассоциаций и кредитов скорее не спасут, а погубят мир, ибо выставляют жажду личного материального обеспечения и накопления денег любыми средствами “за высшую цель, за разумное, за свободу”, стремятся навязать миру “свой облик и свою суть”, уверить всех, что нет ничего важнее выгодных интересов, доказать, что стремление к прибыли и есть главный смысл жизни, внушить, что всякий идеализм и бессребреничество являются непростительным детским донкихотством. Ведь если бы действительно восторжествовали силы благородства, духовные и нравственные ценности, которые принципиально тем и отличаются, среди прочего, что не покупаются и не продаются, то эти люди лишились бы своего первенства и возможности навязывать миру свой облик, им нечего было бы делать. Потому-то

и поддерживаются принижённые духовные стандарты жизни, искажённый рекламной пропагандой и манипуляцией одномерный человек выдаётся за “настоящего” и “истинного”, плодятся бесконечные вещественные соблазны и мануфактурные игрушки, подлинная культура растворяется в массовой, что во “внешнем” шуме общественных колёс слабеет “внутренняя” нравственная пружина, душа пригибается книзу, совесть выносятся за скобки и достаётся из кармана по мере надобности, если не мешает прибыли. Тут-то и происходит фальсификация свободы и разумности, превращение средств существования в цель жизни, искажение и даже перевёртывание подлинной иерархии ценностей, когда постоянно сменяемые и совершенствуемые отели, виллы, банки, машины и т. п. успешно покоряют человека, а возвышающие и облагораживающие начала пригнетаются и выветриваются.

К сожалению, за бортом общественного сознания оказываются те процессы, которые на свой лад формируют и обрабатывают душевно-духовный мир человека, укореняют его волю в низших этажах существования, упрочивают и разветвляют своекорыстие как тёмную основу нашей природы в рамках воинствующего экономизма и денежного абсолютизма. В системе глобализации господство материальных интересов, экономических мотивировок, логика личной или государственной выгоды, отношения спрос-предложение, вклад-прибыль и т. п., заинтересованный расчёт и эгоцентрическое поведение распространяются на все сферы жизни. Политическая жизнь становится своеобразной биржей, где не мудрые люди, а наиболее хитрые, ловкие и правдоподобные демагоги покупают голоса зомбированных избирателей, семья – малым предприятием на основе брачного договора, ребёнок – объектом долгосрочного инвестирования и т. д. и т. п. Всё становится фактором потребления и обмена, купли-продажи, в том числе и человек, рассматриваемый с точки зрения рыночных ценностей как заменяемая вещь. В результате он и сам становится рабом вещей, когда постоянно сменяемые и совершенствуемые материальные блага успешно покоряют его, а возвышающие и облагораживающие начала притесняются и выветриваются. Человек превращается в марионетку “невидимой руки” Адама Смита и рыночной конъюнктуры, в куклу анонимных экономических сил, а всё новые и новые мануфактурные игрушки и технические изобретения приобретают в его сознании уродливо-непомерное субъективное значение. Расширение и омассовление таких несоответствий, когда вещи пленяют человека, а усовершенствование средств материально-телесного существования людей заменяют им духовные цели жизни, стало в эпоху глобализации одним из самых существенных признаков так называемого общества потребления, оказавшегося в замкнутом гедонистическом кругу всё более несовершенных, корыстных, капризных желаний власти, наслаждения, обладания и т. п. В таких условиях, когда уменьшается всё священно-духовное и возвышается всё материально-утилитарное, человек естественно и незаметно начинает осознавать свою жизнь в категориях самосохранения и борьбы за существование – в тех социал-дарвинистских категориях, в которых собственно человеческие и действительно высшие свойства личности, резко выделяющие её из природного мира, такие, например, как милосердие или сострадание, правдивость или праведность, совесть или справедливость, благородство или самоотверженность, утрачивают свою подлинную сущность и самостоятельную значимость, а реально действуют низшие свойства – похотливость, жадность, зависть, озлобленность, мстительность и т. п.

На путях воинствующего экономикоцентризма и рыночного социал-дарвинизма любая страна включается в “игру на понижение”, попадает в планетарный кочевнический дом глобалистической утопии, в котором не находится места ничему, что выходит за пределы “экономической рациональности”, прагматических расчётов, утилитарной выгоды, которому чужды духовные, исторические, национальные идеалы и традиции и в котором ради материального успеха устраняется всё внешнеовое, нетоварное и натуральное, высокое и глубокое, внутреннее и личностное с помощью языческого культа силы и массовой культуры. В результате происходит неизбежная деградация внутреннего мира современного человека, который отвыкает от духовных достижений, нравственных норм, высокой культуры и сознание которого растворяется в глобалистической потребительской нирване и в мареве “тёмной основы нашей природы”. В такой антропосфере при сугубо технологическом отношении

к действительности происходит усиление безудержного потребительского гедонизма, высвобождение зоологической чувственности и погружение в тёмную инстинктивную среду поиска всё более изощрённых удовольствий. Стремление передоверить нормотворческие функции экономическому и технологическому человеку, сотворить из него элиту, определяющую цели человечества, внешне парадоксально, а внутренне закономерно приводит к разрушительным тенденциям и в самой экономике: вместо продуктивной экономики на первый план выдвигается ростовщическая, паразитарная экономика спекуляций и перераспределений, самоотверженный вдохновенный труд заменяется игровым досугом с его гедонистическими понятиями и обращённостью к декадентской личности, а подлинное качество и функционирование с помощью блефующих имиджмейкеров, информационных и манипулятивных технологий заслоняется престижным имиджем и статусной символикой.

Понятно, что “прогресс” в России, как и в других странах, в исключительно глобалистическом русле, без всяких поправок и корректив, чреват духовно-нравственным регрессом, утратой культурно-исторического кода и ментальности, эксцессами гедонизма, господством массовой культуры и другими подобными явлениями. В такой антропологической среде, когда народы вдобавок превращаются с помощью мощного информационного воздействия в манипулируемые массы, надеяться на какую-то потребительскую “нирвану” и экономическую “гармонию” было бы по меньшей мере непредусмотрительно. Более того, в условиях духовного кризиса и обезличивания разных культур, повышения завистливых накопительских ожиданий во всех группах и слоях при одновременной невозможности источников энергии, возможного изменения климатических зон, недостатка пресной воды и удобной земли и, соответственно, новых конфликтов и войн за выживание, увеличения населения при усилении бедности в странах “третьего мира”, уже составляющих 4/5 современного человечества и готовых предъявить ему свои требования, обеднённая и больная рассудочным прагматизмом “душа”, оказавшаяся в плену у своих низших сил, забывшая о своей “высшей половине”, но владеющая всё более мощными внешними средствами, является главным “внутренним” источником возможных мировых конфликтов.

О том, как сплошное обмельчение, материализация и эгоизация человеческих желаний незримо готовят драматические последствия, создают подспудные предпосылки для перерастания мира в войну, опять-таки пронизательно описал Достоевский. Говорят, размышлял он, что мир родит богатство, но ведь только десятой доли людей. От излишнего скопления богатства в одних руках развивается грубость чувств, жажда капризных излишеств и ненормальностей, возбуждается сладострастие, провоцирующее одновременно жестокость и слишком трусливую заботу о самообеспечении. Болезни богатства, продолжал Достоевский, передаются и остальным девяти десятым, хотя и без богатства. Панический страх за себя сообщается всем слоям общества и вызывает “страшную жажду накопления и приобретения денег”. Утробный эгоизм и приобретательская самозащита умерщвляют духовные запросы и веру в братскую солидарность людей на христианских началах. “В результате же оказывается, что буржуазный долгий мир всё-таки, в конце концов, всегда почти сам зарождает потребность войны, выносит её сам из себя как жалкое следствие... из-за каких-нибудь жалких биржевых интересов, из-за новых рынков... из-за приобретения новых рабов, необходимых обладателям золотых мешков, словом, из-за причин, не оправдываемых даже потребностью самосохранения, а, напротив, именно свидетельствующих о капризном, болезненном состоянии национального организма”.

Эта внешне парадоксальная, а внутренне закономерная логическая цепочка превращения мира в войну хорошо показывает, что никакие дружественные договоры, “новые порядки” или общечеловеческие ценности не способны предотвратить катастрофу, если сохраняется низкое состояние человеческих душ, видимое или невидимое соперничество которых порождает всё новые материальные интересы и, соответственно, множит разнообразие тайных или явных захватов. В результате мирное время промышленных и иных бескровных революций, если оно не способствует преобразению эгоцентрических начал человеческой деятельности, а, напротив, создаёт для них питательную среду, само скрыто накапливает враждебный потенциал и готовит грядущие катаклизмы.

В подобной антропосфере было бы, по меньшей мере, крайней наивностью полагаться (как нередко случается) на юридические нормы и правовые отношения, которые по своей условной и релятивистской природе неизбежно деградируют, исполняются лишь из-за страха наказания, всё чаще начинают играть роль своеобразной пудры или дымовой завесы для осуществления корыстных и гедонистических потребностей, открывая через демагогию путь праву сильного. А уж “титан” найдёт немало способов, как упаковать беззаконие в оболочку закона и реализовать стяжательские мотивы и плутократические цели близких ему индивидов и групп.

Здесь было бы уместным вернуться к “спору” между Тютчевым и Белинским, к образам паровоза, парохода, самолёта, ракеты, компьютера и т. п. как символам сокращения расстояний между людьми и прогрессивного движения в невнятное *светлое будущее*. Самый главный вопрос заключается в том, какие души (живые или мёртвые) и в каких целях, говоря современным языком, используют так называемые высокие технологии. И чем больше зазор, шире пропасть между *внутренней* нищетой и *внешним* могуществом, тем очевиднее приближение к той стадии “свободы”, о которой писал К. Н. Леонтьев: “Всё менее и менее сдерживает кого-либо религия, семья, любовь к отечеству, и именно потому, что они всё-таки ещё сдерживают, на них более всего обращена ненависть и проклятия современного человечества. Они падут — и человек станет абсолютно и впервые “свободен”. Свободен, как атом трупа, который стал прахом”.

В последнее время нередко можно встретить метафорическое сравнение отдельных стран или всего человечества в целом с самолётом или кораблём, чей курс не имеет ясно осознанной цели. Известный физик Вернер Гейзенберг говорит, например, о непрерывно совершенствуемом и перегруженном железными и стальными конструкциями корабле, чей компас указывает уже только на его собственную массу. Следовательно, необходимо решать, идти ли человечеству прежним путём, преобразовывая не только корабль, но и компас, или выкинуть компас и снова смотреть на звёзды. Мысль Гейзенберга можно продолжить вопросом: а какое решение может принять человек изнутри того душевно-духовного состояния, качество которого постоянно снижается и которое при этом остаётся неменяемым по отношению к собственной ограниченности и ущербности? К тем тенденциям, которые обозначают и другие русские философы?

9

В работе “Новое средневековье” Н. А. Бердяев вслед за Достоевским, К. Н. Леонтьевым, В. В. Розановым настаивает на том, что индивидуалистическая цивилизация XIX–XX веков с её демократией, материализмом, техникой, с её общественным мнением, прессой, биржей и парламентом способствовала снижению психического строя личности, всеобщему смешению разных культур и однородной примитивизации бытия. В результате создаются химеры и фантазмы, направляющие человеческую жизнь к фикциям, которые производят впечатление непреложных сущностей. “Много ли есть онтологически реального, — вопрошает философ, — в биржах, банках, в бумажных деньгах, в чудовищных фабриках, производящих ненужные предметы или орудия истребления жизни, во внешней роскоши, в речах парламентариев и адвокатов, в газетных статьях? Повсюду раскрывается дурная бесконечность, не знающая завершения. И чем более общественность делается пустой и бессодержательной, тем сильнее становится диктатура общественности над человеческой жизнью”. И единственный выход из разложения “середино-нейтрального, секулярного гуманистического царства”, когда маммонизм и панэкономизм стали определяющими силами современности, а вся духовная жизнь человечества определяется иллюзией и обманом, Бердяев видит опять-таки в преображении “тёмной основы нашей природы” с помощью “положительных сил добра и света”. “Если нет Бога, приходит он к выводу, то нет и человека”, а “религии Христа противоположна лишь религия антихриста”.

В том же русле находится и мысль евразийца П. Н. Савицкого, заключающего, что научно-технический прогресс Нового времени куплен ценой религиозного оскудения, обожествления материальной сферы существования как чего-то самодовлеющего, окончательного и исчерпывающего цели жизни.

Однако, замечает он, культ меркантильных интересов и “всяческой животной первоначальности” не может являться основой длительного и благополучного бытия, ибо тогда разрушительный потенциал в душе человека подспудно усиливается и усложняется и, в конечном итоге (дело лишь в сроках), одолеет силы созидания. Общество же, заботящееся исключительно о земных благах, рано или поздно лишится и их. И этот мыслитель подчёркивает, что здоровое социальное устройство обретается лишь на путях синергичного сотрудничества человека с Богом и, соответственно, наполнения “пустой свободы” высшим смыслом и святынями “иного мира”.

Удивительно, но в общем-то закономерно, что какая-то внутренняя цензура или атрофия соответствующего восприятия не позволяют сегодняшним интеллектуалам хоть как-то обсудить идеи крупнейшего западного социолога русского происхождения П. А. Сорокина, который также видит единственно спасительный выход из тупиков натурализма и антропоцентризма в теософическом жизнепонимании. Если труды другого известного социолога М. Вебера, раскрывающие “дух капитализма” и результаты “протестантской этики”, периодически обсуждаются в печати, то книга Сорокина “Человек, цивилизация, общество” (М., 1992) осталась невостребованной. Автор книги акцентирует внимание на том, что противостояние демократии и тоталитаризма, свободы и деспотизма, капитализма и коммунизма, интернационализма и национализма не составляет центральной проблемы нашего времени. Текущие популярные темы, постоянно освещаемые государственными деятелями и политиками, профессорами и министрами, предпринимателями и журналистами, – всего лишь производные и побочные ответвления главного вопроса: чувственная форма жизни и культуры против идеациональной.

Сорокин выделяет один из основных принципов “чувственного общества”, освобождённого от Бога и релятивизирующего все высокие ценности, абсолютные истины и нравственные императивы: “Истинно всё, что полезно; допустимо всё, что выгодно”. Соответственно утилитаризм и гедонизм, формирующие атмосферу “цивилизованного мира”, оказываются в нём самыми важными критериями. В такой атмосфере, например, “чувственное искусство” в литературе, живописи, музыке, театре становится всё более вульгарным и поверхностным, избегающим высокого и благородного начала в человеке. Оно сосредоточивается нередко на патологическом, демонстрируя склонность к иронии и карикатуре, попадая в тиски культа новизны и технической изощрённости. Искусство превращается в товар для развлечений, всё чаще контролируется влияниями моды и коммерческими интересами. Постепенно и постоянно сужающийся прагматизм, отделённый от высших религиозных, нравственных и эстетических критериев, трагически ограничивает мир социально-культурных значений личности в потоке прозаических интересов и эгоистических желаний. Параллельно в таком контексте распространяются *презирающие* человека *рабские* концепции, где он предстаёт животным организмом и поведенческим агрегатом стимулов и реакций, условных и безусловных рефлексов (без разума, совести, воли), физиологических стремлений, пищеварительных или экономических потребностей. Учёный показывает и доказывает, что всё духовное, идеалистическое, бескорыстное, святое, благородное незаметно сводится к заблуждению, невежеству, идиотизму, лицемерию, скрывающему *низкое происхождение* основных поведенческих мотивов. Истинные нравственные понятия воспринимаются, в лучшем случае, как *идеологии, рационализации, красивые речевые реакции*, маскирующие ведущие корыстные интересы людей. По убеждению Сорокина, вырваться из губительного коловращения в плену чувственных и эгоистических форм искусства, науки, этики, политики и жизни в целом можно лишь при решительном повороте к идеациональной культуре, основанной на “принципе сверхчувственности и сверхразумности Бога как единственной реальности и ценности”.

Если обратиться к статье А. Шмемана “Воскресные беседы”, то и в ней на передний план выдвигается обсуждаемая основополагающая и *невидимая* альтернатива: борьба в современную эпоху разворачивается не между несходными политическими идеологиями или экономическими системами, а между религиозным и атеистическим пониманием жизни, между разными интуициями и восприятиями человека и его назначения в мире, между подлинной и мнимой свободой, между личным и безличным: если нет высшего обоснования личности, если человек не *сверху*, а *снизу*, если он всего лишь

милолетное явление, тогда заботиться надо только о естественном отборе со всеми вытекающими отсюда и обставляемыми *приличиями и законами* последствий. Если нет Бога, то в сущности, нет и человека, а есть лишь безличная масса.

По убеждению Шмемана, в истории человечества нет другого обоснования личности, кроме евангельского образа Христа, полагающего в любви к Богу и ближнему цель и смысл жизни. Однако в процессе истории высокое представление о человеке как об образе и подобии Божиим, носителе подлинной свободы и любви непрерывно снижается в претендующих на всеобщность категориях материалистического детерминизма, согласно которым духовно-нравственная ипостась человека, сопутствующие ей силы и ценности теряют самостоятельное своеобразие и ни к чему низшему не сводимую сущность и превращаются в нечто условное, вторичное и производное от безличных стихий – будь то, например, либидо Фрейда или экономические отношения Маркса. Причём, если Маркс, сводя духовно-нравственные проявления личности к экономическим основаниям и превращая её в марионетку слепых анонимных сил, парадоксально провозглашает какой-то непонятный “скачок из царства необходимости в царство свободы”, то Фрейд доводит до конца логические выводы своих предпосылок: “Все искания, все абсолюты не только напрасны, но и вредны. Человек, если он хочет быть здоровым, должен понять иллюзорность всех своих надстроек и принять себя именно как животное”.

Снижение духовных феноменов до материального или до физиологического уровня Б. П. Вышеславцев именуется термином “профанация” и приходит к выводу, что в современном мире поражает низость человеческих сердец, обусловленная её торжеством. Пафос профанации он обнаруживает у Мефистофеля в “Фаусте” и у Петра Верховенского в “Бесах”, в установках Маркса и Фрейда. Объединяет их всех и им подобных убеждение, что всё возвышенное и святое есть только иллюзия.

И Д. С. Мережковский оценивал современность как эпоху Конца: окончательный и бесповоротный разрыв личности со своими истоками и духовно питающими силами означает и её собственную гибель, а стало быть, и не столь уж отдалённое самоуничтожение всего человечества. “Чудо Его во всемирной истории, – писал он о Христе в своей книге “Иисус Неизвестный”, – вечное людям бельмо на глазу: лучше им отвергнуть историю, чем принять с этим чудом. Вору надо, чтобы не было света, миру – чтобы не было Христа”. Мережковский уподобляет Европу Юлиану Отступнику и цитирует высказывания о ней А. И. Герцена (“сплочённая посредственность”, “мириады мещанской мелкоты”) и Ф. М. Достоевского (“будущая бесчувственная мразь”) и, как вывод, Розанова из “Апокалипсиса нашего времени”: “глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всём, и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от былого христианства; и в эти пустоты проваливается всё: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но всё это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания”.

В русле подобных тенденций мировой истории Мережковский представляет её как личностную борьбу Плоских (удаляющихся от Бога) и Глубоких (близких к Нему), которой суждено длиться вечно, до конца мира и в которой верх на современном этапе одерживают первые, имея преимущества в безличности и объединённости, скользкости и всепроницаемости. Главное же преимущество Плоских перед Глубокими – ложь, потому что отец их, диавол, есть “отец лжи”. Плоскость может быть зеркальной и, отражая глубину, казаться глубокой. Этим-то обманом зрения и пользуются Плоские, отражая в зеркалах своих все глубины человеческого творчества – искусства, науки, философии и даже религии. Царство Плоских – ад на земле, но и в аду зеркала их отражают небо – рай, и устроители ада, совершенно плоские насекомые, подобные клопам или мокрицам, кажутся восставшими на богов титанами или падшими Ангелами, Люциферами. И эту ложь зеркал люди ослеплены и обмануты так, что ложь им кажется истиной, а истина – ложью, зло – добром, а добро – злом, диавол – Богом, а Бог – диаволом. И смешивается всё в безумии, подобном хаосу. И в самом христианстве происходит

“обмеление” глубоких вод, “оплощение”, которое уже Данте предсказывал как великий отказ, отступление от Христа...”

Усиливая внутренний катастрофизм и апокалиптизм современной цивилизации при её внешних успехах и материальном благополучии, Мережковский заключает: “Страшно то, что человек может, сохраняя внешнее лицо, человеческое, потерять лицо внутреннее; всё ещё казаться, но уже не быть человеком. Ещё страшнее то, что, сохраняя и даже как бы умножая внутренние силы человеческого духа, будучи на высоте того, что люди наших дней называют “культурой”, “цивилизацией”, творя чудеса искусств и наук, человек может иметь внутреннее лицо звериное или насекомообразное, или даже никакого лица не иметь, а носить только пустую личину вместо лица. Но самое страшное – то, что эти человекообразные, овладевая людьми и делая их подобными себе, могут не только мучить их и истреблять, но и делать их счастливейшими, так что ад, в котором они живут, им кажется раем. Если быть личностью – значит быть человеком, то конец личности есть и конец человечества”. Более того, “Мир ещё никогда не знал такой зияющей пропасти в себе, чтобы поглотить всё в любой момент; топор рубит корень деревьев”.

“Невидимый” топор “Великого инквизитора”, который на разных исторических этапах принимает разные облики и обесценивает “божественную” и “царскую” ипостаси личности, заставляя и Н. Н. Стрехова приходиться кдалеко не радужным прогнозам: “Настроение современных людей имеет что-то прометеевское. Они хотят распорядиться природой, они мечтают, как алхимики, продлить жизнь, переделать по-своему животных и растения, овладеть болезнями и т. п. Однако их мечты человеколюбия, обновления, благополучия не имеют правильного источника, правильной цели и потому приведут к убийству, хаосу и страданию”.

И для Достоевского “внутренняя” неосмысленность и непреодоленность собственной “недосиженности” и “недоделанности” являются коренной ошибкой человека при развёртывании всей его “внешней” деятельности. В беседе с одним из современников он порицал “слепых” проповедников невятного гуманизма: “они и не подозревают, что скоро конец всему... всем ихним “прогрессам” и болтовне! Им не чудится, что ведь антихрист-то уж родился... и идёт!.. И конец миру близок, – ближе, чем думают!” В подаренном писателю женами декабристов Евангелии отмечены слова из “Откровения” Иоанна Богослова о звере с семью головами и десятью рогами, на котором восседала облачённая в порфиру и багряницу жена “с золотой чашей в руке своей, наполненной мерзостями и нечистотою блудодейства её”. На теле же жены написано имя: “Тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным”. Отметив слово “тайна” двумя чертами и пытаясь разгадать её, Достоевский пишет на полях слово “цивилизация”. В подготовительных материалах к “Бесам” имеется толкование этого места Апокалипсиса, где он сравнивает зверя с миром, оставившим веру и опирающимся на свои собственные “гуманистические” силы.

Христианское мышление, сосредоточенное на различении добра и зла, судящее не по словам, а по делам, всматривающееся во “внутренний” мир, а не только “внешние” достижения человека открывало в душевной сердцевине цивилизованного индивида явный перевес “неправильных” источников и целей жизнедеятельности над “правильными”. Ещё в книге “Посмертные вещицы преподобного Нила Мироточивого Афонского”, жившего в XVII веке, говорится: “Около 1900 года, к середине 20 столетия, народ того времени начнёт становиться неузнаваемым. Когда время начнёт приближаться к пришествию Антихриста, разум людей помрачится от страстей плотских, и всё более будет усиливаться нечестие и беззаконие. Мир тогда станет неузнаваемым, изменятся облики людей, и нельзя будет ясно различать мужчин от женщин, благодаря бесстыдству в одежде и форме волос головы. Эти люди одичают и будут жестокими, подобно зверям, из-за соблазнов Антихриста. Не будет уважения к родителям и старшим, любовь исчезнет. Пастыри же христианские, епископы и священники станут мужами тщеславными, совершенно не различающими правого пути от левого. Тогда нравы и предания христиан и Церкви изменятся. Скрамность и целомудрие исчезнут у людей и будут царить блуд и распущенность. Ложь и сребролюбие достигнут высшего предела, и горе накопляющим сокровища. Блуд, прелюбодеяние, мужеложство, тайные дела, кражи и убийства станут господствовать в обществе.

В то будущее время, благодаря силе величайшей преступности и распутства, люди лишатся благодати Святого Духа, которую они получили во святом крещении, а равно потеряют и угрызения совести. Церкви Божии лишатся богобоязненных и благочестивых пастырей, которые совершенно будут терять веру, потому что лишены будут возможности от кого бы то ни было узреть свет познания. Тогда они будут уединяться от мира в святые убежища в поисках облегчения душевных страданий, но везде они будут встречать препятствия и стеснения. И всё это будет следствием того, что Антихрист пожелает господствовать над всем и стать управителем всей вселенной, и будет производить чудеса и фантастические знамения. Он также даст порочную мудрость несчастному человеку, так что он сделает такие открытия, чтобы один человек с другим могли вести беседу с одного конца земли до другого. Также тогда будут летать по воздуху, как птицы, и рассекать дно моря, как рыбы. И всего этого достигнув, несчастные люди будут в комфорте проводить свою жизнь, не зная, бедные, что это — обман Антихриста. И, нечестивец, он так будет совершенствовать науку с тщеславием, что это собьёт с пути и приведёт людей к неверию в бытие Триипостасного Бога. Тогда всеблагий Бог, видя гибель человеческого рода, сократит дни ради тех немногих спасающихся, потому что тот хотел ввести в соблазн, если возможно, и избранных... Тогда внезапно явится карающий меч и убьёт совратителя и слуг его”.

В пророчестве преподобного Нила подчёркивается связь между апокалиптическим состоянием мира, с одной стороны, а с другой — тесно соотносёнными друг с другом “чудесами” высоких технологий, увеличением материального комфорта и нравственной деградацией человека. О качественном наполнении человеческих душ в “последние дни” говорится и в Священном Писании: “Знай же, что в последние дни... люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны: неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, сами же его отрекшиеся...” (2 Тим. 3, 1–5).

Конечно же, гадание о конкретных временах и сроках “последних дней” не только бесполезно, но и вредно, их реальное определение не под силу никакому человеческому уму. Однако нельзя не задумываться над теми общими тенденциями современного мира, отмеченными и в “Парижском письме”, в рамках которых происходящие в человеческих душах процессы вполне соотносятся с апокалиптическими предсказаниями Евангелия и наиболее проноциательных из русских мыслителей и писателей. “Мысль Апокалипсиса, — подчёркивал, например, П. Я. Чаадаев, — есть беспредельный урок, применяющийся к каждой минуте вечного бытия, ко всему, что происходит около нас. Эти ужасающие голоса, оттуда взывающие, их надобно слушать ежедневно; эти чудовища, там являющиеся, — на них надобно смотреть каждый день; этот треск машины мира, там раздающийся, — мы слышим его беспрепятственно”. И, может быть, есть смысл почутче вслушаться в “треск машины мира” и повнимательнее отнестись к “беспредельному уроку”, а не устремляться так завистливо и жадно, как нас призывают очередные реформаторы (помнявшие одну “короткую” идею на другую) в “цивилизованное общество”? И не стоит ли, напротив, слегка притормозить, оглядеться и подумать о “субъекте прогресса”, о его душе?

Однако, чтобы отвечать на подобные вопросы, необходимо преодолеть околдованность текущим и “современную близорукость” (Гоголь), о которой писал В. А. Жуковский, как бы вступая в обозначенный выше “спор” В. Г. Белинского с Ф. И. Тютчевым: “Современники едва ли что-нибудь видят ясно. Происшествия кипят, бегут, суетятся, толкуются и толкаются перед нашими глазами с такою быстротою и в таком беспорядке, что никому нет времени ни для их наблюдения, ни для их оценки. Мир сделался железною дорогою, по которой мчатся паровозы событий во всех направлениях; они, как призраки, мелькают перед нами, когда мы с ними встречаемся, и от этих встреч происходит подчас ужасная давка. Кому тут до спокойного наблюдения? Кому до оценки? Кто даже имеет возможность сказать чистую правду?”

Приведённые выше переключки и оценки стадии цивилизации, с которыми невольно пересекаются авторы “Парижского письма”, всё-таки призывают нас прислушаться к мнениям “передовых людей”, которые не позволяют

обольщаться какими бы то ни было внешними достижениями. Человек, подчёркивает Е. Н. Трубецкой, опускается ниже животного, которому для “удовлетворения материальных потребностей” не требуются ни искусство, ни науки, ни техника, при этом он использует свои уникальные духовные возможности и гигантскую интеллектуальную мощь не для совершенствования своего внутреннего мира и соответствующего преобразования окружающего бытия, а для всё более многообразного и утончённого обслуживания “биологического акта”, ставит высшее на службу низшему и в подобной несоразмерности многое теряет по сравнению с представителями флоры и фауны.

К разуму и логике обращаются Е. Н. Трубецкой и В. И. Несмелов, когда стремятся раскрыть значение понятия “смысл жизни” для духовного роста сознания личности. “Человек, — замечает последний, — может, конечно, жить в мире по каким угодно соображениям или даже без всяких соображений — потому только, что он явился на свет, но это недостоинство его разума и свободы. Если он живёт на свете по одному только случаю своего рождения, то он и человеком может называться в одной только зоологии по зоологическим принципам. Человек должен жить не потому, что его мать на свет родила, а потому, что он имеет особое назначение в мире”. В противном случае, говоря словами П. Я. Чаадаева, словно перекликающимися с вышеприведённым рассуждением, философия человека “становится только тою частью натуральной истории, которая описывает нравы животных: главою о человеке в зоологии”. Тогда, как бы подключается к диалогу Е. Н. Трубецкой, торжествует слегка припудренный культурой биологизм, “закон взаимного пожирания существ”, оснащённых более или менее мощной военной-технической “челюстью”. Тайна человеческого бытия, утверждал чуткий к подобным вопросам Достоевский, заключается не в том, чтобы жить, а в том, для чего жить. Писатель предсказывал, что без отчётливого осознания не уничтожаемого со смертью смысла жизни человек способен истребить себя и окружающих, “хотя бы кругом его всё были хлебы”. Согласно его наблюдениям и выводам, даже самые великодушные идеи могут превратиться в свою противоположность, если в глубине сознания происходит драматическое столкновение их смысловой неполноты и реальной неосуществимости именно с этим требованием. Например, роль унавоживающего материала для будущей гармонии невольно заставляет человека задумываться (с разной степенью отчётливости и осознанности) над тем, что “жизнь человечества, в сущности, такой же миг, как и его собственная, и что назавтра же по достижении “гармонии” (если верить, что мечта эта достижима) человечество обратится в тот же нуль, как и он, силою косных законов природы, да ещё после стольких страданий, вынесенных в достижении этой мечты, — эта мысль возмущает его дух окончательно, именно из-за любви к человечеству возмущает, оскорбляет его за всё человечество и — по закону отражения идей — убивает в нём даже самую любовь к человечеству”.

В процитированных строках заключено психоонтологическое объяснение и одновременно прорицание снижающих и нигилистических метаморфоз любых гуманистических притязаний на осуществление божественной власти человека, одолеваемых бессмыслицей и хаосом жизни. Как пишет В. И. Несмелов, самые гениальные проекты и мечты людей сокрушались о неразрешённое осознание того, что счастливый или несчастный сын земли неведомо зачем появляется на свет и в неё неведомо зачем по смерти навеки уходит. Уяснение главных вопросов жизни и смерти, окончательной судьбы мира и человека, которое принципиально вытесняется в современную эпоху, стоит в центре внимания работ русских христианских философов и писателей. Они открывают “иной мир”, “другой план бытия”, в котором даруется высшее и полное решение вопроса о смысле жизни, о “воскресении из мертвых всегo существа человека”, “радость окончательной победы Богочеловека над зверочеловеком” и подлинная свобода от мирового природного закона борьбы за существование.

АЛЕКСЕЙ ВУЛЬФОВ

В ВОСТОРГАХ УМИЛЕНИЯ

Это строки из письма музыковеда и писателя Алексея Вульфо́ва своему товарищу, любителю поэзии, в ответ на его высказывания о тревожной судьбе поэзии в современном мире. Фрагменты письма автор счёл возможным предложить на всеобщее рассмотрение.

Лёня, не идёт у меня из памяти наш разговор о вырождении поэзии. Вырождение, да. А как иначе может быть?

Воздух времён поэтов Золотого века был буквально пропитан поэзией, поэтом был чуть не каждый образованный человек, стихи писали девушкам в альбомы. Это было время наслаждения речью как таковой – сродни наслаждению хорошей музыкой. Что был бы Гоголь без того самого “меткого русского слова” вокруг, на каком фундаменте построил бы Пушкин без уроков Арины Родионовны новый русский литературный язык?

Но тогда возникает вопрос: а откуда берётся само оно, это народное творящее слово? По всей видимости, из *духовного единства*, или духовного пространства, то есть стихийного, порой неосознаваемого, но явного ощущения всеми присутствия Бога, каких-то важнейших управляющих жизнью сил. От этого (по-православному – от Святого Духа) берётся особенно важная для поэтов непостижимая ёмкость народного слова, его исчерпывающий смысл при феноменальном лаконизме.

Раньше классические поэты были со всех сторон окружены щедрой, питающей народной речью, подобной какому-то насыщенному органическому удобрению. Когда читаешь слова в сборниках русских народных песен, кажется, что среди крестьян каждый второй был поэт. Ведь народ формирует речь не просто по смыслу – он в своих говорах даёт примеры строя, музыки, акцентов в речи, бескрайнее своеобразие её, он живописует, актёрски играет ею, чаще всего сам не осознавая того. Остатки такой речи, живущей как самостоятельное творящее живое существо, ещё можно встретить у людей старшего поколения.

Поэт и музыкант Георгий Поляченко говорил о том, что в народных песнях и сказах можно встретить неказистые слова, но никогда не встретишь такие, которые не выражают смысла. Каждое слово там нужно, как бы оно ни звучало, порой парадоксально (“горьким частым осинничком” – надо же так сказать: горьким!).

Композитор Георгий Свиридов говорил: “Есть поэты с биографией”. Да, поэт, конечно, должен быть “с биографией”, с личной легендой, без которой творчество его невообразимо, да часто и непонятно. Но кто же формирует эту легенду-биографию? События вокруг личности и её реакция на них. Недаром “Евгений Онегин” назван энциклопедией. Пушкин вообще великосветский,

реакция Пушкина на личности и жизненные явления, на новости была обостренно злободневной, публицистичной (как, например, и у Данте). События определяют стихийное направление приложения таланта – он всегда, осознанно или нет, разными творческими способами, но резонирует со своим веком – *любой* талант. Весь вопрос – как резонирует?

Формированию нетленного слова (музыки, рисунка) также способствовала и бытовавшая во времена духовного единства неосознанная либо осознанная потребность в *непременности* присутствия красоты в окружающем пространстве жизни – для души, для взгляда. Причём это касалось всех сословий – от простолюдина до аристократа. Этому, конечно, способствовала также окружающая гармония природы. Она всегда как бы неосознанно, но очень явно замечается простым народом: читай русскую народную поэзию, все тома песен, на любую тему, ты не встретишь там ни одного сюжета без описания или упоминания какого-то уголка природы. Конечно, столь же сильно и переживательно она замечалась и аристократами, академиками творчества. “Природа – это книга, которая на всех языках вещает людям о Боге”, – исчерпывающе сказано святителем Василием Великим. Именно поэтому природа с её вечно восторгающей, но до конца не доступной для постижения человеком красотой (в силу того, что мир природы создан не человеком, а Богом) несомненно влияет на качество слова и звука, сотворяемых человеком.

Поэтическое слово в старину окружала прекрасная живопись и музыка, танец и скульптура, театр, а в храмах – изографы разной степени гениальности... А вокруг чистый, в основном, не погранный ещё Божий мир, полный тайн и первоначальной красоты – ни о каком теперешнем всезнании, когда пятиклассник может точно, как профессионал, рассказать, откуда берутся дети, а мир можно рассматривать дома в *Google*’е без всяких странствий и путешествий, и речи не могло быть. Воздух совершенно чистый, “пустыня прекрасная” природы, не погрзанное естество во всём окружали слово в – увы! – ушедших временах...

Слово поэтов и писателей, которые естественным путём слиты с миром земным, не может формироваться вне вышеперечисленных влияний.

А откуда, в свою очередь, берётся это намерение требования красоты во всём окружающем? Оно берётся от стихийного стремления к *радости* – то есть, в конечном счёте, к Богу. Это благодатное радостотворение было бы немислимо без веры, осознанной или неосознанной, в высшие добрые силы, в конечную гармонию и справедливость. Что такое радостотворение? Под этим выдуманном словом подразумеваю всё то, что, в конечном счёте, ведёт человека к Богу, а не к сатане, к свету, а не к тьме. Под этим подразумевается любой путь к очищению, образумлению, к красоте и правде, к ладу и пользе, причём далеко не всегда этот путь радостный, часто – наоборот, но со стремлением к радости в результате пути.

В народном слове радостотворение проявляется в наличии пословиц и поговорок – философских по сути, но изложенных эстетически выводов о жизни, причём, если пословицы функциональны, дают наставительное руководство к деятельности, то поговорки вовсе не функциональны – слово ради слова, ради удовольствия, ради доброй усмешки от слова. У такого слова поэт и учится своему лаконизму, шлифует потенциальную цитируемость, ёмкость, броскость, артистизм своих слов (хотя талант, а значит, и стиль он получает только от Святого Духа, неизреченно).

Эта способность к радостотворению определяет и способность к возвышенности или “пылкости”, а не только к рациональности в понимании вещей:

*Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Трепеща радостно в восторгах умиленья.
Вот счастье! вот права...*

(А. С. Пушкин)

Видишь – *радостно* трепеща. У них всё точно, все точки над *i* всегда расставлены.

Кроме того, духовное единство (или пространство) определяли преобладавшие в любых отраслях жизни разумность, полезность, прозрачность в понимании и толковании вещей, незамутнённая ясность (с этим мы часто

встречаемся, например, в статистических отчётах царского времени, различного рода “пояснительных записках”, “краткіх очерках”, “ещё к вопросу” с ятями и ерами, написанных на поразительно понятном, образном и красивом русском языке, о каких бы сверхпрофессиональных вещах ни шла речь). Этому не только учили в гимназии – это было обыденным свойством жизни. А ведь разумность, польза, чистота, прозрачность каждого слова (хотя и совершенно необязательно его прямолинейность) – жёсткое профессиональное требование для любого поэта, без этого он таковым просто не будет. Именно поэтому лучшие, любимые стихи в нашей жизни становятся некими эпиграфами в ней (поэзия вообще вещь очень личная не только для поэта; как сказал один очень талантливый критик в “ЛГ” (к огромному сожалению, не запомнил фамилии его), “литература перестала быть частью жизни человека” – да, раньше она, как и художественная проза, была частью жизни людей, а не просто отвлеченным эстетическим предметом).

Что же произошло, когда духовное единство оказалось нарушенным? На смену ему пришла бездуховность = бескультурие. Неизбежность красоты, радостотворение – всё это стало постепенно хиреть, суррогатизировать вместе с жизнью (хотя благодатная инерция слова была очень долгой, она выветрилась-то совсем недавно). Творчество стало всё больше заменяться мелкой гордыней, а не истинным восторгом созидания. Народный язык, естественно, откликнулся, тоже начал погибать, муть, грязь выплеснуло со дна, с площадной лужи, заплёванной шелухой от семечек, наружу, всё больше и больше с течением “преобразований” затемняя былой бойкий толк слова. Матерщина как норма общения (теперь она стала таковой и для девушек), грубословие, плебисцит в речи постепенно покрыли её густыми сорняками. Опошление жизни сопровождается всегда опошлением окружающей речи. Да тут ещё всякие “измы” и блатата, как цунами, ударившие в речь. Ужаснейшие сословные деформации, истрескавшие Россию в 1920–1990-х годах, столь же ужаснейше изуродовали речь, которая, как живое существо, сразу отзывается на события. Она становилась всеобще плебейской (у Евтушенко прочтём: “Интеллигенция поет блатные песни”, – вспомним, как шокировал Шариков Преображенского и Борментеля нарочитой пошлостью своей речи). В народной речи мат стал гораздо более характерной особенностью, чем “ёмкость”, “щедрость”, “феноменальный лаконизм” и проч. Народ не мог уже творить чистой речи – Бога прогнали. Меткости наблюдений в речи меньше не становилось – народ есть народ, но обойтись без её опохабливания стало уже невозможно (“мимо тёщиного дома”, “хочет и рыбку съест” – и т. п.).

Это то, к чему в результате вышеописанных событий пришёл народный язык, то, что реально, а не вымышленно окружает и современных поэтов. Произошло постепенно то, о чём царь Берендей у Островского говорит: “Исчезло в них служенье красоте”. Этим царь Берендей, как сургучом, припечатал процесс в европейском и, в частности, российском социуме 10-х годов XXI века. Другому стали служить, эстетика всё больше уходила на второй план и дальше. А что при этом может выйти?..

Почитаем как характерный пример избранные стихи одной очень известной современной поэтессы, которая знаменита на весь мир, стихи её переведены на 22 языка, она имеет различные награды и звания (редакция приносит вынужденные извинения читателям):

*Воздух жуя ноздрями,
свет глазами жуя...
Ждёте уж рифмы х...ми?
Х...ки вам, ни х...!*

ПОДРАЖАНИЕ АХМАТОВОЙ

*и слово “х...” на стенке лифта
перечитала восемь раз*

*Аве тебе, матерок,
лёгкий, как ветерок,
как латынь прелата,
налитой и крылатый,*

*как tots парижских заплатки
на русском аристократки,
как чистой ночнушки хруст —
матерок из девичьих уст...*

Наконец, самое знаменитое у этой поэтессы, везде цитируемое, белым стихом, как в каких-то “Маленьких трагедиях”:

*Так юное влагалище, рыдая
под мужеской рукой, пощады просит
и жаждет, чтобы не было пощады.*

Итак, внимание читателя гарантировано.

*Лоб обреют — пойдёшь отдавать свою,
лобок обреют — пойдешь отдавать чужую
жизнь. Родина-матка, тебе пою,
а сама партизански с тобой воюю,
ибо знаю: сыну обреют лоб.
Ибо знаю: дочке лобок обреют.
Чайной ложкой лоно твоё скреб
Ирод. Роди Ирода. И Назорей.*

Ну, разумеется, тут и Ирод, и Назорей, без них “фишки” не будет, они как приправа ко всему почему-то используются в современном массовом потоке “культуры” (например, в богомерзком спектакле “Конармия” Центра им. В. Мейерхольда тоже рядом поруганное христианство и обнажённые мальчишки, красиво бегающие по сцене со вздрагивающими попками). Читателю стихов намекают, что вот тут самая “мулька” (ныне слова “фишка” и “мулька” — обиходные синонимы слов “секрет” и “смысл”, что показательно), вспоминают, словно вернувшись из бреда, что разумное-доброе нести надо, иной раз и о серьёзном вспоминать, не только о лобках, вот и вспоминаются ненадолго Ирод и Назорей...

Обидно становится за преподносимый поэтессой образ женщины, которая выставляется разнузданной самкой, а этим, насколько мне известно, данный образ вовсе не ограничивается. На месте феминисток я бы не смолчал на такие стихи.

В сущности, мир такого рода поэзии — скука, а это хроническая болезнь вообще всей глобализированной современности (почему и создана пресловутая индустрия развлечений, тех самых, которые заменили в современном социуме бывшее преобладание познавательности преобладанием развлекательности). Упомянутая поэтесса и сама говорит об этом с поэтической склонностью к обобщениям:

*Творить? Ну, что ты! — Створаживать
подкисшее житиё,
житуху облагораживать,
чтоб легче было её
любить. И любить её, жирную,
как жёлтый пасхальный творог...
А ты мне — про тайны надмирные,
А ты мне — восстань, пророк...*

Ну, разумеется. Так или иначе, всё кругом, разумеется, гадость, прокуренная от болтовни неприбранная кухня, злоба ума, как у З. Гиппиус, только та поэтически гораздо совестливее. (Да, “ласковая кобра” Гиппиус гораздо богаче, даровитее!)

Любви нет в этих стихах. Выветривается любовь и из всей современной жизни — во всё. В музейный экспонат превращается. Прислушайтесь, как общаются между собой люди — по телефону, в транспорте. Иной раз просто лай какой-то, как воевода Полкан в либретто “Золотого петушка” у гениального В. Бельского (“говорит всегда, как ругается”), неутолимая свара ради свары. Современная молодёжь часто высокомерна (её этому специально учат), но по

своему качеству это высокомерие пятиклассников возрастом 25–30 лет... Подобного же качества обычно и тщеславие нынешней молодёжи.

“Серые мы стали какие-то... Неинтересные... Обездоленные... Жалко нас... Какая там поэзия...”

Ну, а что происходит в среде другого традиционного важнейшего носителя слова, известного спутника поэзии – в популярном или, говоря не по-русски, “хитовом” театре? О, какое там слово! Один известный театральный режиссёр Огарёв, очень уважаемый и “востребованный” в либеральных столицах, на достигнутом не останавливается, ему калечения классиков “осовремениванием” и намёков на половые извращения на академической сцене мало (так и денег можно не заработать). Он прославился не то чтобы официально запрещённым матом и раздеваниями, без которых современный зритель уже, как без воздуха, а тем, что в одном спектакле актриса у него писает на сцене, а затем либеральные толерантные критики, люди сытые, в специально отведённых местах в модных журналах, читаемых так называемой либеральной интеллигенцией, определяющей критерии и идеалы современной жизни, оживлённо пишут, что при этом “раздавался настоящий запах мочи”. Надо полагать, подобные сценические находки – гусарская доблесть современной режиссуры, да и хороша же, однако, фигура актрисы! Есть ещё один спектакль, в котором тем же занимаются сразу четверо. И насколько же удивителен актёрский зал, который немедленно – все как один – не встает и с проклятьями не уходит. До какой же привычки к тьме дошли люди за последние двадцать лет!

Это уже не театр, а какой-то подлый погибельный раёк, сознательно делающий из человека нелюдь (прямая противоположность известной гоголевской “кафедры”). Буковку “а” – “академический” – не зря изъяли из названия былого МХАТа – она очень ко многому обязывает. Гадят они, вот и всё, заразу распространяют. Ну, какую вот память о себе оставят? В какую попадут область земного бессмертия? Спаси их Господи... Вообще-то их замечать особо не надо – “много чести” (И. Бунин). Но ведь популярны же, и даже очень.

Новая “мейерхольдовщина”? Нет. Мейерхольд доходил до эпатажного, но никогда не опускался до низменного. Автор популярной сегодня “хитовой” пьесы “Пьяные” напрасно вначале представления цитирует стихотворение Омара Хайяма – этот поэт тоже, несмотря на любовь к пьянству, никогда не опускался до похабства и пошлости, в отличие от героев вышеозначенной пьесы.

В сущности – обыкновенная, прикрытая “интеллигентством” наглость и, конечно, главная составляющая современности, рабочий механизм всех этих хватов-политиков, шоуменов, прочих героев толпы – бесстыжесть (первична не безответственность, а бесстыжесть, без которой безответственность просто невозможна). В сущности – тёмный и пустой мир. Пошлость. Это всё *исчерпаемо*, причём быстро. Пилюля от скуки для недоумков, товар не для простых, а для простейших. То же развлекалово, просто с “художественным” уклоном, мода столиц для недалёких, полагающих себя избранными. Для тайных, но очередных хамов. Если это принять за голос века своего – в таком случае хорош же он, век этот... А ведь век – это мы сами, никакие не “времена”. Плебейзация, вульгаризация высоких жанров, вообще высокого всегда исключительно опасны для любого общества, это мощный сигнал тревоги. Исключительно опасно, что главный потребитель такого рода продукции – молодёжь.

Замешивание высокого с грязью никогда не полезно. В искусстве это может приводить только к истерике, но не к гармонии творчества, каким “экспериментом” такое ни называй.

Особенно обидно бывает, когда в руках подобных господ оказываются беззащитные произведения классики, великие творения культуры, стоящие каждым слогом за человека, классики, которые, наверное, слезятся о нас в невидимой нам печали в своём отдалённом раю... Между тем, искреннее и тщательное почитание предмета воплощения является основным стартовым условием при любом прикосновении к классике, тут должна быть полностью принята идея её целомудрия, тут должен применяться только метод изначального преклонения, иначе пропадёшь сам и другие через тебя. А это грех-то какой! (“Невозможно не прийти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят”. – Лк. 17, 1).

Наше время: “Хи-хи-хи да ха-ха-ха, не боится, знать, греха”. Какое уж там радостотворение... Одно насыщение. Композитор Г. Свиридов ещё в том веке говорил: “Люди сделались карлики <...> людей нет”. Мелко всё стало. Вместо

общения – тусовка, вместо смысла – муть. . . Обмеление жизни наряду с обмелением вод в природе. А поэзия и мелкость несовместимы. Мы же, когда хвалим какую-то пьесу или стих, или спектакль, или повесть, говорим: “Глубокая это вещь”. Хорошо сказал ивановский студент Григорий Савельев: “Тусовка – неспособность к истинной *праздничности*” (курсив мой. – А. В.).

Конечно, есть и *другое*, радующее. Много пишут и хороших стихов. Издаются до сих пор поэтические сборники – и действительно хорошие, красивые стихи встречаются, глубоко замешанные на слове. В. Казакевич, В. Костров, Ст. Куняев – это поэты, ничего не скажешь. Вот есть, например, поэтесса Ирина Левина-Домбровская. Она ухитряется как-то в наше время сочетать целомудрие стиха со спокойствием и мудростью, писать от простой любви, а не от похоти, претензий, обид или злобы на бытие в целом. . . Есть замечательная поэтесса с чистым словом Людмила Барыкина, талантливый автор стихов и песен Валерий Сыскин, другие хорошие поэты. Но всё хорошее, вместе с телеканалами “Культура”, “Спас” и “Союз”, прекрасными речами патриарха Кирилла, профессора А. Осипова, замечательными композиторами-“почвенниками” А. Висковым, И. Вишневым, В. Довганем, В. Калистратовым, Г. Маем, И. Александровым, корифеем нашей музыки С. Слонимским, многочисленными иконописцами, археологами, краеведами, художниками, музыкантами, танцорами и многими другими разрозненными талантами современной России – всё это так или иначе оказалось в некой резервации, но не в “потоке культуры” (опять выражение Г. Свиридова), да и не в потоке жизни, всё больше смахивающей на одно большое ток-шоу. Есть, конечно, такие живительные явления в культуре, как превосходный театр “Сфера” А. Коршунова, великолепный “Пасхальный фестиваль” В. Гергиева, изумительный хор храма Христа Спасителя под руководством И. Толкачёва, но это, увы, лишь исключения, подтверждающие правило. Есть спасительный мир Православия, вообще вероисповедания. Всё это есть, слава Богу, есть, но этого становится *мало*, а с уходом старых людей, людей-талантищ, людей-совестей становится всё меньше и меньше (весьма скорбен для современного театра и всех нас уход гуманистов сцены С. Арцибашева и П. Фоменко). Широко, официально пропагандируется, во всяком случае, не доброе (откройте заставки Яндексa, телепрограмму на неделю, понажимайте кнопки центральных программ ТВ, включите радио на FM, погоняйте туда-сюда селектор приёмника). Государство не на стороне доброго очень во многом – увы! А где вы видели классическое искусство без поддержки государства?..

Вот в какое время пишутся сегодня стихи. Слово – живое существо, оно “в начале бе”; оно живёт своей непостижной жизнью, оно гораздо чутче и восприимчивее человека, оно передаёт явления, видит сердцем, как мать, как ребёнок; в нашем случае, увы, оно своей “фишкой” и “мулькой” передаёт несомненное вырождение европейской культурной цивилизации, в основном, утратившей, поправшей, продавшей своё духовное единство. “Платим за комфорт своей мизерностью”, – сказал прекрасно мой ученик Андрей Кудрявцев. Слово естественно реагирует на это, как и вообще на всё в Мире Жизни.

Пришёл Ельцин – государство бросило поэзию на произвол судьбы. Хорошо помню в 1980-х годах альманахи “День поэзии”, поэтические подборки “Юности”. Книжки стихов и критику на них печатали все 60 с лишним книгоиздательств Советского Союза. Люди жить не могли без поэзии, очень многие читали и писали стихи. Когда и где вы видели жизнь академической культуры без поддержки государства или хотя бы каких-то серьёзных покровителей? Немудрено, что ельцинизм принёс России глобальный интеллектуальный дефицит. Можно сколько угодно вздыхать о прекрасном утерянном театре, точнее – о традиции и славных спектаклях, всей этой большой, как теперь мы на расстоянии видим, культуре 1970–1980-х годов, но те спектакли ставились долго, иногда по полгода, а не за 10 дней, как сегодня, – государство давало средства на это. Да и люди добро там творили, а не подленькое плебейское зло. В царстве советской идеологии творили, в войнах, погромах, ГУЛаге, бескормице. Сколько красоты, смысла, воистину доброго слова, а значит, и “чувства доброго”, описанного Пушкиным в стихотворении “Памятник”, дали своему жестокому веку стихами вопреки всему такие поэты-гуманисты, как Заболоцкий или Твардовский.

Есть ещё так называемая патриотическая современная поэзия, в которой за внешним пафосом даже в случае искренности переживаний поэта

единообразные мысли нередко сочетается с плохо скрываемым неверием в собственные слова... Вроде “ты восстанешь, проснешься, Россия, не вечно тебя топтать!” Сами же и топчем, мы и наше правительство – кому адресован этот вопль? Кто мятые пивные банки швыряет на улице, вообще беспощадно мусорит вокруг себя, публично матерится, да ещё при детях, пошлит и бездельничает вместо любопытства, честного труда, чтения и улыбки к жизни, забивает башку всякой дешёвой, как джин-тоник, ерундой из газетёнок и комиксов, ближнего “разводит”? “Русь, весь мир содрогнётся тобой!” Это запросто с такой-то “культурной” политикой содрогнётся, и ещё как: Атилла может в гробу зарыдать!.. “Русь, ты скоро прогонишь носатых! // И себя в веках обретёшь!” Ну, как же без этого! Короче говоря, “О Русь!” Последнее восклицание сквозь сегодняшнюю зарастающую бурьянами и пустолесьем былую пахотную Русь выглядит даже и не совсем удобным... При всей идейности и злободневности поэзии, – конечно, лучшие поэты говорят за всю эпоху, а иногда и за весь народ, – всё-таки никто не может забывать, что литература, – в первую очередь, область словесности, в смысле *изящной словесности*. Нет настоящего поэта без этого. А в такого рода поэзии именно *изящной словесности* часто и не хватает, преобладает декларативность и, как правило, мало мастерства. Изящная словесность требует большого труда и опытности, а не только лучших чувств. Полезно поглядеть черновики Пушкина.

Так-то, призывы нужны. Но вообще за Русь стоять – это рукава засучить, молитву пробормотать и целый день работать, не разгибаясь. А там, глядишь, и стихи нетленные невесть откуда родятся.

Прежде чем вернётся высокая поэзия, должны быть вначале подняты и снесены на помойку те мятые банки, прибрано должно быть в природе, чтобы предотвратить всеобщую земную катастрофу, началу которой мы все свидетели. Надо немедленно прекратить нещадно рубить леса и качать нефть, оставить в покое Арктику, надо начать сажать леса, спасти реки, вообще пресную воду, бороться с парниковым эффектом. Наряду с этим надо начать опять читать Пушкина и Тургенева, вернуть образование познавательное, а не ЕГЭ по интернету, начать опять родные песни петь хором в согласии... Увидеть опять небеса... Нужно вернуться к *благозвучию* – в музыке, в поэзии, в литературе, в живописи, в способе жизни, в общении. В каком-то смысле – к *покою*. Уйти от суеты ради денег, сокрушить, уничтожить её. *Экология поэзии незаметно, но очень сильно зависит от экологии природы и общежития*. Представьте себе: выглядывает зимним утром Пушкин в окно, а там вместо великолепных ковров сегодняшняя помойка природы, унылая измученная хлябь, а кучер или няня вместо: “Не одна ли то во поле дороженька” –, поют: “Я убью тебя, лодочник!” или что-нибудь, не приведи Бог, из современной попсы... Пока на коленях к природе-матери не приползём: “Прости, прости, больше не будем, исправимся!” – нет у нас надежды ни на какую поэзию, ни на какое спасение. Земля иначе не родит слово, обидели её.

Необходим *возврат к естеству*: в музыке – к мелодии, в поэзии и прозе – к гармонии речи, в жизни – к прогулкам на природе, катанию на лыжах, хождению в музеи. Чтобы малыш “уж отморозил пальчик”, нужно, чтобы был мороз зимой, а малыш чтобы гулял на улице, а не лежал на животе дома в обнимку с ноутбуком. Как мало видишь сейчас деток, катающихся с горок! Возвратить нужно гуманизм в искусство.

Пушкин дал абсолютное лаконичное, исчерпывающее руководство, как всего этого добиваться, что конкретно нужно делать, чтобы была поэзия, нужно просто почитать внимательно и принять за инструкцию его слова: “Дивясь божественной природы красотам...” (см. выше). Добавить к этому сугубо практическому совету для поэтов, вообще людей искусства, на мой взгляд, нечего.

И, конечно, каждому лично, отдельно спросить себя без оглядки на путинных и медведевых: кто я – человек или манкурт? Ибо вопросы поэзии неотделимы от вопросов нравственности. Мы все в ответе за свою страну и за свою культуру, включая поэзию. Это, может быть, несправедливо (с оглядкой на потусторонние уродства властей), но это общий исторический порядок. Задачи глобальные, но решать их должен каждый.

Культура свелась так или иначе к рациональному (причём, как правило, однообразно, предсказуемо рациональному), физиологичному, потребительскому, а не к бесплотному, бестелесному, тому, что тянется невидимыми

разводами мыслей и образов-ладанов к Духу Святому, к неземному, необъяснимому – и при этом неисчерпаемому, к тому, что люди называют “серьёзным”. Ныне серьёзные жанры всё больше смешиваются с лёгкими – самое настоящее стирание граней налицо (имеется в виду граней добра и зла).

Поэзия предусматривает лирику (то есть культурное, осознанное душой одиночество без цели и задачи, с одним только переживаемым чувством, рождённым тем или иным впечатлившим явлением жизни; ни о какой рациональности, функциональности здесь не может быть и речи!). Современная поэзия, вообще современное искусство лирику утратили почти полностью, даже, можно сказать, настороженны к ней, завидуют, осмеют при случае, потопчут, как тот “осторожный человек” у Горького, потому что сами не способны на неё. В потребительстве лирики нет и быть не может, там цели другие, тем более в примитивном потребительстве, рождённом угождением обычным инстинктам, а не душевным познанием мира и отзывом на него. Стихи теперь девушкам не читают.

Страшно даже не то, что лирики нет, – страшно, что поводов для неё всё меньше. Старение старой красоты не досадно – досадно, что новая, молодая красота на смену не приходит. Раньше устареет Тредиаковский – придут Пушкин, Лермонтов; потом придут Некрасов, А. Толстой, Фет, Тютчев; потом Есенин, Блок, наконец, Рубцов, при всей русской вологодской простоте абсолютно классичный, целомудренный поэт; а теперь что?..

“Трепеща радостно в восторгах умиления – вот счастье, вот права...” М-да...

Увы, описанные процессы очень характерны для последних периодов империй, например, Римской (искусство последних пары веков этой империи просто перестало быть таковым, превратившись в довольно мерзкое шоу, жутко напоминающее современное телевидение). Эти процессы гениально описаны Л. Н. Гумилёвым (глава “Фаза обскурации” в “Этногенезе” длиной в одну страницу, но убийственная).

Что касается современной разговорной речи с её возвращенным в сытых столицах сленгом, то это уже не сорняк и не яд – это смерть языка. Этим окончательно оторвался он от исходной своей сущности в той же степени, в какой и народ, разговаривающий на нём. Это уже нитратный овощ. Ну, не смерть – мутация, но от этого ещё хуже...

Поэтому поэзия, рождённая современным социумом, так называемыми отношениями, особенно в столично-либеральном духе, не только мало возможна, но и, даже появившись, по своим последствиям скорее потенциально вредна. Тут задумаешься: надо ли ей, такой, вообще появляться?.. Что творится с театром, мы видим. Недаром последнее русское искусство (Свиридов и Гаврилин в музыке, Николай Рубцов в поэзии, Шукшин, Распутин, Абрамов, Е. Носов и Астафьев в литературе), питавшееся из остатков великого былого творческого наследия народа, ностальгично, сожалательно, но не патетично, как, например, поэзия времён какой-нибудь “романтики строек” или уж тем более “друзья мои, прекрасен наш союз!”. Нужно уже было стать немного этнографом и краеведом, чтобы добраться до традиции. Кончался уже тогда материал для художественного творчества, начало всерьёз кривить жизнь, наступила её эрозия, заболачивание, в прошлом находилось смысла всё больше, чем в настоящем (“Лад” В. Белова, “Владимирские просёлки” В. Солоухина).

Потом – поэзия, как и проза, если она настоящая, никогда не замыкается на мире только человека. Возьми Пушкина – у него начинается стихотворение с обращения к ещё дремлющей любовнице, с которой он провёл минувшую ночь, а заканчивается полями пустыми, лесами, недавно столь густыми, берегом, милым для него. Вот это пространства образов! Другое стихотворение начинается с описания первой встречи с будущей возлюбленной (надо сказать, довольно обыденный сюжет в поэзии), а заканчивается целым перечнем крупнейших жизненных явлений, не просто определяющих основы душевного и духовного бытия, но и всех высших нравственных ценностей – тут вам “и божество, и вдохновенье, и жизнь, и слёзы, и любовь” – вот это опись! Они всё, всё видели, очень широко смотрели вокруг себя, а не только в себя или, вот как в тех стихах, в некое влагилице. Пушкин широко смотрел на мир, как на пространство, его и в Лицее этому учили, Жуковский его этому учил. А сейчас доктрина из телека – “важней всего погода в доме...” Условно говоря, из поколения менеджеров могут вырасти новые менеджеры,

но не новые поэты. Ну, как можно ждать, чтобы в скуке (спутнице и родоначальнице бездуховности), пошлости, мещанстве родилось высокое поэтическое слово? Откуда для этого овоща возьмутся тут должны земля и климат? Не знаю. Надо молиться. Ведь есть пока и хорошее. Очень важно, что всегда с нами наша Старая Культура – вечная спасительница, добрая и покладистая, как мать. Интернет несёт и её (старые книги, стихи, записи спектаклей и концертов) – смотря кто что ищет. А что ищешь, то и обрящешь.

Чтобы появилась новая поэзия, должна появиться новая эпоха. А это зависит уже от нас всех. Как говаривал великий Валерий Гаврилин, нужно, чтобы *молодыми голосами запели старую песню*. Ясно одно: назад, к традиции естества должен быть сделан шаг, вперёд рваться уже некуда; речь идёт уже не о развитии – о восстановлении культуры. Восстановить почву, в которой может вырасти овощ новой поэзии, ожить новое слово.

И от государства зависит – напрямую. В конечном результате, от его политики и управления зависит то, какой будет в нём культура, а значит, и поэзия. Нужно возрождать дома культуры, самодеятельные хоры и оркестры, кружки любителей классики. Нужно, чтобы государство чётко показало народу: классика, старина, культура, искусство, песня, мелодия, стихотворение, тем более национальные – в великом почёте. Пока же оно допустило то, что фильм к 100-летию композитора Г. Свиридова по первому каналу шёл в час ночи (про качество фильма уж не говорю), юбилей Николая Рубцова прошёл практически бесследно. Это пока. Что будет дальше? Бог знает.

Ведь слово – от Бога. А дары Его неизреченны. На это вся надежда! Так что надо Ему угождать. Иначе не будет никакой поэзии.

Получилось длинно и против желания порой грязно (под статью теме), прошу прощения.

РОБЕРТ БАЛАКШИН

ЗНАМЯ НАРОДА

*Советская массовая песня
как исключительное явление мировой музыкальной культуры*

*Нам песня строить и жить помогает.
Она, как друг, и зовёт, и ведёт,
И тот, кто с песней по жизни шагает,
Тот никогда и нигде не пропадёт.*

В. Лебедев-Кумач

Введение

Советская цивилизация просуществовала всего несколько десятилетий, а след в мировой истории оставила неизгладимый.

Фундаментальные научные исследования, полёты в космос, разработка уникальных хирургических операций и многое другое стало достоянием других народов. Какими-то открытиями мы делились бескорыстно, кому-то продавали лицензии на производство наших образцов техники, что-то было у нас выведено иноземными разведчиками, украдено и продано предателями. Системы образования и здравоохранения вообще можно перенять, было бы желание.

Но имелось в советской цивилизации **нечто** такое, на что нельзя выдать лицензию, что нельзя позаимствовать или украсть. Разве возможно позаимствовать народную душу?

То, что “ страна Советов – родина свободы”, то, что Советский Союз был самой читающей страной в мире, не требует доказательств. Это общепризнанный факт. Свидетельство тому – миллионные тиражи журналов и книг той поры. Причина, почему сейчас тираж в 10 тысяч экземпляров считается большим, – тема особого разговора. Это следствие ослабления, а потом и принижения высокой идеи, озарявшей бытие советского народа, обрушение уникальной экономики, дававшей человеку много свободного времени для самосовершенствования в различных областях знания и культуры; это и приход к власти в стране малокультурного, не читающего руководства и т. д.

Однако, признавая неоспоримым факт существования самого читающего государства, мы совсем не задумываемся над тем, что Советский Союз был и самой поющей страной в мире.

То была цветущая, мечтающая и, главное, поющая страна. День её начинался с пения горнов в пионерских лагерях и бодрящей побудки сигнальных труб в воинских гарнизонах. Пели дети на лужайках пионерлагерей, солдаты на строевых плацах, студенты в стройотрядах, ИТРы и служащие на субботниках, в детских садах пели малютки, пел ветер на арфовых струнах проводов

высоковольтных ЛЭП, ветер пел, обвеяв своими потоками меч богатырской воительницы в сталинградских степях, пели даже сплошь железные, бездушные тепловозы, перекликаясь друг с другом на стальных рельсах густыми басовитыми содрогающими округу гудками.

Учитывая художественное преувеличение сказанного, всё же надо признать большую долю истинности.

Одно из воспоминаний моего детства – поющие воспитательницы на даче в детсаду, поющий строй солдат, люди на демонстрации. Вопреки усердно распространяемой нынче лжи, демонстрации были народными праздниками. Их ждали, к ним готовились, люди в этот день надевали праздничные, лучшие одежды, тороватые хозяйки пекли вкусные пироги, люди ходили друг к другу в гости, а в гостях, само собой, пели.

Времена изначальные

Истоки советской песни лежат в далёкой древности, когда песня была естественной частью народной бытовой культуры, неотъемлемой частью земледельческой магии, то, что называют сейчас календарно-обрядовой поэзией. Все великие культуры древности имеют те же истоки. От анонимных памятников народных песен к поэзии, отмеченной индивидуальным взглядом на мир и манерой изложения. Так и русская литература развивалась от безымянных “Во лузях” и “Ой вы, горы Воробьёвские” до индивидуальных.

Жизнь русского человека с колыбели до могилы сопровождалась песней. Под убаюкивающие песни матери, бабушки или сестры он сладко засыпал в свой младенческой колыбели, песня веселила его в игровом возрасте, с песней он пахал поле и сеял, с песней трудился в лесу, самое важное событие в его жизни – свадьба – была изобильно украшена песней*, песня провожала его в последний путь (не имеется в виду пение панихиды, помимо церковных песнопений, существовали особые погребальные песни).

Эту мысль о неразрывной связи русского человека с песней подтверждает иностранный наблюдатель. “Русский человек, – по словам И. Г. Беллермана**, – поёт почти постоянно. Крестьянин поёт как за полевой работой, так и в кабаке; солдат – во время похода и в лагере; извозчик и почтальон – во время езды”.

Мнение иностранного исследователя поддерживает наш соотечественник: “Ни один народ в Европе не имеет такого богатства песен и напевов, красивых и оригинальных, как русский народ. В наше время Рубинштейн, сильно опасавшийся за будущность европейской музыки, единственный залог её развития видел в том полном самобытных красот музыкальном фонде, какой представляет из себя русская народная песня...”

Первыми песнями в жизни человека были песни обрядовые. Жизнь первых людей зависела от полученного ими урожая. Первобытный человек замечал, что, помимо его желания, независимо от его трудовых усилий, урожай зависит от условий, над которыми он не властен. Главную роль играла погода. Какой она будет: не в меру дождливой или засушливой? Первые песни были песнями магическими, ставящими цель каким-то образом подействовать на природу, задобрить её, а когда человек стал обожествлять природу, то задобрить богов.

Есть и другой взгляд на происхождение песни, выводящий её не из магически-трудовых процессов.

Говоря о певческой речи, следует отметить, что пение это, прежде всего, явление духовное, соединяющее человека с миром духовным, божественным. Существует мнение, что первые люди – праотец Адам и праматерь Ева, – будучи райскими жителями, в раю пели, а заговорили, то есть речь их утратила мелодичность, когда были изгнаны из рая. Природа, не знающая греха, мелодична и до сих пор, будь то завывание ветра или шум водной волны, пение птиц или звуковые сигналы зверей. Согласно Священному Писанию все силы небесные воспевают (а не возглашают) хвалу Господу, то есть более

* Нынешняя свадьба – жалкий огрызок от того колоссального действия, которое в давние годы разворачивалось в русских деревнях, причём всего лишь гастрономический её огрызок.

**И. Беллерман (1832–1903) – немецкий музыковед, композитор.

естественное средство общения для человека – пение. Одна из наиболее почитаемых книг Священного Писания – Псалтирь, а псалмы пелись.

Пою Богу моему дондеже есмь...

(Пс. 145)

Воспою Господеви в животе (в жизни) моем...

(Пс. 103)

Постепенно в обрядовых песнях стала выделяться эстетическая сторона, художественная. Наиболее древние земледельческие песни уже имеют главное условие песенности – ритм.

Песни начали отделяться от магической основы и стали цениться сами по себе, за их художественные выразительные свойства. От сельскохозяйственной магии, от воспевания природы люди переходили к отражению событий из их жизни, воспевали героев, людей, выделявшихся из общей массы.

Вначале у песни не было конкретных авторов, исполнение её было хорошим. До конца XVII века в русском обществе искусство было преимущественно церковным. В результате обмирщения русской жизни появляется домашнее музицирование – для себя, для семьи, для круга знакомых.

В начале XIX века появляется, как называют её музыковеды, литературная песня. Если нам неизвестны авторы песен “Ой вы, горы Воробьёвские”, “Не одна в поле дороженька пролежала” и т. п., то авторы песен “Среди долины ровныя”, “Тонкая рябина”, “Помню, я ещё молодухой была” известны (А. Мерзляков, И. Суриков, Е. Гребёнка).

Одним из поздних приобретений русской песенной культуры была солдатская строевая песня. Ещё в XIX веке рядовой состав армии состоял из крестьян. В строю пели обычные песни, из своего крестьянского быта. В романе Л. Н. Толстого “Война и мир” солдаты в походе поют “Ах вы, сени, мои сени...” Слияние песни и строго ритмизованного строевого шага происходит позднее. Появление строевых песен в их нынешнем виде можно отнести к эпохе Кавказской войны (“Шамиль вздумал бунтоваться в прошедшие годы...” или “Приветствуем с благоговеньем трофеи славы боевой...”). Примером строевой песни, словно перенесённой из XX века в XIX-й, служит песня Вяземского полка (“Споёмте, братцы, про победы да про дела былых времён...”).

Начало пути

Октябрьская революция, как бы к ней ни относиться – восторгаться или проклипать, – была явлением мирового масштаба, с неё начался отсчёт и нашей новой истории, и истории песни.

Прежний гимн – “Боже, Царя храни...” – был запрещён. Что же пели люди, пока своих (советских) песен не было? Пелись все те революционные песни, о которых говорилось выше, запрещённые при старом режиме. Необыкновенный успех имела “Дубинушка” в исполнении Ф. И. Шаляпина. Она и раньше пелась им в концертах, но то было пение с подтекстом, а сейчас подтекста не было, все чувства проявлялись открыто*.

В 1918–1919 годах издательство ВЦИК выпускает сборник “Боевые песни коммунистов” и серию нотных листовок с отдельными песнями. Звучит революционная песня и на концертах этой поры, особенно на “концертах-митингах”. Определённую роль в пропаганде революционной песни сыграли и так называемые “революционные празднества” в дни “красного календаря”, массовые театрализованные “действия” по примеру празднеств Французской революции, которыми увлекались тогда как наиболее массовой формой театрального искусства. Ареной их были площади, количество участников доходило до 10 тысяч.

Потребность в песне была большой. Всё время “Интернационал” и “Марсельезу” петь не будешь. Красноармейцы поздней вспоминали, что на привале, на отдыхе петь хотелось, но новых песен не было, тогда пели старые, о Степане Разине, о Емельяне Пугачёве, переделывали прежние

* Вспоминал ли Ф. И. в Париже, с каким вкусом он пел: “На врагов своих поднял дубину”? В глазах новой власти врагом-то оказался он сам, вынужденный бежать за границу. Хотя, конечно, никогда он не был ей врагом, великий сын русской земли.

строевые... Итак, песня “Гей, да по дороге” получилась из старинной солдатской песни:

*Эх, в Таганроге, в Таганроге
Случилась беда...*

В спектакле “Дни Турбиных” по пьесе М. Булгакова герои поют:

*Так за Совет Народных Комиссаров
Мы грянем громкое: “Ура, ура, ура!”*

Современные зрители склонны считать эти слова авторской находкой, но драматург шёл от жизни, песня, созданная на стихи А. Пушкина в начале Первой мировой войны, существовала в гражданскую войну с таким текстом.

Самым могучим источником массового песнетворчества была Красная армия. Первую конную армию называли колыбелью советской песни. Называли не зря. Именно в Первой конной появилась на свет первая советская песня “Марш Будённого” (слова Н. Асеева, музыка братьев Покрасс). Впервые она прозвучала 8 января 1920 года. Ноты изданы в 1922 году. “Мы красные кавалеристы, и про нас // Былинники речистые ведут рассказ...” Это была вполне оригинальная песня, со своими словами и мелодией. Это важно. Потому что, если мелодия нравилась, то, не задумываясь, к ней писали свои слова. В большинстве, у первых советских песен мелодии чужие. Проблема плагиата в данном случае не стояла. Так, для песни “Смело, товарищи, в ногу...” взят мотив немецкой песни, которая в Германии пелась на слова:

*Brüder in Zechen und Gruben,
Brüder ihr hinter dem Pflug,
Aus den Fabriken und Stuben,
Folgt uns' res Banners Zug.*

*(Братья, в цехах и заводах,
В шахтах и на рудниках,
Гордо и смело несите
Красный со свастикой флаг.
Вольный перевод автора. – Р. Б.)*

Мелодия песни “Вперёд, заре навстречу...” (1922) взята от немецкой песни XVIII века; песня “Взвейтесь кострами, синие ночи!...” (1922), хотя и написана композитором С. Ф. Кайданом-Дёшкиным, но в основу её мелодии положен марш из “Фауста” Ш. Гуно. Чтобы закрыть тему заимствований (далее советская песня становится самостоятельной), приведём такой факт. В 1921 году, по данным Советской музыкальной энциклопедии, композитор Ю. Хайт написал “Марш авиаторов” (“Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...”), который в 1933 году стал официальным маршем советских ВВС. Но в немецком кинофильме “Ханс Вестмар”, в начале второго часа его звучания оркестр по нотам (!) явственно играет знакомую нам мелодию. В 1935 году выходит знаменитый фильм Лени Рифеншталь “Триумф воли”. В эпизоде, показывающем утро в лагере гитлерюгенда, отчётливо звучит начало “Марша авиаторов”. Л. Рифеншталь не писала музыку. Взять для своего фильма цитату из песни советского композитора, учитывая его национальность, она не могла, д-р Геббельс, опекавший киноискусство Третьего рейха, ей бы подобной дерзости не спустил. Так кто у кого заимствовал мелодию?

Октябрьская революция – событие мирового, вселенского масштаба. В ряде советских песен звучат “космические”, планетарные интонации:

*На штыки под набат и пожар
Мы земной опрокинули шар...
.....
Плавим землю, как старый чугун,
На кострах всенародных коммун...*

По аналогии вспоминается: “Мы разжигаем пожар мировой, // церкви и тюрьмы сровняем с землёй”. Летом 1920 года зазвучала песня “Красная армия всех сильней”. Музыка Самуила Покрасса, слова П. Григорьева (псевдоним Горинштейна).

Вместе с миром на военных фронтах наступило затишье и на песенном фронте. Новых песен не было слышно. Пели по привычке “Марш Будённого”, “Красную армию”, после 1922 года запели частушечные “Проводы” Д. Бедного, появилась “По долинам и по взгорьям” на слова А. Парфёнова (о том, что это перепев песни белогвардейского Дроздовского полка, разумеется, все дружно помалкивали). Надо прямо сказать, не густо. Видный историк советской песни А. А. Сохор* сетовал, что “11 лет, прошедших в обстановке мирного строительства, оставили в песенном творчестве менее заметный след, чем трёхлетие суровых испытаний и жестокой борьбы...”

Бывают такие моменты в жизни народа, когда он молчит, словно осмысливая произошедшее, собираясь с силами. Ведь поют не поэты, композиторы и певцы, поёт народ, а поэты, композиторы и певцы – всего лишь выразители народной души.

Продолжали пропагандироваться песни гражданской войны, но жизнь ушла вперёд, она требовала иных слов, иных мелодий. Значительный вклад в дело собирания и издания песен гражданской войны внёс А. А. Александров, организовавший при ЦДКА ансамбль красноармейской песни.

А рядом цвело искусство времён нэпа. Издательство Музторга поставляло на музыкальный рынок пластинки с интригующими названиями: “Джон Грэй”, “Мичман Джонс”, “Огни притона так заманчиво мигают...”. В сезоне 1925–1926 годов состоялось первое в стране выступление зарубежного джаза, а через два года (1929) Л. Утёсов организовал первый советский джаз-оркестр, в репертуар которого, наряду с обычной джазовой литературой, вошли одесские блатные песенки.

Начало взлёта

Но во второй половине 30-х годов происходит взрыв, всплеск песенного творчества, породивший явление советской песни.

Почему же оказался возможным этот неслыханный взрыв песенной энергии?

Одна часть ответа лежит в истории души русского народа, в его природной песенности, о чём говорилось выше. Вторую часть ответа находим в первых десятилетиях жизни народа советского. Страна Советов переживала тогда своё второе рождение. В прошлом осталась гражданская война, разруха, сумятица идеологических столкновений. Внутренняя обстановка стабилизируется, наиболее яростные схватки внутри партии, потребовавшие многочисленных жертв, позади, первые пятилетки приносят ощутимые плоды, пережив невзгоды коллективизации, крепко встаёт на ноги сельское хозяйство, жизнь на глазах изменяется в лучшую сторону.

*Звонки, как птицы, одна за другой
Песни летят над советской страной.
Весел напев городов и полей:
Жить стало лучше, жить стало веселей.*
(В. Лебедев-Кумач – А. Александров)

Перед людьми открываются невиданные жизненные перспективы. Сын скорняка может стать полководцем (Г. Жуков), сын пахаря – генеральным авиаконструктором (С. Ильюшин), сын бурового мастера – всемирно известным оперным певцом (П. Лисициан)... Простой шахтёр, в былые годы обречённый всю жизнь рубать за гроши уголёк, становится всенародным героем (А. Стаханов).

Душа народная раскрылась навстречу ожидаемой радости и запела. “От избытка сердца глаголят уста” (Мф. 12. 34).

* Эта часть монографии целиком основана на его капитальном труде, посвящённом советской песне. Сохор Арнольд Наумович (1924–1977) – советский музыковед, общественный деятель.

Советский народ запел от избытка любви. Народ любил свою социалистическую Родину, созидательный труд, своих вождей, армию, свою семью, друзей и друзей.

В 1934 году прозвучала крылатая строка: “Нам песня строить и жить помогает...” Именно в 30-е годы взвились над страной великие лучезарные песни: “Широка страна моя родная...” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский) и “Утро красит нежным светом...” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс).

6 июля 1935 года в ЦПКИО им. М. Горького в Москве состоялся первый “советский карнавал” – “праздник величайшей бодрости и радости”, как писали о нём газеты. За ним последовали карнавалы и гулянья по всей стране.

Все эти праздники не обходились без песен. Для Всесоюзного физкультурного парада И. Дунаевским был специально написан “Марш физкультурников” (“Страна дорогая, Отчизна родная, // Цвети, улыбайся и пой”).

Нельзя назвать какой-то один источник, породивший феномен советской песни. Несомненно, главное – это природная певучесть народа, предрасположенность русского человека выражать свои чувства, переживания в песне. Советская песня вобрала в себя литературную русскую песню (повествовательность, балладность), революционную песню (энергия, напор, оптимизм, гражданственность), исторические солдатские песни (любовь к армии, гордость за подвиги, жертвенность). Всё это, вместе взятое, оплодотворённое новым общественным порядком, обогащено идеей построения нового, невиданного общества, в котором изначально присущая русским любовь к Родине соединилась с любовью к государству, к его вождям (естественно, с идеализацией их), с мечтой о построении справедливого мироустройства, со стремлением к плодотворному, ударному труду, к подвигу.

В поэтике советской песни слились воедино, как в гигантском миллионгорлом богатырском хорале, песни трудовые, ударные, политые солёным потом; разбойничьи, лихие, безжалостные; строгие, как молитвы, суховатые державные гимны; удалые, залихватские солдатские шаговые распевы и любовные, с тающим сердцем и жаркой затуманенной головой.

Песня – многофункциональный вид искусства. Первая, самая очевидная её функция – агитационная. Возьмём наиболее известную, и поныне поющуюся революционную песню “Интернационал”. Главная мысль этой песни – призыв разрушить мир насилия и построить наш новый мир. Все прочие слова, присутствующие в песне, сопутствуют этой мысли, призывают к воплощению её в жизнь. Таковы же песни-агитки “Рабочая “Марсельеза”, “Варшавянка”, “Замучен тяжёлой неволей”... Большого от этих песен и не требовалось, они просты, не совершенны художественно. Александр Блок стихи “Рабочей “Марсельезы” называл прескверными. Правда, тут же он признавался, что “они корнями выросли в русское сердце, их вырвешь не иначе, как с кровью”.

Песня несла функцию не только агитационно-пропагандистскую, она общала о всех крупных событиях, произошедших в стране. Были сложены песни о событиях у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, о советско-финской войне, о событиях в республиканской Испании, о подвиге полярников-папанинцев, о спасении ледокола “Челюскин”, об освоении целины, о строительстве сибирских ГЭС...

Говоря о воспитательной функции песни, хочется обратить внимание на то, как изменилось в СССР в сравнении с дореволюционными годами отношение к армии и военной службе. Совершенно переменялось мироощущение человека. Немыслимы были в советской стране песни вроде “Последний ношенный денёчек // Гуляю с вами я, друзья...” В армию шли если не с радостью, то с сознанием необходимости, неизбежности. Как меня провожали в армию? Накануне была “отвальная”. В самый день попрощался я с отцом (сухо попрощался, не было нежности к отцу, о чём сейчас со слезами жалею, да поздно), пожал ему руку, мать проводила меня до призывного пункта, до вокзала. Шла одна по тротуару, а мы – строим – по дороге. И никаких слёз. Не как в той песне: “Заплачет вся моя семья...” Правда (мать потом, через год рассказала), с вокзала, когда домой шла, вся улилась. Её женщина проходящая утешала: “Придёт он, вернётся...” Но чтобы вся семья – такого не было. И в песне пелось (прошу прощения за большой временной скачок):

*К нам разлука приходит впервые,
Первый раз вы от нас далеко.
Нет войны, вы вернётесь живые,
Но без вас всё равно нелегко.*
(К. Ваншенкин – Э. Колмановский)

И в помине не было, как пелось в дореволюционной частушке:

*Как на Вологду дороженька
Слезами полита.
Как по этой по дороженьке
Поедут рекрута.*

В советской песне звучали иные настроения:

*Мы дождались желанного года,
Мы под красное знамя встаём.
Сыновья трудового народа,
Мы народу сейчас подпоём.*
(В. Соловьёв-Седой – А. Новиков)

Песня выполняла функцию эстетическую: она воспитывала у слушателей литературный, музыкальный вкус. На центральном радио была передача “Разучиваем песню”. Диктор громко, размеренно диктовал строчки куплета. Затем повторял весь куплет полностью. Затем этот куплет пелся хором или солистом. То же самое происходило со вторым, третьим и четвёртым куплетами (пятый и другие были редки). Пелся каждый куплет. Затем пелась вся песня полностью, затем снова читался весь текст. И ещё раз пелась вся песня.

Не пропустим и развлекательную функцию советской песни. Или, как позднее её стали называть, лёгкую музыку – песни О. Строка “Лунная рапсодия”, “Былое увлеченье”, И. Жака “Андрюша”, Е. Розенфельда “Счастье моё”, В. Сидорова “Дружба”, В. Козина “Осень”, “Любушка” и др.

Но самой главной функцией советской песни (не всеми, конечно, сознаваемой) была, как это ни нелепо на первый взгляд прозвучит, функция религиозная. СССР официально числился государством атеистическим. Причём не просто атеистическим, а атеистическим агрессивно. Вера в Бога была объявлена чуждой государству рабочих и крестьян и подлежала искоренению как вредный предрассудок. Но объявить и провозгласить можно что угодно, однако чувство бытия Божия, чувство любви к Нему не подвластно никаким запретительным декретам и законам. “Дух дышит, где хочет” (Ин. 3.8.). Религиозное чувство жило в народной душе, требовало выражения, и таким средством выражения прикровенно являлась советская песня. В песнях о Родине, о природе советский человек выражал своё восхищение красотой мира Божия. В песнях о вождях, героях он выражал свою любовь к земной власти, к людям, воплощавшим и хранящим её. В песнях о любви люди пели о высоком чувстве, без которого не может жить человек.

Об этом пишет и епископ Тихон (Шевкунов): “Массовая песня была поразительной сублимацией (замещением) молитвы. В то время как люди были оторваны от Церкви и духовной жизни, их живая и болезнующая душа искала и находила доступные ей формы чистого и высокого чувства устремления к чистоте, к неведанному ею Богу”.

Наиболее ярко и полнозвучно это советское религиозное чувство выразилось в величавой песне-гимне “Широка страна моя родная...” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский, 1936).

1937 год был самым урожайным в отношении песен годом. Музыковеды отмечают громадный количественный рост песенного творчества. Наибольшую популярность приобрели песни лирические – “Катюша”, “И кто его знает...”, “Любимый город”, “Спят курганы тёмные...”, “Парень кудрявый” и др.

Так, “в буднях великих строек” жила советская страна, “свободная родина вольных людей”, “страна мечтателей, страна учёных” строила, творила невиданные полёты, “в Ледовитом океане, среди северных смерчей” проводила полярные экспедиции, горела над нею “озаряющим светом советская наша звезда”, страна трудилась, мечтала и пела.

Великая Отечественная война в песне. Взлёт

Возможно, наше утверждение кое-кому покажется парадоксальным, но именно в годы Великой Отечественной войны советская песня достигла наивысшего взлёта. На фронте бойцы поражали врага оружием, в тылу народ собирал и напрягал последние силы, чтобы армия устояла. В этом беспрецедентном напряжении сил физических и духовных народ исторг из своей души песенные шедевры, которые живы до сих пор.

В той войне в первые же дни с бойцами Красной армии песня вышла на передовые позиции. Как могучий орёл, взметнулась “Священная война” (В. Лебедев-Кумач – А. Александров), зазвучали “Вставай, патриот, на защиту страны...” (В. Лебедев-Кумач – З. Дунаевский), “Стелются чёрные тучи, // Молнии в небе снуют...” (А. Сурков – В. Белый), “Весь народ встал и гордо, и смело, // Как орёл, на защиту гнезда. // Никому нас рабами не сделать, // Никому, ни за что, никогда” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс), “Твёрже шаг, ряды держите строже, // С нами Сталин, с нами весь народ!” (В. Лебедев-Кумач – И. Дунаевский).

В Красной армии нельзя было услышать того, о чём пелось в вальсе “На сопках Маньчжурии”:

*Плачет, плачет мать родная,
Плачет молодая жена,
Плачет вся Русь, как один человек,
Злой рок и судьбу кляня.*

В Первую мировую пелась песня “В военной госпитали солдатик умирал...” Написанная в глухом, душу раздирающем миноре, она повествовала о предсмертных муках воина и заканчивалась так:

*Вдруг вытянулось тело,
Тяжело вздохнул.
И покуда пела,
Он навек уснул.*

В Красной армии такая песня была невозможна. Во-первых, советского солдата никто бы не назвал солдатиком, в песне о фронтовых событиях неуместно сюсюканье; во-вторых, с каким настроением после такой похоронной песни солдату идти в бой? Поэтому в Красной армии пели:

*Не к лицу бойцу кручина,
Места горю не давай!
Даже если есть причина,
Никогда не унывай!
(С. Алымов – А. Новиков)*

или:

*Повстречали, огнём угощали,
Навсегда уложили в лесу.
За великие наши печали,
За горячую нашу слезу.
(М. Исаковский – В. Захаров)*

В годину войны со смертельным врагом советская песня развернулась во всю мощь и ширь. Слагались торжественные гимны “Священная война”, “Святое Ленинское знамя” (О. Колычев – А. Александров), “Нас воля Сталина вела” (А. Сурков – В. Мурадели), строевые песни для разных родов войск – “Марш артиллеристов” (В. Гусев – Т. Хренников), “Пора в путь-дорогу” (С. Фогельсон – В. Соловьёв-Седой), “Песенка фронтового шофёра” (Б. Ласкин – Б. Мокроусов), “Песня фронтового корреспондента” (К. Симонов – В. Лебедев-Кумач – А. Лепин), “Два Максима” (В. Дыховичный – С. Кац). Пелись лирические песни, хотя, казалось бы, какая лирика на войне, когда

“до смерти четыре шага”, и совсем рядом – кровь и страдания. Но пели и “Землянку” (А. Сурков – К. Листов), и “Вечер на рейде” (А. Чуркин – В. Соловьёв-Седой), и “Соловьи” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), и “На позицию девушка // Провожала бойца...” (М. Исаковский – муз. народная), и “В лесу прифронтовом” (М. Исаковский – М. Блантер), и “Смуглянку” (Я. Шведов – А. Новиков).

Во время войны происходили глубинные сдвиги в народном сознании. Жизнь заставляла обращаться к корням, к русскому патриотизму. С советским патриотизмом, – которому была без году неделя, это он позднее, к 1945 году возмужает и окрепнет, – можно было бить японцев у озера Хасан и при Халхин-Голе.

Как пелось в песне:

*Вы не суйтесь, самураи,
С красным войском воевать.
Никогда в советском крае
Самураям не бывать.*
(А. Жаров – В. Мурадели)

Но сейчас нам предстоял совсем иной враг. Японцы, по большому счёту, были заурядные разбойники: ворвались, пограбили и умотали восвояси. Гитлер прямо заявлял, что он намерен истребить русский народ, славянское племя (откуда непомерные потери именно среди мирного населения). Враг стоял под Москвой, гибель грозила не только государству – всему народу. Поэтому и прозвучали с Мавзолея – государственной трибуны – имена Александра Невского и Дмитрия Донского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, имена тех, кого в не столь далёкие 20-е годы именовали феодалами, крепостниками и царскими прислужниками.

Поэтому и появляются песни с забытыми, но оказавшимися такими необходимыми словами:

*Они жизни не щадили,
Защищая отчий край, страну родную.
Одолели, победили
Всех врагов в боях за родину свящую.*
(А. Коваленков – М. Блантер)

Раньше, до войны, слово святая употреблялось преимущественно в кавычках, как величина условная, а в песне показательна и рифма: родную – свящую. То есть родное свято без всяких кавычек.

После войны

“Придёт конец войне, придёт конец походам...” В честь нашего вождя, в честь нашего народа был дан радостный салют. Окончилась самая страшная война. Миллионы погибли на фронте и в оккупации, миллионы остались инвалидами, миллионы женщин овдовели, а миллионы детей стали горькими сиротами, но народ-богатырь пел всем смертям назло.

Продолжали писаться песни о Родине (“Под лучезарным небосводом, // В сиянье солнца золотом...” (Л. Ошанин – А. Новиков), “Много войска и народа, // Площадь Красная полна...” (В. Лебедев-Кумач – бр. Покрасс), “Родина, мои родные края!...” (Ю. Полухин – С. Туликов); о вождях (“Мы все поём хвалу твоим делам, // Живи, наш вождь, живи на радость нам...” (А. Сальников – В. Мурадели), о Москве “Я по свету немало хаживал...” (С. Агранян, М. Лисянский – И. Дунаевский), “Друзья, люблю я Ленинские горы...” (Е. Долматовский – Ю. Милютин), о друзьях-товарищах (“Майскими короткими ночами, // Отгремев, закончились бои...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Забуду я годы минувших боев, // Названия пройденных рек и лесов...” (Я. Зискинд – М. Табачников), “Я волнуюсь, заслышав французскую речь...” (Е. Долматовский – М. Фрадкин) и поистине море лирической песни. Душа народа, погрузившаяся в войну в неисчерпаемую бездну страданий, омывшаяся буквально морями слёз (а слёзы продолжали литься ещё не одно

десятилетие после Победы), мечтала об отдохновении, жаждала ласки, тепла. Люди помнили о страданиях войны, их невозможно было забыть, но не хотели вспоминать, сторонились их. Видимо, поэтому так неприветливо была встречена критикой песня “Враги сожгли родную хату” (М. Исаковский – М. Блантер), хотя на улицах городов было полно одноногих и одноруких молодых солдат-инвалидов, а в поездах однорукый инвалид вёз за собой на тележке своего безногого и слепого несчастного сотоварища, и он что-то пел диким, сорванным голосом, выпрашивая подаяние. Народ хотел другого, пусть красивой сказки, пусть приукрашенной картинкой, того, чего нет в жизни, но обязательно будет. Потому пользовался громадной популярностью кинофильм “Кубанские казаки” с его трогательными, нежными песнями. Да, много красивых, мелодичных песен родилось тогда: “Ой, цветёт калина...” (М. Исаковский – И. Дунаевский), “Каким ты был...” (М. Исаковский – И. Дунаевский), “С той поры, как мы увиделись с тобой...” (В. Лебедев-Кумач – В. Соловьёв-Седой), “Сормовская лирическая” (Е. Долматовский – Б. Мокроусов), “Моя родная сторона” (С. Фогельсон – В. Соловьёв-Седой), “Поёт гармонь за Вологдой...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Где ж ты, мой сад?...” (А. Фатьянов – В. Соловьёв-Седой), “Марш нахимовцев” (Н. Глейзеров – В. Соловьёв-Седой) и т. д., и т. д. Но я никогда не слышал, чтобы в компаниях пелось о том, что “на груди его светилась // Медаль за город Будапешт...” Я услышал об этой песне от В. П. Астафьева, солдата-фронтовика, где-то в середине 70-х годов. Примерно тогда она вновь зазвучала на радио.

Советскую песню создавали люди разных национальностей: русские – М. Исаковский, А. Фатьянов, А. Александров, В. Соловьёв-Седой; армяне: В. Мурадели, А. Долуханян, А. Бабаджанян, Ж. Татлян; евреи: И. Дунаевский, М. Блантер, С. Кац, С. Фогельсон; украинцы: П. Майборода, Д. Гнатюк; грузин С. Цинцадзе; азербайджанцы: Р. Бейбутов, М. Магомаев; белорусы: И. Лученок, В. Мулявин; нанаец Кола Бельды; эстонец Г. Отс (всесоюзное признание он получил преимущественно как песенный, а не оперный певец); киргизка Роза Рымбаева; латыши И. Яунзем и Р. Паулс.

Сталинские премии за песенное творчество присуждались композиторам братских республик: А. Кос-Анатольскому и П. Майбороде (Украина), Б. Кырнеру (Эстония), С. Рустамову (Азербайджан), А. Сатяну (Армения), С. Цинцадзе (Грузия).

Поэтому советская песня именно советская, а не какая-либо иная. Её создавал весь советский народ.

1960-е годы памятна эпопеей целины... Энтузиазм молодёжи, по природе своей любящей путешествия, был искренен. И вылился в песни: “Родины просторы, горы и долины...” (Н. Солохин – Е. Родыгин), “Мы пришли чуть свет // Друг за другом вслед...” (Э. Иодковский – В. Мурадели), “Не для тебя ли в садах наших вишни...” (А. Фатьянов – А. Лепин), “Наши чувства крепки, // Как степные дубки...” (Е. Долматовский – А. Лепин).

Потом оказалось, что целина была скороспелой, необдуманной авантюрой, как и многие начинания Н. Хрущёва. Выбросили на ветер миллионы рублей из не такой уж тугой советской кошницы, а самое главное – потрачена впустую энергия молодых сердец.

Молодёжь не сидела на месте, она ехала на великие стройки гидроэлектростанций. Возник сибирский цикл песен А. Пахмутовой. Сейчас вспоминается, как чудо, что молодёжь пела на улицах. Был поздний летний вечер. Я шёл по Советскому проспекту, впереди меня шли три девушки и пели “А в тайге горизонты синие, // ЛЭП-пятьсот – не простая линия...” (Н. Добронравов – А. Пахмутова).

А задорный призыв “Главное, ребята, сердцем не стареть...” (Н. Добронравов – А. Пахмутова) – он ведь и сейчас остаётся в силе!

Памятен цикл лирических песен на стихи Л. Ошанина, музыка А. Островского “А у нас во дворе...”

Полёт Ю. Гагарина проложил трассу космическим песням. “Я – Земля” (Е. Долматовский – В. Мурадели), “Песня о дублёрках” (И. Шаферан – О. Фельцман), “Я верю, друзья...” (В. Войнович – О. Фельцман). Наполнилась новым смыслом песня, которую пел Ю. Гагарин в полёте: “Родина слышит, родина знает...” (Е. Долматовский – Д. Шостакович).

Шли месяцы, годы, одно время года сменяло другое, а в памяти та пора осталась воспоминанием сплошной, бесконечной весны.

Надо признать, что советская песня не было равноценна, вместе с шедеврами, с музыкой высокого качества сосуществовала халтура, невзыскательный музыкальный мусор. Песня отражала жизнь, а в жизни есть всё. Рядом с широкими, просторными и светлыми магистралями ютятся задворки, помойные ямы. В одно время с гимном “Я – Земля, я своих провожаю питомцев...” по танцевалкам разносилось: “Мой Вася, он будет первым даже на Луне”, с Васей соседился Мишка с улыбкой, “полной задора и огня”, расцветали пресловутые “Ландыши”, переводная “Маленькая Мари” с её неподражаемой пошлостью: “Она ошибки делает вполне...” или “Весёлый Чико”, который прибыл к нам из Пуэрто-Рико. Поэтому так называемые стилиаги появились не на пустом месте.

О стилиагах сейчас штампуются легенды, как о свободолюбивой молодёжи, которая задыхалась в душных рамках тоталитарного СССР и свой протест выражала пристрастием к заграничной одежде, музыке, вызывающим аморальным поведением и т. п. В довоенном Советском Союзе, скорее всего, не было конфликта отцов и детей. Все были едины, заодно, родители и дети. Но уже во время войны стал складываться конфликт внутри поколения. Дети высокопоставленных родителей и дети основной массы населения. Одни дети (сыновья Сталина, приёмный сын Молотова, сыновья Микояна) сражались с врагом, а другие дети (сын наркома Шахурин с друзьями) создавали подпольные группы фашистского толка. Одни дети, чьи родители были капитанами речных судов, медсёстрами, бухгалтерами, военными, железнодорожными проводницами, работниками военкоматов, библиотекарями, механиками самоходок, жили обычной жизнью советских детей, жизнью будущих тружеников, солдат Страны Советов, а другие дети, сыновья и дочери обеспеченных, как их называли, “блатных” родителей, вели особую жизнь и гордились, что они не такие, как все. Сталин чувствовал, видел это расслоение и как-то сказал о советских чиновниках и их детях: “проклятая каста”. В творческом плане стилиаги не дали ничего, их творческое наследие – ноль. Потому что их идеология была в отрицании, в разрушении. На голом отрицании ничего не создашь. И это был тревожный сигнал, что наше общество стало расслаиваться. Сигнал не услышали, его не поняли, посчитали, что просто часть молодёжи с жиру бесится. А движение стилиаг было идеологической диверсией, первым масштабным наступлением на советскую культуру. И один из главных ударов наносился по советской песне. Проталкивали, поддерживали чужое, создавали моду, а против моды устоять трудно.

Ползучая идеологическая интервенция приносила плоды, отравляла души советских людей. Человеческая природа устроена так, что человеку мечтается, мнится, что есть где-то такие места, где жизнь устроена легче и лучше, чем у него дома. На этом играли. И народ поддался, поверил. Кого-то одного в катастрофе винить нельзя. Нельзя думать, что пришли гады Горбачёв, Ельцин и всё испортили, а мы ни при чём, мы все хорошие и добрые. Развал Советского Союза – наша общая вина, каждый из нас повинен в гибели великого государства в большей или меньшей мере.

Но песня ещё жила. В годы так называемого “застоя” неувядаемой А. Пахмутовой была написана “Беловежская пуща”, а также эпическая песня “Поклонимся великим тем годам”.

В страшные, кровавые октябрьские дни на баррикадах Дома Верховного Совета последней сопротивлялась песня. Люди, преданные своей властью, пели советские песни... Пели песни страны, в которой они родились, выросли, которую защищали, но которой уже не было.

Испытания песни

Страшно и стыдно вспоминать те годы. В перестройку советская песня, как и всё советское, не избежала общей участи, подверглась осмеянию и клевете. Такого вала лжи, клеветы, оголтелого вранья о своей истории вряд ли переживал какой-либо народ. Великие достижения страны отрицались, победы в боях пересматривались, переоценивались, великая победоносная армия, освободившая весь мир от фашистской чумы, изображалась бандой насильников, солдаты, прошедшие от Москвы до Берлина, представлялись тупой, не рассуждающей людской массой, *лушечным мясом*. Юные герои и героини изображались роботами, покорно исполнявшими бессмысленные приказы. Не было любви к Родине, подвигов самопожертвования, была бойня, безжалостная мясорубка...

Конечно, досталось, в первую очередь, песням, воспевавшим державу. Их ни отрицать, ни замолчать было невозможно. Оказывается, “композиторы и поэты писали песни из страха. Их принуждали сочинять бодрые весёлые песни”. Так могли говорить люди, абсолютно ничего не понимающие в природе творчества. По принуждению не создать высокого произведения искусства. Творчество – процесс свободной души.

Бессовестные люди (они и сейчас живут среди нас) заявляли, что песня-гимн “Священная война” была написана ещё в 1914 году и украдена поэтом (В. Лебедев-Кумач) и композитором (А. Александров). Нелепицу о краже “Священной войны” мне доказывал человек в должности губернатора. Потомки В. Лебедева-Кумача даже подали в суд, чтобы защитить доброе имя поэта. И суд вынес решение в их пользу.

Не гнушались наши враги и прямых фальсификаций. Ссылались на “Интернационал”, в котором будто бы есть слова “весь мир ... мы разрушим до основания”. Расчёт делался на то, что “Интернационал” поют сейчас редко и большинство слушателей радио и телезрителей не знают, что там, где нами поставлено многоточие, звучит слово, в корне меняющее смысл строки. “Весь мир **насилия** мы разрушим до основания, а затем // Мы наш, мы **новый** мир построим...” Да, для того, чтобы разрушить мир **насилия**, без него, без самого насилия не обойтись, но в итоге смысл песни созидательный.

Желая как можно больней лягнуть советский строй, люди грамотные, с учёными степенями проводили параллели СССР с фашистской Германией, утверждали, что между советской песней и песнями Третьего рейха существует родство, – системы-то были тоталитарные! Говорили, не давая себе труда задуматься и увидеть, что между двумя нашими странами существует непреодолимое различие. Хотя бы на уровне песни. В советском песенном фольклоре мы не найдём ни одной песни с тем духом шовинизма, высокомерным духом выпячивания национального, какой сквозит в песне “*Deutschland, Deutschland uber alles*”, которая была (да и сейчас является, правда, усечённая до одного куплета) немецким государственным гимном. Сравните с Гимном СССР. Небо и земля. День и ночь. Неспроста в фашистской Германии проводились ночные факельные шествия. В СССР все праздники проходили днём, при свете солнца.

Вроде бы о чём тут говорить, всё ясно. Песня мобилизовывала, объединяла людей, все были одним советским народом, одной семьёй. Когда я служил в армии в Латвии, мы пели в Риге и Валмиере (туда в 1966 году переехала наша рота):

*Эх, Россия, любимая земля, земля,
Родные берёзки да поля...*
(В. Лебедев-Кумач – Н. Богословский)

И никого это не смущало, мы чувствовали себя действительно дома.

Однако советская песня как порождение чистого, искреннего, от самого сердца идущего искусства, помимо своих главных функций, выполняет ещё одну. Она говорит правду о том времени, когда была создана, и этой правдой разоблачает многие мифы, сложившиеся в перестроечное время, претендовавшие на долговечность.

Становится очевидным миф о том, что якобы никакой дружбы народов в СССР не было, была показуха. Но дружба была, и не на словах, а на деле. Невозможно, даже смешно представить, чтобы в Америке дети в дошкольных учреждениях разучивали песни американских индейцев, алеутов или эскимосов. А в Советском Союзе дети в школах разучивали азербайджанские песни (“Ай, яй чучаляли. // Цып-цып, цып-цып, чуляли...”), чешские (“Дуй, пастух, в дудочку...”), польские (“Как-то на опушке // Собрались подружки...”), украинские (“Три весёлых гуся”), белорусские (“Наша перепёлка”), немецкие (песня о маленьком барбанщике). Когда я служил солдатом, мы пели в строю песню латышских стрелков: “*Lai Riga atkal dimdet sak*”^{*}.

^{*} Первый вселатышский праздник песни с разрешения царского правительства состоялся в 1864 году, когда в Латвии верховодили остзейские немцы. Насколько более демократичным, отвечавшим запросам свободы, было русское правительство, поощрявшее всё латышское, и как отличается от него правительство нынешнее, подавляющее всё русское и без конца жующее чужь о какой-то советской оккупации. Русские живут здесь с XII века.

Из детских песен выростали песни взрослого звучания: “Русский с китайцем — братья навеки, // Крепнет единство народов и рас...”, “Навеки вместе, навеки вместе // ГДР и Советский Союз...”, “Налево мост, направо мост, // И Висла перед нами...”, “Пусть летит от родных московских мест // Мой привет в Бухарест, в Бухарест...”, “Моя Индонезия” (“Морями тёплыми омытая, // Лесами древними покрытая...”), о Кубе (“И говорит вдохновенно Фидель: // “Мужество знает цель!..”). Ансамбль А. Александрова в годы войны пел для союзников:

*Долог путь до Типперери,
Долог путь домой.
Долог путь до милой Мери
И до Англии родной.*

или:

*Зашёл я в чудный кабачок, кабачок.
Вино там стоит пятачок, пятачок.
С бутылкой там сажу я на окне,
Не плачь, милашка, обо мне.*

Эти песни сочинялись и разучивались совершенно естественно, не из чувства какого-то советского милитаризма, а из чувства всечеловечности русского народа, о котором проникновенно говорил ещё Ф. М. Достоевский.

Рушится лживый, клеветнический миф о гонении на джазовую музыку. Будто бы в СССР имела хождение поговорка: “Сегодня он играет джаз, а завтра Родину продаст”. Во-первых, Родину можно продать и не под джазовую музыку. Во-вторых, я прожил в СССР без малого 50 лет, но этих слов не слышал, они детище перестройки. В-третьих, куда ж мы денем **государственный джаз** — оркестр Л. Утёсова (основан в 1929 году), О. Лундстрема (в 1934-м), В. Кнушевицкого (в 1937-м). Оркестры эти и многие другие никогда не закрывались.

Миф о гонении на джаз — производный от более широкого (и такого же лживого) мифа о том, что в СССР было запрещено всё. Это дикое, истинно безумное утверждение я услышал по радио и подумал: “В своём ли уме человек, несущий такую околесицу?” Ведь **запретить всё** невозможно. Это значит — запретить жизнь, а это ни у кого не получалось (хотя охотников было много, от Гитлера до Рейгана) и не получится.

Советская песня развенчивает бред об антисемитизме советского народа. Просто назовём тех евреев, что создавали советские песни. Поэты: Дж. Алтаузен (Альтзон), М. Голодный (Эпштейн), Е. Долматовский (Сталинская премия 1950), Б. Ласкин...

Композиторы: гениальный И. Дунаевский (Сталинская премия 1941, 1951), братья Покрасс (Сталинская премия 1941, Дмитрий), М. Блантер (Сталинская премия 1946), С. Кац (Сталинская премия 1950), Я. Френкель, О. Фельцман, А. Островский, В. Шаинский...

Исторические приключения песни

Песня — явление историческое. Исторические изменения в жизни, как правило, отзывались в песне. Показательный пример — “Песня о Красной армии”. Написана она в 1945 году. Первоначальный текст:

*Над тобою шумят, как знамёна,
Двадцать шесть героических лет...*

Но уже вскоре, через два года стала ясна необходимость изменения текста. Слова “двадцать восемь” не влезают в строку. Отказываться от песни — жалко, хорошая получилась песня. Поэтому строку переделали: “Годы наших великих побед”. Это изменения объективные.

Но есть изменения, не вызванные никакой объективной необходимостью. Это идеологические изменения.

Во-первых, происки врагов. Немецко-фашистские захватчики знали силу советской песни и хотели использовать её в свою пользу. Из мемуаров

участников войны мы знаем, что немцы любили петь нашу “Катюшу” (а советские солдаты — немецкую “Lili Marlen”). Менее известно, что немецкая служба пропаганды переделывала тексты наших песен.

“Из номера в номер (в оккупационных газетах. — **Р.Б.**) публиковались переделки советских песен. Катюша уговаривала “бойца на дальнем пограничье” переходить к немцам. “Три танкиста — три весёлых друга”, убив комиссара, это уже сделали.

А это узнаёте?

*Широки страны моей просторы,
Много в ней концлагерей везде,
Где советских граждан миллионы
Гибнут в злой неволе и нужде.*

*За столом веселья мы не слышим
И не видим счастья от трудов,
От законов сталинских чуть дышим,
От засилья мерзкого жидов.*

*Широка страна моя родная.
Миллионы в ней душой калек.
Я другой такой страны не знаю,
Где всегда так стонет человек.*

У Лебедева-Кумача от такого уровня редактуры, возможно, приключился бы инсульт, а наверняка его добил бы “Марш весёлых ребят” (“Легко на сердце от песни весёлой...”). В нём русское крестьянство благодарило Гитлера за то, что стало хозяином на своей земле”^{*}.

Во-вторых, подстраивались к текущей обстановке. Переделывали старые песни на новый лад. “Раскинулось море широко...” пели на новый текст: “Я видел его с автоматом в руках, // Когда в бой пошла наша рота...”

Приделывали новый текст к популярным советским песням. Так, “Три танкиста” пели с текстом “На полях, где шли бои когда-то, // Где гремела грозная война...”

Подобных примеров очень много, известно, например, более двадцати переделок “Катюши”. Это свидетельствовало о любви народа к данной песне, о том, что он не хочет расставаться с нею в новых условиях:

*Разлетались головы и туши,
Дрожь колотит немца за рекой.
Это наша русская “Катюша”
Немчуре поёт за упокой.*

Переделывали и “Броня крепка и танки наши быстры...”

Но эти переделки не шли ни в какое сравнение с последующим уродованием песен. Песни переделывали в угоду партийной верхушке. В 1956 году состоялся XX съезд КПСС. Об этом съезде, который положил начало сокрушению социалистической державы, сложено немало мифов. Один из них тот, что Н. Хрущёв, стремясь к исторической справедливости, выступил с докладом, в котором разоблачил культ личности Сталина, жалея советский народ. Американский историк Г. Ферр в 2006 году (русский перевод 2007 года) выпустил книгу, в которой доказал, что в этом докладе нет ни слова правды, в нём ложь громоздится на ложь. Но тогда этого никто не знал. Кто-то поверил Хрущёву, кто-то — нет, но в стране началась смута, которую назвали “борьбой за восстановление ленинских принципов в жизни партии”. Как-то в этой борьбе умалчивалось, что при Ленине без суда и следствия была расстреляна не одна сотня тысяч людей...

Одним из главных направлений в антисталинской кампании стала чистка песен. Конечно, сперва взялись за гимн Советского Союза с его строкой: “Нас вырастил Сталин на верность народу”. Так как придворным поэтам ничего

^{*} В. Р. Мединский. Война: мифы СССР. М., ЗАО Олма. Медиа Групп, 2011.

в голову не приходило, то гимн просто перестали петь, и в 6 утра и в 12 ночи, когда полагалось встречать новый день и провожать ушедший пением гимна, — и это была инициатива Сталина! — его не пели. Текст со словами “Партия Ленина, сила народная” появился позднее, при Л. И. Брежневем.

Но песен было много. Работа предстояла большая.

В простых случаях Сталина заменяли на Ленина.

Вместо: “Кто Сталина сердцем прочёл” пели: “Ленина”.

Вместо: “Все мы Сталиным воспитаны // В родном своём краю” пели “Все мы партией воспитаны...”

По этому поводу существовал даже анекдот. Приехал сельский житель из Москвы и рассказывает, что был в Москве, очень ему всё понравилось, был он и в Мавзолее, видел там тело Ленина, а рядом с Лениным лежит Партия.

Но чаще всего находили замену.

В “Песне артиллеристов” вместо: “Сталин дал приказ” велено было петь: “Точный дан приказ”.

Вместо: “Когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин” пели: “Когда суровый час войны настанет” и тут же заодно ликвидировали и К. Ворошилова. Вместо: “И первый маршал в бой нас поведёт” пели: “И нас в атаку Родина пошлёт”.

Народ, конечно, не обращал внимания на хрущёвские выкрутасы и пел канонические тексты. Но борец за историческую справедливость воевал с этой справедливостью беспощадно. И по итогам этой борьбы маршал Д. Устинов дал ему уничижительную оценку, сказав: “Ни один враг не принёс столько бед, сколько принёс нам Хрущёв”.

Но большую часть довоенных и военных песен просто не пели, их насильственно выбросили из жизни. Тема эта ещё ждёт своего исследователя.

Это была официальная борьба с советской песней, но вскоре появилось другая опасность. Начиналось всё безобидно: собирались в дружеских компаниях друзья-приятели, пели под гитару немудрящие самодельные песенки, туристские, студенческие. Движение росло, расширялось, набрало силу, встал вопрос, как называть его, потому что людей собиралось много: сначала десятки, а потом и сотни. Вливаться в самодеятельность они не хотели, они чувствовали себя взрослее, выше самодеятельности. Претендовали на уровень профессионалов. Хотели быть наособицу, отреклись от любого сближения с песней официальной. Некоторые из них не имели музыкального образования и принципиально не хотели получать его.

Но что в итоге? Нуль. Песни у костра так и остались песнями у костра. Народ их не пел и не поёт.

Золотые голоса

У песни, как известно, три творца: поэт, композитор, певец. Чаще всего бывало так: поэт (А. Фатьянов) писал стихотворение, приносил композитору (В. Соловьёву-Седому), он сочинял музыку. Бывало наоборот: композитор — поэт, но это гораздо реже.

Затем вступал в дело певец. Как услышит песню слушатель, как она ляжет ему на душу, теперь зависело от него. Особенно явно это видно сейчас, когда развелось столько безголосых людей, именующих себя певцами, они гнусят, блеют, пришепётывают, мяукают, они обладают всеми дефектами певческого голоса, с какими человека нельзя подпускать к сцене, а они рвутся туда, лезут. Ни на грош таланта, пустота в душе, а ведь советская песня — это, в первую очередь, песня души, неспроста большинство их несложны по тесситуре, в них нет ни заоблачных верхов, ни подвальных низов, их удобно и просто петь.

Первым вспоминается Георгий Виноградов (1908–1980), его тёплый, завораживающий лирический тенор. Песня лилась из его души, его можно было слушать бесконечно. Он умел запетую до дыр песню спеть по-своему, вложить в неё тепло сердца, и она звучала свежо, одухотворённо. Кто не знает “Катюшу”, кто её только не пел: и прославленные солисты, и хоры, но как её пел Г. Виноградов (возьмите старую запись, послушайте!), так не пел никто. А как он пел “Соловьёв”! Когда он уходил из Краснознамённого Александровского ансамбля, один из хористов сказал: “Теперь некому петь “Соловьёв”...”

В одно время с Г. Виноградовым на сцене подвизался не менее знаменитый и великолепный тенор Вадим Козин (1903–1994). С его именем обычно

соединяется пение песен “Люба, Любушка, любушка-голубушка...”, “Давай пожмём друг другу руки // И в дальний путь на долгие года...”, “Осень, прозрачное утро...” и др., но он забываемо исполнял и военные песни: “Два Максима”, “Дрались по-геройски, по-русски...” и даже непритязательная “Махорочка” звучала у него по-особому.

В 1930-е и вплоть до 1950-х годов голос Петра Киричека (1902–1968) был голосом праздничной Москвы. Над украшенными колоннами Первомайских и ноябрьских демонстраций, выливающимися радостным потоком на Красную площадь, из динамиков звучал его красивый, мужественный баритон. Жизнь переменялась, теперь нет ни демонстраций, ни красочных, с лозунгами, знамёнами и разноцветными воздушными шарами ликующих колонн, но голос певца не может, не должен быть забыт. Его заслуги перед советской песней велики.

Леонид Утёсов (1895–1982) был одним из любимых певцов советского народа. Вспоминая слова песни, которую он пел в “Весёлых ребятах”, его можно назвать певучим другом народа. С его песнями народ трудился в годы первых пятилеток, воевал с врагом, поднимал разрушенное народное хозяйство. Не обладая выдающимися вокальными данными, он обладал незаурядным артистическим даром, который помогал ему не столько петь, сколько играть песню, жить в ней жизнью её героя.

Двух неразлучных певцов Владимира Бунчикова (1902–1995) и Владимира Нечаева (1908–1969) радиослушатели считали братьями. Пик всенародной любви к дуэту приходится на послевоенные годы. Лирический тенор Нечаева дополнял мягкий баритон Бунчикова. Не было такого дня, чтобы В. Бунчиков с В. Нечаевым не пели по радио 3–4 раза. Мои первые музыкальные впечатления о советской песне связаны именно с этими певцами.

Не отрицая дарования Муслима Магомаева (1942–2008), нужно сознаться, что в его успехе сыграл роль и национальный фактор. Для руководства нашей страны важны были успехи артистов из союзных республик. Эти таланты искали, выращивали и потом предъявляли как доказательство мудрой национальной политики КПСС. Она и была действительно мудрой. Отец Г. Отса, например, был певцом в буржуазной Эстонии. И кто о нём знал? Какова была его аудитория? Несколько тысяч человек. А у сына его Георга (1920–1975) была аудитория 200 миллионов советских людей! Магомаев прекрасно пел, но мировой славы достиг благодаря не одному своему таланту, но и тому, что жил рядом с Россией. Советская песня помогала всем.

Мои ровесники помнят, как вззошла звезда Иосифа Кобзона (родился в 1937 году). Его слава началась вместе с песнями А. Пахмутовой. С этими песнями он объехал весь Союз и остался верен советской песне. Поёт эти песни и сейчас. Ни один торжественный вечер не обходится без песни “Поклонимся великим тем годам”, которую бесподобно поёт Иосиф Давыдович.

Лев Лещенко (родился в 1942 году) начинал свой творческий путь, как и многие певцы (и не только эстрадные), в художественной самодеятельности, был призван в армию, пел в военном ансамбле песни и пляски. Его исполнению присущи бодрая приподнятость, оптимизм. С не меньшим успехом он исполняет и проникновенные лирические песни. Он желанный участник всех массовых мероприятий. Где Лев Лещенко – там всегда праздник.

Сейчас порой насмеваются над художественной самодеятельностью. Но ведь все когда-то начинали петь в ней!

Часто красивый певческий голос сравнивают с текущей рекой. Как струится течение полноводной реки, так струится, течёт голос человека, которого Господь наградил дивным даром – голосом. Таким одарённым человеком была Людмила Зыкина (1929–2009). Её неповторимый густой грудной голос узнавался мгновенно среди других голосов. Как и многим талантливым артистам, ей были равно доступны лирические песни (“Течёт Волга”) и песни державного содержания (“Мы помним небо под Москвою // И гнев разбуженных лесов...”). Она была первой исполнительницей многих советских песен.

Надо назвать и замечательные коллективы, которые несли советскую песню в народ. Во главе полка, построившегося к торжественному маршу, стоит дважды Краснознамённый ансамбль песни и пляски Советской армии им. А. Александрова (первый исполнитель всенародной молитвы “Священная война”, песен “Песня о Советской армии”, “Песня о маршале Рокоссовском”, “Бейте с неба, самолёты...”), за ним следует хор им. М. Пятницкого (“Русская

красавица”, “И кто его знает...”, “Вдоль деревни”), Воронежский хор им. К. Массалитинова, Уральский народный хор (“Песня о Свердловске”, “Уральская рябинушка”, “Куда бежишь, тропинка милая?..”, хоры Валаамского, Сретенского монастырей. Когда в Вологде выступил хор Сретенского монастыря, я слышал, как после концерта в раздевалке один слушатель сказал: “Честное слово, послушаешь и хочется жить. Жизнь уже не кажется такой поганой”.

Несколько лет назад, когда Севастополь ещё не стал снова нашим, мы с женой, дочерью и внуками были в Севастополе. Всех впечатлений не перескажешь, но об одном нужно сказать. На Приморском бульваре, когда заходишь на него со стороны бухты, слева построена большая эстрада с рядами врытых в землю скамеек.

При нас тут выступали самодеятельные коллективы из Кировограда, Харькова. Любо смотреть на гарных дивчин и хлопцев с бандурами, скрипками, дудками. У дивчин на головах венки, украшенные цветами, лентами, у парубков – длинные волнистые волосы. Радостно смотреть на них, молодых, красивых, чарующих южнорусской красотой лиц и выговора. Вспомнились ребята – однополчане с Черниговщины.

За века выработался тип украинца, что с этим спорить, но душа у нас общая, славяно-русская, православная, как бы её ни корёжили и ни мutilи.

Вот вышел женский ансамбль из Харькова. Женщины среднего возраста, в длинных красных платьях. Выстроились подковкой, баянист развёл меха, руководительница махнула рукой, и они грянули:

*Идём, идём, весёлые подруги.
Страна, как мать, зовёт и любит нас.
Везде нужны заботливые руки
И наш хозяйский верный женский глаз.*

Гляжу, лица у зрителей просветлели и даже помолодели. Перед этим хлопцы с дивчинами исполняли красивую, очень мелодичную певучую песню на украинском языке. Но Севастополь всё же город-то русский. А тут запели своё, не просто родное, а советское, что все знают. И припев подхватили, пожалуй, все, кто сидел:

*А ну-ка, девушки, а ну, красавицы,
Пускай поёт о нас страна!
И звонкой песнею пускай прославятся
Среди героев наши имена.*

Я ждал, что сейчас последует:

*Гордись, страна, где волею единой
Народы все слились в один народ.*

Но не дождался. Пелись: “Ой, цветёт калина...”, “Хороши весной в саду цветочки...”, “Снова замерло всё до рассвета...”, “Когда весна придёт, не знаю...”, “Лучше нету того цвета...”

Споют куплет, а потом: “А ну-ка, девушки...”

Спели песню о Киеве:

Як тобі не люби́ти, Киє́ву мый...

Баянист завёл новую песню. Во вступлении узнаётся знакомое, ансамбль запекает:

*Такой лазурный небосвод
Сияет только над тобой,
Тбилиси, мой любимый и родной...*

Слышите, грузины, о Тбилиси поют в Крыму! Поют русские и украинцы; возможно, тут есть выходцы из Средней Азии и прибалты. Люди поют от всего сердца:

Я не столько пел, сколько смотрел на людей. У них были праздничные лица, и почти все подпевали: кто-то шевелил губами, кто-то пел во весь голос, иные только покачивались в ритм музыке. Но песня была для людей родной.

Мы жили на берегу бухты. На другом берегу располагалась воинская часть. Я обнаружил это, услышав в 10-м часу вечера строевое пение. Я насторожился, но песня быстро кончилась. Видимо, у солдат была вечерняя прогулка, есть такой пункт в солдатском распорядке дня. Мне сразу вспомнилась армия, служба. Было это давно, более сорока лет назад, но многое помнится, как будто было вчера. Люблю до сих пор петь полковые строевые песни. Мечтал я послушать, как солдаты поют утром, но они встают рано, в 6 утра. А мы, намаявшись после очередной своей прогулки по Севастополю, просыпались в девятом часу.

Всё-таки довелось мне услышать, как они “поют”, но это был день жестокого разочарования.

Солдаты шагали и долбили речёвку. Это нововведение; когда служил я, в армии только пели. Речёвок не было и в помине. Это новое. Самое неприятное и позорное, что в последнее время мы много заимствуем у тех народов, у которых перенять что-либо хорошее мы просто не можем. Скажите на милость, чему мы можем научиться в военном деле у США? Ничему! Американская армия не выиграла ни одного сражения, ни одной битвы, которые оставили бы след в мировой военной истории как образец военного искусства. Начиная с истребления индейцев, все войны, которые вели США, были войнами захватническими с заведомо более слабым противником. Во всех настоящих войнах (Первой и Второй мировой) они являлись к шапочному разбору, когда всё было решено без них, являлись, как орёл с их герба, для дележа добычи.

Речёвки в строю – это американское изобретение. Петь песню сложно, трудно, нужно иметь музыкальный слух, голос, хорошую память. Для русского солдата как представителя высшей цивилизации это не представляло большого труда. В нашем полку каждая рота, помимо своей излюбленной строевой песни, знала и пела ещё с десяток. А чтобы идти и бормотать речёвку, ни слуха, ни голоса, ни ума надо.

И наших русских (украинских) ребят заставляют заниматься тем, с чем без труда могут справиться дебилы, умственно неполноценные существа.

Но, может быть, не всё потеряно? Однажды услышал я, как солдаты пели классическую советскую строевую песню “В путь”, и моё сердце, сердце старого солдата ожило.

Песня сейчас

Песня – душа народа. Она живёт вместе с народом.

Когда в нашей стране началась так называемая перестройка, всё, что испытал народ, пережила и песня. Перестройка – синоним слова “реформы”, внешние преобразования при сохранении сущности. Но под прикрытием этого слова производилось разрушение общественного строя и государства. Разумеется, песня, объединявшая народ, должна была подвергнуться общей участи.

Советская песня была брошена на произвол судьбы. Дана свобода и отдано преимущество року. В перестройку было запущено немало провокационных лозунгов, к примеру: “Разрешено всё, что не запрещено”. Но предусмотреть всё невозможно. Кроме запрета законодательного, должен существовать запрет нравственный. Русский человек тем и отличался от западного, что старался жить по совести, руководствуясь законом нравственным. “Не принято считать деньги в чужом кармане”. А почему не посчитать, если они украдены у народа? Потом был брошен призыв к всеядности, к безыдейности искусства: “Пусть цветут все цветы”. Но только безответственный хозяин, которому глубоко наплевать на свой огород, даст приволье сорнякам. Рачительный хозяин их будет выпалывать беспощадно. А здесь беспрепятственно впустили сорняки в огород, а с корнями вырывать стали культурные насаждения.

По радио проводится рок-урок, передача “7-я нота”, где повествуется о возникновении и развитии рок-ансамблей (можно подумать, русскому слу-

шателю только этого и не хватало). Но не было и нет передачи, посвящённой истории советской песни. Передача “Встреча с песней” не в счёт. Низкий поклон В. Татарскому и его сотрудникам за передачу, но фактически — это тот же концерт по заявкам, только с “ретро”-уклоном и кратким музыковедческим комментарием. Но, чтобы уничтожить даже ту скромную пользу, что приносит “Встреча”, изобрели передачу “В нашу гавань заходили корабли”, куда собирали и где транслировали всё самое худшее, что может быть в песне: и слова, и музыку, и исполнение.

Современная песня не отражает жизнь. Она вне жизни. Она чужда жизни. В советской песне была душевность. И в современной песне есть, но эта душевность чужая, тёмная, бесчеловечная. Впрочем, сами рок-музыканты не отрицают того, что они служат бесам. *И нам за ними в путь счастливый?*

В нашем городе предприимчивый человек организовал прогулки по реке на теплоходе. Купил или зафрахтовал теплоход “Дионисий”, доведёт желающих до Спасо-Прилуцкого монастыря и рулит назад, а из репродуктора на капитанской рубке несётся что-то оглушительное. Я на своё горе однажды прислушался...

“Тело моё, кому хочу, тому дарю”, — орал динамик на всю реку Вологду. Заткнув уши, я опрометью кинулся прочь. И этот звериный вопль разнузданной похоти, торжествующей проститутки кто-то считает свободой! И это в каких-то пятидесяти метрах от Вологодской святыни — Софийского собора. Более чем за 450-летнюю историю собора не было слышима такое. Неужели к этому шла русская история, русская песня?

Живи, песня!

“Полна чудес великая природа”, — говорит царь Берендей в пьесе А. Островского “Снегурочка”. На самом деле, есть в природе необычные реки. Течут и вдруг уныривают под землю, струятся там в глухом безмолвии и темноте, но время от времени выскакивают на поверхность, журча и блестя на солнце. Так и советская песня.

Шёл я однажды в нашу Лазаревскую церковь ко всенощной. В старые времена, ещё царь-батюшкины, тут были огороды. И сейчас кое-кто ковыряется здесь лопатой в земле. Прошёл я мимо храма Николая Угодника, иду, думаю о чём-то своём. И вдруг среди привычного уличного шума, который не замечаешь, я услышал что-то странное. Человек, копавший гряды, пел. Это сначала изумило меня — отвык я слышать такое пение в нашей жизни. “Пьяный или больной”, — подумал я, и в тот же миг несказанно обрадовался, остановился и прислушался. На службу я изрядно опоздал, и не совсем было понятно, о чём он поёт, стоял-то я далеко, а подойти ближе побоялся. Ведь это чудо из чудес — поющий человек! И поющий пел не зачем-то, а для себя. А подойду и спугну, замолчит он. Но поёт что-то своё, знакомое. Как же мы так забыли своё прошлое, отделились от него, что естественное, родное нам кажется ненормальным. Боже мой! Как раньше пели, а голоса какие были!

Вот так песня выходит своими путями на волю.

В последнее время советскую песню поют не на огородах. Не так давно, года два-три назад, был грандиозный концерт на Красной площади. В кои-то веки на главной площади страны многоголосым хором пели “Широка страна моя родная” (правда, спели без третьего куплета, но всё равно радость великая!). Концерт освятил своим присутствием Патриарх Кирилл, присутствовал архимандрит Тихон — ныне епископ, большой любитель и знаток советской песни.

Подобный концерт состоялся не так давно в Петербурге. Народ любит, помнит, не забыл родные песни. Слезы выступили на глазах, когда вся площадь слитно с хором запела “Город над вольной Невой...” Какие песни были!

В год 70-летия Великой Победы на площадке неподалёку от всенародной святыни храма Христа Спасителя военные песни пел квартет “Кватро”. Певцы молодые, в войне, пожалуй, участвовали если только их деды. В эти же дни фронтовые песни задушевно исполнил солист Мариинского театра В. Герелло.

Происходят отрадные сдвиги и сейчас. Меньше года назад в нашем городе среди школ проводился городской смотр строя и песни. Конечно, я пошёл туда, тем более что в нём участвовала моя внучка. Народу собралось порядочно: родители, дедушки, бабушки.

Класс строился на краю зала в три шеренги. Старший (мальчик или девочка) докладывал военкоматскому офицеру, тот командовал: направо, налево, кругом, а потом по периметру зала класс проходил строевым шагом и пел песню. Пели слаженно, под счёт и, самое главное, старательно. Лишь только раздался мерный шаг и прозвучала первая строка песни, в душе моей мигом воскресла военная, полковая молодость, строевая подготовка, прохождение торжественным маршем мимо командира полка, бой полкового барабана и много, много всего, что таится в сокровенных глубинах памяти и что не передать словами.

Строй первоклашек (тут и внучка марширует) завернул налево, всё ближе строй, всё ближе песня:

*Каждый воин — парень бравый,
Смотрит соколом в строю.
Породни-, роднились мы со славой,
Славу добыли в бою...*

Впечатление вроде бы комическое: люди-коротышки из детской книжки Н. Носова поют вполне взрослую песню, а у меня защипало в глазах, и думалось сквозь подступившие слёзы: слава Богу, ушли в прошлое бредовые времена, когда люди в чинах генерала армии заявляли, что у демократической России теперь нет врагов, все нас любят, и нам не нужна такая большая армия. А кое-кто договаривался до того, что она вообще не нужна...

*Пусть враги запомнят это,
Не грозим, а говорим:
Мы прошли, прошли с тобой полсвета,
Если надо, повторим!..*

Пел строй, проходя под балконом, где я стоял, и люди провожали детей аплодисментами.

Война против нашего народа ведётся давно. Ещё в 1946 году И. Сталин сказал о Фултонской речи Черчилля: “Английская расовая теория приводит г. Черчилля... к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные державы должны господствовать над остальными нациями мира”. Что же, получается, что мы сдались, поскольку с охотой свои природные слова меняем на чужие, перенимаем дикие, первобытные ритмы, ничего не говорящие ни уму, ни сердцу?

Душу нашего народа хотят переинтонировать, переозвучить на иные, чужие ритмы, чужую мелодику. Не противодействовать этому — значит стоять в стороне, предавать Родину, предавать песню. Поэтому сбережение, всемерная пропаганда и внедрение в жизнь лучших советских песен должны стать первоочередной государственной задачей. С той же энергией, с какой в наше общество настойчиво внедряется рок, должна культивироваться советская песня. Например, можно широко транслировать советские песни о Родине. И начинать с детского сада. А то противно и омерзительно слушать, придя за внуком или внучкой в детсад, детские песни в рок-ритмах. Ладно, у нас дома рок не звучит, и дети, повзрослев, остались невосприимчивы к нему, но сколько детей отравлены им! Можно проводить фестиваль советской песни, учредить День советской песни (например, в день рождения В. И. Лебедева-Кумача (6 августа).

Советская песня — это наша память, защита нашего народа от духовной интервенции. Это наша сила. Ею должно гордиться, её нужно беречь.

АЛЕКСАНДР ЯРОВОЙ

кандидат филологических наук

БОРИС ОЛЕЙНИК: НАЧАЛО ВЕЧНОСТИ

*Отдай сполна, что взял, — и освятись.
Что взял — сумей отдать намного больше...*

*А ты считал: бессмертье — пустяки?
Борис Олейник. “ДИПТИХ”*

Такой, как есть...

Он всегда был на виду.

Его любили и ненавидели.

Всегда был разным, но всю свою жизнь, долгую и непростую, — несокрушимо целостным человеком.

При всей “лирической мягкости” души Борис Ильич Олейник оставался твёрдым и непоколебимым с точки зрения моральных императивов, заоблачно высоких в нынешнем “мире без правил”. Он мог ошибаться и ошибался, но всегда думал и поступал самостоятельно, и на его решения повлиять извне было трудно, чтобы не сказать — невозможно. Мог скорее надрывно промолчать, чем потакать лжи, мог отшутиться вместо того, чтобы жаловаться на свои беды (а их, как и успехов, щедро выделила ему судьба...), — и всегда оставался *настоящим*. Без масок и лицемерия. Судьба... Вслед за своим учителем, классиком украинской советской литературы Олесем Гончаром, автором когда-то знаменитых “Знаменосцев”, теперь незаслуженно забываемых “новыми украинцами” престранного “некультурного пространства” современной Украины, мог бы повторить: “У справедливых армий судьба всегда прекрасна!” Как честный воин этой справедливой армии, защищающей слово правды.

... Вот и год проходит, как нет с нами Бориса Ильича. Биография его прошла “сквозь плотные слои атмосферы”, как точно и остроумно сказал он в последнем своём интервью. А вообще-то не на шутку “шлифовали” его личность эти жгучие “слои” — от сиротливого и голодного военного детства до остракизма 1990-х — со стороны “перекрашенных лисов”, ненавидящих себя за низкое сквернодушие, не могущих простить ему бескомпромиссности и верности принципам, непродажности и стойкости; до трагедии украинского переворота, поныне разрушающего Родину, — катастрофы только внешне политической, а по внутреннему смыслу — духовной, апокалиптического знака, второго Чернобыля... Да, Олейник и тогда бил в набат, призывая говорить правду о Чернобыле-86. А к концу жизни болезни, старость и усталость, знакомая даже металлу, уже оставляли ему нишу только “просто оставаться собой”.

А разве этого мало? Разве это ещё не способно удивить читателя, в частности, молодого, — что есть такие люди и в наше время?

Да и чем, и зачем удивлять?.. Хотя жизнь поэта, подчеркнём, была разнообразно-богатой до изумления. Необычная, “нетиражная” жизнь... Он побывал в донецкой шахте и в Кремлёвском дворце съездов, на Чернобыльской АЭС и в горячих точках умирающего СССР, расплавленного врагами внутренними и внешними; стоял в живой цепи на Бранковом мосту в Сербии, а над головами мрачно шли с рёвом натовские бомбардировщики-ястребы; представлял Украину на правительственных трибунах тогда ещё всесоюзной столицы Москвы и в ООН; сводили его обстоятельства с Черномырдиным и Арафатом, со знаменитым тенором Козловским и знаменитым академиком Лихачёвым (по рекомендации последнего, кстати, Б. Олейник стал академиком РАН...). Да, ещё — Горбачёв. Это — дальше, это очень отдельная тема...

Будучи мастером слова первой руки, прекрасным поэтом, публицистом, критиком, Борис Олейник не мог в накалённое время отечественной истории уйти от обязанностей общественного деятеля. Ещё в весьма раннюю так называемую “перестройку” он на высочайших форумах требовал вернуть в культурный обиход имена, наследие репрессированных и официально “преданных проклятию” писателей-соотечественников (тогда ещё весьма “опасные”!). Призывал озвучить имена жертв и палачей своего народа. Тем не менее, в “руховские” 1980-е, а особенно продажные 1990-е он был беспардонно и беспрепятственно поливаем грязью “щирих патріотів”, которые в один вечер 24 августа 1991 года из “идейных коммунистов” стали “щирими националистами”. До того — трусливые, как мыши, после того — узурпировавшие “право на Украину...” “Больше всего не люблю предателей”, — не раз говаривал Борис Ильич. Его шельмовали, клеймили “коммунякой” и “сталинистом”. Его настырно отодвигали в тень те, кого он спасал в своё время, 12 лет будучи парторгом Союза писателей Украины, во времена В. Щербицкого. “За годы моего комиссарства, — как, улыбаясь, называл этот период Борис Ильич, — никого не выгнали, не посадили”. А правду сказать, внимание к украинским писателям со стороны партийного руководства республики тогда было пристальным. Наплетёт глупостей мастер пера за чаркой, а парторгу — донос. “Ильич” терпеливо высиживает в коридорах “верхов”, обивает высокие неприветливые пороги, умоляет за своего беспутного коллегу... Под собственную ответственность.

Забыли!..

Но он столько сделал для украинской культуры, что даже в макабрические постмайданные времена его, далеко не вполне “удобного”, не посмели не проводить в последний путь так, как должно. Широкая реакция СМИ. Соблезнование властей. Некрополь классиков — киевское Байковое кладбище. Признание заслуг, цветы, венки, речи и искренние слёзы многих... Но практически в каждом новостном сюжете о похоронах Поэта какая-нибудь тарактливая синица на ТВ (не имеющая никакого понятия о его творчестве, о целых прожитых им эпохах и перенесённых испытаниях) вкручивала фразу: “Але Олійник так і залишився до кінця життя переконаним комуністом...” Ах, как ужасно! Не стал огульно проклинать прошлое и восхвалять “новую чудесную жизнь”!..

...А время отхода было после Пасхи, звучало на нашей земле всепобедительное, громогласное, вечно-весеннее и живое “Христос Воскресе! — Во истину Воскресе!” Как многие люди, верные Троицкой Руси, не видел раб Божий Борис особых противоречий между православием и коммунизмом в русском изводе — с идеями братства людей, благородного труда, справедливости, добра. Он выводил всё из общего знаменателя — совести человека... Обо всём чистом, наивысшем, родном и была его поэзия — исключительно искренняя, песенная, живоязычная... Год назад нас покинул уникальный поэт, возможно, самый мощный поэт современной Украины. “Великого человека потеряла Украина, долго будет помнить она его добрую работу”, — так и хочется сказать словами Горького о Коцюбинском. Чуть ли не семь десятилетий в Слове... Перестало биться сердце великого сына Славящины, до конца (чуть ли не одиноким из своего поколения...) оставшегося верным Русскому братству... Иногда говорят, что Россия знает Олейника больше как публициста, чем поэта... Ну, мы ещё с этим поспорим.

...Год назад, после услышанной горькой вести, я схватился за бумагу и ручку (да, именно за них, потому что инстинктивно не захотелось использовать

нечто технически-неживое в рассказе о живом, да и сейчас – так...). Но не ложились на бумагу непослушные строки, и всё написанное казалось недостойным памяти бесконечно дорогого мне, великого человека... Чьё сердце было удивительно чутким к Добру и Правде. Неподкупно честным – перед собственной совестью, ближними и дальними, перед предками, современниками и потомками, перед родным украинским народом, всей Святой Русью, да и целой метафизической Вселенной, если хотите... Поэт – уже “на берегу вечности”, говоря его же словами. А нам теперь, уже с некоторой дистанции, когда утихла самая острая, первая боль душевная, следует вспомнить о его жизненном пути, творчестве, человечности...

Доля

“Добрые люди и жизнь учили меня, что нашивки и отличия не делают человека лучше. Главное – чтобы они его худшим не сделали... Твёрдо стою на этом базисе”, – писал Борис Олейник.

Мне вспоминаются слова одной киевской писательницы: “Талант – всегда щедрый”. Но кому больше дано, с того больше и спросится...

“Нашивки-отличия” Б. Олейник мог бы начать коллекционировать с отрочества, хотя ставил не это своей целью. Больше – учиться у жизни, брать у неё лучшее и отдавать преумноженное лучшее – другим.

...Но перейдём к обычной фактографии, к событиям, датам и цифрам.

Начал печататься в 11 лет и потом 70 лет был в литературе – это не случайность.

Борис Олейник родился 22 октября 1935 года в селе Зачепилровка на Полтавщине. Километра за три с чем-то – райцентр Новые Санжары, стоило только пройти лесок, луг, мостик через реку Ворсклу. Отец, Илья Иванович, был не просто грамотным человеком, а работником районной газеты. В первый месяц начавшейся войны уже выполнял обязанности редактора. Была у него травмирована на шахтных заработках рука, но всё же добровольцем пошёл на фронт. Ему Олейник потом посвятит немало поэтических строк... Мама, Марфа Никоновна, из бедной хлеборобской семьи. Богатство внутреннее её души и свою горячую сыновью любовь к ней поэт воспевал в своих замечательных произведениях. Никто, решительно никто так не разработал в украинской поэзии XX века тему Матери, как Борис Олейник. Для своего времени – конгениально Тарасу Шевченко... И даже бабушке Катерине посвящён раздел в монументальной поэме “Дорога”. Не было для художника “простых” людей, он поразительно видел необычное в обычном, распознавал красоту и “под рубищами”, как Кобзарь, как Александр Довженко, как его будущий однокурсник по журфаку Василь Симоненко, как всякий настоящий, обладающий “дополнительным знанием” талант.

Но вернёмся к биографии. Не хочется повторять “справочные материалы”, их не проблема найти где угодно в информационную эпоху. А вот нравственные моменты, формировавшие, ограничившие алмаз этого таланта, крайне важны.

Отец перед уходом на фронт завернул в провощённую бумагу типографские шрифты и спрятал в заброшенном колодце. Не сомневался: после победы пригодятся... А некоторые посчитали иначе... Те, которые из разряда “наши/ваши”...

В первые же дни фашистской оккупации некий землячок, которого отец Бориса взял в редакцию, шрифты вынул и “оприходовал” – начал выпускать газетку для нужд “новой власти”. И в одной из статей поэт уже на склоне лет написал, выделив курсивом, так и мы выделим: “С той поры и по сегодняшней день во мне живёт непоколебимое презрение ко всяким отступникам и переребечикам, одним словом – к предателям”. И даже уточнил: потому и не меняю своих устоев... для того хотя бы, чтобы не пополнить собой их ряды.

А отец так и не вернулся... Без вести пропал в 1943-м под Харьковом.

В 1948 году было опубликовано первое стихотворение пятиклассника Бориса. Шли годы... Вехи, достижения... Союз писателей (одним из рекомендовавших молодого поэта был Владимир Сосюра, живая читательская легенда 1920–1960-х). Киевский университет. Работа в изданиях... Сотни стихотворений, десятки поэм, сборников, публицистические статьи. “Великими сынами Украины” справедливо считал Б. Олейник своих учителей в жизни и литературе – знаменосца-фронтовика Олесья Гончара, историка Петра Тронько, академика Бориса Патона, – трудившихся на благо родного народа,

но не впадавших в экстаз от хуторянского умиления-самолюбования, понимающих, что Украина — самобытная, органичная часть славянского мира... Тёплым словом вспоминал “русских побратимов”: Леонида Леонова, Дмитрия Лихачёва, Юрия Бондарева, Валерия Ганичева и многих других. До последних дней оставался в жюри Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. Много лет возглавлял Комитет по Шевченковской премии Украины. Впрочем, его всё больше тяготило, что Комитет программно, последовательно наполняли отъявленные националисты и русофобы, он подавал заявления об отставке — не принимали президенты Незалежной. “Кто, кроме Вас?..” — и точка.

Обрадовавшись провозглашению независимости в 1991 году как национальный романтик и патриот, Борис Олейник, впрочем, со всё меньшим оптимизмом, а потом и без него взирает на набег дичайшего капитализма, бедствия народа, обманутые надежды и маскировку за опереточной мишурой шаровар, бандур и баек об “особом шляхе Украины” банальных интересов Запада, которому не нужны были ни человек наш, ни культура, ни народ... Формировался проект “анти-Россия”, а не “разбудовувалась” Украина. Новые хозяева жизни беззастенливо грабили экс-УССР, прогрессивно изощряясь в хитросплетениях нацдемагогии и бесплодных обещаний...

Но возвратимся к началу кризиса — “перестройке”, рубежу 1980–1990-х.

Если кто помнит из украинских словолюбов, зимой 1988 года в газете писателей “Літературна Україна” была опубликована многополосная программа “Украинского народного Руха (движение — рус.) за перестройку” — полное название сей аморфной организации не любят сейчас вспоминать: ну, чисто как после черныбыльской аварии газеты “забыли”, что ЧАЭС-то была “имени В. И. Ленина”... Желающие могут почитать этот составленный “патриотическими писателями” документ, Google им в помощь. Что этот Рух был организован по разнарядке ЦК КПУ (!), свыше, сейчас и кроту видно. Замелькали жёлто-синие знамена (которые, как заметил один мой знакомый черниговский старожил, он, к слову, выдывал на фашистских комендатурах), забурлили митинги, на которых раздавались громогласные обещания, что на (тогда еще не “в”...) Украине русские заживут лучше, чем в России, евреи — чем в Израиле, и “прочие безумные глаголы”. Прибалтийские и галицийские мастерские пустили в тираж “национальные” значки, включая красно-чёрные, бандеровские; флажки, ленточки и трезубцы. Без усилий можно найти в интернете и тогдашние листовки, вещающие, сколько всего есть у нас, и только вот отделимся — сразу заживём!..

“Кратко рещи”, Борис Ильич с самого начала отстранился от этой вакханалии. Очевидно, Бог даёт совестливым поэтам дар прозрения. В отличие от “побратимов-спилчан”, бросивших писать, с досадой в сумерках расходящихся с митингов и с радостью утром на них бегущих, Олейник эйфории не поддавался. По злейшей иронии судьбы, именно интеллигенция, те же писатели, например, через пару лет окажутся чуть ли не наибольшими маргиналами общества. Пропадут престиж и советские гонорары, сдуются гордые миллионные тиражи “Огоньков” и трёхсоттысячные — “Литературной Украины”; рубль, презрительно именовавшийся деревянным, сменяет вообще фантикового вида “купонокарбованці”, ничего не стоящие. Цены будут расти по дням, если не по часам. Как когда-то — коммунизм, всё более отодвигающейся за горизонт станет “велика вільна держава”. С горькой иронией об этом написал покойный Владимир Дрозд в повести “Музей живого писателя”...

Разруха, фальшь, обман.

Мне думается, поэт это предчувствовал.

Но даже массы негодяев, даже толпы наивных, одураченных не заслонили для него Украину и народ. Он не митинговал — он продолжал работать ради них...

В 1988 году в Москве, будучи делегатом XIX Всесоюзной партконференции (а событие сие, напомним, было внушительным по общегосударственным масштабам), Олейник и призвал с кремлёвской трибуны, на весь Союз, создать “Белую книгу” о голодоморе 1932–1933 годов и, повторю, *поимённо* назвать в ней жертв и палачей.

(Кстати, примечательная врезка. Стоя возле гостиницы “Россия”, делегат Борис Олейник увидел приземление на Красной площади “игрушечного самолётка” — в сердце СССР присел “пассажир” из натовской ФРГ Матиас Руст... Это было симптомом и знаком. Это *позволили*. Смешно думать, что

наши системы ПВО не заметили данный объект в полёте до самой Москвы. Но стало понятно, а Олейнику — безусловно: Страну сдали без боя.)

Олейник первым назвал фамилии репрессированных украинских писателей, например, М. Хвылевого (вообще именуемого до того в энциклопедиях “фашистом”) и В. Виниченко — писателя нерядового, хоть и с клеймом Ленина: “Архискверное подражание архискверному Достоевскому, махровый дурак”. Думаете, “побратымы”, тогда ещё о многом помалкивавшие, оценили?.. Как же... В двухтомном учебнике украинской литературы 2-й половины 1990-х (когда хоть на какие-то книжки “обёрточной” полиграфии “кучмистская” Украина смогла найти деньги) — всё та же “мантра”: “На жаль, талановитий письменник лишився з тими, хто нищив український народ — з комуністами”...

А украинский народ был отдельно от коммунистов?

Были и протесты (услышанные) против антиэкологических проектов под Каневом, грозивших разрушением Чернечей горы, на которой погребён Тарас Шевченко. Было несколько поездок в Чернобыль. Уже за год до смерти, теребя запрещённую лекарями лёгкую папироску на лавочке санатория под Киевом, Борис Ильич тихо постанывал: “Ноги же болят, щоб ему... Это всё Чернобыль...” Были попытки, и резонансные, через рупоры всесоюзных СМИ озвучить выкладки (в частности, академика Б. Патона) о причинах и последствиях аварии. Многие вычеркнула цензура.

Сам “первый и последний президент СССР” звонил в Киев Щербицкому: “Что твои поэты тут в Москве вытворяют?!”

А дальше — 1999-й. Бомбёжки Югославии, перебежки между траншеями, а уже ж не юноша... И упомянутое стояние на Бранковом мосту. И работа “народным парламентарием” — десять лет Олейник возглавлял украинскую парламентскую делегацию в Совете Европы и отстаивал интересы страны-легенды — Сербии. Столь несокрушимо прямо стоящей и столь несчастливой в земной истории. Упоминали мы и о горячих точках разваливающейся сверхдержавы... Авторитетное слово писателя, депутата, гражданина предотвращало строительство АЭС в Крыму и под гетманским Чигирином — можно почитать не раз в биографиях поэта. Он считал, что, если человек имеет какой-то вес, авторитет — преступно это “пустить на себя”, не помочь обществу, людям.

А в “точки кипения” вело его не желание славы, не “байронический комплекс”, не тяга к приключениям. Он хотел, чтобы никогда, ни за что не лилась бесценная человеческая кровь. “Кров людська — не водиця, пролити не годиться”, — гласит украинская пословица. В автобиографическом очерке для российских читателей “Новая жизнь нового жаждет слова” на этот счёт автор пишет о страшном впечатлении военного детства. (Кстати, воспоминание отражено и в одной из поэм...). Как в сентябре 1941-го, во время печального для нас и триумфального для немцев наступления маленького Бору с мамой захмелевшие от радости оккупанты выпустили из плена под Полтавой — идите на все четыре. “...И когда мы оказались на опушке какого-то леса, нашему взору внезапно открылось поле, сплошь усеянное погибшей советской конницей. То апокалиптическое видение живёт в моей памяти до сих пор. Так что в горячие точки меня вела вовсе не бесшабашность, а желание сделать всё для того... чтобы не проливалась кровь”.

Каково было поэту и гражданину с 2014-го до смерти наблюдать братоубийство на юго-востоке Украины — можно лишь догадываться...

Более четверти века Борис Олейник возглавлял Украинский фонд культуры. Это его детище. Это был очаг культурной жизни столицы, “место встречи”, пересечение талантов самых разных творческих профессий, наций, возрастов... Что ныне ждёт его? Прогнозы невозможны...

Без крика про неистовые издевательства “клятых москалей”, без программной русофобии, которая стала “генетической программой” разрушения Украины, Борис Олейник честно отстаивал интересы Украины, её культуры, языка.

И, пожалуй, он *один* (подчеркну — один-единственный) не променял ценности славянской православной цивилизации на сомнительного качества славу среди временных политических сквозняков, на сребреники братопродавства, на дивиденды за ложь и лицемерие... Но не ждите, не будет и сусального иконного лика. Вот он в 2004-м выступил за Ющенко. Доверился, ошибся, хоть и в ошибках, оставался собой, не “дымел сигаркою на чужой губе”, как писал ещё в раннюю пору. Разочаровался. Ну, что же... Тем хуже для Ющенко.

А многие пошатнулись, отступились — не хочу называть, это неоднозначные люди, лучшее, исходящее от них, конечно же, останется и будет ценным. Ну, а с моральным выбором... Как уж сами решали...

Вот и дал нам Бог человека такого, чтобы остался хоть один казак среди обасурманившихся... Чтобы люди, приходящие в жизнь, знали: так можно. Так — нужно!

Вот вам и судьба... Доля.

2016: Последний портрет

“Мой взор, как бинокль, многократно усиливается, и вижу я человека, такого похожего на меня, только чуть ли не вдвое младшего. Господи!.. Да это же отец!

Он хрипло кричит мне через полстолетия:

— Сынку! Как же ты мог?.. За что тебя судят, скажи?!

— Да вот, батьку... Ты уж прости мне... Воспевал.

— Что же ты... воспевал?!

— Да вот Родину... Ленина... Украину... Россию... Братство народов... Независимость...

— Но мы же, сын, за всё это боролись и погибали?!

— Так вышло, отец. Что поделаться? Вы за это воевали, а нас за это... судят...

Грозный окрик прерывает это inferнальное видение:

— Встать! Суд идёт!

Ну, что ж, начинайте: я и так стою”.

...Суд по-гречески — “кризис”. Оттуда же латинское, сухо-математическое “дискриминант”: различение, разделение, выявление. Овцы — одесную Судии, козлища — ошую... И непроходимая пропасть, по Евангелию, между жизнью вечной слуг Добра и огнём вечным клеветов дьявольских.

Сцена этого инквизиторского суда отступников, перерожденцев над теми, кто не поколебался в совести, в Истине, взята из книги Бориса Олейника “Два года в Кремле”. Да, правда, бытует мнение литературоведов, что в России (по крайней мере, постсоветской) Олейник более известен как публицист и “культурный посол”, чем как поэт. Это и так, и не так, потому что открытие, “воспоминание” великого массива его поэзии русским читателем — дело будущего. Может, и недалёкого. Нива есть, делатели жатвы требуются.

...А теперь скажу совершенно удивительную вещь. Эта цитата, как и многие другие подобные цитаты и комментарии, содержится в последней прижизненной книге Бориса Ильича по олейниковедению — фантастика почти, но издана она в 2016 году в Киеве. В послемайданной Украине. Ведущим столичным издательством “Український письменник”. Авторы — известные украинские деятели культуры: доктор филологических наук Н. Костенко и поэтесса, критик Л. Скирда. Как же это стало возможным в разваленной (прежде всего, морально) стране, где за год перед тем чуть ли не “по госзаказу” убивают Олеса Бузину, — история почти конспирологическая. Ну, пусть до времени сохранится интрига... Всякая ничтожная мелочь, человеческая дрянца, которая “шавкала из подворотен”, смела именовать тогда великого сына Украины Олейника “хворим на голову сталіністом”. Ну, где “хвороба” — на пятом году прогрессирующего майданного паралича очевидно...

Совершенно необходимо сказать нам хоть кратко об этой книге, являющейся самым современным и полным исследованием творчества Бориса Олейника. Тем более, что в РФ она представлена... только в 2 экземплярах. Один — в Фундаментальной библиотеке МГУ имени М. В. Ломоносова, второй, с дарственной надписью моего наставника в филологической науке И. В. Костенко, — у автора этих строк... А неплохо было бы её и перевести, донести до российского читателя! Ну, пока переведем титул: “Стою на своей земле. Борис Олейник: лирическое и эпическое творчество”.

Собственно, вся эта основательная книга на 250 страниц, насыщенная фактографией, сочетающая академическую научность и общечитательскую доступность, суть поиск ответа на поставленный самими авторами вопрос в самом начале: “Что же дало этому поэту силу на протяжении более полувека — от начала 1960-х аж до середины 10-х годов XXI столетия — на всех поворотах истории не только не утратить, но и преумножить свою творческую энергию, уберечь от коррозии собственную человеческую индивидуальность, моральную чистоту и порядочность, веру в победу добра над злом, глубокую любовь

к своему народу, уникальную работоспособность во всех звеньях – литературной, общественной, научной, культурно-просветительской работы?..”

“Великий поэт, великий украинец”, – пишут авторы, ссылаясь на слова многолетнего друга и соратника Бориса Ильича – поэта и публициста Михаила Шевченко. И ищут ответ на поставленный “вопрос, состоящий из вопросов”, в истоках биографии, в ходе творческой эволюции, в моральных качествах самого литератора.

Чуть ли не сто лет назад знаменитый советский (русский и украинский) филолог-академик Александр Белецкий в работе “В мастерской художника слова” предложил термин “психография” – описание личности писателя, его внутреннего мира. В книге И. Костенко и Л. Скирды психография Бориса Олейника представлена с позиций правдивых, объективных и современных. “Против течения” – таков преимущественно ведущий мотив исследования. Дело не в “гордости житейской” поэта и публициста, не в желании выделиться, покрасоваться. Не будем забывать, что большинство всегда верит в то, во что легче верить, что как бы просто и явственно ложится в русло обывательской логики. Но “правда неправдоподобна”, по Достоевскому. Не всем дано её распознать, особенно – не желающим этого...

Такие, как Олейник, могли бы реально, честно, а не ради шкурных интересов реформировать обветшавший СССР, мощной командой исправить ошибки и перекосы в идеологической, экономической, национальной и других сферах. Суверенитет? Хорошо. Но он оказался “лживым”! И Олейник распознал это одним из первых.

В 1992 году, напоминая соавторы-исследователи, была опубликована художественная книга Б. Олейника о государственном перевороте в СССР. Одновременно на украинском и на русском языках, больше всего известная под заголовком “Князь тьмы, или Два года в Кремле”. Также её издали на азербайджанском и сербохорватском языках. Костенко и Скирда пишут: “Это книга символов и знаков – библейских, философских, литературных, которую нужно уметь прочитать не только за строками, но и между ними”. Написанная в форме послания-обвинения “отступнику всех времён и народов”, первому и последнему президенту Советского Союза Михаилу Горбачёву, единственному правителю, “распустившему” собственную страну, она впечатляет гневом и горечью.

Как читатель (тогда ещё студент-филолог) я был немного удивлён, вспоминая, введением в книгу публицистического настроения апокалиптических образов и мотивов; “тайна сия велика” и для авторов исследования. Но три десятилетия подтвердили: да, интуиция поэта ощутила, что речь идёт не просто о политических событиях и фигурах. На мировой арене в небывалом после ВОВ поединке схлестнулись незримые духовные силы Света и тьмы... И мы были на время побеждены. “Сатана замахнулся на мир православный”, как писал Олейник в поэтическом посвящении сербским братьям... Триединая православная Русь, непокорная Сербия, да и весь мир Божий стали мишенью для развязанного за наши грехи Сатаны, однако снова закуёт его Господь на 1000 лет – время близко. “Чадом Сатаны” называет Михаила Отступника обвинитель Олейник.

Авторы пишут: “В inferнальном освещении является не только образ экс-президента М. Горбачёва, но и сцена суда над компартией, где одни коммунисты (вчерашние, например, Ельцин Б. Н.) судят других (нынешних), того же поэта”. (Мы начали раздел с этой сцены, которую названные литературоведы тщательно анализируют... Напомним только, озвучим, что “в свидетели для обвиняемых (которых миллионы) поэт приглашает и живых, и мёртвых, и погибших на фронтах великой войны”).

Однако, отмечено в монографии, финал “письма глухой тоски и боли” (Горбачёву. – **А. Я.**) напоминает о композиционном кольце всё той же мистико-фантастической тональностью, что и в начале, хотя уже с более обнадеживающим выводом: “... Колосья благовествуют – урожай будет. Тяжело придётся, сказано в Писании: жнивья много – жнецов мало... Но – одолеем... Надо одолеть”.

...Как отмечают авторы книги “Стою на своей земле”, художественная публицистика Бориса Олейника охватывала не только внутривосточную жизнь бывшего Союза, Украины, но простиралась в параметры внешнеполитические. Прежде всего – сербская тема... Макротема. Ведь Сербия – “аванпост Православия”, который веками стоит на пути немецких амбиций, агрессивной католизации или “отуречивания” Европы. И, конечно же, на момент,

когда разразилась югославская трагедия, географическое сердце югославы – Сербия – мешала единственной после распада Союза ССР сверхдержаве – США – ощутить себя окончательным хозяином миропорядка... В частности, авторы упоминают известные, несколько раз издававшиеся в 1990-х эссе Олейника – “Время двойных стандартов” о лицемерных “ценностях” Европы, равнодушно взвешивающей на убийство Югославии (1994); “Сатанизация сербов, кому она нужна?” (1995); “Кто следующий?” (1999) и другие...

Говоря о публицистике поэта и гражданина, Костенко и Скирда печально резюмируют: “Украина, всё более нищая и всё менее независимая (по-украински: “...все більш незаможна і все менш незалежна”). Наверное, мы плохо защищаем Сербию. И мало читаем поэзию Бориса Олейника” (с. 228).

Пожалуй, мы сознательно “выхватили” из книги “Стою на своей земле” только публицистическое “ядро”, а книга довольно многоплановая, “много-ядерная”. Но “выхватили” как самый острый и смелый аспект. Так что книга – своего рода чудо и подвиг в несвободе современной Украины.

И, конечно же, в ней сказано и об истоках творчества поэта, о глубоко национальной и высоко-общечеловеческой мере его лирики, об эпическом его мастерстве, музыкальности, образности, многообразии слога...

Профессор Наталья Васильевна Костенко – высококвалифицированный теоретик литературы, прежде всего – стиховед, известный в экс-СССР и, конечно же, на Украине.

Людмила Михайловна Скирда – известная украинская поэтесса и критик, тонкий ценитель поэзии и вообще человек, повидавший мир и людей, хорошо изучивший сущность поэзии разных стран и народов.

...Интервью, заключающее книгу “Стою на своей земле”, записали Наталья Костенко и Василь Соловей – молодой поэт, перспективный критик, был в Киеве моим студентом – одним из самых старательных, отмечу, и одарённых, и порядочных!.. Что тоже далеко не мелочь в нынешний век...

“...Мне поздно меняться”, – в шутку (да и всерьёз одновременно!..) говорит поэт в интервью на 80-м году жизни. Впрочем, относительно кардинальных нравственных вопросов он мог это сказать и в 50, и в 20 лет...

Уже после трещины майдана, расколовшей историческое бытие Украины на ДО и ПОСЛЕ, Борис Ильич отвечает на финальный вопрос интервью – о преодолении смуты и развала: “Одолеем и эту руину... Пафосно привыкли мы говорить про народ... А всё же в народе, в человеке живёт надежда на будущее”.

Проживи он ещё немного, не сомневаюсь, написал бы правдивую книгу о майдане... И много прекрасных стихов... Но уже кому-то другому становится в казацкое стремя Белого Коня – символ Доли в одноименной олейниковской поэме.

...Есть у Бориса Ильича книга не такого уж и распространённого жанра, назовём его “поэт о поэтах”: сборник статей “Планета Поэзия”. “Поэзии подвластно ВСЁ”, – с раздумчивой категоричностью пишет в ней Борис Олейник.

И что бы ты у него ни читал, и что бы ни случилось, что бы ты ни пережил, глядя на его светлый образ, на его жизнь – веруешь несомненно, что так оно и есть.

Светлая память

День и ночью не спит...

Б. Олейник

...Потому напоследок, в завершение нашего разговора, наверное, пора сказать лично о Поэте. И говорить буду много.

“...Мы не умрём мучительной жизнью. // Мы лучше вечной смертью оживём!” – Борис Ильич нередко любил цитировать Высоцкого.

Возле великих всегда много “якающих”. Я раньше какой-то тенью мысли их осуждал, каюсь. Мол, выходит на тему не “N и я”, а “Я и N”. Теперь, когда, по выражению одного известного советского мемуариста, “мои друзья уже памятники”, для меня, по крайней мере, старшие друзья и, по крайней мере, кресты и бюсты на писательских аллеях кладбищ и в других местах присутствия Вечности, я думаю: не всё так просто. Слишком большой, заметный след в душе оставляют великие, чтобы отказаться от личного восприятия и всё того же частого “яканья”. Но следует стараться не впадать в раж панибратской хлестаковщины.

Не вижу особой мистики, а только закономерную мудрость Бытия, преемственность культурных поколений, в одном примечательном для меня факте.

В моей довольно обширной в эпоху современных гаджетов “бумажной” библиотеке хранятся две книги поэзии Бориса Олейника (конечно, его изданий у меня немало, можно выделять “олейниковскую полку”, но эти – подписаны). Одна – сборник поэм 1984 года, полукарманного удобного формата, в “уютной” обложке цвета созревшей украинской черешни. Её подарил и подписал мне отец: “Дорогому Саше в день публичного признания успехов в поэзии... 4.11.1983 г.”. (Вкратце о событии: речь идёт о “разборе полётов” начинающего поэта-семиклассника на собрании черниговского областного литобъединения “Солнечные кларнеты...”). Лишь через много лет, кстати, обратил внимание на дату: а ведь это праздник Казанской иконы Божией Матери, Путеводительницы, среди прочего... Случайно ли?..). Но с этого дня и начал мне открываться удивительный мир поэзии Олейника. При всём отсутствии кричащих внешних проявлений – потрясающе своеобразный, неповторимый; в спокойно-бесстрастной форме – динамитно взрывающий мысли и чувства...

Вторая же книга – “Тайная вечеря” – поэзия современного Олейника – первого десятилетия XXI века. И на юбилейном вечере в столичном дворце “Украина” автор подписал её моему старшему сыну Сергею, тогда 8-летнему хлопчику...

“Батьки і діти... Діти і батьки... – нерозділиме та одвічне коло...”

“Во всём ищите великого смысла”, – говорили святые. Мы в слове, слово в нас – вещи потрясающе загадочные... Такая вот перекличка поколений, обстоятельств, эпох!

...Мне посчастливилось, ещё не дойдя на сей момент до полувекового жизненного рубежа, узнать многих замечательных людей, за что неустанно благодарю Бога. Это роскошь, несоизмеримая с ничтожным блеском богатств, комфорта и прочего, о чём так настырно мечтают массы людей скучно-потребительского дня сего. (В скобках замечу: читая в начальных классах повесть “Меж добрых людей” Юрия Збанацкого – партизана, Героя Советского Союза, – мог ли я подумать, что через несколько лет с ним встречу в том же Чернигове, он подпишет свои книги, мы будем переписываться – Герой, живой классик детской литературы, сейчас, к сожалению, “затёртый” за тоскливыми продуктами раскрашенного “под детей” “нацреализма”... “З вас будуть люди”, – деликатно похлопал меня по плечу Юрий Олиферович. На “вы”! К подростку-“початківцю”! А “люди”... Так и хочется сказать, по батьку Тарасу: “Які з нас люде?..” Ну, посмотрим ещё... Или – читая “Слово после казни” Вадима Бойко, знал ли, что два раза увижу за жизнь этого писателя, узника Освенцима, с 18 лет ставшего фронтовиком и чудом выжившего в аду нацистских концлагерей? Как сейчас перед глазами – татуировочно-порохового цвета 6-значный освенцимский номер на его руке...).

...Я умышленно отошёл от темы. Для характеристики эпохи. Снова и снова: “Да, были люди в наше время...” Хотя мы уже приходились детьми и внуками этим людям...

Так что удивительным образом книги приводили меня к таким Людям, их написавшим. И когда на рубеже 1980–1990-х я обучался на филфаке Киевского университета (тогда название – “университет” – для Киева было в единственном числе, это сейчас любое перепрофилированное ПТУ в райцентре – уже “университет”, “академия”... – всё девальвируется, а жаль...), я мечтал и Бориса Олейника увидеть. Тогда открывалось много нового, жизнь бурлила, мы были преисполнены энтузиазма! Хотелось жить, любить, творить! Юбилеи, вечера, кинопремьеры, концерты – всё мы жадно вбирали в молодые души. Многих и разных слушали поэтов. Олейник так и не появлялся. Впервые я увидел его в Киевской филармонии. Спокойствием и уверенностью звучащий его характерный голос – таким он представлялся, закодированный в полиграфические знаки.

Потом, в перерыве какой-то студенческой конференции, я вышел прогуляться на улицу. Мимо фасада Оперного театра неторопливо, “не-звёздно”, как улыбочиво-добродушный “замысленный дядько” по сельскому огороду, шёл между толпами прохожих необычный человек в обычном сером пальтишке и таком же картузике-кепке. Интересное впечатление: он одновременно всё замечал зорким взглядом и как-то неотлучно пребывал в себе... Я выхватил из кармана программу конференции и попросил дать автограф. “Наукових успіхів!” – улыбнувшись, написал Поэт и пошёл дальше, не замеченный и не

пойманной тогда ещё сравнительно наивной средой позднесоветского мегаполиса. . .

Не будут с Бориса Ильича писать житие! Не был он святым в каноническом понимании этого слова. А вот честную, чистую биографию — я мечтал бы о ней в перспективе. . . И думаю, что Украина станет той, в которой воссияет истинный образ поэта. . . Да, так вот. . . Может, это уже вплетается профессиональная фантазия, но мне не раз думалось: существуют люди, обладающие, так сказать, даром “мирского благословения”. В смысле, начатое ими дело имеет несокрушимое продолжение, сказанное ими слово, говоря по-фольклорному, становится “оберегом” на жизненных путях. Они могут быть и атеистами, прости Господи, как Василь Сухомлинский, Антон Макаренко, — педагоги, которых сейчас больше помнят Россия и мир, чем родная Украина). Был учитель в моём селе на Киевщине, полвека назад организовавший один из первых в области краеведческих музеев. Уже разные ветры веяли, уже добавили туда толику бандеровского мусорка, но от первобытной Добрянцевской стоянки до великого подвига Победы, до трудовых свершений сельчан — всё, в основном, хранится. . . Такая эпоха! Такие бывают люди!

Вот подобным полусакральным благословением, хочется думать, обладал и Борис Олейник.

Благословением, полагаю, которое не назовёшь расхожим, “с лёгкой руки”; скорее, по мудрому выражению его полтавского земляка, селянского философа Григория Сковороды, “аще любишь сладость, люби прежде горечь” . . . Но — прочное благословение! Этими горестями-испытаниями и закалённое.

. . . 2005 год. Переполненный людьми главный столичный дворец — Палац “Украина”. Михайло Шевченко дал мне полтора десятка билетов для студентов-литераторов — как они были рады и благодарны! . . . 70-летию юбилей отмечался масштабно. Величественная оратория по поэме “Трубит Трубеж”. Задушевное чтение поэзии неповторимым Анатолием Паламаренко. . . Множество ярких звёзд культуры, из которых многие (и незабываемые, и забытые. . .) — уже далече. . . И, конечно же, сам поэт с новыми стихами, которые негромко читал замершему пятидесятичному залу. Читал характерным хрипловато-лёгким голосом, чётко и медленно выделяя слова, но не играя в театральщину. . . И после шквала аплодисментов широко перекрестился, поставил точку на мероприятии: “. . . Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его. . .” Он прославился выражением: “Я — украинский (подчёркиваю) православный (подчёркиваю) коммунист (подчёркиваю)”. В Украине (русская языковая норма, впрочем, — “на Украине”) — такого не понимали, не поняли да, боюсь, не скоро и поймут! А вот Россия — поняла, осознала и простила свою историю. И если Василий Блаженный разрешает по соседству с собором находиться Ленину, то мы не умнее святого, правда? . .

Россия — как Библия человеческой истории, всё в ней было. И пророки, и мученики, и злодеи. И праведность, и безбожие. И даже Бог — в безбожном государстве. . . В людях! Люди понимают уже, что это — единая Книга: бытие единого Отечества. И бессмысленно вырывать страницы или марать строки: отрастут снова страницы и прорастут буквы. Но это уже другой разговор. . .

Да, Украина же с вандальской “декоммунизацией” и, пардон, дебилизацией народа, с ложью и беспамятством, возведёнными в культ, пока не поймёт, как *понял* далеко глядящий вперёд Олейник, писавший в автобиографической статье для русского читателя: не спешите осуждать солдата, который идёт не в ногу со всеми, — как знать, может быть, он слышит марши будущих времён. . .

Как-то удивительно, с “неправильными”, неравными интервалами в несколько лет мерцала в моей жизни эта удивительная личность. Но — фатально, сказал бы я, случись мне быть древним греком. . .

В 2012 году назрели потребность и возможность выпустить мне книжечку избранных моих стихов разных лет — “Небесная твердь”. Профессор Н. Костенко просмотрела рукопись, дала несколько советов и, наверное, — самый главный: обратиться к Борису Ильичу с просьбой написать. . . предисловие. “Він таке сонечко! Він не відмовить. . .”

А я-то задумался. Один знакомый талантливый и своеобразный поэт, также лауреат Шевченковской премии, как и Б. И. О., как-то сказал: “На пальцах одной руки можно пересчитать, кому Ильич предисловия написал! . . .” У поэта, кстати, оно тоже было — в 1980-х.

Борис Олейник согласился. И написал. “Поэзия как знак”. Не буду уж цитировать комплименты Маэстро мне, грешному, хотя это дорогого стоит,

но полагаю, ему импонировало, что я, при всех грехах моих, не предал нашу общую всенародную Память... Которая не бывает "выборочной", под "вкус и цвет" эпох...

А события ускорились... Угрожающе назревала украинская катастрофа. Грянул майдан.

Не буду пускаться в подробности, скажу только, что выступления против повального безумия странной, инициированной Западом "революции" в Киеве стоили мне работы в моем любимом Киевском университете им. Т. Шевченко, университете святого Владимира. Где с 1987-го по 2014-й я прошёл путь от абитуриента до доцента...

Думаю, трагедия майдана укоротила жизнь и поэту, крепкому потому что казаков и хлеборобов.

А дни самого переворота мы "встретили" в Москве. По неисповедимому стечению обстоятельств на 19–22 февраля 2014 года в Москве была назначена русско-украинская конференция, посвящённая 200-летию юбилею Тараса Шевченко. От Украинского Фонда культуры, возглавляемого Борисом Олейником, поехала представительная делегация, более двух десятков человек: писатели, учёные, критики. Знакомились между собой, с российскими коллегами, общались на мероприятиях и в кулуарах. Я познакомился с лауреатом главной украинской премии того года — закарпатцем Мирославом Дочинцем. Хочу упомянуть его известный украинца роман "Вечник" — может, не в тему, но чтобы знал и российский читатель. Ведь в Москве возвращаются переводы книжек то русофобской, то графоманской украинской публики, то вкупе той и другой — шкляр, забужек, жаданов, андруховичей... А философская проза Дочинца, — пожалуй, чуть ли не единственное вменяемое художественное явление, номинированное на столь высокую награду в бывшей УССР...

Как известно, все "договорённости между властью и оппозицией" в Киеве, подписанные президентом Виктором Януковичем в присутствии "европейских партнёров", были в очередной раз нарушены, вооружённые боевики пошли на штурм. Как позднее вспоминал премьер (уже бывший) Николай Азаров, полторы-две тысячи подготовленных вооружённых бандитов "защитились" буфером из 15–25 тысяч "мирных протестувальников". Некоторые безумцы привели на ночной майдан даже детей... Вот потому не было разгона уличных беспорядков, и майдан превратился в ад.

Одураченный народ получил то, что хотел. Сверг "тиранию", а вместе с ней — хоть относительные стабильность, порядок и благополучие. Теперь, через более чем 4 года получил даже то, чего не хотел и чего никакие провидцы не предвидели... Но — "что вже балакати?.."

Борис Олейник и мы все смотрели на огромный плазменный экран и понимали, что это — война. Что точка невозврата пройдена. Что рушится история, осыпается, как стена разбомблённого дома... "Югославский вариант", — горестно качал головой поэт. А он знал, что говорил... Печаль в его глазах была безмерна.

Нам сочувствовали, нас утешали... 21 февраля посольство Украины отменило все наши мероприятия в связи с трауром. "Моторошная" пляска смерти началась. Безрадостная для самих триумфаторов "перемога"... Гробы на помосте майдана, где недавно пели и танцевали... Пачки провокационных документов, принимаемых в Верховной Раде "победителями"... Похоронные венки на киевской ёлке, которая стояла до августа 2014-го... Мир не видел доселе подобного абсурда.

Борис Ильич и так неважно себя чувствовал, а тут подался ещё больше. Его поддерживали под руки. "Двумя поддержан казаками..." — как в "Полтаве" Пушкина — полковник Палей. В доме-музее Пастернака сказал: "Эх, отут бы прылягты... — Не надо, — говорю, — Борис Ильич. На этом ложе Пастернак... умер. — А, — печально улыбнулся. — То хоч хытнуса, об одвирик головою зачеплюся та вдарюся. Обязательно!.." Спасительный юмор его не оставлял никогда... Но было невесело.

В ожидании отъезда мы, кто помоложе и погрешнее, безрадостно разливали стаканами водку в писательской столовой и молчали. "Да хоть не так демонстративно!" — возмущалась переделкинская официантка. Я протянул девушке киевский магнитик. "Це з майдану!" — мрачно пошутил талантливый поэт и когда-то мой студент Александр Стусенко. "Это из Лавры", — объяснил я...

...Киев 23 февраля был не праздничным и небывало хмурым. В метро противно воняло горелыми шинами. Милиция разбежалась. Не разбежавшись цепляя на форму "евроленточки", чтобы, не приведи Бог, не приняли за "Беркут"...

Дальше – много говорить, да мало слушать.

Весна уже в марте напоминала лето: можно было в футболке гулять. И грибы, в тот год, говорят, уродили. Всё как будто готовило, смягчало: ох, впереди тяжело будет, пока укрепляйтесь... Фонд культуры (а тогда это было как синоним к "Олейник") помог мне, уже благополучно безработному (и – аж полегчало, при всей личной драме – не тот уже стал главный вуз Украины...), поехать в Москву, отчитать курс о русско-украинских связях в МГУ имени М. В. Ломоносова. Вот и преподаю, слава Богу...

...За два года до переворота я брал интервью у поэта. "Мы выжили, потому что имели надежду", – запомнил его слова...

В несчастые мои приезды в Киев я обязательно заходил в уютный особняк Фонда на улице Липской, чудесной аллее. Сейчас он – как сирота. "А, москвич!.." – шутил глава Фонда, радостно угощал кофе, конфетами, коньячком, расспрашивал о делах рабочих и семейных... Даже в самом плохом состоянии (в частности, остро нарастал диабет) – он не отказывал во встрече, принимал посетителей, выступал, беседовал, юморил, – всё, как всегда... Но чем дальше – яснее я осознавал, что надорван он уже бесповоротно. И уж последнее, что он подписал мне, – "Избранное", добротный зелёный томик, изданный на русском языке в 2014 году (ИПО "У Никитских ворот") и на той же приснопамятной конференции презентованный. Прекрасные переводы В. Середина, Л. Вышеславского, Л. Смирнова, Н. Котенко, Н. Ушакова, В. Крикуненко, Е. Нефёдова и других...

Буквы автографа – ещё твёрдые, хоть и двоящиеся – садилось у него зрение, слабела столько написавшая рука...

*И он придёт с печалью мировую,
Момент, когда в края, где вечны сны,
В конце концов, уйдёт Последний воин
Великой и священной той войны...*

Сын солдата той войны сам был солдатом. В войне ещё более, может, тяжелой – духовной. Войне за Правду. В которой и мы обязаны победить. И победим!..

30 апреля 2017 года Борис Ильич Олейник скончался.

Мне сообщил это сын из Киева, и я заплакал.

Да-да, в большинстве календарных случаев на годовщину его ухода будет звучать: "Христос Воскресе! – Воистину Воскресе!", 40 дней после Пасхи. Как всегда звучит на его любимый праздник – День Победы.

...В очередной мой отъезд в Первопрестольную Борис Ильич вынул пять двухсотгривневых бумажек, тогда ещё что-то значивших, и вручил: "На, Сашко... Оце – зібрана тобі громадою тисяча... На дорогу".

Больше мы не виделись. И на земле уже не увидимся. От меня ему передали в Киеве белую розу...

"Громада", "мы", "род", "народ", "Родина" были для него святыми словами, твёрдым веществом, а не колебанием воздуха или печатными знаками. Вряд ли кто после него скажет столь мощное "мы" от столь мощного "я"...

Борис Ильич, остаюсь должником... Буду отрабатывать здесь... На нашей святорусской земле – сколько судит Бог.

Но между нами, как говорят зодчие, – "безбарьерное пространство". Между нами всеми: отцами и детьми, предками и потомками, от казаков-неотяг, селян-гречкосеев до ветеранов, учителей, поэтов, рабочего всего люда; между родными русскими, украинцами, белорусами, сербами... *Людьми.*

Это пространство – бытие в Слове.

Низкий поклон Вам и вечная память! Благодарю за всё Вас.

Поэт и Человек... Учитель, чья целая жизнь – урок.

“ВСЁ НЕ ТАК, РЕБЯТА...”

Письма писателей

“Российский писатель” не является официальным сайтом СПР – это частная собственность Николая Дорошенко. Нашей организации принадлежит лишь маленькая новостная колонка “В Союзе писателей России”, – заявил председатель правления СПР Николай Иванов на встрече с представителями новой, “непризнанной” писательской организации Оренбуржья, состоящей, что удивительно, из ядра, фактической основы прежней известной и мощной организации писателей области.

И что же выходит: на своём сугубо личном сайте Дорошенко самовольно выражает якобы мнение всего правления Союза писателей России?.. А согласятся ли многие секретари с его сомнительным “мнением”?

Пётр Краснов, Диана Кан, Наталья Кожевникова, Павел Рыков, Александр Филиппов, Валерий Кузнецов, Владимир Петров и другие известные оренбургские писатели, давние члены СПР, пригласили главу большого Союза для беседы в областной Дом литераторов имени С. Т. Аксакова – коллегам было важно получить разъяснения о дальнейшей судьбе их творческого объединения. Пригласили, не надеясь на успех, потому что буквально за день до встречи были расставлены все точки над “i”: Николай Иванов принял участие в общем собрании Оренбургской региональной писательской организации Союза писателей России, где объявил, не вдаваясь в детали, что в каждом крае или области должна быть только одна региональная организация СПР. Сказал – как отрезал, словно выстрелил в упор в оренбургскую литературу. “Признание” признанных авторов не состоялось, на их место ускоренными темпами уже пришло большое количество авторов начинающих, но получивших точно такие же красные корочки. Взамен высоким руководителем было обещано прислать некую ссылку на запретительное постановление о создании двух и более организаций в одном регионе от министерства юстиции. Мол, всё, что могу...

Раскол прежде монолитного регионального СПР на легитимную и нелегитимную части – чёрный день в истории писательского сообщества Оренбургской области. Писатели, прославившие свой край, оказались ненужными ни местным союзным функционерам, ни, как оказалось, московским. Потоки заказной грязи со страниц “неофициального”, по словам руководителя, сайта СПР льются на головы моих коллег, пишутся многочисленные клеузы, жалобы, подмётные письма, возбуждаются иски, инициированные свежее испечённым председателем “легитимной”, по решению того же Иванова, организации. Два с лишним года продолжается разнузданная травля пятнадцати писателей, осмелившихся сказать “нет” произволу и групповщине в рядах своей некогда единой региональной организации. Что же ставят им в вину, чем они так насолили нынешнему руководству Союза? О конфликте внутри Оренбургской областной общественной писательской организации было известно давно. В 2016 году в газете “День литературы” вышла статья Александра Филиппова “Для объединения пришлось... размежеваться”, где подробно изложены причины создания нового творческого объединения в Оренбуржье. Никто не мешал руководству СП России именно тогда приехать в Оренбург и на месте разобраться в сложной ситуации, выслушать обе стороны, найти компромисс, не дать целому расколоться на две части. Секретарь правления Пётр Краснов и главный редактор альманаха “Гостиный Двор” Наталья Кожевникова писали и звонили в Москву, ставили руководство в известность о происходящем, искали выход из непростой ситуации. Но всё тщетно: молчание было им ответом, в то время и. о. председателя Николай Иванов не нашёл ни времени, ни сил, ни желания устранить эту наболевшую проблему.

А вот “Дорошенко & К^о” сочли появление новой организации личным оскорблением, определили врагов, взяли прицел и стали стрелять залпами из всех кривых стволов “Российского писателя”, так и не потрудившись дойти до сути возникшего разлада, сделав нужные им выводы. Фантазии Дорошенко можно только позавидовать, процитирую: “. . . у оренбургской власти уже создано в виде красновской организации нечто подобное прагматичной по отмыву бюджетных денег”. Смелое утверждение не мальчика, но мужа. Правда, совершенно безосновательное. Интересно, хватит ли у Дорошенко мужества и совести принести оренбуржцам извинения, если глава организации Наталья Кожевникова предоставит сайтодержцу выписку со счёта организации за всё время её недолгого существования и докажет, что ни копейки бюджетных там нет и не было? В устах Дорошенко обвинение во вступлении “новой” организации, состоящей из членов СПР, в ассоциацию с региональной организацией СПР было самым главным и страшным. Но ранее на своём личном сайте он пафосно изрекал: “. . . даже и Союз писателей России объединялся в ассоциацию с СПР, чтобы вместе пробить Закон о творческих союзах”. Значит, Уставом СПР подобные ассоциации не запрещены. Спасибо за информацию, Николай Иванович, тем более что наша ассоциация юридически никак не оформлена, а представляет собой обыкновенный договор, подразумевающий проведение совместных литературных мероприятий, и только. Каждый из нас остаётся в своём союзе, но мы вместе проводим Международный фестиваль содружества национальных литератур “Красная гора”, Всероссийский семинар для молодых авторов “Мы выросли в России” и осуществляем массу других нужных и объединяющих наше разобщённое общество писательских проектов. Если быть точным, два наших крупнейших форума за пять лет проведения посетили девятнадцать почётных гостей из СПР и десять гостей из СРП. Примерно такое же соотношение авторов, публикуемых в литературном журнале “Гостиный Двор”, в адрес которого разместил Дорошенко на “Российском писателе” поносную статью “Проходной двор” с откровенными нападениями на журнал и его главного редактора Наталью Кожевникову, более десяти лет проработавшую на этом посту. Да, прав был Николай Иванов, заявляя о непричастности СП России к пресловутому сайту Дорошенко “Российский писатель”. Не мог бы СП России так резко поменять отношение к столь уважаемому изданию, где печатались и печатаются такие известные поэты и прозаики, как Владимир Костров, Нина Ягодинцева, Сергей Куняев, Анатолий Аврутин, Марина Саввиных, Камиль Зиганшин, Александр Кердан, Арсен Титов и многие другие. Вот выдержки из поздравительной телеграммы правления Союза писателей России, посвящённой двадцатилетию “Гостиного Двора” и подписанной Валерием Ганичевым и Геннадием Ивановым:

“Уважаемая Наталья Юрьевна, дорогие коллеги и друзья!

“Гостиный Двор” все эти годы являлся авторитетнейшим духовным, культурно-просветительским и нравственно-охранительным центром пограничья Русского мира.

Дай Бог вам сил, здоровья, веры, надежды, любви и желания работать на благо русской культуры и литературы!”

Сравните с выдержками из росписательской статейки:

“Н. Ю. Кожевникова засиделась в редакторах и стала наводить свои порядки. . .”

“Замалчивались многие оренбургские авторы, в том числе молодые, несмотря на то, что они отправляли материалы главному редактору альманаха. . .”

“Упал и общий уровень публикуемых материалов. . .”

Кто и где это сказал, тем более – доказал? Сам перечень его авторов однозначно опровергает это! Согласитесь, бред какой-то, как будто возраст литератора влияет на качество его рукописи. Но именно литературное качество является главным критерием для публикации в “Гостином Дворе”, и если не хватает этого качества явно, то что же делать главному редактору? Превратить журнал в отстойник графомании?..

Жаль, но приходится признать очевидный факт – политика сайта “РП” крайне однобока, да и сам он весьма странный, мягко говоря, приветствующий прикормленную клаку. Попробуй только написать что-то вразрез с мнением Дорошенко – тут же набегут и закусуют. На “Русском писателе” происходит самый настоящий круговорот “жертв”. Сегодня травят одного, завтра – другого, а через некоторое время возвращаются к первому. Пикселей для охаивания хватает с излишком. Сейчас по новой продолжается травля Светланы Замлеловой. А наибольшее возмущение вызывают заведённые Дорошенко анонимные комментарии на сайте, позволяющие всяким недобросовестным авторам и заведомым клеветникам сводить свои личные грязные счёты и разносить сплетни “под опущенным забралом”, как выразился однажды М. А. Шолохов о любителях псевдонимов. Худшего, чем эта анонимная “помойка”, нельзя придумать, чтобы ссорить и стравливать писателей, рушить и без того проблемное единство писательских рядов. И Дорошенко, надо сказать, намеренно и довольно изощрённо дирижирует этой скандальной сварой. . . Если хочешь выразить своё – говори под своим именем, а не бесчинствуй на земле, обратив очи к небу! Получается прямо по Высоцкому: “И ни церковь, ни кабак – ничего не свято!”

Николай Дорошенко не дал высказаться – опубликовать оренбургским писателям свой, лишённый вранья и предвзятости материал. Получается, ему абсолютно безразлична судьба сотоварищей по Союзу – известных всей России оренбургских писателей. Он только разжигает костёр лжи, щедро поливая бензином потухшие поленья, а потом отходит в сторону и прячет руки за спину, показывая, как ловко могут карать литературные функционеры за инакомыслие. Дорошенко позволил на своём сайте писать клеветнические измышления про Петра Краснова – выдающегося русского прозаика, чей правдивейший, глубочайший и трагичный до боли роман “Заполье” лично я считаю шедевром.

Пётр Краснов обратился к председателю без предисловий: “Я знаю, что Вы приехали к нам не разбираться в ситуации, не мирить противоборствующие стороны. . .” А жаль, Николай Фёдорович, это бы и должно быть главной целью Вашего приезда в Оренбург. Я понял, светский Ваш визит связан был только с церемонией награждения почётной грамотой СП России прежнего председателя, допустившего раскол собственной организации, и поддержкой нового, публикующего на “неофициальном” сайте СП России “Русский писатель” всякие инсинуации про своих коллег. Неужели не показалось Вам заслуживающим внимания выступление на общем собрании “легитимной” организации писателя Юрия Мещанинова, сказавшего правду: “Молодые председатели замешаны во внутренних скандалах, из организации вышло около половины реально действующих, пишущих членов, и новым главой регионального отделения должен стать собиратель, а не разрушитель”. Нет, не стал. . .

Я всегда с большим уважением относился к коллегам – членам Союза писателей России. У меня много друзей в этой уважаемой организации, перечислить всех не хватит ни времени, ни места. Все они люди достойные, крепкие писатели и поэты, многими я горжусь, большинство служат для меня примером в жизни и творчестве. Мудрая статья Станислава Юрьевича Куняева “Съезд “победителей” пролила свет на тёмное закулисье писательского ремесла, показала на конкретных примерах жалкую возню завязанных интриганов. К счастью, потуги очернителей не имеют к истинной литературе никакого отношения. Зависть, алчность, неверие в свои силы, желание пробиться на вершину любой ценой двигают подобными людьми, вызывающими только брезгливость. Главный редактор “Нашего современника” смело взял за дрожание ушки, да и вытащил на солнышко писателей-ловчил и писателей-приспособленцев. Честь и хвала ему за это! Когда-то пел на всю страну Владимир Высоцкий:

*Нет, ребята, всё не так!
Всё не так, ребята...*

Есть повод и нашей пишущей братии серьёзно призадуматься над этими крылатыми строками.

Виталий МОЛЧАНОВ
г. Оренбург

НИ ОТ ОДНОГО СВОЕГО СЛОВА НЕ ОТКАЖУСЬ!

Доброго здоровья, уважаемый Станислав Юрьевич!

Полной неожиданностью для меня стало поминание меня, грешного, в Вашей страстной, как всегда, статье “Съезд “победителей”, которую я обнаружил на сайте журнала “Наш современник” (сами номера журналов доходят до нас с запозданием).

Честно признаюсь, прочитал и несколько растерялся, а затем и призадумался.

Лучше мне было бы, наверное, промолчать в этой ситуации, подождать, чем всё закончится и обернётся. Однако если бы я всегда поступал по принципу “как лучше”, то и жизнь бы совсем другую прожил. Потому считаю необходимым и самому кое-что сказать.

Во-первых, своего товарища по жизни и литературе Светлану Сырневу я не уполномочивал “заступаться” за меня. Мне жаль, что какие-то мои бытовые сетования в дружеском разговоре Светлана Анатольевна сочла возможным предьявлять кому-то в качестве упрёка и даже некоего обвинения.

“Один из лучших поэтов Вятки Валерий Фокин несколько лет назад в результате несчастного случая стал инвалидом и с трудом передвигается. Живёт на одну пенсию и на то, что его жена летом вырастит в огороде. Тоже автор “Нашего современника”. Как вы уже догадались, от Литфонда он не дождался ничего”.

И впрямь — “не дождался”. Потому, что и не ждал. И не просил. И не принял бы никакие деньги. Так как не приучен свои проблемы перекладывать на других и что-то выпрашивать, поскольку, пока в силе (пусть и убывающей) и разуме, способен прокормиться сам.

Есть те, кому гораздо труднее, кому помощь действительно жизненно необходима. Как было в случае с моим сокурсником по кузнецовскому семинару ВЛК Игорем Тюленевым, которому выделенные на операцию средства помогли сохранить и продлить жизнь, о чём сам он мне рассказал.

Во-вторых, писательские войны между своими я ни понять, ни принять не могу. Но понять, что такое предательство, мне несколько легче даже в вятской глубинке. Ведь я и сам испытал нечто подобное:

*И уж совсем мне пакостно и туго,
Когда товарищ лупит наповал.
Когда-то я держал его за друга,
Да вот, похоже, сам не удержал.*

“Против кого дружим?!” Эта затасканная шуточка, похоже, и стала главным объединительным фактором для многих делегатов съезда. Другое дело, насколько подобный подход плодотворен и способен решить действительно серьёзные проблемы писательского союза.

Не собираясь из своего далёка вдаваться во все эти разборки и подставы, скажу лишь о Вас, Станислав Юрьевич, в силу принципиальности позиции и неугомонности боевого характера снова оказавшегося на линии огня.

Вы — человек-эпоха. Нет сейчас другого активно действующего писателя, который видел бы и знал столько и стольких, будучи отнюдь не сторонним наблюдателем. Когда я молодым начинающим поэтом приезжал в столицу в советские ещё годы, мне не чуждые литературному кругу общения московские знакомые наперебой сообщали: “Куняев в ЦК смелое письмо написал”, “Стас на собрании дерзко выступил”, “а Куняев-то им врзал”. И в стихах Ваших находил я то, чего порой так не хватало тогдашней поэзии да и жизни: прямоту суждений и искренность чувств. Счастливыми днями для меня стали “Дни “Нашего современника” в Кировской области” в 1997 году, когда я был не просто ответственным за их организацию и проведение, но и испытал великую радость общения с Валентином Григорьевичем Распутиным, с моим пожизненным учителем Юрием Поликарповичем Кузнецовым, с Вами. Впрочем, о своём неизменном отношении к Вам и к Вашему, ставшему и моим журналу я сказал в напечатанных в нём поздравлениях с юбилеями. Ни от одного своего слова не откажусь! Пусть кто-то ядовито съязвит над “дедкой из провинции”, но журнал писателей России “Наш современник” мне ближе и дороже

самого Союза писателей. Я сроднился со своим журналом от первых моих подборок, подготовленных в печать заведующим отделом поэзии Юрием Поликарповичем Кузнецовым, до выходящих периодически уже после его смерти при Вашем добром участии. Я не рвусь “широко публиковаться”. Да и зачем, если “Наш современник” удостоил меня чести быть его постоянным автором. Не уверен, достоин ли я стать членом общественного совета любимого журнала, о чём Вы сказали в запале полемики. В любом случае, при любом Вашем решении моё отношение к Вам и к “Нашему современнику” не повернётся, как в приводимых в статье “Съезд “победителей” примерах, на 180 градусов, а останется прежним на все времена вне зависимости от конъюнктуры.

Далее: о доверии. Знаю, с кем Вы искали пути выхода из “ганичевского тупика”. С моими вятскими земляками. С Альбертом Анатольевичем Лихановым – моим литературным крёстным, с лёгкой руки которого началась моя писательская судьба. С Владимиром Николаевичем Крупинным – давним моим старшим товарищем, навестившим меня уже после съезда и честно прокомментировавшим эту эпопею. Вы трое – классики современной русской литературы. И моё доверие к вам выше всего потока или, скорее, девятого вала словоизвержений, отчасти процитированных в статье “Съезд “победителей”.

И последнее. Для некоторых писателей российской глубинки Союз писателей – почти абстрактное понятие, “виртуальная реальность”. Реальностью для меня, как и для других моих (и не только моих) земляков-коллег по литературному процессу за последние полтора десятка лет стала Ассоциация писателей Урала. Вот образец самой настоящей практической и работы с писателями, и заботы о писателях! Скажут: так АСПУр ведь при СП России. На мой взгляд, бурная и, главное, плодотворная деятельность Ассоциации и её лидера и руководителя Александра Борисовича Кердана больше вызывала плохо скрываемую ревность и зависть, чем конкретную поддержку руководства ганичевского союза. Сам же “большой Союз” слишком велик, чтоб опускаться до повседневных реалий рядовых членов. Вы, Станислав Юрьевич, сказали о “скромных гонорах”. Спасибо – я их действительно получал. Пока работал. А став после речной аварии инвалидом и неработающим пенсионером, уже получать не могу под угрозой остаться без индексации пенсии. Эта финансовая альтернатива – вилы для подавляющего большинства “союзных” пенсионеров. Я направил в адрес съезда письмо, которое было передано в секретариат. Позвольте, ввиду жизненной важности, привести его здесь.

“ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО-ПРЕДЛОЖЕНИЕ XV съезду писателей

Уважаемые коллеги – делегаты съезда.

Понимаю, что вы заняты решением основополагающих вопросов жизнедеятельности нашего Союза, и желаю успеха в этом. Но в российской глубинке перед многими писателями, особенно – пенсионерами, остро стоят не только проблемы творчества, но и вопросы элементарного выживания.

Вы по себе знаете, что творческий труд писателя – это не работа за зарплату, а жизненная потребность, сама жизнь. Потому, если съезд согласится, то просил бы после юридической корректировки обратиться от его имени в законодательные инстанции со следующей законотворческой инициативой:

“Пенсионеров-членов Союза писателей России, получающих скромные гонорары за эпизодические публикации своих произведений в периодических изданиях, не считать работающими пенсионерами и не приостанавливать им индексацию пенсий”.

Надежды, конечно, мало. Но мне всё же кажется, что попробовать стоит. Спасибо за то, что выслушали.

Валерий Фокин,
член Союза писателей СССР (России) с 1988 года,
город Киров (Вятка)”.

Со “спасибо” я поторопился. Не выслушали. Съезд бился за победу. Не отвлекаясь на пустяки...

Уж извините, но не мог не высказаться по поводу касающихся лично меня моментов Вашей статьи “Съезд “победителей”.

А закончу тем, с чего начал.

Доброго здравия, уважаемый Станислав Юрьевич!

И мои самые добрые пожелания всему коллективу редакции “Нашего современника”!

Валерий ФОКИН
г. Киров

НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ!

Недавно состоялся XV съезд Союза писателей России, на котором был избран новый председатель правления – Николай Фёдорович Иванов. Предвыборная атмосфера, судя по сообщениям в прессе, накалилась до предела из-за того, что на предварительном этапе на этот пост решил было баллотироваться также С. Ю. Куняев. И что тут началось!..

Даже мне, человеку, в общем-то, стороннему, становилось не по себе от того, как заинтересованные лица принялись “дружно со всех сторон” прессовать уважаемого писателя. В ход пошли и невыгодные сведения о здоровье (слаб зрением), и преклонный возраст, и доносы соглядатаев: якобы часто отсутствует на работе. Как будто бы главный редактор должен нести функции администратора гостиницы и ни на минуту из неё не отлучаться. “Оппоненты” договорились до того, что-де “он с сыночком” чуть ли не путём рейдерского захвата завладел журналом “Наш современник”. Как будто “сыночка” Куняев-старший вытащил из какого-то провального бизнеса и пристроил возле себя, только чтобы не бедствовал он без живой копейки.

Позвольте, но ведь Сергей Куняев – состоявшийся критик и литературовед. И это великое счастье для каждого отца – воспитать себе, говоря словами Пушкина, “товарища трудов”, чтобы вместе дружно тянуть свой плуг на бескрайней ниве отечественной словесности. Тут надо бы по-хорошему, светло завидовать и радоваться, что такое редкостное исключение имеет в нашей жизни, где со времён Тургенева отцы и дети всё никак не сладятся идти в одной борозде. Но нет! Радости “оппонентов” мы не увидели, зато явственно услышали зубовное клацанье.

Зная путь Станислава Юрьевича в литературе, его мужественные поступки в сражениях за Русский мир, прямоту и принципиальность его критических оценок, нетрудно предположить, что он нажил себе как немало врагов, так и зачатых друзей. Даже Владимир Личутин не постеснялся как-то публично бросить свой камень в того, с кем его ещё недавно связывала тесная личная и творческая дружба. А суть разлада, думается, была лишь в том, о чём писал ещё Генрих Гейне: “Но если моих не похвалишь стихов, – // Запомни: развод неминуем”. В случае с Личутиным, видимо, Станислав Юрьевич позволил себе неосторожность не похвалить роман писателя, который мучительно долго рождался на свет и принёс немало тревог редакции журнала – она взялась на свою голову его публиковать, когда автор был ещё в родовых потугах.

Колючие и дурно пахнущие ошмётки надуманных обвинений, свалившиеся на голову Станислава Юрьевича, можно было бы ему отгрести в сторону одним волевым решением: “Наплевать и забыть”. И продолжать спокойно работать дальше. Но, похоже, в том-то всё и дело, что угроза нависла над самим детищем Ст. Куняева, которое он растит и лелеет вот уже три десятка лет на посту главного редактора. Нельзя не поражаться тому, как ему удавалось до сих пор сохранить журнал в условиях полного отсутствия государственной финансовой поддержки.

Прекрасный девиз – “Делать литературу чистыми руками!” Однако – как? Можно, конечно, и верблюду вытянуться в ниточку и пролезть в игольное ушко, но только выпростается он из этого трагического узкого промежутка уплощённым, похожим на рептилию, а не на самого себя, каким изваял его природа. И все ахнут: “Вот гад!”

И разве не заахали? В прессе появились разоблачительные сообщения о каких-то нечистоплотных делах “тандема Куняев-Переверзин”, которыми ныне якобы занимается Следственный комитет. Но ведь вердикт-то ещё не вынесен, а уже заключение готово: виновны! Одно уже это свидетельствует о тенденциозности поборников “истины”. Нам публично говорят: Переверзин положил большую зарплату Куняеву. Но спросите-ка, сколько получает псевдоакадемик, стяжавший своё высокое научное звание за липовую диссертацию и хорошую мзду? Уверена, его ежемесячный оклад не меньше ста тысяч рублей. Почему же у человека, положившего всю большую жизнь без остатка, весь свой талант, все силы ума и души на любимое дело и так много сделавшего для литературы, для общества, для страны в целом, не должно быть хотя бы кратковременного материального благополучия? К тому же у него семья, близкие, возможно, не очень-то устроенные, нуждающиеся в помощи... Если, конечно, следовать логике булгаковского Шарикова, чтобы соблюсти социальную справедливость, надо только “взять всё и поделить”. Но и при этом условии останется открытым вопрос: как, на какие шиши содержать журнал? Уверена, со своим несостоявшимся председательством Станислав Юрьевич связывал положительное решение этой болезненной проблемы. И что теперь?..

“А тебе-то что за дело?” – могут спросить меня. Попробую разъяснить.

Когда-то Ломоносов произнёс пророческие слова: “Могущество России будет прирастать Сибирью”. Уместно провести параллель: точно так же и богатство отечественной художественной литературы всегда прирастало, прирастает и будет прирастать за счёт тех творческих сил, которые, подобно корню женьшеня, зреют в глубинах пространств нашей великой матушки-России. Если, конечно, для этого будут созданы соответствующие условия. Одно из них заключается в том, что писателю, живущему и работающему на периферии, вдалеке от столицы, нет иного выхода из безвестности, кроме как путём публикаций в столичных журналах. Вспомним, к примеру, с чего началось восхождение на литературный небосклон звезды Николая Рубцова? С того, что поэт был замечен журналом “Знамя”, где в то время заведовал отделом поэзии Ст. Куняев. Не перечислить всех имён прозаиков и поэтов, которых “вывел в люди” “Наш современник” за те десятилетия, когда у его штурвала стоял и стоит поныне, к нашему счастью, этот великий труженик. Его журнал – единственная надежда периферийного писателя обозначаться в литературе.

Попробуйте-ка предложить для публикации своё произведение какому-либо другому периодическому изданию. В первую очередь, вы наткнётесь на такое вот предупреждение: “Редакция в переписку с авторами не вступает, рукописи не возвращаются”. А если это и не напечатано в журнале, то сам принцип действует на деле: ответом на ваше обращение будет глухое молчание. При таком подходе хоть новый гений пояись – никто его не заметит. Между тем “Наш современник” взял за основу в своей работе принципиально иной характер взаимоотношений с авторами и читателями. Вот что значит на обороте титульного листа журнала: “Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается...” И это, поверьте, не обманчивая самореклама. Рубрики “Слово читателя”, “Письма читателей” регулярно появляются на страницах журнала.

Благодаря такой тесной связи с читателями, братскому отношению к авторам, журнал не только держит руку на пульсе времени, но и стимулирует писателя в его творческом росте.

Я знаю, как дорожат мои собратья по перу уже самим фактом публикации в “Нашем современном”. Каждая из них, даже незначительная по объёму, расценивается как творческая удача автора. И равносильно признанию – войти в число постоянных авторов журнала, преемника традиций “Современника” Пушкина и Некрасова. А знаете, почему? Потому что у этого журнала читатель, о котором мечтал ещё Салтыков-Щедрин в своих “Пёстрых письмах”. Тот, который не “шмыгнёт в подворотню, когда для писателя наступит трудная минута”, потому что он соавтор-сопереживатель, сподвижник писателя, всегда готовый вступить с ним в диалог и разделить его радости, волнения и тревоги. Как садовник растит прекрасную розу, так и “Наш современник” годами, десятилетиями ведёт системную кропотливую работу, отыскивая и ведя затем за собой своего друга-читателя. Есть такие подписчики, которые признаются, что хранят в домашней библиотеке все книжки журнала за многие годы его выхода в свет. Это вам, друзья, не сетевое издание, которое

каждый раз разочаровывает тебя своей эфемерностью: выключил гаджет – и всё исчезло, как не бывало. Такому призрачному явлению не скажешь по-пушкински на пороге вечности: “Прощайте, книги, друзья мои”. Мираж, да и только! И тебе, провинциальному писателю, одичавшему от трагического одиночества, хочется крикнуть в поисках вымечтанного читателя наподобие есенинского Хлопуши, жаждущего увидеть Пугачёва: “Проведите, проведите меня к нему! Я хочу видеть этого человека!”

Вот почему, не будучи собирательницей автографов, я храню как дорогие сердцу реликвии книги Ст. Куняева – с его надписями и без них, ответы на обращения, написанные не бесстрастной холодной машиной, но тёплой человеческой рукой. Они желанны даже вот такие, казалось бы, малопривятные для авторского самолюбия: “Стихи Ваши прочитал... Очень они уж “расхристанные...” Скажите, какой ещё главред станет перебирать вирши безвестного автора, формируя из них подборку, органичную по мелодике, движению мысли? Только он, наш дорогой и уважаемый Станислав Юрьевич! Одновременно вспыльчивый, непокладистый, даже деспотичный и – отходчивый, великодушный, как всякий истинно русский человек. Главное – не равнодушный. Ему и поперечить, если что, можно в том же духе – поймёт, простит, не припомнит. И отбирает он для печати стихи такие, что с удивлением заключаешь: под колыгрой патриота и воина в “Нашем современнике” бьётся исполненное тонких лирических чувств сердце *витязя в тигровой шкуре*.

Разговор я веду к тому, что без “Нашего современника” будет плохо не только нам, провинциальным писателям, но и всей современной литературе. Она лишится притока новых талантов, открывать которые есть особый дар у таких редкостных личностей, каковым является Станислав Юрьевич Куняев, прозаик, поэт, публицист, критик, литературовед, мыслитель и общественный деятель, Человек и Гражданин – подлинно наше национальное достояние, каковое мы, к сожалению, не бережём.

Вместо того чтобы *выискивать пятна на солнце*, кричать в панике о том, что-де Куняев решил захватить какие-то там апартаменты на Комсомольском проспекте, будет гораздо лучше для всех, для литературного дела в целом, если правление задумается, как помочь “Нашему современнику”, дабы сотрудники редакции не мёрзли в неотапливаемых помещениях в зимние холода, не делили между собой последние гроши из пустой кассы журнала, не думали о том, чем и как они будут пробавляться со своими семьями. А оставались бы их многодумные головы заняты только творческими проблемами. Вот это было бы истинно по-христиански, по-братски, по-писательски соборно, а не по-обывательски мерзко, жестоко и эгоистично.

...В каком, однако, аду Вам приходится работать! Невероятно, как Вам это удаётся. Позвольте, дорогой Станислав Юрьевич, выразить Вам искреннее сочувствие и пожелание устоять в неравном бою за журнал, за его будущность. Дай Бог Вам и на сей раз загасить, затоптать то адское пламя, которое грозит истребить на корню созданное Вами и Вашими соратниками многолетними трудами. Пусть Вам прибавит сил и уверенности в Вашей борьбе осознание того, что за Вами, за журналом стоят тысячи его читателей, не говоря уж об авторах.

БУДЬТЕ ЗДОРОВЫ! Пусть отравленные ядом стрелы врагов отлетают от Вас, как от забронзовевшего мамонта, а сама “бронзовость” не коснётся Вашей братски открытой людям широкой и простосердечной русской души.

Читателям же и авторам журнала я хочу сказать вот что. У каждого из нас есть возможность уже сейчас, не дожидаясь клича о помощи, оказать посильную поддержку журналу. Для этого достаточно только подписаться на него. Лично я это уже сделала.

А самому главному редактору, который недавно переступил 85-летний рубеж, хочу пожелать последовать примеру учёного-медика, академика Фёдора Углова, успешно осуществившего сложную операцию в свой 100-летний юбилей. Вот на этой же возрастной отметке пусть и он, Станислав Юрьевич, мудрый и многоопытный старейшина литературного сообщества писателей России, подпишет в печать юбилейный для него номер “Нашего современника”. Да будет так!

С глубочайшим уважением – ЕЛЕНА ИВАНОВА
член Союза писателей СССР (ныне России) с 1977 года.
г. Ставрополь

ПИСАТЕЛИ РФ ИЩУТ ЛИ ИСТИНУ?

Взгляд рядового гражданина России.

В журнале *“Наш современник” № 3 за 2018 год* опубликована статья **Станислава Куняева “Съезд “победителей”** – о 15-м съезде Союза писателей России, состоявшемся 15 февраля 2018 года.

О подготовке к съезду я ничего не слышал, не читал, поэтому информация и оценки раздрая между писателями, не удивив уже, поразили меня. Возникло желание, нужда оценить битвы писателей и ещё разок поразмышлять о смысле Бытия.

Я уже давненько, со времён горбачёвщины, тем более ельцинизма, пришёл к выводу, что живу я уже в *безумном, безумном мире*. Сведения о мире доходят до меня, чую, весьма ограниченные (более о войнах, преступлениях...), противоречивые, а то и лживые, поэтому успокаиваю себя: возможно, не всё в мире так уж и плохо. Но, но, но... Признаки безумия (жестокости дерзости одних и равнодушия многих, и опасной увлечённости талантливых), увы, я замечаю в конкретных поступках окружающих меня людей и явлениях реальности. Широчайший размах нелепой и опасной рекламы, её засилье с негласного позволения власти – явный признак безумия. Не замечать бы неприятные мелочи бытия, но отрезвляют серьёзные весьма, и весьма похожие на правду оценки опасного состояния мира статьи-исследования в журнале *“Наш современник”* таких авторов, как **Елена Ларина, Владимир Овчинский, Андрей Фурсов, Александр Севастьянов** и других, неравнодушных к Бытию народов авторов – не знаю, члены ли они Союза писателей России и опускались ли до битв на съезде.

Попробую понять и изложить суть происходивших перед и на съезде событий – информации в статье Куняева (за и против него) предостаточно. В верности выбора (надёргивания) цитат из разных источников и разных авторов Куняевым я не сомневаюсь, хотя их переизбыток я явно ощущаю (45 с. – с 242-й по 286-ю.). Мелькнула и такая мысль: не есть ли это – “после драки махать кулаками”?! Нет, надо, ибо такие явления, как перед 15-м съездом, – явления, увы, не только сегодняшнего дня, но и дня будущего. Речь-то идёт о сути писателя – человека и специалиста в области (сфере!) литературы. Надо бы враждующим лицам ощущать, что писатель – в чём-то, хотя и по-разному, – учитель простонародья. А получается, что у “писателей” страсти так “высоко” заскакивают... Рядовой честный труженик, пожалуй, нравственнее их!

Я не собираюсь “обожествлять” Станислава Юрьевича. Я написал ему с десяток писем о своём непонимании и даже несогласии с его взглядами, но я всегда подчёркивал, что **в основном с его принципами и поступками я согласен** – и это главное в его оценке как активного просвещённого общественного деятеля, нравственного в своих делах, в творчестве и поступках, да, не без орехов. Я хорошо запомнил его сурово-правдивую самооценку: **“Я – русский человек со всеми своими достоинствами и изъянами”**. Осознаю, далеко не каждый писатель захочет сказать о себе такую правду, не игру в правду.

Начну цитировать высказывания Куняева (Ст. К.), его противников, его вчерашних друзей – теперь, похоже, настоящих недоброжелателей. Зачем?! Надо ещё раз мне ознакомить моих друзей-товарищей с состоянием писательской организации, ибо они не читают “НС”. И надо – для сведения Ст. К., в его поддержку.

“22 декабря 2017 года и. о. председателя правления Союза писателей России Николай Иванов опубликовал в Фейсбуке следующую запись: “С 1991 года у Союза писателей России нет никакой собственности. Собственность осталась в Международном литфонде и Литфонде России, которые стали самостоятельными юрлицами, не имеющими к союзу никакого отношения...”

“...на самом деле идёт рейдерский захват этой самой писательской собственности, организованный рядом высокопоставленных чиновников...”

“Так, вместо того чтобы сплотить усилия <для защиты> от посягательства чиновников на писательскую собственность, в наших рядах нашлись враги Литфонда, которые помогли судам отобрать её у писателей,

владевших ею аж с середины 30-х годов. Это стало вторым поражением писателей после 90-х годов, когда мы потеряли Дома творчества, поликлинику, пионерлагеря, издательства. Только не списывайте всё это на Переверзина, приехавшего в Москву в 2000 году, когда этот грабёж был уже закончен”.

Как понять и оценить это противостояние – вражду разных рядов писателей, не имея достоверной информации о достоинствах и пороках участников битвы? Лучше бы не соваться с догадками, но... вопрос-то принципиальный, из ряда: **как и зачем жить?** И не только писателям, и даже поэтам. К тому же, похоже, и не нужны подробности – вывод очевиден: **неудачники в творчестве и хозяйственной деятельности атакуют и побеждают более талантливых** – таково теперь состояние политики и культуры. Я не в восторге от того, что писатели занимаются хозяйственной деятельностью; а впрочем, почему бы и нет: и тут они обретают верный естественный жизненный опыт, если не забывают о важности мирского труда, о соблюдении нравственности, ответственности и Долга гражданина.

Неоднозначность понятий нравственности, ответственности и Долга гражданина ярко эмоционально проявилась у женщин-поэтесс по отношению к вчерашнему **“Другу, Учителю, любимому Станиславу Юрьевичу”**. Несколькo цитат хотя бы из трёх поэтесс – амазонок, способных привычно стрелять словами.

Из писем к 85-летнему юбилею Ст. К. 27 ноября 2017 года.

“Уважаемый, бесценный Станислав Юрьевич! ...Дорогому и навек любимому...

Вы – бесспорный лидер и властитель дум в деле укрепления национального самосознания русских людей. ...Великолепный организатор, опытный руководитель, ...Благодаря Вашим высоким деловым качествам и мудрой, взвешенной политике...

С уважением и любовью Светлана Сырнева г. Киров”.

“Дорогой Стас! Всё, что есть в моей литературной судьбе главного, это произошло благодаря тебе. Дорогой Учитель и Друг, спасибо за твой, избранный однажды, Русский путь, полный ухабов и звёзд, льда и солнца! За любовь к Русскому Слову и Русской поэзии и культуре... И несть конца моей благодарности. <...>

г. Сыктывкар. Надежда Мирошниченко”.

Всё север, север, а вот поздравление с юга:

“Ещё раз: Надежды, Веры, Добра Вам, Станислав Юрьевич! Неустанного Служения единственному, единому Отечеству! Многие лета!

С уважением, благодарностью, теплом – Людмила Владимирова (Одесса)”.

Те же поэтессы-деятели перед 15-м съездом писателей:

С. Сырнева с **“властителя дум”** перекинулась, якобы ради красоты и свободы, на **“русского офицера”**:

“В отечественной политике уже не осталось честных выборов: как правило, это борьба денежных мешков. А у нас – русский офицер против денежного мешка! Это впечатляет, это красиво. Союз писателей – последний бастион свободы”.

Н. Мирошниченко не стала отказываться своих высоких поэтических слов:

“7. 02. 18.

Станиславу Куняеву

Дорогой Друг и Учитель, не пачкай ты своего имени!..

Николаю Иванову

Дорогой Николай, ...Вся провинция – за тебя!..”

Поэтесса с юга, Л. Владимирова, возмутилась горячо-эмоционально и предупредила Ст. К. совсем по-божески, чем, пишет Ст. К., **“нанесла мне, может быть, самый тяжкий удар”**.

“Станислав Юрьевич, окститесь! Остановитесь! Не смейте руки поднимать на несомненно более важное, ценное, чем любые выгоды для себя лично! Ведь придёт ЧАС, ничем не оправдаетесь!..”

Много ещё процитировал Ст. Ю. Куняев оскорблений в свой адрес — не буду их пересказывать, и этих заметок, полагаю, достаточно, чтобы поразмышлять о принципах, идеалах и... нужде-выгоде якобы “писателей” нашего смутного времени.

О чём спорят-враждуют, какие пороки обнаружили и за какие принципы-идеалы борются?

Об этом можно и надо бы судить и читателям творчества пишущих книги, журналы и откровения в интернете. Впрочем, надо ли?! Книги перестали читать. До Союза писателей массам (да и интеллектуалам) нет никакого дела и от него — никакой пользы. Но всё же поразмышляю.

Итак, какова причина непримиримой реакции хотя бы только названных поэтов на желание **Ст. К.** стать председателем Союза писателей? Знают, понимают, что он — **“богато одарённый человек <...>”**, — и им бы тихонько шепнуть ему на ушко: **“Пожалей себя!”** Нет, что же, они только поэтически и выгодно льстили? Стиль их окриков слишком суров и неуместен: **“не пачкай ты своего имени!”**, **“Не смейте руки поднимать на...!”**

Для Председателя нужны разносторонние способности, но всё же, в первую очередь, талант писателя, его способность верно понимать нравственные потребности-идеалы народа, пропагандировать их и бороться за их торжество в мире. Ст. Куняев всё это умеет совмещать. Что, состарился и потерял здоровье и силы? Не без этого, но воли к борьбе за справедливый мир, чую, в нём ещё немало. Надо бы допустить его, пусть и на год — на два к руководству для перестройки Союза на новый боевой лад. Им бы, поэтам, помня свои восхваления, лично бы успокоить его самоуверенность-гордыню, а не мобилизовать его врагов и не плясать на его отвергнутой кандидатуре.

О Ст. Ю. Куняеве я уже не раз писал, не без критики. Теперь есть потребность обобщить написанное здесь о поэтах, критически.

“НС” № 10 за 2017 год. Поэзия. **Светлана Сырнева**. Название подборки стихов (на 7-ми страницах!): **“СОН ТЕЧЁТ ПО КОРНЯМ ДО СТВОЛА...”** — понимаю, что эта поэтическая фантазия не для моего ума. Переключаюсь на совсем прозаическое — **“В деревне”**. Тема актуальная, давно известная и... не решаемая, даже политиками. **С. С.** обозначила тему и... оставила её, естественно, без намёка на решение. Поэтический язык о трагической жизни народа похож на улыбку (со стороны) и даже на злой юмор, ёрничанье, на обвинение народа деревни в беспечности:

*Хорошо в деревне летом
выйти утром на балкон!*

(У кого есть балкон в деревне? У дачника или у пахаря?!)

.....
*Отчего ж ему не пить! ...
Отчего же не поспать! ...
Отчего же не украсть! ...
Отчего же им не хохотать! ...*

.....
*Но ласкает их природа,
светят звёзды без конца,
и беспечная свобода
наполняет их сердца.*

(Чьи — их сердца?!)

Словно брошенные дети

— и это о них, о взрослых тружениках, лишённых властью рынка надёжного труда на прокорм, вынужденных жить

На подножном на корму...

“НС” №12 за 2017 год. Поэзия. **Надежда Мирошниченко**. Название подборки стихов:

“ПОШЛИ СО МНОЙ: Я ЗНАЮ, ГДЕ РОССИЯ...”

Те же декларации, только более громкозвучные, укреплённые нелепой самоуверенностью и гордыней **Н. М.**

*Я им говорила...
Что мы растворимся...
В своём же народе, и он ничего не поймёт.
Молчите, славяне!..
Пришли россияне. И наши замкнулись уста.*

.....

Кому – “**им говорила**”? Собратьям по поэтическим страстям? Кто из народа “**ничего не поймёт**”? Понятно, что поэтесса даже и не догадывается о сложности глобальной проблемы смешения народов. Подсказать, хотя бы намекнуть, пусть и поэтическим языком: **что делать?!** Мало кивать на “**Вавилон, Кощея**” и надеяться на “**Лукоморье**” и на то, что “**поможет Конёк-Горбунок**”. И надежду на будущее угадать бы более определённо, смирив пустую гордыню:

*Молчи пока. Я знаю наизусть:
Там, где сейчас разломы и разливы,
Она жива — моя святая Русь.*

Гордыня **Н. М.** сквозит во всех приведённых в “НС” стихах (в цитатах выше и цитатах ниже):

*Проснись, народ! Мы проглядели счастье...
Знаете, что?.. Вы об этом со мною не спорьте...*

Как высокопарно!

Но и почувствовать, “**где — Россия**”? — непросто. У нас, в провинциальном Миассе, все первые этажи домов превратились в магазины и юрбюро, и места прочих услуг, нередко с иностранным названием и духом — Россия ли рядом?!

Догадываюсь, **Н. М.** побывала во многих городах ради вечеров литературы и поэзии; помню, побывала она в 80-е годы и в Миассе. Но, читая её высокопарные стихи, невольно спрашиваю себя: опускалась ли она до нужд народа России? Ходила ли она, хотя бы раз, на демонстрацию, а если ходила, то с кем: с Навальным или с “Единой Россией”? Поступок — весьма важное дополнение к косноязычному слову:

*Я сегодня поднимаюсь без печали
За любую из ошибок за плечами.
.....
Я сегодня поднимаюсь без печали
За уменье разговаривать стихами!*

Да, с таким спокойным жизнерадостно-беспечным настроением можно — не грех?! — и сплясать на печальном, со сплетнями и ложью, 15-м съезде писателей России.

Ещё раз заострю проблему: какова причина, по которой поэтессы (и прочие деятели) отвергли кандидатуру **Ст. К.** на пост председателя Союза?

Они говорят высоким слогом и понятиями, а живут по-мещански. Они не ищут истину и не пытаются жить хотя бы по известным принципам нравственности. Они легко подчиняются кризису — требованиям дикого рынка и... ищут выгоду. “**Богато одарённый человек**”, **Ст. К.** завтра уйдёт, а простоватый в литературе **Н. Ф. И.** будет править писателями: кто будет устраивать поэтические встречи и прочие услуги?! Решение очевидно. Но опять же — не слишком ли я строг и прямолинеен?! Ведь мир отбрасывает нравственность и ускоренно несётся к краху. Тут писатели, поэты — почти невинные дети! Взгляните на телевидение! Вот где взрыв самовыражения, чтобы быть востребованными! Ведущие серьёзных программ говорят — строчат как из пулемёта, так возбуждённо размахивают руками, головой, бровями — всё уже на пределе! И буквально топором вырубает то, что написано пером! Дизайнеры в заставках к программам взрывают мир, соединяют и опять разрушают его!.. Так что, простить “мелкие заблуждения” сторонников **Н. Ф. И.?**.. Пусть покаются — тогда и простить. Да, “**добро должно быть с кулаками**”,

а ещё лучше, если бы добро обладало мудрыми убежденностью, верой и силой притяжения. **Ст. К.** умеет держать удар, но лучше бы не было такой потребности...

Наивные мечтания!

Ни подготовка к съезду, ни сам съезд, ни даже Союз писателей России (как и другие союзы пишущих) меня не касаются, не определяют мои дела и поступки (идеологию), но всё же описанное Вами **состояние сословия пишущих личностей меня взволновало и вынудило опять написать Вам письмо.**

Считаю, что Вы верно поступали теперь, но... догадываюсь, Вашу справедливую и необходимую борьбу за жизнь Союза писателей Вам следовало бы начать более активно лет 15–20 назад.

Если сочтёте возможным и позволительным, перешлите это письмо трём поэтессам, которых я попытался понять.

А. В. УШКОВ
г. Миасс
Челябинской области

Здравствуйтесь, уважаемый Станислав Юрьевич!

Читаю мартовский номер “Нашего современника” и узнаю, во что превратился 15-й съезд писателей России. О том, что Вас не любят в Союзе писателей России, я услышала задолго до этого съезда от одной поэтессы, но не придала этому значения. И вот теперь, читая Ваш обзор “Съезда “победителей”, я вспомнила слова христианского подвижника: “Молчанием заградим уста клеветующих на нас”. Но и Вы правы: молчать нельзя!

Клевета нынче распространяется стремительно и повсеместно, а читатели “НС” должны знать правду, какой бы она ни была. Вспомним великого Пушкина: “Хвалу и клевету приемли равнодушно // И не оспаривай глупца”. Наш классик имел в виду реакцию читателей на свои произведения. Но когда грязная клевета коснулась его чести и чести его семьи, он сумел защитить эту честь на своей последней дуэли.

Станислав Юрьевич! Плюньте на своих обидчиков и забудьте о них. Читатели “Нашего современника” верили в их порядочность, а они растоптали эту веру. Читатели остаются с Вами, Станислав Юрьевич, и ждут свой любимый журнал.

Желаю Вам силы духа, бодрости и новых творческих достижений!

Валентина ОСТАНИНА
п. Таврический
Омской области

Поражён, обескуражен после прочтения “Съезда “победителей”... Целиком на стороне Станислава Куняева. Спасибо за очередной роман Проханова. Роман Переверзина отличный.

Многолетний подписчик из Кирова
Василий БИРЮКОВ

Своими заметками о 15-м съезде Союза писателей Вы, Станислав Юрьевич, словно палкой разворошили осиное гнездо... Интернет бурлит, словно после хорошей пачки дрожжей... “Ату его”, “крах Станислава Куняева!” Но как бы они ни старались убедить себя и других, что “голос Бестужева слаб теперь”, они просчитались... Стая шакалов не сравнится даже с одним мёртвым львом, а Вы, Станислав Юрьевич, живой лев, вы несгибаемы и полны сил...

Несмотря на свой солидный возраст, продолжаете держать в руках перо, остро наточенное, как штык. Благодаря вашим стараниям у нас сохранился Журнал “Наш современник”, сохранилась, пусть и частично, собственность Союза писателей СССР. Организована поддержка пожилых писателей.

На страницах журнала печатаются прекрасные материалы современных авторов, и ежегодная подписка – подтверждение эффективности вашего редакторского труда. Это единственный журнал в России, который активно сотрудничает с читателями и отвечает на их письма. Марина Шамсутдинова никогда не отречётся от Вас, чего бы мне за это отречение ни сулили... Я всегда с гордостью писала и пишу в своей автобиографии, что Вы были моим мастером в Литинституте, и как бы мы с Вами тогда ни спорили по молодости, всегда поддерживали в трудную минуту!

Теперь по существу. Я думаю, что современному капиталистическому рыночному обществу писатели в высочайшем значении этого слова не нужны. Деньги любят тишину, а всякие там творцы душ в своём провидческом порыве могут сделать неправильные выводы о сегодняшнем времени. Ведь журналистский текст живёт несколько дней и часто не стоит бумаги, на которой написан... А хороший литературный материал высекается в памяти на века, оставляет после себе неблагоприятную правду, которую потом тысячи толмачей-толкователей тщетно пытаются трактовать согласно новым идеологическим канонам... (Что мы наблюдаем сейчас, в годовщину юбилея Максима Горького). Позволю привести здесь его гениальную цитату, словно написанную А. М. Горьким и о нашем времени: *“Буржуазия хочет жить спокойно, ради спокойной жизни она считает себя вправе уничтожить десятки миллионов людей. Она, разумеется, легко может уничтожить несколько десятков тысяч книг, – как все на свете, библиотеки тоже в её руках. История мешает спокойной жизни? Долой историю! Изъять из обращения все труды по истории. Не преподавать её в школах. Объявить изучение прошлого делом социально опасным и даже преступным. Людей, склонных к занятиям историей, признать ненормальными и сослать на необитаемые острова. Главное – покой! Именно об этом заботятся все утешители буржуазии”*.

Приведу также не менее актуальнейшую цитату из В. И. Ленина: *“В обществе, основанном на власти денег, в обществе, где нищенствуют массы трудящихся и тунеядствуют горстки богачей, не может быть “свободы” реальной и действительной. Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в романах и картинах, проституции в виде “дополнения” к “святому” сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза (ибо как мирозерцание анархизм есть вывернутая наизнанку буржуазность). Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания”*.

Писатели, никому не известные писатели выбрали стабильность, выбрали покой... Все же как-то на местах устроены, знают дорогу в региональные кабинеты, худо-бедно ремонтируются здания – и ладно, чего же больше? Они смирились. Им хватит своего полстакана сметаны. А читатель? Да зачем и кому он нужен, читатель-то? Задача современной литературы на русском языке, по задумке либеральной элиты, – сделать всё, чтобы уменьшить количество читателей. Поэты пишут для поэтов, прозаики пишут для прозаиков и жури. Такая вот кастовость. Меньше читают – меньше думают, меньше знают.

Я считаю, что квалификацию писательскую надо постоянно подтверждать... Я за художественные советы. Правильно Вы пишете: надо возобновить кандидатство в члены Союза писателей, необходимы авторитетные комиссии... То, что до сих пор нет никакого закона о творческих союзах, говорит о многом. Кого из ныне живущих писателей сейчас пускают к народу? Да никого практически... Круг современных распиаренных авторов ограничен. Передачи канала “Культура” однообразны и скучны... Василия Белова, Виктора Бокова, Юрия Кузнецова, Вадима Кожина, Игоря Шафаревича власть похоронила задолго до их реальной кончины... С ними не снимались ТВ-передачи, им не давали слова в комментариях важных событий страны... Но авторитет писателя не упал. Помню, на каком-то новостном сайте проплаченный тролль, дискутируя со мной как с поэтом, найдя мою биографию в интернете, удивился, как это я смею быть недовольной властью, раз у меня есть награды, корочки, премии? Даже им, путинским троллям, невдомёк, что сейчас это ничто, пыль... И живу я не писательским трудом, а огородом и фруктовым садом... Помнится, с высоких трибун говорили, что у нас в стране все

должны работать по специальности. А, например, моей специальности и профессии в российском реестре нет. Писатель – это не профессия, хотя в дипломе у меня написано “литературный работник” и все корочки профессиональные есть. Нет в стране “Закона о творческих союзах”. Писатели СССР поддержали ГКЧП и значит, они до сих пор в стране вне закона и их труд никак не регламентируется. Можно быть журналистом, пиарщиком, политологом, учителем литературы, а писателем нельзя. Твоё дело – безгонимая писанина, а хочешь денег – продавайся... Пиши то, что требуется, и будет тебе грант и счастье. Можно ещё детективчики и порнороманы клепать. Нет никакой поддержки писателям, пишущим на русском языке, а ведь, создавая новые литературные образцы на своём языке, писатель даёт будущее своему родному языку... Поэтому так и радуют за своих национальных писателей в Академиях Европы, Америки (правда, там на первом месте сценаристы...) и так активно поддерживают у нас писателей, пишущих на языках нацменьшинств... А русский язык, видимо, – как трава, он сам вырастет и себя сохранит. А откуда берутся тексты для всероссийского диктанта? Из русофобских сочинений Дины Рубиной и Гюзель Яхиной.

Талантам надо помогать, и кто, как не писательская организация, должна это делать... Как сказал однажды на одной презентации Владимир Сорокин: “Мне вас, молодых, жалко, вот моя первая книжка вышла тиражом 100 000 экземпляров, куда уж вам с пятьюстами экземплярами соваться, кто о вас узнает”... И не узнает...

Руководство-то выбирается сейчас под стать её членам. Слабыми легче управлять и манипулировать... Вот их малоизвестный писательский голос действительно слаб и может существовать только при протекторате. Будь послушен, глядишь, и наградят какой-нибудь премией региональной, и книжку сделают к юбилею.

Любой талант, так или иначе, познаётся в сравнении. На фоне произведений Ст. Куняева, А. Сегеня, В. Белова, В. Галактионовой, З. Прилепина, А. Проханова трудно проявить себя. Но изгнав их из своей среды... литераторам легче конкурировать между собой. И никому не обидно...

*А паломников собирайте половником,
Выбирайте, где жидко, где густо.
Генералов и подполковников
Призывайте под знамя искусства.*

Теперь о молодом писателе, который не ждет от страны ни квартир, ни премий, ни писательской зарплаты, а пашет потихоньку системным администратором, менеджером, продавцом и всё равно пишет, потому что ему есть что сказать, потому что время, свидетелем которого он является, требует от него объективной оценки происходящего, свидетельских показаний, если угодно. Единственная его отдушина – интернет, форумы и сайты, где он может пообщаться со своими читателями и выложить на суд общественности новые произведения.

Но сайты и их создатели тоже недалеко ушли от наших печатных изданий. Специализированные литературные сайты, не все, конечно, но многие, создаются только для того, чтобы потешить самолюбие сочинителей среднего возраста, которым не хватило прыткости в своё время стать у руля печатного издания, вот они и создали виртуальные миры. Системы баллов и оценок, низкий художественный уровень массы любительских сочинений, на фоне которых можно выглядеть звездой, возможность учредителей в буквальном смысле слова стереть, удалить неугодного автора. “Чем богаче автор, тем он талантливей”! Достаточно сравнить имена основателей сайта с именами, популярными на сайте, чтобы понять: объективностью здесь и не пахнет, а есть лишь неумеренное тщеславие.

Так и существует сейчас молодой писатель между возможностью всё, что хочешь, написать и невозможностью хоть что-нибудь из этого напечатать. За деньги – пожалуйста, как-нибудь сверстают твой труд на серенькой, из экономии, бумаге. А откуда у писателя 300 000 на приличную книжечку? Максимум, наскребёт 30 000 на 100–300 экземпляров, а это тираж несерьёзный. В союзах – очередь на издания из заслуженных товарищей, которые ждут переиздания к юбилею к 70-ти, к 80-ти годам, а молодому до этого срока ещё тянуть лет 40, не меньше.

Средний возраст членов Союза писателей России – 60 лет! Они, патриархи литературы, везде сейчас пишут о гибели культуры, а не понимают того, что власть только и ждёт, когда через 20 лет все они вымрут как динозавры-долгожители, не подготовившие себе на смену ни новых имён, ни авторитетных книг. Их “союзы-особняки” отреставрируют и превратят в офисы. А, может быть, они хотят себе такой славы, хотят закончить собой свою эпоху неомезозоя?!

Здоровья Вам, Станислав Юрьевич! Вы не побоялись тогда, в семидесятые, выступить на конференции “Классика и мы”, а уж из этого болота и подавно на сушу выберемся... Легче всего в тяжёлые времена спрятаться в показную религиозность, в безобидную лирику, в елейное сладкозвучие... Но право писателя “глаголом жечь сердца людей” у него никто не смеет отнять... Мы выбираем борьбу... “Добро должно быть с кулаками”!

Марина ШАМСУТДИНОВА

9 апреля 2018 года. Крым. Щёлкино.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

КЛЕВЕТА ВСЁ ПОТРЯСАЕТ...

Мартовский номер “Нашего современника” с моими размышлениями о горестных итогах “съезда “победителей” наконец-то дошёл до великой русской провинции, где был внимательно прочитан, осмыслен, и вызвал целый поток писем, телефонных звонков от читателей и писателей, поддержавших мою точку зрения на съезд.

Для меня ценность этой поддержки заключается в том, что она исходит от писателей, имеющих или всероссийское имя (Сергей Михеенков, Диана Кан, Андрей Убогий, Юрий Убогий, Валерий Сдобняков и др.), или, по крайней мере, заслуженно известных в своих краях и областях (Валерий Фокин – Вятка, Александр Филиппов и Виталий Молчанов – Оренбург, Юрий Перминов – Омск, Марина Шамсутдинова – Крым, Василий Струж – Волгоград, Елена Иванова – Ставрополь и др.).

Противная сторона очередной раз мобилизовала одних и тех же дежурных подпевал, возникших из литературного небытия: Подлuzский, Блехман, Ерыпылёв, Хартавакян... Чем они обогатили современную прозу, поэзию, критику – этого не знает никто. Ясно только одно: получив возможность ответить мне в социальных сетях, они на короткое время всплыли, как то самое “вещество”, которое, как говорится, “не тонет в проруби”. Увы, тонет... Но за время пребывания на поверхности хоть сказали бы спасибо главному редактору лучшего литературного журнала России за то, что, мусоля его имя, они пережили свой “звёздный час”. Полемика с ними похожа на дурную пьесу в нескольких действиях под названием “Шила в мешке не утаишь” или “За базар отвечать надо”. А чем больше появляется откликов на наш 15-й съезд, тем больше всё происшедшее на нём похоже на театр абсурда.

Но иначе и быть не может наше время, когда попираются политическими мошенниками мирового масштаба факты и события вершащейся на наших глазах истории, когда рушатся все законы, все обычаи, вся реальная фактура жизни, когда “клевета всё потрясает”... Соблазн воспользоваться такого рода бесчестием слишком велик. И наш съезд писателей – печальное тому подтверждение. Когда английский министр Борис Джонсон, тряся рыжими патлами, с неизменной папкой подмышкой вороватыми шажками семенил между лондонскими офисами, озабоченный, как бы ему пристегнуть “дело Скрипалей” к русофобской британской дипломатии, я невольно захохотал: как на него был похож Дорошенко, с подобной же папкой подмышкой, набитой спецвыпуском газетки “Российский писатель”, которую, он тряся седыми патлами, рассовывал в руки делегатам съезда... А когда Тереза Мэй с лицом пьющей женщины (о чём писала британская пресса) выступала в английском парламенте, то я вспомнил о хмельной пляске Нади Мирошниченко на подиуме нашего съезда.

Атмосфера абсурда и мошенничества на съезде началась с огрызкинской статьи, опубликованной в “Литературной России” (№5, 2018) за неделю до съезда под косноязычным заголовком: “Почему Станислав Куняев и его ближайшее окружение так боятся перемены в Союзе писателей России и готовы

изо всех сил вырвать для себя власть”. **А закончилась эта интрига также огрызкинской статьёй “Крах Станислава Куняева”** (“Литературная Россия” № 7, 2018). Так что главным “идеологом” съезда были не Н. Дорошенко с Г. Ивановым, и не А. Бобров, а В. Огрызко, в чём Коля Дорошенко признавался с восторгом, в своей статейке, которую он совал делегатам в руки и где было написано:

“Литературная Россия”, осведомлённая в деталях подготовки к водружению Переверзина на вершину нашего творческого Союза, сообщает нам”... <...> “Литературная Россия” сообщает вот о чём: “Как говорят, задача поставлена такая: якобы Куняев сразу должен воцариться в президиуме съезда, захватить в свои руки микрофон и на правах старейшины открыть и повести съезд, навязав всем делегатам свою волю”. И т. д., и т. п.

Так что именно В. Огрызко вооружил организаторов съезда “слухами”, за которые они с радостью ухватились:

“Как говорят, — писал клеветник, имея в виду меня, — он сильно разозлился, когда не обнаружил себя в списке делегатов. Раньше его на писательские съезды избирала Калужская писательская организация. А в этот раз калужане, видимо, решили, что есть более достойные люди, способные отстаивать на съезде интересы не двух-трёх престарелых литературных генералов, а всего писательского сообщества. По сути, они отказали главному редактору журнала “Наш современник” в своём доверии” (“Литературная Россия” № 5, 2018).

Но этого мелкому пакостнику показалось мало. В одном из следующих номеров газеты (№ 7, 2018) он, захлёбываясь от злорадства, объявил мне окончательный приговор:

“Один из итогов (! — Ст. К) минувшего съезда Союза писателей России — крах Станислава Куняева”... “В писательском сообществе Куняеву безоговорочно отказали в доверии”. (Ну, здесь заврался мошенник, хотя бы потому, что Шаргунова выбрали в руководство по моему предложению.) Однако интересно другое: как цепко ухватились за огрызковскую версию “недоверия” Куняеву новые (а на самом деле, старые) руководители СП России! С каким нескрываемым торжеством они стали повторять его сплетню о том, что меня мои земляки — калужские писатели — не выбрали делегатом на съезд. В их памяти, видно, крепко засела моя речь на съезде писателей, состоявшемся в 2013 году в Калуге, где я выступил с беспощадным осуждением ивановых и дорошенок, при которых Союз писателей, как никогда, деградировал. Потому-то они ухватились за огрызковскую ложь о том, что Куняева не выбрали его же земляки, а Геннадий Иванов написал мне в якобы “примирительном” послании: **“Уважаемый Станислав Юрьевич! Видимо, надо и письменно объяснить по поводу неизбрания Вас в Калуге делегатом на съезд. А получилось вот что. Вы ни разу не позвонили в Калугу писателям, не приехали на собрание и остались без мандата... Вот Лиханов, у него была квота в Воронеже. Он туда поехал на собрание, выступил, его там избрали делегатом”**.

Поскольку “добрая слава лежит, а худая бежит”, я позвонил в родную Калугу друзьям-писателям, рассказал о потоке лжи, вылившейся на мою седую голову, и вскоре получил из Калуги два письма. Первое — сухое, официальное, но с бюрократической точки зрения абсолютно правдивое — от председателя правления Калужской писательской организации В. Терёхина:

“Уважаемый Станислав Юрьевич!

На Вашу просьбу сообщаем, что вопрос о Вашем выдвижении делегатом на 15 Съезд Союза писателей России от Калужского областного отделения “Союз писателей России” на повестке собрания никогда не стоял, так как Вы не состоите у нас на учёте, а являетесь членом московской организации. Заявления от Вас о желании быть избранным от Калужской области к нам тоже не поступало.

Председатель правления

В. Терёхин”.

Второе письмо было дружеским, утешительным и, что самое главное, оно всё и всех поставило на свои места, — и Огрызку, и Дорошенку, и Иванова. И других подобных им сплетников, масштабом помельче.

“Дорогой Станислав Юрьевич!

Прочитали в “Литературной России”, “Советской России”, на сайте “Российский писатель” наглые измышления господ Огрызко, Дорошенко и примкнувшего к ним Геннадия Иванова о том, что калужские писатели на своём собрании не выбрали Станислава Юрьевича Куняева на XV съезд писателей России. Отказали в доверии, потому что наш земляк, Почётный гражданин Калужской области, якобы давно не бывает в Калуге, не принимает участия в литературной и общественной жизни.

Со всей очевидностью заявляем, что это ложь! Ни на каком писательском собрании вопрос о выборе Станислава Юрьевича делегатом на съезд не ставился. А если бы Вы обратились с такой просьбой, то, не сомневаемся, были бы избраны единодушно.

А то, что Вас не избрали в Москве, так это постыдные интриги нынешнего руководства СП России, за это они несут личную моральную ответственность.

Мы благодарим Вас за многолетнюю плодотворную связь с родным краем, за то, что произведения калужских писателей и совсем молодых авторов регулярно появляются на страницах любимого и лучшего журнала “Наш современник”.

Поздравляя Вас с 85-летним юбилеем, губернатор Калужской области А. Д. Артамонов отметил Вашу активную общественную деятельность, искреннюю любовь к родному краю.

Выражаем Вам, Станислав Юрьевич, всяческую поддержку и неизменное наше уважение.

Калужские писатели, члены СП России Л. Филатова, Ю. Убогий, М. Бондарев, А. Убогий, С. Михеенков, Р. Панфёров, В. Бучарский, Д. Кузнецов, М. Бендрышева. 6.04.2018”.

Ну, как после этого будут смотреть мне в глаза А. Бобров, Г. Иванов, Н. Иванов и прочие “блехманы”? Жалко Г. Иванова, поверившего Огрызке и Дорошенко, которым, хоть плюй в глаза, всё равно Божья роса. Николая Иванова не жалко, он набрал себе команду фальсификаторов, так пусть и отвечает за свой выбор. А тут, как нельзя более кстати, из Воронежа пришло мне письмо от моего школьного калужского товарища Василия Чирикова, литературоведа-пушкиниста.

“Милый Стас, здравствуй!

В Воронеж возвратились участники съезда писателей России, проходившего в молчании людей правящих.

...В нашем городе аж 5 (пять!) писательских организаций; все дудят своё. А где единство? Бог лишь знает!

Ну, да ладно – на 6 (шесть) лет угомонились. До выборов очередных! Будут ждать у моря погоды.

Живу одним: краеведческой Пушкинианой. Об этом посылаю свой опус.

**Всего доброго, одноклассник.
Воронеж. 31.3.18 г.”**

В Воронеже – пять организаций! Вот чем надо заниматься Николаю Иванову со своими подчинёнными, а не слушать сплетни. Если верить словам Г. Иванова из письма ко мне, то Алик Лиханов избирался делегатом от Воронежа... Но интересно, от какой из пяти организаций? Звоню Алику, спрашиваю и слышу в ответ:

– Ни в какой Воронеж, Стасик, я, конечно, не ездил. И ни на каком собрании писателей, чтобы им понравиться и избраться на съезд, не выступал, ни с кем из воронежских писателей не встречался. А в Воронеже я был год назад по делам Детского фонда, заходил к губернатору Гордееву, а ещё несколькими годами раньше открывал там две библиотеки – имени Егора Исаева и Евгения Дубровина, бывшего главного редактора журнала “Крокодил”. Так что меня там знают и делегатом на съезд избрали заочно, без моего присутствия...

Вот так к калужскому вранью Геннадия Иванова прибавилось враньё воронежское. Совсем запутались. Насмотрелись на лондонское враньё и решили, что всё сойдёт с рук.

Ты, Геннадий Викторович, пишешь мне в своём “примирительном” письме, что меня, даже не имеющего делегатского мандата, “никто бы не ограничил высказать своё мнение на съезде”.

Окстись, друг мой, ты что, забыл, как кричал мне в лицо во время моего выступления: “Регламент!” – как вырывал микрофон из моих рук, и это при том, что у меня в кармане был мандат делегата от Московской писательской организации, “подаренный” мне Бояриновым. Ну, зачем ты, крупно солгав про Калугу и Воронеж, опускаешься и до такой мелкой лжи? Ведь все делегаты съезда видели, как ты “не ограничивал” моё выступление на съезде. Вроде ты чиновник опытный (почти 20 лет ходишь в руководителях СПР) и человек не глупый, но как не понимаешь того, что после обнародования всей вышеизложенной в письмах правды приедешь по служебным делам в Калугу или Воронеж, а местные писатели тебе руки не подадут?

* * *

А о главном идеологе Союза писателей и юбилейного 15-го съезда надо поговорить особо. Он того заслуживает. И у “Нашего современника”, продолжающего традиции “Современника” пушкинского, к нему есть особые счёты.

Несколько лет тому назад Огрызко опубликовал на страницах своей газеты поэму о Пушкине под названием “Александр и Александра”. Автором был поэт Игорь Кохановский, известный как песенный текстник и друг Высоцкого. Поэма повествует о якобы существовавшей сексуальной связи Пушкина со старшей сестрой его жены Александриной и о том, что автором “диплома ордена рогоносцев” и грязных писем, которые получил в конце 1836 года поэт и которые стали причиной его дуэли и смерти, был... сам Пушкин. Эта грязная сплетня, корни которой тянутся из XIX века, в наше подлое перестроечное время расцвела пышным цветом под перьями пошляков из “Московского комсомольца”, “Искусства кино”, “Парламентской газеты”. Но всех их переплюнули Огрызко с Кохановским. С развязной рифмованной графоманской пошлостью сообщает “Литературная Россия” нам, что Александрина “знала, что сестра не безупречна перед мужем”, что Пушкин “сочинит и разошлёт семь пасквилей – дипломов мерзких о нём самом, что, в свой черёд, предлог для поединка всеский”, что он сам “посвятил в свой дерзкий план любимую Александрину”. Но “апогеем” бесстыдства является финал “поэмы” о том, что “поэту верность – свой обет – несла в душе Александрина, и лишь спустя 15 лет обет прервал другой мужчина, печаль коснулась брачных уз, когда пикантностью нелестной всплыла невесты, но как-то сгладили конфуз”.

Всё знают Кохановский с Огрызкой, как будто оба согладаясь в замочную скважину подглядывали и за сёстрами Гончаровыми, и за Пушкиным, как будто ночевали в их спальнях. Когда знаменитый своими глубочайшими знаниями жизни Пушкина, своим толкованием пушкинских текстов и своей научной честностью мой однокашник по МГУ Валентин Семёнович Непомнящий с омерзением прочитал кохановско-огрызковскую стряпню, то прислал в редакцию “Нашего современника” негодующее письмо, в котором писал: “В историю с пасквилом, порочащим Наталью Пушкину, вписывают её сестру Александру, предстающую такой же бессовестной тварью, как и сам поэт <...> Пушкин предстаёт, сверх всего, ещё и беспросветно тупым циником <...> Мы имеем дело с явлением эпохи конца человеческой культуры – эпохи, в которую России, родине Пушкина, вступать тошно.

Вот что я могу сказать о современной версии нравственного облика величайшего русского поэта. Верю, что она не оболванит читателей – тех, для кого ещё внятно человеческое и белое отличимо от чёрного. Надеюсь, они поймут: то, в чём стараются убедить творцы версии о Пушкине-подлеце, есть факт биографии самих этих людей...”

Непомнящий прав. Видимо, дьявольский план всех этих “подлецов” заключается в том, чтобы сформировать в читающем обществе убеждение, будто бы Александр Пушкин – “подлец”, Александра Гончарова – “бессовестная тварь”.

Этих огрызков и кохановских, грязно извращающих судьбу и жизнь Пушкина, вполне уместно назвать хлестким словом “извращенцы” и относиться к ним с таким же презрением, с каким Пушкин относился к педерастической парочке – Геккерену и его, по словам Пушкина, “так называемому сыну”, чьи имена до скончания времён будут носить на себе печать позора.

Однако, опубликовав поэму Кохановского, Огрызко не подозревал, что судьба за такую подлость накажет его. Вскоре после этой позорной публикации в Москву из Питера приехал фотохудожник и летописец российской писательской жизни, автор знаменитого “Русского альбома”, действительный член Петровской академии наук и искусств Анатолий Пантелеев. Он приехал из Питера в Москву, чтобы побывать на моём юбилее. Но не только за этим. Возмущённый постоянным шельмованием со стороны Огрызки многих славных писательских имён России — В. Жогинова, Ю. Селезнёва, Н. Рубцова, а теперь и Пушкина, — Пантелеев, прежде чем побывать на моём юбилее, сначала приехал на Цветной бульвар, нашёл дом № 32, строение 3, прошёл по коридору первого этажа до кабинета главного редактора “Литературной России”. Зашёл, молча сел в кресло перед его столом. Огрызко засуетился, заказал чаю, что-то говорил об изданных им книгах, совал Пантелееву эти книги... Пантелеев молча выслушал его подобострастную болтовню, а потом кратко, но весомо изложил Огрызке всё, что он думает о его грязных сочинениях, касающихся многих достойных писателей. Огрызко заверещал, что он должен обо всех сказать правду, какая бы горькая она ни была, но Пантелеев встал, перегнулся через стол и дал ему по толстой физиономии даже не пощёчину, а врезал-таки по-настоящему, по-мужски... Огрызко стал вылезать из-за стола, но Пантелеев остудил его пыл, плеснув остаток чая из кружки на искажённое злобой лицо, повернулся и вышел из кабинета.

Рассказывая об этом мне, Пантелеев выразил мне благодарность, подчеркнув, что такому способу заступничества за честь своих друзей он научился у меня. Да, в молодости я, действительно, не раз именно так рассчитывался с подлецами и клеветниками. Но тогда я подумал, что чёрного кобеля не отмоешь добела, что эта затрещина, полученная, говоря словами Валентина Непомнящего, “подлецом”, — не последняя в его жизни. Так оно и вышло. Судьба справедлива. Дело в том, что совсем недавно коллектив журнала “Москва” отмечал 50-летие публикации романа Михаила Булгакова “Мастер и Маргарита”. Отпраздновав официальную часть торжества в Центральном Доме журналиста, все участники поехали на Арбат, где их ждал традиционный фуршет. Быстрее и раньше всех почему-то напился Огрызко и заявил присутствующим, а некоторые из них пришли с жёнами, о том, что наболело в его несчастной душе:

— Вот болтают обо мне всяческие завистники, что я пидор, а я — настоящий мужчина, что и докажу вам сейчас!

И, к изумлению гостей, он, уподобившись голливудскому продюсеру Вайнштейну, стал хватать рядом сидящих женщин за всякие места, пока один из опомнившихся мужей не подскочил к Огрызке и, одной рукой схватив его за грудки, другой врезал кулачищем по пьяной роже. Огрызко рухнул на пол, но тут же вскочил и с криком:

— Так вы относитесь к гостям! — бросился вниз на первый этаж и, как пробка, вылетев на Арбат в одной рубашке, скрылся то ли в дождевых струях, то ли в хлопьях мокрого снега, словно ограбленный на Невском проспекте Акакий Акакиевич... С тех пор вот уже несколько месяцев он не появляется в журнале “Москва”, где до сих пор пылится его дублёнка... Так что рано или поздно, но судьба поступает со всеми, кто посягает на честь Пушкина, жестоко, но справедливо.

Ну, по-другому и быть не могло: на Арбате, где когда-то бесчинствовали герои “Мастера и Маргариты”, где до сих пор бродит тень Воланда, конечно, с Огрызкой обязательно должно было что-то такое случиться. И случилось.

А что касается его клеветы о том, что меня не избрало на съезд калужане, то суду фактов будет достаточно, чтобы вынести Огрызке обвинительный приговор. Пусть ему присудят общественные работы, пусть ему дадут метлу в руки, пусть он подметает асфальт перед дверью “Нашего современника”...

А, кстати, и московское правительство распорядилось, чтобы помещение “Литературной России” было передано администрации Преображенского рынка.

Так что, возможно, вскоре рядом с нашим журналом не будет “Литературной России”. Скучно мне будет жить на этом свете, господа, после того, как идеолог съезда, мечтавший о “крахе Станислава Куняева”, узнает, что такое настоящий крах. Как говорится, не рой яму другому... Впрочем, Огрызку надо было гораздо раньше, после публикации мерзкой поэмы И. Кохановского убрать с поста главного редактора “Литературной России” через суд с формулировкой “За оскорбление чести и достоинства великого гражданина России Александра Сергеевича Пушкина”.